СОВЕТСКИЙ ВЕК

Валерий Кочик

РАЗВЕДЧИКИ И РЕЗИДЕНТЫ ГРУ

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОТЧИЗНЫ

Валерий Кочик
Разведчики и резиденты ГРУ. За пределами отчизны

Издание второе, дополненное и переработанное

© Кочик В. Я., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

От автора

«Региструпр», «Разведупр», «ГРУ», – для некоторых людей эти слова всё ещё звучит таинственно. Из данных трех основных наименований военной разведки второе и третье замелькали на страницах отечественных газет и журналов довольно давно, начиная с середины 60-х годов прошлого столетия, после того как было названо имя Рихарда Зорге, а затем и руководителей Разведупра – Я. К. Берзина и С. П. Урицкого. А первое из них, как это ни странно, стали упоминать широко лишь в самом конце минувшего века, когда речь зашла о возникновении и первых шагах российской военной разведки в послереволюционной период.

Писали о военной разведке и её сотрудниках разное и по-разному, было немало ошибок и искажений. Рассказывали о них мало, туманно, иногда пафосно, а хотелось бы – просто по-человечески. Разведчики тоже люди. Они появлялись на свет естественным путём – их рожали матери. Они воспитывались в семье, зачастую многодетной, у них были отцы, братья, сёстры, которые иногда становились соратниками. Были детские игры и товарищи по играм, которые, спустя много лет, становились иногда товарищами по партии, но иногда и классовыми врагами. Почти все разведчики, о которых пойдёт речь в этой книге, родились до революции, а, значит, в их семье была вера: православная, католическая, лютеранская, мусульманская, которую будущие герои принимали с детства. Вера в Бога даже у самого пламенного большевика старой закалки могла уживаться в душе с верой в светлое коммунистическое будущее, где всего было в достатке и всё было поровну. Для этого и делали

революцию, твёрдо зная, что счастье близко и построить совершенное общество можно своими руками. Ради этого и рисковали, ехали на опасную работу и шли на немыслимые жертвы. И была личная жизнь – любовь, увлечения, пристрастия. Были жёны и дети, бывали романы на стороне и с жёнами сослуживцев. Это влияло на работу и отношения с коллегами, от которых потом нередко зависела судьба. Их деяния уже стали историей – мировой историей, потому что Советская Россия, при активной помощи военной разведки, сразу после своего образования принялась оказывать влияние на ситуацию в мире и судьбы людей.

Разведчики были людьми. В большинстве случаев людьми неординарными, умными, смелыми, энергичными, нередко талантливыми учёными, техническими специалистами, литераторами и военачальниками. Всех их объединяла особая черта характера – авантюрная жилка, толкающая на поиски приключений. Это и привело выходцев из разных стран на покрытую завесой строгой секретности территорию ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ.

Работа разведчика трудная, иногда нечеловечески тяжелая. Опасности подстерегают его не только с «фронта» в виде контрразведки противника, но и с «тыла» в виде предателей, непрофессионально сработавших коллег, иной раз и со стороны собственного начальства и родных спецслужб. На одних многолетняя тяжелая работа практически не сказывается, у других меняется, и не в лучшую сторону, характер, третьи внезапно седеют, оказавшись, например, с секретными документами в кювете в зарубежной стране, когда по дороге не спеша идут полицейские, кто-то «ломается» и даже сходит с ума и его срочно нужно выводить из страны, кого-то вызволяют из заключения, а кто-то теряется или оказывается забытым в большом мире, умирает на чужбине от болезней и голода, и остается там навсегда. И как это не кажется невероятным, даже тело погибшего разведчика может стать предметом торга и обмена.

Нужно помнить также и о том, что по вполне понятным причинам, приводившиеся конкретные данные о работе отечественных разведывательных служб касались по большей части недостатков и провалов в работе. А достижения и триумфы если и обрисовывались, то как правило, общими словами. То есть, нужно понимать, что многое в работе разведслужб остается неизвестным, что-то из этого останется в тайне навсегда. Исходя из сказанного следует воспринимать и данные о провалах – часто это скудные сведения, которые по большей части поступают с другой стороны. В то же время общая картина, малой толикой которой является такое происшествие, остается закрытой.

В качестве примера можно сказать следующее: в апреле 1927 г. во Франции произошел известный провал в деятельности советской военной разведки. Арестованы были два иностранца «литовец Стефан Гродницкий» и «русский Абрам Бернштейн» (С. Л. Узданский и А. Л. Немировский), их настоящие имена тогда и долгое время потом оставались неизвестными. Разведчиков и нескольких, связанных с ними французов, обвиняли в сборе сведений о некоторых военных объектах Франции. Кое-кто считал и считает, что данный и последующие эпизоды привели к провалу всей деятельности советской разведки во Франции. Но это совсем не так.

Вот лишь один пример: в том же 1927 году по заданию Разведупра в Париже создается особая группа из французских коммунистов. Перед ними поставлена одна единственная задача – получать и копировать документы, чем они и занимаются три года подряд (и даже без выходных, я думаю). После ареста в 1931 г. «Поля-Оноре Мюрея» (П. В. Стучевского) группа временно прекратила свою деятельность и осталась нераскрытой, как и те, кто ее создавал, курировал ее работу и помогал в ее расформировании. Осталось неизвестным и настоящее имя «Мюрея». Руководитель же данной группы Эдмон Моро, которого разыскивали как коммуниста, покинул страну. В ходе последующих провалов военной разведки Советского Союза в этой стране в 1932–1934 гг. никакие существенные источники информации, если судить по данным прессы, не были раскрыты.

И что же дальше. Ветеран военной разведки, доктор исторических наук В.И. Лота (Бойко) писал в статье «Подвиг резидента» об Анри Робинсоне, разведывательная организация которого работала по Франции, Германии и Англии (1935–1942 гг.): «Резидентура, которой руководил Гарри, была в 30–40-х годах прошлого века одной из наиболее эффективных зарубежных организаций Разведуправления Красной Армии. Гарри длительное время успешно занимался военно-технической разведкой, был исключительно удачливым профессионалом высокого класса… Гарри активно сотрудничал с известными учеными, которые передавали ему результаты своих исследований для последующего направления их в Москву. Несмотря на достаточно преклонный возраст, кое-кто из тех товарищей Гарри до сих пор жив и здоров… О Гарри осталась память. Сегодня можно в общих словах сказать, что некоторые его источники, сведения о которых резидент унес в могилу, после окончания Второй мировой войны продолжали бескорыстно сотрудничать с советской военной разведкой. Резидент Гарри продолжал работу и после казни…».

Как видно из приведенных сведений работа не прекращалась и после провалов, хотя представлена только малая часть общей картины деятельности всей советской разведки. Но и недооценивать провалы в работе все же не следует. И разбираться с ними должны профессионалы – «с чувством, с толком, с расстановкой», не следует устраивать по этому поводу истерик и разборок на не вполне компетентном уровне. Да, молодая советская разведка не всегда срабатывала должным образом, но ведь и молодое советское государство далеко не всегда поступало подобающе по отношению к ней (так, например, очень часто нарушался один из основных принципов – «на разведке нельзя экономить», я уже не говорю о необоснованных репрессиях, обрушившихся на военную разведку начиная с 1935 г., хотя отдельные факты такого рода наблюдались и раньше).

Возможны и иллюзии провала. Резидент в Англии С. В. Жбиковский (1925–1927 гг.) получил задание создать в стране еще одну резидентуру. Начальником ее предполагалось назначить старого опытного сотрудника М. Г. Максимова, а помощника для него – Г. В. Хансена – подобрали в военном аппарате КПГ, где он, помимо всего прочего, сотрудничал с РУ Штаба РККА. Однако, внезапно все изменилось. М. Г. Максимов отбыл в Голландию, откуда ему поручили курировать работу советской военной разведки в Англии. Молодого же сотрудника Хансена в июне 1927 г. отправили в эту самую страну резидентом. Спустя 5 месяцев он был арестован английской контрразведкой, когда вышел на связь с агентом У. Макартни, находящимся под их контролем. Похоже, что так все и было задумано со строны Разведупра. Создать иллюзию провала резидентуры, которой на самом деле и не было. Никаких компромитирующих его материалов полиция не нашла, а на суде он «вел себя как стойкий революционер». Георг провел в английской тюрьме семь лет, потом его освободили и с помощью коллег из ИНО НКВД он выехал в СССР[2]. Я. К. Берзин в 1928 г., когда исполнилось 10 лет РККА, назвал С. В. Жбиковского «одним из основных строителей нашей разведки на Западе»[3].

Когда-то в наркомате по иностранным делам из конспиративных соображений стали называть советских разведчиков «соседями» – «ближними» для них были сотрудники ГПУ – НКВД (поскольку НКИД располагался тогда на Кузнецком мосту), а «дальними» – военные разведчики. Друг для друга они были просто «соседями». Такое обозначение прижилось и использовалось много лет в разговорах, переписке, иных документах, а может быть используется и теперь. Менее известно, что в ЦК партии тех из разведчиков обоих ведомств, которые работали за рубежом по легальной линии, называли «линейными людьми».

В этой книге рассказано лишь о некоторых людях из большой армии резидентов и разведчиков, работавших в военной разведке в различные периоды её многолетней истории. При этом использованы малоизвестные отечественные и зарубежные источники, отдельные архивные сведения о них сообщаются впервые. За помощь и содействие в работе над книгой

автор благодарит М. А. Алексеева, А. И. Колпакиди, Е. А. Горбунова, а также сотрудников библиотек РГБ, РГИБ, ВГБИЛ и архивов РГВА и РГАСПИ.

Особая благодарность дочери Л. А. Боровича Светлане Львовне и внуку Д. А. Коркмасова юристу, полковнику А. Э. Коркмсову, предоставившим в мое распоряжение материалы из личных архивов и помощь в работе над очерками «Лев Борович» и «Сильнее власти денег».

Примечания

[1]. Красная звезда. М., 2004. 5 нояб.
[2]. РГАСПИ. Ф.495. Оп.205. Д.10728. Ч.1. Л.54–59, 113, 118.
[3]. Алексеев М.А. и др. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945 гг. М., 2012. С.316.

Часть первая
Московские руководители разведки

Первый начальник мирного времени Арвид Зейбот

Арвид Янович Зейбот (1894–1934)

Создание военной разведки молодого Советского государства началось в 1918 году. Но до 1921 года говорить о серьезной, стратегической военной разведке не приходилось. Ведомство выполняло, в основном, оперативные задачи, его лихорадило от постоянных преобразований, руководители сменялись раньше, чем успевали что-либо сделать. К этому времени практически полностью поменялся и личный состав центрального аппарата.

Только после окончания гражданской войны, 4 апреля 1921 года, было создано Разведывательное управление Штаба РККА (Разведупр), которое стало центральным органом военной разведки. С апреля 1921 года Разведупром руководил Арвид Янович Зейбот, человек, который много сделал для организации эффективной деятельности ведомства. Проблем было много: неопытность, нехватка кадров, недостаток финансирования, параллелизм в работе различных органов военной разведки, голод. Зейбот был всего три года начальником и весной 1924-го ушел из разведки «по собственному желанию», поскольку не чувствовал ни малейшего влечения к этой работе.

Тем не менее, он передал своему преемнику Яну Карловичу Берзину нормально функционирующий аппарат военной разведки. Зейбот не был ни профессиональным разведчиком, ни профессиональным военным, однако обладал другими качествами, позволившими ему успешно выполнить именно эту задачу – организации и становления.

Арвид Янович Зейбот родился 21 августа 1894 года в Риге, в семье рабочего. Рос энергичным, предприимчивым, был вожаком окрестных ребят. Всю жизнь любил петь, хотя совершенно не имел музыкального слуха. Остроумный и начитанный, он учился в школе на «отлично». Новый подъем революционного движения в начале

1910-х годов прошлого века захватил и Арвида, который провел детство в пролетарской, революционной среде. 18 лет от роду, учеником Рижского реального училища он стал в декабре 1912 членом Социал-демократии Латышского края.

Окончив в 1913 году училище, он поступил на механический факультет Рижского политехнического института, но проучился в нем недолго, вскоре уехал в Петербург и поступил на физико-математический факультет университета. Специализировался по профессии математик-статистик. Помимо учебы занимался общим и партийным самообразованием. Чтобы заработать средства на проживание он давал уроки и работал в Статистическом бюро комитета по оказанию помощи беженцам, (родители помогали ему материально только до 1912 года). Но главное его дело – активное участие в революционной работе – не позволило завершить учебу. Из-за угрозы ареста он вынужден был покинуть в 1916 университет, где практически закончил обучение (не сданы были только государственные экзамены), и перейти на нелегальное положение.

После Февральской революции Зейбот вернулся в Ригу, где примкнул к группе меньшевиков-интернационалистов. Вспоминают, что, даже будучи меньшевиком, он нередко занимал большевистскую по сути позицию, а в начале 1918 года окончательно перешел к большевикам. С марта 1917 года он работал в Рижском совете рабочих депутатов, а затем в Видземском совете безземельных, был членом Исполкома латышских стрелков, входил в состав ЦК Союза молодежи Социал-демократии Латвии (СДЛ). Когда немцы оккупировали Латвию, Зейбота, как революционера, отправили в концлагерь – сначала в Даугавгрив, затем в Вентспилс. После заключения Брестского мира его выпустили на свободу, однако, имея все основания опасаться нового ареста, он уехал в Советскую Россию.

Осенью 1918 года, непосредственно перед восстановлением советской власти в Латвии, Арвид Зейбот вернулся на родину с мандатом Российского Бюро ЦК СДЛ. Он снова работает в Совете, в городе Валке, участвует в издании его органа – газеты «Сарканайс карогс», здесь вместе с ним работал будущий советский разведчик-нелегал Ян Биркенфельд (Тропин).

После победы революции и в этом уголке российской империи перед разрушителями старого строя встали задачи создания и управления новым обществом. И Зейбот с лучшей строны проявил себя в этом качестве, в каковом впоследствии был востребован и Разведупром, где его также оценили как превосходного организатора и руководителя. На первом съезде Советов Объединенной Советской Латвии он был избран членом ЦИК, а с начала января 1919 года стал комиссаром статистики советского правительства Латвии.

Статистика, как известно должна знать всё, и новой власти для правильной организации народного хозяйства следовало провести учет промышленности, сельского хозяйства, транспорта, запасов продовольствия, численности населения и прочих важных вещей. Организацией этой работы и занялся Зейбот. В феврале в Латвии произвели перепись населения и учет продовольственных и сельскохозяйственных ресурсов, а вскоре начался учет промышленных ресурсов и изучение бюджета рабочих.

«Он, можно сказать, буквально покорял работников Комиссариата и всех, кто с ним встречался, – пишет о Зейботе работавшая с ним в то время М. Крустыньсон. – И не только своей энергией, знанием дела, веселым характером, но и большой простотой, сердечностью и вниманием к людям, выдержкой и самообладанием в трудную минуту. Суеты и нервозности с его стороны никто не видел. Работать с Зейботом было легко. Признаться ему, что „этого я не знаю“, не было ни страшно, ни стыдно. Он всегда приходил на помощь, терпеливо, просто разъяснял непонятное и этим вселял уверенность в своих силах. Он пользовался очень большим авторитетом»[1]. А было народному комиссару в ту пору всего 24 года.

Недолго продержалось у власти советское правительство в Латвии. 22 мая 1919 года интервенты захватили Ригу. Вместе с отступающими частями ушел в Россию и Арвид Зейбот. В июне он вступил в Красную Армию, был помощником начальника, начальником политотдела 15-й армии (июнь 1919 – январь 1920). Эта армия, которая до мая 1919 называлась Армией Советской Латвии, известна, в частности, и тем, что дала немало людей для военной разведки, в том числе и двух её начальников – Арвида Зейбота и Яна Берзина. Из армии он был направлен на работу в Псков в Загранбюро Компартии Латвии, занимал должности секретаря бюро и заведующего агитационным отделом. Выступал с лекциями и докладами.

27 сентября 1920 года Арвид Зейбот был назначен помощником начальника Регистрационного управления Полевого штаба РВС Республики – так тогда называлась военная разведка. А 15 апреля 1921 года стал начальником Разведупра Штаба РККА (с ноября 1922 преобразованного в Разведотдел Штаба РККА). О том, чем занимался первый послевоенный начальник этого ведомства, видно из его заявления в ЦК РКРП (б) с просьбой о переводе на другую работу, написанном 9 февраля 1924 года.

«Я нахожусь на разведывательной работе в штабе с 1920 года. Сначала, пока надо было насаждать агентуру и чистить тот аппарат, который создавался в прежние годы и носил весьма случайный характер, требовалась чисто организационная работа, с которой плохо ли, хорошо ли, но все-таки можно было справляться. В последние годы обстановка резко изменилась в том отношении, что после насаждения работающей агентуры центр тяжести работы переносится на систематическое военное изучение иностранных вооруженных сил, а для этого необходимы глубокие военные знания и узкая специализация в этом направлении. Не питая никакой склонности к военной работе, я поднимал в течение последних двух лет несколько раз вопрос о моем освобождении от этой работы, но напрасно, так как иногда этому мешала напряженная международная обстановка, иногда говорилось, что ввиду бедности в людях отпускать работников РВС не согласен. Сейчас, с одной стороны, условия изменились, так как появились новые работники, есть заместитель т. Берзин, с другой стороны, настало самое последнее время заменить меня и для пользы дела, и для пользы меня самого: сидя четвертый год на работе, к которой не чувствуешь никакого влечения, начинаешь

терять инициативу, заражаешься косностью, одним словом, видишь, что начинаешь определенно портиться. Поэтому прошу об отозвании меня в распоряжение ЦК РКП и переводе на какую-нибудь хоз. работу»[2].

Из этого четкого и ясного, написанного хорошим русским языком заявления можно сделать вывод, что Зейбот был отличным организатором разведывательного дела, но начал тяготиться работой, когда дело наладилось.

Оценка его деятельности была дана 10 марта 1923 года начальником Штаба РККА П. П. Лебедевым и комиссаром С. С. Даниловым в приказе по Штабу № 151, где говорится о «чрезвычайно быстром развитии разведывательного дела в Красной Армии, охватывающего, в сущности говоря, весь мир, характеризующего современное состояние вооруженных сил иностранных государств, следящего за развитием военного дела за границей, учитывающего новейшие изобретения сухопутной, морской и воздушной военной техники. Многочисленные нити связывают Разведывательный Отдел Штаба РККА со всеми военным политическими и гражданскими государственными учреждениями и войсковыми частями, пользующимися результатами трудов этого Отдела, собирающего отовсюду сведения, книги, журналы, образцы и прочие материалы. Периодическая печать почти всех стран мира проходит через горнило центральной разведывательной машины. Разведывательный Отдел зорко следит за всеми событиями и в этом смысле является оком Красной Армии, обеспечивающим ее от неожиданностей. … По приказанию Главнокомандующего объявляю от его имени, а также от себя глубокую благодарность Начальнику Разведывательного Отдела тов. ЗЕЙБОТУ и всем сотрудникам Разведотдела».

При Арвиде Яновиче работа Управления резко пошла в гору, о чем свидетельствует, в частности, и такой документ: в предисловии к одному из справочников Разведупра отмечается: «Работа по составлению сборника … была задумана и начата еще в конце 1921 г. при наличии сравнительно скудных материалов, позволявших рассчитывать на выполнение лишь самого сжатого и беглого обзора … Однако по мере поступления новых, значительно более обширных материалов, явилась возможность расширить рамки труда и приступить к систематическому рассмотрению воздушного флота каждой отдельной страны, а равно и её авиапромышленности и гражданской авиации (последние две области – с военной точки зрения) … Работа … была закончена лишь в мае 1923 г., причем в продолжении всего периода работы непрерывно продолжали поступать новые материалы… Благодаря использованию богатой авиационной литературы и печати, изданной сейчас в Западной Европе и САСШ, и собственных материалов, нам удалось по большинству стран дать в значительной степени полное и почти всестороннее (за исключением тактики) освещение состояния воздушного флота»[3].

К этому можно добавить, что в этот период в главных европейских государствах и странах Востока появляются первые резиденты военной разведки. Одним из центров разведывательной деятельности в Европе стала Австрия. Резидентами в этой стране (под легальным прикрытием) были Ю. Я. Красный, В. Инков (Ф. Вольф), М. А. Логановский. В альпийской республике в начале 20-х годов работали также: Я. Г. Локкер, А. О. Глезнер, С. А. Губер, Б. К. Ильк, М. Ю. Тылтынь, Э. Ф. Мадарас, Б. Ф. Лаго, С. Л. Узданский и другие.

Несколько резидентур Разведотдела, нацеленных, в основном, на борьбу с белой эмиграцией, было создано в Болгарии. Сильная нелегальная организация действовала с 1921-го в Софии под руководством Христо Боева. Легальным прикрытием для резидентур военной и внешней разведки была миссия Советского Красного Креста (военный резидент Борис Николаевич Иванов, работавший под фамилией Краснославский, Шапошников). По Болгарии и Румынии работала варненская резидентура Стояна Джорова и Койчо Касапова. Особняком стоит группа Григора Чочева, созданная в Варне в 1919-м по распоряжению ЦК БКП. Её обширные возможности использовали и болгарские коммунисты и Коминтерн, а также обе

советские разведслужбы. Сотрудником военной разведки в составе группы Чочева был, например, Жечо Гюмюшев («Шварц»). Свою группу возглавлял в Болгарии И.Д. Анисимов.

Задания советской военной разведки на Балканах выполнял А.Д. Андреев (Илиеш).

Объединенная резидентура Разведупра Штаба РККА и ИНО (Иностранного отдела) ВЧК формируется в 1921-м в Германии, которая также становится центром работы разведок в Европе. Во главе её стояли А. К. Сташевский и Б. Б. Бортновский – опытные уже разведчики, отличившиеся в период гражданской войны на Западном фронте. В стране работали: С. Г. Фирин, В. Г. Кривицкий, А. Я. Песс, В. Р. Розе, Ф. Фишер, Б. Ф. Лаго, Я. М. Фишман, Э. Г. Тененбаум. В 1922-м начинается многолетнее тайное военное сотрудничество Германии и СССР, основное участие в котором принимали как раз легальные представители СССР в Берлине. Советская военная разведка активно участвовала в подготовке ряда революционных событий в этой и других странах Европы (1923–1924 гг.).

Первые резидентуры, которые охватывали ряд городов Северной и Южной Италии, были организованы Я. М. Фишманом, Я. Я. Страуяном. Среди многочисленной агентуры, приобретенной ими как среди русских эмигрантов, так и среди итальянцев, были Н. Н. Зедделер (Герберт), работавший впоследствии в Китае; А. Сильва, позднее нелегал в Австрии и Румынии; Р. Л. Бартини, ставший крупным советским авиаконструктором; Б. М. Иофан, вследствии известный советский архитектор, построивший «Дом на набережной», а также Э. А. Амброджи.

В Китае, по договоренности с правительством Сунь Ятсена, с 1922 года работают десятки советских военных советников, которые оказывают помощь на фронтах гражданской войны и в подготовке кадров военных специалистов. Их оформлением и отправкой занимался Разведотдел Штаба РККА. Среди них были и военные разведчики, некоторые из военных советников пришли на службу в военную разведку уже после китайской командировки. Там действовали: Б. Н. Мельников, Д. Д. Киселев, А. И. Геккер, В. А. Белли, З. В. Мосина, И. Г. Герман, Я. Г. Минский, М. А. Бабичев, М. Р. Аронштам и многие другие. В длительной командировке в Японии побывал востоковед старой школы О. В. Плетнер (1918–1922), на территории оккупированного Японией Северного Сахалина резидентом был В. С. Ощепков (1922–1924).

Немало советских разведчиков работало в пограничной с Советской Россией Персии в период Гилянской революции (май 1920 – сентябрь 1921) и в последующие периоды, как, например, К. А. Батманов, Г. Т. Магерамов, Р. П. Абих, В. П. Рогачев, М. Р. Тагиев, А. П. Аппен, П. А. Вейнер, Х. М. Мугуев, М. С. Свечников, И. Р. Туманов и др.; а также и в Афганистане: Б. Н. Иванов, А. Х. Баратов, Б. П. Постников, Э. М. Рикс, Б. И. Тутолмин, А. С. Шипек и др.

Среди основных объектов деятельности военной разведки в этот период важнейшими были ближайшие западные соседи Советской России, в том числе и Латвия. На нелегальной работе там, в начале 20-х годов были братья Эрнст и Вильгельм Янберги (впоследствии известны как Э. К. Перкон и А. П. Лозовский). Многие годы (1920–1928) проработал в Латвии Я. К. Шиман. Одним из руководителей военной разведки в этой стране был помощник начальника, затем начальник Регистрационного отдела Петроградского военного округа Р. М. Кирхенштейн.

Польша стояла тогда на первом месте в списке государств, которым военная разведка уделяла внимание еще во время гражданской войны. Там работали Р. К. Китаин (1919–1922), З. Линк (1920–1924), И. С. Порецкий (1921–1923), Е. В. Горвиц-Самойлова (1922–1924), В. С. Марищук (1922–1924), Г. К. Богуславский (1923–1927), П. А. Атлас (1923–1925) и др. Среди других успешно действовала в начале 20-х годов нелегальная резидентура в Кракове, созданная С. А. Залесской. Её люди были и в польской политической полиции (дефензиве). Многочисленная разведгруппа «ДАР», сформированная в основном из русских эмигрантов,

действовала в 1920–1924 гг. в Гданьске (в то время – «Вольный город Данциг»). Руководили её работой гданьские коммунисты А. Раубе и Б. Гинце, а также бывший белогвардейский капитан И. И. Беланин. В вооруженных силах Польши действовал польский коммунист Б. Я. Овсянко (Овсиенко). Руководили военной разведкой в Польше в основном легальные сотрудники Разведупра – Разведотдела штаба РККА С. Л. Узданский, М. А. Логановский, М. А. Карский.

Разведкой на территории Румынии, как уже упоминалось, занимались резиденты военной разведки и члены революционного комитета «Добруджа» С. Джоров и К. Касапов. Их штаб-квартира находилась в болгарском городе Варна, поскольку они входили также в состав партийно-разведывательной группы Г. Чочева. В самой стране работали М. Я. Красовский, И. К. Парфелюк, С. Ф. Гаврилюк и др.

Нелегальным резидентом Региструпра Полевого штаба – Разведупра Штаба РККА с 1919 года был Н. Трайчев (Давыд Давыдов), который занимался революционной деятельностью в Константинополе еще с 1908-го. Помогали резиденту присланные Центром болгарские коммунисты Х. Катев и А. Деведжиев. В этот период в Турции работали также разведчики Е.К. Феррари, В.Ф. Воля, И.В. Саблин, М. М. Погорелов, А. И. Готовцев, В. Я. Аболтин, Ф. П. Гайдаров, А.А. Арутюнов, И.Д. Анисимов. Военным атташе и резидентом в 1921–1923-м был К. К. Звонарев.

Резидентом в Хельсинки был военный атташе А. А. Бобрищев, а его помощником – А. Лиллемяги (А. Я. Песс). Одну из разведгрупп резидентуры возглавлял служащий типографии, член Социал-демократической рабочей партии Р. Дроккило. Более года (1921–1922) проработал в Финляндии Р. Д. Венникас (И. И. Бергман), который затем занимался этой страной в качестве начальника Разведотдела штаба Петроградского военного округа. В стране почти год проработали Р. Э. Ахола (1919–1920) и Я. К. Ашневиц (1921–1922). Разведкой в соседней с Финляндией Эстонии занимались А. Я. Песс и А. К. Рандмер.

Деятельностью военной разведки во Франции в 1921–1924 годах руководили Б. Н. Иванов, С. П. Урицкий, Я.-А. М. Тылтынь, которым удалось создать обширную агентурную сеть, поставлявшую информацию о военной промышленности и армии, и о белой эмиграции. Им помогали М. В. Скоковская, Г. О. Зозовский, Е. К. Феррари, М. Ю. Тылтынь, а также М. М. Лещинский, Н. Г. Левинсон, П. М. Арман, А. Стон (Моисеев), В. Г. Ромм, Н. Я. Яблин и другие.

В Чехословакии работали по легальной линии А. Г. Ганзен, М. Ю. Тылтынь, а также разведчики нелегалы В. А. Горвиц-Самойлов, Ш. Б. Горышник. Более 3-х лет в зарубежной командировке находился Л. А. Анулов.

И это лишь малая часть штатных сотрудников и агентуры зарубежных подразделений советской военной разведки того времени.

В этот период налаживается более четкая координация действий между различными разведорганами. Устраняется параллелизм в работе между ними, разграничиваются зоны их деятельности.

Так, например, летом 1921 г. врид начальника РУ штаба РККА А.Я.Зейбот и начальник 2-го отдела РУ Я.К.Берзин распорядились «во избежании параллелизма в агентработе и в целях большей экономии в силах и средствах» перевести «агентуру регистбюро «А» и регистбюро Фин» в полное распоряжение РУ Петроградского военного округа и обозначили «разграничительные линии района разведываемого Разведупром П.В.О.» в Финляндии, Эстонии и Латвии. А агентуру этого РУ в Норвегии, Швеции, а также Эстонии и Финляндии западнее указанных линий приказали передать Агентурному отделу центрального аппарата. Через месяц разведке ПВО разрешили «иметь для информации своих резидентов по одному в г.г. Ревель и Гельсингфорс»[4].

А в марте следующего года за наведение порядка в этом вопросе взялись на Дальнем

Востоке, где тогда ещё существовал Восточный фронт Народно-революционной армии Дальневосточной Республики. Начальник РУ штаба помощника Главкома по Сибири С.Г.Вележев приказал: «В целях избежания наблюдающегося до настоящего времени параллелизма в работе разведорганов изучающих Дальний Восток (Разведупрсиба, Разведупра НРА, Разведотарма 5), а также большей специализации каждого разведоргана по отдельным государствам, полного и всестороннего, при ограниченном наличии работников, использования всех поступающих по иностранным государствам материалов – необходимо провести строгое распределение работы между указанными разведорганами»[5].

Изучение Монголии было возложено на РО штаба 5-й армии, Китая – на Разведупр НРА ДВР, Японии и Америки – на ведомство Вележева. Изучением внутренних фронтов должен был заниматься «каждый соответствующий разведорган», а Приморьем – РУ НРА. Подобное распределение обязанностей было весьма важным событием, если учесть, что некоторые приграничные армии (в том числе 5-я) стремились ранее вести разведку не только на сопредельных территориях, но и в дальнем зарубежье.

К середине 1920-х годов приграничные военные округа (и приравненные к ним армии) проводили разведку в следующих сопредельных странах (на глубину своей ответственности и выделенной им зоны): Петроградский – Ленинградский ВО: Финляндия, Эстония, Латвия; Западный фронт – Западный военный округ: Польша, Литва; Отдельная Кавказская армия – Кавказская Краснознаменная армия: Турция, Персия; Туркестанский фронт – Среднеазиатский ВО: частично Персия, Индия, Афганистан, прилегающие к Туркестанскому фронту северо-западные районы Китая; 5-я армия – Сибирский ВО: Китай, Монголия; ОДВА: Япония и Маньчжурия.

В первые годы после окончания Гражданской войны и интервенции военной разведке приходилось решать и некоторые контрразведывательные задачи. Имеется ввиду борьба с зарубежными белогвардейскими организациями и с бандитизмом на своей территории («внутренний фронт»). В 1921–1922 гг. она проделала большую работу по своевременному раскрытию готовившихся на территории сопредельных государств выступлений белогвардейцев против СССР. Отдельным резидентурам вплоть до 1926 г. одновременно с разведывательными ставились и контрразведывательные задачи – выявление агентуры белогвардейцев на территории СССР, разложение белогвардейских отрядов, подрыв авторитета белогвардейских руководителей. По мере укрепления позиций Советской Республики задачи по борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией все в большей мере возлагаются на ВЧК, а затем и на ОГПУ.

В качестве примера можно привести фрагмент доклада об организации и распределении работ в 3-м (информационно-статистическом) отделении Разведотдела 5-й армии Восточного фронта (27.12.1921): «…3) Внутренний фронт: в круг обязанностей заведующего этим сектором входит: а) составление ежедневных сводок по Внутреннему фронту, б) ведение журнала непроверенных сведений и книги заданий, в) в связи с этим составление заданий по указанию Начальника 3-го Отделения, г) систематическое нанесение на карту движения банд и д) всестороннее изучение бандитизма и составление двухнедельных обзоров по Внутреннему фронту. Материалами для оставления сводок и обзоров служат разведсводки частей 5 армии, агентурные, документальные, опросы пленных, перебежчиков и проч., а также сведения имеющиеся в Оперупрарме 5…»[6].

Дополняет этот материал цитата из рапорта начальника РО штаба 5-й армии И.Н.Репина от 17.01.1922 г.: «…Отмечается, что на внутреннем фронте агентурная разведка, хотя не редко с большими запозданиями, давала больше материала, чем войсковая. Работа же команд юных разведчиков принимавших активное участие на внутреннем фронте заключалась в ведении дальнего и ближнего разведпоиска, проверке сведений добытых агентурой, опросе местных жителей, захвате документов и т. п. Принимая во внимание, что

группировки бандитов происходят обычно в районах, где им в той или иной мере симпатизирует население, ведение войсковой разведки, как это предусматривают наши наставления и уставы в известной мере затруднительно и не всегда достигает своей цели – в видах более успешной борьбы с бандитизмом вызывается необходимость особой интенсивной агентурной разведки…»[7].

Изучением ситуации на внутреннем фронте в центральном аппарате военной разведки в 1921–1922 гг. занимался Ян Петрович Дзенит. Ранее он возглавлял разведывательное отделение (войсковая разведка) Оперативного управления штаба Западного фронта. Сектором внутреннего фронта Информационно-статистического отдела Разведупра он заведовал наряду с учебой в Военной академии РККА.

Примером работы по предотвращению военных акций белогвардейских организаций против СССР могут служить документы РУ штаба Петроградского ВО:

Сов. Секретно
Агентурная сводка № 46
Агентурного Отдела Разведупра Штаба ПВО
контрразведывательного характера
к 28 февраля 1922 года.
Финляндия

По агентурным сведениям от 22/II – 22, в Гельсингфорсе находится главная организация русских контр-революционеров. Подведомственные организации находятся в Выборге и Териокки. Териоккская организация носит название – Комитет БОЙСМАНА – и руководителем таковой состоит русский генерал БОЙСМАН. Функции Комитета следующие: оказывать помощь русским контр-революционерам, желающим перебраться из Советской России в Финляндию, добывание разного рода документов и организация шпионажа в Советской России. Главными деятелями этого Комитета в пограничной полосе являются: указанный уже генерал БОЙСМАН, землевладелец ГОЛИКОВ в Уусикирко, ротмистр БАНКОВ и СОКОЛОВ в Териокки. БАНКОВ ведает допросом прибывающих из Советской России через Келломякский карантин граждан с целью получения необходимых сведений. СОКОЛОВ ведает шпионажем и лично переходит границу: летом на моторной лодке, зимой по льду.

БАНКОВ и СОКОЛОВ имеют тесную связь с представителями Англии и Франции в Финляндии, получая от таковых постоянное жалование. Средства на ведение шпионажа получаются от представителей Англии и Франции, а также от Центральной организации русских контр-революционеров из Парижа.

Пом. Начразведупра Штаба ПВО [И.П.] Кудраш
Начоперода [Г.А.] Гофберг

10.03.1922 г. тот же Кудраш направил члену РВС округа А.М.Лиде «копию письма С.Павловского (начальника контр-разведки Савинковской организации) на имя начальника Штаба Информационного Бюро Н.С.З.Р. и С.». Этот материал, по мнению РУ, «заслуживает полного доверия»[8].

В Разведупре наряду с собственным и зарубежным опытом работы в период руководства Зейбота изучался и использовался опыт российских предшественников. Вот некоторые факты.

Управление издало для внутреннего использования книгу бывшего генерал-майора П. Ф. Рябикова «Разведывательная служба в мирное и военное время» (М., 1922–1923; Впервые опубликована в Томске в 1919 г.). Кстати его книгу переиздала в те годы для себя и чехословацкая военная разведка, ровесница советской.

Бывший штабс-капитан В. М. Цейтлин занимался для Курсов разведки разработкой основного предмета «Агентурная (тайная) разведка», читал на Курсах лекции. В 1922–1924 гг. там же преподавал бывший генерал-майор Н. П. Сапожников, как и на Военно-академических курсах и в Военной академии РККА. Прочитанный им на разведкурсах материал «Задачи разведки» был размножен для слушателей в 1925 г. Позднее (вместе с бывшим штабс-капитаном А. И. Гречаником) он выпустил учебное пособие «Разведывательная служба штаба корпуса, дивизии и полка в боевой обстановке» (М., 1928).

Военная академия РККА напечатала у себя книгу другого генерал-майора П. П. Сытина «Разведывательная служба» (М., 1924), где он касался не только работы собственно разведки (в основном), но и контрразведки. Он писал: «Главная цель разведки мирного времени заключается в стремлении изучить свойства будущего противника и проникнуть в его план войны, определить предел напряжения его военной мощи и выяснить способность его к продолжительной борьбе. Многие из указанных сведений сохраняются в глубокой тайне, а потому могут быть добыты только путем посылки смелых, смекалистых, грамотных и толковых людей, специально подготовленных агентов», получены «только ловкостью, хитростью, путем обмана, подкупа, иначе говоря путем нелегальным, путем тайных агентов или шпионов… Для правильной и систематической работы разведывательной службы в центральном Штабе РККА должен быть организован особый орган разведки, который занимается а) всесторонним и широким изучением иностранных государств и их вооруженных сил и б) устанавливает правильную постановку дела разведки в нашем государстве. Главным таким органом у нас в Штабе РККА является Разведывательное Управление». Ранее, в 1920–1922 гг. Павел Павлович был советским военным атташе в Грузии и состоял в прикомандировании к РУ штаба РККА.

Полковник российской армии А. В. Косматов с февраля 1922 г. состоял в распоряжении начальника Региструпра ПШ РВСР. Служил военным представителем в дипломатической миссии РСФСР при правительстве Латвии (март – май 1921), начальником отдела войсковой разведки РУ штаба РККА (май 1921 – март 1922), затем в прикомандировании к Разведупру и в его резерве (март 1922 – февраль 1923). Одновременно в 1921–1923 гг. был начальником Курсов подготовки начсостава того же Управления.

В аппарате военной разведки, в том числе и зарубежном, служили также: штабс-капитан Ф. Е. Ильяшенко, подполковник А. К. Коленковский, полковники М. С. Свечников и И. А. Троицкий, генерал-майор М. В. Фастыковский.

Разведупр издал «для служебного использования» исторический труд своего ответственного сотрудника К. К. Звонарева «Агентурная разведка» (М., 1929–1931), первый том которого назывался «Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг.».

Ссылки на дореволюционные труды по разведке и добытые российской разведкой материалы встречаются в советских военных публикациях на данную тему, а также в изданиях первых лет Информационно-статистического отдела (части) РУ штаба РККА.

Обложка книги К. К. Звонарева «Агентурная разведка».

Нужно отметить еще одну особенность в деятельности советской разведки в те годы. Не редко партийные руководители требовали от разведчиков-нелегалов участия в коммунистической работе, а для этого они должны были состоять членами местных компартий, в тех странах где им предстояло действовать. Когда же они возвращались в Москву не исполнив этого задания, то им и их начальникам приходилось оправдываться, что неисполнение связано со спецификой разведработы. Впоследствии партия исправила эту свою ошибку, запретив такие контакты и использование в разведке за рубежом действующих членов местных компартий. Как известно этот запрет соблюдался не всегда.

*** * ***

ЦК партии удовлетворил просьбу Зейбота.

В июне 1924 года он был уволен из армии в бессрочный отпуск и назначен консулом, а затем генеральным консулом в Харбин, куда отправился под именем Ивана Петровича Грандта.

На этом посту, где он совмещал дипломатическую и разведывательную работу, Арвид Янович пробыл до 1926 года. Вернувшись домой, он последовательно работал в наркомате путей сообщения, наркомате рабоче-крестьянской инспекции и Совнаркоме. С 1928 года – помощник зампреда Совнаркома СССР Яна Рудзутака.

Умер Арвид Янович Зейбот 9 ноября 1934 года и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. На похоронах присутствовали Я. Э. Рудзутак, Я. К. Берзин, А. М. Никонов, Д. Бейка и другие. Прощальное слово от РККА произнес заместитель начальника Разведупра А. М. Никонов.

Примечания

[1] Крустыньсон М. Арвид Зейбот // Коммунист Советской Латвии. Рига, 1970. № 2. С. 79–80.

[2] РГАСПИ. Ф.17. Оп.100. Д.17974.

[3] Вологодцев Л. К. и др. Воздушный флот иностранных государств. М., 1923. Ч.1: Европейские страны. По данным 1922— 23 г. С. VII–VIII.

[4] Приказы по фронтовым и окружным Разведупрам 1921 г.: № 17 от 23.06. и № 18 от 20.07.

[5] РГВА. Ф.185. Оп.3. Д.1108. Л.17.

[6] Там же. Л.1об.

[7] Там же. Д.1162. Л.42.

[8] РГВА. Ф.25888. Оп.1. Д.103. Л.45, 55.

Ян Берзин: по прозвищу «Старик»

Зейбот был организатором, заложившим основы разведывательного дела, а вывел военную разведку на мировой уровень человек, с которым он четыре года проработал бок о бок и которого рекомендовал на свое место. Именно при Яне Карловиче Берзине создается блестяще показавшая себя разведсеть, в составе которой действовали те, кого позже назовут «великими нелегалами»: Рихард Зорге, Лев Маневич, Анри Робинсон (Арнольд Шнеэ), Артур Адамс, Ян Черняк, Шандор Радо и другие. Она выдержала проверку на прочность при последующей чехарде начальников, после увольнений, арестов и расстрела немалого числа её сотрудников в 1937–1940 годах. Продолжала действовать в предвоенный период и во время войны.

Ян Карлович Берзин (1889–1938)

Ян Берзин руководил Разведупром с 1924 по 1935 год и вернулся туда в 1937 году – очень ненадолго…

Петер Янович Кюзис родился 25 ноября 1889 года на хуторе Клигене Яунпилсской волости Курляндской губернии, в семье батрака. Зимой он учился в начальной школе, летом работал пастухом. Решив учиться дальше, мальчик поступил в 1902 году в учительскую семинарию в городе Гольдингене Курляндской губернии. Позднее он вспоминал: «Это была миниатюрная тюрьма для малолетних, созданная по образу и подобию военной казармы. Муштра, побои, лицемерие, ложь. Годы, проведенные в семинарии, стали для меня школой ненависти»[1]. Осенью 1904 года в семинарии вспыхнул «бунт». Учащиеся объявили «забастовку», отказавшись посещать занятия и требуя убрать некоторых особо не нравившихся им преподавателей. «Бунт» был подавлен. А в ноябре 1905 года семинарию закрыли в связи с революционными событиями и учащихся распустили по домам. Заехав по пути в Ригу к брату и получив от него, «кое-какую литературу», Петер приехал в деревню к родителям. Там тоже было неспокойно. Низложив старые волостные правления, крестьяне избирали свои органы самоуправления – распорядительные комитеты. Был создан и социал-демократический кружок «Скригулис» (Цеп), в который незамедлительно вступил и Петер. Вскоре он стал и членом партии большевиков.

Предоставленный самому себе, подросток с головой ушел в революцию. Стал милиционером, участвовал в стычках с казаками. А когда весной 1906 года партия перешла к партизанской войне, Кюзис вступил в отряд «лесных братьев», действовавший в Мадленском районе. Прикрывая отход товарищей, он был ранен, и попал в руки стражников. Потерявшие в бою нескольких человек стражники хотели на месте расстрелять пленного, но его спас подоспевший отряд казаков. Петер предстал перед военно-полевым судом, но из-за малолетства и «в целях раскрытия всей организации» казнь не состоялась, и его направили в Венден для продолжения расследования. Новый процесс состоялся в июле 1907 года в Ревеле. Военный суд города приговорил Петера Кюзиса к смертной казни, но через две недели, которые он провел в камере смертников, ему объявили, что, ввиду несовершеннолетия заключенного смертная казнь заменена восемью годами каторжной тюрьмы. По той же причине в тюрьме он провел лишь два года. Работал в тюремной аптеке, научился разбираться в лекарствах, что потом немало пригодилось в жизни.

Может быть, другого человека суровые испытания заставили бы изменить взгляды на жизнь, но с Петером этого не произошло. Более того, общение в заключении с профессиональными революционерами только укрепило его веру. Выйдя осенью 1909 году из тюрьмы, он тут же включается в нелегальную партийную работу. Под несколькими псевдонимами, среди которых и «Павел Иванович», он занимается агитационно-пропагандистской работой в Риге. В августе 1911 году – новый арест, ссылка на поселение в Иркутскую губернию, откуда весной 1914 году он бежал, использовав чужие документы на имя Яна Карловича Берзина. С тех пор за Петером Кюзисом закрепилось это имя, хотя иногда его называли и Павлом Ивановичем Берзиным.

Во время войны, в 1915 году, Ян призван в армию и вел партийную работу на Северо-Западном фронте. Спасаясь от преследования, он в 1916 году перебирается в Петроград, и устраивается на завод слесарем, продолжает революционную работу. В Октябрьские дни вместе с латышскими красными стрелками участвовал во взятии Зимнего дворца, входил в состав партийных комитетов Выборгского района и всего Петрограда. После Октября работал в ВЧК у Ф. Э. Дзержинского, участвовал в подавлении выступления эсеров в Москве, в разгроме мятежа в Ярославле. Затем работал в наркомате внутренних дел секретарем местного отдела управления делами, членом редколлегии «Вестника НКВД РСФСР».

В марте 1919 году он вернулся в ставшую советской Латвию на пост товарища наркома внутренних дел. Но здесь ему пришлось поработать лишь два месяца. Уже в мае Ригу захватили интервенты. А в июле начинается служба Берзина в Красной Армии.

Генерал-лейтенант А.И.Черепанов, немногим более месяца в июне-июле 1922 г.

проработавший заведующим сектором 3-го отдела Разведупра (в перерыве между занятиями в Военной академии РККА), вспоминая гражданскую войну, писал: «После установления буржуазной диктатуры в Латвии вместе с нашим 13-м Латышским стрелковым полком отходил рабочий Латвийский отряд, в составе которого был Ян Карлович Берзин (Кюзис Петерис). С ним я уже встречался перед началом нашего наступления… Отходили мы с тяжелыми боями, находясь в полуокружении. Мне приходилось в те трудные дни видеть Павла Ивановича, как его чаще всего называли, в разных ролях: и как командира, и как политработника, и как рядового бойца, и в каждом случае он действовал уверенно, убежденно и беззаветно храбро. Человек из когорты бесстрашных революционеров, Я. К. Берзин в конце июня 1919 г. был назначен начальником политотдела 11-й Петроградской стрелковой дивизии. Вскоре в бою за город Остров полк, которым я командовал (он стал теперь 97-м стрелковым), был подчинен 11-й стрелковой дивизии. Ян Карлович уже в качестве начальника политотдела прибыл к нам и участвовал во встречном бою с наступающими частями генерала Юденича. Своей решимостью и отвагой он вносил в сердца бойцов уверенность в победе»[2].

Затем Берзина переводят на должность начальника Особого отдела ЧК Армии Советской Латвии, которая стала позднее 15-й армией (август 1919 – ноябрь 1920). С этой армией он участвовал в боях на петроградском направлении, а с весны 1920 в составе Западного фронта, которым командовал М. Н. Тухачевский, дошел почти до Варшавы. При отступлении Красной Армии выполнял задание Дзержинского по эвакуации войск из Белостока. Незадолго до расформирования 15-й армии «Железный Феликс» рекомендует его на работу в Региструпр Полевого штаба РВС Республики (потом Разведупр, Разведотдел штаба РККА и вновь Разведупр).

В течение года он возглавляет ключевой – агентурный отдел управления, который назывался тогда оперативным, а в декабре 1921 года становится заместителем начальника советской военной разведки. В этот период, как уже говорилось, начинается становление военной разведки, на работу в центральный аппарат приходят люди имеющие опыт разведывательной работы в период гражданской войны, постепенно стабилизируется личный состав. В отличие от А. Я. Зейбота, новая работа Берзину нравится, и он с энтузиазмом берется за дело. Уже в начале 20-х годов он и сам побывал нелегально за рубежом – в Германии, Чехословакии, Польше, Англии (впоследствии неоднократно выезжал и в эти и другие страны).

1 марта 1924 года, когда Зейбот получил, наконец, долгожданную отставку, его заместитель Ян Берзин становится начальником Разведотдела, преобразованного в апреле в Управление. Свое настоящее имя он, наверное, и сам забыл. По документам он теперь уже навсегда числился Яном Карловичем, называли его и партийной кличкой – Павел Иванович. Для более близких людей он был «Стариком» – так прозвали его за раннюю седину, которая появилась после того, как он мальчишкой попал в руки казаков и просидел две недели в камере смертников. Что интересно – в московской телефонной книге он числился и как П. И. и как Я. К. Берзин при одном и том же адресе и телефоне.

Что можно сказать о работе начальника военной разведки? Период, когда он руководил Разведупром, называют «эпохой великих нелегалов». Но и по легальной линии в 1920 – 1930-е годы действовали выдающиеся разведчики. Имена многих из этих людей стали известны к настоящему времени, но кто-то, возможно, останется неизвестным навсегда. Не только из соображений конспирации. Некоторые документы (особенно в конце 1910 – начале 1920-х годов) отсутствовали изначально, другие, по разным причинам, не сохранились, в том числе и в результате массовых репрессий конца 1930 – начала 1940-х годов.

Некоторое представление о ситуации в военной разведке весной 1924 г. дает доклад «О положении дел и работе Оперативного, Разведывательного и Военно-топографического управлений Штаба РККА за 1923 г., а также краткие практические предложения, которые

было бы желательно провести на 13-м съезде РКП(б)». Этот документ был представлен 19 апреля 1924 г. заместителю Председателя РВС СССР и начальнику штаба РККА М.В.Фрунзе («Срочно. Сов. секретно. Лично»). Автор доклада – Б.М.Шапошников, помощник Фрунзе в штабе РККА.

«[…]

Разведка.

Разведывательный Отдел Штаба РККА

Положение дел и работы Разведупра определяется размером отпускаемых Управлению кредитов и качеством работников в центре и на местах.

Ограниченные средства лишают возможности развернуть зарубежные органы в достаточной степени и в достаточном числе стран сообщая работе непланомерный, ударный характер с приёмом сосредоточения всех средств и внимания в каждый данный момент на наиболее интересующей области за счёт других, где работа таким образом суживается.

С другой стороны стесняет издательскую деятельность Управления недостаток типографских средств.

Личный состав работников требует помимо специфических качеств, наличия военного образования, кругозора и знания языков.

Трудность подбора партийных работников такой квалификации определяет размеры продуктивности работы Управления в центре и на местах.

Изучаемые Управлением государства в отношении уделяемого им внимания можно разделить на четыре группы:

I – западные пограничные государства (Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва);

II – великие европейские державы (Франция, Англия, Италия, Германия и Северо-Американские Соединенные Штаты);

III – восточные соседи СССР (Турция, Персия, Афганистан, Китай и Япония).

IV – прочие государства (в первую очередь: Чехо-Словакия, Юго-Славия, Венгрия, Болгария, Греция, Бельгия и проч.).

Кроме того, имеется V группа – зарубежные белогвардейские группы и внутренний бандитизм.

Основной задачей Разведупра было информирование РВС СССР, Штаба РККА, центральных военных управлений и учреждений, а также военных округов и частей Красной Армии. Вместе с тем давалась в необходимых случаях информация для НКИД, ГПУ, ЦК РКП и других руководящих органов Республики.

Работа Управления выражалась: в добывании и изучении агентурных материалов и иностранной прессы, составлении докладов, периодических сводок и обзоров, в даче устных и письменных справок по отдельным срочным вопросам, в составлении и издании описаний вооруженных сил, экономического и политического положения различных государств, а также военно-географических описаний внешних театров военных действий, наконец, в инструктировании местных разведывательных органов округов и отдельных армий и подготовке руководителей разведывательной работой в корпусах, дивизиях и полках.

Результаты информационно-статистической работы в 1923 г. были следующие:

В Разведывательное Управление за год поступило – заданий 80, материала 8.000

листов, газет 164, периодических сводок 200 листов и письменных докладов 30 листов.

Из Разведывательного Управления за год выпущено – описаний и обзоров 19 на 3.743 страницах, исполнено заданий 100 %, количество намеченных, но не выпущенных изданий – 34. […].

В области войсковой разведки подготовка кадра руководителей ее в штабах и частях Красной Армии тормозилось тем, что командование Красной Армии в центре и на местах, исходя из отсутствия в мирное время разведывательной работы в войсках, не шло навстречу в смысле подготовки кадра разведчиков для военного времени. Результат этого – отсутствие разведчиков в войсках, ясно ощущается на сборах и маневрах.

Центральными курсами при Разведупре в текущем году выпущено 30 курсантов, предназначаемых для занятия должностей в округах, что отчасти восполняет недостаток в работниках по разведке. […].

Краткая справка о деятельности Управлений Штаба РККА за февраль 1924 г.

[…].

О работе нашей агентуры будет представлен особый доклад Начразведотом лично тов. Уншлихту.

Информационно-статистическая работа в феврале свелась к следующему:

Поступило агентурных материалов 7.362 листа, по которым дано оценок – 676, выдано письменных справок – 25, составлено докладов – 3, издано 209 страниц периодических сводок.

Помимо этого обрабатывалась пресса: иностранных – 145 газет и 17 русских зарубежных газет. […].

За отчетный период дано 34 задания по разным странам.

Помощник начальника Штаба РККА (Шапошников)».

Агентурная разведка, военно-техническая разведка, радиоразведка, информационно-статистическая работа, шифровальная служба, дешифровальная разведслужба, техника военной разведки, подготовка кадров – это основные направления деятельности того подразделения штаба РККА, которое в интересах конспирации называли иногда так: «Управление, которым руководит старый большевик т. Берзин», а иногда в документах других подразделений военного ведомства начальника Разведупра обозначали просто как «тов. Б.» («поручение тов. Б.», «запрос тов. Б.» и др.).

И уже в первый год работы Яна Карловича начальником военной разведки происходят, согласного его отчетному докладу, изменения к лучшему. «1924 – 25 г.г. характеризуются широким развёртыванием работы Разведупра по добыче сведений о вооружённых силах сопредельных с СССР государств и важнейших стран земного шара, о достижениях военной техники и военной промышленности за границей и работе военно-научной мысли иностранных государств. Расширение работы Разведупра стоит в связи с увеличившимися требованиями центральных военных управлений и частей РККА, а также в связи с развёртывающейся работой по планомерному военному строительству в СССР. Связь Разведупра с центральными военными управлениями, а также и с гражданскими учреждениями, имеющими отношение к разработке планов обороны Союза, за отчётный год была окончательно налажена и закреплена путём непрерывного получения заданий от заинтересованных органов и рассылки Разведупром справок и докладов, отвечающих на вопросы, поставленные в заданиях. В результате работа Разведупра в настоящее время достигла высокого напряжения и требует для успешного его продолжения увеличения средств на добывание материалов, удовлетворяющих запросы заинтересованных высших военных и

гражданских органов Союза…». В заключение доклада он вновь возвращается к теме финансирования разведывательной деятельности: «Всё изложенное заставляет сделать вывод, что отпущенные до сих пор Разведупру средства не были потрачены напрасно, но дали возможность достигнуть весьма значительных результатов в деле освещения интересующих нас вопросов, однако задачи, стоящие перед нашей военной разведкой по своим размерам превосходят даже те достижения, которые имеет до сих пор Разведупр…»[4].

В приложении к этому документу названы резидентуры в Гельсингфорсе (Финляндия), Ревеле (Эстония), Риге (Латвия), Ковно (Литва), Варшаве (Польша), Берлине (Германия), Париже (Франция), Риме (Италия), Вене (Австрия), Праге (Чехословакия), Лондоне (Англия), Афинах (Греция), Константинополе (Турция), Кабуле (Афганистан), Тегеране (Персия), Харбине и Пекине (Китай), Урге (Монголия). Кроме того, отмечены уполномоченные РУ в Пскове, Минске, Киеве, в Кавказской Краснознаменной армии, в Сибирском военном округе, на Туркестанском фронте.

Получено от них в указанный период «весьма ценной» (ВЦ), «ценной» (Ц), «малоценной» (МЦ) и «безценной» (БЦ) информации:

	военные	военно-политические	военно-техн и экономи
	Донесения		
ВЦ	30	38	9
Ц	685	1978	293
МЦ	406	524	169
БЦ	206	117	47
	Документы агентур		
ВЦ	179	681	
Ц	2046	300	495
МЦ	768	165	104
БЦ	1062	26	69
	Издания и документы официальные		
ВЦ	7	4	8
Ц	736	838	593
МЦ	175	173	120
БЦ	88	3522	

Количество провалившихся секретных сотрудников – 37 человек[5].

При Берзине в Управлении появилось много новых сотрудников (штатных, вольнонаемных, секретных), продолжали работу и те из них, кто начинал свою деятельность еще в первые годы существования советской военной разведки: Дмитрий Романович Ипполитов (1918–1930); Рудольф Мартынович Кирхенштейн (1919–1937), Константин Кириллович Звонарев (1920–1926, 1933–1937), Христофор Интович Салнынь (1920–1938), Василий Васильевич Давыдов (1920–1937), Август Яковлевич Песс (1920–1933), Оскар Ансович Стигга (1920–1937), Григорий Осипович Осовский (Зозовский) (1920–1937), Мария Юрьевна Тылтынь (1920–1933), Ян Янович Фрейман (1920–1937), Александр Матвеевич Никонов (1921–1937), Карл Юрьевич Янель (1921–1926), Эмилия Михайловна Фрейман (1921–1937), Альфред Матисович Тылтынь (1922–1930, 1936–1937), Карл Карлович Небенфюр (1922–1937), Матвей Николаевич Рябинин (1925–1935), Павел Дементьевич Свириденко (1928–1937), Альвина Яковлевна Песс (1928–1938), Аделаида Михайловна Ураванцева (1928–1937), Андрей Алексеевич Лейферт (1930–1937), Иван Цолович Винаров (1930–1938), Андрей Иванович Эмильев (1930–1935), Федор Павлович Гайдаров (1933–1937), Александр Иванович Старунин (1933–1939); в Великобритании действовал Михаил Яковлевич Вайнберг (1932–1937); в Германии – Николай Янков-Яблин (1924–1928), Константин Михайлович Басов (1927–1930), Ян Карлович Шиман (1928–1933), Александр Максимилианович Иодловский (1933–1935); в Польше – Павел Ефимович Личко (1927–1931), Василий Григорьевич Боговой (1928–1931), Рудольф Гернштадт (1933–1939); в Румынии – Йонни Лёр (1928–1930), Иван Димитров Тевекелиев (1932–1933); в США – Арнольд Адамович Икал (1932–1937), Давид Александрович Угер (1930–1933); в Иране – Иван Николаевич Джаарбеков (1927–1930); в Иране и Афганистане – Александр Иванович Бенедиктов (1930–1937); в Палестине и Сирии – Александр Михайлович Косой (1931–1933); в Китае – Влас Степанович Рахманин (1926–1928), Карл Мартынович Римм (1932–1935), Павел Иосифович Колосов (1930–1934); в Турции – Анатолий Ильич Геккер (1929–1933); в Турции и Болгарии – Гиню Георгиев Стойнов (1930–1935); в Финляндии – Петр Иванович Иванов (1933–1937); в Эстонии – Алексей Антонович Мазалов (1931–1934); в Японии – Иван Александрович Ринк (1932–1937); Аркадий Борисович Асков (1933–1937), Иван Петрович Сапегин (1931–1937); и многие, многие другие.

Вновь перед Разведупром ставились и контрразведывательные задачи 19 апреля 1924 г. Я.К.Берзин и начальник Информационно-статистического отдела РУ С.Р.Будкевич докладывали председателю РВС СССР Л.Д.Троцкому: «…Развед. Управлением приняты меры к выяснению работы различных восточных эмигрантских центров, поддерживаемых Польшей, Францией, Англией, Турцией и Афганистаном, несмотря на то, что эти задачи не входят в круг действий Развед. Управления, так как соответствующие кредиты отпускаются в распоряжение Г.П.У.»[6]. Не чужда была Разведупру и политическая информация (отражавшаяся в военно-политических материалах и изданиях 3-го отдела), хотя она и не была главной в его работе.

И на новом посту основное внимание Ян Карлович по-прежнему уделял агентурной работе. Н. Ляхтеров, сотрудник Разведупра с 1933 года, вспоминал: «Берзин обладал аналитическим умом, он был изобретательным в разработке самых сложных разведывательных операций. Основой стратегической разведки Берзин считал агентурную разведку. На создание нелегальных радиофицированных резидентур в странах вероятного противника он направлял весь свой организаторский талант и опыт подпольной партийной работы. Павел Иванович принимал непосредственное участие при подборе и подготовке нелегальных резидентов (Зорге, Маневич, Мрочковский, Стигга, Узданский, Кравченко,

Треппер, Абрамов и др.). …Все мы, в те годы работники Разведывательного управления, ощущали заботливое отношение Берзина к легальным зарубежным разведаппаратам. Он лично участвовал в подборе достойных руководителей на должности военных советников и военных атташе (Путна, Якир, Геккер, Рыбалко, Орлов, Тупиков и др.) и крышевых оперативных работников».

Опираясь на опыт, в том числе и на личный, В. Сухоруков, которого Ян Карлович провожал в Китай в сентябре 1924, в Латвию в декабре 1933, в Болгарию в декабре 1934 года, отмечал: «Берзин, отправляя сотрудника управления за рубеж, всячески подчеркивал полное ему доверие, уверенность в его способность выполнить поставленное задание, в способность всегда находиться в более выгодном положении, чем противник. Он давал понять разведчику, что в случае неудачи он его поддержит и не даст в обиду. Все это формировало у оперативных работников чувство ответственности и готовности даже ценой сверхусилий выполнить поставленную задачу во имя интересов Родины. Павел Иванович никогда никого не отправлял за рубеж без теплого и сердечного напутствия, а с наиболее близкими соратниками прощался путем товарищеского объятия. Также тепло и сердечно он встречал своих дозорных часовых, возвратившихся из стана противника»[7].

Интересно в связи с выше сказанным отношение к начальнику военной разведки одного из тех партийных чиновников, которые контролировали отправку людей за рубеж.

Не названный начальник отдела ЦК ВКП(б), возможно это был Е. Я. Евгеньев, в конце 1927 года отмечал: «Атташе выдвигается Берзиным и Бубновым [Бубнов А.С., начальник Политуправления РККА и член РВС СССР. – Авт.], НКИД только оформляет, он даже их не числит у себя на учете, они жалование получают не из сумм НКИД. Я грешный человек, когда вставал вопрос о втором секретаре [полпредства СССР. – Авт.] и военном атташе, я никогда не углублялся в эти дела, может быть грешен, но никогда этих работников не рассматривал. Может быть потому, что я очень верю в Берзина, а по отношению к этим ГПУ работникам – Трилиссеру»[8].

Разведывательное управление штаба РККА курировало и использовало в своих целях военное сотрудничество с зарубежными странами. Наиболее широким и плодотворным в тот период было взаимодействие с Германией (1922–1933). (Об этом см., например: Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва – Берлин, 1920–1933. М., 1999). В докладе 1925 г. Ян Карлович писал, между прочим: «Необходимо отметить, что Разведупр в своей работе пользовался и материалами разведорганов и других государств»[9].

Не менее серьезное внимание уделяется и военной технике, которая «вместе с воздушным и морским флотом составила 66,5 % всех заданий данных агентуре»[10]. Общие для всех стран задания по сухопутным вооруженным силам, поставленные агентурной разведке в следующем операционном году, были такими: «1) Обучение, подготовка и быт армии, политико-просветительская работа, организация и тактика низших соединений различных родов войск. 2) Военно-химическое дело: устройство и методы применения новейших средств химического нападения, состояние военно-химического дела. 3) В области артиллерии, мелкокалиберного оружия, бронесил, инженерного дела, электротехники и связи – продолжать работу по выяснению новых конструкций и пополнять имеющиеся сведения о материальной части, состоящей на вооружении иностранных армий. 4) Следить за новейшими изобретениями во всех областях военной техники и за усовершенствованиями существующей материальной части. 5) Состояние военной промышленности и подготовка к промышленной мобилизации важнейших иностранных государств». И поставленные задачи были выполнены. Ян Карлович докладывал, что «в общей сумме» полученные в 1925–1926-м материалы и сведения «уже дали возможность изучить большинство вопросов, интересующих высшие военные управления СССР»[11].

Задания в военно-технической области были возложены и на созданные в конце 1920-х

годов инженерные отделы торговых представительств СССР за границей, в составе которых работали также и военные разведчики. Наряду с закупками всего необходимого для РККА (от новейшей военной техники до предметов культурно-бытового назначения), им предписывалось (1928 г.) «собирать, проверять, систематизировать и изучать все материалы о новых научно-технических усовершенствованиях и достижениях, как применяемых, так и могущих быть примененными для военных целей и обороны страны»[12].

6 марта 1930 года Берзин направил К.Е.Ворошилову доклад «О технической разведке», где подробно описал положение на этом направлении разведывательной деятельности и отметил необходимость дальнейшего ее развития: «I. Техническая разведка IV Управлением до сих пор велась в тех рамках, которые предусматривались заданиями Штаба РККА и допускались сметными ассигнованиями. Основной задачей технической разведки по заданиям Штаба было: а) изучить организацию, тактику, методы подготовки, вооружение и оснащение технических войск иностранных армий, б) собирание сведений о технических и тактических данных тех новых образцов оружия, которые приняты или принимаются на вооружение той или иной армией, и которые могут в той или иной степени влиять на изменение тактики. С этой задачей IV Управление справилось. Что же касается покупки опытных образцов вооружения, приобретения рабочих чертежей, описаний технических процессов, технологии металлов, организации производства и способов обработки, т. е. вопросов непосредственно не интересующих Штаб и довольствующие управления, то разведка их носила кустарный характер. Эта часть работы IV Управлением велась, так сказать, в любительском порядке, ибо ни средств на эту работу, ни более или менее серьезных заданий не было. Лишь в самое последнее время соответствующие управления и учреждения стали проявлять к этому делу интерес…»[13]. 12 марта того же года состоялось совещание о ведении технической разведки, на котором было принято решение отпустить IV Управлению дополнительные средства на оставшуюся часть 1929/1930 финансового года. В частности Управление ВВС должно было направить военной разведке для этих целей 7.500 американских долларов. Кроме того, в протоколе совещания указывалось, что «в случаях, когда предоставляется возможность купить интересующие нас готовые образцы, полный комплект рабочих чертежей, важных рецептов и т. д., заинтересованные учреждения отпускают IV Управлению необходимую для этой цели сумму сверх вышеуказанного кредита»[14]. Глава НКВМ утвердил решение совещания 19.03.1930 г.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов Берзин участвовал в свернутой позднее работе по подготовке партизанских кадров и специальной боевой партизанской техники, в строительстве укрепленных районов, в закладке продовольствия и оборудования для будущих партизанских баз. Курировал работу партизанских (читай: разведывательно-диверсионных) школ. После гражданской войны, когда обобщался ее опыт, в том числе и опыт партизанского движения, Берзин лично занимался вопросами организации и обеспечения партизанских операций, подбирал кадры. Учитывался и опыт отрядов «активной» разведки, которые действовали в первой половине 20-х годов на территории Польши, Румынии, Эстонии. В случае нападения на СССР можно было в короткий срок создать целые партизанские армии. Партизанские подразделения участвовали в окружных учениях 1929–1932 гг. Кстати, примерно такую же работу военная разведка вела тогда и за рубежом (1930–1935). Так, например, в резидентуре И.Ц.Винарова готовили людей на случай войны – «партийные группы содействия» (в том числе в Австрии и Чехословакии), делали закладки оружия и взрывчатки. В Центре эту деятельность курировал Х. И. Салнынь, выезжавший в это время в командировку в страны Центральной и Восточной Европы (1930–1932).

Вместе с тем, как отмечал Ян Карлович, наблюдалось «все большее сокращение числа людей, которых можно было бы использовать в будущем для целей малой войны», здесь сказывались возраст, здоровье, изменения в характере человека, а иные люди занимали столь

важные посты, что их было бы затруднительно взять оттуда в партизаны. Поэтому, по инициативе начальника военной разведки, из солдат второго года службы начали формировать при дивизиях Красной Армии особые подразделения, которые для конспирации назывались «саперно-маскировочными взводами» (СМВ). По специальной программе этих тщательно отобранных «саперов» обучали «партизанским действиям, подрывному и зажигательному делу». Подготовленные кадры после демобилизации из армии старались, по мере возможности, устраивать на работу в приграничной полосе.

Первые СМВ появились в Украинском военном округе (УВО) весной 1933 г., в течение того же года в 9-ти дивизиях подготовили 220 человек и 82 из них поселили у западной границы округа. В 1934 г. году «саперно-маскировочная» работа продолжалась уже в 4-х приграничных округах. В УВО приступили у обучению следующих 220 человек, в Белорусском и Ленинградском округах к делу привлекли 450 красноармейцев, а в ОКДВА – 700[15]. Эта работа затормозилась в 1935-м, а спустя два года была названа подготовкой к государственному перевороту и ликвидирована. В 1941 году, в условиях наступления немцев опыт Берзина и его товарищей пришлось применять в спешном порядке, когда для основательной подготовки времени уже не было.

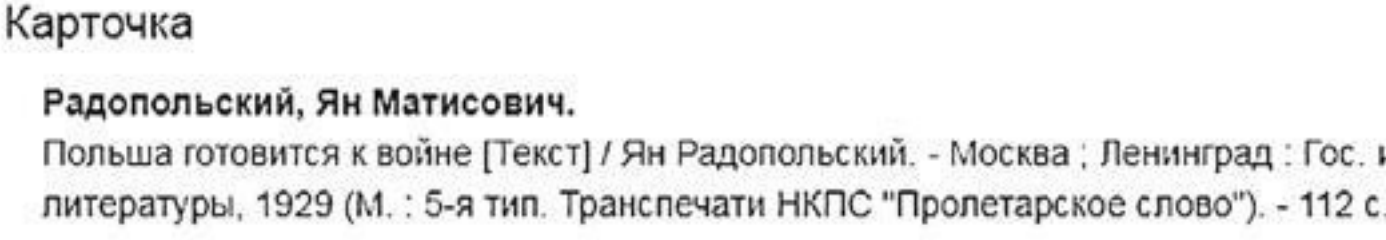
Когда партизанская работа была в самом разгаре, Берзин особо обратил внимание на один из ее аспектов. В феврале 1931 года он докладывал наркому обороны К. Е. Ворошилову, что «дело разработки вопросов диверсионной техники приобретает в настоящее время исключительно важное значение». Он сообщил наркому о своих переговорах с начальником знаменитого Остехбюро В. И. Бекаури, в ходе которых они договорились об организации в московском отделении этого Особого технического бюро по военным изобретениям специального назначения «вполне оборудованной диверсионной лаборатории». Бекаури пообещал «выделить одного своего сотрудника – химика» и допустить для работы в лаборатории нескольких работников, рекомендованных Разведупром[16]. С одобрения наркома такая специальная лаборатория в Остехбюро была создана и успешно действовала.

Ян Карлович курировал научно-исследовательскую работу Разведупра «Будущая война» и был одним из авторов научного труда с тем же названием, в котором, на основании данных разведки, говорится и о «войне моторов», и о том, что война начнется без формального ее объявления. Кроме того, Разведупр выпустил открытым изданием книгу о будущей войне против СССР, авторы которой скрылись под псевдонимами. Один из них – С. Дашиньский – это А. М. Никонов, другой – Ян Матисович Радопольский – видимо Я. М. Жигур, во всяком случае их имена и отчества совпадают.

В издании отмечается, что «действительная продолжительность будущей антисоветской войны, вероятнее всего, будет где-то между вышеуказанной теоретически минимальной и максимальной продолжительности», то есть – в лучшем случае две летних кампании, в худшем 3, 5–4 года. «В общем, будущая война на западных границах СССР не может быть закончена в течение месяцев, не может быть закончена одними лишь военными методами. Исход будущей антисоветской войны определится сочетанием военного, экономического и политического факторов», война «потребует от пролетариата и всех трудящихся масс СССР колоссального напряжения сил, героизма военного и трудового, чтобы отстоять республику Советов» – Дашиньский С., Радопольский Я. Подготовка войны против СССР. М.; Л., 1929. С. 184–187.

Никонов, Александр Матвеевич, публ
Псевд.: 1) Дашинский, С.; 2) Да
ский, С.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4-х т. М., 1960. Т.4. С.340


Карточка

Радопольский, Ян Матисович.

Польша готовится к войне [Текст] / Ян Радопольский. - Москва ; Ленинград : Гос.
литературы, 1929 (М. : 5-я тип. Транспечати НКПС "Пролетарское слово"). - 112 с.

Каталожная карточка Российской государственной библиотеки

(«Ленинки»)

При Берзине не забывался и опыт предшественников из «царской армии». Комдив Ф. Е. Огородников, бывший генерал-лейтенант, сотрудник дореволюционной военной разведки, назначался в распоряжение Разведупра в 1929 и 1932 годах; комбриг А. И. Верховский, бывший военный министр Временного правительства, преподаватель целого ряда военных учебных заведений Красной Армии, после очередного ареста в 1931–1934 гг., почти полтора года состоял в распоряжении РУ Штаба РККА. В той же должности после ареста находился (в 1932–1936 гг.) видный военачальник, военный педагог и теоретик, автор классического труда «Стратегия» комдив (и бывший генерал-майор) А. А. Свечин.

Неожиданно в 1934 году разразился громкий (но не публичный) скандал, связанный якобы с совершенно неудовлетворительной работой военной разведки.

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО?

В 1929–1933 гг. в деятельности советских разведслужб (ИНО ОГПУ и РУ Штаба РККА) произошел ряд серьезных (но не катастрофических) провалов, какие случались и раньше. (Кстати, Я. К. Берзин говорил, что разведки без провалов не бывает). Доклады об этих происшествиях были представлены Политбюро ЦК ВКП(б) и не вызвали поначалу особых эмоций. И вдруг глава ОГПУ Г. Ягода направил в начале 1934 г. руководству партии гневный доклад, речь в котором шла почему-то не о недостатках в работе его ведомства, а о

провалах в работе Разведупра. К тому же там было немало вранья, видного теперь и невооруженным глазом. Печально, но и сейчас этот доклад Ягоды часто цитируют как абсолютно достоверный документ.

В результате, как и было задумано, вся ситуация оборачивается только против военных. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает 26 мая 1934 года постановление «Вопросы IV Управления РККА». Военной разведке ставилось в вину громоздкость агентурных сетей и засоренность их ненадежными и «засветившимися» агентами (что, по мнению авторов документа, и привело к ряду провалов), недостаточную подготовку кадров, слабую увязку деятельности Разведупра с Особым и Иностранным отделами ОГПУ-НКВД и т. д. Чтобы поправить дела в военном ведомстве партийное руководство санкционировало приход в РУ Штаба РККА (в 1934–1936 гг.) группы чекистов во главе с А.Х. Артузовым, т. е. начальником того самого подразделения (ИНО ОГПУ), в котором произошли такие же служебные происшествия, как и в Разведупре. Далее эту ошибку усугубили не дав профессионалам политической разведки времени, чтобы адаптироваться к условиям и задачам аналогичной военной деятельности. Их сразу же назначили большими начальниками, поставив на ключевые должности. К тому же Артузов (ставший заместителем начальника РУ РККА в мае 1934 г.) получил право серьезно нарушающее азы военной службы – через головы двух своих руководителей (начальника РУ и наркома обороны) он напрямую посылал документы и материалы военной разведки И. В. Сталину. Между чекистами и военными и без того складывались непростые отношения еще с первых лет советской власти, и данный эпизод, как показали дальнейшие события, их не улучшил.

Для исправления серьезных недостатков якобы имеющихся в деле подготовки разведкадров, осенью 1934 г. начинается, при активном участии Артузова, формирование Школы Информационно-статистического управления РККА (именно так именовался Разведупр в течение нескольких месяцев в 1934 г.). Согласно документам Школа должна была каждые 12 месяцев готовить по 198 человек для зарубежной работы и для местных органов ИСУ. В качестве исключения срок подготовки мог быть сокращен вдвое. Набор слушателей в Школу начался в январе следующего года[16а].

Тем временем – 25 декабря 1934 года Берзин был назначен на должность начальника Разведупра РККА «в связи с переходом центральных управлений НКО СССР на новую организационную структуру». Но уже вскоре, из-за провала в Копенгагене, его карьера в военной разведке прервалась. В феврале 1935 г., в связи с «нарушением принципов конспирации», в столице Дании арестовали нескольких сотрудников Разведупра. Ничего страшного как-будто не произошло, но давление на начальника РУ, с учетом предыдущих дел, усилилось.

Основные участники той копенгагенской истории известны: Джорджа Минка («Фрэнк») арестовали в его квартире, по всей видимости, первым из всех, датским судом он был осужден на 18 месяцев лишения свободы, освобожден в начале марта 1936 г.; Давид Оскарович Львович («Давид») вопреки запрещению РУ «производить явки на квартирах», устроил таковую с агентом «Фрэнком», а затем «25 февраля 1935 г. явился вместе с женой на его копенгагенскую квартиру, где [они] и были схвачены полицейской засадой, арестовавшей ранее – 22 февраля – на этой же квартире и других источников Берлинской резидентуры – «Макса» и «Ульриха». «Давид» с женой были освобождены за недоказанностью обвинения 18 июля 1935 г. и возвратились в Москву»; Макс Германович Максимов («Ганс Грюнфельд», «Макс»), «обвинялся только за проживание в Дании по подозрительному паспорту, но впоследствии был оправдан, из-под следствия освобожден и в июле 1935 года возвратился в РУ»; Александр Петрович Улановский («Николас Шерман», «Ульрих») «во всем сознался» был приговорен к 18 месяцам заключения, в СССР вернулся в начале марта 1936 г.[17]. На этой же квартире арестовали и американского адвоката-коммуниста Леона Джозефсона,

официально путешествующего по делам нью-йоркской текстильной компании. Он находился под следствием с февраля по май 1935 г., был оправдан судом и смог покинуть Данию.

15 апреля 1935 г. секретным приказом наркома обороны СССР за № 0531 Берзин был освобожден по его просьбе от руководства Разведупром и зачислен в распоряжение наркома обороны с выражением признательности и уверенности в том, «что и в будущей своей работе т. Берзин вполне оправдает свой заслуженный авторитет одного из лучших людей Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Характерно, однако, что в первоначальном проекте этого приказа, датированном 10 апреля, ни о какой благодарности речи нет – он выглядит как обычный приказ о снятии с должности.

О переменах в руководстве военной разведки уже 25 апреля того же года писал Г. М. Штерн, служивший тогда сотрудником для особых поручений при Наркоме обороны СССР. Вот что он рассказал в своем письме советскому полпреду в Монголии, бывшему заместителю начальника Разведупра В.Х. Таирову («Особо секретно. Только лично»): «Вы знаете, конечно, что Старика освободили от работы в Управлении. Как будто там были еще разные неприятности, да и вся обстановка складывалась так, что уход его был логическим исходом. Назначен Урицкий. Он способный человек, но будет ли лучше, очень сомневаюсь. Вы же лучше всех знаете качества Старика, которые вообще найти и возместить трудно… Уход Старика обставлен был в общем неплохо – К.Е. [Ворошилов] написал ему очень теплый приказ, где назвал его «одним из лучших людей в Красной Армии», наградили его золотыми часами; а в общем очень жаль – чудеснейший человек – Старик. Жаль и его исключительного опыта этой работы… Куда пойдет теперь Старик – также еще неизвестно. Говорили, что, наверное, пойдет Начпуокром [начальником политуправления военного округа. – Авт.]. Пока основательно передает дела и затем в отпуск, так как здоровье его также весьма неважное».

Ян Карлович состоял в распоряжении наркома обороны пять месяцев и 25 сентября был назначен «вторым заместителем по политической части командующего войсками ОКДВА (для руководства работой разведки)» (приказ НКО СССР по личному составу армии № 01289 от 25.09.1935). То есть, с явным понижением в должности отправлен в «почетную ссылку» на Дальний Восток, где начальником Разведотдела Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, место дислокации которой приравнивалось к военному округу, и его заместителем были старые сотрудники Яна Карловича – А. Ю. Гайлис (Валин) и Х. И. Салнынь. В аппарате РО и в сопредельных странах действовали знакомые ему по прежней работе Р. Зорге, И. А. Ринк, Г. И. Гилев, Н. Д. Лухманов, Н. П. Вишневецкий, Х. Боев (Русев), Э. Д. Лепин, К. А. Батманов, Г. М. Цатуров и другие.

В полночь, 18 июля 1936 года радиостанция города Сеуты (Испанское Марокко) передала в эфир фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был сигнал к мятежу генерала Франко против Испанской республики. Разрацилась длившаяся три года тяжелая и кровопролитная гражданская война. Германия и Италия сразу же открыто поддержали мятежников. Началась интервенция. На стороне республиканцев выступил Советский Союз, явно на словах и тайно на деле. Конечно, присутствие советского оружия и советских военных в Испании было секретом полишинеля, тем не менее, конспирацию старались соблюдать.

В октябре 1936 года в Испанию в качестве советников стали прибывать советские военные специалисты. Уже в начале октябре немецкие разведчики отправили из Мадрида в Берлин сообщение: «Сюда прибыл главный военный советник республики и советский генерал Гришин». Этим «генералом» и был Ян Карлович Берзин. Его вызвали в Москву ещё весной 1936 года и, когда начался франкистский мятеж, отправили в Испанию.

Первое, чем ему пришлось заниматься – организация обороны Мадрида. Уже в начале ноября войска мятежников вышли на ближние подступы к испанской столице. 6 ноября бои шли уже на окраинах города. Военные советники торопились организовать оборону. А 8

ноября в городе появилась первая из Интернациональных бригад, этой гвардии Коминтерна. Франкистам так и не удалось взять город.

«Неоценим вклад советников – специалистов Красной Армии в оборону Мадрида. Кто еще мог подсказать «милисианос», как построить в условиях миллионного города долговременную оборону со стрелковыми окопами полного профиля, с правильно расположенными орудиями и пулеметами. И, разумеется, советники не только учили, но и учились, строя оборонительные рубежи на подступах к Мадриду. Показывая мадридцам, как следует вгрызаться в камень, как и где возводить проволочные заграждения, как и где готовить секторы обстрела. Откуда испанцам, не воевавшим целую вечность, было знать, что на один погонный километр фронта нужно около четырех тонн колючей проволоки и около двух тысяч мин и фугасов! Требовалось немедленно переключить заводы столицы на производство всего необходимого для фронта, и в этом важнейшем деле на помощь защитникам Мадрида также приходили «совьетикос»»[18]. Действительно, как сражаться в условиях нехватки всего необходимого, интервенции и блокады, лучше командиров Красной Армии научить не мог никто.

Из Мадрида Берзин отправился в Валенсию, город, куда из осажденного Мадрида переехала столица Испанской республики. Обстановка была сложной, а надо было разобраться в ней досконально, чтобы советы военного советника были правильными. Вот когда ему пригодились навыки работы в военной разведке!

Главный советник занимался многим. Он выезжал на фронт, налаживал руководство войсками и обеспечение армии. Ну, и конечно, любимое его детище – разведка, на сей раз республиканская. Испанцы, в отличие от многих предыдущих кадров Берзина, не имели опыта подпольной и конспиративной работы, их нужно было учить всему с самого начала. А еще труднее было наладить грамотное использование разведывательной информации в республиканских штабах. В районах, занятых франкистами, развивалось партизанское движение. Диверсанты-интернационалисты взрывали мосты и поезда, устраивали засады и нападали на гарнизоны. В Валенсии была создана школа «Красный партизан», где, под руководством Берзина, проходили подготовку диверсионные группы и отряды – от 8 до 40 человек. И при каждом таком отряде тоже был советник, а фактически – руководитель отряда. Отряды сочетали диверсии и разведку. Позднее и испанский опыт был использован во время Великой Отечественной войны, в том числе и самими испанцами, которые оказались в Советском Союзе. Из этих отрядов и групп был вскоре сформирован специальный 14 армейский корпус, подчиненный Генеральному штабу. В корпусе было четыре дивизии, в каждой из них – по три-четыре бригады, или отряда, по 150–200 человек. Одна дивизия базировалась в Каталонии, три – в центре: в Андалусии, Эстремадуре и на Центральном фронте.

Занимался Берзин в Испании, как уже говорилось, разведкой, а особенно, контрразведкой. Испания была буквально наводнена резидентами и агентами франкистской, немецкой, итальянской разведок. Радио Саламанки ежедневно в 9.45 передавало для «пятой колонны» шифрованные указания. Совместно с республиканской контрразведкой – особым отделом по борьбе со шпионажем – генерал Гришин ведет привычную войну разведок. В восьми километрах от Валенсии, в Рокафоре, организовывает станцию радиоперехвата.

Немало старых товарищей встретил в Испании Берзин. Военным атташе был В. Е. Горев, а его заместителем – Д. О. Львович (проходивший по «копенгагенскому делу» 1935 г.), командиром 14-й Интернациональной бригады – К. К. Сверчевский, военными советниками: Х. И. Салнынь, И. Г. Старинов, Л. К. Бекренев, Г.И.Семенов, А. И. Эмильев и другие. Там воевал и засветившийся в Копенгагене в 1935 г. Дж. Минк, числившийся в составе аппарата главного военного советника. Должность его в документе не названа, но он указан в следующей строке после Х.-У.Д.Мамсурова («Ксанти»), инструктора специальной работы от

«А» («активка» – специальное отделение РУ РККА). Минк был убит в Испании, по-видимому, в 1937 г.

Тогда Сталин дал высокую оценку деятельности Яна Карловича в Испании: «**Сталин.** Никто не думал, и я не слыхал о способностях командующего у Берзина. А посмотрите, как он дело наладил. Замечательно вел дело» – Выступление на расширенном заседании Военного совета при Наркоме обороны, 2 июня 1937 г.

В мае 1937 года Берзина, главного военного советника и заместителя командующего войсками ОКДВА (он по-прежнему числился на этой должности), отзывают в Москву. На посту главного советника его сменил «генерал Григорович» – комдив Григорий Штерн, тот самый который писал о нем Таирову. Дома его ожидало звание армейского комиссара 2-го ранга (Примерно соответствовало введенному в 1940 г. званию генерал-полковника.), присвоенное ему 14 июня, орден Ленина, которым он был награжден ещё 3 января и новое, а точнее, старое назначение – начальником Разведупра РККА. Он привез из Испании бесценный опыт и… жену, двадцатилетнюю Аврору Санчес. Давно, еще в начале 20-х годов, Ян Карлович женился на сестре одного из своих сотрудников – Елизавете Константиновне Нарроевской. Она оставила мужа, но сын Андрей жил вместе с отцом. В 1937 году ему было лет 13–14. Уезжая в Испанию, Берзин оставил его в Хабаровске и теперь вызвал домой, в Москву. Вскоре к нему приехала и Аврора. Берзин встретил красавицу-испанку в Валенсии, где девушка работала в штабе. Ян Карлович был на 27 лет старше нее. Девушка приехала в Россию, как она думала, на год – посмотреть Москву, выучить русский язык. А вышло так, что осталась на всю жизнь.

В Разведупре Ян Карлович прослужил всю оставшуюся жизнь – правда, оставалось ему очень недолго. С первых же дней он поставил перед разведчиками задачу: составить перспективный план разведывательной деятельности в канун войны. Побывав в Испании, он теперь не сомневался – война неизбежна. Основное направление работы – Германия. С первых же дней он занялся и кадрами. Надо было провести «инвентаризацию» – посмотреть положение старых кадров, познакомиться с новыми. Приезжающие в Москву на переподготовку нелегалы неизменно представлялись «Старику». Нагрузка была очень большой, тем более, что к этому времени в Разведупре была упразднена (с подачи А. Х. Артузова) единая аналитическая служба, и теперь осмысление поступающей информации ложилось на соответствующих заместителей начальников оперативных подразделений и на начальника Управления. И Берзин всерьез задумался о том, что разведке все же нужна настоящая, т. е. объединенная аналитическая служба. Очень нужна. И еще многое нужно разведке.

Почтовая марка выпущенная в СССР в 1989 году

С 1936 г. и на целый ряд лет кодовым словом для обозначения начальника военной разведки стало слово «Директор».

Яна Карловича арестовали в ночь на 29 ноября 1937-го по делу «латышской фашистско-шпионской организации», обвиняли Берзина и в сотрудничестве с несколькими иностранными разведками, организации террористической группы и проведении предательской работы в специальной командировке (теперь уже утверждалось, что «БЕРЗИН, находясь по заданию правительства в особо секретной командировке, провел там большую предательскую работу, чем сорвал важнейшие мероприятия»). После восьми месяцев допросов с пристрастием он был приговорен 29 июля 1938 года к высшей мере наказания за участие в контрреволюционной террористической организации и шпионаж и в тот же день расстрелян. Полностью реабилитирован 28 июля 1956 года.

Латышский поэт Эйжен Веверис, который сидел в Маутхаузене вместе с Л. Е. Маневичем, так передавал его рассказы о Я. К. Берзине: «Я почти не знал его как начальника. Для меня он всегда был «Стариком» – очень близким и очень умным советчиком. Он никогда не выделял себя из рядов наших товарищей. Ни манерой разговора, ни поведения. Зато выделялся главным: умением слушать. Вникать в твои мысли и потом, только потом, дать добрый совет. «Старик» не терпел зазнайства. Часто повторял, что наш враг – умен и хитер, что он имеет огромный опыт. Победить его можно только своим умом, своим мужеством и находчивостью, глубоким анализом происходящих в мире явлений… Мне всегда казалось, что он знал о мире всё. И в редкие наши встречи очень щедро делился этими знаниями».

«Каким он запомнился мне? – вспоминал адмирал в отставке Л. К. Бекренев. – Крепко сложенный, седая голова – поэтому и звали его «Стариком», коротко подстриженные волосы, серо-голубые глаза, улыбка открытая, обаятельная. Я, например, не слышал, чтобы он хохотал, громко смеялся, а вот когда ему что-то нравилось или был в приподнятом настроении, то обязательно улыбался. Но был строгим, требовательным начальником. В то же время трепетно ценил людей, прямо-таки по-отечески относился к работникам управления. Заботился о семьях: отправит кого-нибудь за рубеж, и сам, не перепоручая заместителям, постоянно справляется, как там в семье, не нужна ли какая помощь». Адмирал Бекренев подчеркивал: «Наши разведывательные организации, созданные под руководством Берзина, совершили подвиг, раскрыв замыслы фашистов против Советского Союза. Такой пример: основные положения плана агрессии, утвержденного Гитлером в декабре 1940 г. уже через 11 дней были известны советской военной разведке. После были вскрыты тактические мероприятия по подготовке Германии к нападению на СССР, а также ее сателлитов, позиция Японии по поводу участия в этой войне. Да, Берзина уже не было в живых, но жило его дело, продолжали сражаться на невидимом фронте его ученики, работала отлаженная и запущенная им машина».[19] Можем добавить, что за последние годы стало известно и многое другое.

Высокую оценку своему начальнику дает и разведчица М. И. Полякова: «Работая в оперативном аппарате управления с 1937 по 1946 год, … я по-настоящему поняла, кем был Берзин для нашей военной разведки. Все многочисленные дела, которые прошли через мои руки за эти годы, свидетельствуют, как он кирпичик к кирпичику создавал ее организации. Ведь хорошую агентурную сеть быстро создать нельзя, для этого требуются иногда годы… Берзин сам подбирал и готовил кадры, способные выполнять его замыслы. Дела резидентур, созданных до 1937 года, как правило, несут следы его пристального внимания к их жизни и работе. Организации под руководством Рихарда Зорге, Шандора Радо, Ильзы Штебе и ряд других являются классическими в истории разведок… Изучая дела тех лет, я поняла, какие глубокие планы он разрабатывал, сколько интересных комбинаций придумывал и как строго следил за их осуществлением. Я поняла также, как трудно ему было работать, особенно в последние годы, как мало средств выделяли ему на наше дело и как мало интересовались нашей работой «наверху». И, наконец, деятельность

военной разведки во время войны показала, что стабильно работали ее фундаментальные организации, созданные под руководством Берзина. Некоторые из них

продержались всю войну и добывали ценную информацию»[20].

Это же могли бы сказать и другие, знавшие Я. К. Берзина разведчики.

Примечания

[1] Голяков С., Понизовский В. Начальник разведки // Комсомольская правда. М., 1964. 13 ноября.

[2] Черепанов А.И. Поле ратное мое. М., 1984. С. 96–97.

[3] РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.602. Л.8, 14–15.

[4] Там же. Д.655. Л.1–7.

[5] Там же. Л.11а, 11б.

[6] РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.80. Л.301.

[7] Они руководили ГРУ. М., 2005. С.101.

[8] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 120. Д.14. Л.116.

[9] РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.655. Л.6.

[10] РГВА. Ф.4. Оп.2. Д.83. Л.4.

[11] Они руководили ГРУ. М., 2005. С.102.

[12] РГВА. Ф.31863. Оп.2. Д.174. Л.20.

[13] РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.392. Л.24.

[14] РГВА. Ф.31863. Оп.2. Д.344. Л.67.

[15] РГВА. Ф.37977. Оп.5. Д.335. Л.289-289об.

[16] РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.302. Л.64.

[16а]. Кстати: Начальник Главного управления кадров НКО СССР Ф. И. Голиков – наркому обороны СССР И. В. Сталину, 06.06.1944 г.: «18 июня 1944 года исполняется 20 лет Высшей Специальной Школы Красной Армии. За эти 20 лет школа подготовила не одну тысячу человек высококвалифицированных офицеров разведывательной службы» – интернет-ресурс «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Голиков предложил наградить ВСШ орденом Красного Знамени, что и было сделано. Из этого документа следует, что историю подготовки высокопрофессиональных кадров военной разведки вели все-таки от Я. К. Берзина, а не от А. Х. Артузова.

[17] Алексеев М.А. и др. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945. М., 2012. С.487, 498, 780.

[18] Горчаков О. Ян Берзин: судьба командарма невидимого фронта // Новая и новейшая история. М., 1989. № 2. С.136.

[19] Они руководили ГРУ. М., 2005. С. 111–112.

[20] Полякова М. И. По заданию Я. К. Берзина // Военно-исторический журнал. М., 1990. № 3. С. 61–62.

Два года во главе разведки: Семён Петрович Урицкий

Семён Петрович Урицкий родился 18 марта 1895 года в городе Черкассы Киевской губернии в семье мелкого служащего – агента по заготовке и продаже льда. В начале 1900 года семейство Урицких переехало на жительство в Одессу. Среди родных Семёна Петровича уже в те годы царили весьма революционные настроения. После революции отец его служил в Особом отделе ВЧК и был убит при исполнении служебных обязанностей в 1919 году. Брат отца, Моисей Соломонович Урицкий, стал первым председателем Петроградской ЧК и был убит в 1918 году. Двоюродный брат и тезка Семена, очень похожий на него, Семен Борисович Урицкий, в 20-е-30-е годы редактировал «Гудок» и «Крестьянскую газету». Оба родных брата впоследствии тоже стали большевиками. А жизнь будущего комкора складывалась так.

Начиная с 1906-07 годов материальное положение семьи, в которой было пятеро детей, становится все хуже и хуже. Отец по характеру своему был правдоискатель, всюду искал справедливости, протестовал и, как следствие, постоянно был без работы. До 1909 года Семен учился в Одесском казенном училище, но потом, не закончив 4-й класс, вынужден был бросить учебу и пойти работать. Он был сначала «мальчиком на побегушках», а с 1910 – упаковщиком ящиков и бочек, приказчиком на химических аптекарских складах. И тогда же включился в революционное движение, за что 2,5 месяца провел в тюрьме. В июне 1912 Семён Урицкий был принят в партию Одесской группой РСДРП(б). Он распространяет газету «Правда» и сам пишет для неё заметки, участвует в демонстрациях и собраниях, занимается агитацией.

В августе 1915 года, в разгар Первой мировой войны, Семен был призван в армию и попал в маршевый эскадрон 12-й драгунского Стародубского полка, который располагался в г. Новогеоргиевске под Кременчугом. По заданию партии солдат Урицкий вел там организационно-агитаторскую работу. Обстановка в полку была для этого нелегкой, и лишь в 1916 году ему удалось собрать маленькую группу революционно настроенных солдат. Грянула Февральская революция, и Урицкий был избран командиром эскадрона. В мае 1917 он переведен на Румынский фронт в 44-ю отдельную телеграфную роту, где избран председателем ротного комитета, а после Октябрьской революции начальником красногвардейской дружины.

Семён Петрович Урицкий (1895–1938)

С развалом фронта Урицкий отправился в Одессу, где стал одним из организаторов Союза социалистической рабочей молодежи и его боевой дружины, начальником отряда одесской Красной Гвардии, «участвовал с ним в боях за Советскую власть в Одессе в ноябре 1917 г. и в январе 1918 г.». Из одесского комсомола того времени вышли такие известные деятели, как один из руководителей КИМ и РКСМ, сотрудник военной разведки, писатель, журналист и дипломат Оскар Тарханов, комсомольский и партийный работник Самуил Эйнгорн, его брат – чекист-разведчик, работавший в Италии и США, Абрам Эйнгорн, известные одесские чекисты, взявшие «географические» псевдонимы – Борис Юзефович-Северный, Иосиф Горенюк-Южный и Семён Кессельман-Западный. После установления в городе Советской власти Урицкий занял должность помощника инспектора кавалерии

Одесского военного округа.

С марта 1918-го, когда Одесса, как и вся Украина, была оккупирована австро-германскими войсками, Урицкий воюет на фронтах гражданской войны: в качестве комиссара кавалерии 3-й Украинской армии и начальника боевого участка Поворино на Царицынском фронте.

В августе он назначается на первый свой пост в военной разведке – военным агентом (позднее они и у нас стали называться военными атташе) советского Генерального консульства в Одессе. Официальное присутствие советских граждан в городе правительство гетмана П. Скоропадского и немцы терпели недолго. По обвинению в вербовке людей для Красной Армии Семён Петрович и генеральный консул были арестованы и в октябре высланы в Советскую Россию.

В Москве Урицкий возглавляет Московский окружной военный контроль (т. е. военную контрразведку округа). Когда в декабре все органы военного контроля, которые ранее подчинялись Региструпру Полевого штаба РВСР, были переданы в ВЧК, Урицкого направляют на учебу в Академию Генерального штаба. Но в мае 1919-го его отзывают из Академии и назначают на Южный фронт старшим помощником начальника штаба 58-й стрелковой дивизии. В середине августа 1919 года дивизия под командованием И. Ф. Федько, сражаясь с деникинцами, обороняла район Херсон-Николаев-Вознесенск. И в этот момент махновские агитаторы спровоцировали выступление бойцов из тыловых подразделений, внушив им, что большевики отступают потому, что не хотят защищать Украину. Начдив Федько и комиссар Михелович были арестованы, им обоим грозила смерть. В этой ситуации Семён Петрович Урицкий поднял по тревоге батальон связи, вывел его к захваченному махновцами бронепоезду и отбил у озверевшей толпы начдива и комиссара. Мятежники разбежались, управление дивизией было восстановлено, и Федько отвел её к Вознесенску, где дивизия вошла в состав Южной группы войск, вместе с которой совершила четырехсоткилометровый поход по тылам врага[1].

Находчивость С. П. Урицкого при спасении начдива и комиссара была отмечена в приказе Реввоенсовета республики. Приказ целиком посвящался молодому красному командиру, награжденному за этот подвиг орденом Красного Знамени. Урицкий, говорилось в приказе, «неоднократно доказывал свою преданность в борьбе с врагами Рабоче-Крестьянской Республики».

В октябре 1919 года, при штурме Киева, Урицкий был тяжело ранен и контужен, полгода лечился в госпиталях Москвы и Одессы и в мае 1920 года назначен командиром и комиссаром Отдельной кавалерийской бригады Южного фронта. Несколько дней побыв в августе временно исполняющим обязанности начальника оперативного (агентурного) отделения Региструпра, он возвращается на фронт в свою бригаду, вместе с которой громит в Крыму Врангеля.

В декабре 1920-го Урицкого вновь посылают на учебу в Академию Генштаба РККА. Узнав о мятеже в Кронштадте в марте 1921, слушатели Урицкий и Федько просятся на фронт. Их назначают в 187-ю бригаду – Семёна начальником штаба, а Ивана командиром бригады. Они участвовали в штурме мятежного города и были награждены орденами Красного Знамени в апреле того же года. Кроме того, Петроградский Совет наградил Урицкого именными золотыми часами, а «в подарок от тов. Троцкого за взятие города Кронштадта» он получил верховую лошадь (приказ по Военной академии РККА № 74 от 01.04.1921, § 22).

В мае 1921 года Урицкий приезжает в Одессу и 28 числа принимает у бывшего балтийского моряка П. Е. Дыбенко командование Одесским укрепрайоном. Но уже в сентябре отзывается в Москву в Военную академию РККА, которую, согласно документам, заканчивает 25 сентября 1922 года с оценкой «весьма удовлетворительно». Между тем, уже с мая 1922 года он состоит в распоряжении Разведотдела – Разведупра Штаба РККА и до мая

1924-го находится на нелегальной работе во Франции, Германии и Чехословакии. Советский государственный и партийный деятель П. Н. Мостовенко писал о нем: «Я знаю Семена Петровича УРИЦКОГО с 1921 г. Познакомился с ним во время моего полпредства за границей в Праге, куда он был командирован в качестве военного атташе»[1а].

Вернувшись из-за рубежа, Урицкий занимает ряд должностей в войсках и военно-учебных заведениях: помощник начальника, начальник и военком Московской пехотной школы им. М. Ю. Ашенбреннера, а также Одесской пехотной школы (1924–1927), командир и комиссар 20-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа (1927–1929), в качестве заместителя начальника штаба Северо-Кавказского военного округа (1929–1930), участвовал в подавлении восстания в Чечне. В 1928–1929 годах окончил армейское отделение Курсов усовершенствования высшего командного состава. Командовал 8-м и 6-м стрелковыми корпусами Украинского военного округа (1930–1931), был начальником штаба Ленинградского военного округа (1931–1932), командиром и комиссаром 13-го стрелкового корпуса Приволжского военного округа (1932–1934). На излете советско-германского военного сотрудничества побывал в Германии во главе военной делегации (1932–1933), уже после прихода Гитлера к власти, с последней группой командиров РККА находился на учебе в Штутгарте (март – июнь 1933). С июня 1934-го – заместитель начальника Управления механизации и моторизации – Автобронетанкового управления РККА.

В апреле 1935 года следует новое назначение: Центральный Комитет ВКП(б) и руководство Наркомата обороны выдвигают С. П. Урицкого на должность начальника Разведывательного управления РККА. А в ноябре того же года ему присвоено звание комкора.

В ноябре 1935-го были утверждены новые штаты и структура Разведупра РККА, почти не менявшиеся до 1939 года. Назначения по этим штатам прошли в феврале-марте 1936 года. Основные посты в Управлении заняли: начальник – комкор С. Урицкий; заместители начальника – корпусной комиссар А. Артузов, комдив А. Никонов. Начальники отделов: 1-го (западного) – корпусной комиссар О. Штейнбрюк; 2-го (восточного) – корпусной комиссар Ф. Карин; 3-го (военной техники) – комдив О. Стигга; 4-го (военно-морского) – капитан 2-го ранга М. Нефедов; 5-го (военных округов и флотов) – комбриг В. Боговой; 6-го (радиоразведки) – бригадный инженер Я. Файвуш; 7-го (дешифровального) – полковник П. Харкевич; 8-го (военной цензуры) – дивизионный комиссар П. Колосов; 9-го (монголо-синьцзянского) – комбриг В. Панюков; 10-го (специального технического) – бригадный инженер А. Лозовский; 11-го (внешних сношений) – комкор А. Геккер; 12-го (административного) – майор А. Мартьянов. Специальное (разведывательно-диверсионное) отделение «А» возглавил бригадный комиссар Г. Туманян.

Назовем и некоторых из зарубежных работников того времени.

АНГЛИЯ. В помощь легальному резиденту «Соколову» (бригадный инженер М. Вайнберг) в Лондон назначен военный инженер 3-го ранга А. Беликов, выпускник Школы Разведупра РККА (1936), ранее окончивший Военно-морское инженерное училище.

БОЛГАРИЯ. Первым советским военным атташе и легальным резидентом в этой стране в 1935 году стал полковник В. Сухоруков (назначен в декабре 1934 года). Службу в военной разведке Сухоруков начинал еще в 1921 году в Разведупре при Военсовете Народно-революционной армии Дальневосточной республики. По окончании основного и восточного отделения Военной академии РККА (1924) работал в Китае под «крышей» советских консульств в Харбине, Мукдене и Ханькоу. Помощник начальника 2-го (агентурного) отдела, начальник Отдела внешних сношений Четвертого Управления Штаба РККА. Награжден Орденом Красного Знамени (1933). За два года работы в Софии сумел создать разведсеть на Балканах. Начинал разработку болгарского генерала и будущего Героя Советского Союза (1972) В. Заимова, которого к разведработе привлек уже следующий военный атташе полковник А. Бенедиктов (1939).

ГЕРМАНИЯ. Весной 1936 года в страну был командирован И. Крекманов («Васильев», «Шварц»), вспоминавший впоследствии, что задание ему давал сам Я. Берзин (хотя согласно документам он служил в это время на Дальнем Востоке, в ОКДВА). В Берлин «Шварц» ехал с документами представителя одной из религиозных организаций Нью-Йорка. Берзин подчеркнул, что председатель этой организации – сотрудник Разведупра, и потому запросов гестапо туда можно не опасаться. Официально миссия И. Крекманова состояла в наблюдении за строительством в окрестностях германской столицы детской больницы. «Шварц» много лет занимался партийной работой в Болгарии и Югославии, сотрудничал с советской военной разведкой с 1929 года. Был нелегальным резидентом в Чехословакии (1930–1933). Годом раньше Крекманова в Берлин прибыл полковник А. Иодловский. В военной разведке с 1921 года. Выполнял задания в Германии и Польше, работал начальником Разведотдела Западного военного округа, награжден Орденом Красного Знамени (1933). Новые кадры прибыли и в берлинскую легальную резидентуру. Это – военный инженер 3-го ранга П. Фоменко (1935), которому предстояло работать в торгпредстве, и военный инженер 3-го ранга К. Леонтьев (1936), назначенный секретарем военного атташе СССР комбрига А. Орлова. Фоменко после окончания Артиллерийской академии (1932) работал за границей по линии Артиллерийского управления РККА. К. Леонтьев был выпускником Военно-химической академии (1935) и учился в Школе Разведупра РККА.

ДАНЦИГ (Гданьск). В вольный город Данциг, находившийся под управлением Лиги Наций, резидентом Разведупра и Генеральным консулом СССР был направлен в 1936 году В. Михельс. Он с 1922 года заведовал Отделом информации в газете «Известия», а затем примерно год работал в наркомате иностранных дел редактором по делам Австрии, Болгарии и Венгрии во 2-м Западном политическом отделе, выезжал в командировки в Чехословакию, Польшу, Германию и Францию.

КИТАЙ. Легальным резидентом (корреспондентом ТАСС) в Шанхай в 1936 году отбыл дивизионный комиссар Л. Борович («Алекс»), которому посвящен отдельный очерк в этой книге. На легальную работу в Харбин (вице-консул) был отправлен молодой сотрудник разведки майор А. Рогов, только что окончивший спецфакультет Военной академии им. М.В. Фрунзе. Тогда же, после выполнения заданий в Германии и Франции, в Китай прибыл и нелегальный резидент военный инженер 2-го ранга Х. Боев, занимавший аналогичную должность в Болгарии еще в 1921–1923 годах. Затем он работал в Югославии и Австрии, был резидентом в Чехословакии и Турции, окончил Военную академию механизации и моторизации (1935).

ПОЛЬША. Нелегальным резидентом в Кракове в 1936 году был направлен болгарский коммунист и военный разведчик во Франции (1927–1931) Н. Попов (Стоян Владов, «Черный»). За пять лет пребывания в СССР он получил военное образование и прошел спецподготовку. В относительно короткое время «Черный» создал обширную агентурную сеть. Источники полученных им сведений находились не только в Польше, но также в Германии, Австрии, Чехословакии и Венгрии. Радисткой к нему назначили Урсулу Кучинскую («Соня»), которая работала также вместе со своим мужем Рольфом Гамбургером (1935–1937). До этого Урсула (впоследствии известная как Рут Вернер) успела поработать в Китае и пройти разведподготовку в Москве (1930–1935). В Польше «Черный» проработал до 1941 г.

ПОРТУГАЛИЯ. Резидентом в эту страну в 1936 году был назначен военный инженер 2-го ранга Б. Овсиенко. Поставленные перед ним задачи касались в основном помощи республиканской Испании. В СССР он эмигрировал из Польши в 1924 году, спасаясь от преследований полиции. В Стране Советов его направил в пограничные войска лично Ф. Дзержинский. Овсиенко служил на Дальнем Востоке, затем учился в Высшей пограничной школе, где познакомился с А. Артузовым. По завершении учебы Б. Овсиенко направлен для продолжения службы в Ленинградский военный округ. Через три года вновь учеба – теперь

уже в Военной академии механизации и моторизации им. И.В. Сталина, а в 1935 году Артузов пригласил его на работу в Разведупр. В Лиссабон Овсиенко приехал вместе с радисткой «Эрной», незадолго до этого вернувшейся из Японии. Отозвали его из страны, где он успел наладить работу в 1937 г.

США. Нелегальным резидентом туда в 1936 году выехал старый сотрудник военной разведки (с 1920 года) полковой комиссар Б. Буков, работавший ранее в Германии. Из-за срочности задания его сняли с учебы, не дав окончить промышленный факультет Военной академии механизации и моторизации им. И.В. Сталина. В Америке также работал З. Литвин («Мулат»), получивший образование на Восточном факультете Дальневосточного университета (1926) и проработавший два года (1934–1936) в Китае помощником резидента. По легальной линии в страну в 1936 году прибыл военный инженер 3-го ранга П. Баранов, выпускник Школы Разведупра РККА, пришедший сюда из военно-морского училища.

ФРАНЦИЯ. Завершив учебу на Особом факультете Военной академии им. М.В. Фрунзе (1936), в Париж нелегальным резидентом выезжает И. Винаров («Март»). Ранее, в 1930–1933 годах, он был главным резидентом в Австрии, на работу в Разведупр пришел в 1925 году, работал помощником резидента в Китае. Среди полученных им заданий также числится помощь испанским республиканцам. Кроме того, на Винарова возложили обязанность по созданию разведсети на территории Германии, Португалии, Бельгии, Италии. С конкретными задачами он выезжал и в другие страны.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. В 1935 году в страну были направлены два советских военных разведчика. Болгарский коммунист Д. Ананиев («Мими»), еще в 1920-е годы наряду с партийными выполнявший и разведывательные задания, прибыл в Прагу из Болгарии. Официально он приехал учиться в Славянском институте, работая к тому же корреспондентом солидной болгарской газеты «Заря». В. Врана был привлечен к сотрудничеству с чехословацкой резидентурой советской военной разведки в самом начале 1930-х годов, и с 1932 по 1935 годы успешно работал в Париже. По возвращении на родину работал в дирекции заводов «Шкода», выполнявших военные заказы не только для чехословацкой армии, но и для вооруженных сил других стран мира (в том числе и СССР). Военным атташе СССР в ЧСР назначен полковник Л. Шнитман, много лет проработавший в Германии (с 1926 года) и Финляндии.

ШВЕЙЦАРИЯ. С заданием Разведупра РККА в страну в 1936 году приехал венгерский коммунист и профессиональный картограф Ш. Радо («Альберт», «Дора»). Он основал в Женеве картографическую фирму «Геопресс», служившую ему прикрытием. Впоследствии он был назначен резидентом. Деятельностью «Доры» на первом этапе (1936–1937) руководила нелегальный резидент М. Полякова. В военную разведку она пришла в 1932 году по комсомольской путевке, была помощницей резидента в Германии. Окончила Школу Разведупра.

Большую помощь военная разведка оказывала Республиканской Испании, где в 1936–1939 годах шла гражданская война. Советские специалисты, направлявшиеся туда по линии военного ведомства, проходили собеседование и подготовку в Разведывательном управлении РККА. Среди них были и военные разведчики. Главным военным советником испанского правительства был назначен корпусной комиссар Я. Берзин (генерал Гришин, Доницетти). Советник по разведывательно-диверсионной работе майор Х.-У. Мамсуров («Ксанти») получил специальное образование на общевойсковом отделении Курсов усовершенствования по разведке (1935) и некоторое время был секретным уполномоченным Специального (диверсионного) отдела «А» Управления. Те же Курсы, но тремя годами раньше окончил капитан-лейтенант Л. К. Бекренев, работавший в Испании по линии военно-морской разведки. В республику он был направлен с должности начальника отделения Разведотдела Черноморского флота. Военный инженер 2-го ранга А. И. Эмильев (под этим именем в СССР

жил и работал болгарский коммунист С. Контров) в 1930–1935 годы выполнял задания в ряде европейских стран, а затем преподавал в Школе Разведупра; в Испании он стал советником 14-го (партизанского) корпуса Интернациональных бригад. Военный инженер 3-го ранга И. Г. Старинов («Вольф») в начале 1930-х годов готовил для Разведупра и Коминтерна партизанские кадры: специалист по минно-подрывному делу, он командовал интернациональным диверсионным отрядом в составе 14-го (партизанского) корпуса. Организацией партизанского движения в Испании занимался Г. И. Семенов, сотрудник Региструпра – Разведупра с 1920 года. Семенов выполнял задания в Германии и Китае, и перед командировкой на Пиренейский полуостров он вернулся из Монголии. Военный атташе комбриг В. Е. Горев ранее служил в РККА и в Особых отделах ВЧК-ГПУ фронтов, армий и МВО. По завершении учебы на Восточном факультете Военной академии РККА он занял должность военного советника в Китае (1925–1927), позднее в начале 1930-х, работал резидентом военной разведки в США. Помощником Горева был майор Д. О. Львович («Лоти»); находясь в Испании, он продолжал числиться в должности заместителя начальника Разведотдела ЛВО. Службу в РККА он начинал в политорганах, а с 1921 года стал сотрудником военной разведки. Работал в Персии, Турции и Германии, а также в центральном аппарате.

«Отправке советников, – как писал исследователь Ю. Рыбалкин, – предшествовал отбор кандидатов в советнический аппарат, который производился, как правило, центральными управлениями и кадровыми органами Наркомата обороны через командующих военными округами. Главные и старшие военные советники, советники фронтов и дивизий утверждались ЦК ВКП(б). Отъезжающих инструктировал лично начальник Разведуправления Наркомата обороны С. Урицкий (Директор)». Советники и переводчики, воевавшие в Испании, вспоминали позднее о своих встречах с Семеном Петровичем. Вот лишь три эпизода из очень многих.

Н. Кузнецов: «– Известно ли вам, какие события происходят в Испании? – сразу спросил начальник управления Семен Петрович Урицкий. – Конечно, – ответил я, несколько удивленный этим вопросом. – А хотели бы вы отправиться туда? Не дав мне ответить, он стал рассказывать о гражданской войне на Пиренейском полуострове, причем намеренно сгущал краски, стараясь подчеркнуть опасность, которой подвергается всякий, кто попадает в эту страну. – Словом, учтите, что вас ждет, и подумайте, прежде чем говорить «да» или «нет». Все зависит от вашего желания. У меня не было особой нужды раздумывать. Я сказал, что согласен. – Очень хорошо, – отозвался Урицкий. – Я был обязан предупредить вас и доложить начальству, если замечу, что вы колеблетесь. Вы назначены в Испанию нашим военно-морским атташе. Это было так неожиданно, что я не сразу нашелся, что ответить. Урицкий внимательно посмотрел на меня: – Что вы знаете об Испании? – Видимо, на моем лице была написана растерянность. – Разумеется, как моряк, не больше, – поспешил он добавить… Я рассказал Урицкому все, что сохранилось в памяти. – А что вы знаете о состоянии испанского флота? – спросил меня Семен Петрович. Я помянул про себя добрым словом английский справочник, который мы совсем недавно листали в кают-компании «Червоной Украины». Стал перечислять линкоры, крейсера, эсминцы, назвал основные базы – Кадис, Эль-Ферроль, Картахену. Не знаю, какой балл мысленно выставил мой экзаменатор, но, видимо, экзамен я все же сдал. Затем Урицкий начал знакомить меня с обязанностями военно-морского атташе. Всего лишь несколько дней назад были возобновлены дипломатические отношения между СССР и Испанией. Из советских людей в Испании находились только вездесущие журналисты. В «Правде» появились первые корреспонденции Михаила Кольцова. Их читали с огромным интересом. Было много желающих поехать в эту страну, чтобы воевать на стороне республиканского правительства, но ни одного добровольца еще не отправили. В Мадрид выехал наш посол М.И. Розенберг. За ним следом отправился

военный атташе В.Е. Горев. Теперь предстояло ехать мне. Водя карандашом по карте, Урицкий знакомил меня с положением на фронтах. – Условия, в которых вам предстоит работать, необычные. Ваша задача заключается в том, чтобы по возможности помогать флоту законного правительства республики… Когда можете вылететь в Париж? Штатское платье у вас есть?.. – забросал меня вопросами Урицкий. Я ответил, что штатского платья у меня нет, и мне были даны сутки на сборы и экипировку. Уже прощаясь, Семен Петрович спросил, что я знаю о Лепанто. Может быть, он думал о Сервантесе, солдате испанского флота, потерявшем в морской битве при Лепанто руку? Не случись этого, возможно, Сервантес не стал бы писателем и человечество не получило бы «Дон Кихота»? Я вспомнил лишь, что при Лепанто христианский Запад сражался с мусульманской Турцией. Остальное узнал позднее: подробности из биографии Сервантеса, то, что битва при Лепанто была последней битвой галерного флота, на смену которому пришли парусные суда, и что после этой битвы владычество Испании на морях уже стало ослабевать… Многое об Испании мне еще предстояло узнать. Рано утром 23 августа 1936 года я вылетел из Москвы».

А. Родимцев: «Несколько раз обращался я к командованию с просьбой послать в Испанию. Ответа долго не было. И когда я уже было совсем решил, что не удастся поехать добровольцем, меня вызвали к комдиву Урицкому. Это было 11 сентября 1936 года… Девять часов вечера. Подошла моя очередь. Встал со стула, мысленно повторил про себя: «Товарищ комдив, старший лейтенант Родимцев по вашему вызову прибыл». Волнуясь, открыл дверь кабинета. Человек в военной форме, с посеребренными висками и красными от бессонницы глазами поднялся из-за стола и подошел ко мне. Пожал руку, предложил сесть.

– Нам известно, – начал он, – что вы более трех лет командуете взводом в полковой школе. Мы согласны, Александр Ильич, удовлетворить вашу просьбу. Поедете в Испанию. Там позарез нужны пулеметчики. Довольны?

– Большое спасибо, – ответил я. – Оправдаю доверие.

– У вас жена и дочка?

– Так точно.

– Придется некоторое время им пожить одним. Будет трудно поможем. А вам даю сутки на сборы. Готовьтесь… Завтра в 12 часов приходите сюда. Переоденетесь в гражданскую одежду, получите паспорт и в 21 час с Белорусского вокзала отправитесь в путь.

– Мне надо сдать эскадрон, кое-какое полковое имущество, доложить командиру полка об отъезде. – Вам, товарищ Родимцев, ничего и никому не нужно сдавать и докладывать. И жене как можно меньше говорите. После отъезда мы сами сообщим в полк. С вас все спишут и назначат другого командира. Счастливо, – жмет мне руку Урицкий. – Пропуск отметите в приемной. До свидания».

А. Обручева (Старинова): «Шли дни. События в Испании широко освещались советской печатью. Я читала корреспонденцию Михаила Кольцова, поражаясь и мужеством испанцев, и отвагой автора. Внезапно ко мне на квартиру приходит незнакомая женщина. Представилась: «Урванцева». И предупредила, что все, о чем пойдет речь, я не должна разглашать. Вскоре она пригласила меня к себе на службу и попросила заполнить большую анкету. Урванцева внимательно прочла ее, ничего не сказала, но я уже догадалась, что это связано с возможной командировкой в Испанию. Через несколько дней она зашла ко мне и довольная сообщила: – Ну, вот и хорошо, что застала Вас дома. Собирайтесь, поедемте к товарищам, которые хотят с вами побеседовать. Это было так неожиданно, что я немного растерялась, но, глянув на полную, добродушную и улыбающуюся Урванцеву, успокоилась. Через полчаса я очутилась в большом учреждении, недалеко от моей квартиры. Разговаривал со мной высокий, статный, с крупными чертами лица и густой шевелюрой военный, как я потом узнала – Г.Л. Туманян. Перед ним лежала моя анкета. – Значит, Вы готовы выехать в длительную командировку? – спросил он и ласково, по-дружески посмотрел на меня. –

Готова! – А дочь? – Устрою и дочь. Родные и друзья присмотрят! Недолго продолжалась наша беседа. Чувствовалось, что Гай Лазаревич уже многое обо мне знал, все было просто и ясно. Мы с ним тепло распрощались, и я поняла, что это не последняя встреча. Меня опять предупредили, чтобы я никому ничего не говорила. Прошло некоторое время, и я точно в назначенный час вновь была в кабинете Туманяна, где находился еще один человек. Нас познакомили, и я узнала, что меня назначают его переводчицей. – Надеюсь, довольны, товарищ Порохняк? – спросил незнакомца Гай Лазаревич. – Да, да… конечно, – как-то по-военному выпрямившись и избегая моих глаз, ответил тот. Глядя на своего будущего начальника [это был И. Г. Старинов. – Авт.], я еще не понимала, чем он будет заниматься в Испании. Порохняк был в новом, штатском костюме, и было заметно, что он его стесняется, – в нем угадывался военный. Это, видимо, заметил и Гай Лазаревич. – Вы теперь не военинженер 3-го ранга, – сказал он, – а гражданин… Александр Порохняк. Вскоре нас, вместе с другими отъезжающими в Испанию, принимал комкор – Семен Петрович Урицкий. Семен Петрович беседовал с нами с каким-то внутренним подъемом, предупреждал, что впереди много трудностей, опасностей, но мы должны обязательно оправдать оказанное нам высокое доверие. Он вспоминал о больших испытаниях, которые наш народ перенес в войне против белогвардейцев и иностранных интервентов в 1918–1920 годах. Заканчивая беседу, Урицкий сказал: – Надеюсь, вы сделаете все, чтобы помочь испанскому народу защитить свободу и демократию в борьбе против фашистских мятежников и интервентов!

Переночевали в Варшаве, проехали через Чехословакию в Вену. На следующий день экспрессом прибыли в Париж. Нас встретили и помогли ознакомиться со столицей Франции. Вечером 22 ноября мы, наконец, выехали в Испанию»[2].

Плодотворным было и начавшееся при Урицком разведывательное сотрудничество с Чехословакией, ставшее возможным после подписания в Праге 16 мая 1935 года советско-чехословацкого договора о взаимной помощи. Уже во время больших маневров Киевского военного округа (12–17 сентября) и после них (24 сентября) Семен Петрович несколько раз встречался по этому поводу со своим коллегой, начальником 2-го отдела Главного штаба чехословацкой армии полковником Шимоном Дргачом и с начальником Главного штаба генералом армии Людвиком Крейчи.

После посещения Праги в декабре 1935 года Артузовым соглашение о сотрудничестве было утверждено и в новом 1936 году перешло в практическую плоскость[3].

С командой А. Х. Артузова, которую Сталин направил спасать Разведупр, у Урицкого явно не сложились отношения. Во всяком случае, Артур Христианович жаловался, что начальник Управления плохо к ним относится (в письме самому Урицкому 20 декабря 1936 года). И в качестве примера указывал на то, что Семен Петрович отстранил руководителей двух агентурных отделов Ф. Я. Карина и О. О. Штейнбрюка от обсуждения оперативных вопросов. Он писал: «Я думаю, что я привел в Разведупр неплохой народ. Ему не хватает военной школы, у него много недостатков, но он полезен для разведки». И в письме Сталину (17 января 1937) Артузов отмечал: «Урицкий верил и считался со мной и моими соображениями по агентурной работе. Но, однако, неправильно и придирчиво относился к разведчикам-чекистам, пришедшим из ИНО ОГПУ… У меня с Урицким не было разногласий, но он крайне ревниво относился к моим встречам с Ежовым». Причины таких взаимоотношений понятны, подробнее о них в предыдущем очерке.

Нужно при этом отметить, что Семён Петрович, проработал несколько лет в нелегальной разведке за границей, но большую часть жизни прослужил в войсках на строевых должностях. Возможно при всех своих способностях он не был столь профессионально подготовлен как это необходимо. Но и команда Артузова, как уже отмечалось, не вполне была готова к работе в военной разведке. Со временем все могло бы нормализоваться, но времени как раз у них и не было. К тому же, как мне видится,

пришельцам из «соседнего» ведомства, несмотря на их статус, раскрыли далеко не все тайны Разведупра. Видимо поэтому Артузов докладывал по начальству, что в военной разведке дела обстоят весьма плохо, а в Германии вообще остался 1 агент. Интересно и примечание к этому документу, из которого становится ясно, что свой доклад Артур Христианович готовил главным образом на основании данных НКВД о Разведупре, а не сведений самого Управления. Наверное по этой же причине он стал ускоренными темпами создавать новые агентурные организации с помощью своих соратников из ИНО и молодых кадров, принятых на работу в РУ РККА.

«Загруженный до предела этой работой, Семён Петрович не замыкался в ней. Он изучал высшую математику, физику, астрономию. Владел французским и польским языками, знал немецкий. Досуг отдавал литературе. Он много писал, его рассказы печатались в журнале «30 дней» и других изданиях. Будучи в Германии в 1931–1932 годах, он задумал большой роман о германской военщине и написал его. Редактировал роман известный советский писатель Петр Павленко, с которым Семёна Петровича связывала тесная дружба. В кругу его близких знакомых были также Михаил Кольцов, комсомольские руководители Александр Косарев и Дмитрий Лукьянов, известный писатель Борис Лавренёв. Все они принимали живейшее участие в его домашней сатирической газете. Даже И. Ф. Федько присылал для неё очерки с Дальнего Востока» – писал биограф С. П. Урицкого Ю. Геллер[4].

9 июня Урицкий освобожден от руководства Управлением и назначен заместителем нового командующего войсками Московского военного округа, своего тезки маршала Буденного. Дела он сдал прибывшему из Испании Берзину.

В ночь на 1 ноября комкор Урицкий был арестован.

О методах и результатах следствия едва ли стоит говорить. Вспомним только один пример, приведенный на следствии в 1939 г. бывшим заместителем Ежова Михаилом Фриновским. «Урицкий отказался от показаний на Белова [командующий белорусским военным округом, командарм 1 ранга. – Авт.] при допросе его Ежовым. Не став с ним ни о чем разговаривать, Ежов ушел, а спустя несколько минут Урицкий через Николаева [Н. Г. Николаев-Журид, начальник Особого отдела ГУГБ НКВД. – Авт.] извинился перед Ежовым и говорил, что он «смалодушничал». Авторы совместной справки КПК при ЦК КПСС и КГБ СССР по «делу о военно-фашистском заговоре в Красной Армии», в которой приведены показания Фриновского, отмечают, «что в личной записной книжке Ежова, хранящейся в архиве ЦК КПСС, имеется пометка о необходимости избиения арестованного Урицкого»[5].

Военная коллегия Верховного Суда СССР 1 августа 1938 года приговорила его к смертной казни. Семён Петрович Урицкий был расстрелян тем же вечером. Его реабилитировали 7 марта 1956-го.

Примечания

[1] Обертас И.Л. Командарм Федько. М., 1973. С. 68–70.

[1a] РГАСПИ. Ф.124. Оп.1. Д.1975. Л.21.

[2] Они руководили ГРУ. М., 2005. С. 131–140.

[3] Кочик В.Я. «Мы можем быть вам полезны…»: Разведки СССР и Чехословакии тесно сотрудничали между собой с середины 1930-х годов // Независимое военное обозрение. М., 2007. 23 марта

[4] Красная звезда. М., 1965. 2 марта.

[5] Военно-исторический архив. М., 1997. Вып.2. С.52.

Часть вторая
Разведчики и резиденты

Советские разведчики в жизни одной московской семьи: по следам давней публикации в журнале «Огонёк»

Карел Йозефович Смишек (1893–1968)

Много лет назад

1964 год был совершенно особым в истории советской военной разведки. В тот период (начало 1960-х годов) наконец-то появилась возможность, поначалу небольшая, рассказывать о деятельности «наших людей», которые вели разведку за рубежом. И первым из них стал, по-видимому, Рихард Зорге. Сначала в тот год на киноэкраны СССР вышел художественный фильм «Кто Вы д-р Зорге?» (Франция – Германия – Италия – Япония), снятый французским режиссером Ивом Чампи в 1961 г. по сценарию лично знавшего Зорге бывшего сотрудника германского посольства в Токио (1936–1939 гг.), а затем работника центрального аппарата МИД III Рейха Ганса-Отто Мейснера. Потом, в первых числах сентября, статьи о нем появились в главных газетах страны – «Правде» и «Известиях», положивших начало великому множеству публикаций о жизни и деятельности этого выдающегося разведчика в советской и российской периодике. Стали писать о руководителях военной разведки (Я. К. Берзине и С. П. Урицком), соратниках Рихарда Зорге в Китае и Японии, других военных разведчиках. И так по нарастающей вплоть до нынешнего дня. Зорге посвящены изданные в последние годы четырехтомный труд Михаила Алексеевича Алексеева: Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М., 2010; «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае, 1930–1933 гг. М., 2010; «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии, 1939–1941 гг. М., 2017. Кн.1,2.

Однако в некоторых статьях первой волны публикаций отсутствовали данные о принадлежности их героев к разведке, заслуги этих людей выражались тогда лишь общими словами. Среди них был и Карел Смишек.

7 ноября 1964 года Рихарду Зорге посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. А на следующий день вышел очередной номер журнала «Огонек» (№ 46) с небольшой статьей В. А. Журавского (корреспондента «Правды» в Чехословакии)[1]. Там шла речь об участии Карела Йозефовича в Гражданской войне в Сибири, о том, что «по путевке Коминтерна, напечатанной на льняном полотне, он возвратился на родину», об участии его в Великой Отечественной войне. Вся жизнь Карела Йозефовича (или, согласно архивным документам, Карла Иосифовича) между последними двумя событиями, а это более 20 лет, уместилась на двух коротких строчках: «Годы, многие годы тяжелой и рискованной подпольной работы, где каждый день, каждый час грозил тюрьмой и смертью…». Статья сопровождалась небольшой фотографией Смишека.

Названный номер «Огонька» попал и в одну из московских семей, где на публикацию Василия Журавского обратила внимание Мария Сергеевна Козлова. Увидев пристатейный портрет, она узнала на нем своего бывшего мужа, которого знала под другим именем и фамилией и с которым уже 20 лет как потеряла связь. Мария Сергеевна подозвала свою дочь Любовь Анатольевну, показала ей журнальный снимок и сказала: «ЭТО ТВОЙ ОТЕЦ».

Кто такой Карел Смишек?

Сейчас уже стало возможно рассказать о нем, о его семье более подробно, в основном благодаря фондам и сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и воспоминаниям Ирины Анатольевны Бычковой, внучки Карела Йозефовича. В статье использованы также материалы Российского государственного

военного архива (РГВА), сотрудники которого много лет помогали автору в работе.

Он родился 13 декабря 1893 года в г. Ныржаны, что близ Пльзени, в рабочей семье. Тогда Чехия еще входила в состав Австро-Венгерской империи. С 15 лет он работал на шахте «Роудный» у Бенешова, попутно окончив 5 классов народной школы при шахте и 3 класса средней школы в Вотице. Слесарничал на заводе Франтишека Кржижека в Праге, завершив при этом обучение в вечернем электротехникуме. С началом 1-й мировой войны он, как и многие другие граждане империи призывного возраста, был мобилизован в Австро-Венгерскую армию и отправлен на Восточный фронт, но его участие в военных действиях не состоялось. Как сказано в упомянутой выше огоньковской статье «солдаты 28-го Пражского полка, в котором служил Карел Смишек, расстреляли немецких офицеров и в полном составе, организованно сдались в плен русским».

Из Галиции военнопленных чехословаков доставили в Сибирь. Два года (1915–1917) Карел Йозефович трудился в железнодорожной больнице в Омске и Боготоле, состоял в марксистском кружке, выполнял партийные поручения. Среди знакомых ему по тем временам представителей компартии Смишек особо выделял ссыльного смоленского большевика Смотрова, погибшего на фронте в годы гражданской войны. В июне 1917 г. Карел Йозефович по заданию партии вступил в чехословацкий легион. Новобранцев доставили на Украину в Барышевку, где Карла Йозефовича зачислили в 5-ю роту 8-го полка. Однако за революционную агитацию и отказ участвовать в наступлении, его приговорили в конце 1918 г. к тюремному заключению. После этого Смишека направили обратно в Сибирь, для прохождения службы в штрафной роте, откуда в начале января 1920 г. он сбежал в Иркутск. Спустя примерно два месяца его приняли кандидатом в члены РКП(б) и отправили на фронт в качестве бойца 1-го Интернационального полка Красной Армии, почти всю весну он воевал против «каппелевцев и семеновцев». ««Она, матушка Сибирь», – сказал корреспонденту «Правды» Карел Смишек, – и сделала меня человеком. Потому что там было тогда много прекрасных революционеров, большевиков».

Уже в июне Карла Йозефовича сняли с фронтовой работы и отправили на краткосрочные политические курсы чешской секции ИККИ в Омске, а затем на политические курсы ИККИ в Москве. В течение четырех месяцев этих курсантов готовили для политработы в Европе.

Тем временем военная разведка Страны Советов, родившаяся 5 ноября 1918 года, активизировала свою работу. Начальник Полевого штаба РВС Республики дал задание В.Х. Ауссему, начальнику Регистрационного управления, «организовать агентурную разведку в широком масштабе» (февраль 1920 г.), выходя за рамки сопредельных с Советской Россией стран. Необходимость глубокой разведки, как подчеркивал в свою очередь В.Х. Ауссем (апрель 1920 г.), «возрастает с каждым днем, так как предугадать всех возможных планов империалистических кругов нельзя, а что таковые будут строиться самыми различными способами, сомневаться не приходится и, в первую очередь, будет использована огромная численно русская эмиграции», что же касается получения информации «о планах и приготовлениях против нас делающихся за границей», то, как считал Ауссем, эта работа «значительно отличается от разведки в тылу белогвардейцев» и «требует от ведущих ее лиц большого политического кругозора, знания языков и местных условий…»[2]. И Смишек видимо отвечал всем этим критериям.

Разведчик Страны Советов

С мандатом Коминтерна, выданным ему 22.10.1920 г., он вернулся на родину вместе с группой бывших военнопленных Австро-Венгерской армии по маршруту Москва – Ревель –

Штеттин – Прага. Работать устроился на шахту в г. Вотице, где также выполнял обязанности секретаря партийной ячейки шахты, был профсоюзным деятелем. Через два с небольшим года Карел Йозефович переехал на жительство в Прагу (январь 1923 г.) и на многие годы его рабочим местом стали ВТМ (Военно-телеграфные мастерские – Vojenské telegrafní dílny). Несмотря на скромное название, этот завод был одним из ведущих предприятий военно-промышленного комплекса страны и располагался на территории пражского военного аэродрома Кбели. На заводе он по-прежнему выполнял различные партийные поручения, а «квартира его использовалась для явок болгарских партработников». Дело в том, что в стране находилось немало болгар, которые приехали в Чехословакию учиться. Некоторые из них оставались в ЧСР работать. Кроме того, там, как и во многих других странах Европы, находились так называемые огородники – болгары, занимавшиеся сельским хозяйством. К тому же через Чехословакию проходил нелегальный партийный канал связи София – Прага – Москва.

Здание Военно-телеграфных мастерских на аэродроме Кбели (Прага)

Но уже вскоре ситуация изменилась, квалифицированный рабочий, радиотехник Карел Смишек «по решению партии с 1923 г. прекратил связь с партией», поскольку начал выполнять задания «по особой линии». В данном случае это означало, что он перешел в распоряжение чехословацкой резидентуры советской военной разведки (в тот период это Разведотдел, 1923–1924 – Разведуправление, 1924–1934 Штаба РККА). Как много лет спустя (30.03.1943 г.) отмечало руководство Компартии Чехословакии, «он выполнял в течение 10 лет свою работу с сознанием долга»[3]. ВТМ, где Карел Йозефович трудился, официально открыты были в мае 1923 г., т. е. он вошел в состав первого набора рабочей силы для этого предприятия, которое, как говорят, с самого начала успешно справлялось с поставленными перед ним задачами по разработке и производству технических средств радио-, телеграфной и телефонной связи для чехословацкой армии. В составе ВТМ помимо производственных подразделений находились также – конструкторское бюро и экспериментальные мастерские. Некоторые из изделий ВТМ (в том числе окопная рация ТРД I) успешно прошли проверку в том же году на первых больших армейских маневрах. В дальнейшем это предприятие развивалось, увеличивалась номенклатура выпускаемых им изделий, объёмы производства, повышалось качество созданной на заводе аппаратуры, оборудования и производимой на нем же продукции.

И Карел Смишек не был одинок на этом своем новом посту.

Резидентуры «Марта» и «Шварца»

Кем были его руководители и соратники в течение первых семи лет достоверно не известно. Возможно среди них находились и чехословацкие резиденты советской военной разведки А.Г. Ганзен, С.В. Жбиковский, Л.А. Борович, Х. Боев, были, наверное, и другие люди. Так, например, в конце 1920-х годов резидентуру в Праге возглавлял разведчик, работавший под оперативным псевдонимом «Олег». Вместе с тем можно считать установленным, что в 1930-м Карела Йозефовича передали на связь чехословацкому резиденту Разведуправления Штаба РККА Ивану Крекманову («Шварц», «Ян»), приступившего к работе в 1929 г., имея на руках нидерландский паспорт на имя Георга Майермана. Начальником «Шварца» являлся главный резидент Разведупра Иван Винаров («Март»), штаб-квартира которого находилась в столице Австрии – Вене (7-й район, ул. Штумпергасе, дом № 45). Одним из основных направлений деятельности главной резидентуры (как и ее чехословацкого подразделения) являлась военно-техническая разведка.

«Скоро у нас сформировались две группы, – вспоминал Крекманов. – В первую входили инженер Лудвиг Лацина, заведующий отделом патентов дирекции заводов «Шкода» в Праге, инженер Камил Китрих, офицер запаса, инженер Марин Калбуров с завода «Колбен-Данек». Во вторую группу, за которую отвечал Стефан Буюклиев, входили Ян Досталек, конструктор военной фабрики в Праге, Ярмила, копировальщица военного завода в Пльзене, и Иван Тевекелиев, студент, служивший для связи с военными заводами «Збройовка» в Брно… С помощью моего старого знакомого Маринковича, секретаря югославских коммунистов в Праге, к работе было привлечено и несколько югославских студентов – Драгутин Чолич для явки, медичка Боца для технической связи и семья Владко Беговича – как связные»; помогали и местные коммунисты, с их генсеком Готвальдом Крекманов несколько раз встречался. От Китриха поступали секретные военные приказы, чертежи и схемы,

сведения о французской агентуре в Чехословакии, а после военных сборов он, по словам Крекманова, передал Марии Абаджиевой «целую тетрадь с ценной информацией, в том числе и чертежи новой ручной гранаты, которая, как я узнал позднее, вызвала большие споры среди наших специалистов». Калабуров добыл чертежи легкого пулемета «Брен», выпускавшегося в Брно по английской лицензии, нового противогаза, изготовлявшегося в городе Страконице пистолета «Збройовка», сведения о винтовках и пулеметах производства заводов «Динамит-Нобель» в Братиславе и т. п. Копировальщица пльзенского завода снимала «по одному экземпляру с каждого чертежа оружия, которое должно было поступить в производство. Первый из них – чертеж 75-мм гаубицы – ее отец перевез в своем деревянном протезе и доставил на явочную квартиру Франтишека Кадлеца»[4]. Вся собранная информация переправлялась в Вену на явку в квартире австрийского коммуниста Петера Шталя. Связь с ним поддерживали секретарь болгарских коммунистов в Вене Минчо Маринов [здесь видимо имелся в виду секретарь венской партийной группы содействия БКП Тома Маринов] и югославская студентка-медик Николич.

Партийные группы содействия (ПГС) стали создаваться Болгарской компартией в конце 1920-х по поручению Георгия Димитрова «в связи с угрозой военного похода против СССР» и «в случае необходимости они должны были действовать в тылу агрессора с оружием в руках». ПГС находились тогда в целом ряде европейских стран. В ожидании боевых действий они оказывали помощь и своей партии, и советской разведке.

Особо Крекманов отметил работу радиомеханика и радиоконструктора Яна Досталека. На предприятиях чехословацкой военной промышленности он работал с 1921 г. и, в конце концов, обосновался на заводе в Кбелях, там же где трудился и Карел Йозефович. Для армии ЧСР Досталек сконструировал на ВТМ радиостанцию, производство которой началось в 1931 г. Три комплекта своей рации он собрал нелегально и передал советским разведчикам, первая из них успешно была испытана в Бадене, что недалеко от Вены. Перевезти через границу удалось и вторую рацию. Но третья была обнаружена на таможне, и вскоре чехословацкая контрразведка вышла на след конструктора. Досталек был арестован в марте 1932 г. и на допросах с пристрастием никого не выдал, пять лет провел в заключении. Погиб в период нацистской оккупации.

Но Винаров и Крекманов в своих воспоминаниях назвали, конечно, далеко не всех своих соратников в европейских странах. Ни тот, ни другой не упомянули, например, Карела Смишека, хотя Винаров и говорил о нем в одном из своих интервью в Чехословакии. В операции по приобретению и вывозу в Советский Союз технической документации на новые виды оружия, изготовлявшегося на предприятиях ЧСР по заказам и лицензиям западных фирм, принимал участие чех Йозеф Бейдо (1927–1931), продавец, грузчик, агент частных фирм в Моравской Остраве, «надежный и преданный член партии». Его и Карела Смишека пути-дороги пересекутся позднее в СССР.

Чехословацкие провалы 1932–1933 гг. Смишека не затронули. Он был отозван из Праги в апреле 1933-го «после провала, не по его вине, выехал в СССР» и благополучно добрался до Москвы. Полиция ЧСР узнала о нем гораздо позже. Лишь 8 февраля 1934 г. он был объявлен в розыск полицейским управлением чехословацкой столицы.

Радиотехник Разведупра

В Москве он отчитался о проделанной за десять лет работе и получил новое имя. В центральном аппарате РУ Штаба РККА появился сотрудник, которого звали Анатолий Михайлович Толлер. Он проработал там по своей специальности чуть более пяти лет, был сотрудником технических подразделений Управления, в частности, радиотехником, потом

старшим радиотехником НИИ по технике связи, созданного в январе 1935 г. После введения в РККА персональных воинских званий он стал военным техником 2-го ранга (24.01.1936), т. е. лейтенантом. С того же года он – советский гражданин.

А тем временем ситуация в Разведупре складывалась не простая. В 1934 г. свой доклад о ситуации в военной разведке направил И.В. Сталину глава ОГПУ Генрих Ягода. О провалах в своем ведомстве (в ИНО ОГПУ) он даже не упомянул. На основании его доноса только на первом этапе из РУ было уволено более четырехсот человек. И в результете – все предвоенные годы в органах советской военной разведки существовал больший или меньший некомплект кадров. О деятельности А. Х. Артузова в РУ мы уже говорили.

При С. П. Урицком, который сменил Я.К. Берзина, старшего радиотехника НИИ по технике связи при РУ А. М. Толлера (Смишека) зачислили в январе 1937 г. в распоряжение военной разведки «для использования на специальной работе»[5], и в 1937–1938 гг. он, видимо, находился за рубежом. А когда и.о. начальника РУ стал С. Г. Гендин его уволили из разведки (24.06.1938 г.), но сделали это по наиболее мягкой статье «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» (№ 43а) – «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией».

Семья

Еще в 1920 г. Карел Йозефович женился на Альбине Шимек, с которой служил в 1-м Интернациональном полку, а позднее занимался в Москве на курсах «для подготовки на запад». Судя по всему, в Чехословакию она с ним не попала и контакт между ними был потерян. Вернувшись в Москву, Смишек познакомился через некоторое время в Подмосковье с Марией Козловой, которая работала администратором в доме отдыха Коминтерна (хотя есть основания предполагать, что за этой вывеской могла скрываться мастерская или цех ИККИ по разработке и производству радиоаппаратуры). Они стали жить вместе в столице, снимая там комнату на Зубовском бульваре.

Жена его имела всего 4 класса образования, но была весьма дельным человеком и стала хорошей матерью. Успешно освоила несколько профессий, в том числе маникюрши, трудилась в одном из престижных московских салонов красоты. Но главным делом ее жизни стала административная работа. Из всех языков, кроме русского, она знала только тайный – язык коробейников. И общалась на нем со знакомыми, когда тема разговора не была предназначена для детских ушей.

В 1935 г. у Марии и Карела родилась дочь, которую они назвали Любой. И все шло хорошо, пока однажды Карел Йозефович, придя с работы, не сообщил Марии Сергеевне, что к нему из ЧСР приехала его законная супруга. Не раздумывая долго, она указала ему на дверь. Впрочем, отношения между ними остались дружескими. Время от времени Смишек заходил к ним и один и с чехословацкой супругой. Та была по профессии белошвейкой и часто дарила бывшей семье мужа постельное и детское белье собственного изготовления.

Через некоторое время Мария Сергеевна познакомилась с Вильгельмом Бюргелем, младшим коллегой Смишека по военной разведке. Немец Вилли, родившийся в 1901 г., окончил 8 классов средней школы, работал на фабрике в Австрии (1915–1921), был моряком дальнего плавания на германских торговых судах (1923–1931), состоял членом компартий Австрии и Германии, выполнял ответственную партийную работу. Советским разведчиком стал в 1932 г. Пройдя восьмимесячное обучение радиоделу в Москве, работал полтора года в Китае, затем – радио-инструктор в центральном аппарате Разведупра. У них родился сын – Рудольф. Перед самой войной Вилли Бюргель был необоснованно репрессирован и умер в ИТЛ в 1942 г. Реабилитировали его спустя пятнадцать лет после смерти. Рудольф

Вильгельмович долгие годы жил вместе с матерью, потом была женитьба, развод, впоследствии переезд на жительство в дальнее Подмосковье, где его следы и затерялись.

Работа в таксопарке

Покинув, не по своей воле, Разведупр, Карел Смишек устроился на работу в 13-м московском таксомоторном парке, где его назначили бригадиром. Под его руководством оказался там и уволенный из Коминтерна, вышеупомянутый Йозеф Бейдо, ставший в Советском Союзе Иосифом Францевичем Байером. Окончив в Москве спецрадиошколу (1931–1932) он работал по линии ОМС – Службы связи ИККИ во Владивостоке, Алма-Ате, Ленинграде и Москве. Радистом он остался и в таксопарке. Карел Йозефович проработал в 13-м ТМП 2,5 года (январь 1939 – июль 1941). Несколько больше в «13-м» трудился Йозеф Бейдо.

Самыми распространенными автомобилями – такси, как гласит история, были в то время в Москве «Эмка» (М-1) Горьковского автозавода им. В.М. Молотова и «ЗИС-101» Московского автозавода им. И.В. Сталина. И ездили они не только по городским маршрутам, но были у них и загородные направления. Помимо обычных пассажиров, такси использовал тогда, в качестве служебного транспорта, ряд государственных учреждений, в том числе и Наркомат обороны СССР. Как повседневный транспорт такси арендовали для себя многие заслуженные москвичи и гости столицы.

Сотрудник НКВД и НИИ-100

В самом начале Великой Отечественной войны про Карела Смишека вспомнили в НКВД СССР. Возможно, его имя как радиоспециалиста назвал бывший главный резидент в Австрии Иван Винаров, который и сам уже работал в этой системе. В июле 1941 г. Карел Йозефович был командирован от этого ведомства на юг страны и пробыл там до сентября. Вполне вероятно, что он принимал участие в подготовке десантных групп, которые в конце лета были высажены в Болгарии и известны в истории как «подводники» и «парашютисты». Ведь среди руководителей их обучения был и Винаров. А Бейдо-Байер стал радистом одного из этих отрядов. В дальнейшем (до августа 1943 г.) Смишек служил радио-инструктором в органах того же наркомата, где занимался подготовкой кадров радистов для работы в тылу врага. В служебной характеристике указанного времени, с которой автору удалось познакомиться, его деятельность оценивалась положительно (30.12.1942 г.): «Тов. Сцинда подчеркивает, что знает т. Толлера только с положительной стороны по работе в системе НКВД». Густав Сцинда – немецкий коммунист, позднее отправленный из Москвы в советский партизанский отряд для выполнения особых заданий.

Вскоре встал вопрос об отправке в тыл противника и Карела Смишека. В связи с этим руководство Компартии Чехословакии дало ему такую оценку (30.03.1943 г.): «Он многие годы был изолирован от партии, но его специальная нелегальная работа, которую он продолжительное время выполнял, является гарантией его надежности». И в августе того же года его направили на учебу в спецшколу НИИ-100 при ЦК ВКП(б). НИИ-100 это одно из нескольких учреждений возникших в результате ликвидации Исполкома Коминтерна и заменивших его. Восьмимесячная подготовка успешно завершилась в апреле 1944 г. И на последнем ее этапе школьное начальство доложило по инстанции, что Карел Йозефович «к работе относится очень добросовестно и с интересом», а также «может самостоятельно изготовить и наладить аппаратуру».

Несколько месяцев он проработал в Москве в аппарате ЦК Компартии Чехословакии и в сентябре получил приказ десантироваться на базу одного из партизанских отрядов в Чехословакии, где в это время началось Словацкое национальное восстание. По начальству он доложил: «Все сообщения буду подписывать кличкой Смотров» (21.09.1944 г.), т. е. фамилий того ссыльного большевика, с которым судьба свела его в Сибири.

Перед отправкой Смишек забежал домой к Марии Сергеевне, попрощался с ней и с дочерью Любой, которая в это время гуляла во дворе. Больше они его не видели и не имели от него вестей. Ранее, в начале войны, спасаясь от налетов немецкой авиации на Москву, мать, дочь и сын эвакуировались из столицы в родные места Марии Сергеевны – деревню Большие Бугры Елецкого района, там, на короткое время, они оказались в оккупации, но вскоре были освобождены наступающей Красной Армией. Однако деревню немцы успели спалить, правда, предварительно выгнав из нее всех жителей. Через некоторое время после освобождения им удалось вернуться домой в Москву, где их и застал Карел Йозефович.

Прибыв на предназначенное ему место, он, в качестве радиста, работал с одним из лидеров КПЧ Яном Швермой, погибшим в бою с нацистами в ноябре 1944 г. Словацкое национальное восстание, в разнородном руководстве которого не было единства, разгромлено гитлеровцами в октябре. Однако на партизанское движение это особо не повлияло. Партизаны продолжали успешно действовать против врага и активно участвовали в освобождении страны. Потери вермахта в ходе восстания были значительными: 10350 военнослужащих убито, уничтожены 100 орудий и миномётов, 2 бронепоезда, 30 броневиков и бронемашин, свыше 1000 автомашин.

Послевоенное время

Когда наступило мирное время, партия направила Карела Смишека на работу в Министерство внутренних дел Чехословакии. Поначалу он был сотрудником МВД, потом помощником министра. Многие годы (1948–1961 гг.) возглавлял оперативно-технические подразделения в центральном аппарате Госбезопасности страны. В рамках своей компетенции он успешно обеспечивал деятельность всей системы ГБ, в том числе и внешней разведки. Несомненно, в этом ему помог десятилетний опыт работы на ВТМ в Праге и пятилетний – в НИИ по технике связи РУ Штаба РККА – РУ РККА.

Вместе с тем около трех лет (1945–1948 гг.) он был единственным радистом нелегальной партийной радиостанции, которая три раза в неделю поддерживала связь руководства КПЧ с Москвой. Материалы для сеанса связи ему доставлял специальный курьер. Некоторое время работа этой радиостанции продолжалась и после прихода к власти в ЧСР коммунистов (февраль 1948).

Надо заметить, что в чехословацком МВД в те годы трудился и хорошо знакомый ему Йозеф Бейдо-Байер.

После выхода на пенсию в 1961 году Карел Смишек не остался в стороне от своего ведомства, он участвовал, например, в подготовке молодых специалистов Корпуса национальной безопасности.

За свою многолетнюю деятельность он был награжден советскими орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «За отвагу»; чехословацкими орденами и медалями.

Генерал-майор Карел Йозефович Смишек умер 25 февраля 1968 года[6].

В поисках родных.

Неизвестность вокруг чехословацкого мужа Марии Сергеевны негативно влияла на судьбу дочери, поскольку некоторые чиновники предполагали, что за всем этим, на самом деле, кроется какая-то темная история. Поэтому Мария Сергеевна попыталась что-то узнать о судьбе своего первого мужа и послала запрос в Министерство обороны СССР. На него ответил начальник Управления кадров ГРУ генерал-майор И. М. Смоликов (21.05.1959). В небольшой справке он сообщил, что Толлер Анатолий Михайлович был сотрудником МО СССР, в звании военного техника 2-го ранга, с IV 1932 г. по VI 1939 г., когда был уволен в запас. Никаких подробностей, необходимых для розыска, там не было.

В то время, когда появилась упомянутая заметка в «Огоньке», Мария Сергеевна была администратором в знаменитом Театре-студии киноактера на ул. Воровского. Любовь Анатольевна, окончившая Станкостроительный техникум, работала в Госстандарте, была замужем за Анатолием Даниловичем Мишедченко, который стал крупным специалистом по подземным сооружениям, автором и соавтором целого ряда изобретений в этой области. Именно он настоял на том, чтобы жена попробовала все же найти своего отца. Через знакомых семья Козловых вышла на журналиста – международника, который взялся передать Смишеку письмо от дочери и ее фотографию на одной из международных коммунистических конференций в Чехословакии. И поручение он исполнил в точности, Карел Йозефович письмо взял, но реакции от него на послание дочери никакой не последовало, ни тогда, ни впоследствии.

Однако после его смерти с семьей Козловых – Мишедченко связалась последняя жена Карела Смишека – Кветослава Смишкова-Яноушкова, обнаружившая то письмо и снимок при разборе домашнего архива мужа. Она же приняла активное участие в том, чтобы московские родственники получили некоторую часть наследства генерал-майора Карела Смишека. Благодаря и ее усилиям их родственные связи были подтверждены юридически. Состоялось знакомство и с другими членами этой большой семьи.

Примечания

[1] Журавский В.А. Дорога длиною в полвека // Огонёк. М., 1964. № 46. С.10.
[2] РГАСПИ. Ф.17. Оп.109. Д.64. Л.19, 19об.
[3] РГАСПИ. Ф.495. Оп.272. Д.2609. Л.7, 7об.
[4] Крекманов И. Радиостанция «Ян Досталек» // Огни Болгарии. София, 1969. № 5.
[5] РГВА. Ф.37837. Оп.16. Д.74. Л.180.
[6] Rude pravo. Praha, 1968. 27 unora.

«Человек он крепкий… промаху не даст»: советский разведчик и коммерсант Артур Сташевский

После окончания гражданской войны в Советской России подводились ее итоги и награждались наиболее заслуженные командиры и бойцы Красной Армии. 13 июля 1922 года на заседании Президиума ВЦИК было принято решение: «Наградить тов. Артура Гиршфельда (Верховского) орденом Красного Знамени» (высшей в то время наградой Страны Советов) «за заслуги на агентурной работе». В постановлении ВЦИК и соответствующем секретном приказе РВС Республики по личному составу армии (№ 160 от 22.07.1922 г.) были указаны настоящие имя и фамилия, а также и один из псевдонимов интересующего нас командира РККА, но наиболее известен этот человек под фамилией СТАШЕВСКИЙ. С тех пор он числится среди первых краснознаменцев советской военной разведки. Тогда же он был награжден и знаком «Почетный чекист».

Артур Карлович Гиршфельд родился 24 декабря 1890 г. в Митаве Курляндской губернии (ныне г. Елгава в Латвии) в семье мелкого торговца – еврея, т. е. по меркам первых лет советской власти – в «мещанской», «мелкобуржуазной» семье. Из-за смерти отца с полутора лет воспитывался у дяди в Либаве (Лиепае), окончил там народную школу (а впоследствии экстерном и 4 класса гимназии). Только в 11 лет вернулся к матери, тогда уже жившей в польском городе Лодзь. Главными кормильцами этой большой семьи («9 душ детей») были старшие сестры Артура – учительницы. Через них и брата он познакомился с революционными идеями, поскольку его родные принимали участие в деятельности «Социал-демократии Королевства Польского и Литвы» (СДКПиЛ). Он и сам примкнул к работе этой партии (1905) и в том же году в первый раз был арестован, но в заключении его держали только неделю.

Покинув тюрьму, Артур стал работать счетоводом в одной из лодзинских контор и выполнять технические поручения партии (СДКПиЛ), в ряды которой вступил в 1906 г. В пору борьбы с «народовцами» (НДП – польская «Народово-демократическая партия»), входил в состав партийной милиции, противостоящей террору боевых отрядов НДП (1906). Вернулся в Либаву (1907), некоторое время состоял в местной военно-революционной организации, «оказывал технические услуги» (1907–1908). Выдан провокатором (кронштадтским матросом Байковым) и посажен в Либавскую тюрьму. Но через 6 месяцев ему удалось выйти под залог до суда. Воспользовавшись такой возможностью, Артур уехал из России за границу (1909) и стал политэмигрантом.

Как писал сам Сташевский, в СДКПиЛ он состоял до 1912 г., но конкретно о своей партийной работе в эмиграции (в доступных мне документах) не упоминал. Сначала он работал простым красильщиком (1909–1911), потом техником (1911–1913) на фабрике по окраске мехов в Париже. Потом переехал в Лондон, где работал техником-красильщиком на местной красильной фабрике (1913–1917).

В Россию он вернулся после революции, в ноябре 1917 г. Здесь некоторое время работал на красильне, потом был слушателем Лефортовской школы красных командиров (май 1918 – январь 1919), после окончания школы выполнял задания «Временного революционного рабочего правительства Литвы» (председатель В. Мицкявичюс-Капсукас), работал в тылу немецких войск в Двинске, Вильно, Ковно, где был арестован немцами, а потом выслан на другую сторону демаркационной линии, был также начальником партизанского отряда, сформированного им из немцев – перебежчиков и военнопленных. «Работал я тогда под фамилией Верховский, принимал участие в ряде боев под Жослями, где и был ранен. Принимал также участие в боях под Вильно, за что был награжден Ревсоветом

Запфронта золот. часами. Отряд при отступлении из Вильно в непрерывных стычках и боях потерял убитыми и раненными большую часть состава» – из автобиографии[1]. Вскоре Артура Верховского назначили на новую должность – военного комиссара бригады только что сформированной 4-й стрелковой (бывшей Литовской) дивизии (июнь 1919), чуть позже он стал комиссаром той же дивизии (июль – октябрь 1919).

С фронта Артура Карловича вызвали в штаб Западного фронта (ЗФ), где он занял пост начальника агентурного отделения политотдела фронтового РВС (ноябрь 1919 – апрель 1920), задача отделения – «разложение противника в виде широчайшего распространения в его рядах агитационной литературы», а также «политическая информация о противнике и контроль над всякими сношениями с ним». Одновременно он был заведующим «агентурным аппаратом» И. С. Уншлихта – уполномоченного Регистрационного управления Полевого штаба РВС Республики по разведке в Польше и к тому же члена РВС ЗФ[2]. Кроме того, Верховский заведовал Агентурным отделом Региструпра штаба. По рекомендации Уншлихта, от которого Л. Троцкий требовал усилить разведку против сопредельного государства, Артура Карловича назначили начальником разведки штаба фронта (апрель – декабрь 1920).

Еще в декабре 1919 г., выступая перед участниками совещания в Региструпре в Москве начальник Полевого штаба П. П. Лебедев на примере Польши очертил круг задач, которые должна решать агентурная разведка на разных уровнях: «Разведка разделяется на войсковую и агентурную. Грань эта в центре здесь проходит довольно резко, но на местах сравнительно более стушевывается. Цели агентурной разведки дать Оперативным Органам нужные сведения о военной мощи, ресурсах, политическо-экономических фактах и т. д., и намерениях той или иной страны, например, ПОЛЬШИ. В частности о Польше важно знать: 1) военную политику в отношении Советской России, 2) к белым правительствам (Деникина, Юденича), 3) к Германии, Чехословакии и т. д., 4) из кого состоит армия, роды войск по оружию, полевых запасных и т. д. частей, 5) его ресурсы в людях и т. д., как проходят мобилизации, система пополнения, призванные уже возраста, меры вербовки добровольцев, 6) группировку сил по театру военной линии и внутри страны. В этом смысле особенно важно наблюдение за переброской войск, особенно с одного фронта на другой»[3].

Когда Верховский принял дела Регистротдела «Штазапа», то оказалось что у Отдела в наличии только два действующих резидента, а большинство «ходоков на Польшу» не поляки. К тому же «дивизионные и армейские аппараты поставлены весьма плохо» (из доклада И. С. Уншлихта, 06.06.1920). Пришлось срочно принимать меры. В отчетном документе, направленном комиссару ПШ РВСР Д. И. Курскому за подписью И. С. Уншлихта и А. К. Верховского, докладывалось о том, как строилась разведка против Польши на Западном фронте уже в январе месяце 1920-го. «Общее число высланных агентов достигает 8; резиденции разбиты по следующим участкам: 1 резидент – Варшава с наблюдением на станциях в Молодечно, Седлец, Ивангород и Кельцы. 1 резидент исключительно на Варшаву. 2 резидента – Вильно, узловые станции – Кошедары, Свенцяны, Молодечно, Барановичи, Лида и Гродно. 3 – Ново-Свенцяны. 1 – Минск, район Молодечно, Лида, Барановичи, Борисов, Бобруйск и Вильно».

В Польшу были отправлены:

«1) Мариановский, коммунист, красный офицер, преданный делу, хорошо ориентирующийся в военных вопросах. В конспиративной работе он новичок и по характеру – боевой солдат. Это составляет его недостаток, как агента, но благодаря своей преданности и понятливости много обещает.

Мариановский назначен резидентом с местом резиденции в гор. Ново-Свенцянах. Порученный район – Вильно, Молодечно, Полоцк, Двинск, Свенцяны. Задания: общие задачи – освещать политическую и экономическую жизнь Литвы и Белоруссии, производить наблюдения за вышеуказанными железнодорожными узлами, взять под учет и сообщать о

всех резервных, запасаных и формирующихся частях, переброска войск и пр.

Специальные задачи: наблюдать за ходом формирования белорусско-литовской армии, организовать присылку газет, брошюр и разной литературы, по возможности один раз в неделю.

Первых сведений ожидать к 15-му февраля.

Мариановский выехал 11-го января.

(…)

2) Генрих, коммунист с партийным стажем, нелегальный работник Виленской организации, по образованию др. философии, с большой инициативой и большими связями, знающий хорошо условия жизни в Литве и Белоруссии. Назначен резидентом с местом резиденции в гор. Минске. Порученный район: Молодечно, Лида, Барановичи, Борисов, Бобруйск, Вильно. Общие задачи: как [можно] выше, с особенным ударением на политические вопросы, в которых он хорошо ориентируется. Специальные задачи: следить за организацией Литовско-Белорусской Армии, организовать регулярную доставку газет 2 раза в неделю, раздобыть фотографии и фамилии жандармов – провокаторов, связаться с школой краевой разведки, раздобыть всяческие военные приказы

Сведения ожидать к 15-му февраля.

Генрих выбыл 11-го января, денег получил николаевскими 30.000 р.

3) Розин, беспартийный сочувствующий коммунистам. Он способный и знает хорошо местные условия, но к самостоятельной работе не пригоден. Отправлен в распоряжение Генриха, по желанию последнего, инструктирован относительно общих задач агента. Специальных заданий не дано. Уехал 21-го января. Денег получил на дорогу николаевскими 5.000.

4) Гомруль – беспартийный, еврей, сочувствующий коммунистам, интеллигентный и поворотливый. Знает хорошо местные условия и имеет практику агентурной работы (работал в Витебском пункте Региструпа). Производит впечатление немного деморализованного этой работой, но при умелом использовании его может дать хорошие сведения. Назначен резидентом с местом резиденции в гор. Вильне. Порученный район: Кошедары, Гродно, Лида, Барановичи, Молодечно, Свенцяны. Задачи: общего характера – политические, экономические и военные. Специальные задания: взаимоотношения Польши с Литвой и Белоруссией и раздобытие во что бы то ни стало – приказов из Штаба Фронта Шептицкого, указывающих на намерения польского командования, организацию и состав лит-белорусского фронта и вновь формируемых частей, документы, освещающие организацию секции дефензива и ее тактику. Выяснение тыловых частей и их настроения.

Требование главным образом документальных данных от Гомруля объясняется необходимостью контролировать его. Курьеров посылать один раз в неделю, ходоков – один раз в две недели.

Первых сведений ожидать к 20-му февраля. Уехал 22-го января. Денег получил николаевскими 15.000.

5) Ясинский, молодой коммунист, поляк, преданный делу, из рабочей среды, интеллигентный, ловкий. Конспиративно не работал, но наверно скоро приспособится к этой работе. Назначен резидентом с местом резиденции в гор. Варшаве. Поручено ему наблюдение только за Варшавой. Общие задачи: политического, экономического и военного характера. Специальные задания – завязать сношения с Генеральным Штабом и с главным интендантским управлением для подробного выяснения организации и состава польской армии, намерения командования, снабжения армии и пополнения ее. Наблюдать за политической жизнью партий и дипломатическими отношениями. Курьеры – раз в неделю, ходоки – один раз в две недели.

Первых сведений ожидать к 1-му марта. Выезжает 29-го с.м., денег получил –

николаевскими 20.000 рублей.

6) Максим – коммунист, немец, уроженец Ковны, развитой и поворотливый, имеет большую практику в агентурной работе (работал в Витебском пункте Региструпа). Говорит на русском, польском, немецком и литовском языках. Посылается в качестве ходока для обследования пунктов: Полоцк, Лида, Барановичи, Лунинец, Сарны, Ровно. Обратный путь Барановичи, Минск, Борисов. Задачи: выяснение всех формирующихся запасных и резервных частей. Всестороннее освещение их состояния и состава. Выяснение организации и состава галлеровских войск. Выяснение организации и всестороннее освещение состояния войск группы полковника Сикорского.

Ожидать возвращения 10–15 марта. Выехал 28-го января, на дорогу получил николаевскими 15.000».

В завершение раздела Уншлихт коротко доложил об уровне специальной подготовки своих людей: «Каждый из посылаемых агентов был подробно инструктирован относительно задач разведки, характера, которые должны носить собираемые сведения, способа собирания сведений, пересылки их, конспирации и принципов организации армии».

Добыча информации помимо направления агентуры в Польшу проводилось Уншлихтом также по следующим направления:

– Опрос приезжающих. «Относительно приезжающих из Польши, Литвы и Белоруссии партийных товарищей и заслуживающих доверия жителей, мы вошли в соглашение с Ц.К. Литбел [ЦК Компартии Литвы и Белоруссии, существовавшей с марта 1919-го по сентябрь 1920-го], по которому все приезжающие из-за демаркационной линии, присылаются к нам для опроса по военным, политическим и экономическим вопросам. Таких опросов сделано было несколько и в отдельных случаях получили довольно интересные сведения, подтверждающие данные других источников. Особотдел присылает нам всех задержанных при переходе демарклинии. Дабы на будущее время получать таким путем более интересные и нужные нам сведения, все возвращающиеся за демарклинию и посылаемые туда работники получают от нас общие инструкции, благодаря которым они могут, не занимаясь специально агентурой, собирать по пути такие сведения. Таким же образом мы используем отдельных лиц, приезжающих в другие учреждения, как, например, в Особый Отдел».

– Использование торговых агентов. «Кроме того, в последнее время мы связались с Заведывающим Западного областного компленбежа, товарищем заслуживающим безусловного доверия, по вопросу об использовании для целей агентуры приезжающих и уезжающих за демарклинию торговых агентов. Использованы они будут таким образом:

1) Путем опроса приезжающих по общим политическим, военным и экономическим вопросам.

2) Для привоза газет, журналов и проч. литературы.

3) Заслуживающим некоторого доверия и обладающим связями на той стороне людям будут даваться определенные задания по выяснению расположения сил противника, войсковой организации, доставке приказов, директив и проч. Таким образом, мы, не принимая никаких обязательств по отношению к торговым агентам, которым нужно только содействие при переходе, можем получить в отдельных случаях хорошие сведения благодаря их связям и сметливости. Для этой цели при Отделении Пленбежа в Орше будет поставлен наш человек, на обязанности которого будет лежать опрос торговых агентов, сортировка и передача им наших поручений».

– Обзор зарубежной прессы. «Нами получаются газеты, доставляемые в ЦК Литбел, фронтовую и армейскую разведку, политотдел и активную разведку [разведывательно-диверсионную службу]. Газеты эти приходят обыкновенно с опозданиями: варшавские – на 10 дней, прифронтовые (минские и бобруйские) – на 5 дней. По мере доставки по возможности

ежедневно делается нами обзор прессы и важнейшие сведения посылаются в форме бюллетеней в Региструп. До сих пор послано 25 бюллетеней. Самые важные сведения посылаются немедленно по телеграфу. По мере накопления материалов и полученных сведений составляются доклады о политическом, экономическом и военном положении Польши. Такие доклады мы сделали до сих пор два, один за декабрь месяц, а другой за начало января с дополнительными сведениями за декабрь»[4].

Надо заметить, что тогда сотрудники Регистрационного отдела штаба Западного фронта работали, согласно архивным документам, по 11–20 часов в сутки. Они жаловались на недостаток денежных средств для работы, в том числе и зарубежной, на плохой паек и неаккуратную выдачу его.

Положение с разведкой улучшалось, но немедленно дать существенные результаты она не могла. Тем более, учитывая уровень подготовки имеющихся кадров (да и тех не хватало), а также и недостаточность финансирования разведывательной деятельности, имевшая место несогласованность действий различных подразделений военной разведки между собой и с другими военными, чекистскими и гражданскими организациями, параллелизм в работе, трудности связи. Все это сказывалось на войсковых операциях фронта, на ходе советско-польской войны 1920 г. При том некоторые начальники и командиры полагали, что для разведки вполне достаточно одной лишь преданности делу, а другие считали, что штабная работа вообще и разведка, в частности, не нужны. Как говорил один из известных командиров гражданской войны: «Весь штаб у меня в кармане». Когда подводились итоги гражданской войны, отмечалась, что многие партизанские командиры не признавали разведку, считая, что она не уменьшит сил противника.

Но отступать было некуда, приходилось работать с имеющимися кадрами и имеющимися средствами, постепенно развивая дело разведки. Негодные люди отсеивались, имеющие задатки для этой деятельности и желание работать приобретали в период гражданской войны опыт в органах разведки и контрразведки, на подпольной военной и партийной работе. Многие из них стали первыми, кто закрепился в составе Разведупра, обеспечивая его кадровую стабильность. Они стали теми людьми, про которых говорят: «с них начиналось ГРУ».

Было и еще одно направление деятельности «Регистрозапа» – активная разведка («активка»), то есть разведывательно-диверсионная деятельность.

И. С. Уншлихт докладывал председателю РВСР Л. Д. Троцкому (9.07.1920):

«Учитывая явно враждебное настроение крестьян Белоруссии по отношению к полякам, революционность крестьян, которая могла бы принести нам пользу в смысле разрушения тыла польской армии, мною в конце прошлого года [1919] было приступлено к созданию нелегальной военной организации – НВО».

Ее цель – «разрушение тыла польской армии, порча жел. дорог, мостов, всякого рода связи, отдельные теракты и в конечном смысле руководство крестьянским повстанческим движением под лозунгом Сов. Власти в противовес работе белорусских левых эсеров… было обращено внимание на всестороннюю работу в деревне, которая там не велась вовсе».

«В течение февраля, марта месяцев с.г. по апрель производилась организационная работа по этой и по той стороне. Высылались люди по ту сторону в качестве уездных или волостных руководителей, которые устанавливали на местах связь с кем нужно, вербовали группы боевиков из местных крестьян, боевые ячейки. Кроме этого сплавлялись за фронт в достаточном количестве оружие, преимущественно иностранного образца, винтовки и патроны, взрывчатый материал, а также денежные средства. Быстрым и усиленным темпом устанавливалась связь с возникающими партизанскими отрядами и организовывались новые отряды, словом шла лихорадочная подготовка к широкой активной деятельности зафронтового аппарата (Н.В.О.)… К концу апреля месяца уже пришлось засвидетельствовать

целый ряд активных действий отдельных боевых групп Н.В.О. и их контактную работу с партизанами Белоруссии. Активная роль нашей организации конкретно выразилась во взрывах железных дорог, крушении поездов, взрыве отдельных мостов, порче телефонной и телеграфной связи, а также применении беспощадного террора по отношению к помещикам, агентам польской власти и жандармерии…

К началу нашего наступления в прошлый раз на фронте открылось широкое партизанское движение (в их числе и боевики НВО. – Прим. авт.). Оно выражалось в столкновении с отдельными частями польской армии, нападении на заставы противника, на его обозы в деревнях и местечках, на польскую жандармерию. И чем больше было карательных экспедиций поляков в применении репрессий к повстанцам, тем сильнее революционизировалось местное крестьянство и увеличивались в своем составе партизанские отряды. В последнее время число партизан исчисляется в десятках тысяч. Из них зарегистрировано и находятся под контролем Н.В.О. до 10.000…

Помимо прямых заданий Н.В.О. исполняет агентурные функции. Получаются сведения о польской армии и состоянии ее тыла. В настоящее время аппарат Н.В.О. согласовал свою работу с деятельностью агентуры Позапа (политотдел Западного фронта. – Прим. авт.), отделениями Регистрозапа на фронте и оперативными действиями штаба Запфронта. Последнее выражается в ряде заданий НВО на предмет захвата в тылу поляков всякого рода военных и продовольственных складов, грузов на станции и т. п. …

Необходимым условием для нашей работы в будущем является обеспечение нас живыми силами в лице выдержанных коммунистов – красных командиров, приток которых в последнее время совершенно прекратился».

За первую половину 1920 г. из сотрудников НВО было отправлено «по ту сторону» – 204 человека. В распоряжении организации находилась «легкая радиостанция, установленная в районе Борисова», через которую резиденту в этом городе должна была поступать вся интересующая командование информация[5].

При РВС 3Ф была создана «Отдельная бригада особого назначения», которая именовалась также «Спартаковской». Эта воинская часть состояла в основном из бывших немецких и австрийских военнопленных. По замыслу, она должна была после захвата Польши в ходе советско-польской войны двинуться дальше на Запад, в Германию. Комсостав бригады почти сплошь состоял из работников разведки фронта, среди которых особо выделялись командир бригады Артур Карлович Верховский и комиссар Семен Григорьевич Фирин (Пупко), ранее командовавший партизанским отрядом в Литве. Этот известный впоследствии чекист начинал свою службу в военной разведке, так же как и Сташевский он был одним из первых ее краснознаменцев. Там же служил и Лев Александрович Борович. Одним из батальонов командовал Вольдемар Рудольфович Розе, окончивший Гатчинскую школу прапорщиков (1917), воевавший в 1-ю мировую войну на Рижском и Румынском фронтах (1915–1917). Все упомянутые здесь командиры – спартаковцы были потом военными разведчиками и резидентами в целом ряде стран Европы и Азии.

«Выслан в Берлин с полномочиями от коллегии ВЧК и Разведупра на организацию разведки в Западной Европе» (январь 1921 – июнь 1924), «работая иногда легально, иногда нелегально», один из руководителей объединенной Берлинской резидентуры, формально – секретарь торгпредства РСФСР под фамилией Степанов[6]. Наряду с ним из Берлина руководство разведывательной деятельностью в Германии и других европейских странах осуществляли в тот период Б. Б. Бортновский, С. Г. Фирин (Пупко), А. Я. Песс. С центром сотрудничали Лев Борович, Стефан Раевский и его жена Ирэна, Стефан Жбиковский, Владимир Ромм.

К осени 1924 г., благодаря совместным усилиям указных командиров разведки, в распоряжении этого центра были более ста агентов, работавших в Австрии, Болгарии,

Германии, Италии, Польше, Франции и Чехословакии.

Там в Берлине начиналась долгая история знаменитого ВОСТВАГа (Wostwag – West-Osteuropäische Warenaustausch Aktiengesellschaft, т. е. Западно-Восточноевропейское акционерное общество меновой торговли). ВОСТВАГ был одним из первых в «Мобилизационной сети коммерческих предприятий» советской военной разведки за рубежом. Создателями АО стали в 1922-м сотрудники РУ штаба РККА братья Аарон Лазаревич и Абрам Лазаревич Эренлибы, известные впоследствии как Сигизмунд Болеславович и Бронислав Болеславович Яновские. Официально их АО было зарегистрировано в октябре следующего года. В дальнейшем, насколько известно, отделения этой сети появились также в Китае, Монголии, Великобритании, Франции, США. Как отмечал один из ответственных сотрудников ЦК ВКП(б) (1927): «ВОСТВАГ – это, как я сказал организация особая. Она имеет коммерческую внешность, но работает под руководством Берзина… Там все наше. Там несколько немцев входят в состав правления. Это коммерсанты настоящие. Это такая особая организация, никаких капиталов они туда не внесли… Оно торгует, чем только хотите. На самом деле его задача – совершенно другая, совершенно секретная, совершенно замаскированная, задача связанная с военным ведомством»[7]. Главной целью ВОСТВАГа была не разведывательная деятельность, а помощь в легализации разведчиков и их материальное обеспечение.

В вольном городе Данциге (Гданьске) работал Василь Дидушек (1920–1922). По данным польской разведки (секретное исследование «Разведка СССР» 2-го отдела Генштаба, 01.02.1923) «с берлинским представительством в Гданьске связан Василь Дидушек, галицийский украинец, который организовал разведку в D.O.K. I (дело расстрелянного за шпионаж капитана Хенрика Терка), заместитель Дидушека полковник красного Генштаба Гризенберг, приехавший из Берлина». DOK I – это Командование корпусного округа № 1 в Варшаве.

Связь с Берлинским центром держала Софья Александровна Залесская (Зося), поначалу резидент РУ штаба РККА в Кракове, Польша (в 1921–1922 гг.), где ей предстояло подыскивать нужные связи и поступить на службу в штаб или дефензиву (контрразведку). Когда все связи по дефензиве были налажены, ее срочно вызвали в Берлин. Там ей поручили особое задание – быть кухаркой видного деятеля партии эсеров Виктора Чернова «и К°» (март – ноябрь 1922). По мнению Бронислава Бортновского, «задачу эту выполнила весьма хорошо». В Австрии, в Венской резидентуре работала нелегальной курьершей на канале связи с Румынией и Болгарией (декабрь 1922 – весна 1923), было отмечено, что дважды (в Сербии и Румынии) она, благодаря своей выдержке, избежала провала и доставила «важные агентурные документы». Затем, в аппарате Берлинской резидентуры, несмотря на болезнь и тяжелую операцию Залесская выполняла отдельные поручения «по активной партийной работе», налаживала связь с Францией и внутреннюю связь «в Германской военной организации в Берлине» (лето 1923 – июнь 1924). Согласно характеристике, которую ей дал Бортновский «тов. Залесская прекрасный сотрудник для нелегальной работы»[8].

Среди работников резидентуры был Борис Федорович Лаго, бывший офицер Белой Армии, работник белогвардейской разведки, награжденный Георгиевским Крестом. Под псевдонимом Борис Колпаков и с чехословацким заграничным паспортом на имя Франтишека Кольбера он работал по заданиям берлинского центра в Румынии (1922–1925). В своих воспоминаниях он рассказывает о неоднократных встречах со Степановым[9].

Согласно данным польской разведки с ним был связан и Александр Дмитриевич Хомутов, выпускник Николаевского кадетского корпуса и Павловского военного училища, капитан, участник 1-й мировой и гражданской войн (в составе Северо-Западной армии белых), затем в эмиграции, многолетний сотрудник советской разведки. «В 1923 г. советский шпион Ремер познакомил Хомутова со Степановым, резидентом ГПУ в Берлине, который взял

его к себе на службу с заданием шпионить за польскими и французскими сферами. Весной 1924 г. Степанов передал его своему преемнику Червякову» (из досье А. Д. Хомутова составленного во 2-м отделе Главного штаба Войска Польского, 26.01.1934)[10].

В Германии работала польская и немецкая коммунистка Эдда Карловна Тененбаум (Эльза Баум), которую по партийной работе с 1904 г. хорошо знали К. Цеткин, В.И. Ленин, Ф.Э. Дзержинский, И.С. Уншлихт, К.Б. Радек. Сначала она сотрудничала с «Разведывательным аппаратом К.П.Г.», позже была «в распоряжении Отдела товар. Степанова при Полпредстве в Берлине» (май 1923 – июль 1924)[11], затем ее перевели в Москву в центральный аппарат РУ штаба РККА.

В «Вольном городе Данциге» (польский Гданьск) действовала многочисленная разведгруппа «ДАР» (1920–1924), связанная с берлинской резидентурой. Она была сформирована в основном из русских эмигрантов. Руководили её работой гданьские коммунисты Артур Раубе и Бруно Гинце, а также бывший белогвардейский капитан Иван Иванович Беланин. Группе удалось, в частности, добыть документы о шпионской деятельности немецкого информационного бюро по Востоку (Остинформ) против Советской России. Кроме того, «ДАР» отслеживал деятельность русской эмиграции в Гданьске, помогал русским эмигрантам желающим вернуться на Родину[12].

Берлинский центр курировал журнал «Война и мир» (1922–1925). Этот «Вестник военной науки и техники» создавался через частное немецкое издательство «Фаланга» по инициативе Разведупра и им же финансировался. Редактировали журнал бывшие генералы российской армии М. И. Тимонов, А. К. Келчевский, В. В. Колосовский, целый ряд их коллег – бывших офицеров и генералов принимали участие в создании «Войны и мира», всего вышло около 20 номеров.

«Степанову» и другим приходилось также выполнять и задания Коминтерна (в частности держать связь с военной организацией ЦК КПГ, «четверкой» эмиссаров ИККИ в Германии). В связи с этим работу центра проверял в ноябре 1923 г. заместитель начальника РО штаба РККА Я. К. Берзин. Нужно также сказать, что «Степанов» не одобрял тогдашний террористический уклон в работе военной организации ЦК КПГ и отказывался такие операции проводить. В отличие от руководителя этой организации тов. «Володьки» (Вольдемара Розе) – хорошо знакомого Сташевскому по Спартаковской бригаде, к тому же Розе был еще одним резидентом военной разведки в Берлине.

Вернувшись из Германии в Москву, Артур Карлович переходит на гражданскую работу, но похоже и в дальнейшем числится в распоряжении РУ штаба РККА. Так 09.06.1928 он представлен Я. К. Берзиным к награждению подарком, в связи с Х-летием РККА, в составе группы «зарубежников-агентурщиков». А на вопрос «Личного листка по учету кадров» (27.02.1933) Сташевский ответил, что принадлежит к высшему начсоставу РККА, а против рубрики «должность по которой состоит на учете» написал – «в IV Управлении штаба РККА»[13].

Вся его последующая жизнь связана с торгово-экономической деятельностью, в том числе и с хорошо знакомой ему (еще по эмигрантским временам) пушниной. Поначалу он некоторое время (1925–1926) состоял членом правления Всесоюзного объединения советского торгового флота для заграничных перевозок (Союзторгфлот). Потом почти с нуля создавал советскую меховую промышленность, был заместителем председателя правления Всесоюзного пушного синдиката «Пушногосторг» и сменившего его в 1931 году внешнеторгового объединения «Союзпушнина» (1926–1932), «за исключительную энергию в деле организации и развития меховой промышленности» награжден орденом Ленина (1932). Статистика, которая, как известно, знает все, свидетельствует, что меховая промышленность тогда действительно была создана и выведена на довольно высокий уровень, валютные поступления от нее резко увеличились[14]. Однако имелись и недостатки.

Именно поэтому в апреле 1932 г. торгпред СССР в Берлине (Германия) Н. Богомолов просил ЦК ВКП(б) оставить прибывшего туда в краткосрочную служебную командировку Сташевского в качестве «надежного во всех отношениях руководителя по существу всеми заграничными операциями по Союзпушнине». Богомолов не сомневался, что Артур Карлович справится с этой задачей: «Человек он крепкий, дело знает блестяще. В коммерческой работе промаху не даст»[15]. Но начальство решило иначе. Почти на два года, Сташевского поставили на несколько иную должность, но также связанную с добычей валюты для советской экономики. Он возглавил правление Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами «Торгсин» (декабрь 1932 – август 1934), учреждение известное многим по роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Позже его вернули к делам меховой промышленности, Артур Карлович стал начальником Главного управления пушно-мехового хозяйства (Главпушнина) Наркомата внешней торговли СССР (август 1934 – июнь 1937), одновременно он входил в состав Совета того же наркомата (апрель 1936 – июнь 1937).

Последним и весьма важным делом в жизни А.К. Сташевского стала должность одного из высших представителей СССР в Испании, где шла гражданская война (у советских военных испанская командировка шла под грифом «операция Х», а в ЦК ВКП(б) ее называли «командировкой по группе А»). Политическим представителем в тот период был советский посол Марсель Израилевич Розенберг; военным представителем (главный военный советник) – Ян Карлович Берзин; экономическим представителем (торгпредом) был Артур Карлович Сташевский (октябрь 1936 – июнь 1937). На нем лежала обязанность снабжать Испанскую Республику всем необходимым и в первую очередь оружием и боеприпасами. И с этим связано его участие в вывозе в СССР большей части испанского золотого запаса.

Из Испании Сташевский был отозван и в Москве арестован (08.06.1937), следствие по делу о «польской шпионской организации», к которой приписали и его, длилось всего лишь около двух с половиной месяцев. 21.08.1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к ВМН и в тот же день приговор приведен в исполнение. Реабилитировали А.К. Сташевского 17.03.1956 г.

Примечания

[1] РГАСПИ. Ф.17. Оп.100. Д.121380. Л.5.

[2] РГВА. Ф.104. Оп.15. Д.26. Л.3.

[3] РГАСПИ. Ф.17. Оп.109. Д.64. Л.6.

[4] РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.17. Л.67–69.

[5] РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.191. Л.15–16.

[6] РГАСПИ. Ф.17. Оп.100. Д.121380. Л.5об.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.120. Д.14. Л.165.

[8] РГАСПИ. Ф.17. Оп.98. Д.7264. Л.2-11.

[9] Лаго Б.Ф. Воспоминания // Юность. М., 2011. № 11. С. 14–28.

[10] РГВА. Ф.308к. Оп.7. Д.125. Л.6. См. также: Кочик В.Я. Трое из многих: Агенты советских спецслужб Александр Севрюк, Александр Хомутов и Кондрат Полуведько // В мире спецслужб. Киев, 2004. Октябрь. № 7. С. 68–72.

[11] РГАСПИ. Ф.17. Оп.98. Д.3723. Л.22–30.

[12] Romanow A. Emigracja rosyjska w Wolnym Mieście Gdańsku, 1920–1939 // Rocznik Gdański. 1985. T.45, z. 2. S.97–98.

[13] РГАСПИ. Ф.17. Оп.100. Д.121380. Л.4.

[14] Осокина Е.А. Борец валютного фронта Артур Сташевский (1890–1937) // Отечественная история. М., 2007. № 2. С. 35–36.

[15] РГАСПИ. Ф.17. Оп.120. Д.64. Л.113.

Иван Винаров и советская разведка его времени

Начало

Датой создания советской военной разведки считается 5 ноября 1918 г., когда в составе Полевого штаба РВС Республики появилось Регистрационное управление. Несмотря на серьезный недостаток хотя бы элементарно обученных кадров, недостаточное финансирование и противодействие белогвардейской и зарубежных контрразведок, военной разведке все же удалось серьезно поспособствовать победе Красной Армии в четырехлетней гражданской войне.

Особое внимание уделялось Черноморскому региону. С одной стороны на его берегах шла гражданская война, поддержку белым силам в которой оказывала Антанта, в том числе и ее флот. С другой: по окончании 1-го этапа войны (1920 г.) весьма значительные силы Белой Армии осели в Болгарии и Турции, где находились и войска интервентов. Уже в 1918 г. используя, в основном, болгарских коммунистов советские партийные и разведывательные органы стали пристально изучать ситуацию в этих странах.

Иван Цолович Винаров (1896–1969)

Известны некоторые имена тех, кто руководил военной разведкой в том регионе и

создавал там первые агентурные сети: Стоян Джоров, Койчо Касапов, Григор Чочев, Борис Иванов, Семен Фирин, Христо Боев, Николай Трайчев, Федор Гайдаров, Крыстю Кытев и др. Болгары сражались и на фронтах гражданской войны, в том числе и в тылу противника. Вот один из примеров: 23.09.1919 г. Генерального штаба полковник А.Т. Гаевский, и.о. начальника контрразведывательной части Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России, издал в г. Таганроге постановление по делу Н.И.Д. (по другому документу Николая Ильича) Кутинчева, который обвинялся в «большевистском шпионстве, а также активной, направленной во вред добровольческой армии, боевой деятельности», отмечалась его «военно-политическая в пользу советской власти деятельность и в других государствах», «связь его со шпионскими организациями большевиков за границей». Самого Кутинчева Гаевский отправил на гауптвахту, а его жену – Анну Ивановну, «как соучастницу его деятельности» – в Таганрогскую окружную тюрьму. Она была освобождена Красной Армией в декабре 1919 г., а он бежал из Екатеринодарской тюрьмы в марте 1920-го[1].

Агентурный период деятельности Ивана Винарова

Иван Цолов Винаров (пс.: Ванко) родился 24 февраля 1896 г. в болгарском городе Плевен в семье мелкого служащего. По окончании 3-х классов прогимназии в родном городе, он освоил профессию столяра, работал по этой специальности на фабриках и в мастерских (1910–1921). При этом Винаров активно участвовал в революционном и рабочем движениях в Плевне. В 14 лет стал членом «тесняцкого» (впоследствии коммунистического) Союза молодежи, вступил в ряды профсоюза деревообделочников (1908 г.). И его деятельность не осталась незамеченной властями. Ивана Цоловича арестовали в 1913 г. и полгода продержали в заключении, однако вину его доказать не удалось и он был освобожден. Спустя 3 года Винаров принят в члены Болгарской социал-демократической рабочей партии (тесняков), преобразованной в 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию – БКП.

Во время 1-й мировой войны он был призван в армию, прошел краткую подготовку и принимал участие в боях на Южном европейском фронте (в районе г. Гевгелия и Дойранского озера) в составе 9-й Плевенской дивизии, в качестве рядового 6-го пехотного полка. Но и партийную работу он не забывал, занимался антивоенной агитацией и пропагандой в болгарской армии (1915–1918 гг.), при этом был награжден орденом «за храбрость» и получил двадцатидневный отпуск (1917 г.), домой вез письма для земляков с фронта, а также оружие и боеприпасы «для будущих классовых битв с капиталом», как и советовал видный деятель БКП Тодор Луканов. Потом вернулся в свою часть в Гевгелия, продолжал свою партийную работу. После развала фронта принимал участие во Владайском солдатском восстании (осень 1918 г.).

Вернувшись домой, возобновил работу по специальности, которую совмещал с партийной и профсоюзной деятельностью в Плевенском округе, «руководил нелегальной работой по вооружению партии», т. е. занимался изъятием оружия со складов Союзной контрольной комиссии, с тайных складов, на которых болгарские военные прятали оружие от войск Антанты. Винаров вспоминал: «Разведка, которая вскоре стала моим главным революционным призванием, тогда сыграла положительную роль. Партийная организация располагала сведениями о нескольких десятках тайных укрытий, где военные прятали оружие. Артиллерии не было (артиллерийский полк находился в Севлиево), в городе [Плевне] прятали пулеметы, пистолеты, гранаты, патроны».

Вместе с тем Винаров принимал активное участие в работе нелегального канала связи Варна – Севастополь, Варна – Одесса, организованного и возглавляемого Григором Чочевым. Возможности канала использовались Коминтерном, отдельными компартиями, а также и

разведслужбами Страны Советов.

Кроме того, «откликаясь на призывы партии, болгарские трудящиеся саботировали отправку военного снаряжения войскам Деникина и Врангеля. Они задерживали воинские эшелоны на железнодорожных станциях, выводили из строя паровозы и вагоны, груженые оружием. Плевенские рабочие под руководством коммуниста Ивана Винарова на ходу забирались в поезда, когда они медленно передвигались в горах, и выбрасывали из вагонов оружие и военные материалы, предназначенные для белогвардейцев. Иногда они поджигали составы, идущие в черноморские порты Варна и Бургас»[2].

К тому же он был сотрудником охраны и участником исторического 1-го (учредительного) съезда БКП (май 1919 г.), принимал участие в создании Плевенской окружной военной организации БКП и стал ее членом. Подчеркивал в своих мемуарах, что ее деятельность не ограничивалась вопросами вооружения. Рассказывая о составе Плевенского военного отдела, он назвал комсомольцев Васила Вылчанова Додева и Васила Цакова Йотова, заметив в скобках, что оба они «впоследствии эмигрировали и стали ценными сотрудниками в моей партийно-разведывательной работе в Вене и Праге, а двадцать лет спустя, в августе 1941 г., включены, по моему предложению, с состав группы «подводников» Цвятко Радойнова, сражались на родине и погибли, их расстреляли в туннеле ШЗО [Школы офицеров запаса в Софии]».

Сотрудничество Ивана Винарова с советской военной разведкой началось, как писал он сам спустя 20 лет, в 1919 г., а связь с ней, осуществлялась, по-видимому, через партийных товарищей, дававших ему и свои задания. Этот период его разведывательной (а также и партийной) деятельности продолжался два года. Чуть более месяца он смог проучиться в Центральной партийной школе в Софии (декабрь – январь 1920 г.), но был отозван оттуда на прежнюю работу. Несколько месяцев спустя он впервые встретился с советскими разведчиками: летом 1921 г. «из Софии прибыли двое русских, одетых в белогвардейскую форму. Их сопровождал товарищ из Центрального комитета. Оба представлялись «белыми», но «осознавшими необходимость работать для родины». Не было нужды расспрашивать их, хотя было ясно, что это совершенно другого рода люди… Задача сопровождать их в Варну была возложена на меня. В Варне товарищи встречались с Димитром Кондовым, Григором Чочевым, Андреем Пеневым, Благоем Касабовым и другими партийными деятелями… Неделя, которую мы провели там, русские люди посвятили прогулкам вокруг города, где в специальных лагерях находились белогвардейцы, разговорам с различными людьми, в первую очередь с портовыми грузчиками. Цель их была установить количество и состав белогвардейских частей, а также как и когда погружается оружие на пароходы и действительно ли те грузы, которые предназначались к уничтожению «в результате потопления», отправились на дно морское. Выяснив все в подробностях, русские выехали в Софию».

В сентябре 1921-го он был арестован как участник коммунистического движения «за экспроприацию оружия для партийных отрядов» и приговорен к 8 годам одиночного заключения, сидел в тюрьмах городов Плевен, Шумен, Хасково. Через год и три месяца после ареста (декабрь 1922 г.) ему посчастливилось бежать, когда его привезли в суд в качестве свидетеля. Добравшись до Варны, он связался с кметом (мэром) Варненской коммуны Димитром Кондовым, с его помощью (и с согласия ЦК БКП) Винарову, другому советскому разведчику Жечо Гюмюшеву и активисту военной организации БКП Бояну Папанчеву, которых также преследовали власти, удалось сесть на советский грузовой корабль. Плыли они в Советскую Россию вместе с четырьмястами бывшими врангелевскими солдатами[3].

По Черному морю добрались до Новороссийска, а оттуда все трое отправились в Москву, куда прибыли в начале 1923 года. В СССР Винарова называли или Иван Цолович, или Иван Гаврилович.

Первые задания на кадровой службе в РУ штаба РККА

Как вольнонаемный сотрудник он числился на службе в советской военной разведке и в РККА с августа 1922 г. Как отмечал сам Иван Цолович, «Четвертое управление зачислило меня в ряды своих зарубежных сотрудников еще в середине 1922 г. Два русских «белогвардейца», которых я охранял в Плевне и сопровождал в Варне, на самом деле были советскими людьми, чекистами Берзина; после возвращения в Москву они докладывали… и о моей деятельности».

Однако, прибыв в столицу Советской России, Винаров некоторое время состоял сотрудником референта Балканских стран ИККИ (там и принят 11.04.1923 г. в члены Российской компартии), работал столяром на фабрике по производству мебели, деревянных панелей и музыкальных инструментов, повышал свою партийную подготовку в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова (март 1923 – апрель 1924 г.). И этому есть объяснение: статус РУ был понижен тогда до отдела (ноябрь 1922 – март 1924 г.) и в соответствии с этим сокращен его личный состав – 275 сотрудников числились в РУ в 1921 г., а в начале 1924 г. их было всего 91. С приходом к руководству военной разведкой Я. К. Берзина Разведотдел вновь стал Разведывательным управлением и таким образом появилась возможность увеличить личный состав РУ.

В период пребывания вне военной разведки он встретил свою будущую жену Галину Лебедеву, дочь генерала российской армии, умершего еще до революции.

В Разведупре штаба РККА он поступил в распоряжение Христофора Интовича Салныня («Гриша»), с которым ему впоследствии предстояло не один раз работать.

Возможно первой операцией, в которой ему довелось принимать участие вместе с «Гришей», была переброска оружия и литературы для БКП (апрель 1924 – ноябрь 1925 г.), партия готовила вооруженное восстание и разворачивала партизанское (четническое) движение. Но не все рейды по этой линии оканчивались благополучно.

По этому поводу начальник отделения «Общественная безопасность» Министерства внутренних дел и народного здравоохранения Болгарии докладывал своему министру (04.08.1924 г.): «Доношу Вам, Господин Министр, что по сведениям, полученным от лиц из коммунистической среды, 1½ месяца назад прибыл из Москвы через Стамбул Борис Шаранков, офицер запаса Болгарской армии, служивший в кавалерии, а в настоящее время комиссар Коминтерна в Москве. Он был несколько дней в Софии, после чего выехал на Черноморское побережье нашей страны, чтобы основать базу для прибытия и акустирования моторных лодок из большевистской России. Такую базу он выбрал и устроил в местности «Св. Яни» у с. Гёзекен, вблизи с. Бяла, после чего отбыл обратно в Россию»; (15.08.1924 г.): «В лодке, захваченной у Гёзекен, найдены: 20 ящиков с автоматическими винтовками; 2 ящика револьверов; 8 ящиков патронов для манлихеровки; 8 ящиков гранат (такой же формы, как и одринка); 30 ящиков патронов для автоматической винтовки; 12 ящиков патронов для манлихеровки. В лодке было 120 ящиков, 40 из которых сброшены в море. В них было 6 пулеметов… В подготовке и совершении вышеизложенного приняли участие 60 человек из окрестных сел… Переноска оружия с моря на склад проходила под охраной 30 человек селян, а 15–20 хорошо вооруженных селян охраняли склад… Курьерами по переправке оружия [по маршруту] Севастополь – Варна были Иван Винаров из Плевны, Никола Попов – македонец и Христо Генчев, который был ранен и арестован…»[4].

К тому же зарубежные телеграфные агентства сообщали: «В связи с обнаружением оружия арестован Г. Пеев, учитель из Гебедже, который указал еще один склад, где найдено 11 ящиков с взрывчаткой. Арестовано еще несколько человек. Одним из главных является

русский Алексей Грабовский. В 1922 г. он «бежал от большевиков» из СССР. 2 года связной – передавал деньги, оружие и инструкции из СССР в Болгарию. Поставлял в СССР сведения из Болгарии»[5].

Позднее о ситуации с провалом Боньо Петровский, ответственный сотрудник Военной организации БКП, докладывал вице-консулу СССР в Турции С.М. Мирному (София, 20.09.1924 г.): «12 августа властями было захвачено парусное судно, хозяином которого был Грабовский. Арестованы находившиеся в нем Христо Генчев, Алексей Грабовский и Закария Гирити. Впоследствии в Варне арестован Тодор Димов. Спаслись: а) в Варне – Благой Касабов и Андрей Пенев, б) в Эмине – Янко Андонов, Георги Юрданов и тов. Осип [Христофор Салнынь]. С тремя последними я неделю тому назад лично встретился. Тов. Осипа в скором времени отправим в СССР через Одрин – Константинополь». Копию этого письма получил Жечо Гюмюшев (Шварц), находившийся тогда в Севастополе[6].

Процесс по делу об оружии состоялся в марте 1925 г. в Варне, по нему проходило 30 человек. Ни одного смертного приговора по оружейному делу не было. Иван Винаров осужден заочно на 10 лет тюремного заключения. Но, несмотря на провалы, работа на данном направлении продолжалась и в последующие годы.

Согласно воспоминаниям «Ванко», Заграничный комитет БКП «наряду с военно-организаторской и политической работой прилагал усилия, чтобы доставить новые партии оружия. В то время, когда мы совершали свои рейсы на парусниках через море, значительно большее количество оружия поступало в страну по нескольким каналам с севера, запада и юга. С севера поступало австрийское оружие, закупленное в Вене Заграничным комитетом, и отправленное в страну по Дунаю в недрах торговых грузов. С юга поступало оружие, добытое приверженцами левого национал-революционного движения Эгейской Македонии, которым руководил Васил Манолев, ранее бывший верным соратником Яне Сандanского и первым помощником Тодора Паницы. С запада поступало оружие из Югославии, его переносили через границу на своих плечах десятки болгарских политэмигрантов».

После получения начальной пятимесячной подготовки в Разведупре, он побывал в Болгарии (не долго), Сербии и Австрии, помогал болгарским коммунистам, покинувшим страну из-за репрессий, обрушившихся на них после покушения 16.04.1925 г. на царя в храме «Света неделя» в Софии – «последняя авантюристическая акция Военного центра», как назвал ее Винаров (апрель – ноябрь 1925 г.). Он писал в автобиографии: что «нелегально перебросил более 300 человек, которых отправил в Советский Союз», отметив при этом, что совмещал тогда «военную и партийно-мопровскую работу», причем в Сербии и Австрии у него «не было никаких провалов»[7].

Переброска осуществлялась по нескольким нелегальным партийным каналам, ведущим из Югославии в Австрию. Один из них шел из Белграда в Словению (Марибор), а оттуда в Вену. Среди организаторов и руководителей переброски болгарских коммунистов были и будущие соратники Винарова по работе в Разведупре: Иван Крекманов, Стефан Боюклиев, Васил Вылчанов Додев и др.

Китай

В Москве, куда Иван Винаров вернулся из зарубежной командировки, он пробыл недолго. Прошло менее двух месяцев, и он получил новое назначение, ему предстояло отправиться на другой край света в Китай, где уже с 1922–1923 гг. работали наши военные и политические советники.

«Ванко» назначили советником по вопросам военной разведки в группе Христофора Интовича Салныня – «Гриши» (январь 1926 – февраль 1929), некоторое время он работал

советником в армии Фын Юй-сяна, а после измены Чан Кай-ши они перешли на нелегальное положение и обосновались в Пекине и Шанхае, начали выполнять секретные задания: «создавать нелегальную организацию КПК и вести разведку в лагере противника». Укрытием для них послужила шанхайская экспортно-импортная торговая фирма, официальные ее руководители чех «Людвиг» и югослав «Мирко», владельцами филиала в Пекине были немец, поляк и два бывших белогвардейца из армии Колчака. Как вспоминал Винаров, «шанхайская экспортно-импортная фирма имела не только контору для деловых контактов с местными клиентами и бизнесменами, но и представительный магазин во французском квартале европейской части города. Там можно было приобрести всевозможные товары: меховые изделия из Финляндии, женские туалетные принадлежности из Вены, хрустальные и фарфоровые сервизы из Праги, модную обувь из Брно, электрическое оборудование из Берлина, ароматные сигареты из Турции, Греции и Болгарии, шелковые ткани, кимоно, дамские веера из Японии, черную икру, рыбные деликатесы и дорогие меха из Советского Союза». К тому же их торговое предприятие оказалось доходным, а разведывательная работа их интернационального коллектива стала успешной и завершилась «без провалов». Согласно воспоминаниям Ивана Цоловича, «Центр регулярно получал от нашей группы информацию о соотношении и скрытых тенденциях военно-политических сил, которые в то время определяли поведение и судьбу Китая». В 1929 г. Разведупр выпустил («для внутреннего использования») справочник «Китай: Современное положение» в нем наверняка были использованы материалы, добытые группой Салныня.

Связной группы весь период их деятельности в Китае была жена Винарова Галина Петровна Лебедева (р. в 1892 г., член компартии с 1928 г.), которая работала шифровальщицей в советских представительствах в Пекине и Харбине. А «Ванко», кроме всего прочего, исполнял обязанности советника в созданной ими военно-политической организации КПК, которую они же снабжали оружием, используя свое экспортно-импортное положение.

Винаров и Салнынь были отозваны в феврале 1929 г. и вместе с двумя другими членами группы вернулись в Москву (апрель 1929 г.). В Китае оставалась их агентура, продолжавшая работать с другими военными разведчиками. Отчитавшись в Центре о проделанной работе, «Ванко» поступил на Курсы усовершенствования комсостава по разведке при Разведупре (апрель – сентябрь 1929 г.), но закончить их вовремя ему не удалось. Он вновь оказался на Дальнем Востоке и принял участие в ликвидации вооруженного конфликта на КВЖД в качестве одного из руководителей разведывательных операций в тылу врага – вновь с Х.И. Салнынем (сентябрь – декабрь 1929 г.), действовали они в составе только что созданной Особой Дальневосточной армии. После тщательной подготовки, с помощью китайских коммунистов, группа «Гриши» переправилась на другой берег Амура и добралась до города Цицикара. За девять дней они выполнили свою задачу и вернулись на советскую сторону реки. Там они поступили в распоряжение РО штаба ОКДВА. Армия за успешное выполнение боевых заданий была награждена орденом Красного Знамени и стала именоваться Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.

Вернувшись в Москву с Дальнего Востока Винаров завершил обучение на Курсах, готовился к новой зарубежной специальной командировке (декабрь 1929 – март 1930 г.). «Изучал все технические новинки, которые могли оказаться полезными в работе, все виды нового оружия, усовершенствованные приемы самозащиты при внезапном нападении с холодным или огнестрельным оружием; анализировал действия врага, выявленные на очередных шпионских процессах в Союзе, изучал шифр, занимался физкультурой. Разумеется, обязательной частью обучения было повышение уровня марксистско-ленинской подготовки, расширение политического кругозора, совершенствование экономико-географических познаний, усвоение языков».

Подготовка к будущей войне

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР, в рамках подготовки к большой войне, началось широкомасштабное обучение партизан для грядущих боев, к этой операции привлекались в немалом количестве и гражданские люди. Проводились учения, делались закладки оружия, взрывчатки и продовольствия, предназначенные для часа «Икс». Тогда в Белорусском военном округе силами ОГПУ было сформировано 6 партизанских отрядов численностью 300–500 человек, весь личный состав которых прошел обучение в специальных школах. В военной разведке этой проблемой занимались – РО штаба Украинского военного округа (начальник Г. И. Баар), соответствующее отделение в РУ Штаба РККА (начальница М. Ф. Сахновская). Одним из основных преподавателей специальных предметов для будущих партизан стал сотрудник Сахновской – Илья Григорьевич Старинов, (которого впоследствии назвали «дедушкой российского спецназа»), рассказавший об этом в своих воспоминаниях «Мины ждут своего часа» (М., 1964). По линии партизанского отделения (позднее это отделение – отдел «А» – «активка») и работал впоследствии Иван Винаров.

Главный резидент в Европе

В секретных приказах РВС СССР по личному составу армии 1930-го года его служебное положение выглядело следующим образом: «Состоящий в распоряжении IV Управления Штаба РККА Винаров Иван Цолович назначается [сотрудником] для особых поручений 2 разряда того же Управления» (15.03.1930 г.); «Состоящий в распоряжении IV Управления Штаба РККА Винаров Иван Цолович окончил 25/VI-1930 г. Курсы усовершенствования по разведке при том же Управлении и назначен состоящим в распоряжении того же Управления» (25.06.1930 г.).

На самом деле: напутствием начальника Управления Я.К. Берзина началась (март 1930 г.) очередная командировка «Ванко» (новый псевдоним «Март»), на сей раз в Европу главным резидентом. Штаб-квартира его находилась в Вене (он жил во 2-м бецирке на ул. Штумпергасе № 45), откуда руководил разведработой в Австрии, Польше, Чехословакии, Румынии, Югославии, Греции, Венгрии, Болгарии и Турции. В некоторых из этих стран он побывал и сам[8]. Согласно мемуарам Винарова, разведывательная группа приступила к осуществлению первых секретных заданий после шестимесячной подготовки.

Одним из помощников главного резидента стал Ангел Вылчев (полное имя Ангел Вылчев Ангелов, в СССР: Иван Петрович Арсеньев), работавший в Австрии в 1929–1934 гг. Иван Винаров писал (12.02.1940): «Он был примерным товарищем преданным своей работе. Под моим руководством он освоил ее настолько, что в случае моего отсутствия в Австрии, он меня замещал и исполнял возложенные на него обязанности весьма добросовестно. Он очень дисциплинированный и образованный наш товарищ»[9]. Чехословацкой резидентурой, в составе организации «Марта», руководил Иван Крекманов (1930–1933 гг.), однако выполняемые им задания главного резидента касались и других стран. Иногда он и сам выезжал туда. Среди своих помощников Иван Цолович назвал также Ангела Игова, Петко Петкова, Тома Маринова.

Из характеристики Центра о деятельности Винарова в этот период: «Винаров организовал на чешских военных заводах и заводе «Шкода» разведывательные группы. Он получил исчерпывающую информацию о состоянии авиационной промышленности, которая характеризуется как особо ценная. С его помощью Центр получил также необходимые ему 17 греческих паспортов. От Винарова получены исключительно интересные сведения

государственного значения от источников в Бухаресте, Белграде, Афинах и Софии…»[10].

Получению упомянутых сведений способствовали, в частности, специальные почтово-телеграфные команды (ПТК), созданные в Болгарии, Греции, Румынии и Югославии. ПТК в названных странах перехватывали правительственные и дипломатические депеши и отправляли их в венскую резидентуру.

В Болгарии данной работой руководил Димитр Ананиев («Мими», «Гюго»), он возглавлял группу сотрудников Софийского центрального почтамта. Помимо этого, как вспоминал Винаров, они «осуществляли широкую деятельность по сбору информации с помощью своих людей в военно-фашистских правительственных кругах. Некоторые из них помогали советской разведке до дня победы». Поставленные задачи, как считал главный резидент, Ананиев выполнял «тактично, умело и безупречно». О подробностях этой работы вспоминал болгарский телеграфист Георги Милушев:

«С 1932 г. до 1936 г. почтовый работник Димитр Ананиев был руководителем особой организации разведчиков, работающих по зарубежной линии. Я получил специальное секретное задание: делать копии всех шифрованных телеграмм, как входящих, так и исходящих, связанных с деятельностью фашистских дипломатов, аккредитованных в Софии, а также болгарского правительства и Военного министерства. В те годы посольства не имели своих радиостанций, их секретные телеграммы проходили через телеграфную и радиотелеграфную станции Софии и сохранялись в их архивах.

Задача была трудная, но выполнение ее соответствовало моим желаниям. Как телеграфист я работал главным образом с международными станциями – Белграда [Югославия], Бухареста [Румыния], Стамбула [Турция], Салоников [Греция]. И это обстоятельство помогало мне выполнять задание. Но значительная часть дипломатических телеграмм проходила и по радиотелеграфу. Кроме того, я работал посменно, что не позволяло мне копировать все телеграммы. Тогда по поручению Д. Ананиева я перешел на работу в службу международного контроля, где сохранялись все международные и внутренние телеграммы. Мне даже удалось стать руководителем этой службы. Теперь я имел доступ ко всем тайным телеграммам. Копии телеграмм, как и другая информация, отправлялись в Вену тов. Ивану Винарову»[11].

Со ссылкой на воспоминания «Ванко» Милушев называет и других членов группы: телеграфиста Йосифа Рангелова, радиотелеграфиста Ивана Делибашева, механика телеграфных аппаратов Георги Ковачева, инженера технической службы Главной дирекции почт и телеграфов Николу Белопитова, чиновницу «черного кабинета» (полицейская цензура корреспонденции) Любицу Петкову Еневу, почтальонов Асена Янкова, Ивана Милчева, учительницу Цветану Георгиеву и др. При этом он подчеркнул, что, в целях конспирации, члены группы работали обособленно, каждый сам по себе на своем участке.

Менее успешной была деятельность почтово-телеграфной службы советской военной разведки в Румынии. Там работой ПТК на центральном почтамте руководили Иван Тевекелиев (ранее – в 1930–1932 гг. – сотрудничавший с резидентурой Крекманова) и Иван Мициев, прибывший из Брюсселя, Бельгия. Они регулярно передавали информацию не только по линии ПТК, их сведения касались и деятельности антисоветской агентуры в Румынии. 27.01.1933 г. Тевекелиев был арестован в Бухаресте в результате (по разным данным) то ли предательства, то ли нарушения конспирации. Парижская газета «Последние новости» сообщала: «Бухарест, 28 января. Сегодня румынская полиция произвела обыск на центральной почте в Бухаресте. Арестовано 32 почтовых чиновника. Полиции стало известно, что на телеграфной и почтовой службе образовалась особая организация шпионажа. Читались письма и телеграммы румынских министерств, банков и других учреждений… Арестованные чиновники находились в связи с большой шпионской организацией, работающей для СССР» (29.01.1933 г.).

Тевекелиева обвинили в шпионаже в пользу СССР, но из-за недостатка улик процесс длился 3 года. И лишь в 1936 г. Ивана осудили на 8 лет тюрьмы. Но освободили его в октябре 1940 г. и передали болгарским властям, а те отправили Тевекелиева в ссылку в родное село Тантури Горнооряховской области. По данным Коминтерна он «в сигуранце рассказал все что знал. На процессе и в тюрьме вел себя хорошо»[12]. Тем не менее, работа ПТК в Бухаресте продолжалась. Крекманов отмечал, что Иван Мициев «сделал очень большую и важную работу в Румынии»[13].

Помимо всего прочего, при участии Ивана Цоловича создавались (и использовались уже существующие) группы для работы в тылу противника, формировавшиеся на случай начала войны против СССР. Наиболее известными из них являются «партийные группы содействия БКП», которые начали создаваться в разных странах еще в конце 1920-х. Центральная ПГС БКП находилась в Берлине, Германия. «Ванко» писал: «Особенно сильные партийные группы среди студентов были созданы в Вене, Граце [Австрия], Праге, Братиславе, Брно [Чехословакия], Берлине, Мюнхене, Дрездене, Лейпциге [Германия], Париже, Монпелье, Нанси, Гренобле [Франция] и др. Помимо общих политических задач студенческие партийные группы выполняли и ряд строго секретных поручений». Тогда же (в 1932 г.) в Коминтерне родился совершенно секретный документ «Краткая записка о задачах и формах активного содействия СССР на случай войны с западными сопредельными странами»[14].

Подобные группы существовали и в других компартиях Европы, иногда под иными названиями. Но пока что этих людей использовали в интересах советской разведки. Создавались склады оружия и взрывчатки на случай войны. Когда в мае 1933 г. Компартия Австрии была запрещена и в ней шла работа по переходу на нелегальное положение у некоторых функционеров КПА были обнаружены такие склады оружия, о которых руководство партии и не подозревало.

Одним из прикрытий деятельности (в основном курьерской) главной австрийской резидентуры служила венская фирма по экспорту-импорту сельскохозяйственной продукции. Среди тех, кто занимался этим делом, был и Никола Йотов. Он писал: «Помню, что после долгих разговоров Иван Винаров мне сказал: «Ты ведь окончил факультет внешней торговли. Теперь ты будешь заниматься тем, чему учился столько времени». Так началась наша торговая деятельность». А когда она разрослась «через наших людей стали поступать важные сведения из Бухареста, Белграда, Афин, Стамбула…». По тому же поводу Винаров сообщал: «В Вену ко мне стекались все документы. Сначала я отправлял их в Центр через курьеров… Потом Берзин сократил эту процедуру. Он прислал в группу двух высококвалифицированных шифровальщиков, которые на месте расшифровывали тексты телеграмм и по радиосвязи передавали их в Москву».

Работа торговой фирмы была весьма важной и очень активной, но с соблюдением всех необходимых предосторожностей. Я.К.Берзин, посетивший с инспекцией Вену, напутствовал своих «торговцев» следующими словами: «Наша торговля должна быть солидной и корректной, необходимо держать данное слово»[15].

И это лишь малая толика из того, что сделала организация Ивана Винарова.

Тем временем в Центре заместитель начальника РУ В. Х. Таиров аттестовал Винарова (10.12.1930 г.) и предложил повысить ему служебную категорию до К-10, что соответствовало воинским званиям: помощник командира дивизии, командир не отдельной бригады. Через три дня аттестация утверждена Я. К. Берзиным. А 27.01.1931 г. постановлением ЦИК СССР он награждается орденом Красного Знамени по ходатайству РВС СССР и лично наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР К.Е. Ворошилова. Вместе с ним были награждены и другие руководители зарубежных подразделений военной разведки: Леонид Андреевич Бурлаков, Вальтер Германович Кривицкий, Константин Михайлович Басов, Иосиф Исаевич Зильберт, Рудольф Мартынович Кирхенштейн. Все они «своей выдающейся

инициативой и безграничной преданностью интересам пролетариата в исключительно трудных и опасных условиях, только благодаря личным своим качествам, сумевших дать необходимые и высокоценные сведения»[16].

Из Вены в Москву, по окончании командировки, Иван Винаров приехал в июне 1933 г. и вскоре принят в Военную академию им. М.В. Фрунзе, на основной факультет, где проучился чуть более года (июнь 1933 – июль 1934 г.), а 19.07.1934 г. переведен на особый факультет той же Академии, предназначенный для обучения заслуженных командиров Красной Армии. Заканчивает его по 1-му разряду и вновь назначается в распоряжение РУ РККА. За полгода до окончания Академии ему присвоено звание полкового комиссара (15.04.1936 г.).

Галина Петровна в этот период тоже училась. 01.06.1933 г. она выдержала письменные и устные испытания по польскому языку, ей присвоено звание «военный переводчик РККА», с выплатой дополнительного вознаграждения (приказ ГУ РККА № 027 от 14.08.1933 г.). 15.07.1934 г. она окончила специальное (агентурное) отделение Курсов усовершенствования комсостава по разведке при РУ штаба РККА (приказ ГУ РККА № 0012 от 15.07.1934 г.).

Пока Винаров заканчивал учебу в Академии, в РУ наступили серьезные перемены, вызванные докладом Г. Ягоды о ситуации в военной разведке (при этом об аналогичных провалах в своем ведомстве – в ИНО ГУГБ НКВД СССР – он не упоминает). Судя по тому, как был принят этот доклад и какие он вызывал последствия, именно такой документ от него и ждали в Инстанции, где, конечно, были прекрасно осведомлены о том, что происходит и в одном и в другом ведомстве.

А. Х. Артузова (начальника ИНО), а потом и ряд других чекистов, направили в Разведупр исправлять выявленные, по мнению руководства, недостатки. Они заняли там руководящие посты. Артузов стал заместителем начальника Управления (Я. К. Берзина, С. П. Урицкого) и вел, в частности, переписку с И. В. Сталиным через голову начальника РУ и наркома обороны К. Е. Ворошилова. Посылая документы военной разведки Ворошилову, он писал на полях, что тов. Сталину они уже отправлены. Тем же путем он направлял Сталину и свои доклады. В апреле 1935 г., сразу же после ухода Я. К. Берзина, в РУ началась кадровая свистопляска, которая коснулась многих старых опытных сотрудников и продолжилась в период массовых репрессий.

С. П. Урицкий докладывал заместителю наркома обороны Я. Б. Гамарнику (28.01.1936 г.):

«Во исполнение указаний мною полученных был произведен пересмотр личного состава Разведывательного Управления и всех его периферийных органов. Одновременно с помощью Управления по Начсоставу были приняты меры по укомплектованию разведывательных органов.

Суммарно вся проделанная работа выражается в 406 чел. уволенных за 1935 г. из Разведупра и 1058 чел. привлеченных новых работников. (Цифры эти требуют еще уточнения; сюда включены работники аппарата округов и агентурные работники).

Наша потребность – еще 2500 человек.

Я нуждаюсь в помощи для того, чтобы обеспечить всю эту ответственную работу по подбору кадров в разведку. Нужно привести в порядок учет, личные дела, вести систематическое изучение людей, проводить оформление всех передвижений…»[17].

Значительное превышение количества новых сотрудников, над количеством людей уволенных, объясняется просто: новые кадры набирали в спешке и многие из них не проходили проверку или категорически отказывались работать в разведке.

В течение всего данного предвоенного периода (1935–1941 гг.) в центральном и окружных аппаратах военной разведки в той или иной степени существовал некомплект кадров. Вот лишь один из многих примеров: начальник РУ ГШ Красной Армии Ф. И. Голиков докладывал (27.11.1940 г.) заместителю наркома обороны Е. А. Щаденко о «большом

некомплекте должностей преподавательского состава и других должностей в Высшей Специальной [разведывательной] Школе Генерального Штаба Красной Армии», который влияет на «нормальный ход учебного процесса». И отмечал при этом, что «преподавателей по штату положено 68 человек, налицо имеется 16 чел., некомплект 52 чел.», Голиков предлагал указанный некомплект «пополнить исходя из реальной необходимости в следующие сроки: к 10.12.40 г. – 24 чел. и к 1.5.41 г. – 28 чел.»[18]. Последняя большая перестановка кадров перед войной состоялась в РУ ГШ 21.06.1941 г.

Франция – Испания

Новая командировка Ивана Цоловича последовала сразу же по окончании им Академии (16.11.1936 г.), откуда он направлен в распоряжение РУ РККА. В декабре того же года он выехал в Западную Европу по маршруту Москва – Берлин – Брюссель – Париж. Основная часть заданий группы Винарова связана с гражданской войной в Испании. Поэтому ему предстояло руководить военной разведкой в самой Испании (в тылу франкистов) и в иных странах: Германии, Португалии, Бельгии, Италии, Швейцарии и др., создавать там разведывательные группы. Помощницей его в качестве радистки и шифровальщицы была, как и прежде, Галина Петровна Лебедева.

По соседству с «Ванко», во Франции, Испании, Португалии, Италии, Швейцарии работал в те годы целый ряд людей из военной разведки, в том числе старые опытные кадры. С некоторыми из них его пути пересекались в прошлые годы, кто-то поступил сейчас в распоряжение его резидентуры. «Ванко» отмечал: «В Центре. перед отъездом в командировку, мне предоставили свободу действий в подборе людей для полного укомплектования резидентуры, исключая, разумеется Галину и технического специалиста Z-4, которые были кадровыми сотрудниками… В Португалии и Германии у меня были назначены явки с нашими людьми, которые уже работали и с которыми требовалось согласовать наши действия… Сложная политическая обстановка в Европе стала результатом чрезвычайных событий, чрезвычайной была и наша группа, создание которой следовало завершить в течение недель и даже дней».

Необходимые агентурные сети в названных странах, как отмечал Винаров, были созданы и продолжали действовать впоследствии: после его возвращения в Москву и после падения Республики в Испании (март 1939 г.). Возможно, одним из сотрудников его организации был нелегальный резидент в Португалии Бронислав Овсянко, прибывший туда кружным путем из Москвы в качестве крупного бизнесмена, примерно в то же время. Вместе с ним приехала радистка «Эрна» (Эрна Виндт), «немка из Гамбурга, красивая, интеллигентная, хорошо знавшая ситуацию в Западной Европе и Азии, обычаи и нравы тех мест, где она работала». Овсянко вспоминал: «Первые мои донесения из Лиссабона информировали Москву о присутствии в Эсторил немцев и итальянцев, в основном офицеров переодетых в штатское, связанных со штабом испанских мятежников, находившемся в городе; о немецких и итальянских кораблях доставляющих в Лиссабон и Порто оружие для мятежников; о том, что местные власти не препятствуют разгрузке этих судов и проезду грузовиков с амуницией через португальскую территорию; сообщил, что португальские власти выдают мятежникам солдат-республиканцев, отступающих в Португалию. Шифрограммы шли в эфир и днем и ночью. За это нужно благодарить немецкого товарища Эрну, самоотверженно и отважно выполнявшую свои обязанности радистки. Случалось, она собирала передатчик и работала на нем в постели, тяжелобольная, когда нужно было передать важную, срочную информацию. Об её отношении к работе я сообщил Центру. В специально адресованном нам депеше с поздравлениями к 1 мая (1937 г.) Эрне была выражена

благодарность. Президиум Верховного Совета СССР наградил её орденом Красной Звезды. Приказы Центра и каждое выполненное задание мы считали своим долгом по отношению к Испанской Республике, еще одним ударом по фашистским мятежникам». В июне 1937 г. Овсянко отозвали в СССР и вскоре репрессировали. Но его компаньон, другой, более опытный советский разведчик, продолжал начатое дело вместе с «Эрной»[19]. Может быть это тот самый человек, которого Иван Цолович назвал в своих воспоминаниях Мануэлем Оливейро.

Другим сотрудником Винарова мог быть киножурналист Давид Бибринг. По линии РУ сначала его «направили в армию Франко» (1936), потом он работал также и в Португалии, в Лиссабоне (1936–1937 гг.), «в частности он дал [сведения] о готовящемся наступлении итальянцев на Гвадалахару» (А.П. Панфилов, сентябрь 1940 г.). По работе Давид был связан с другим советским разведчиком К.К. Небенфюром через его жену – Эрну Венгельс. В качестве радистов в Испании и Португалии действовали в 1936–1938 гг. Э. И. Бронина, Б. К. Виндт, С. Вукелич.

Источником информации стал представленный Винарову в качестве весьма надежного человека доктор Томов. Он был давним и хорошим знакомым Бенито Муссолини, итальянского диктатора и премьер-министра. С помощью своих новых друзей Томов наладил переписку с ним, к тому же в квартире доктора в Париже разместилась и одна из раций организации. «Ванко» возможно имел в виду доктора Д. П. Томова, родившегося в Осм-Пазар, Болгария 24.05.1877 г. Он окончил Шуменское педагогическое училище и 3 года был учителем в Болгарии. Потом учился на медицинском факультете в Лозанне, Швейцария и окончил его. В студенческие годы (1902–1905) состоял членом Итальянской социал-демократической группы, однако потом не вступал ни в какие политические партии (1905–1921), работал ординатором, старшим ординатором больницы в Болгарии, в т. ч. и во время 1-й мировой войны. Но потом стал участником коммунистического движения в селах Странджи, в родном Осм-Пазаре (1921–1924), в Стамбуле, Турция (с 1924), где работал старшим ординатором при болгарской больнице (1925–1926), был одним из основателей и членом местной эмигрантской коммунистической группы, там же состоял в коммунистической группе Внутренней македонской революционной организации – объединенной[20].

Необоснованное увольнение. Преподавательская работа

Вернувшись в Москву по вызову, Винаров некоторое время состоял в распоряжении РУ РККА (март – июль 1938 г.), видимо отчитывался в Центре о проделанной работе, докладывал о ситуации в Испании и др. странах. Многих своих начальников и коллег он уже не застал, кого-то из них перевели в войска, кого-то уволили в запас РККА или вообще из армии, кого-то посадили или расстреляли. Все эти события коснулось и чекистов, прибывших в Разведупр в 1934–1936 гг.

15.07.1938 г. Ивана Винарова увольняют в запас РККА «в аттестационном порядке по служебному несоответствию» (органами НКВД были арестованы некоторые из бывших его зарубежных сотрудников). Но нашлись и другие причины: начальник отделения «А», по которому он числился, полковник Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров, характеризовал его следующим образом (июнь 1938 г.):

«Полковой комиссар ВИНАРОВ ИВАН ЦОЛОВИЧ по национальности болгарин, прибыл в СССР в 1923 году, по его словам – бежав из тюрьмы в Болгарии в начале 1923 года. С конца 1923 г. ВИНАРОВ работает в системе РУ и весь этот период ВИНАРОВ был близок к врагам народа БЕРЗИНУ, НИКОНОВУ, САЛНЫНЬ и другим. Арест этих врагов народа

органами НКВД значительно отразился на настроениях Винарова, и я сомневаюсь, чтобы Винаров в дальнейшем мог принести пользу как работник РУ.

Воспитанный этими врагами народа и находившийся под их большим влиянием Винаров на сегодня ценности не представляет.

Винаров женат на дочери бывшего генерала и бывшей эсерке ГАЛИНЕ ЛЕБЕДЕВОЙ, у которой первый муж поляк, бежавший в Польшу в 1920 г. с двумя ее детьми, которые и сейчас находятся в Польше. Сама она ездила, якобы за детьми, в Польшу в ноябре 1921 г. и пробыла в Польше до декабря 1922 г. Лебедева работала также ранее в системе РУ и также была близка к врагам народа НИКОНОВУ, САЛНЫНЬ и др. Лебедева последнее время всячески старалась вновь проникнуть в систему РУ, основываясь на том, что она была с мужем за рубежом и, якобы, числилась как работница РУ, это же старался провести и ее муж ВИНАРОВ.

Винаров посланный в 1936 г. по март 1938 г. в командировку, с заданием по существу ничего не сделал. Судя по архивным данным, есть основания полагать, что и прежняя его работа в РУ была такой же, как например, во время конфликта на КВЖД в 1929 г., где по архивным данным работа Винарова была признана плохой и, однако, он был награжден по представлению врага народа Берзина орденом «Красного Знамени» вместе с врагом народа Салнынь.

Винаров, несмотря на партийный стаж и звание полкового комиссара, политически малограмотен и не интересуется, и не разбирается даже в самых элементарных вопросах партийной линии и политики, что говорит о том, что в Винарове больше авантюризма, чем партийности, исходя из специфических условий нашей работы.

Учитывая вышеизложенное считаю необходимым Винарова Ивана Цоловича из РККА УВОЛИТЬ.

п/п Начальник отделения – полковник МАМСУРОВ.

ВЕРНО: Начальник отделения кадров – полковой комиссар [подпись] (Туляков)»[21]. Причем в справке на Винарова, приложенной к характеристике и подписанной И. Ф. Туляковым 20.06.1938 г., сообщается, что Винаров был старым, активным членом БКП, два раза арестовывался, и бежал в СССР в 1923 г. из тюрьмы[22].

Учитывая прекрасный отзыв, данный «Ванко» своему бывшему начальнику в книге «Бойци на тихия фронт», можно предположить, что, характеризуя подобным образом подчиненного и старшего товарища Хаджи-Умар Джиорович помог избавить его от более серьезных обвинений.

Из РККА «Ванко» действительно уволили, но далеко не сразу, т. е. 10.11.1939 г. и по одной из самых мягких статей: «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией». До этой даты Винаров по-прежнему числился в распоряжении РУ РККА. Но Иван Цолович не смирился со своим положением. 20.11.1939 г. он написал письмо наркому обороны К. Е. Ворошилову, рассказал ему о своей работе в Разведупре и напомнил: «В 1930 г. я был лично Вами представлен к награждению орденом «Красное Знамя» за боевые специальные заслуги и был награжден постановлением ВЦИК СССР». И не преминул отметить, что уволил его из РККА «враг народа Гендин». Как известно чекист С. Г. Гендин исполнял тогда обязанности начальника РУ РККА, потом он был арестован и расстрелян.

Ивана Винарова вскоре назначили преподавателем кафедры общей тактики Военной академии им. М. В. Фрунзе. 16.06.1940 г. приказ об увольнении его из армии был отменен и он уже официально назначен на вышеуказанную должность с должности состоящего в распоряжении РУ РККА. При рассмотрении данного дела вновь подняли характеристику, подписанную полковником Мамсуровым, но на сей раз, похоже, она не имела последствий.

Как здесь не вспомнить аналогичную ситуацию, в которую попал Илья Григорьевич

Старинов, он вспоминал об этом в своих мемуарах «Мины ждут своего часа», опубликованных еще в 1964 г.:

«Я видел только один выход – обратиться к Наркому обороны, рассказать о своих сомнениях, просить защиты от необоснованных обвинений.

Ворошилов принял меня. На этот раз он держался сурово и замкнуто.

– В чем дело? О чем вы хотели сообщить?

Волнуясь, сбиваясь, рассказал маршалу о своих переживаниях.

– Товарищ Народный комиссар, ведь я выполнял задание Центрального Комитета по подготовке к партизанской борьбе, а склады оружия готовились по вашему указанию.

Нарком обороны смутился.

– Вы не волнуйтесь… – Потом, помешкав, взял телефонную трубку: – Здравствуйте Николай Иванович… Да вот… У меня сидит недавно прибывший из Испании некий Старинов. Его допрашивали о выполнении заданий Якира и Берзина по подготовке банд и закладке для них оружия…

Пауза. В трубке слышится неестественно тонкий голосок. Снова говорит Ворошилов:

– Конечно, он выполнял задания врагов народа. Но он был маленьким человеком, мог и не знать сути дела.

Опять пауза. И опять отвечает маршал:

– Но он отличился в Испании и в значительной мере искупил свою вину. Оставьте его в покое. Сами примем соответствующие меры…»[23].

Великая Отечественная война

С началом войны вопрос с кадрами разведки обострился. Поэтому Разведупр Генштаба приступил к подготовке людей различных национальностей на ускоренных курсах, в том числе на станции Сходня Октябрьской ж.д.

Обучением курсантов там занимались, в частности, Н.К. Патрахальцев и Н.М. Трусов. В НКВД создают Особую группу (впоследствии 2-й отдел, 4-е управление), формируют Войска Особой группы, преобразованные в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, затем в Отдельный отряд особого назначения НКВД – НКГБ СССР.

Из Военной академии им. М. В. Фрунзе многие слушатели и преподаватели отзываются на фронт в военную разведку (например, в в/ч 9903 Западного фронта) и в указанные выше подразделения НКВД. Иван Винаров в первые же дни войны принят туда на «оперативную работу», потом были ОМСБОН и ОООН, где он, кроме всего прочего, возглавлял интернациональный полк (июнь 1941 – март 1944 г.). «Ванко» занимался также подготовкой людей для работы в тылу врага, сам несколько раз побывал за линией фронта. Среди его подопечных были «подводники» и «парашютисты», болгарские коммунисты которых после обучения десантировали в Болгарию в августе 1941 г. Специальное задание он выполнял некоторое время в Турции (август – октябрь 1941 г.), куда прибыла и группа болгар: Янко Комитов, Тодор Фотакиев, Атанас Мискетов, Георгий Павлов и Иван Крекманов. Когда Винарова отозвали в Москву, они поступили в распоряжение другого разведчика. Судьба двоих из них (Комитова и Фотакиева) сложилась весьма непросто, их арестовали в Турции и выдали властям Болгарии (29.12.1941 г.), где они были отправлены в заключение[24], из Плевенской тюрьмы их освободило Сентябрьское восстание 1944 г.

Первые большие награждения сотрудников ГРУ и НКГБ, по итогам первых лет войны, состоялись уже в 1943 г. (январь, май, сентябрь, октябрь).

В марте 1944 г. Винаров поступает в распоряжение Отдела международной информации ЦК ВКП(б), откуда его направляют в одно из подразделений, которые возникли

на месте ликвидированного Исполкома Коминтерна. «В НИИ-100 т. Винаров обучен парттехнике и шифру», «с 8/IV по 26/IV-44 г. в течение 25 часов обучался двум рецептам тайнописи… За время обучения тов. Винаров проявил себя как технически развитый и легко воспринимающий товарищ. На месте сможет пользоваться полученными рецептами»[25]. Далее он продолжил подготовку к выполнению задания.

25.06.1944 г. группа в составе: Иван Винаров, Димитр Гилин и Радил Иванов сброшена с парашютами в районе Черни кук, Черногория, Югославия. Там они связались с югославскими и болгарскими партизанами. Задача группы – информировать ЦК и Заграничное бюро БКП о ситуации в регионе. Группа была экипирована по высшему разряду и снабжена различной радиоаппаратурой с запасными частями и вспомогательными средствами. Связь с Москвой была установлена в ночь с 11-го на 12-е августа 1944 г. и уже не прерывалась весь период деятельности группы. Посланы в Центр 59 радиограмм с 3.116 группами и получены 49 радиограмм с 2.728 группами[26].

08.09.1944 г. в составе 1-й софийской партизанской дивизии Винаров перешел на территорию Болгарии. Тем временем в Софии успешно прошло Сентябрьское вооруженное восстание (09.09.1944 г.). Наступили новые времена. В следующем, 1945 г., «Ванко» некоторое время провел в Москве.

Побег

Его жена, Галина Петровна Лебедева-Винарова, покинула СССР 03.02.1945 г. и вылетела в Болгарию. В самолете пассажиров, судя по всему, было только двое: она и другой бывший советский военный разведчик Христо Балиевич Янакиев. В Болгарии она обратилась в советское посольство с просьбой выдать ей советский заграничный паспорт. Посольство переслало ее обращение в Комиссию ЦК ВКП(б) по выездам за границу, созданную для отправки политэмигрантов на родину. Причем главными для Комиссии были данные, отзывы и рекомендации НКВД. Получив письмо там стали разбираться и выяснили, что она покинула Советский Союз без обязательного в таких случаях разрешения данной Комиссии (ведь на нее, как указано выше, в НКВД был компромат):

Срочно. Секретно. Экз.№ 1.
5 сентября 1946 г.
КУ-3-62 938/7332.
Тов. Панюшкину А.С.

Гражданка СССР Винарова Галина Петровна обратилась в Миссию СССР в Болгарии с ходатайством о выдаче ей совзагранвида.

Винарова Г.П. 1892 г. рождения, русская. До 1945 г. она проживала в Москве (Тверской Бульвар 17). В феврале 1945 г. выехала вместе с мужем в Болгарию.

Муж гр-ки Винаровой генерал болгарской армии, бывш. полковник Красной Армии.

Прошу сообщить Ваше мнение о выдаче Винаровой Г.П. совзагранвида.

[подпись] (Беляев).

[На обороте листа резолюция:] В архив. Тов. Беляеву сообщено: в виду того, что Винарова Г.П. выехала в Болгарию без разрешения комиссии ЦК ВКП(б) по выездам за границу, считаем нецелесообразным выдавать ей совзагранвид.

16/IX.46 [подпись]
27/IX.46 [подпись]

Архив. 30/IX.46 [подпись][27].

Похоже, что ее лишили не только советского загранпаспорта, но и членства в партии. Поскольку Галина Петровна была «реабилитирована в партийном отношении 22.08.1957 г.». Выехать из СССР Галине Петровне могли помочь П.А. Судоплатов и Н.И. Эйтингон, у которых с Винаровым были очень хорошие отношения.

На родине

Винаров на родине участвовал в создании и первых боевых действиях Болгарской народной армии – БНА – в звании генерал-майора (1944–1949), был заместителем начальника Разведотдела Генштаба БНА, командиром 9-й Плевенской дивизии (1944–1946), начальником Управления военной промышленности при Военном министерстве, находился на командных постах в строительных войсках (1946–1949), был помощником министра, министром путей сообщения и строительства, начальником Главного управления путей сообщения при Совете министров НРБ, начальником Управления шоссейных дорог Болгарии (1949–1964) и др. Состоял членом Центральной контрольно-ревизионной комиссии БКП, был депутатом 3-го, 4-го и 5-го созывов Народного собрания Болгарии.

Осенью 1966 г. некоторые из советских разведчиков – болгар был награждены болгарскими и советскими орденами. Центральный орган ЦК БКП газета «Работническо дело» сообщала (07.12.1966 г.): «Советский посол в Софии Николай Органов вручил, по поручению Президиума Верховного Совета СССР, высокие награды болгарам – бывшим активным участникам Отечественной войны, помогавшим советским воинам в борьбе против гитлеровского фашизма.

Орденом Ленина награждены: Свобода Михайлова Анчева, Иван Цолов Винаров, Александр Костадинов Пеев (посмертно), Гиню Георгиев Стойнов (посмертно); орденом Красного Знамени: Никифор Йорданов Никифоров; орденом Отечественной войны I ст.: Иван Илиев Владков (посмертно), Йорданка Андреева Каприелова, Елисавета Михайлова Пеева, Эмил Николов Попов (посмертно); орденом Отечественной войны II ст.: Маруся Николова Владкова, Александр Переклиев Георгиев, Асен Борисов Дацев, Галина Петровна Винарова, Петко Николов Петков, Белина Герчева Попова».

За свою деятельность на различных постах он награждался советскими наградами: орденами Ленина (1966), Красного Знамени (1930), Кутузова II ст. (1945), Отечественной войны II ст. (1943), юбилейной медалью «XX лет РККА» (1938); болгарскими наградами: двумя орденами «Георги Димитров» (1964, 1966), двумя орденами «Народна Република България» I ст. (1956, 1959), медалями. Имел звание Герой социалистического труда НРБ (1964).

В 1969 г. в Софии вышли воспоминания Ивана Винарова «Бойци на тихия фронт: Спомени на разузнавача». В период работы над ними он обсуждал прошлые события со многими из своих соратников в Болгарии, встречался с бывшими коллегами в Советском Союзе, который посещал несколько раз. Винаров называет целый ряд имен этих людей: Христо Боев, Ангел Вылчев, Марин Калбуров, Никола Йотов, Ангел Игов, Стефан Боюклиев, Христо Паков, Иван Пылов, Карел Смишек (А.М. Толлер), Иосиф Бейдо-Байер, Тодор Фотакиев, Янко Комитов, Василий Иванович Чуйков, Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров, Александр Иванович Черепанов, Леонид Константинович Бекренёв, Наталья Владимировна Звонарева, Семен Львович Ермаш, Василий Тимофеевич Сухоруков, Ян Христианович Биркенфельд, Наум Исаакович Эйтингон, Павел Анатольевич Судоплатов, и др. На русском языке его воспоминания «Бойцы тихого фронта» вышли в сокращенном виде (М., 1971). В полном виде в СССР – России они, насколько я знаю, не публиковались.

Иван Цолович Винаров скончался 25.07.1969 г.

Редактор его мемуаров Стефан Желев, который бывал вместе с «Ванко» в СССР, рассказывал: «Иван Винаров пользовался особым доверием и уважением советских людей, они высоко ценили его деятельность, особенно – люди из разведки»[28].

Примечания

[1] РГАСПИ. Ф.502. Оп.1. Д.8. Л.19, 21, 23.

[2] Октябрь и болгарские интернационалисты. М.; София, 1973. С.107.

[3] Интернационалистът Ванко // Български воин. София, 1983. № 1. С.25.

[4] Коминтернът и България, март 1919 – септември 1944 г. София, 2005. Т.1. С.274, 282.

[5] За свободу. Варшава, 1924, 26 августа.

[6] Коминтернът и България, март 1919 – септември 1944 г. София, 2005. Т.1. С.341.

[7] РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.38. Л.52.

[8] Непобеденият. София, 1985. С.348, 352.

[9] РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.330. Л.38.

[10] Глинджев И. и др. Железни хора // Народна младеж. София, 1966. 15–18 августа.

[11] В първите редици. София, 1979. С. 157–158.

[12] РГАСПИ. Ф.495. Оп.255. Д.1450.

[13] РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.1318.

[14] РГАСПИ. Ф.495. Оп.25. Д.1350. Л.55.

[15] Йотов Н. За жизнерадостните виенски «търговци» и за дълга // Поглед. София, 1973. № 45. С.10.

[16] РГВА. Ф.37837. Оп.3. Д.48. Л.1.

[17] РГВА. Ф.37837. Оп.16. Д.54. Л.166.

[18] РГВА. Ф.37837. Оп.6. Д.348. Л.284.

[19] Perspektywy. Warszawa, 1976, N 49. S.39–40; N 50. S.39–40.

[20] РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.950. Л.70, 70об.

[21] РГВА. Ф.37837. Оп.6. Д.161. Л.271.

[22] Там же. Л.272.

[23] Старинов И.Г. Записки диверсанта. М., 1997. С.133.

[24] Патриот. София, 1981. № 3. С.21.

[25] РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.38. Л.25, 29.

[26] В борба с фашизма. София, 1966. С. 230–231.

[27] РГАСПИ. Ф.17. Оп.128. Д.57. Л.121.

[28] Желев С. Завещание на разузнавача // Поглед. София, 1969. 11 августа. № 32.

Лев Борович: соратник Радека и куратор Зорге

«Густые каштановые волосы, ярко синие глаза и немного загадочная улыбка». Таким он остался в памяти людей знавших его. Впрочем, улыбка Льва Александровича видна и на некоторых из тех черно-белых фотографий, которые сохранились до нашего времени.

Имя Л. А. Боровича, как наставника и связного Рихарда Зорге, было обнародовано у нас в стране в 1964 году. Писатель Василий Ардаматский, например, упомянул его в одной из первых статей о Зорге в газете «Красная Звезда» (16 сентября): «…рядом с ним находятся замечательные учителя: тт. Берзин, Борович и другие славные разведчики революции, уже имеющие опыт работы». Потом были другие упоминания, небольшие заметки в книгах о Зорге, немногочисленные статьи. Многое о жизни и деятельности Льва Алесандровича, весьма надеюсь, нам ещё предстоит узнать, когда будут открыты соответствующие архивные фонды.

Лев Александрович Розенталь родился 10 декабря 1896 года в городе Лодзь в Польше, входившей в то время в состав Российской империи. Его отец, купец 2-й гильдии Александр Розенталь, владел небольшой текстильной фабрикой. Поначалу жизнь юного Левы складывалась вполне благополучно. Он поступил в местную гимназию и к 1914 году успел окончить шесть классов. Однако начавшаяся Первая мировая война полностью перевернула его жизнь, как и многих других людей. Вместе с тысячами беженцев из западных районов России его семья эвакуировалась вглубь страны, в Баку. Здесь он с отличием закончил в 1917 году электротехническое отделение местного Политехнического училища, получив специальность электромеханика. Здесь же, в Баку, в октябре 1916 года он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, однако на первых порах примкнул не к большевикам, а к меньшевикам. С ними он порвал в мае 1917-го.

Л.А.Борович, С.Г.Фирин (второй слева) с женой, Б.Б.Бортновский. Париж, 1922 г.

В сентябре 1918 года Розенталь добровольцем ушел в Красную Армию. Служил в Москве – помощником для поручений 1-го караульного батальона, в Харькове – сначала красноармейцем, затем командиром отделения 2-го крепостного полка укрепленного района. В мае 1919 года в Киеве вступил в партию большевиков. Тогда же он принял фамилию Борович. Летом и осенью сражался против Деникина в составе Группы войск Харьковского укрепленного района, был контужен и направден на учебу в Москву на Военно-инженерные курсы комсостава.

По окночании курсов, как выходец из Польши, Лев Борович был откомандирован весной 1920-го в распоряжение Региструпра штаба Западного фронта, ведущего боевые действия против поляков. Там он встретился с руководителем Управления Артуром Карловичем Сташевским, более известным тогда под фамилей Верховский, и с членом РВС фронта, уполномоченным Региструпра РВС Республики по разведке в Польше Иосифом Станиславовичем Уншлихтом, который еще в Лодзи хорошо знал его отца. По его рекомендации Борович был принят на работу в разведку.

Незадолго до этого, в конце января 1920 года, И. Уншлихт и А. Верховский представили комиссару Полевого штаба РВСР Д. И. Курскому отчет о работе Агентурного отдела Региструпра, где писали: «Общее число высланных агентов достигает 8; резиденции разбиты по следующим участкам: 1 резидент – Варшава с наблюдением на станциях в Молодечно, Седлец, Ивангород и Кельцы. 1 резидент исключительно на Варшаву. 2 резидента – Вильно, узловые станции – Кошедары, Свенцяны, Молодечно, Барановичи, Лида и Гродно. 3 – Ново-Свецяны. 1 – Минск, район Молодечно, Лида, Барановичи, Борисов, Бобруйск и Вильно» и жаловались, что «постановка работы в широком масштабе тормозится», в частности, «отсутствием достаточного количества работников»[1]. Так что Борович прибыл на Западный фронт ещё и по этой причине.

Первым руководителем новичка стал опытный чекист и разведчик, заместитель начальника фронтового Региструпра Бронислав Бортновский. «В следующей беседе, – давал показания на следствии Борович, – он сообщил о том, что меня будут обучать разведработе. Я ходил некоторое время на пункт, где меня обучал бывший полковник царской разведки основным установкам разведки. После окончания учебы меня… направили в Гомель в качестве нелегального запасного работника». В Гомеле (май – июль), а затем в Минске (июль – сентябрь 1920), Борович руководил разведпунктами, где встречал и провожал людей через линию фронта. «Переброска производилась очень просто. В прифронтовом районе в тылу у поляков действовали партизанские отряды, имевшие связь с нами. Партизаны одиночками, а иногда даже группами в 2–3 человека, переходили на нашу сторону, и я, как резидент Разведупра должен был их снабжать деньгами, документами и направлять дальше… Я переправил за период времени работы в Гомеле, с мая по июль 1920 года, примерно 10 человек – 4-х одиночек и остальные группами по 2–3 человека. Из СССР было переправлено в Польшу человека 3».

Соратник Боровича по военной разведке, сотрудник её в 1920–1941 годах, полковник Борис Яковлевич Буков полагал, что в тех условиях «скоротечности военных и политических событий», которые «требовали от Советского командования исключительно быстрой осведомленности… т. Алекс проявил себя столь прекрасным организатором и непосредственным исполнителем разведки». Затем, в сентябре – ноябре, Борович служит в Отдельной бригаде особого назначения при РВС Западного фронта (Спартаковской бригаде). После планировавшегося захвата Польши она должна была двинуться дальше на Запад, в

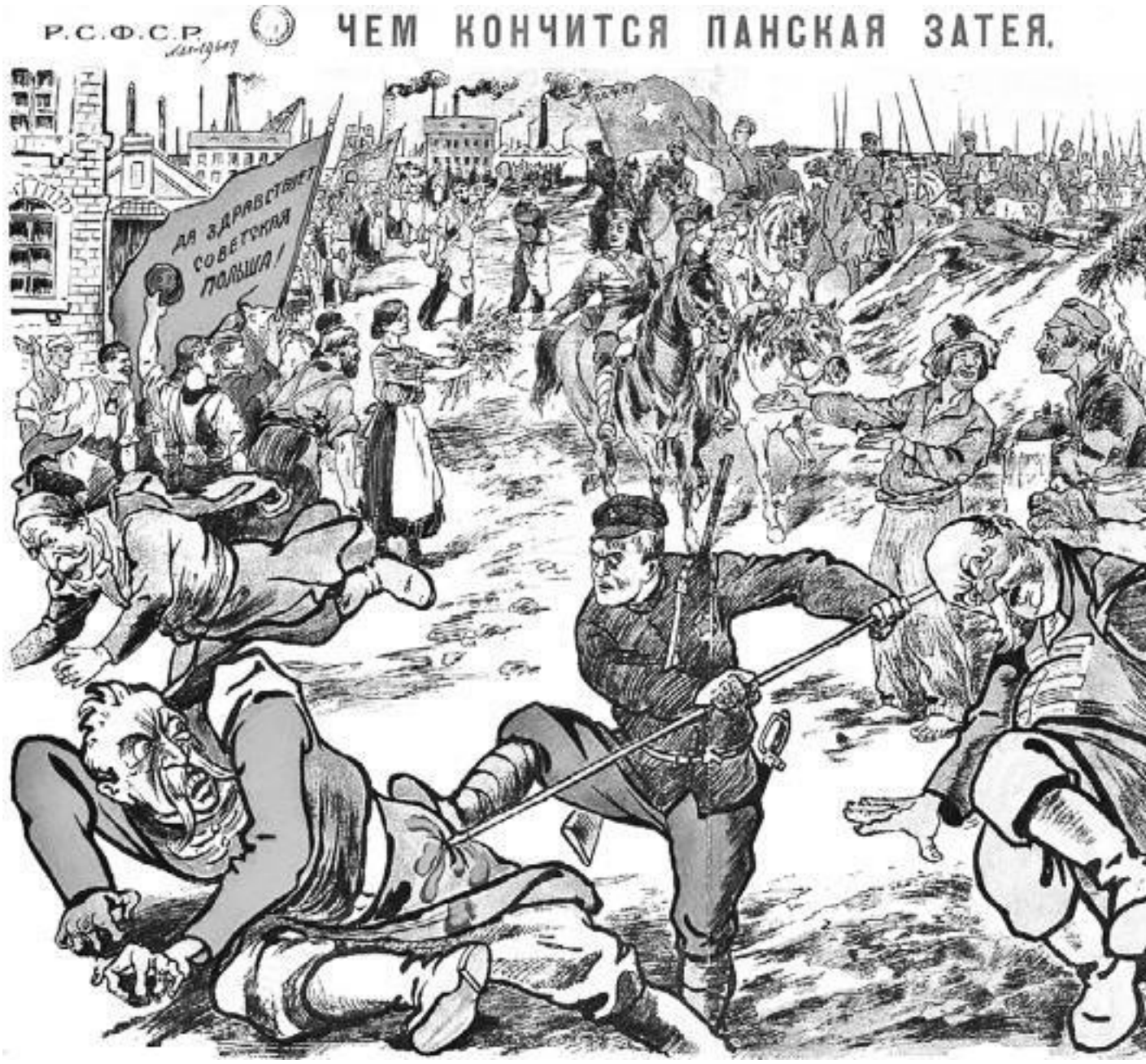
Германию.

Однако поход на Варшаву окончился неудачей, в том числе и из-за недостатков в деле молодой ещё советской разведки и контрразведки. Это касается, в частности, радиотелеграфа, роль которого «была очень велика, и принесенная польза войскам неоспорима». Однако уже после гражданской войны выяснилось, «что раскрытие шифров было детской игрой для польских специалистов», поскольку «в Красной Армии в тот период ещё применялись кодовые таблицы, сохранившиеся со времени империалистической войны», имевшиеся, конечно, и у поляков. Кромее того, «о смене ключей противник любезно предупреждался по радио, все радиостанции любезно сообщали о своих переходах и местах стоянок»[2].

В начале ноября бригада была расформирована, костяк руководства разведки Западного фронта отозван в Москву. Здесь многие командиры были направлены на учебную базу военной разведки. База находилась вдали от шумных дорог и многолюдных поселений. Занятия длились по 10–12 часов в день, не считая самоподготовки. Особого прилежания требовали специальные дисциплины, такие, как легализация в чужой стране, вживание в чужой быт, в чужие привычки. После прохождения краткосрочных курсов все эти люди, тесно спаянные между собой совместной работой, были направлены за границу – создавать разведывательную сеть молодого Советского государства за рубежом. Начались годы напряженной работы, связанной с постоянным риском.

12 января 1921 года Лев Борович поступил в распоряжение Разведупра Штаба РККА, получил оперативный псевдоним «Алекс», выехал в Берлин как военнопленный румынский солдат, возвращающийся на родину через Штеттин, и прибыл в столицу Германии в феврале.

Первая его командировка продолжалась более 4 лет. Это было время, когда берлинский центр Разведупра фактически превратился во второй по значению, после Московского, центр советской разведки. Отсюда протянулись нити нелегальной агентурной сети, не только в страны Центральной, Восточной и Западной Европы, но также и на Ближний Восток, в Индию, Америку. Руководителем берлинского центра с января 1921-го был уже известный нам Артур Сташевский (теперь «Степанов»), официально работавший секретарем торгпредства РСФСР.



«Чем кончится панская затея». Советский плакат. 1920 год

Первоначальной задачей Боровича было выявление немецкой агентуры в Польше и дезинформация польской разведки. Но в Берлине «Алекс» проработал недолго. Уже в мае его перевели помощником резидента Юзефа Красного в Вену, откуда в то время велось руководство разведывательной деятельностью на Балканах. Там он работал совместно с Мечиславом Логановским, Юрием Мазелем, Зосей Залесской, Феликсом Гурским, Альфредом Тылтынем, Бертольдом Ильком, Михаилом Уманским, братьями Брониславом и Сигизмундом Яновскими, Карлом Небенфюром, Яковом Локкером и др.

Во время первой командировки Борович познакомился и подружился с видным деятелем мирового большевизма Карлом Радеком и благодаря этому знакомству оказался в самом центре как планов Коминтерна по развязыванию мировой революции в Германии и странах Восточной Европы, так и, с другой стороны, деятельности руководства СССР по налаживанию и развитию нелегального сотрудничества Красной Армии с рейхсвером. Борович сопровождал Радека во время секретных переговоров с начальником штаба рейхсвера генералом фон Хессе в апреле 1922 года.

С лета 1923 года Борович на основе межгосударственных соглашений осуществлял контакты разведки РККА с абвером. Именно тогда он познакомился со знаменитым полковником абвера Оскаром Нидермайером, который с германской стороны являлся главным координатором нелегального военного сотрудничества двух стран.

Борович стоял у истоков военно-технической разведки, усилиями которой в странах Западной Европы приобреталось или похищалось так необходимое Советской России оборудование и материалы, разведка также помогала заключению выгодных для РСФСР – СССР торговых сделок. Лев Александрович принимал участие в создании нелегальной организации, которая позднее получила название – мобилизационная сеть коммерческих предприятий Разведупра штаба РККА за рубежом. Знакомые ему братья Эренлиб (Яновские) основали в Берлине в 1922-м одно из первых предприятий этой сети – акционерное общество «Востваг», имевшее впоследствии филиалы во многих странах мира. Мобсеть в основном помогала в легализации разведчиков и финансовом их обеспечении.

Одновременно Борович являлся техническим секретарем делегации Коминтерна и ЦК РКП(б) в Дрездене и руководителем ее нелегальной техники во время так называемого «Германского Октября» осенью 1923 года – неудавшейся попытки большевистского восстания в Германии. Несколько ранее, в декабре 1922 года, он же сопровождал советскую делегацию в составе К. Б. Радека, С. А. Лозовского и Ф. А. Ротштейна на международный конгресс мира в Гааге, организованный профсоюзами (где присутствовал на закрытых совещаниях советской делегации с западными рабочими лидерами), а в начале 1923 года – Карла Радека на съезд компартии Норвегии в Осло. Работая в берлинской и венской резидентурах, Борович познакомился с печально известными позднее перебежчиками – Вальтером Кривицким и Игнатием Порецким (Рейссом).

Резидентом в Чехословакии, вместо С. В. Жбиковского, Лев Борович был назначен в мае 1924-го, а спустя месяц в Праге разразился шпионский скандал. Полиция арестовала 11 человек, которых обвинили в том, что они занимались военной разведкой в пользу СССР. Руководитель этой организации Владимир Горвиц-Самойлов, избежавший ареста, как сообщалось, был связан с агентурой не только в самой ЧСР, но и в Польше, Румынии, Венгрии и Югославии. Возможно, именно с этим связано его недолгое руководство разведкой в этой стране. В сентябре того же года он направлен помощником резидента в Польшу, но и оттуда вскоре был отозван.

Лев Александрович вернулся в СССР в феврале 1925 года и приступил к работе во 2-м (агентурном) отделе Разведывательного управления штаба РККА, где сначала был завсектором, затем – начальником 1-й части и помощником начальника отдела. В июле 1927 года окончил разведупровские Курсы усовершенствования комсостава по разведке. Относительно спокойная жизнь длилась свыше полутора лет. Осенью 1927-го Борович вновь выезжает в долгосрочную командировку за рубеж, резидентом в Вену. Работает в тех же странах – Австрии, Германии, и на Балканах (октябрь 1927 – март 1930). Помимо работы по Германии и Польше его задачей являлся сбор сведений о чехословацкой армии, положении в Румынии и Юго-Восточной Европе. Я.К.Берзин ходатайствовал о награждении Льва Александровича подарком в связи с 10-летием РККА (09.06.1928) в составе группы «зарубежников-агентурщиков», которые «имеют многолетний агентурный стаж по работе на

Польшу, Балканы и другие страны».[3]

Борович был одним из первых, кто обратил внимание на опасность, которую представляет собой гитлеровский нацизм. Его донесения, по оценке ветеранов военной разведки, отличались глубиной анализа, широтой обзора. Вот некоторые выдержки из них: «Фашизм вбирает в себя наиболее низменные, деклассированные отбросы общества, именно их он подсаживает на пьедестал «героев дня». Характерно, все сборища отличаются преднамеренной наглостью, шум, крики, мы-де хозяева положения, надежда нарождающегося национал-социализма».

«Все нахрапистее расталкивает свое окружение Гитлер, он не скрывает, что метит в вожди… Гитлер буквально демонизирует собравшихся, часто срывается на театральный крик, видя, что это нравится обывателям. Тема выступлений одна: «Только национал-социализм принесет вам процветание, все остальное сгнило. Вступайте в наше движение, голосуйте за нас! «И так почти ежедневно, нередко по два-три раза в день».

Подполковник в отставке Наталья Владимировна Звонарева, работавшая личным секретарем начальника Разведупра Берзина, вспоминала, что некоторые донесения Боровича докладывались высоким армейским и государственным руководителям не в обзорах, а отдельно. Выезжая по спецзаданию за рубеж, Звонарева видела, какой сумасшедший ажиотаж развернулся вокруг книги Гитлера «Майн кампф». Ее навязывали, ее всучивали всем и каждому как «священную книгу» национал-социализма. «А первую оценку человеконенавистнической исповеди Гитлера, – вспоминала она, – нашла я перед отъездом в своеобразной рецензии, присланной Боровичем, в строках-разоблачениях, в строках-предупреждениях представал автор воюющим политиком, бойцом».

Уже упомянутый нами полковник Буков высоко оценивал Боровича как профессионала: «Тов. Алекс, наряду с профессиональной зрелостью и отличным знанием иностранных языков, обладал ясным умом и разносторонним образованием… Он умел ценить людей и ладить с ними и был притягательной силой для большого круга товарищей. Его отношение к начальству, к подчиненным и к самому себе раньше всего определялись интересами дела. Он умел по отдельным мелочам правильно оценивать обстановку, в которой приходилось действовать, безошибочно отличать врагов от друзей Советского Союза. На служебных совещаниях он отличался ясностью мысли, точностью в определении положения и полинной самокритичностью. Не случайно поэтому, что, несмотря на долгие годы работы за рубежом в нелегальных условиях, т. Алекс сумел избежать провалов, хотя работал в странах, обладающих сильными контрразведками».

Вторая командировка Боровича закончилась в марте 1930 года. К этому времени заместитель председателя РВС Уншлихт перешел на ту же должность в ВСНХ СССР. Это было вызвано тем, что на рубеже 1930-х годов резко повысилась вероятность военного столкновения Советского Союза с ведущими странами Запада, в первую очередь с Англией, и все наиболее технически грамотные руководящие кадры были брошены на срочное развитие советской военной промышленности. Вслед за бывшим начальником переходит в ВСНХ и Борович, зачисленный в июле в резерв РККА. Вначале он работает порученцем при Уншлихте в Президиуме ВСНХ, а затем заместителем начальника фосфатного управления Всехимпрома. Тогда же в ВСНХ были направлены ещё два сотрудника Разведупра – Георгий Иванович Килачицкий (август) и Макс Германович Максимов (октябрь).

Однако работа в народном хозяйстве мало соответствовала наклонностям Льва Александровича. Поэтому он с удовольствием откликнулся на предложение Радека, назначенного руководителем Бюро международной информации ЦК ВКП(б), и заняв в июне 1932 года должность ответственного секретаря Бюро стал фактически его ближайшим помощником. С апреля 1934 года он, по совместительству, работает сотрудником технического секретариата Оргбюро ЦК. И всё это время продолжает оставаться в

распоряжении Разведупра РККА. Надо заметить, что Карл Радек, фактически явившийся, еще в 30-е годы, одним из основателей модной теперь геополитики, находился в курсе всех тайных интриг и хитросплетений мировой политики, во многом определяя решения Политбюро ЦК ВКП(б) и НКИДа по международным вопросам.

В августе 1935 года Борович возвращается на работу в военную разведку, где начальником уже был не Ян Карлович Берзин, а Семен Петрович Урицкий. В Управлении он получил должность заместителя начальника 2-го (восточного) отдела Разведывательного управления РККА, то есть знаменитого Федора Карина, только что перешедшего в военную разведку из Иностранного отдела НКВД вместе со своим начальником Артуром Артузовым.

В центре интересов Льва Боровича находились Китай и Япония. В 1930-е годы военно-политическая обстановка в этом регионе резко обострилась, и Советский Союз был главным препятствием на пути милитаристской Японии и гитлеровской Германии к мировому господству. В случае заключения союза между ними нашей стране угрожала война на два фронта. Чтобы выбрать правильный курс в сложившейся ситуации, советское правительство остро нуждалось в достоверной информации о германо-японских отношениях. Тогда же Лев Александрович начал готовиться к новой командировке в Китай.

Во время аттестации высшего комсостава осенью 1935 года, Борович получил звание дивизионного комиссара, присвоенное ему приказом наркома обороны СССР от 23 ноября 1935-го. Вот как описывает его в этот период жизни советская разведчица Раиса Мамаева: «Повернувшись на какой-то шум, я увидела нового для меня человека. Он стоял ко мне спиной. Отлично сложенный, по-юношески подтянутый, с гордо посаженой головой, волосы каштанового оттенка были ровно пострижены над крепким и упрямым затылком. Я с интересом подумала, какое может быть лицо у этого человека. «Кто это, новенький?» – спросила я у соседа. «Да что ты, какой новенький! Это Алекс». Словно почувствовав, что о нем говорят, – дьявольская интуиция и нервная восприимчивость жили в этом человеке, – Алекс повернулся. На меня глянули очень заинтересованные, слегка насмешливые, грустные и еще какие-то очень сложные глаза. Потом мы встречались много раз, так как вместе работали. Он поразительно проникал в людей, с которыми его сталкивала судьба. Узнавал их. И уж если верил в них, то верил безоговорочно. Преданно. И защищал их самозабвенно…».

«Именно меня он выбрал для работы ответственной и опасной. Поверил в меня и начал работать над очень сырым, неподготовленным работником. С ним я прошла большую и трудную школу. Это была подлинная школа «Старика». Алекс был ее порождением и ее продолжением».

В апреле 1936 года Борович выезжает в свою последнюю заграничную командировку, на этот раз резидентом в Шанхай. Вместе с ним в Китай отправилась и его молодая жена Лидия Ефимовна Дорохова, которая в это время ждала ребёнка. Они познакомились в Ленинграде в августе 1935-го и через полгода поженились.

Документы любящий супруг получил на фамилию Лидова, а его жена стала Лидией Ефимовной Лидовой. Основной задачей «Алекса» была связь с японской резидентурой, возглавляемой Рихардом Зорге. Отдавая должное разнообразным способностям Зорге, начальство в Москве было уверено, что тот ещё не обрёл достаточного опыта самостоятельной работы. Поэтому Второй (Восточный) отдел Управления, курировавший резидентуру «Рамзая», решил, что необходимы частые встречи Зорге с квалифицированными наставниками из Центра. Борис Гудзь, работавший в Восточном отделе с 1936 по 1937 год, пишет в своих воспоминаниях: «Алекс был в курсе принципиальных установок в руководстве разведки по операции, обладал большим опытом в разведывательной работе и поэтому мог бы совместно с Зорге обсуждать те или иные неотложные проблемы и принимать те или иные решения. Он имел полномочия… корректировать работу Зорге в рамках поставленных перед ним задач. На него была возложена не просто живая связь как бы транзитного характера, но и

роль ответственного руководителя, рекомендации которого имели силу указаний Центра»[4].

Борович хорошо знал Рихарда Зорге еще по Германии начала 1920-х годов, а в начале 1933 года, работая в Бюро международной информации, во время подготовки разведчика к поездке в Токио обсуждал с ним различные внешнеполитические проблемы. В своих «тюремных записках» в главе «Посещение Москвы в 1933 году» Зорге пишет об этом: «Радек из ЦК партии с согласия Берзина подключился к моей подготовке. При этом в ЦК я встретился с моим старым приятелем Алексом. Радек, Алекс и я в течение долгого времени обсуждали общие политические и экономические проблемы Японии и Восточной Азии … Ни Радек, ни Алекс не навязывали мне своих указаний, они только излагали свои соображения». В главе «Моя поездка в Москву в 1935 году» Зорге вновь упоминает Боровича: «Я встретился с новым начальником IV Управления Урицким и работавшим у него в подчинении Алексом».

Работа в Шанхае была очень напряженной. Частые разъезды, встречи, обработка информации требовали много сил и времени. Пожалуй, наиболее важным результатом деятельности советской разведки в этот период было полученное от Зорге сообщение о подписании пакта между Японией и Германией. Через «Рамзая» советскому правительству еще до формального подписания стало известно о содержании «Антикоминтерновского пакта» и секретного приложения к нему. Центр дал указание Зорге: «Изыщите возможность немедленного личного контакта с «Алексом». Желаем успеха».

В августе или сентябре 1936 года состоялась их встреча в Пекине, в парке знаменитого Храма Неба. Зорге молниеносно передал Алексу микропленку с документами. Вот как происходила «моменталка» в описании жены Алекса Лидии Ефимовны: «Оставив меня на ближайшей скамье около парка, Алекс ушел и спустя некоторое время вернулся. По дороге на встречу и после нее Алекс был серьезен, собран и замкнут. (Выезжая на встречи, Алекс почти всегда вел машину сам). Перейдя площадь, пошли к Храму Неба и, только спустя некоторое время после осмотра его достопремичательностей и огромной позолоченной фигуры Будды – Алекс успокоился и сев в машину мы поехали в город. Только через многие годы из печати я узнала, что в парке Алекс встречался с Р. Зорге, который передал ему микропленки с отчетом об «Антикоминтерновском пакте».

По поводу той же встречи предшественник Льва Александровича на посту резидента Яков Бронин писал: «Единственный и последний раз, когда Рамзай после 1935 года имел возможность «отвести душу» со своим человеком, была его встреча в августе 1936 года в Пекине с представителем ГРУ Алексом, которого он знал ещё в Москве. Алекс потом рассказывал в письме, что Рамзай, этот «волевой человек», «чуть не послезился при прощании со мной»[5].

Вернувшись в Шанхай, Алекс продолжал встречаться с другими разведчиками из группы Зорге, а также агентами китайской резидентуры, которой он руководил. Эти встречи происходили и в Тяньцзине, и в прибрежном городе Циндао, в горном пансионате «Ляошань», где отдыхали служащие советской колонии в Шанхае.

Ближайшими соратниками Боровича по работе в китайской резидентуре были руководитель отделения ТАСС в Шанхае Андрей Скорпилев, заместитель заведующего отделением Раиса Мамаева, корреспондент ТАСС Владимир Аболтин, помощник резидента Залман Литвин и другие. Нелегальным резидентом в Шанхае в то время был инженер-полковник Христо Боев (Федор Русев), который появился в городе летом 1936-го как представитель крупной американской фирмы с документами на имя Юлиуса Бергмана. Нет нужды говорить, насколько важна была их деятельность для советской разведки.

10 декабря 1936 года, в домашних условиях, отметили 40-летие Льва Александровича. Пришли сотрудники консульства, ТАСС, других советских представительств. А спустя шесть дней у него родилась дочь. «Вернувшись домой, – вспоминала Лидия Ефимовна, – я к своей радости и удивлению увидела в квартире детскую коляску и другие необходимые детские

вещи. Меня эта его забота очень тронула. Он очень любил дочку. Днем Алекс работал, а вечерами были «встречи», после которых он возвращался поздно. Дочка уже спала, а я его дожидалась. Было не спокойно на душе. Доходили «слухи» о жизни в Москве, о работе, о товарищах». В марте 1937-го в Советский Союз были отозваны «по болезни» Р. М. Мамаева и «по политическим соображениям» А. И. Скорпилев. 30 июня того же года бригадный комиссар Андрей Иванович Скорпилев умер. А техник-интендант 2 ранга Раиса Моисеевна Мамаева была уволена из РККА 31 января 1938-го в связи с арестом органами НКВД.

В то время следователи госбезопасности раскручивали так называемое «дело ПОВ» («Польской организации войсковой»). Арестовывали поляков, служивших в РККА и НКВД, и получали от них признание в работе на вражескую разведку. Фамилия Боровича как члена ПОВ появилась в показаниях арестованных в середине июня, но ещё в начале мая он был уволен в запас РККА «по ходатайству начальника Разведывательного Управления комкора т. Урицкого от 29.4.37 № 37260» (Приказ НКО СССР по личному составу № 00106 от 5 мая 1937 г.).

Вскоре «помощник заведующего отделением ТАСС в Шанхае Лев Лидов» получил срочный вызов в Москву. 20 июня он с женой и маленькой дочкой, отплыл на пароходе «Север» во Владивосток. 7 июля Борович прибыл в свою квартиру в доме 8 по Столешникову переулку. Через четыре дня он явился для доклада к начальнику Управления. Об этом дне 11 июля 1937 года рассказала много лет спустя секретарь начальника Разведупра Н. В. Звонарёва: «Однажды начальник Управления С. П. Урицкий вызвал меня к себе и сказал, что сейчас приедет Алекс, его будут брать, чтобы я с ним поговорила. Я вышла от него совершенно удручённая и сказала своей помощнице Фире Беленькой: «Сейчас придут за Алексом, но я не могу этого вынести, ты знаешь его меньше, поговори с ним». А в дверях столкнулась с Алексом. «Ты не знаешь, зачем меня вызывали», – спросил он. Я еле-еле выдавила из себя, что не знаю, и ушла. Когда вернулась через час, то Алекса уже не было». Не понятно, правда, почему Наталья Владимировна упоминает Урицкого, который был снят с должности начальника Разведупра ещё в июне и заменён вернувшимся из Испании Берзиным, но факт остаётся фактом: одним из вариантов ареста был вызов подчинённых на доклад к начальству.

19 июля на заседании партбюро Разведупра РККА Я. К. Берзин сообщил об аресте ряда руководящих работников Управления, которых «собрание постановило исключить из рядов партии», в их числе и дивизионного комиссара Л.А. Розенталя-Боровича. На заседании, помимо Берзина, присутствовали: секретарь партбюро Г. Л. Туманян, его заместитель В. С. Яковлев, А. Ю. Валин, О. А. Стигга, П. О. Колосов, К. К. Звонарев. Кроме Туманяна и Яковлева, всех остальных вскоре постигла та же участь.

На первый допрос Боровича вызвали 13 июля и предъявили обвинение в шпионаже в пользу Польши. В качестве доказательства фигурировали показания А. К. Сташевского, Б. Б. Бортновского и С. В. Жбиковского, уже арестованных к тому времени его соратников по Нелегальной военной организации Западного фронта. Следователь – помощник начальника 3-го отдела Главного управления госбезопасности НКВД майор госбезопасности Ильицкий, счёл компрометирующими фактами польское происхождение Льва Александровича, проживание его родителей за границей, а также явно не пролетарское происхождение подследственного. Подобные факты считались тогда крайне подозрительными, а показания сослуживцев дополняли картину «измены Родине». Однако Ильицкий решил не останавливаться на выявлении существовавшего лишь в его воображении сотрудничества подозреваемого с польской разведкой (с 1920 г.) и счёл нужным получить от Боровича показания о работе с немцами (с 1928 г.). Алекс действительно неоднократно встречался с германскими военными в 1923–1924 и в 1928 гг., в том числе и с деятелем немецкой разведки О. Нидермайером. Однако, как уже отмечалось выше, контакты с ними осуществлялись в

рамках секретного военного сотрудничества двух стран, но следователем это расценивалось как шпионаж Боровича в пользу Германии. Через месяц Ильицкий написал обвинительное заключение, которое утвердил заместитель прокурора СССР Рогинский. Спустя неделю, 25 августа, состоялось закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда «без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, в порядке закона от 1 декабря 1934 г.».

Председательствовал на «процессе», продолжавшемся двадцать минут, корвоенюрист Плавнек. Он огласил приговор по ст.58 п.1б и ст.17 п.58-8 УК РСФСР: высшая мера наказания, конфискация имущества и лишение воинского звания. Окончательный и не подлежащий обжалованию приговор приведен в исполнение немедленно.

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 17 ноября 1956 года Борович Лев Александрович был реабилитирован и 4 мая 1957 года восстановлен в рядах партии, так как «в процессе дополнительной проверки дела по обвинению БОРОВИЧА Л.А. установлены новые, ранее не известные суду обстоятельства, которые свидетельствуют о его необоснованном осуждении».

Имя Л. А. Боровича останется в истории, наряду с именами многих других советских разведчиков, патриотов и защитников Отечества.

Помимо названных ниже источников в статье использованы воспоминания жены Льва Александровича Лидии Ефимовны Богатыревой, его соратников по военной разведке и фрагменты следственного дела (июль – август 1937 г.). Все эти материалы предоставлены автору дочерью Льва Александровича Боровича – Светланой Львовной.

Примечания

[1] РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.17. Л.68–69.

[2] Файвуш Я. Предисловие // Стежинский М. Радиотелеграф как средство разведки. М., 1929. С.3.

[3] РГВА. Ф.37837. Оп.1. Д.998. Л.30.

[4] Горбунов Е.А. Дело Алекса лежит на дне «Аквариума» // Общая газета. М., 1997. № 2.

[5] Дело Рихарда Зорге. М., 2000. С.189.

Коммунист-эсер-коммунист: Григорий Семёнов как зеркало большевистской политики

Многими чудными делами славились революционные годы. Но даже на фоне происходивших тогда совершенно невероятных событий трудно было представить себе, что помощником начальника агентурного отдела военной разведки станет эсеровский боевик, и не просто какой-нибудь рядовой террорист, а руководитель эсеровского террора против руководства большевистской партии, организатор покушения на Ленина, собственноручно вручивший заряженный пистолет Фанни Каплан! Человека, совершившего столь крутой поворот в своей жизни, которому простили даже Ленина звали Григорий Иванович Семёнов.

Он родился в городе Юрьеве, ныне Тарту, 29 ноября 1891 года, пятым – самым младшим ребёнком в семье акцизного чиновника Ивана Семёнова. В 1849 году глава семьи проходил по делу Петрашевского, но, в числе многих, отделался лёгким испугом. В большой семье бывшего «разночинца» царили революционные настроения, несмотря на то, что ненавистный Семенову режим позволил ему получить чин коллежского советника, занять выгодную вакансию и дать неплохое образование всем детям. Тем не менее, трое сыновей и две дочери Ивана Семенова воспитывались в духе радикализма.

С 14-ти лет Григорий начал выполнять технические поручения в анархистско-коммунистической группе, взрослые члены которой учили сообразительного подростка конспирации и «науке террора». Старшие братья, под влиянием которых он пришел в эту романтическую среду, после революции 1905 года благополучно эмигрировали во Францию, получили там высшее техническое образование и стали жить как вполне законопослушные граждане цивилизованной страны.

В Россию, где их ждал арест, они уже не вернулись. Сестрам повезло меньше – обе они были схвачены и попали в тюрьму, где одна скончалась при невыясненных обстоятельствах, а другая вскоре после освобождения покончила жизнь самоубийством. На стезе профессионального революционера удержался один Григорий. В 1906 году он уже вел самостоятельную работу парторганизатора, официально вступив в группу анархо-коммунистов. В 1907 году его арестовали за участие в революционной организации и через 10 месяцев заключения выслали из Прибалтийского края.

Мягкий приговор, который мог бы послужить хорошим предупреждением для другого, менее революционно настроенного человека, на Семенова совершенно не повлиял. В 1908 году он принял участие в организации дерзкого освобождения заключённых-смертников из Рижского централа. Его поймали, продержали под следствием около года, но, как несовершеннолетний, Григорий отделался двумя годами ссылки в Архангельскую губернию. С 1909 по 1911 годы молодой боевик проходил революционные университеты в ссылке, где подобралась довольно пёстрая компания политических, принадлежащих к разным партиям и течениям. Семёнов познакомился с Авелем Сафроновичем Енукидзе, темпераментным и энергичным человеком, знаменитым впоследствии большевиком. Организатору РСДРП в Баку и руководителю подпольной типографии «Нина» было в ту пору всего 32 года, но 18-летнему Григорию он казался старым и опытным революционером. Все же, несмотря на все влияние Енукидзе, к социал-демократам Семенов не примкнул. Знакомство с ним и с другими товарищами оказали на него несколько неожиданное действие: он разочаровался в анархизме и стал приглядываться к эсерам.

В начале 1912 года срок ссылки закончился. Григорий вернулся в родной Юрьев, где вскоре был вновь арестован. Через несколько недель его освободили, однако было ясно, что надзор полиции за молодым революционером будет плотным. Поняв, что продолжение

революционной работы на родине сопряжено с почти непреодолимыми трудностями и не желая вести жизнь законопослушного обывателя, Семенов решил, по примеру братьев, эмигрировать во Францию. Братья, инженеры-электротехники, помогли с работой, и с 1912 по 1915 год Жорж, как теперь, на французский лад, стал себя именовать Григорий, работал электромонтёром в Марселе и Ницце, бывая в России лишь наездами. В 1915 году он окончательно порвал с анархистами и перешёл в партию социалистов-революционеров, в которой состоял с 1912 по 1921 год, в том числе в 1919 – декабре 1920-го был членом меньшинства ПСР (возглавляемая Вольским группа «Народ», по ряду позиций поддерживавшая большевиков и в 1919 году, во время наступления Деникина, мобилизовавшая своих членов в Красную Армию, но выступавшая против «красного террора»).

Первая мировая война заставила Жоржа вернуться в Россию, где он почти сразу был призван в армию. Служил в Прибалтике в электротехническом запасном батальоне, инструктором по обслуживанию станций высокого напряжения. Февральскую революцию унтер-офицер Семёнов встретил в Риге и сразу же стал одним из организаторов Совета солдатских депутатов расположенной здесь 12-й армии и товарищем председателя исполкома местного Совета. Оказавшись в Петрограде в качестве солдатского делегата I Всероссийского совещания Советов, Семёнов встретил там давнего товарища по ссылке Авеля Енукидзе, который свёл его с другими видными большевиками, в том числе и с Николаем Николаевичем Крестинским.

26-летний эсер сразу стал своим среди бывших конспираторов, ринувшихся из подполья и эмиграции в бурлящий котёл революции. Уже в апреле 1917 года Семёнов стал членом бюро исполнительного комитета Петросовета и руководителем его ключевой – фронтовой коллегии. С июня по октябрь он избирается делегатом I и II съездов Советов и Демократического совещания, работает во фракциях партии эсеров в Ромнах и Яссах, куда он назначен комиссаром 9-й армии, комиссаром 3-го конного корпуса и помощником комиссара Румынского фронта.

Товарищ Семенова по партии Виктор Шкловский вспоминал: «Это человек небольшого роста, в гимнастёрке и шароварах, но как-то в них не вношенный, со лбом довольно покатым, с очками на небольшом носу, и рост небольшой. Говорит дискантом и рассудительно. Внушает своим дискантом. Верхняя губа коротка. Тупой и пригодный для политики человек. Говорить не умеет. Например, увидит тебя с женщиной и спрашивает: Это ваша любимая женщина? Как-то не по-живому, вроде канцелярского: „имеющая быть посланной бумага“…». Шкловский также назвал Семенова «человеком без ремесла», «не умеющим работать».

Впрочем, его нельзя считать беспристрастным. Во время написания мемуаров у него были серьезные основания не любить Семенова (чуть ниже станет ясно, за что). Тупых в российской политике тогда попросту не водилось – им не было места среди умных и предприимчивых политиков, активно состязавшихся между собой. Там, где соревнуются таланты, посредственность не имеет ни малейшего шанса проявить себя. Другое дело, что в сравнении с прочими деятелями революционного правительства Семёнов мог выглядеть недостаточно опытным, но опыт приобретается в борьбе, а для него с победой большевистской революции время нелегальной борьбы отнюдь не закончилось.

В то время Семёнов совершил несколько поступков, принёсших ему уважение и авторитет в глазах товарищей по партии эсеров. Спасение Александра Фёдоровича Керенского в октябре 1917 года в Гатчине от разбушевавшихся красных моряков, активная защита Учредительного собрания, а затем непримиримая позиция по отношению к большевикам – всё это показывало, что по основным позициям Семенов не расходится с партией. А настроены эсеры были решительно. Руководитель ПСР Абрам Гоц сказал тогда:

«Если Смольные самодержцы посягнут и на Учредительноесобрание… партия с. – р. вспомнит о своей старой испытанной тактике». Большевики Учредительное собрание разогнали, и эсеры в самом деле всерьёз стали вспоминать боевое прошлое. Не обошлось в этом деле и без Семёнова.

После октября 1917 года он становится членом ЦК ПСР. Когда, 10 июня 1918 года, во время нелегального собрания на Николаевской улице, петроградские чекисты арестовали десять членов военной комиссии эсеровского ЦК и её руководителя Р. Р. Леппера (при обыске были обнаружены поддельные документы, оружие, бланки и печати, в том числе чекистские), он стал руководителем Петроградской военной организации и военной комиссии при ЦК. «Постепенно я приходил к выводу, что террор по отношению к советскому правительству допустим и целесообразен. Я был убеждён, что коммунисты захватили власть насильственно, правят против воли народа; я был убеждён, что они губят дело революции, объективно являются врагами революции, поэтому я считал, что все способы борьбы против них допустимы. Думал, что террористические акты на вождей советской власти подорвут советское правительство, ускорят переворот» – рассказывал Семёнов позднее.

В мае 1918 года при ЦК партии социалистов-революционеров был организован Центральный боевой отряд, насчитывавший 15 человек. Целью его создания было физическое уничтожение верхушки РКП(б). Отряд поручили возглавить тому, кто проявил инициативу по его созданию – Семёнову. Первую акцию боевики осуществили в Петрограде 20 июня 1918 года. Машина, в которой ехал член Президиума ВЦИК, комиссар по делам печати Петросовета В. Володарский, внезапно остановилась на Шлиссельбургском тракте якобы от нехватки бензина. Когда Володарский, его жена Н. А. Богословская и сотрудница Петросовета Е. Я. Зорина вышли из машины, ожидавший за углом террорист открыл огонь. Пуля попала Володарскому в спину. Ранение было смертельным.

Удачное дело вдохновило эсеров на главную акцию, целью которой должен был стать Ленин. Боевики Центрального боевого отряда эсеров тщательно отслеживали маршруты передвижения председателя Совнаркома. Лёгких подходов, к вождю, (как сумели подобраться к Володарскому, испольщзуя его личного шофера) – на сей раз не было. Однако, используя тот факт, что охрана вождей революции была организована на редкость безалаберно, можно было выбрать удобный момент, когда Ильич сам подставится под пулю. Удобней всего было напасть на него после какого-либо выступления. Покушение состоялось 30 августа 1918 года, после выступления Ленина перед рабочими завода Михельсона в Москве, когда он возвращался к своей машине. Согласно официальной версии, эсерка Каплан, женщина мирной и неприметной внешности, сумела приблизиться к вождю и ранила его выстрелами из браунинга. Фанни Каплан тут же схватили рабочие, однако дело было сделано. А жертвовать собой во имя дела эсеровским боевикам было не привыкать (Каплан Фейга Хаимовна (Фанни Ефимовна, Дора) родилась в 1890 году в семье сельского учителя. В 1906 году была ранена во время подготовки теракта против киевского генерал-губернатора, арестована. С группой других анархистов приговорена к пожизненной каторге. После Февральской революции 1917 года находилась на партийной работе в Крыму. В 1918 году приехала в Москву и вступила в боевую организацию. Каплан с Семеновым познакомил член Военной комиссии эсеровского ЦК в Москве Иосиф Дашевский. Задержана сразу после покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 года, расстреляна 3 сентября 1918 года.).

После покушения началась подлинная охота за террористами. 22 октября 1918 года сотрудники Военного контроля РВС Республики, так называлась тогда военная контрразведка, за принадлежность к боевой организации задержали и Семенов. Явных улик против него не было, арест носил случайный характер, но основания опасаться самого худшего у известного боевика имелись – время было такое, что могли шлепнуть и без всяких улик. По дороге в караульное помещение он выхватил револьвер и сумел ранить двух

конвоиров-красноармейцев, но бежать Семенову не удалось. Тем не менее, его не расстреляли. В тюрьме Семенов просидел до апреля 1919 года. В его «истории отсидки» были все традиционные способы воздействия заключенного на тюремщиков, включая недельные голодовки. На все предложения сотрудников ВЧК, пытавшихся склонить к сотрудничеству упрямого эсера, следовал категорический отказ. Тем труднее объяснить то, что было потом. После объявленной 27 февраля 1919 года амнистии тем, кто даст письменное обязательство отказаться от продолжения борьбы, к Семёнову в тюрьму приехал старый знакомый Авель Енукидзе, чтобы взять «раскаявшегося товарища» на поруки. Трудно сказать, какие аргументы в пользу «замирения» с большевиками он приводил, но руководителя эсеровской боевой организации выпустили на волю, с полным освобождением от суда и прекращением дела Верховным трибуналом, и даже без письменного обязательства.

Примерно в это время Семенов становится сотрудником советских спецслужб. Согласно данным современного исследователя С. В. Журавлева (Человек революционной эпохи: судоба эссера-террориста Г. И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. М., 2000. № 3. С. 87 – 105), он начинает негласно работать с Региструпром Полевого штаба РВСР, т. е. с военной разведкой. Правда, в справке ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР от 1957 г., на которую ссылается Журавлев, утверждается, что Семенов в 1919–1921 гг. в основном работал по линии ВЧК. Сам Григорий Иванович писал в анкетах, что с самого начала служил в военной разведке, хотя задания могли исходить и из другого ведомства. И в протоколе партийного собрания Разведупра от 19 июля 1937, где его исключали из партии как «врага народа», отмечена его служба в Красной Армии с 1919 года. Полагаю, что составителям этого документа не было никакой нужды преувеличивать стаж военной службы арестованного органами НКВД разведчика.

Как бы то ни было, факт начала сотрудничества Григория Семенова с большевиками очевиден. Однако для эсеров он продолжал оставаться «своим» – амнистированным арестантом, членом меньшинства ПСР, преследуемым Советской властью. Новое начальство помогало ему сохранить незапятнанную репутацию в глазах товарищей по партии. Летом и осенью 1919 года он дважды задерживался ВЧК и, в целях сохранения алиби, некоторое время проводил за решёткой. Затем политическая ситуация в очередной раз изменилась. 17 октября 1919 года на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) было рассмотрено заявление эсеров группы В. К. Вольского, в которую входил и Семенов о том, что они «предоставляют себя в полное распоряжение правительства для направления всех на фронт». Подчиняясь решению руководства, Семёнов был официально мобилизован в Красную Армию и отправлен на Южный фронт. В июле 1920 года его откомандировали в распоряжение члена Реввоенсовета Западного фронта Ивара Тенисовича Смилги, будущего известного троцкиста, который отправил его к Алексею Антоновичу Мазалову, начальнику отдела военной разведки штаба фронта и уполномоченному РВС по ведению секретной работы (в 1922-м он был экспертом на процессе эсеров, далее работал в Разведупре, был военным атташе в Эстонии, арестован и расстрелян в 1937 году в звании полковника).

Мазалов поставил перед Семеновым задачу: внедриться в савинковский «Народный союз защиты родины и свободы». Для него, известного эсера, это было не так уж трудно. Борис Викторович и Григорий Иванович были знакомы, повидимому, ещё с парижских времен, а уж по работе в армии в 1917 году сталкивались наверняка, да и секретарь Савинкова Смолдовский знал Семенова по эмиграции. Поскольку членство в том крыле партии эсеров, которое сотрудничало с большевиками, могло помешать секретной деятельности, в конце 1920 года Семёнов инсценировал открытый конфликт со своей группой, после чего был исключён из партии.

Как пишет С. В. Журавлев, «в этот период Семёнов использовался командованием РККА на закордонной работе, в военных кругах белой эмиграции, строившей планы

вооружённого свержения большевистской власти. Для советской разведки он оказался уникальным приобретением. Используя репутацию непримиримого врага большевиков и старые связи в среде эсеров и анархистов, Семёнов добывал ценнейшую информацию. Ему принадлежит заслуга в пресечении активной деятельности „Русского политического комитета“ и лично Бориса Савинкова, с которым Жорж был знаком с дореволюционных времён. В одном из донесений Семёнов сообщал: «Ввиду сложившихся у меня отношений с Савинковым, придавая некоторую важность его организации, я счёл необходимым ознакомиться с положением дел в ней. (Далее излагались подробности их личной встречи в Варшаве.)

Авторитет у командира Центрального боевого отряда, организовавшего столь удачные акции против верхушки РКП(б), был огромен. Воодушевившись обрисованными им возможностями, Савинков поручил Семёнову подготовку терактов против советских лидеров и даже выделил на эти цели крупную сумму, дал ему явку в Гельсингфорсе и познакомил с начальником 2-го отдела польского генштаба полковником Матушевичем. Семенов и его жена и коллега по разведработе Наталья Богданова, отправившаяся с ним на это задание, получили разрешение работать в варшавской пиротехнической школе, где занимались взрывными науками. Задача перед ними была поставлена чрезвычайно серьезная – ни много, ни мало, покушение на «нашу двойку», как писал в те годы Демьян Бедный, – Ленина и Троцкого. Этот теракт должен был парализовать деятельность правительства в момент всеобщего восстания, которое намечалось на 28 августа 1921 года. В этот день савинковские партизанские отряды под командованием Эльвенгрена, Эрдмана-Бирзе, Павловского, Данилова из Польши, Латвии и Эстонии должны были начать наступление, в ходе которого планировалось занять Псков, Полоцк, Витебск, Смоленск, а затем Петроград и Москву, где, как и в Одессе, должны были состояться эсеровские восстания. Обо всех этих грандиозных планах посвященный в них Семенов сообщал в Москву. Ознакомившись с его донесением, Дзержинский счёл его настолько важным, что передал Ленину с просьбой: «т. Ленину. После прочтения прошу мне вернуть. Дзержинский». Другим адресатом экземпляра донесения с такой же припиской стал Троцкий. Таким образом, главный организатор покушения на жизнь Ленина теперь защищал вождя революции.

Троцкий в справке для Верховного ревтрибунала 1 июля 1922 года так оценил работу Семенова: «1) Реввоенсовет Республики через соответственные свои органы счел возможным дать в свое время т. Семенову столь ответственное и рискованное задание только потому, что на основании всех тщательно собранных сведений пришел к выводу, что т. Семенов искренно порвал со своим антисоветским прошлым и в интересах обороны рабоче-крестьянской республики готов принять всякое, в том числе и самое трудное, ответственное и рискованное поручение. 2) Работа т. Семенова в Польше вполне отвечала заданию и свидетельствовала о личной добросовестности и преданности т. Семенова делу обороны республики. 3) Работа, выполнявшаяся Семеновым, имела военно-конспиративный характер, требовала величайшей осторожности и находчивости и, разумеется, основывалась на введении в заблуждение врагов Советской России, в том числе и Савинкова, как одного из наиболее бесчестных и продажных агентов иностранного империализма. Отсюда совершенно ясно, что завязывание т. Семеновым контакта с Савинковым вполне вытекало из существа данного ему поручения и представляло собой военную хитрость, продиктованную интересами обороны революции»[1].

А Семенов, успешно выполнив задание, в конце того же года, через «Данцигский коридор» прибыл в Германию, а оттуда с помощью советской миссии – в Москву. В январе 1921 года Григорий Семёнов, продолжавший работать по линии военной разведки, в секретном порядке без прохождения кандидатского стажа был принят в РКП(б) специальным решением Оргбюро ЦК. Это означало официальное прощение прошлого, в том числе участие в подготовке убийства Володарского и покушения на Ленина. Рекомендацию в партию ему

дали старые знакомые: секретарь ВЦИК А. С. Енукидзе, секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский и начальник Политического управления РВС Л. П. Серебряков. Одновременно его официально зачислили в штат Разведупра РККА. Семёнов стал готовиться к выполнению нового задания партии – нанесению решающего удара по недобитым эсерам. Он сел писать книгу «Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров в 1917-18 гг».

Брошюра была издана в феврале 1922 года, одновременно в Берлине и Москве, тиражом 20 тысяч экземпляров, и опубликована также в берлинской газете «Новый мир» и московской – «Известия». Насыщенная пристрастно подобранным фактическим материалом о деятельности социалистов-революционеров, она получилась убойная в самом прямом смысле – многие из упомянутых в ней люди вскоре сложили голову на эшафоте красного правосудия. Предварялась она письмом в ЦК РКП(б) от 5 декабря 1921 года, в котором Семёнов излагал мотивы написания книги: «разочарование в деятельности эсеров», приход к мысли «о необходимости открыть тёмные страницы прошлого п.с. – р», а так как эсеры представляют собой реальную силу, могущую «сыграть роковую роль при свержении Советской власти», то нужно их разоблачить перед лицом трудящихся. На переписанном варианте рукописи брошюры (в следственных делах по процессу) имеется датированный 3 декабря 1921 г. чернильный автограф: «Читал И. Сталин. Думаю, вопрос о печатании этого документа, формах его использования, и, также, о судьбе (дальнейшей) автора дневника должен быть обсужден на ПБ (Политбюро). И. Сталин»[2].

С момента выхода «Военной и боевой работы социалистов-революционеров» Семёнов полностью раскрылся как большевистский агент в эсеровском стане. В общем, обезопасился разведчик грамотно, придраться к заказному характеру книги формально было невозможно. Книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. Естественно, она не способствовала установлению мира между вчерашними соседями по царским тюрьмам и сибирским ссылкам – вражда между большевиками и эсерами вспыхнула с еще большим ожесточением. Едины они были только в отношении к Семенову: автора возненавидели все разом, не только эсеры, но и большевики, которые, как вчерашние подпольщики, воспитанные на жёстких правилах конспирации и взаимовыручки, органически не принимали предательства.

Этим и объясняется столь нелестный отзыв Виктора Шкловского о Семенове. Шкловский, которого экс-товарищ по партии также не обошёл своим вниманием, быстро сориентировался и сразу после публикации брошюры повторил известный подвиг Ленина – ушёл по льду Финского залива из Петрограда в Финляндию, благо граница в ту пору находилась под Сестрорецком. В письме родственнику от 22 марта 1922 года он, разгневанный, сообщил, что собирается писать книгу о 1918–1921 годах: «борьба с большевиками (подпольная) в противовес, что ли, брошюре Г. Семёнова». И написал. Книга называется «Сентиментальное путешествие», где Семёнов показан в самом незавидном ракурсе – впрочем, вряд ли справедливо, ибо гнев – плохой соавтор.

Естественно, столь ценного агента не стали бы раскрывать ради сомнительного удовольствия еще больше стравить большевиков и эсеров. Незадолго до выхода (но уже после написания) книги, 28 декабря 1921 года, пленум ЦК РКП(б), после доклада Дзержинского, постановил предать суду Верховного трибунала Центральный комитет партии эсеров, обвинив их в контрреволюционной деятельности, совершении террористических актов против Ленина, Володарского и Урицкого. Этот шаг необходимо было обосновать, и через месяц, 21 января 1922 года, Политбюро ЦК поручило заместителю председателя ГПУ И. С. Уншлихту принять меры, «чтобы известная ему рукопись вышла за границей не позже, чем через 2 недели».

Вскоре покаянные мемуары Семёнова были напечатаны в Берлине, а 28 февраля, сразу вслед за выходом книги, «Известия ВЦИК» опубликовали информацию о состоявшемся накануне заседании президиума ГПУ, на котором было решено предать открытому суду

Верховного революционного трибунала арестованных лидеров социал-революционной партии. Там же было сказано: «ГПУ призывает гражданина Семёнова и всех с. – р., причастных к деяниям этой партии, но понявших её преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться на суд над партией социалистов-революционеров».

Чекистское следствие над эсерами было завершено 21 марта. 23 марта на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в присутствии Каменева, Сталина, Троцкого, Молотова, Калинина, Цюрупы и Рыкова, по инициативе ГПУ (докладчик Уншлихт) рассматривался вопрос о подготовке процесса над эсерами. Было решено: «Назначить для фактического начала процесса с. – р. срок не позднее чем через месяц».

На том же заседании Политбюро по инициативе ГПУ обсуждался и вопрос о книге Семёнова. В ней «раскаявшийся» руководитель эсеровских боевиков приводил сенсационные подробности участия своей боевой группы в убийстве Володарского, покушении на Ленина и подготовке убийства председателя Петроградской ЧК Урицкого. Но, поскольку Урицкого застрелил петроградский поэт Леонид Канегиссер, в партии эсеров не состоявший, Семёнов вынужден был ограничиться рассказом о слежке членов боевой группы за Урицким, а также Зиновьевым и Троцким. Такая откровенная «сдача» бывших товарищей по партии была воспринята основной массой большевиков как действие аморальное. Для подготовки судебного процесса общественное мнение следовало откорректировать. Уншлихт огласил на заседании докладную записку следующего содержания: «В связи с брошюрой тов. Семёнова для ряда товарищей, имеющих общее с ним прошлое, а теперь находящихся в наших рядах или работающих фактически как коммунисты, создалось совершенно невыносимое положение. Как в среде, близкой к с. – р., так и в обывательской среде, не способной понять всей глубины переживаний этих товарищей, отношение к ним неизбежно выливается в самой омерзительной форме. Для мещанской психологии они являются авантюристами, убийцами, взломщиками, „тёмными личностями“. Для психологии, связанной с с. – р. работой людей, и для самих с. – р. они к тому же ренегаты, предатели и провокаторы. Для ГПУ моральная чистота побуждений этих т.т. вне сомнения. ГПУ, учитывая невыносимую обстановку, создавшуюся в жизни товарищей, считает необходимым, чтобы в партийной среде они нашли бы полное понимание и нравственную поддержку. Между тем, благодаря слабой осведомлённости партийных масс, а также благодаря наличию в партии элементов с мещанской психологией, уже были случаи, когда вместо поддержки товарищей они встречали такое же отношение, как во враждебной нам или обывательской среде. ГПУ просит ЦК РКП издать специальный циркуляр, разъясняющий обязанности членов партии – выходцев из других партий в отношении борьбы с контрреволюцией, и дающий общие указания об отношении партии к роли Семёнова, Коноплёвой и др. ГПУ просит ЦК РКП применять в отношении мещански мыслящих элементов партии, проявляющих враждебное отношение к б. с. – р., решительные меры».

По данному вопросу Политбюро постановило: «1. Поручить Оргбюро составить циркуляр, согласно приложению т. Уншлихта; 2. Поручить т.т. Преображенскому и Ярославскому написать статьи относительно Семёнова. О характере и тоне статей переговорить с т. Троцким». Разъяснительная работа была проведена на должном уровне. А Семёнов тем временем готовился к процессу над эсерами, который начался 8 июня 1922 года. На суде «раскаявшиеся эсеры», давшие ценные свидетельские показания, были, в основном, сотрудниками военной разведки. Причём, связаны они были не только ведомственными и партийными, но и семейными узами!

В своей книге Семёнов подробно рассказал о подготовке покушения на Ленина. «Особое значение я придавал в тот момент убийству Троцкого, считая, что это убийство, оставив большевистскую армию без руководителя, значительно подорвет военные силы большевиков… Покушение на Ленина я расценивал как крупный политический акт…».

Соратница Семёнова по Регистрационному отделу РВС Юго-Западного фронта Лидия Васильевна Коноплёва в прошлом состояла в Центральной боевой группе ПСР. Ранее она вместе с Семеновым была в архангельской ссылке, затем они оба работали в Петроградском комитете ПСР. В 1920 году она находилась на подпольной работе в Крыму, и с 1921 года, после недолгой работы в Наркомпросе, вновь служила в Региструпре ПШ РВСР. Семенов описал, как вместе с Коноплёвой отравлял ядом кураре пули, которыми стреляли в Ленина, на суде Коноплёва это подтвердила. На вопрос, почему же яд не подействовал, оба свидетеля ответили, что не знали о свойстве кураре терять свои качества при высокой температуре. Заключение эксперта, профессора химии Д. М. Щербачёва, о том, что высокая температура не разрушает подобные яды, не было принято во внимание, равно как и протесты ряда эсеров, заявивших о своём незнакомстве с Каплан и отрицавших её членство в их партии. Позже академик Б. В. Петровский, изучавший историю болезни Ленина, подтвердил: никаких отравленных пуль не было – кураре, даже в незначительной дозе, блокирует дыхательный центр; попади в кровь Ильича хоть малая частица яда, он скончался бы на месте. История с кураре сомнительна и, вполне возможно, придумана для усиления драматического эффекта. Впрочем, не стоит забывать, что покушение-то было непридуманным!

Вообще, касаясь покушения на Ленина, следует сказать, что в нем также участвовали левый эсер Александр Протопопов, участник событий 6 июля 1918 года, арестованный и расстрелянный сразу после покушения, и Василий Новиков, впоследствии неоднократно находившийся в заключении и во время своего последнего следствия в 1937-м сообщивший о своей встрече с Каплан в пересыльной тюрьме в 1932-м, что вызвало безрезультатное расследование. Сам Семенов в момент операции находился в подмосковном поселке Томилино. На суде он, Коноплева, а также сотрудничавший со следствием бывший боевик Константин Усов сообщили о готовившемся покушении на Троцкого (Коноплева вместе с Каплан осматривала дорогу, по которой Троцкий ездил на дачу), и подтвердили, что это планировавшееся покушение, так же как и покушение на Ленина, санкционировали эсеровские руководители Абрам Гоц и Дмитрий Донской (те отрицали эти обвинения, но Донской признал факт встречи с Каплан, которую он, по его словам, пытался отговорить от покушения).

Бывший министр юстиции Бельгии Э. Вандервельде, защищавший эсеров на суде от имени Международного бюро II Интернационала, 25 июня 1922 года писал, что показания Семёнова и Коноплёвой носят такой характер, что «ни один нормальный суд не мог бы принять их во внимание» (не совсем понятно, почему – показания как показания, не считая, конечно, кураре). Так или иначе, все разоблачения Семёнова вошли в обвинительное заключение Верховного трибунала и подвели черту под жизнями их бывших соратников. Кстати, это же обвинительное заключение инкриминировало Семёнову организацию покушений на Володарского и Ленина, слежку за Зиновьевым и Троцким, а также экспроприацию денег на нужды эсеровской партии в разных кооперативах. Верховный революционный трибунал в составе Г. Пятакова, О. Карклина и А. Галкина приговорил Семёнова и Коноплёву также к расстрелу. Но тут же счёл возможным освободить их от «всякого наказания, учитывая полное раскаяние в совершённых преступлениях». 8 августа 1922 года Президиум ВЦИК РСФСР подтвердил судебное решение. Впрочем, поскольку на процесс Семёнов и Коноплёва ходили не столько как на суд, сколько как на работу – без конвоя, с перерывом на обед и ночёвкой у себя дома – приговора они явно не опасались. Процесс партии социалистов-революционеров стал в биографии Семёнова переломной точкой. На суде он познакомился с Н. И. Бухариным, выступавшим в качестве официального защитника группы раскаявшихся эсеров, и его женой Эсфирь Гурвич. После процесса в жизни бывшего эсеровского боевика начался «мирный» период. Вместе с женой, тоже «раскаявшейся эсеркой» и сотрудницей Разведывательного управления штаба Красной Армии

Натальей Николаевной Богдановой, в прошлом сотрудницей секретариата ЦК ПСР, он был отправлен в бессрочный отпуск. В дальнейшем Наталья Николаевна была старшим секретарем управляющего делами НКВМ и РВС СССР, затем вновь сдужила в Разведупре.

По решению ЦК РКП(б) сентябрь и октябрь 1922 года супруги пробыли в крымском санатории «по причине усталости и переутомления». По возвращении они вселились в комнату № 418 в 1-м Доме Советов (гостинице «Националь). В ноябре Учраспредотдел ЦК направил Семёнова на работу в Главэлектро ВСНХ на должность инспектора при начальнике Главэлектро А. З. Гольцмане. В должности инспектора Семёнов прослужил десять месяцев. В соответствии с мандатом, подписанным Гольцманом 25 ноября 1922 года, он был „уполномочен на всестороннее обследование… всех предприятий электропромышленности, электроснабжения и их руководящих органов“. Наделённый чрезвычайными инспекторскими полномочиями, Семёнов ездил по стране, добросовестно претворяя в жизнь ленинский план ГОЭЛРО.

Этот документ в то время был важнейшим направлением хозяйственной деятельности советского правительства. Этот план, разрабатываемый с 1918 года, даже называли «второй программой партии». Западными исследователями он был охарактеризован как гигантский по масштабам, монументальный по целям технический проект, символизировавший «исключительные амбиции» Советской власти. Амбиции амбициями, но сама логика технического прогресса выдвигала электропромышленность в число ключевых и наиболее перспективных отраслей и непременным условием промышленного подъема.

Знаменитые «лампочки Ильича», символ электрификации, на самом деле были американского и немецкого происхождения. Собственного производства ламп накаливания в РСФСР практически не существовало. Так, в 1920 году Советская Россия закупила за границей в 3 раза больше электроламп, чем было изготовлено в стране. Не говоря уже о том, что у нас производились лампы безнадежно устаревшей конструкции, с угольной нитью накаливания. Угольные лампочки светили тускло и служили недолго. Это обстоятельство являлось предметом постоянных насмешек западной прессы: где уж Советам создать современное индустриальное общество, если они не умеют делать даже элементарные бытовые лампочки! Партийное руководство прекрасно понимало, что многочисленные электростанции и плотины будут совершенно ни к чему, если иностранные фирмы вдруг откажутся продавать лампы или вольфрамовую нить накаливания. Такая зависимость от «капиталистического» окружения могла стать роковой, да и влетала в копеечку: один только импорт вольфрамовой нити ежегодно обходился нищей республике в 250 тысяч золотых рублей. Технологию её изготовления крупнейшие производители – американский концерн General Electric и германские AEG и Osram – держали в тайне и отказывались продавать за любые деньги. Значит, технологию надо было получить иным способом – промышленным шпионажем которым не брезговали даже самые развитые промышленные державы.

7 сентября 1923 года в Главэлектро ВСНХ поступило распоряжение секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова: «Немедленно, сегодня же, откомандируйте т. Семёнова Г. И. в распоряжение ЦК РКП(б)». Снова потребовался его опыт разведчика, вдобавок разбирающегося в элетротехнике. Семёнов был вновь зачислен в штат Разведотдела штаба РККА и занялся разработкой операции по получению и переправке из Германии в Москву информации по технологии вольфрамового производства. Операция проводилась совместно военной разведкой и чекистами, координировал её Феликс Эдмундович Дзержинский, а технические задания разведчикам давали руководители советской электропромышленности – уже упоминавшийся Абрам Гольцман, Константин Уханов (будущий председатель Моссовета) и Николай Булганин, будущий председатель Совета Министров СССР.

Разведка должна была найти и использовать для получения информации рабочих вольфрамовых цехов фирм AEG и Osram. В то время новым, но широко используемым

направлением работы Иностранного отдела ОГПУ и агентурного отдела Разведупра РККА стало использование симпатизирующих коммунизму рядовых иностранных граждан. Вербовались они на идейной основе и работали, как правило, бесплатно, иной раз с немалым возмущением отказываясь от предложенного вознаграждения. Идеи коммунизма в то время были чрезвычайно популярны среди рабочего класса западных стран, а особенно в Германии.

Осенью 1923 года Семёнов прибыл в охваченную революционным брожением Германию. Проработав несколько лет в Европе, он знал французский и немецкий языки, обычаи рабочего населения Германии, что позволило ему легко вжиться в среду берлинского пролетариата. Военный отдел Компартии Германии рекомендовал для вербовки квалифицированных рабочих Юлиуса Хоффманна, трудившегося на AEG, и Эмиля Дайбеля – механика с Osram. Разведупр вышел на них через партийную разведку Коммунистической партии Германии. Товарищи были проверенные, ветераны Первой мировой войны, твердые коммунисты. Семёнов с воодушевлением включился в любимое дело и вскоре тесно сошёлся с Дайбелем. Этого 40-летнего опытного механика он охарактеризовал в своём донесении как «авантюриста, способного на геройский подвиг, человека большой личной храбрости и решительности». Дайбель, в свою очередь, рекомендовал товарищу Жоржу (как на привычный французский манер представлялся Григорий Семёнов) других работников фирмы Osram. Слесарь-механик Франц Гайслер и токарь Вилли Кох состояли в нелегальной ячейке КПГ, организованной на заводе параллельно с легальной.

Всего через месяц эти новые связи весьма пригодились Семёнову, когда неудавшаяся революция октября 1923-го и последовавшие за нею репрессии против коммунистов вынудили Дайбеля и Хоффмана искать политического убежища в СССР. После краткого периода смуты, Жорж Семёнов восстановил агентурные связи с Кохом и Гайслером, которые, будучи членами нелегальной ячейки, уцелели после массовых увольнений коммунистов. 28-летний Кох и 26-летний Гайслер уже привлекались к сбору материалов о вольфрамовом производстве, выполняя отдельные поручения руководителя заводской парторганизации Дайбеля. Теперь они стали работать всерьез. Вилли Кох вспоминал, как в начале 1924 года его вызвали в райком КПГ берлинского района Лихтенберг, где он состоял на партучёте. Секретарь Карл Ковальски, ссылаясь на Дайбеля, объяснил ему суть нового партийного задания и сказал Коху, «чтобы он всё, что касается вольфрамового производства, передавал через одного человека». Встречи с «одним человеком», представившимся необычным для немца именем Жорж, происходили сначала в помещении райкома партии, а затем в более располагающем для задушевной беседы хорошем ресторане. Тут-то Семёнову и пригодилось электротехническое образование. Не вдаваясь в тонкости технологического процесса, он в общих чертах понимал его суть и знал, что спросить и о чем вести разговор. Уточнение же деталей происходило следующим образом: руководители вольфрамовой лаборатории московского кабельного завода формулировали специальные технические вопросы, вызывавшие у них затруднения в процессе исследовательской работы, и передавали их сотруднику Разведупра, затем задание дипломатической почтой пересылалось Семёнову, который знакомил с ним немецких рабочих Osram. Имея доступ к чертежам, образцам и другим секретам производства, те давали Жоржу нужную информацию. Получив таким путём сведения из Германии, советские специалисты двигались дальше в освоении протяжки вольфрамовой нити и прочих технологий, в том числе не только имеющих отношение к электротехнике. Так, в вольфрамовой лаборатории фирмы Osram велись опыты по получению принципиально новых типов сверхпрочных сплавов, изготовлявшихся невиданным доселе методом, позднее названным металлокерамическим. В 1923 году здесь впервые в мире был получен сплав карбида вольфрама с кобальтом, внедрение которого в массовое производство под названием «видиа» произвело настоящую революцию в индустриальном производстве: резцы с такой напайкой обрабатывали деталь в 5–8 раз быстрее стальной! Вскоре тот же

самый сплав под названием «победит» появился на советских заводах.

Разработка молибденовой и вольфрамовой технологий, производившаяся, в том числе, и с помощью разведки, открыло учёным Страны Советов дорогу к новейшим видам брони для кораблей, самолётов и танков – не говоря уж о том, что Московский электроламповый завод вскоре наладил выпуск электрических лампочек. Сам же Семёнов к середине 1924 года изрядно заскучал от кропотливой возни с технической информацией, да и недостаток специальных знаний все больше давал себя знать. Наладив связь и бесперебойную передачу разведданных, оперативный сотрудник Семенов, стал проситься на другую работу. На смену ему прислали высококвалифицированного инженера из вольфрамовой лаборатории кабельного завода, а Семёнова отозвали в Москву.

Его вернули на то же место работы. Ходатайствовало об этом Главэлектро, о чём сохранилось отношение в Учраспредотдел ЦК РКП(б) от 25 июля 1924 года за подписью Гольцмана: «Прошу откомандировать т. Семёнова Григория Ивановича, вернувшегося с заграничной командировки, обратно на ответственную работу Главэлектро ВСНХ». Решением ЦК партии 31 июля 1924 г. ходатайство было удовлетворено, и конец 1924 – начало 1925 годов прошли для Семенова в инспекторских поездках по ведомственным предприятиям. При этом он продолжал участвовать в переписке с немецкой агентурой, а весной 1925 года, вместе с проверенным товарищем Дайбелем, прибыл в Берлин, где встречался с рабочими завода Osram. Целью командировки было подобрать квалифицированных специалистов-вольфрамщиков для работы по контракту в СССР.

Немецкие коммунисты с восторгом приняли предложение работать на благо страны Советов (не говоря уже о выгодных условиях индивидуальных договоров), и вскоре первая группа носителей ценной информации и обладателей уникальных навыков отбыла в Республику Советов. Вскоре отъезд немецких рабочих на работу в Советскую Россию обрёл характер налаженного потока. В советском торгпредстве в Берлине сотрудником представительства Главэлектро работал функционер КПГ Фридрих Мюллер, организовывавший отъезд специально отобранных квалифицированных кадров. «Когда я ехал в СССР, то имел адрес Коха, кроме того, Фридрих Мюллер дал мне адрес Жоржа Семёнова, мы называли его тогда просто „Жоржем“, – вспоминал рабочий Ганс Ольрих. Механизм переброски был продуман коммунистами до мелочей. Так, Ольрих свой партбилет отдал в Берлине Фридриху Мюллеру, а по прибытии в Москву получил от своего заводского куратора документы и новый партийный билет. Опекаемые разведкой немцы образовали на предприятии целую общину иностранцев, исправно передавая знания и умения своей новой родине. К этому времени Гольцмана на посту руководителя Главэлектро ВСНХ сменил не кто иной, как Лев Троцкий – такое значение придавалось в Советской России электроэнергетике.

В апреле 1925 года Семёнова назначили директором Московского авиационного завода № 12 «Радио» – важного предприятия радиотехнической промышленности, напрямую связанного с оборонным ведомством и также крайне зависящего от скорейшего решения вольфрамовой проблемы (нить накаливания применялась в радиолампах – необходимых деталях средств связи). В должности директора авиазавода он пробыл до 1927 года – года, судьбоносного во всех отношениях.

В 1927 году советские экономисты приступили к разработке первого пятилетнего плана, который должен был предусмотреть развитие всех районов и использование всех ресурсов для индустриализации страны. В первую пятилетку намечалось создать индустриальную базу – 1500 крупных предприятий. Рывок предполагалось сделать небывалый. Сталин по этому поводу заявил: «Задержать темпы – значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми… Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Главным источником средств, которые пошли на осуществление I-й пятилетки, были

«внутренние накопления»: лес, нефть, золотой и алмазный запасы, произведения искусства и продовольствие. На вырученные средства закупали импортные станки, материалы и сельхозтехнику. Вторая пятилетка продолжила развитие индустриальной базы. Выполнение заданий периода 1933–1937 гг. превратило страну из аграрной в мощную индустриальную державу, экономически независимую от других стран. Коллективные хозяйства, объединявшие к 1934 году три четверти крестьянских дворов, позволили, при значительном уменьшении числа занятых в сельском хозяйстве, поддерживать производство пищевой продукции на уровне, не допускавшем длительного голода. Та же коллективизация предоставила в распоряжение города огромное количество рабочих рук. Одновременно с техническими и экономическими преобразованиями в верхушке Коммунистической партии в решающую фазу вступила борьба за власть. В 1927 году был полностью отстранен от власти, а в 1929 году выслан за границу Троцкий. Затем настала очередь Зиновьева и Каменева, а потом – Бухарина: «любимец партии» был расстрелян в марте 1938 года.

Семёнов не принадлежал к лагерю сторонников Сталина. Рекомендацию в партию ему дали Серебряков и Крестинский – заслуженные троцкисты, следовательно, он получался явным «протеже» Троцкого и «отмываться» от этой репутации не спешил. С Бухариным же его связывала не только дружба, но и отношения почти семейные. Знакомство с бывшей женой Бухарина Эсфирь Гурвич переросло в чувство более нежное, и Семёнов некоторое время жил в её доме, где периодически встречался с Бухариным, навещавшим свою дочь Светлану. Пикантность ситуации ни в коей мере не сказалась на рабочих и товарищеских отношениях с «любимцем партии». «В 1927 г. при активной поддержке Бухарина я был назначен советником Военной Комиссии при ЦК Китайской компартии», – скажет Семёнов на следствии через десять лет. В том же самом судьбоносном году его опыт и организаторские способности вновь понадобились военной разведке. Гоминьдан, китайская национальная партия, к 1927 году резко разошлась в своих позициях с СССР и Коминтерном. Некоторые горячие головы из числа дипломатов и коминтерновцев взяли курс на государственый переворот и строительство социализма в Китае. Инициативу поддержал Сталин. Для реализации этих планов на помощь Коммунистической партии, направили военных советников. А поскольку Коминтерном фактически руководил Бухарин, просьба заскучавшего на бумажной работе Семёнова о назначении на более «весёлую» службу была по-товарищески удовлетворена. 3 марта 1927 года на закрытом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по докладам Бухарина, Ворошилова и Карахана было принято постановление по предложениям Китайской комиссии Политбюро, 10-м пункт которого был сформулирован следующим образом: «Считать возможным командировать в Китай тов. Семёнова для работы в Военном отделе ЦК ККП»[3].

В апреле Семенов был откомандирован в Китай, где он, под псевдонимом «товарищ Андрей», а также «Андрэ», развернул бурную деятельность. Энергия опытного боевика нашла выход в создании вооружённых сил КПК, готовивших свержение гоминьдановского режима. 26 мая Политбюро разрешило Киткомиссии: «из её средств ежемесячно отпускать т. Андрею 1000 ам. долларов для работы Военки». По тем временам, тысяча долларов была весьма приличными деньгами. Семёнов, как он указал в письме к неустановленному адресату, скорее всего Берзину, занимался «дворцовым переворотом»: пытался вести работу в армии Чан Кай-ши, организовывал рабочие «пятерки» по типу эсеровских структур, вёл «антиработу» – выпускал прокламации на английском и французском языках, собирал сведения об английских и французских войсках в Китае – «ВО должен знать все, что делается в лагере противника». И обо всем регулярно отправлял донесения в Центр. Радио для агентурной связи разведчиков с Центром тогда еще почти не использовалось, телеграф для этих целей был ненадёжен. Поэтому «Андрей» регулярно писал письма, в которых излагал обстановку и давал рекомендации начальству. В частности, предлагал послать советником в

армию Фэн Юй-сяна бывшего начальника Разведотдела штаба РККА и резидента в Харбине Арвида Зейбота. Но это предложение Семёнова начальство не приняло.

Восемь месяцев готовилась революция и, наконец, вспыхнула 11 декабря в Гуанчжоу (Кантоне), где у КПК была крепкая коммуна. Через два дня восстание рабочих и солдат жестоко подавили правительственные войска. Семенов участвовал в кантонском восстании, от начала до самого конца, от решения ревкома о выступлении до эвакуации из Кантона. Через месяц в своем докладе в Москве он привел ряд подробностей: «Потери во время захвата города исчисляются человек 20… Было несколько убитых при штурме полиции и несколько десятков убито при штурме 4-го корпуса… Во время второй части восстания… было убито около 200 человек. Потери коммунистов…около 150 человек… Потери противника трудно определить… Было расстреляно около 800 полицейских. Объезжая город, я видел повсюду трупы полицейских…было расстреляно около 600–700 человек китайских буржуев. Когда рабочим отрядам попадался толстый буржуй, то его немедленно расстреливали, и нужно отметить, что рабочие это делали с большим энтузиазмом. Во время захвата полков офицеры убивались на месте. После подавления восстания мне пришлось проезжать через весь город – это было жуткое зрелище. Повсюду валялись трупы… рабочих было убито около 3–4 тысяч… Рабочие революционных профсоюзов, в особенности Союза рикшей, убивались беспощадно…». Среди причин поражения «Андрей» назвал то, что «план восстания не был продуман до конца», а также не были своевременно захвачены ключевые пункты. И «очень большой ошибкой», по его словам, было назначение Е Тина, против чего он возражал[4].

До января 1928 года Семёнов, совместно с коминтерновскими товарищами, пытался выправить ситуацию. Но из этого ничего не вышло, поражение восстания было окончательным, в стране начались жестоие преследования коммунистов. Вернувшись в Москву, он выступил на расширенном заседании Президиума Исполкома Коминтерна с докладом о Кантонском восстании, в котором рассматривались причины поражения коммунистов. Наркоминдел Георгий Васильевич Чичерин своеобразно оценил китайскую деятельность «Андрея»-Семенова, назвав его в письме Сталину 20 июня 1929 года «механически пережевывающим мниморевoлюционные формулы комсомольцем», наряду с коминтерновскими деятелями Виссарионом Ломинадзе, Лазарем Шацкиным и Павлом Мифом[5].

Однако другие руководящие товарищи деятельность Семёнова в качестве военного советника оценили иначе. После возвращения из Китая его перевели в центральный аппарат Разведупра РККА и вскоре назначили на должность помощника начальника 2-го (агентурного) отдела Б. Б. Бортновского. В Управлении он проработал до мая 1929 года. В апреле 1929 года состоялась XVI партконференция, на которой было принято решение о второй чистке партии. Первая состоялась в 1921 году, но тогда Семёнов под неё не попал. Теперь же, поскольку он был замечен в числе активных сторонников правой оппозиции, партячейка Разведупра исключила его из рядов ВКП(б). В мае его уволили. Несколько месяцев Семёнов вёл непрерывную борьбу за восстановление в партии, безуспешно апеллируя в районную контрольную комиссию, во Фрунзенский райком и, наконец, к парттройке МКК ВКП(б). Только эта последняя инстанция, учтя его прежние заслуги и выслушав 5 сентября 1929 обязательство «в практической работе проводить линию партии», приняла решение ограничиться строгим выговором с предупреждением.

Разведка, равно как и другая серьезная работа, теперь для Семенова была недоступна. И тогда он, в поисках дела, где мог в полной мере проявить себя, снова нашел себе «горячую точку»: пошёл в ЦК и попросился на колхозную работу. Не он один сделал этот выбор – призыв партийцев на колхозную работу насчитывал 25 тысяч человек. По направлению Колхозцентра он попал в Хопёрский округ Нижне-Волжского края, где был назначен

председателем крупного колхоза «Краснознаменец», состоявшего примерно из тысячи хозяйств и располагавшего 24 тысячами гектаров земли.

Осень 1929-го была временем начала сплошной коллективизации. Колхоз «Краснознаменец» был уже собран. В декабре Сталин объявил о конце НЭПа и переходе к политике «ликвидации кулачества как класса». Всю зиму активисты колхозного строительства изо всех сил ликвидировали кулачество, а кулачество, как могло, ликвидировало активистов и сельское хозяйство как таковое. К весне стало ясно, что дело движется к полной катастрофе сельского хозяйства, и 2 марта 1930 года в «Правде» была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», где резко критиковались «перегибы на местах». На партконференции Хопёрского округа Семенов выступил с критикой политики партии в области коллективизации, но, развивая выводы Сталина, зашёл слишком далеко. Его выступление было вновь квалифицировано как правый уклон, после чего, к лету, Семёнова сняли с председательской должности. 25 ноября того же года Михайловская районная контрольная комиссия исключила его из партии за правооппортунистические взгляды, но уже через 5 дней (!) ЦКК ВКП(б) восстановила его в рядах большевиков.

Начинался «великий перелом». Троцкого уже выслали из страны, а Бухарина уволили с поста редактора «Правды» и вывели из состава Политбюро. Не повезло и всем их друзьям, в том числе и Семенову. Одно время он работал начальником строительства Болшевского механического и чугунолитейного завода под Москвой, затем начальником авторемонтных мастерских ВОГФа (Всесоюзного объединения гражданского воздушного флота, которым до своей гибели в авиакатастрофе в 1933 г. руководил бывший начальник Семенова по Главэлектро Гольцман). По словам биографа Семенова С. В. Журавлева, «отовсюду его „вычищали“ – слишком богатая биография вкупе с разрисованным выговорами партийной учетной карточкой рождала в коллективе настороженное отношение». После того, как по инициативе секретаря Краснопресненского райкома партии Никиты Сергеевича Хрущёва Семёнова уволили из ВОГФа, он попросился на прежнее место в Главэлектро. Однако и оттуда вскоре был уволен – всплыла работа под начальством Троцкого в Главэлектро и рекомендации троцкистов Крестинского и Серебрякова, данные ему для вступления в партию.

В 1933 году Семёнов покидает столицу и уезжает в Ленинград, на должность начальника отдела рабочего капстроительства машиностроительного завода им. К. Е. Ворошилова. Здесь к нему отнеслись помягче. В сентябре 1933 года Семёнов успешно проходит очередную партийную чистку, хотя и со скрипом – товарищи по партии задали ему 52 вопроса! В Ленинграде ему удаётся спокойно проработать полтора года, до 1 декабря 1934 года, когда первого секретаря Ленинградского обкома С. М. Кирова убили в Смольном прямо у дверей кабинета. Одним из следствий убийства стала чистка всей ленинградской парторганизации. 1 февраля 1935 года заводской партком в третий раз исключает Семёнова из рядов ВКП(б). Опальный коммунист снова берётся за привычное дело – подаёт апелляцию и 22 февраля 1935 года на заседании бюро Володарского райкома Семёнова восстанавливают в партии.

Понимая, что за чистку партии взялись всерьез и теперь его едва ли оставят в покое, Семёнов предпринимает отважный шаг. В марте он едет в Москву и пробует вернуться в разведку: явившись в Разведупр, предлагает свои услуги в любом рискованном мероприятии. Лучше война, с её ясными и привычными законами, чем полная непредсказуемых нюансов и потому смертельно опасная для человека с его биографией мирная жизнь. Семёнов пришёл не с пустыми руками, у него была идея. Он «вызвался возглавить группу инструкторов-специалистов по всем областям военного искусства и техники и перебросить её на самолётах или на верблюдах через пустыню Гоби на помощь Китайской Красной армии». В апреле 1935 года его в очередной раз зачисляют в штат Разведупра, и он приступает к подготовке экспедиции через пустыню Гоби. В качестве помощника Семенов привлекает старого

приятеля, закалённого в уличных боях и проверенного на разведработе Эмиля Дайбеля, который тоже работает в военной разведке.

Однако экспедиция не состоялась. В ноябре Семёнову присваивают звание бригадного комиссара и посылают в Монголию с более частным заданием – «для налаживания связи с Китайской Красной армией и проверки маршрута». Он должен был «организовать переброску 6 китайских товарищей через Монголию в Китай», что и сделал, но затем расконспирировал себя, и в мае 1936 года его отозвали в Москву. Между тем в Разведупре РККА решался вопрос о дальнейшей судьбе 21 сотрудника, которые в прошлом являлись «участниками оппозиционных группировок». По поводу бригадного комиссара Г. И. Семенова «принято решение оставить в Управлении для специальной работы»[6].

Его ждало новое задание. В июле 1936 года в Испании генерал Франко возглавил фашистский мятеж против республиканского правительства. Помощь ему оказали фашистская Италия и национал-социалистическая Германия. 4 октября СССР открыто заявил о своей поддержке Испанской республики. В Испанию направили советскую военную технику, 2 тысячи советников, а также большое число военных специалистов. В ноябре подучивший испанский язык Семёнов выехал в Париж, а оттуда в Барселону (в том же месяце Комиссия партконтроля при ЦК партии, по ходатайству парторганизации Разведупра РККА, сняла с него все партийные взыскания, кроме выговора 1929 года). Снова были востребованы умения бывшего эсеровского боевика в области индивидуального террора. Семёнову надлежало «пробраться в тыл мятежников и ликвидировать некоторых руководителей фашистского движения». С аналогичным заданием в Испанию была направлена сотрудница Разведупра Элли Бронина, жена арестованного в 1935 году в Шанхае резидента военной разведки Якова Бронина. А по линии внешней разведки, с помощью диверсантов-интербригадовцев и будущего знаменитого советского разведчика Кима Филби (бывшего в то время корреспондентом английских газет при штабе франкистов), такое покушение готовил представитель НКВД в Испании Александр Орлов-Никольский. Одним из руководителей разведывательно-диверсионной деятельности в Испании по линии военной разведки был бригадный комиссар Х. И. Салнынь, нелегальный резидент в Китае в 1926–1929 годах.

Опытный боевик и организатор покушения на Ленина, казалось, вот-вот нанесет решающий удар… но вместо этого «товарищ Андрей», осмотревшись на месте, начал с развёртывания широкого партизанского движения в тылу врага. Семёнов полагал, что массовая диверсионная деятельность принесёт в будущем больше пользы и, одновременно, создаст необходимые кадры для терактов против членов правительства. Позже, во время Великой Отечественной войны, такая тактика принесла богатые плоды, но в 1936 году в Москве ждали иного. Полагали, что Семенов организует что-то наподобие своего Центрального боевого отряда для индивидуального террора, и работу по организации партизанских отрядов расценили как самоуправство. В Испании он проработал всего три месяца. За это время его помощник, возглавлявший проведение диверсий, вместе с несколькими испанскими боевиками взорвал 5 вражеских поездов, но на последней операции погиб. В конце января 1937 года Семёнова отозвали в Москву, как он думал, для расследования обстоятельств гибели помощника. 11 февраля, прямо на перроне вокзала, его арестовали сотрудники НКВД.

Семёнов был обвинён в участии в «контрреволюционной организации правых». При обыске на его квартире изъяли большое количество писем и фотографий, две из которых доказывали несомненную близость с «лидером правых»: Семёнов с Бухариным были сфотографированы вместе. Всплыла и связь с Эсфирь Гурвич, а также то, что Бухарин защищал Семёнова на процессе правых эсеров в 1922 году. Сам же Николай Иванович ещё в заявлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года писал, что пример с Семёновым неудачен. Ведь «Семёнов фактически выдал советской власти и партии боевые

эсеровские группы. У всех эсеров, оставшихся эсерами, он считался „большевистским провокатором“. Роль разоблачителя он играл и на суде против эсеров. Его эсеры ненавидели и сторонились его как чумы». Бухарин подчёркивал, что в 1922 году защищал Семёнова «по постановлению ЦК партии. Партия наша считала, что Семёнов оказал ей большие услуги, приняла его в число своих членов»[7].

Все эти доводы оказались бесполезны. Ефим Цетлин, бывший первый секретарь ЦК РКСМ и секретарь Бухарина, 14 декабря 1936 года дал показания о том, что в начале 1930-х Бухарин дал Семёнову задание подобрать людей из числа бывших эсеров-боевиков и организовать покушение на Сталина и других руководителей государства. Эти показания стали основанием для ареста.

Первый допрос Семёнова состоялся 23 февраля 1937 года. Он подробно и откровенно рассказал о всех фактах своей непростой биографии. Относительно деятельности в Центральной боевой организации ЦК ПСР Семёнов подтвердил, что «при его непосредственном участии и руководстве» в 1918 году был убит Володарский и ранен Ленин. Он признал, что действительно разделял идеи правых, но отрицал участие в контрреволюционной организации: «Я привык нести ответственность за свои действия, за свои поступки. Пусть меня моя социалистическая страна судит и воздаст должное за мои преступления». Вины за собой он не видел. И на последующих допросах он также продолжал её отрицать.

4 июня 1937 года Семёнову устроили очную ставку с другим партийным реликтом – «раскаявшимся боевиком» Константином Усовым, бывшим соратником по боевой организации 1918 года. Усов заявил, что является членом боевой организации правых, а Семёнов – её руководитель, готовивший покушения на Сталина и членов правительства. Этого наш герой уже не выдержал. «В ответ на признание Усова Семёнов разразился грубой площадной бранью, начал оскорблять следователей». Смысл сказанного Семёновым в форме непечатных ругательств, следователь записал так «Вы Усова замучили угрозами, смотрите, на кого он похож, и поэтому даёт показания». После этого Семёнов отказался отвечать на вопросы, и очная ставка была прервана.

В течение последовавших 10 дней, в качестве наказания за оскорбление следователей, арестованный перенес 5 суток карцера. Одновременно к нему применили физические и психологические методы воздействия, то есть, попросту говоря, пытки. Вскоре та же участь постигнет и самих палачей: в феврале 1939 года сотрудник 4 отдела ГУГБ НКВД М. Л. Гатов, который вёл дело Семёнова, будет осуждён за фальсификацию следственных дел, а в 1956 году, в ходе дополнительного расследования откроются новые вопиющие факты применения им незаконных методов ведения следствия. 22 августа 1961 года Семенова реабилитируют.

Но все это будет потом, а в июне 1937 г. его железную волю сломали самыми безжалостными методами. 15 июня он написал заявление на имя наркома НКВД Н. И. Ежова, которое начиналось словами: «В течение 4-х месяцев я упорно отрицал своё участие в организованной контрреволюционной террористической деятельности». Он обещал «во всём признаться», и признался – протоколы допросов от 26 июня и 4 июля содержали в себе обилие фактов и имён, едва прикрытых завесой правдоподобия. 15 июля комиссия партконтроля при ЦК ВКП(б) исключила его из партии как контрреволюционера.

7 октября 1937 года Семёнов получил копию обвинительного заключения, в котором ему инкриминировалось сразу несколько статей УК РСФСР. На следующий день его дело слушалось на закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством В. Ульриха. Заседание длилось всего полчаса – с 20.45 до 21.15. После оглашения обвинительного заключения Семёнов встал и заявил, что «виновным себя не признаёт…. что показания на предварительном следствии дал ложные». Он уточнил, однако, что за собой признаёт только следующее: «В своё время я был руководителем боевой

организации при ЦК ПСР и организовал покушение на убийство Ленина и, кроме того, организовал убийство Володарского». (Как отмечает С. В Журавлев, «трудно представить, чтобы, отказываясь от ложных показаний, „выбитых“ из него на предварительном следствии, Семенов мог наговаривать на себя относительно роли организатора покушения на Ленина… Можно считать окончательно установленным, что убийство Володарского и покушение на Ленина в 1918 г. … были подготовлены именно группой эсеров-боевиков во главе с Семеновым. Это означает, что все остальные существующие версии, в том числе и о мистификации или инсценировке покушения самими большевиками с целью оправдания „красного террора“, следует признать несостоятельными»).

Но это ему в вину как раз и не поставили, ограничившись обвинением в преступлениях против нынешних руководителей партии и государства. Тут же зачитали вердикт коллегии – высшая мера наказания. В тот же Семёнов Григорий Иванович был расстрелян.

Примечания

[1] Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 209–210.

[2] Фейга Хаимовна Каплан // Фанни Каплан или кто стрелял в Ленина. Сборник документов. Казань, 1995. С.19.).

[3] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.2, ч.1. М., 1996. С.633.

[4] Там же. Т.3, ч.1. С.311, 313–314.

[5] Цит. по: Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С.392.

[6] РГВА. Ф.9. Оп.29. Д.327. Л.5.

[7] Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 27–28.

Христофор Салнынь: главный диверсант Разведупра

Этот человек появлялся там, где шли боевые действия, и была нужда в специальных действиях в тылу врага («активная разведка»). Подобных ему специалистов своего дела в предвоенный период существования военной разведки можно было пересчитать по пальцам. Осваивать эту профессию он начал еще в пору первой русской революции, когда товарищи звали его «Гришка». Подобно своему товарищу по подполью и разведке А. Я. Пессу, он с полным на то основанием мог бы также ответить на вопрос анкеты «В чем выражалось участие в революции» – «боевик». Как и многие другие революционеры, он привык к своему подпольному имени и даже подписывался: «Салнынь (Гришка)». Человек он был прямой и решительный, объездил весь свет, и погиб от пули, но не вражеской.

Кристап (Христофор Интович) Салнынь родился 26 августа 1885 года в Риге. Его отец Инт Юрьевич был сыном латышского батрака, мать Лина Савельевна (в девичестве Зубова) – украинкой. Инт Салнынь перебрался в Ригу вскоре после свадьбы, сначала устроился рабочим на пивоваренный завод, потом на винный склад, а затем на лесопильный завод. Зарабатывал он гроши, и семья жила впроголодь. Из десятерых детей Инта и Лины выжили только Христофор и его младшая сестра Екатерина. Позднее в автобиографии Салнынь писал о своем детстве: «Пропитание себе начал зарабатывать с 9 летнего возраста, сперва нанимаясь на лето пастухом у зажиточных крестьян, а потом, работая у печников на постройках домов до поступления в школу и во время школьных каникул. В 1900 году я кончил 2-х классную народную школу и через некоторое время определился на 4 года учеником в столярную мастерскую Брик и Иогансен в Риге. На втором году учения поступил в Русское Ремесленное Училище, которое посещал по вечерам после работы в мастерской. Кое-какие понятия о революционном движении я уже получил от своего отца, который с 1908 г. состоял в кружке латвийских социалистов на лесопильном заводе Е. Домбровской, на котором он работал носчиком»[1].

По стопам отца, участника нелегального кружка, осенью 1902 года 17-летний Христофор вступил в социал-демократический кружок «Пристав», стал членом РСДРП и начал активно участвовать в распространении революционной литературы и листовок. В 1903 году он уже сам организовал кружок «Боя», в который вошли сплавщики леса на Двине. В него входили, правда, всего 5 человек, но все-таки это было дело, которым 18-летний революционер самостоятельно руководил. А уже с начала 1904 года он был заместителем представителя района Ивановских ворот, поддерживал связь районной организации с Рижским комитетом социал-демократической организации. В его обязанности входила и работа по получению литературы с пароходов, на которых ее привозили из-за границы.

Примерно в то время он получил кличку, которая осталась за ним на всю жизнь: «Гришка». В начале того же 1904 года Христофор приобрел первый опыт боевой подпольной работы, которая со временем стала его основным делом. «Из нескольких членов наших кружков, – писал Салнынь в автобиографии, – уже в начале 1904 г. была создана небольшая группа, человек 4–5, „боевиков“, обязанностью которых было, кроме другой партработы, еще пойти по требованию в другие районы около заводов и фабрик и „проучить“ дубинкой тех мастеров или лизунов из рабочих, которые делали доносы на наших товарищей… Скоро после январских дней 1905 г. и расстрела рабочих-демонстрантов в Риге у железного моста начались формироваться группы „боевиков“ из наиболее активных молодых рабочих заводов и фабрик, а также среди учащейся молодежи и я целиком ушёл на эту работу. Такая же группа была создана и в нашем районе и я стал её руководителем». В числе прочих в этой группе были Я. Чокке, Е. Дубельштейн, Р. Делин, Ф. Гринынь.

Среди первых акций группы Салныня – убийство сотрудника рижской жандармерии и по совместительству священника Натауской церкви барона Шилинга. После этой операции «Гришка» вынужден был перейти на нелегальное положение. Летом 1905 года он занимался только партработой и принимал участие по всех серьезных делах боевиков. Но наиболее громким делом боевиков стало освобождение из Рижской центральной тюрьмы члена ЦК ЛСДРП Я. Лациса-Крюгера и рабочего, члена Рижского комитета ЛСДРП, Ю. Шлессера. Им грозил смертный приговор за организацию подпольной мастерской по изготовлению ручных бомб на заводе «Феникс», где некоторое время чертежником работал и сам Х. Салнынь. Вечером 7 сентября 1905 года две группы боевиков напали на тюрьму и с боем освободили заключенных. Одну из них, в составе которой было 15 человек, возглавлял Салнынь, одетый в студенческую шинель, на которую были нашиты офицерские погоны, и в фуражке с жандармской кокардой.

Подробности операции сохранились в материалах охранки и сообщениях прессы: «Предварительно перерезав телефонные провода, злоумышленники подставили к стене, которая вышиной в 3 сажени, лестницу и по ней взобрались на стену, а оттуда спустились во двор по веревочной лестнице. Здесь часть толпы вступила в перестрелку с тюремными надзирателями… Другие [это и была группа Х. Салныня. – Авт.] посредством отмычек отперли две входные двери одиночного корпуса и, разбив там в двух камерах откидные форточки и увеличив отверстия, вывели из камер арестантов… Когда надзиратели по тревоге своего старшего выбежали из корпуса, где они живут, у подъезда этого корпуса нападавшие устроили засаду и стреляли по выбегавшим надзирателям…»[2].

Эта акция, продолжавшаяся не более получаса, получила широкий резонанс и за рубежом. Так, парижская газета «Le Temps» 9 сентября по этому поводу писала: «Позапрошлой ночью группа в 70 человек напала на Рижскую центральную тюрьму…. где после жаркой стычки было убито двое тюремных сторожей и трое тяжело ранено. Манифестанты освободили тогда двоих политических, которые находились под военным судом и ждали смертного приговора. Во время преследования манифестантов, которые успели скрыться, за исключением двух, подвергшихся аресту, был убит один агент и ранено несколько полицейских».

Покинув после этого Ригу, Салнынь, которого жандармы считали «одним из выдающихся деятелей революции в Прибалтийском крае», продолжал организацию боевых дружин в Либаве и других городах и весях, участвовал в их акциях. 17 января 1906 года возглавил вооружённое нападение на здание полиции в Риге, откуда были освобождены шесть революционеров, в том числе два члена ЦК ЛСДРП Я. Лутер-Бобис и Т. Калнынь-мистер. Николай II, читая донесение об этом налете, подчеркнул слова: «полицейские чины разбежались».

Вскоре после этого Салнынь уехал в Санкт-Петербург, где выполнял поручения городского комитета РСДРП(б) и в тоже время представлял боевиков Прибалтийского края в Боевой технической группе (БТГ) при ЦК РСДРП(б), в функции которой входило ввоз оружия в Россию, его хранение и доставка, изготовление боеприпасов. Н. Е. Буренин, один из членов БТГ, вспоминал о них: «Все это были совсем молодые люди, но они поражали своим огромным революционным энтузиазмом, боевым опытом, выдержкой и дисциплинированностью. Почти все они прошли школу партизанской борьбы в отрядах боевых дружин и „лесных братьев“. Их опыт и революционная закалка оказались очень ценными для нашей работы»[3].

Салнынь съездил в Баку, где принимал участие в ликвидации провокатора матроса Феодора, а затем опять вернулся в Прибалтику. Все это время полиция делала все возможное, чтобы схватить неуловимого лидера боевиков. На квартире его отца 36 раз производили обыск. Неоднократно устраивали засады. В досье царской охранки говорится: «Приметы:

немного выше среднего роста, очень худой, блондин, заикается… В случае обнаружения надлежит препроводить его в Ригу, принять чрезвычайные меры охраны».

Летом 1906 года во время экспроприации (по заданию Либавского комитета) 28 тысяч рублей из почтового отделения в Либаве Салнынь был задержан полицией. Ничего хорошего для него это не означало – в то время с боевиками не церемонились. Уверенный, что его все равно поставят к стенке, он нашел в сарае, где его держали, забитое досками оконце под самой крышей и бежал. Позднее его еще не раз арестовывали, однако каждый раз ему удавалось вырваться на свободу.

Об одном из таких происшествий, которое случилось тем же летом, рассказала Екатерина Интовна: «Он прибыл в Ригу в форме морского офицера. Взял извозчика и поехал на явку, находившуюся в небольшой столовой на улице Дзирнаву. Там уже сидела засада из нескольких шпиков, и Салныня арестовали. Кристап не потерял самообладания. Он разыграл сцену радостного успокоения, когда узнал, что его скрутили не «эти бандиты-революционеры», а представители законной власти…», но «в следующее мгновение со звоном разлетелось стекло – Гришка выпрыгнул со второго этажа» и скрылся на ближайшем заводе. В обеденный перерыв полицейские во главе с «главным истязателем рижского полицейского застенка» Грегусом начали осмотр рабочих, полагая, что прыжок сквозь стекло не мог пройти бесследно для «злоумышленника». «Дошла очередь и до Гришки… Картуз Салнынь снял безбоязненно: он знал – никаких порезов нет. Прыгать в критическую минуту через оконное стекло научил его товарищ – замечательный боевик Екабс Дубельштейн: рука, согнутая в локте, закрывает лицо и тараном вышибает стекло. Сыщики не опознали Салныня…»[4].

Уже тогда он был человеком отчаянной храбрости, некоторые его даже считали едва ли не авантюристом. Однако его преданность делу революции была беспредельной.

В январе 1907 г. Салнынь уехал в Гамбург, затем в Женеву, но уже в марте 1907 года вернулся в Петербург и продолжил работу в БТГ. Его главной задачей в это время была переправка из Европы в Россию оружия и партийной литературы. С этой целью летом 1907 года он выезжал в Англию и Бельгию, откуда с помощью своей сестры Екатерины доставил через Ригу в Петербург Красину большую партию «маузеров», «браунингов» и взрывателей к бомбам.

В 1907 г. БТГ распустили, но де-факто группа продолжала существовать. По этому поводу в одном из писем товарищам Салнынь писал: «Будут ли заграничные дела ТГ ликвидированы, или готовятся новые операции – это Вам знать не надо, и за это отвечаю я как заграничный представитель ТГ». В 1908 году Салнынь поселился в Лондоне, где содержал конспиративную квартиру БТГ, а затем отправился в Берлин, чтобы организовать освобождение из тюрьмы своего коллеги, революционного боевика Камо. Но сделать ему это не удалось.

В период с 1908 по 1912 год Салнынь, в основном, заведывал одним из каналов по транспортировке революционной литературы в Россию, куда он неоднократно наведывался нелегально по партийным делам. Давелось ему побывать также в Париже, Нью-Йорке, Лондоне, Брюсселе. В эмиграции он познакомился с многими известными впоследствии деятелями, в том числе М. Литвиновым, В. Менжинским, Я. Петерсом, А. Сташевским и секретарем Международного социалистического бюро II Интернационала известным бельгийским социалистом, впоследствии министром, К. Гюисмансом.

В 1912 г. Салнынь обосновался в Бостоне, работал в паровозоремонтных мастерских и продолжая политическую деятельность в рядах латышской объединенной организации при Американской социалистической партии (латышская организация насчитывала 32 отделения в США и Канаде, в ней состояло 2000 членов, издавалась газета. Салнынь одно время был секретарем ЦК).

В письме из-за границы он писал: «Работаю за четверых. Жить было бы и неплохо, только иногда переполняет душу страшная тоска по России». В апреле 1917 года Салнынь с первой партией политэмигрантов вернулся в Россию. Ехали через Японию, и он осел во Владивостоке, где работал сборщиком в вагоносборочных мастерских и занимался партийной работой во Владивостокской организации РСДРП (б). Однако связь с Америкой не терял, и уже в конце сентября вернулся обратно, на сей раз в Сан-Франциско, для борьбы с меньшевиками и организации постоянной связи Америки с Дальним Востоком. Как он сам писал, «Октябрьская революция застала меня на волнах Тихого океана».

В США Салнынь делал все, что мог, для помощи долгожданной революции. Во время интервенции вел работу в порту, где грузчики портили военные припасы, отправляемые в Россию. Затем участвовал в работе созданного в начале 1920 года в Сан-Франциско отделения Красного Креста сибирских красных партизан. С первым транспортом медикаментов Салнынь через Китай отправился в Россию. В Шанхае он передал транспорт представителю Коминтерна Г. Н. Войтинскому, а сам отправился в Пекин, к полпреду Дальневосточной республики и, наконец, в Благовещенск, где в ноябре вступил добровольцем Народно-революционную армию ДВР. Из автобиографии: «В 1921–1922 годах до окончания оккупации Дальнего Востока иностранными войсками и белобандитами работал в тылу противника по заданиям 2-й Амурской армии, потом 5-й Краснознаменной армии». Там он действовал под фамилией «Завадский».

По окончании Гражданской войны Салныня вызвали в Москву в распоряжение Разведупра Штаба РККА. Некоторое время он работал в Разведотделе Петроградского военного округа, но уже в начале 1923 года вновь оказался на Дальнем Востоке. Его направили в Китай, где он работал в маньчжурском городе Харбин и в Шанхае. Дело в том, что после установления на Дальнем Востоке советской власти в Маньчжурию бежало значительное число белогвардейцев, и многие из них готовились к вооруженному реваншу. Поэтому отслеживание планов белой эмиграции стало одной из основных задач не только внешнеполитической, но и военной разведки СССР.

В Китае Салнынь выдавал себя за бежавшего из России коммерсанта Христофора Фогеля, фамилию которого он уже использовал однажды в самом начале 20-х годов. Новоявленный предприниматель выразил готовность поддержать любую вооруженную борьбу с советской властью, и таким образом стал своим человеком в военных кругах белой эмиграции. Это дало ему возможность быть в курсе планов и замыслов белогвардейцев и информировать Москву о возможных акциях против Советской России.

Вернувшись в Москву, Салнынь вскоре получил новое задание. Весной 1924 года Военный центр Болгарской компартии приступил к организации партизанского (четнического) движения в Болгарии, конечной целью которого был захват власти. Разумеется, партизанские отряды остро нуждались в оружии. Часть необходимого им вооружения и обмундирования коммунисты добывали на месте, но основная масса оружия поступала по нелегальным каналам из СССР ещё с 1920 года.

Руководство этой операцией на новом этапе было поручено Христофору Салныню. В его распоряжении находилась группа болгарских коммунистов, которые на рыбачьих лодках и парусниках переправляли оружие по Черному морю из Одессы в Варну и Бургас. 5 августа 1924 года, по заданию Разведупра и приглашению ЦК БКП, он, вместе с транспортом оружия, был направлен в Болгарию как военный специалист «Осип». В Бургасе его встретили представители болгарской компартии Янко Андонов, Г. Мындев и П. Станев. Через Айтос они выехали в Сливен, где Андонов был назначен командиром партизанского отряда, который действовал в Сливенском округе. «Осип» провел в этой чете (отряде) около 4-х месяцев. Отряд занимался приемкой оружия, прибывающего из СССР, проводил боевые акции, совершал диверсии на железной дороге и телеграфных линиях связи.

В январе 1925-го Андонова назначают руководителем Военной организации Сливенского окружкома партии и Салнынь становится инструктором ВО, оказывает организации «ценную помощь». При содействии болгарских товарищей «Осип» побывал и в других городах страны, а по окончании своей миссии через Турцию вернулся в СССР.

В 1920-х годах Салнынь женился. О жене его известно немного. Звали ее Елизавета Поликарповна Портнягина, из крестьян. В семь лет лишилась родителей. Ездила с мужем в загранкомандировки, деля с ним трудности и опасности жизни разведчика.

В 1925 году Х. Салныня вновь посылают в Китай резидентом военной разведки, а потом и советником Китайской народно-революционной армии. В одном из донесений военного атташе в Китае А. И. Егорова (№ 80 от 17 июля 1925 г.), направленном в Москву «Мирскому» (М. В. Фрунзе), говорится о резиденте Разведупра в Шанхае Осипе Лауберге, кличка «Гриша» и отмечается, что «тов. Лауберг многолетний сотрудник имеющий большой опыт»[5].

Советнические функции Салынь выполнял в 1926–1927 годах в 1-й Национальной армии маршала Фэн Юйсяна. Его задачей было оказание помощи в организации разведки и диверсионной деятельности в тылу противника, работа против спецслужб Японии, Англии, Германии, Франции и США. Весной 1927 года отношения между СССР и Китаем резко обострились, главнокомандующий НРА и глава нанкинского правительства Чан Кайши разорвал с Москвой дипломатические отношения, и советские советники были вынуждены покинуть страну. Но «Гришка» остался в Китае – теперь уже нелегальным резидентом. Штаб-квартирой его группы стал Шанхай. Он поселился в городе под именем американца Христофора Лауберга и приступил к созданию нелегальной резидентуры, которая помимо разведывательной работы должна была снабжать оружием компартию Китая, которая воевала против японцев и войск Чан Кайши. Помощником Салныня был Иван Цолович Винаров, а курьером и шифровальщицей – жена Винарова, Галина Петровна Лебедева. Для прикрытия этой деятельности была организована экспортно-импортная торговая фирма с филиалом в Пекине и с торговыми агентами почти во всех крупных портах и многих городах Китая. В Харбине прикрытием для их работы служила консервная фабрика, хозяином которой был эмигрант из России Леонид Вегедека, завербованный через его жену Веронику, давнюю знакомую Галины Винаровой, которая устроилась на работу в Харбинский Дапьневосточный банк.

Одной из самых громких операций, которую осуществила резидентура «Гриши», была ликвидация в 1928 году фактического главы пекинского правительства генерала Чжан Цзолиня, занимавшего откровенно антисоветскую позицию и постоянно устраивавшего провокации на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Спецоперация была проведена успешно – 4 июня Чжан Цзолинь погиб в результате взрыва его специального вагона во время поездки по железнодорожной линии Пекин-харбин. Помощник резидента Иван Винаров, который ехал в соседнем вагоне, сфотографировал место происшествия. Все было устроено так, что подозрение в убийстве генерала на долгие годы пало на японскую разведку.

В апреле 1929 года Х. И. Салнынь и ряд его сотрудников вернулись в Москву. Но проработать в центральном аппарате ему пришлось лишь несколько месяцев. 10 июля китайские власти захватили принадлежащюю СССР Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), закрыли все советские учреждения на китайской территории и арестовали более 200 советских граждан. После этого последовали провокации на советско-китайской границе, а затем глава нанкинского правительства Чан Кайши и правитель Северного Китая Чжан Сюэлян начали стягивать к границе свои войска.

Учитывая сложившуюся ситуацию, советское руководство в августе сформировало Особую Дальневосточную армию, командующему которой Василию Блюхеру было приказано упреждающим ударом разгромить китайские войска. Разрабатывая план операции, Блюхер

принял решение вызвать из Москвы Христофора Салныня, которому поручил организацию разведывательно-диверсионных операций в тылу врага. Салнынь и его люди начали действавать ещё в сентябре, а 12 октября участвовали в боях, когда ОДВА захватила китайский город Лухасусу. После очередных провокаций последвали новые операции советских войск и 18 ноября события, вошедшие в историю как «конфликт на КВЖД», завершились. Но разведгруппы созданные в связи с ним продолжали свою работу и в декабре. Их миссия окончилась в связи с подписанием 22 декабря 1929 года в Хабаровске протокола, который восстанавливал положение, существовавшее до конфликта.

«За работу в связи с событиями на Дальнем Востоке» шесть сотрудников Разведупра были награждены ценными падарками (июнь 1930), а один – Л. А. Анулов – орденом Красного Знамени (октябрь 1930). Салнынь еще за два года до этого, в 10-ю годовщину РККА, был награжден орденом Красного Знамени «за заслуги периода гражданской войны».

В 1930 году Салнынь окончил Курсы усовершенствования комсостава по разведке при IV Управлении Штаба РККА и был направлен в Европу с задачей возрождения нелегальных боевых групп, занимающихся «активной разведкой» (так называлась тогда разведывательно-диверсионная деятельность), а также с инспекцией ряда резидентур. После разрыва дипломатических отношений с Англией в 1927 году, советское руководство полагало возможным военную интервенцию Запада против СССР. В течение двух лет Салнынь работал в Германии, Чехословакии, Австрии, Англии, Италии, Швейцарии, Финляндии и Румынии, создавая боевые группы, главным образом из болгарских эмигрантов, и попутно расширяя агентурную сеть. Такие боевые подразделения («партийные группы содействия») созданы были, в частности, в главной резидентуре, возглавляемой Иваном Винаровым (в Австрии и Чехословакии), в рамках подготовки к войне делались также закладки оружия и взрывчатки.

При его участии был привлечен к работе на военную разведку сотрудник Коминтерна инженер Ян Досталек, изобретатель новейшего радиопередатчика. Он не только передал советской разведке техническую документацию на свое изобретение, но и вынес с завода пять аппаратов, наладил их и обучил радистов, благодаря чему три передатчика сразу же вышли в эфир. В Австрии Салнынь и нелегальный резидент Разведупра в Вене Винаров завербовали молодого болгарина Ивана Пылова, проходившего обучение в местной пожарной школе. Он получил псевдоним «Z-9». В качестве помощницы, а потом и жены к Пылову направили опытную разведчицу Гертруду Б. С помощью «Z-9» в Центр получил материалы о новых немецких противогазах и результатах их испытаний в условиях, приближенных к боевым. В Румынии, где нелегальным резидентом был болгарин Иван Тевекелиев, советские разведчики завербовали японца, который передал списки русских эмигрантов, проходивших обучение в диверсионной школе, расположенной в Карпатах. Её работу, направленную против СССР, курировал японский военный атташе.

В 1932 году Салнынь вернулся в Москву и уже в октябре получил новое назначение – в штаб ОКДВА (Отдельная Краснознаменная Дальневосточная Армия) помощником начальника разведки по диверсионной работе. Главной задачей Салныня была организация в Северном Китае разведывательно-диверсионных и партизанских отрядов, действующих против японской армии, которая в 1931 году оккупировала Маньчжурию. 26 августа 1935 года в приказе по личному составу ОКДВА в связи с 50-летием Христофора Интовича, было сказано: «Обладает твердым характером и сильной волей. Специализировался по вопросам партизанской войны и подрывного дела. В трудных условиях не теряется, обладает большим мужеством и личной храбростью, быстро ориентируется в обстановке и быстро принимает решения. Умеет управлять людьми и подчинять их своей воле. Любит дисциплину и сам дисциплинирован. С подчиненными тактичен; пользуется авторитетом и любовью. Все возложенные задачи, по существу требующие большого риска, выполнял безотказно. Заслуженный крупный боевик-партиец с большим стажем подпольной работы». Через

полтора месяца заместитель наркома обороны СССР Я. Гамарник наградил его золотыми часами «за исключительно добросовестную работу при выполнении особо ответственных заданий». 13 декабря ему было присвоено звание воинское «бригадный комиссар» (соответствовало званию комбрига для строевых командиров. После введения генеральских званий в 1940 г. часть командиров и бригадных комиссаров стала полковниками, меньшая часть – генерал-майорами).

Богатый опыт Салныня было решено использовать для организации работы созданного в 1935 году спецотделения «А» Разведупра РККА (активная разведка). В феврале 1936 года он был назначен помощником начальника этого спецотделения. После начала в июле 1936 года гражданской войны в Испании перед Разведупром РККА была поставлена задача – оказать всемерную помощь республиканскому правительству и армии (операция «Х»). В Мадрид были направлены военные советники, среди которых оказался и Салнынь, ставший одним из руководителей разведывательно-диверсионной деятельности республиканцев. В качестве старшего советника XIV (партизанского) корпуса под псевдонимом «коронель (полковник. – В. К.) Виктор Хугос» он пробыл в Испании с июля 1937 по март 1938 года. «С конца лета 1937 года динамитчики полковника Хугоса держали фашистские тылы в постоянном напряжении. В районах, куда проникали республиканцы, мятежники вынуждены были держать значительные силы. На охрану каждых ста километров автомобильных и железных дорог ставился пехотный полк… И все равно почти каждый день взлетали на воздух воинские эшалоны фашистов, бензохранилища, арсеналы, пороховые погреба…» – писали биографы разведчика А. Сгибнев и М. Корневский. Постановлением ЦИК СССР (не подлежащим опубликованию) от 2 ноября 1937 года бригадный комиссар Х. И. Салнынь был награжден орденом Ленина.

В Москву Салнынь вернулся в апреле 1938 года, в самый разгар «чистки», развернувшейся в Разведупре. За то время, что он воевал в Испании, были арестованы многие его соратники и друзья: Ян Берзин, Лев Борович, Бела Кассони, Анатолий Геккер, Александр Никонов, Август Гайлис, Александр Гурвич, Карл Римм, Владимир Горев и другие. Не избежал этой участи и сам Салнынь. Его арестовали 21 апреля 1938 года по обвинению в шпионаже и участии в заговоре против советской власти. Следствие по его делу продолжалось больше года, и 8 мая 1939 года он был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Реабилитировали Христофора Интовича 25 июля 1956 года.

Жена Салныня арестована не была, хотя лишилась жилья и работы. Она намного пережила своего мужа. В 1990 году о ней писала газета «Труд» – тогда Елизавете Поликарповне было 89 лет…

Примечания

[1] РГАСПИ. Ф.124. Оп. 1. Д.1706. Л. 7.

[2] Сгибнев А., Кореневский М. Солдат невидимого фронта // Красная звезда. М., 1972. 25 января.

[3] Штейнберг В.А. Чарлз Скотт, его друзья и враги. О Карле Янсоне. М., 1983. С.31.

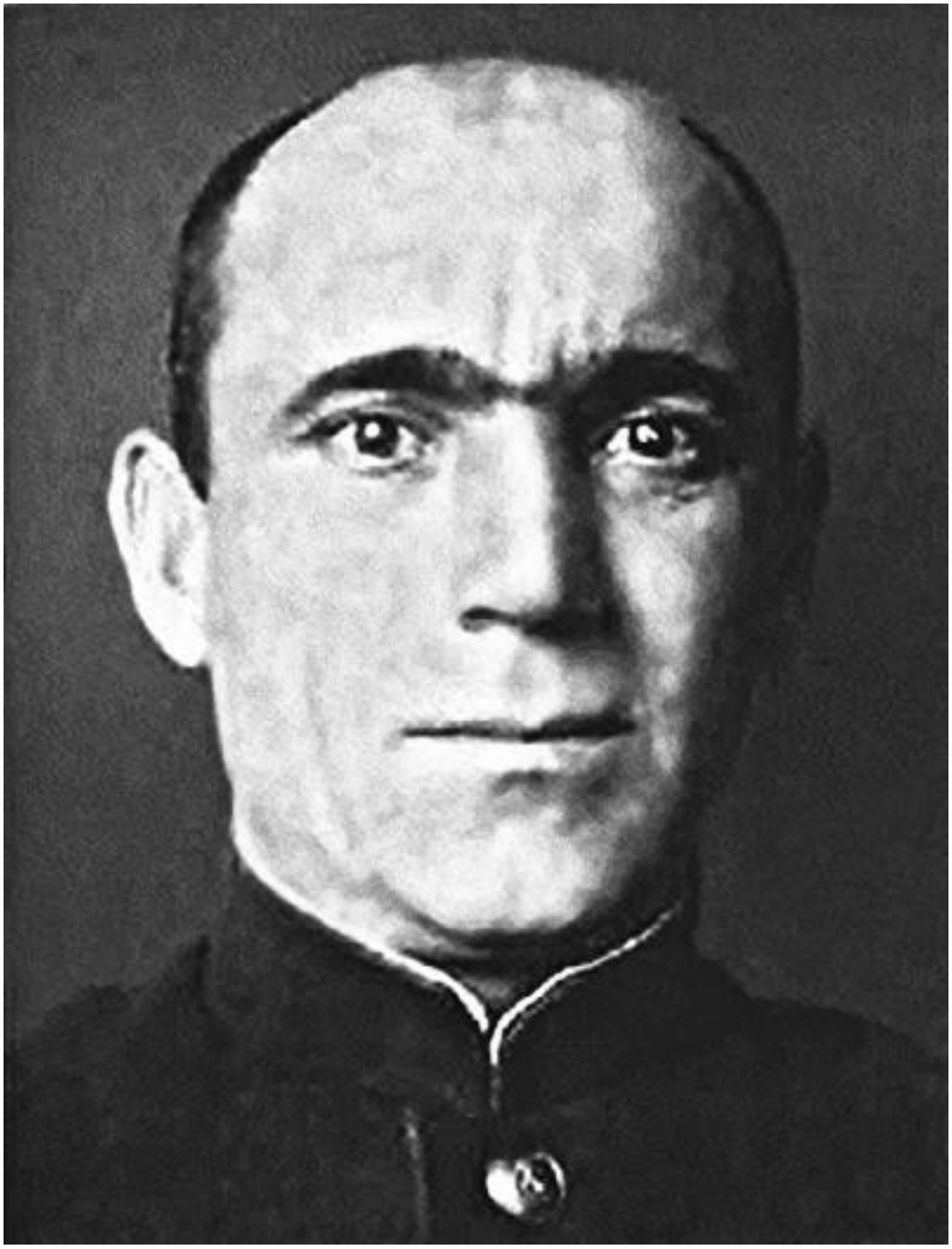
[4] Шамаро А., Зариньш В. Боевики // Молодой коммунист. М., 1966. № 4. С. 42–43.

[5] Mitarevsky N. World wide Soviet plot. Tientsin, 192-. P.85.

Леонид Бурлаков: от Приморья до «Сатурна»

Военная разведка – это не только «Центр» со своей опутывающей мир паутиной резидентур, но и многочисленные разведки более скромного, местного масштаба – окружные, армейские, дивизионные. Немало известно о деяниях разведчиков стратегического и тактического уровней и много меньше о представителях разведки оперативного уровня мирного времени (приграничный военный округ). А ведь люди там служили не менее замечательные. Одним из них был Леонид Яковлевич Бурлаков.

Он родился 27 октября 1897 года в городе Бугульме Самарской губернии, в семье выходцев из крестьян. Отец, отслужив в армии, устроился работать конторщиком на КВЖД и увез семью на Дальний Восток. В русско-японскую войну он снова был призван в армию, попал в плен. Вернувшись, был чернорабочим и умер в Хабаровске в 1909 году, работая на постройке моста через Амур. Чтобы прокормить детей, жена его работала прачкой. Семья жила на станции Ханьдаохэцзы КВЖД. Там Леонид, закончив одноклассное училище и едва научившись грамоте, пошел работать подручным слесаря.



Леонид Яковлевич Бурлаков (1923–1981)

Летом 1914 года он приехал во Владивосток, где тогда жил его старший брат. Работал слесарем, медником в военном порту, мастеровым во Владивостокском крепостном батальоне. Трудно сказать, как его занесло на другой конец огромной империи, в Свеаборг, но, как бы то ни было, с мая по сентябрь грозового 1917 года он находится там. Партий

вокруг множество, но, не мудрствуя лукаво, девятнадцатилетний Леонид примыкает к большевикам. В сентябре он, вместе с друзьями, вступает в ряды финской Красной гвардии. Вскоре его, к тому времени уже квалифицированного рабочего, направляют в Гельсингфорс, на завод Иогансона, где строили для Советской республики столь прославившие себя в годы гражданской войны бронепоезда. Когда к Гельсингфорсу подошли немецкие войска, Бурлаков, в числе последних большевиков, покидавших финскую столицу, на канонерке «Грозящий» уходит в Петроград.

Он не пошел искать себе занятие ни в Смольный, ни в Кремль. Через охваченную разгорающимся пожаром гражданской войны страну Бурлаков пробрался к себе, на Дальний Восток. В июне 1918 года он уже во Владивостоке. Вместе со старшим братом вступает в красногвардейский отряд союза горняков, занимается национализацией золотых приисков. Когда Приморье захватывают белые, устраивается на работу в Хабаровский арсенал – квалифицированные рабочие нужны везде. И там он не столько ремонтирует оружие во славу белой идеи, сколько занимается вооружением красных партизан.

В апреле 1919 года Леонида призывают в колчаковскую армию, но он бежит от призыва, и отправляется снова во Владивосток, работает в паровозоремонтных мастерских военного порта. В июле его задерживают как забастовщика, выясняют, помимо прочего, что он бежал от призыва и отправляют в армию – на Русский остров, в Учебно-инструкторскую школу имени генерала Нокса. Он бежит и оттуда, собираясь отправиться к партизанам, но получает партийное задание – вернуться в школу и заниматься пропагандистской работой.

Приморье постоянно переходит из рук в руки, и, в соответствии с колебаниями маятника гражданской войны, Бурлаков то показывается на поверхности, занимаясь легальной работой, то снова уходит в глубокое подполье. В ноябре 1919 года белые едва не расстреляли его, но, с помощью солдат-подпольщиков, он снова сумел бежать. С 31 января 1920 года, после поражения Колчака, он становится адъютантом (т. е. начальником штаба) политотдела Военного Совета Приморья. В марте вступает в партию, минуя кандидатский стаж, как человек, зарекомендовавший себя на подпольной работе. Когда в апреле японцы оккупировали Приморье, Бурлакова вместе с другими коммунистами арестовывают, но под угрозой всеобщей забастовки рабочих Владивостока, оккупационные власти отпускают заключенных, решив, что местные дела их не очень-то касаются.

Ситуация в охваченном смутой крае была чрезвычайно пестрой. Наряду с оккупационными, сохранялись и некоторые органы советской власти. Здесь же находилось множество офицеров белых армий и банд, резидентов всех мыслимых и немыслимых разведок, наконец, просто уголовников.

После освобождения Леонид некоторое время работает в Техническом отделе Владивостокской организации РКП (б), где занимается опять же, в основном, снабжением партизанских отрядов. В конце августа – новое поручение. Бурлакова направляют в Приморский областной отдел Госполитохраны Дальневосточной республики, он становится чекистом. В отдел постоянно поступала информация о том, что готовится крупное выступление белых. Однако правительство ДВР, не предпринимало достаточно активных действий. 26 мая 1921 года произошел очередной переворот. Белые снова захватили Приморье, а красные опять ушли в подполье. Бурлаков, наконец-то, попадает к партизанам. Вначале он занимается организацией отряда в Зыбунском районе (где сейчас город Артем), затем командует Железной ротой на юге. В октябре 1921 года вновь возвращается во Владивосток.

Перед ним стоит задача – воссоздание большевистского подполья в условиях жесточайшего белого террора. Он занимается тем же самым, чем занимались позже его коллеги-нелегалы в Западной Европе: явки, конспиративные квартиры, каналы связи. Плюс к этому то, чем они не занимались – снабжение партизанских отрядов оружием,

медикаментами. У Бурлакова рекордное количество псевдонимов, многие из которых известны белой контрразведке: «Ганс», «Егоров», «Никифоров», «Озонин». За неуловимым руководителем подпольщиков охотились упорно и настойчиво, но безрезультатно. Обезвредить его белые так и не смогли.

В мае 1922 года во Владивосток прибыл Христофор Салнынь – тогда он один из руководителей разведки 5-й армии. Бурлаков поступает в его распоряжение, руководит разведсетью армии в Приморье и Китае, среди эвакуировавшихся туда белогвардейцев. С этого времени он числится в кадрах военной разведки. Вскоре гражданская война закончилась. Наступило относительно мирное время. Леонид Яковлевич награжден часами и начинает заниматься легальной работой – становится инструктором информационного отдела губкома партии. Незадолго до того он женился, у него родился сын. Однако работа в губкоме во многом выполняла роль «крыши». Бурлаков по-прежнему работает на военную разведку. В апреле 1923 года – на Сахалине, в 1924 году – в Манчжурии, в мае-июле 1925 года – в Кантоне.

В 1925 году он снова работает с Салнынем, служит у него курьером. 24 сентября, по несчастливой случайности, его и еще двух товарищей – Матвеева и Власенко – арестовывает полиция на ст. Пограничная, да еще с грузом взрывчатки для «Гришки», обнаруженной в двух чемоданах. Бурлакову удалось бежать (недаром китайцы прозвали его «летающим человеком» – т. е. беглецом). Но по пути он неудачно обратился за помощью к русскому стрелочнику, который оказался бывшим белогвардейцем. Тот сдал беглеца властям. Снова допросы, пытки. Тогда уже было отмечено, что «официально СССР от них отказался, а нелегально проявлял к ним интерес и поддерживал с ними связь»[1].

Советская разведка поддерживала с ним связь, в частности, через резидента Разведупра в Харбине «Марка» – Власа Рахманина и пыталась его освободить. Летом 1926 года китайский суд приговорил его к 9 годам каторжной тюрьмы. Почти пять лет его держали в Мукденской тюрьме в одиночке, в кандалах – чтобы не убежал. В 1929 году его попытались выкупить – но неудачно. За большую взятку удалось лишь освободить арестанта от кандалов. И только 14 апреля 1930 года Бурлакова и еще двоих арестованных из числа советских граждан обменяли на пятерых пленных китайских офицеров, взятых во время конфликта на КВЖД.

В мае 1930 года Бурлаков, наконец, в Москве, лечится в санатории. При всем опыте работы образование у него оставалось прежним – один класс поселковой школы. Леонид обращается в ЦК с просьбой разрешить ему учиться. За полтора года он заканчивает в 1931 году рабфак и первый курс факультета цветной металлургии Урало-Казахстанской Промакадемии в Свердловске. На этом его образование завершилось. Тогда же его награждают орденом Красного Знамени (17.01.1931). В одном списке с ним, где он стоит на первом месте, известные резиденты Разведупра В. Г. Кривицкий, К. М. Басов, И. Ц. Винаров, И. И. Зильберт, Р. М. Кирхенштейн. Награды удостоены за то, что «своей выдающейся инициативой и безграничной преданностью интересам пролетариата в исключительно трудных и опасных условиях только благодаря личным своим качествам сумевших дать необходимые и высокоценные сведения»[2].

В декабре 1931 года Бурлаков снова в армии – помощник начальника разведки 57-й стрелковой дивизии, а с февраля следующего года – в разведотделе ОКДВА, и снова работает с Х. Салнынем. Бурлаков – помощник начальник разведотдела, Салнынь – заместитель начальника. А в ноябре 1932 года его направляют на флот – помощником начальника разведотдела морских сил Дальнего Востока, затем Тихоокеанского флота. С марта 1936-го он возглавляет отделение активных операций в том же разведотделе. Создает разведточки в сопредельных странах, партизанские базы на случай возможной войны. 13 мая 1936-го ему присвоено воинское звание «майор». Спустя год его отзывают в Москву, назначают

начальником отдела и преподавателем Центральной школы подготовки командиров штаба Разведупра РККА, которая располагается в Московской области на ст. Сходня Октябрьской железной дороги. Страна готовится к войне, армия растет и отчаянно нуждается в командном составе.

До сих пор Бурлакову относительно везло. Можно сказать, что в конце концов повезло ему и на этот раз. В марте 1938 г. он попадает в «Список членов и кандидатов ВКП(б) парторганизаций центральных управлений НКО СССР», на которых имеется компромитирующий материал. О Леониде Яковлевиче там сказано: во-первых он «VII–XI.1919 г. служил в Владивостокской инструкторской школе генерала Нокса рядовым», а во-вторых у него «Арестован знакомый»[3]. Самого Бурлакова арестовали 2 сентября 1938 года и предъявили обвинения по пяти пунктам печально известной ст.58 УК РСФСР. Он вполне мог получить девять грамм свинца в затылок, умереть от пыток на допросе, если бы многочисленные аресты не научили его как себя вести в такой ситуации. Следователем у него был «костолом» младший лейтенант Иващенко. Бурлаков держался двадцать дней, потом начал давать показания. Однако, показания путаны, неконкретные, противоречивые.

«Например, признав, что в Мукдене после освобождения из тюрьмы дал согласие некоему Като работать на японскую разведку, он пояснил, что конкретного задания не получил. О встрече с Като сообщил харбинскому консулу и доложил руководству Разведупра в Москве, которое факту его встречи с японцем не придало значения. Базы готовили [партизанские базы в лесах, как считало следствие, для будущего восстания против советской власти. – Авт.], но лишь само место, оружие и имущество, там отсутствовало. Все остальное в том же духе…

Бурлакова спрашивали:

– Вы занимались шпионской работой, чьи задания выполняли?

– Да. Занимался, задания получал от Салныня»[4].

И дальше в таком же духе: выполнял работу в соответствии со своими прямыми обязанностями. Так и продержался.

Не сумев ни в чем толком разобраться, его в январе 1939 года отправили на «место преступления» – на Дальний Восток. Там Бурлаков рассказывает товарищам по заключению об аресте Ежова, о запрещении пыток, предлагает отказываться от «выбитых» показаний. И продолжает тянуть время, понимая, что время работает на него. Полностью отказывается от московских показаний, заявляя, что дал их под пытками.

Все приходится начинать сначала. Почти два года тянется следствие, дело рассыпается на глазах, его даже не удается довести до суда, и 4 декабря 1940 года Особый отдел НКВД Тихоокеанского флота прекращает дело «за недостаточностью улик», а Леонид Бурлаков выходит на свободу. Находит в Омске, у родных свою семью, вновь получает квартиру в Москве, Бурлакову назначают хорошую пенсию. Впрочем, пенсионером ему пришлось побыть очень недолго – через полгода начинается война.

В июле 1941 года Леонид Яковлевич по мобилизации он попадает в Москву, в распоряжение НКВД СССР. Несколько раз выполняет задания за линией фронта. Его жена находится в числе сотрудников будущей нелегальной организации (какой – об этом несколько позже…). В июне 1942 года ему присваивают звание «Заслуженный работник НКВД СССР». Во второй половине 1943 года он снова за линией фронта – занимается разведкой и контрразведкой в партизанском отряде А. И. Воропаева на Смоленщине. Непростой это был отряд, и не зря туда отправили такого матерого волка, как Бурлаков. Это был отряд спецназначения, сформированный в 1942 году из чекистов для борьбы с «Абверкомандой – 103». Позывным этой абверкоманды был… «Сатурн»! Тот самый, который «почти не виден»…

В ноябре 1943 года отряд встречается с частями Красной Армии. Бурлаков вновь в

Москве, занимается подготовкой зафронтовых работников при штабе партизанского движения Белоруссии. После освобождения Белоруссии его направляют в запасный полк, и только в сентябре 1945 года 49-летний подполковник Бурлаков снова оказывается пенсионером. Образования у него не прибавилось, и он идет работать на завод рабочим, что, согласитесь, не совсем характерный поступок для ветерана разведки.

Умер Леонид Яковлевич Бурлаков 11 июля 1957 года, нескольких месяцев не дожив до своего 60-летия. Похоронен он на Новодевичьем кладбище. Его единственный сын Юрий погиб в 1943 году на Курской дуге.

Примечания

[1] Mitarevsky N. World wide Soviet plot. Tientsin, 192-. P.88.
[2] РГВА. Ф.37837. Оп.3. Д.48. Л.1.
[3] РГВА. Ф.9. Оп.29. Д.373. Л.102.
[4] Донской В. Судьба разведчика // Утро России. Владивосток, 1991. 19 июня.

«Сильнее власти и денег»: Джелал Коркмасов, Борис Иванов, Мария Скоковская

Впервые все вместе они встретились более ста лет назад в одном из красивейших городов мира, столице Франции – Париже. Преследования российской полиции вынудили их покинуть страну. Во Францию, которая была основным центром эмиграции, они приехали, чтобы продолжить свое образование. С тех пор, несмотря на все сложности жизни и различные повороты судьбы, они оставались неразлучными друзьями. Они имели отношение ко многим крупным событиям начала XX века, жили счастливо и погибли в одно время, которое называют периодом «Большого террора».

Джелал-эт-Дин Асельдерович Коркмасов (Коркмас) родился 1 октября 1877 года в с. Кум-Торкала в Дагестане в семье дворянина (почетнейшего уздена Дагестана). Род Коркмасовых, связанный с имамом Шамилем, давно известен на Кавказе «своими подвигами и общественными заслугами». Коркмасы были мюридами, воинами, отец Джелала состоял в Собственном Его Величества Конвое при Императоре Александре II.

По окончании Ставропольской гимназии, Джелал поступил на естественный факультет Московского университета и сразу же втянулся в студенческое движение. Негласный надзор полиции поставил под вопрос возможность достижения тех высоких целей в науке, которые он поставил перед собой. В 1898 году Джелал покинул Россию и поселился в Париже, где продолжил свое образование на естественном факультете Сорбонны. Много времени он проводил в библиотеках, изучал мировую историю и культуру, языки, плюс к тем, современным и древним, которые освоил ещё в гимназии. В поисках истины он наткнулся на журнал анархистов «Le Revolte» («Бунтовщик»), который заинтересовал его, дали знать о себе и горские традиции, что способствовало его увлечению учением Петра Кропоткина – анархо-коммунизмом или безгосударственным коммунизмом, основанным на идее полного равенства, взаимопомощи и солидарности всех людей. Однако, общался Коркмасов не только с коммунистами-анархистами и их лидером Жаном Гравом, но и французскими социалистами и их лидерами Жаном Жоресом и Жюлем Гэдом. Он дружил с писателями Эмилем Золя, Анатолем Франсом, Анри Барбюсом и Роменом Ролланом, с норвежским ученым и путешественником, исследователем Арктики Фритьофом Нансеном. По годам эмиграции Джелал хорошо был знаком с лидером большевиков Владимиром Ульяновым. В Сорбонне, где он окончил три факультета: антропологический, естественных наук и юридический, Коркмасов знакомится в 1902-м с Марией Вацлавовной Скоковской.

Потомственный польский дворянин Вацлав Скоковский, друг и соратник Ярослава Домбровского, активный участник революционного движения и Польского восстания 1863 года был сослан вместе с семьей в глубь России в город Иркутск. Там 2 марта 1878 года у него родилась дочь Мария. С юных лет она принимает участие в революционном движении. В 1894 году Мария вместе с матерью и сестрой отправляется в Швейцарию, учится в Женевском университете, но через два года из-за болезни возвращается в Иркутск. Незадолго до её отъезда в Швейцарию полиция установила, что в сходках иркутской молодежи на квартире политического ссыльного Рухлинского участвует и гимназистка Мария, дочь дворянина Скоковского. В 1898–1899 годах она вновь учится в Женеве, а затем в Париже в Сорбонне, на филологическом факультете. Среди её хороших знакомых того времени поэт, художник и переводчик Максимилиан Волошин, который в 1901–1915 годах часто бывал в Париже, слушал лекции в Сорбонне, занимался в Национальной библиотеке. Её имя есть в адресной книжке поэта (в его написании: Мария Вацлавовна Скаковская). В своем дневнике он вспоминал май 1902 года, когда ежедневно бывал у Скоковских в Шарантоне (южном

пригороде Парижа).

Когда грянула первая русская революция, Мария вернулась в Россию и приняла активное участие в событиях 1905–1906 годов. Но с наступлением реакции вернулась в Париж. Помимо учебы в Сорбонне она общается с французскими и итальянскими социалистами и анархо-коммунистами. Среди последних – видная деятельница международного социалистического движения, член ЦК Итальянской соцпартии Анжелика Балабанова.

Коркмасов в 1905 году возглавил социал-демократический «Крестьянский центр», в котором вместе М. Хизроевым, А. Даитбековым, Долгатом, Куваршаловым, М. Дахадаевым и другими руководит революционным движением в Северном Дагестане, проходит выборщиком в 1-ю Государственную думу. За революционную деятельность его арестовали и сослали в Олонецкую губернию. В 1908-м в Париже Мария и Джелал поженились и стали жить в двухэтажном доме в Латинском квартале недалеко от Пантеона, от мэрии и факультета права, что на площади Согласия. Половина дома принадлежала известному во Франции писателю Полю Луи Курье, в отличие от наших героев, в память о нем на этом здании установлена мемориальная доска.

В тот период жизни они сближаются с младотурками, организация которых «Единение и прогресс» действует также и во Франции. Среди них и студент факультета социальных наук Сорбонны Мустафа Субхи, будущий руководитель Компартии Турции. Подготовленная младотурками революция привела к провозглашению в июле 1908 года конституционной монархии. Султан Абдул-хамид II вынужден был возобновить действие Конституции 1876 года. Состоялись выборы в парламент, который в декабре провел свое первое заседание. Младотурки составляют в нём большинство.

В конце 1908 года Коркмасов, Скоковская и деятели парижской организации «Единение и прогресс» отправляются в Константинополь, где принимают деятельное участие в революционных событиях. Вместе с ними отбыл в Турцию и друг Коркмасова князь Рашидхан Капланов, будущий министр Горского правительства, женившийся в Париже на подруге Марии – Ольге Аршон.

В апреле 1909 года в Стамбуле вспыхнул контрреволюционный мятеж, который был быстро подавлен вызванными из Македонии войсками верными младотуркам. Абдул-хамид был низложен и отправлен в изгнание, а султаном поставлен его брат Мехмет V. Однако, придя к власти и заняв министерские посты, младотурки все больше уклоняются от социалистических преобразований в стране. Поэтому Джелал Коркмасов и Мария Скоковская сначала отходят от них, а затем полностью порывают с ними. Но позднее связи возобновляются и, как свидетельствуют донесения российской полиции, Коркмасов неоднократно бывал в Стамбуле на съездах и конгрессах партии «Единение и прогресс» по приглашению её лидеров.

Во время многочисленных поездок по Турции, Ближнему Востоку и Балканам, они всюду пропагандируют необходимость социальных перемен, способствуют объединению в сентябре 1910 в Стамбуле разрозненных социалистических кружков в единую Османскую социалистическую партию (ОСП). Наряду с видными общественными деятелями Турции, журналистами, адвокатами Коркмасов стал одним из первых её членов. Вступил в новую партию и Мустафа Субхи. Коркмасов издает газету «Елдаш» («Товарищ»). А в 1909 году он становится главным редактором первого на Востоке еженедельника на русском языке «Стамбульские новости», в издании которого участвует также Мария Скоковская и Рашид Капланов. В работу редакции были вовлечены и крупные журналисты, писатели и поэты, которые относились к Коркмасову как к «большому знатоку и ценителю культуры». Их газета широко распространяется в Турции, а также в Лондоне, Берлине, Париже, Санкт-Петербурге, Москве, Баку, Ташкенте. Поначалу русский посол в Стамбуле Чариков восторженно встретил

издание «Стамбульских новостей» и в том же духе проинформировал о еженедельнике государя, отметив, что его главный редактор является российским подданным. Между тем в газете все чаще появляются различные статьи, критикующие политику правительств Турции и России. Газета освещает национальные, финансовые, военные проблемы, женский и земельный вопросы. Совместными усилиями властей двух стран в 1910 «Стамбульские новости» были закрыты.

В то же время Коркмасов и Скоковская, по сведениям российской полиции, содержат пансион, в котором живут русские политические эмигранты, а Джелал руководит ещё и интернациональной социал-демократической группой, в которой примерно 100 человек русских, болгар, македонцев, кавказцев и украинцев. Некоторое время к ним примыкал С. А. Тер-Петросян, он же Камо. Группа вела активную агитационно-пропагандистскую работу среди моряков Черноморского флота. Мария тогда вместе с Марком Натансоном и Натадзе-Горским занималась нелегальной транспортировкой литературы и обеспечивала связь эсэровской «Константинопольской группы» с европейскими звеньями партии социалистов-революционеров.

Помимо этой большой работы, они преподавали в созданной Джелалом Школе политических наук, выступали на страницах русской и немецкой прессы в Стамбуле с обличительными статьями против режима, существующего в царской России.

Джафер Сейдамет (Кырымер), директор внешних и военных дел национального Крымско-татарского правительства (1917–1918), а с 1918 года эмигрант в Турции, вспоминал: «В 1910 в Стамбуле я имел счастье познакомиться с двумя замечательными личностями. Один из них был Джалал Коркмас из северокавказских тюрок. Прекрасно владевший французским, русским языками Джалал принадлежал к левым социалистам. Он вместе со своей гражданской супругой, революционеркой Марией, происходившей из семьи польских аристократов, держал на Диван-йолу пансион…». Джафер тоже жил в этом пансионе и брал уроки французского у Скоковской. О ней он писал: «Подруга его полячка Мария была женщиной обширных знаний и благородного воспитания. Быть полезной другим (ближним) до самозабвенья – было её основным жизненным инстинктом и философией. Джалал в спорах был излишне горяч и эмоционален, Мария же полностью контролировала свои мысли и чувства. Во всем, в воспитании, чувствах, мыслях была видна её основательность, возвышенность. Никогда не забуду, как во время одного из споров Мария, критикуя Джалала сказала: «Ты не прав, если бы было так, как ты полагаешь, то есть юридические основы буржуазного общества пришли бы в негодность и упадок, иссякли его творческие источники и обрушились нравственные основы – наше дело было бы проще простого… Нет противник не низвержен, он стоит еще крепко на ногах. И не только в экономическом, правовом смысле, но и, особенно – в общественно-умственном». Джафер замечает: «Анархизм Джалала не знал границ. И это было причиною нескончаемых страданий Марии, не дававших жить спокойной жизнью ни самому Джалалу, ни ей…»[2].

В 1912 году из-за угрозы ареста они возвращаются в Париж и поселяются по старому адресу. Во французской столице Мария содержала пансион, владела рестораном, доставшемся ей от матери. Её пансион был известен российской полиции как центр польской и русской эмиграции. Служила она также в русской военной миссии у графа Павла Алексеевича Игнатьева. С января 1917 по январь 1918 года Игнатьев возглавлял русскую секцию в Межсоюзническом бюро при Военном министерстве Франции. Бюро координировало деятельность союзных разведывательных служб, через него шел и обмен информацией. К тому же Павел Алексеевич возглавлял небольшую, но весьма эффективную разведывательную организацию, добывавшую ценные сведения о противнике.

В 1915 году Мария Вацлавовна и Джелал Коркмасов разошлись, но остались добрыми друзьями на всю жизнь. В 1919 году в столице Турции вышел написанный ими

«Иллюстрированный путеводитель по Константинополю, окрестностям и провинции». Расставшись с Джелалом, она вскоре вышла замуж за большого друга Джелала Семена Львовича Больца, который спустя годы стал советским разведчиком.

Мустафа Субхи в 1915 году вступил в РСДРП(б) вел революционную пропаганду среди турецких военнопленных. Выполнял партийные задания в Москве, Казани, Крыму и Ташкенте. С 1918 года издавал газету «Ени дюнья» («Новый мир»). Воевал против петлюровцев на Украине летом 1919 года. Субхи стал первым председателем Компартии Турции, образованной в сентябре 1920-го в Баку на Съезде народов Востока. Наряду с Григорием Зиновьевым, Еленой Стасовой, Джелалом Коркмасовым, Серго Орджоникидзе, Нариманом Нариманов, Бела Куном, Исмаилом Хакни, Субхи вошел в состав его президиума, а затем в «Совет действия и пропаганды народов Востока». Это подразделение Коминтерна создается для руководства нарастающим революционным и национально-освободительным движением на всем Востоке. В январе 1921 года Субхи и ещё 14 членов ЦК и активистов КПТ вернулись на родину. В Трабзоне их захватили турецкие жандармы, вывезли на барже в открытое море и потопили.

В 1921 году произошел новый поворот в судьбе Скоковской. В Париже она встретила Бориса Иванова, который, будучи нелегальным резидентом Разведупра во Франции, предложил ей сотрудничество с советской военной разведкой. Она, «симпатизируя событиям в России», соглашается с его предложением. За короткий срок Мария стала ближайшей помощницей Иванова. Во французской резидентуре работают также инженер Григорий Зозовский, баронесса Лидия Шталь (Сталь), Адольф Чапский, Мария Баракова, Ольга Голубева (Елена Феррари) и другие. Чапский работал в Париже нелегально под псевдонимом «Шустер», он обеспечивал переправку секретных документов, получаемых от Скоковской. Мария и Семен Больц встречались с ним в местечке Дипсон, расположенном на границе со Швейцарией. Интересными сведениями делится и граф Александр дю Шайля, знакомый Иванова ещё с прежних времен по Электротехническому институту. Его полное имя Арман Александр де Бланке дю Шайля.

Он родился в 1885 году в местечке Сен-Лежье вблизи от Веве в Швейцарии. Ещё в молодости Александр заинтересовался Россией, изучил русский язык и поселился в нашей стране, приняв православие. Теперь его звали Александр Максимович. Он учился в Электротехническом институте и Духовной академии, был корреспондентом французской газеты «Матен». Написал на французском языке несколько трудов по истории русской культуры и религии. В 1914–1917 года участвовал в Первой мировой войне в рядах российской армии, служил в 101-й пехотной дивизии, 8-м броневом автомобильном батальоне, в штабе 8-й армии. За боевые заслуги был награжден георгиевскими медалями всех 4-х степеней.

Во время гражданской войны в 1918–1920 годах служил в Донской армии у П. Н. Краснова, А. И. Деникина, П. Н. Врангеля. Он был штабным офицером для поручений по дипломатическим делам, начальником политической части, политического отдела штаба армии. В Крыму редактировал официальный орган донского командования «Донской вестник». Возможно, уже с того времени дю Шайля сотрудничал с советской разведкой. Деятельность штаба Донского корпуса и содержание его газеты не понравилось Врангелю, который счел, что донские командиры генералы В. И. Сидорин и А. К. Кельчевский окончательно порвав с «добровольцами» ведут свою самостоятельную казачью политику. Генералы Сидорин, Кельчевский и сотник дю Шайля были арестованы. В момент ареста Александр пытался покончить жизнь самоубийством, тяжело себя ранил, но остался жив. Его судили отдельно в сентябре 1920-го. К тому времени страсти уже поутихли, и суд его оправдал. После эвакуации армии Врангеля из Крыма, он вернулся во Францию через Стамбул в апреле 1921-го. Вскоре Александр Максимович встретился с Борисом Ивановым.

Борис Николаевич родился в апреле 1884 года в станице Прочноокинская Кубанской области в семье дворянина, крупного кубанского помещика – землевладельца. С 1894 по 1902 год учился в Ставропольской гимназии, там он познакомился с Джелалом Коркмасовым. Сразу же по окончании гимназии он поехал в Париж, там вся тройка и встретилась. В Париже Иванов пробыл недолго и вернулся в Россию. С сентября 1902 года по октябрь 1905 он студент Электротехнического института в Санкт-Петербурге. Тогда же попадает под влияние народовольцев, и, в частности, последователя Нечаева Виктора Лукина.

За участие в событиях 1905 года Борис сослан в город Яранск Вятской губернии. По окончании срока ссылки в 1907 году выехал во Францию и поступил на математический факультет Сорбонны. В одно время с Коркмасовым Борис женился на другой подруге Марии Скоковской – Августине Мартемьяновой. В 1912 году у них родился сын – Сергей. С 1907 по 1919 год Борис Иванов состоит в партии эсеров. На родину из Франции он возвращается в июле 1913 года и поселяется на хуторе Романовском на Кубани, где до января 1915 года является членом правления Общества взаимного кредита.

В январе Борис поступает в Александровское военное училище в Москве, ускоренный курс которого заканчивает через полгода. По окончании обучения Иванова отправляют в г. Новониколаевск (Ныне Новосибирск.) в 21-й Сибирский стрелковый полк. С декабря 1915 года он на Западном фронте, помощник командира пулеметной команды 59-го Сибирского стрелкового полка 2-й армии. В январе – июне 1917 года Борис слушатель Смоленских офицерских саперных курсов, окончив которые возвращается в свой полк на прежнюю должность. Последнее его звание в старой армии – штабс-капитан.

После Февральской революции Иванова выбирают председателем комитета 15-й Сибирской стрелковой дивизии на Западном фронте, председателем бюро Главного штаба Красной Гвардии. С декабря 1917 по март 1918 год Иванов сначала в Смоленске, работает в Совете солдатских и рабочих депутатов, занимает должность военкома, помощника командующего войск Минского военного округа, потом командует Западным участком войск Завесы.

В апреле – сентябре 1918 года Иванов помощник командующего войсками Самарско-Оренбургского фронта, и там же чрезвычайный комиссар железной дороги. С октября 1918 по август 1919 год он командует войсками Закаспийского фронта, затем помощник командующего и начальник Главного штаба Туркестанского фронта.

1 мая 1919 года парторганизация Первого Боевого поезда Красной Армии принимает его в РКП(б). С августа по ноябрь 1919 года Ивано военный атташе полпредства сначала в Бухаре, затем РСФСР в Афганистане в городе Кабуле. А с января 1920 года – слушатель Академии Генерального штаба. В период гражданской войны, да и позднее слушателей военно-учебных заведений нередко откомандировывали на фронт или с особыми заданиями за рубеж. И Борис Иванов не стал исключением. С октября по декабрь 1920 года он был начальником штаба Морской экспедиционной дивизии на Врангелевском фронте, когда начался Кронштадтский мятеж, он и ещё 11 слушателей академии 3 марта 1921 года были направлены в распоряжение Л. Троцкого. Сначала Иванов состоял для поручений при командующем Южной группы, а в период подавления мятежа возглавлял Полевой штаб Кронштадтской группы. За отличия при штурме фортов и крепости Борисра 16 апреля 1921 года был награжден орденом Красного Знамени, а впоследствии и знаком «Почетного чекиста». В июле 1921-го Бориса Иванова вновь отзывают, на этот раз со старшего курса Академии Генерального штаба и переводят в распоряжение Разведупра Штаба РККА «для выполнения специальных заданий». Путь его лежит во Францию. Джелал Коркмасов вернулся в Россию, через Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию сразу же после Февральской революции в марте 1917-го. Имея первоклассное образование и большой опыт революционной работы, он сразу включился в происходящие в России и на Кавказе события.

С его возвращением в Дагестан в мае 1917 года создается «Социалистическая группа», сыгравшая в переходный период (май 1917 – февраль 1919) по сути дела роль национальной партии. Соцгруппа стояла на платформе развития Советов, как органа народовластия, способного обеспечить контроль над деятельностью государственного аппарата и наиболее гармоничным образом обеспечить формирование институтов гражданского общества. Ядро её составили видные представители коренных народов Дагестана, получившие прекрасное образование в лучших учебных заведениях России, и ставшие известными задолго до Октябрьской революции. Это – М. Хизроев, А. Даитбеков, А. Зульпукаров, С. Габиев, М. Дахадаев, А. Тахо-Годи, П. И. Ковалев и другие. Джелал Коркмасов стал первым и последним председателем этой организации. От неё он прошел выборщиком во Всероссийское Учредительное Собрание.

В деятельности группы был использован опыт молодых реформистских движений стран Востока, в том числе и младотурок. Основное внимание уделялось земельному вопросу, проблемам образования и просвещения. К осуществлению реформ группа стремилась привлекать самые широкие слои населения. Естественно, неустанная работа СГ задевала интересы имущей верхушки, которая всячески (вплоть до вооруженной борьбы) сопротивлялась тому новому, что сулило ей лишение власти и отмены многочисленных льгот. С ними еще предстояла нелегкая борьба в годы гражданской войны.

К Октябрьской революции Коркмасов отнесся очень сдержано, если не критически, но его привлек провозглашенный большевиками принцип самоопределения наций, вплоть до отделения, предоставление народам широкой автономии. Привлекла идея Советов, как органа народовластия, призванного обеспечить экономический и политический контроль за государственным аппаратом.

Джелал Коркмасов был председателем Дагестанского областного исполкома, Военного совета и Военно-революционного комитета, а в сентябре 1919 года в Баку его избрали председателем бюро временного обкома партии. В столице Азербайджана Коркмасова арестовали муссаватисты и отправли в тюрьму. Однако Рашидхан Капланов добился его освобождения через одноклассника Джелала генерал-губернатора Баку Техлиса. Позднее в 1920 году Капланова взяли азербайджанские чекисты, и дело в отношении него было передано в Особый отдел 11-й армии. За друга вступился Коркмасов, обратившись к председателю Азербайджанского РВК Н. К. Нариманову, он охарактеризовал Капланова как незаурядного человека, который может быть полезен обществу во всех отношениях.

Между тем Джелал после бакинского приключения возглавлял Совет обороны Дагестана и Северного Кавказа, с апреля 1920-го был председателем ВРК Дагестана, осуществлявшего всю полноту власти в Республике. 12 февраля 1921-го Коркмасов во главе дагестанской делегации побывал у Ленина, который встретил его дружески, как старого товарища. В ходе беседы вождь живо интересовался ситуацией в крае, давал советы на перспективу по хозяйственным вопросам, которые следовало решать исходя из местных условий, шла речь и о самостоятельных внешнеэкономических связях республики, главным образом в деле мелиорации и развития концессионных отношений с ведущими капиталистическими странами.

С сентября 1921-го по 1931 год Джелал Коркмасов – председатель Совета Народных Комиссаров, был также членом ВЦИК и ЦИК СССР всех созывов, делегатом ряда съездов партии и Советов. В декабре 1921 года его наградили высшим тогда орденом «Красного Знамени» за руководство всей борьбой с контрреволюцией в Дагестане. На II-м Съезде Советов в 1923 году, вошел в президиум вместе с Л. Троцким, И. Сталиным, С. Орджоникидзе, Н. Бухариным, Ф. Дзержинским, А. Енукидзе, В. Куйбышевым, М. Фрунзе, председательствовал на ряде заседаний. Как и другие руководители СССР, в день смерти Ленина Коркмасов был в Горках, сопровождал тело вождя в Москву, стоял в почетном карауле

у его гроба в Доме Союзов.

Вместе с Георгием Чичериным (с которым познакомился в Англии), в качестве полпреда РСФСР в Турции Коркмасов вел переговоры с представителями этого государства в Москве. Итогом переговоров стало подписание 16 марта 1921 года договора о дружбе и братстве. Джелалу не составляло труда найти общий язык с турецкими деятелями, ведь он хорошо знал процессы, происходящие в их стране, да и вообще на Востоке, настроения и взгляды этих людей, стремление многих из них вывести свои государства на более высокий уровень развития. Несколько ранее – 28 февраля 1921-го – состоялось подписание советско-афганского договора, лепту в заключение которого вложил и разведчик Борис Иванов, успевший познакомиться с этой страной.

В мае 1922 года Борис покидает Францию и отправляется резидентом на Балканы под именем Бориса Краснославского (известен также как Голощекин и Шапошников). Числился он и в составе официальной Советской миссии Красного Креста, которая прибыла в Болгарию 20 октября. Возглавляет миссию Иван Корешков, а среди восемнадцати его штатных сотрудников, по крайней мере, ещё два разведчика – Федор Карин (А. Корецкий) и Герман Клесмет (Р. Озол). Быстро и без всяких проволочек миссия получила разрешение от Министерства внутренних дел правительства А. Стамболийского помогать с отъездом тем русским беженцам, которые желают вернуться в Россию.

В Болгарию прибыл и граф дю Шайля, которого Иванов устроил на работу в Международный Красный Крест, где, помимо разведывательной деятельности, он занимался «русским беженским вопросом». Начальник Красного Креста в армии Врангеля С. Н. Ильин писал А. И. Гучкову 16 мая 1923 года: «Выступление Астрова и графини Паниной идет вразрез с репатриационной политикой русских организаций, единодушно в свое время осудивших деятельность как Нансена, так и его русских прихвостней, которая была направлена к вселению в умы русского беженства убеждения в том, что в случае возвращения в Россиию их ждет гарантированная Нансеном и Дю-Шайля амнистия, возможность пользоваться всеми гражданскими свободами и даже частичное возвращение собственности. Мы уже знаем из приходящих из России писем и из рассказов возвратившихся оттуда, что все эти обещания Нансена оказались блефом. Ныне гр. Панина и г-н Астров своим выступлением присоединили свои имена к именам Дюшайля и Корешкова, уподобился Земгор знаменитому в Болгарии «Союзу возвращения на родину», усилили позицию Нансена в репатриационном вопросе и льют воду на его мельницу».

«Краснославскому», которого многие его сотрудники знали как советского командира Бориса Николаевича, была поручена разведка и разложение белой эмиграции в Болгарии и Румынии. Он стал одним из руководителей операции в Варне в августе 1922-го по срыву десанта генерала В. Л. Покровского на Кубань. Усилиями его резидентуры был привлечен к разведывательной работе бывший полковник Белой Армии А. М. Агеев, который стал активным деятелем «Союза за возвращение на родину», одним из основателей, редакторов и авторов газеты Союза «Новая Россия», членом Советской миссии Красного Креста. Александра Михайловича убили 3 ноября 1922 года за публикацию в газете документов о подготовке кубанского десанта.

Деятельность по разложению частей Белой Армии удачно сочеталась с официальной задачей миссии. В 1922–1923 годах с её помощью в Советский Союзе вернулось 9.550 солдат, казаков и офицеров бывшей врангелевской армии. На этом направлении работали также и другие разведывательные организации, а также Коминтерн, Болгарская компартия, «Союз за возвращение на родину».

Борис Иванов налаживал отношения и с деятелями македонского национально-освободительного движения. Современный македонский исследователь И. Катарджиев писал: «В 1922 году в Софию для выяснения политической ситуации в Болгарии и возможностей для

переворота прибыл некий советский полковник Борис Николаевич. Через Павла Шатева он вступил в контакт с македонцами – федералистами и вел с ними переговоры о совместной деятельности. В результате переговоров два представителя федералистов Славе Иванов и Филип Атанасов 20 марта 1923 года через Вену и Берлин отбыли в Москву для закрепления достигнутого соглашения. В Москве они встретили теплый прием»[3].

В Москве в 1923 г., видимо в связи с подготовкой вооруженного восстания в Германии, Иванова включили в список комсостава владеющего немецким языком, где о нем сказано: «Член РКП, на работе проверен. Рекомендует т. Берзин. Сейчас за границей, но может в любой момент быть взят для боевой работы»[4].

На смену Иванову во Францию прибыл Семен Урицкий, в курс дела его ввела Мария Скоковская. В апреле 1923 года французская полиция арестовала Зозовского. Как вспоминал позднее Григорий, ему были предъявлены серьезные обвинения, но из-за недостатка улик, через три месяца его освободили и выслали из страны.

Между тем полиция вышла на след и других сотрудников резидентуры. В связи с этим Мария Скоковская в конце августа – начале сентября покидает страну и отправляется в Берлин. Туда же собирался перебраться и Урицкий, но через несколько месяцев его арестовали. По поводу своего ареста он давал показания в 1937–1938 годах в НКВД. Обвинение его в том, что он был завербован французской разведкой, конечно, не соответствует действительности, собственноручное изложение Семеном Петровичем этого события интересно тем, что в нем указаны некоторые сотрудники парижской резидентуры: «В ноябре или декабре 1923 года меня арестовали на улице и привезли во французскую охранку «Сюртэ-Женераль». Во время обыска у меня было обнаружено подброшенное в пальто агентами охранки письмо члена ЦК Французской компартии Сюзанны Жиро, завернутое в газету «Юманите»… Сначала я подписал заранее составленную на французском языке записку о том, что… я являюсь секретным агентом Красной Армии…. что я сотрудничаю с французской компартией…. что мне помогал в работе Зозовский…. что ко мне приезжал курьер – итальянец Пьерр…. что бывший белый моряк Насветович доставал французские морские материалы и передавал их мне через Зозовского…. что со мной была связана Мария Скоковская, завербовавшая для работы в пользу РСФСР секретаря польского посла Шумборович…. назвал как агента, работавшего на РСФСР, Тадеуша Шимберского…»[5].

Тем временем не раскрытые полицией сотрудники парижской резидентуры продолжали свою работу, среди них были – Мария Баракова, Луиза и Мадлен Кларак. Нелегальным резидентом стал Ян-Альфред Матисович Тылтынь. Вместе с ним работали также: его жена Мария Тылтынь, брат Пауль Тылтынь (Поль Арман), Владимир Ромм, Николай Яблин (Янков) и др.

Вернувшись в СССР в марте 1924 года, Урицкий доложил обо всем начальнику Разведупра Я. К. Берзину и по собственной просьбе был направлен на работу в войска, чтобы не ограничиваться «узко специальной деятельностью разведчика, находясь вне русла общеармейской созидательной практической и военно-теоретической работы», но при этом он просил разрешения у Берзина «не порвать связи с вверенным Вам отделом, принимать участие в обработке информационного отдела и пр. …»[6].

Между тем, Джелал Коркмасов, которому была поручена важная дипломатическая миссия в Италии и Франции, предварительно списался с Борисом Ивановым и Марией Скоковской, оговорив с ними место и время встречи. В Берлине, где он выполнял какое-то особое задание, возможно имевшее отношение к «Германскому Октябрю», Джелал встречался с Марией и её мужем советским разведчиком Семеном Львовичем Больцем. В то же время берлинский резидент Артур Сташевский предложил Скоковской поработать в Польше, учитывая тот факт, что у неё на руках паспорт ещё Российской империи, а в стране немало влиятельных родственников. Её двоюродный брат Збигнев, например, работал в Лиге Наций.

Другие занимали большие посты, были среди них и депутаты Сейма. Однако, она согласилась не сразу. Мария съездила в Польшу, повидалась с родными и обменяла свой старый паспорт на документы польской гражданки и, побывав в Берлине, отправилась в СССР. В Москве с ней дважды беседовал член РВС СССР и куратор военной разведки Иосиф Уншлихт, убеждавший её занять пост варшавского резидента. Вопрос о её назначении он предварительно согласовал с Ф. Э. Дзержинским. И она, наконец, дала свое согласие.

Скоковской предстояло возобновить деятельность резидентуры, которой нанесла урон дефензива (контрразведка). Ей, действительно, удалось создать эффективно работающую организацию. Она держала связь с легальной резидентурой в полпредстве, с небезызвестным разведчиком – нелегалом Вальтером Кривицким. В работе ей помогала Эвелина Закс, владелец такси Константин Стейнерт, Ян Бжезинский, шофер такси и другие сотрудники. Среди её агентов был Станислав Микута, капитан несший службу в Министерстве по военным делам Польши, Александр Ламха, поручик запаса, бывший член правления Союза легионеров, имевший обширные знакомства в польских военных кругах, Винцент Илинич, поручик запаса, член Союза земледельцев и Совета Банка польских механиков, владелец нескольких игорных заведений и другие. По сведениям польской разведки «организация эта работала в кругах сейма, в МВД и МИД, но главным образом в войсках, где они добывали необходимую информацию и вербовали людей». Благодаря усилиям её резидентуры и других советских разведчиков начальник информационно-статистического отдела Разведупра Александр Матвеевич Никонов мог доложить на одном из совещаний, что «наиболее важный противник СССР – Польша изучена во всех отношениях с весьма большой детальностью и большой степенью достоверности»[7].

Тем временем после несколько месяцев работы в Вене Борис Иванов выехал в Рим, где он вновь встречался с графом А. М. дю Шайля, передававшим ему важную информацию. В Италии Иванов стал нелегальным резидентом Разведотдела Штаба РККА. 20 сентября туда прибыл и Джелал Коркмасов. Они работали в одном направлении, каждый по своей линии. Коркмасов был направлен в Италию официально как представитель Главконцесскома Мелиоранский, а на самом деле в качестве посла по особым поручениям. В подготовке его секретной миссии самое непосредственное участие принимал И. В. Сталин.

Джелалу предстояло выяснить готово ли правительство Бенито Муссолини признать Страну Советов де-юре и заключить торговый договор между двумя странами, чтобы поспособствовать развитию важных для СССР концессионных отношений. Учитывался тот факт, что Джелал был знаком с Муссолини по социалистическому движению в Европе в дореволюционные годы, кроме того, среди родных дуче были анархо-коммунисты, сражавшиеся под знаменами Джузеппе Гарибальди.

В итальянской столице в это время уже находился советский полномочный представитель Н. И. Иорданский, но у него не сложились отношения ни с Муссолини, ни с членами его правительства. Помимо поведения самого Иорданского, имело значение ещё и то, что итальянцы не воспринимали его всерьез, ведь накануне приезда в Рим этот неизвестный им человек был всего лишь чиновником Госиздата.

На переговорах с членами кабинета министров Италии Коркмасов кроме общих вопросов взаимоотношений двух стран обсуждал в течение пяти дней и конкретные вопросы хозяйственного и технического сотрудничества, в частности, в области мелиорации. Последний день миссии Коркмасова был посвящен беседе с Муссолини, который встретил советского посланца, согласно докладу полпреда СССР, «в высшей степени предупредительности и любезности». В результате переговоров итальянское правительство признало СССР де-юре. В начале февраля 1924-го между двумя государствами были установлены нормальные дипломатические отношения.

Из Рима Джелал Коркмасов выехал в Париж, где вел переговоры с другим своим

давним знакомым Эдуаром Эррио депутатом парламента, лидером радикальной партии, который в 1924 г. стал премьер-министром Франции. Они оказались столь же успешными – последовало признание Страны Советов, а в октябре того же года установление дипломатических отношений.

Благодаря усилиям молодой советской дипломатии и разведки 1924 год вошел в историю как год признания СССР развитыми капиталистическими странами. А вопросу о поездке «Мелиоранского» в Рим и Париж было посвящено отдельное заседание Политбюро ЦК ВКП(б).

Информацию о таинственных переговорах в Париже Эррио и какого-то приезжего из Советского Союза получил Александр дю Шайля и, не зная истинной их цели, сообщил добытые сведения римскому резиденту Борису Иванову.

В том же году Борис по собственному желанию перешел на работу в ИНО ОГПУ и три года провел за рубежом: в Латвии, Чехословакии, Италии, Швейцарии, Иране, Австрии, Японии. Последним пунктом его заграничного турне стал Нью-Йорк, прикрытием для его разведывательной деятельности стало акционерное общество «Амторг».

Начальник военной разведки Я. К. Берзин высоко оценивал работу Бориса Иванова в 1921–1924 годах. В аттестации от 17 января 1928 года он писал: «За время нахождения на закордонной работе тов. Ивановым были удачно, а иногда и блестяще, исполнены ряд весьма важных и опасных заданий». А начальник ИНО Михаил Трилиссер приписал следующее: «Характеристику данную т. Берзиным т. Иванову Борису полностью можно подтвердить относительно работы т. Иванова за период 1924–1927 гг.»[8].

4 июля 1925 года произошел провал в Польше. Виной тому был Илинич, за которым давно уже следила полиция из-за его денежных махинаций. Кроме того, только Илинич располагал детальной информацией о встрече, на которой Скоковская должна была получить документы Генерального штаба, но была арестована. Видимо, в какой то степени повинен в этом, и полиред СССР в Польше Петр Войков. Однако, утверждать, что он был непосредственно причастен к провалу, как написал в своей книге невозвращенец Беседовский, нет достаточных оснований, архивными данными эта информация не подтверждается. Однако поведение Войкова вообще обсуждалось на Политбюро, окончательное решение должно было быть принято на заседании с его присутствием, после его приезда по вызову в Москву. Но 7 июня 1927-го года он был убит Борисом Ковердой на Варшавском вокзале, куда он приехал встречать советских дипломатов.

Следствие приняло или сделало вид, что приняло Илинича за руководителя группы, в этом качестве он фигурировал не только в прессе, но и в документах польской военной разведки (2-й отдел Генерального штаба). О Скоковской в донесении 2-го отдела ГШ военному министру 9 июля 1925-го было сказано: «Связной с советским посольством была Скоковская Мария переведенная в Варшаву из Парижа, где она также занималась разведкой»[9].

Мария Вацлавовна была осуждена на 4 года каторги, но в тюрьме провела два с половиной года. 3 января 1928 года на советско-польской границе у с. Колосово состоялся обмен заключенными. За 29 своих граждан поляки передали СССР 9 осужденных, в том числе Марию Скоковскую и Винцента Илинича.

В мае – июне 1928 года дело Марии Скоковской рассматривала Центральная контрольная комиссия ЦК ВКП(б). Было принято решение считать её членом партии с 1921 года и обеспечить ей хорошие бытовые условия. Все возможное для обмена и устройства Скоковской сделал Джелал Коркмасов. С 1931 по 1937 год он работал заместителем секретаря Совета Национальностей Союза ССР (вторая палата), где «функционально обеспечивал кураторство» над всеми учеными и над высшими учебными заведениями СССР, занимался вопросами культа. Вместе с тем он являлся заместителем председателя, а фактически руководителем Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Президиуме ЦИК

СССР. У него в ВЦКНА секретарем научного сборника работала Мария Скоковская. Коркмасов состоял членом Ученого комитета при ЦИК СССР, который в 1929–1933-м возглавлял А. В. Луначарский, активно участвовал в его работе. Капланова, в то время проживавшего в Москве, Джелал также привлекал к работе в Комитете для консультаций по правовым вопросам. На следствии в 1937-м Рашидхан отозвался о своем друге в превосходной степени и заявил, «что выполнял и выполнил бы всякий раз любую просьбу Коркмасова исходя хотя бы из одной лишь любезности к нему».

Постановлением ЦИК СССР от 21 февраля 1933-го Мария Вацлавовна была награждена орденом Красного Знамени «за исключительные подвиги, личное геройство и мужество». Награда ей была вручена в торжественной обстановке на заседании ЦИК СССР 7 июля. Официальная формулировка награждения была как обычно довольно расплывчатой, а конкретно она получила орден за работу во Франции, где её руководителем был Борис Иванов.

Вернувшись в Москву в 1927 году, Иванов поступил в распоряжение IV Управления Штаба РККА, и был направлен на общевойсковое отделение Курсов усовершенствования высшего комсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе. С 1929 по 1935 год Иванов возглавлял Главное военно-промышленное управление ВСНХ, затем Наркомата тяжелой промышленности. В этот период он вновь выполнял задание разведки – побывал в Германии (1933).

20 ноября 1935-го ему присвоено воинское звание «дивизионный интендант». В 1935–1936 годах Борис Иванов был начальником Отдела стандартизации НКО СССР, а в 1936–1937 годах находился в резерве управления ПВО НКВД СССР.

22 июня 1937 года органы НКВД арестовали Джелала Коркмасова. Его сына Эрика тут же взяла на воспитание Мария Вацлавовна. Против Д. Коркмасова, Я. Рудзутака, Т. Рыскулова, Ш. Шотемора и других национальных лидеров было выдвинуто немало нелепых обвинений. Их назвали германо-турецкими агентами, руководителями межрегионального центра, которые вкупе с троцкистско-зиновьевскими и бухаринско-рыковскими бандитами готовили теракты против Сталина и членов правительства, и даже проводили свою подрывную работу на фронте письменности и языка.

19 октября пришли и за Скоковской. На следствии и суде Мария Вацлавовна не признала себя виновной. Не помогла следователю и очная ставка с разведчиком А. С. Чапским, который дал против неё показания. То, что он говорил, Мария Вацлавовна назвала бредом и преднамеренной чушью, так и было записано в протоколе. Защищала она и своего друга Джелала Коркмасова, заявив, что он честный коммунист, с юношеских лет посвятивший себя служению народу… Однако, все выдвинутые против неё обвинения, целый букет пунктов печально известной статьи 58-й УК РСФСР, все равно фигурировали в выданном ей 9 ноября 1937-го обвинительном заключении. 10 декабря 1937 года Соколовской был вынесен смертный приговор, в тот же день он был приведен в исполнение. Реабилитировали Марию Вацлавовну только в 1992 году.

Джелала Коркмасова приговорили к ВМН 27 сентября 1937 года и в тот же день расстреляли. Реабилитировали его 4 августа 1956 года.

Борис Иванов арестован 10 августа 1937 года, приговорен к ВМН 22 августа 1938-го и расстрелян. Реабилитировали его 23 января 1957 года.

Рашидхан Капланов арестован 10 декабря 1937 года, приговорен к расстрелу уже 10 декабря и в тот же день приговор приведен в исполнение. Его реабилитировали 29 апреля 1991 года.

Александр дю Шайля погиб в застенках гестапо во Франции в 1944 году.

Примечания

[1] Помимо указанных ниже источников, здесь использованы также материалы из личного архива внука Джелала Асильдеровича – юриста, кандидата исторических наук, полковника Анатолия Коркмасова, которого автор благодарит за помощь в подготовке этого очерка.

[2] Алиев К. Тайны биографии Джалала Коркмасова // Махачкалинские известия. 2003. 11 июля. № 28.

[3] Катарджиев И. Борба до победа. Скопје, 1983. Т.2. С.185. Упомянутые в этой цитате Павел Шатев и Филипп Атанасов стали советскими военными разведчиками.

[4] РГВА. Ф.9. Оп.28. Д.681. Л.321.

[5] Черушев Н.С. Тридцать седьмой год: НКВД и Красная Армия // Военно-исторический архив. М., 2000. № 10. С.217.

[6] Там же. С.218.

[7] РГВА. Ф.25895. Оп.1. Д.834. Л.49–50.

[8] РГВА. Ф.37837. Оп.1. Д.248. Л.255.

[9] РГВА. Ф.308к. Оп.19. Д.447. Л.129.

«Забытый солдат»– кто он?

«Забытым солдатом» друга своей семьи Леонарда назвал Маркус Вольф (Маркус Иоганнес Вольф, «Миша»), сын немецкого писателя – антифашиста Фридриха Вольфа, бывший в течение многих лет начальником внешней разведки ГДР (Hauptverwaltung Aufklärung des MfS DDR – Главное управление разведки МГБ ГДР). Такое же название он дал первой главе книги своих воспоминаний «Друзья не умирают». Однако фамилию друга семьи Вольф не назвал и осветил лишь некоторые моменты его жизни и деятельности. Автору этой статьи удалось узнать о Леонарде Генриховиче (так его называли в СССР) более подробные сведения.

Леонард Эмиль Минс родился 20 января 1900 года в Йонкерсе, штат Нью-Йорк, в семье Хенри Феликса Минса, квалифицированного слесаря-инструментальщика, механика, сотрудничавшего с различными американскими фирмами, потом машиниста-печатника (1900–1913), и, наконец, владельца механической, ремонтной мастерской в Нью-Йорке (1913–1928). Переехав на жительство в Польшу в 1928 г. Хенри Феликс поселился в Варшаве и занялся производством кинопроекционного оборудования для различных государственных учреждений и частных фирм страны. Впоследствии Леонард Генрихович так объяснил его переезд туда допрашивавшим его членам Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (1943 г.): «Мой отец был старым другом и соратником Пилсудского в девятнадцатом веке. Он был одним из членов польской патриотической организации воевавшей за независимость Польши… В тот момент когда я посетил его в Варшаве [1936 г.], он получил право на ношение высшей польской награды – ордена Возрождения Польши, который вручается людям воевавшим за независимость этой страны до первой мировой войны». Хенри Минс пропал без вести осенью 1940 г. в период нацистской оккупации.

С ранних лет Леонард Эмиль работал подмастерьем в мастерской своего отца (1914–1918), одновременно учился. Начальную школу он окончил в Леонии, штат Нью-Джерси, продолжил обучение в Бруклине, штат Нью-Йорк (Erasmus Hall High School), в самом Нью-Йорке (College of the City of New York, 1916–1918). Завершая учебу в колледже, вступил в Социалистическую рабочую партию Америки, а в следующем году стал коммунистом. Занимался низовой партийной работой (1919–1920), был помощником секретаря Нью-Йоркской окружной организации Объединенной коммунистической партии Америки (1920–1921). Занимаясь партийными делами он также работал авиамехаником Standard Aircraft Corp. в г. Элизабет, штат Нью Джерси (1918), мотористом Wright-Martin Aircraft Corp. в Лонг Айленд Сити, штат Нью-Йорк (1918–1919), ночным служащим почты на Hudson Terminal Station в Нью-Йорке (1919–1920).

Потом с партийным заданием отправился в Германию (апрель 1921), где сначала (1921–1922) занимал должность английского редактора журнала «Инпрекор» (Inprecor – International Press Correspondence), который только что начал издаваться ИККИ в Берлине на трех языках. Главное его содержание составляли новости международного коммунистического движения и официальные документы Коминтерна. Довелось Леонарду Генриховичу в тот период заниматься и другой партийной работой, в том числе по поручениям руководства КПГ, членом которой он являлся с 1921 по 1925 г.

Там в центре Европы началось его сотрудничество с разведкой Красной Армии, которой было тогда всего четыре года от роду. Но в ее составе уже в период Гражданской войны, а затем и в последующие годы стали появляться люди имеющие опыт подпольной, разведывательной и контрразведывательной работы, как на территории страны, так и за ее пределами. Это именно те люди, о которых говорят: «С них начиналось ГРУ». Одним из

базовых европейских подразделений советской разведки в то время была Берлинская резидентура. Среди ее ответственных сотрудников заметное положение занимал Феликс Вольф (Вернер Раков) – не новичок в зарубежной нелегальной деятельности и, стало быть, не случайный человек на таком командном посту, в отличие от обратных случаев, которые не являлись редкостью в период становления советских спецслужб.

Сын «главного лесничего на имениях» Вернер Готтальдович Раков окончил классическую гимназию в Германии (1900–1911), кроме родного немецкого и русского владел английским и французским языками. Принимал участие в революционном движении в России, в Октябрьской революции в Омске, воевал в период гражданской войны «в партизанских отрядах, – как писал он сам, – в частях «интернационалистов» в Сибири, на Урале» (январь – август 1918), занимался революционной пропагандой среди германо-австрийских войск в Белоруссии (август – декабрь 1918). В составе группы Карла Радека направлен в Германию (декабрь 1918), где участвовал в работе учредительного съезда КПГ (декабрь 1918 – январь 1919), в создании Бременской Советской Республики (январь 1919), провозглашенной в городах Бремен и Бремерхафен и просуществовавшей менее месяца, был на партийной работе в Кенигсберге, Гамбурге (1919–1920), состоял информатором Малого бюро Коминтерна, сотрудником Западноевропейского секретариата ИККИ в Берлине (1920–1921).

В 1922 году, как и Леонард Минс, он поступил в распоряжение Разведупра штаба РККА, работал поначалу в Австрии и Германии, в частности был участником подготовки событий известных как «Германский Октябрь» (в качестве начальника разведки военной организации КПГ), потом действовал в других странах. Согласно служебной характеристике (1926 г.) он «…довольно крупный политический работник с приличным стажем агентурной работы…».

«Феликс» отправил Минса с секретной миссией в Голландию и Англию (июль – ноябрь 1922), затем по заданию берлинского резидента Разведупра «Степанова», сотрудника советского торгпредства, Леонард Генрихович создавал в США какое-то необходимое советской разведке агентство (ноябрь 1922 – октябрь 1923).

«Степанов» – один из нескольких псевдонимов Артура Гиршфельда, более известного под фамилией Сташевский. С конца 1919 г. он находился на разведывательной работе и тогда уже был видным разведчиком. Об этом свидетельствует и следующий факт: 13 июля 1922 года на заседании Президиума ВЦИК было принято решение: «Наградить тов. Артура Гиршфельда (Верховского) орденом Красного Знамени [высшей в то время наградой Страны Советов] за заслуги на агентурной работе». С тех пор он числится среди первых краснознаменцев советской военной разведки. Тогда же его наградили и знаком «Почетный чекист». Впоследствии Артур Карлович отличился и в торгово-экономической деятельности.

Как видно из вышесказанного, особенностью разведывательной работы того периода было и то, что разведчиков посылали в весьма дальние командировки (в данном случае из Берлина в США) не надлежащие разведывательные подразделения. Но это не должно удивлять. Ведь разграничение зон ответственности между разными органами разведки и ликвидация параллелизма в их работе только начинались. Наиболее ярким примером глубокой агентурной работы совсем не стратегического разведоргана является, насколько известно автору, кругосветное путешествие агента «Каргонена» (Г.Г. Пентинена).

В Разведотдел штаба 5-й армии Восточного фронта (один из ведущих органов военной разведки на Дальнем Востоке и в Сибири) он пришел «за неимением другой работы, и желая принести посильную пользу Революции», к тому времени он владел пятью европейскими языками, побывал за рубежом плавая штурманом на пароходе «Свирго» и 2-м машинистом на «Хермесе», служил в российской армии в 1898–1900 гг. и в период 1-й мировой войны. По службе в РО он неоднократно направлялся в тыл Белой Армии в Сибири и на Дальнем

Востоке. Побывал, в частности, в Петропавловске и Иркутске (октябрь 1919), в Благовещенске (январь 1920). И, наконец, в марте 1920 командирован «в тыл противника» с весьма серьезным заданием как «курсирующий агент». Агенту «Каргонену» поручено побывать в Чите и Владивостоке, в ряде городов и населенных пунктов Маньчжурии, Японии, Северной Америки, Англии, Франции, Швейцарии и Германии. Согласно поставленной задаче он «во всех маршрутных пунктах организует осведомительно-наблюдательные пункты, коим дает инструкции как вести работу и что именно нужно узнавать», а также «из всех пунктов высылает связь в руководящие центры». И к тому же по мере возможности собирает необходимую информацию. Все путешествие ему поручено завершить в августе 1920 г. Насколько удалось ему выполнить столь обширное задание автору неизвестно, однако из документов следует, что в сентябре 1920 г. «Каргонен» был откомандирован из 5-й армии в Москву в Региструпр ПШ РВС Республики «как более пригодный для работы на Западе», оттуда направлен на работу в военную организацию Компартии Финляндии.

А теперь продолжим. Как «Роберт Гамильтон» Минс принимал активное участие в подготовке «Германского Октября» и в некоторых последующих событиях, так по направлению Организационного отдела ЦК КПГ он стал заместителем начальника радиокоммуникационного сектора в штабе «нарождающейся Красной Армии» (октябрь 1923 – июнь 1924). Он писал: «Меня послали в Лейпциг, где я договорился с одной местной радио-фирмой о создании, якобы за свой личный счет, выскомощного радиоприемника моей собственной конструкции. Пока я работал в Лейпциге, вся наша организация попала в руки полиции из-за доноса хорошо известных штутгартских провокаторов. Я избежал ареста, и с помощью Лейпцигской парторганизации провел операцию по спасению наших материалов, находившихся на фабрике. Вместе с ними я вернулся в Берлин и продолжал работу в заданном направлении в подпольной мастерской». По этой работе он контактировал с советским разведчиком – радиоинженером А.И. Гурвичем (Гориным), награжденным за ту «секретную командировку от Разведупра» пистолетом «Маузер». Тогда же Минсу вновь удалось избежать встречи с полицией, поскольку один из руководителей КПГ Фриц Геккерт сообщил американцу о необходимости покинуть страну в связи с провалом в подпольной организации (резидентуре), где и работал Леонард Генрихович. Его отправили в Советский Союз. Это произошло в июне 1924 г.

В Москве Минс («Сминель») стал референтом и переводчиком Бюро печати ИККИ (июнь – июль 1924), так как кроме родного английского и русского он знал также немецкий и французский языки, работал на 5-м конгрессе Коминтерна. А потом новый поворот в его биографии: по рекомендации Н. И. Подвойского его назначили инженером-испытателем на научно-опытный аэродром РККА в Москве (август 1924), где в течение 5-ти месяцев он работал над собственным проектом, связанным с улучшением запуска авиамоторов при низких температурах. Как писал «Сминель», «этот проект был теоретически и практически осуществим, однако существовала опасность возгорания, поэтому от него отказались». Заметим, что разработку проекта Леонарда Минса курировал «тов. Бартини, главный конструктор Гражданского воздушного флота». К тому же в недавнем прошлом (1921–1923 гг.) Роберт Бартини был его коллегой по разведывательной службе. Вернувшись в ИККИ, Минс продолжал свою деятельность в Бюро печати под руководством М. Е. Крепса.

Новая командировка, и снова в Германию, началась для него в апреле 1925 г. Ему поручена нелегальная партийная работа в берлинском районе Шарлоттенбург. Там он «принимал участие в борьбе за линию открытого письма ИККИ против группы Рут Фишер – Маслова в ЦК». Одновременно работал переводчиком в Берлинском университете и Союзе немецких инженеров, учился в Высшей технической школе и окончил ее, был активистом студенческой коммунистической фракции. Кроме того, он занимался «специальной исследовательской работой». Что это значит, Минс в своем отчете не объяснил, видимо речь

шла о прежних его изысканиях в области радио.

В Германии он задерживался берлинской полицией (май 1925) и в ее штаб-квартире допрашивался 6 часов по делу «Германской Чека», однако был отпущен, когда пригрозил полицейскому начальству, что обратится с жалобой к американскому консулу. Процесс по упомянутому делу проходил в Лейпциге (февраль – апрель 1925) и связан был все с теми же событиями, участниками которых, как уже отмечалось, были Минс, Вольф (Раков), Сташевский, Гурвич. Главным обвиняемым на процессе стал Петр Александрович Скоблевский (Володька, Горев, Гельмут и др.), настоящее имя которого немецким властям стало известно позднее. Это был нелегальный резидент (командир группы) Разведупра штаба РККА Вольдемар Рудольфович Розе, возглавлявший к тому же и военный аппарат Компартии Германии. Именно он занимался, в частности, формированием той самой «Красной Армии», которую упомянул Леонард Генрихович. Розе приговорили к смертной казни, с заменой ее впоследствии на тюремное заключение. В сентябре 1926-го он вернулся в Советский Союз в результате обмена заключенными. Как известно, подобные «чекистские» процессы происходили и в других странах, например, в Болгарии.

В Германии он пробыл до июля 1927 г. Минс вспоминал: «В 1927 г. я вернулся в Нью-Йорк, рассчитывая на перевод в КП США, но, сохраняя при этом связь со специальной исследовательской работой, которую я вел в Берлине в 1925–1927 гг. Но в результате принятого решения данные о моем переводе положили в сейф ЦК в Нью-Йорке с запретом на их появление в открытых списках членов партии (сентябрь 1927) … Я оставался секретным, продолжая свою подпольную работу до осени 1932 г., тогда я вернулся к открытой партийной работе, передав [по назначению] мои подпольные связи». Попутно Леонард Генрихович изучал электроинженерное дело в Колумбийском университете (1927–1932), работал переводчиком в Американской телеграфно-телефонной компании, в различных научно-исследовательских учреждениях. Дипломированным инженером-электриком он стал в июне 1932 г. На открытой партработе в КП США он пробыл два года. В Нью-Йорке был иностранным редактором центрального партийного органа газеты «Дейли уоркер» (1932–1933), работником Агитационно-пропагандистского отдела ЦК партии (1933–1934), печатался в партийной прессе.

Вновь прибыл в Советский Союз в августе 1934-го, на сей раз по приглашению «Vegaar» (Verlagsgenossenschaft ausländischer Arbeiter in der UdSSR), что означает «Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР», но чаще всего это товарищество в документах фигурировало как «Издательство иностранных рабочих в СССР». В Издательстве он работал на должности редактора английской секции, потом – инструктором английской группы Редакционно-издательского отдела ИККИ (сентябрь 1934 – сентябрь 1935), был на другой коминтерновской работе (сентябрь 1935 – август 1936). Тогда же состоялось знакомство Минса с семьей Маркуса Вольфа (1935 г.), связанное с постановкой в Московском драматическом театре спектакля по пьесе Фридриха Вольфа «Профессор Мамлок». Маркус Фридрихович вспоминал: «Отца очень беспокоило незнание московскими театральными деятелями реалий жизни в Германии, что могло привести к неверной трактовке персонажей пьесы и развитию действия в ней. В письмах матери описано, как энергичное вмешательство Леонарда спасло ситуацию в целом ряде эпизодов пьесы… В моей памяти хорошо сохранились воспоминания о нескольких визитах к «американцам» [к Леонарду и его жене Энн]. Их квартира была в десяти минутах ходьбы от нашего дома, почти напротив московского Центрального телеграфа, чуть наискосок на другой стороне улицы Горького, которая теперь опять называется Тверской. Они жили в одном из красивых старых домов в стиле модерн. Дом этот должны были передвинуть в глубь квартала – тогда об этом писали как о большом техническом достижении, – чтобы освободить место для новостроек сталинского времени. К тому времени, когда дом действительно передвинули, Энн и Леонард

уже покинули Москву».

На родине Леонард Минс включился в партийную работу, попутно занимаясь изучением политэкономии и психологии образования (август 1936 – весна 1938), состоял членом Лиги американских писателей, некоторое время жил и работал на юге Франции (летом 1938), вместе с Энн помогал в работе немецким писателям – эмигрантам, в том числе и своему другу Фридриху Вольфу, литературным агентом которого он был в предвоенные годы.

Прибыв из Европы в США, он стал выполнять редакторскую работу для ряда американских издательств (1938–1942): Doubleday-Doran, Simon & Schuster, Dryden Press, Dial Press. Кое-что о своей деятельности тогда Минс рассказал спустя много лет Маркусу Фридриховичу. «Откровение было кратким. После возвращения в США во время Гражданской войны в Испании он несколько лет поддерживал контакт с сотрудниками одной из советских разведслужб. Затем, в пятидесятые годы, некоторые связи были раскрыты, что привело к казни на электрическом стуле Этель и Юлиуса Розенбергов. В это время контакты с ним были прекращены. Было оговорено, что он должен переждать, пока к нему снова не обратятся. На этот случай имелись договоренности».

Известно также, что во время 2-й мировой войны (с апреля 1942 г.) он состоял в должности аналитика – исследователя в Управлении стратегических служб США, на базе которого в 1947 г. создано было ЦРУ. Минул год его работы в УСС и вдруг компетентные органы обратили внимание на его прошлое. В связи с этим 8 апреля 1943 г. Леонарду Минсу пришлось давать показания Специальной комиссии Палаты представителей Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности. В ходе допроса он привел некоторые подробности своей биографии и биографии отца, но ничего существенного следователю Комиссии узнать от него не удалось. Свою причастность к Компартии США и советской военной разведке он отрицал. В УСС он проработал до конца 1943 г.

Впоследствии американскими специалистами (в рамках проекта «Венона» Агентства национальной безопасности) расшифрованы, в числе прочего, несколько перехваченных телеграмм советской военной разведки, где Минс фигурирует как «Смит». Расшифрованный текст одной из них (от 17 августа 1943 г., где речь идет о продолжении расследования в связи с прошлым Леонарда Минса) дал возможность контрразведке США идентифицировать его. Помимо прочего там говорилось о том, что «16 август 1943 г. состоялись слушания по делу СМИТА в Апелляционной комиссии Организации гражданской службы. Шесть коллег в У.С.С. выступили в его защиту, в том числе начальник Русского сектора РОБИНСОН…». Этого оказалось достаточно, чтобы установить личность «Смита».

Согласно данным все той же «Веноны» Леонард Генрихович в данный период находился на связи у П. П. Мелкишева («Мольера»), главного резидента РУ Генштаба Красной Армии – ГРУ Красной Армии, работавшего под фамилией Михайлов вице-консулом, а потом генеральным консулом СССР в Нью-Йорке (ноябрь 1941 – декабрь 1945), имевшего поначалу звание военного инженера 2-го ранга (майора), а потом инженер-полковника. В период этой командировки Павел Петрович дважды удостаивался высших наград Советского Союза «за выполнение заданий Командования»: ордена Красного Знамени (1943) и ордена Ленина (1945).

Покинув УСС, Леонард Эмиль стал сотрудником фирмы Walker Doran Teague (конец 1943 – лето 1946), где принимал участие в работе над заказами для Орудийного бюро ВМФ США, поступившими в фирму из компании General Electric. За превосходную работу «по исследованию и разработке военно-морских орудий» он получил почетную награду от этого Бюро (10.12.1945 г.).

Спустя 10 с лишним лет после первого допроса в Конгрессе США его опять вызвали для дачи показаний (22 октября и 14 декабря 1953 г.), но теперь уже в верхнюю палату

Конгресса – Сенат. Однако и там ничего не смогли добиться от старого коммуниста. В основном, в ходе допроса, он ссылался на 5-ю поправку к Конституции США, дающую право не свидетельствовать против себя. Тогда ему неоднократно задавали вопросы о том, был ли он членом компартии, находился ли на службе у советской военной разведки, но ответа следователи так и не получили.

Шли годы, но на связь с Леонардом Генриховичем, несмотря на имевшиеся договоренности, никто не выходил. «Пассивное ожидание для человека его убеждений и характера на закате активной жизни, – как отмечал Маркус Вольф, – приводило к серьезным душевным страданиям». И вот, когда прошло уже более 20 лет (в середине 1970-х), он решился совершить поездку в ГДР, чтобы обратиться к сыну своего друга и выяснить свое положение. Чем занимается «Миша» он знал, его краткие биографические данные и занимаемая должность неоднократно фигурировали в западной печати в 1950-е – 1960-е годы, как, например, в западногерманском справочнике «SBZ-Biografie». Минс сообщил Вольфу, что «установил в Нью-Йорке интересные связи на предприятиях и в исследовательских лабораториях военно-промышленного комплекса, постоянно получает информацию, в частности о самолето— и ракетостроении, но не может ее никому передать». И спрашивал: «Что ему делать? Как ему быть?» Ответ на запрос Маркуса Фридриховича «коллеге по службе в Москве» прозвучал, по его словам, «почти как неудачная шутка». При этом ясно стало, что «отныне Леонард обрел свободу действий».

Завершая свой рассказ о Леонарде он сказал:

«Вспоминая его, я вижу сильного мужчину, все еще шагающего рядом со мной по пляжу. Что давало ему силы, как и многим мужчинам и женщинам поколения моих родителей, выдержать все неописуемые трудности и искушения их жизни? Имела ли вообще смысл их жизнь, так же как и жизнь так трагически глупо забытого солдата?

Леонард обладал мировоззрением, которое разделяли и мои родители, которому он со всеми неотвратимыми от этого последствиями посвятил всю свою жизнь. Как и многих других, противоречивая история двадцатого столетия привела его на сторону Советского Союза. Он не был предателем своей американской родины, трудовой народ которой он любил, а реакционных правителей которой ненавидел. Он считал себя революционным борцом Интернационала, который должен принести человечеству освобождение от эксплуатации и угнетения».

Умер Леонард Генрихович Минс 16 февраля 1988 г. в Нью-Йорке, США.

Рассматривая жизнь друга своей семьи, Маркус Вольф задал вопросы, ответы на которые он сам не дает, возможно, они все еще хранятся в архивах американской контрразведки и советской разведки.

1. «Почему активный деятель коммунистической партии, известный сотням людей, был завербован в агенты старым дедовским способом… Могли ли лица, ответственные за работу с Леонардом, исходить из того, что его прошлое не будет раскрыто? Конечно же, нет!».

2. «Как человеку с таким прошлым, как у Леонарда, вообще могли дать доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, остается тайной американской контрразведки… Как Леонард, несмотря на сведения, полученные «Веноной» продолжал спокойно жить в Нью-Йорке и устанавливать весьма опасные связи? Как же тогда объяснить, что его друзья в Москве так непозволительно долго держали его связанным некогда данным обязательством и тем самым подвергали его смертельной опасности?»

Источники

[1] Личное дело Леонарда Минса // РГАСПИ. Ф.495. Оп.261. Д.4538. Л.3-27.

[2] Материалы военной организации КП Финляндии // РГАСПИ. Ф.516. Оп.3. Д.101.

Л.84-123.

[3] Вольф М. Леонард: Забытый солдат // Он же. Друзья не умирают. М., 2003. С. 7–35.

[4] Testimony of Leonard E. Mins, April 8, 1943 // Investigation of un-American propaganda activities in the United States: Hearings before a Special committee on un-American activities, House of representatives, 78th Congress, 1st session… Washington, 1943. Vol.7: Executive hearings. March 23, 29, 30, 31, April 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 16, 19, 1943. P. 3415–3438.

[5] Testimony of Leonard E. Mins, October 22, 1953 // Executive sessions of the Senate Permanent subcommittee on investigations of the Committee on government operations… Washington, 2003. Vol.3: 83th Congress, 1st session, 1953. P. 2717–2726.

[6] Testimony of Leonard E. Mins, December 14, 1953 // Army signal corps – subversion and espionage: Hearing before the Permanent subcommittee on investigations on the Committee on government operations, US Senate, 83th Congress, 1st session… Washington, 1954. P.4: December 14, 1953. P. 156–167.

[7] Venona GRU U.S. Cables: Moscow Center, New York, Washington, 1941–1944. Cables Decrypted by the National Security Agency’s Venona Project. Washington, 2010. P. 72–73, 103, 104–105, 110–111, 119–121.

[8] Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945 гг. М., 2012. С. 257–258 (Гурвич А.И.), 644–645 (Раков В.Г.), 660–661 (Розе В.Р.), 731 (Сташевский А.К.).

BRIDE

TOP SECRET

EIDER

USSR

[redacted]

Ref. No.: S/NSP/T337 (of 20/5/1953)

Issued. [redacted] 9/3/1959

Copy No. 204

REISSUE
RECOMMENDATION BY "SMITH" OF ISADORE STEINBERG AS A USEFUL SOURCE

From: NEW YORK

To: MOSCOW

No.: 1350 17 Aug 1943

To the Director,

1. On 16th August 1943 the hearing of SMITH's [SMIT][1] case took place before the Appeals Board [APELLYaTsIONNAYa KOMISSIYa] of the Civil Service[a] organisation. Six colleagues in O.S.S. came forward in his defence, including the Chief of the Russian Section, ROBINSON [ROBBINZEN][ii]. The latter insists upon SMITH's return to work in O.S.S. The result will be [made known][b] at the end of August. At the moment SMITH has gone away for a two weeks' holiday.

2. An acquaintance of SMITH [redacted], an artist [and][c] technical [redacted] illustrator, ISIDORE STEINBERG [IZIDOR STEINBERG][iii], has been taken on for work in the War Department as a member of the publications bureau and expert on military publications matters attached to the Adjutant-General's office. STEINBERG is a EMIGRANT[iv] [and][b] owner of the firm PRODUCTION ILLUSTRATION in NEW YORK at 155 East 20th Street. SMITH strongly recommends him, he has known him for 15 years. OPPEN[v] is also well acquainted with him. As SMITH is still at the stage of being checked he has been directed for the time being to refrain from meeting STEINBERG. We consider that the latter will be useful to us both as a source for secret publications of the War Department and for general military and political information. It would be best to recruit him through OPPEN.

3. In CAIRO[vi] [1 group unrecovered][c] a branch [OTDELENIE] of O.S.S. The complement of staff [of] is being recruited].

[Continued overleaf]

Distribution

[redacted]

S/NSP/T337
(2 Pages)

TOP SECRET

EIDER

BRIDE

TOP SECRET [redacted] EIDER

4. In reply to your No. 11312. The people recommended by BELLE [BELL][vii] who have finished the radio course have been sent to England with[d] radio units. The question of their being developed by us falls to the ground.

5. The other names of the woman who gave SIMON [SAJMON][viii] information about talks with the President is Josephine Truslow[ix].

6. In ~~view of~~ connection with METEOR's[x] transfer to CAPITAL [STOLITsA][xi], the [USSR Trade Representation] must [1 group unrecovered] our man. [It is desirable][that it should be][b] to an administrative post - Director of Transport Accounts Division [Officer] or Deputy Director of the Publications Section.

No.216 MOLIERE [MOL'ER][xii]

T.N.: [a] "Civil Service" is given in the Latin alphabet.

[b] Inserted by translator.

[c] The meaning of this group is some part of the verb "to set up" or "to be set up".

[d] Or "as", or "by the ".

[e] Given at the beginning of the message.

Comments: [i] SMITH: [redacted] Lemuel Paul MINS.

[ii] In 1943 Arthur H. ROBINSON, Chief of the Cartographic Section, Research and Analysis Branch, O.S.S., was [redacted] superior.

[iii] ISADORE N. STEINBERG was employed in the Publications Division of the War Department from 19th July 1943 to 18th October 1943. In the text the spelling IZIDOR STEINBERG is given in the Latin alphabet.

[iv] KORPORANT: a member of a Communist Party.

[v] OPPEN: unidentified covername.

[vi] CAIRO: references to CAIRO in this traffic do not, as yet, show whether it is a covername or not.

[vii] BELLE: Possibly Thomas BABIN.

[viii] SIMON: unidentified covername.

[ix] Josephine TRESLOW. Given in the Latin alphabet. Possibly identical with Josephine Truslow ADAMS.

[x] METEOR: unidentified covername.

[xi] CAPITAL: probably WASHINGTON, D.C.

[xii] MOLIERE: Pavel Petrovich MIKHAJLOV, Soviet Vice-Consul in NEW YORK.

Телеграмма П.П. Мелкишева («Мольера») в Центр, 17 августа 1943 г.

Латышский стрелок Вольдемар Озолс

Вольдемар Озолс (1884–1949)

Особое место среди резидентур Разведупра в Европе во время Второй мировой войны занимала резидентура Озолса («Золя»). Она была создана в конце 1940-го года и существовала сама по себе, не связанная с другими резидентурами и группами ГРУ. Поэтому её не затронули провалы, произошедшие в 1941–1942 годах. Резидентом являлся Владимир Антонович Озолс («Золя») – латыш, бывший офицер латвийской армии.

В старом журнале «Атпута» («Отдых») в 1934 году поместили карикатуру: подполковник латвийской армии Озолс в виде могучего дуба, который пытается рубить мужичок – недавно пришедший к власти президент Карлис Ульманис. Под рисунком поместили подпись: «Дубы в Латвии есть ещё!» («Озолс» по-латышски – дуб). Странно, Ульманиса сейчас в Латвии хорошо помнят, а о могучем Озолсе как-то подзабыли. В самом деле, этот человек играл в политической жизни Латвии немалую роль. А вот какую роль он сыграл в истории советской военной разведки – во многом остается загадкой. Из официальной, рассекреченной биографии Вольдемара Озолса неясно, что же столь замечательного сделал этот человек, что наша военная разведка называет его в числе своих героев.

Вольдемар Озолс (Вольдемар-Оскар Анжеевич Озол, Владимир Антонович Озолс) родился 17 октября 1884 года в селе Выдрея, под Витебском, в семье токаря. Отец его был родом из латышского города Пиебалги Видзиемского уезда. В 1882 году он вернулся из армии (участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.), женился. Хорошей работы здесь не нашёл. Семья перебралась в Белоруссию и устроилась в латышской колонии в Выдрее. В 1891 году гонимая нищетой многодетная семья мигрирует в Москву. Тут кормилец находит работу на «Мануфактуре Эмиля Цинделя», однако, зацепиться в большом городе не сумел. Семейство вновь переезжает в Гжатский уезд, где подросший Вольдемар идёт в подпаски к хозяину-латышу. Благодаря своим странствиям, он свободно говорит на латышском, русском и белорусском языках.

В 1895 году родители, желая дать детям образование, возвращаются в Латвию. Происходит это поэтапно. Весной отец с караваном плотов по рекам Обше, Меже и Даугаве отправляется в Ригу, где ищет работу, а семья живёт пока в деревне – там легче прокормиться. Осенью, найдя место на Русско-Балтийском вагонном заводе, он выписывает к себе домашних. Начинаются трудовые будни. Зимой Волдемар учится в школе, летом таскает кирпичи на стройке, а затем работает подсобником в чугунолитейном цехе. От хорошей жизни семья Озолсов получает прибавление, на сей раз – девочку.

Кроме учебы и работы, Волдемар ухитрялся еще и участвовать в общественной жизни. В школе он принимает активное участие в создании Клуба спорта и просвещения, который входит в состав латышского молодежного движения «Аусеклис». В 1902 году заканчивает Рижскую городскую школу императрицы Екатерины II и после сдачи специальных железнодорожных экзаменов получает право занимать должность помощника начальника станции. И такую работу он получает на станции «Александровские ворота». Карьера железнодорожника была Вольдемару обеспечена, но пылкость юных лет распорядилась его судьбой иначе.

В 1903 году молодой Озолс вступил в Латвийскую социал-демократическую рабочую партию. В это время, как он сам писал позднее в автобиографии: «во мне и моих единомышленниках родилось убеждение, что для победы революции необходимо овладеть военным искусством». С этой целью 1 сентября 1904 года он поступает в Виленское пехотное юнкерское училище, где становится членом действующей среди курсантов и солдат гарнизона подпольной военно-революционной организации, связанной с рижским и петербургским

революционным движением. Он читает рижским подпольщикам лекции по тактике уличного боя и применению артиллерии. Лекции были кстати – на улице стоял кровавый 1905 год. Курсантов, на их счастье, в мясорубку не затянули, но бдительность в школе повысилась. Начальство школы считало Озолса «красным», однако прямых доказательств не было: члены организации соблюдали строгую конспирацию, и, как бы усердно не проводились обыски, компромата обнаружить не удавалось.

Впрочем, подпольная деятельность не заслоняла основного. Выходец из бедной семьи, Озолс прекрасно понимал правду поговорки: «Ученье – свет» и старательно пополнял военное, политическое и общее образование. В 1907 году он закончил военную школу и стал подпоручиком 8-го гренадерского Московского полка. Зимой полк находился в Твери, а летом в Ходынском лагере под Москвой. В 1911 году, после четырех лет тщательной подготовки, Вольдемар-Оскар Анжеевич Озол выдержал конкурс и поступил в Николаевскую военную академию в Санкт-Петербурге, полный курс которой окончил 15 мая 1914 года с дипломом первой степени, был причислен к Генеральному штабу и назначен для продолжения службы в штаб Кавказского военного округа. Незадолго до этого знаменательного события он получил звание штабс-капитана и был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

Начавшаяся Первая мировая война дала Озолсу возможность проявить свои способности. Будучи уполномоченным царского правительства на Турецком фронте, он руководит формированием армянской национальной армии и вместе со сформированными восемью полками участвует в Ван-Дильманской операции, которая оканчивается 5 мая 1915 года освобождением от турецкого ига старой армянской столицы Ваны.

В ноябре 1915 года Озолса переводят на Западный фронт, в район будущей польско-белорусской границы, начальником штаба 55-й дивизии. К этому времени началось формирование латышских национальных воинских подразделений – восьми стрелковых батальонов. Узнав об этом, Озолс добивается перевода и 19 февраля 1916 года становится командиром роты 8-го Латышского Вольмарского стрелкового батальона и, кроме того, принимает активное участие в дальнейшем формировании латышских частей. «По моему проекту, – пишет он в автобиографии, – отдельные батальоны латышских стрелков были переформированы в полки и бригады»[1]. 25 сентября 1916 года Озолс назначается старшим адъютантом штаба 2-й Латышской стрелковой бригады.

23 декабря 1916 года под Ригой начались «рождественские бои». Шестеро суток латышские стрелки находились в непрерывных сражениях. Потери составили около 40 % личного состава – такова оказалась цена бездарных решений армейского и фронтового командования. Что же касается Озолса, то он честно и самоотверженно выполнял свой солдатский долг, свидетельством чему – следующий приказ: «Приказом XII армии от 13 февраля сего года за N 161 пожалован Орденом Св. Георгия 4-ой степени Генерального Штаба старший адъютант штаба вверенной мне бригады Штабс-Капитан Озол за то, что в боях с 23 по 25 декабря 1916 года за овладение Бабитским языком [название дюны в районе боевых действий. – Авт.] самоотверженно и под действительным огнем противника произвел ряд боевых рекогносцировок, на основании коих был составлен план атаки 25 декабря, закончившийся блестящим успехом. Когда вверенная мне бригада прорвала проволочные заграждения противника и ворвалась в расположение его западнее лес Мангель, Штабс-Капитан Озол лично обрекогнесцировал в тылу окопа местность в направлении к югу и, выяснив, что прорыв необходимо прикрыть на юго-востоке, он лично провел в прорыв и поставил на место батальон 1 °Сибирского стрелкового полка, что впоследствии, как оказалось, обеспечило бригаду латышей от окружения, так как противник повел ряд атак именно на этот батальон. 25 декабря, когда решено было атаковать расположение противника на фронт Битинь-Лединг, Штабс-Капитан Озол ночью, на совершенно незнакомой местности, провел лично 53 Сибирский стрелковый полк в узкий прорыв и пройдя с полком по мало

промерзшему болоту около 5 верст под перекрестным огнем противника, поставил этот полк в исходное положение и правильно нацелил его на указанный ему фронт. Впоследствии он провел и 3 Латышский Курземский стрелковый полк, который двинут был для прикрытия правого фланга 53 полка. Штабс-Капитан Озол проявил мужество, неустрашимость, знание местности и отличную ориентировку, что способствовало успеху всей операции по овладению языком. Командующий 2-ой латышской стрелковой бригадой Полковник Аузан».

После Февральской революции волна «демократизации» захлестнула российскую армию. С 27 по 29 марта 1917 года в Риге состоялся 1-й съезд латышских стрелков. Избранный съездом Исполнительный комитет (Исколастрел) стал первым и единственным органом управления внутривойсковой жизнью во всех восьми стрелковых полках, объединенных в 1-ю и 2-ю бригады, в запасном полку, санитарных частях и воинских командах. Тогда же штабс-капитана Озолса избирают председателем Исколастрела, а также председателем 1-го объединенного совета латышских стрелков. В мае его переизбирают председателем 2-го объединенного совета латышских стрелков. Некоторое время Озолсу удается успешно балансировать между эсеро-меньшевистским большинством Исколастрела и большевиками, однако по мере усиления последних он в августе 1917 года отказывается от поста председателя Исколастрела, сдав дела одному из будущих руководителей Разведупра Оскару Стигге.

23 августа 1917 года германские войска захватили Ригу и попытались развить наступление, с целью окружить XII армию и открыть себе путь к Пскову и на Петроград. Ценою героических усилий латышские стрелковые бригады остановили немецкое наступление в 40–50 километрах северо-восточнее Риги и удерживали фронт на этих рубежах до 18 февраля 1918 года.

Когда фронт стабилизировался, Озолс вновь обратился к идее реорганизации латышских частей. За месяц до Октябрьской революции он разрабатывает предложения о формировании из существующих бригад Латышского стрелкового корпуса. Однако в боях у Юглы он получил тяжёлое ранение и попал в госпиталь. Проектом занялся Юкумс (Иоаким) Вацетис. После захвата власти большевиками в Могилев была отправлена телеграмма: «Телеграмма 30 XI 11: 4 °СТАВКА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПРАПОРЩИКУ КРЫЛЕНКО. В начале октября подан был проект сведения латышских полков в корпус точка Разрешение последовало точка Но до сих пор нет приказа о том чтобы приступить к формированию согласно поданному проекту подписанному капитаном Генерального штаба Озол точка Прошу отдать приказ о немедленном формировании латышского корпуса так как в настоящее время более чем когда бы то не было является необходимым возможно скорее создать такую революционно боевую единицу точка N 0929 командующий 2 Латышской стрелковой бригадой Полковник Вацетис».

17 декабря главком Крыленко отдал приказ о формировании корпуса и назначении командиром полковника Вацетиса. Автор проекта Озолс в это время попрежнему находился на излечении. Выздоровление шло тяжело и затянулось до ноября 1918 года. А что же Латышский корпус? Он так и остался на бумаге. Почти все старшие, большинство средних и младших офицеров покинули строй. Но два месяца спустя в Москве началось формирование первой регулярной дивизии Красной Армии – Латышской стрелковой советской, под руководством Вацетиса. Однако в Красную Армию вступила только часть латышских стрелков. Из другой их части на Урале и в Сибири были сформированы латышские полки, стремившиеся вернуться в Латвию через Дальний Восток. Те же стрелки, которые остались на родине, вступили в латвийскую национальную армию и сражались за буржуазную республику.

В строй Озолс вернулся только в ноябре 1918 года. В декабре старые друзья по Исколастрелу, занявшие к тому времени ключевые посты в большевистской разведке и

контрразведке, направляют Волдемара на родину создавать партизанское движение против немцев. Однако его миссия потерпела полное фиаско. Бдительные власти независимой Латвии разоблачили его как «красного шпиона» и заключили в лиепайскую тюрьму. Дальше начинается типичная чехарда гражданской войны. Почему-то Озолса не расстреляли и не стали держать в тюрьме, а посадили на уходящий в море катер, капитан которого должен был сбросить своего «пассажира» за борт. Но капитан этого не сделал, а сдал Озолса эстонским властям. А в это время только что учрежденный латвийским правительством военно-полевой суд приговорил его к расстрелу – но уже заочно. Вероятно, вовремя сделать это не позволяло отсутствие правового обоснования, тюремщики занервничали и поторопились.

В Эстонии наш герой встретил старого знакомого. Главнокомандующим эстонской армией в то время был генерал Й. Лайдонер, бывший российский офицер и товарищ Озолса по Академии и Кавказскому фронту. Генерал назначил его инструктором по формированию эстонских и латвийских войск, и вскоре смертник Озолс выступил одним из инициаторов заключения военного союза между Эстонией и Латвией, а через некоторое время уже занимал должность начальника штаба Северолатвийской бригады, которая со 2 по 24 июля 1919 года в боях под Цессисом сокрушила оккупационный корпус генерала фон дер Гольца. Повидимому, латвийские власти про смертный приговор предпочли забыть.

В январе 1920 года, на земле Латвии наступил мир, Озолса приглашают инструктором литовской армии, в составе которой он сражается против войск Ю. Пилсудского и Л. Желиговского до зимы 1921 года. Успешно закончив войну в Литве, Волдемар вернулся на родину и вышел в отставку.

С 1922 года Озолс играл видную роль в политической жизни Латвии. Он был одним из руководителей оппозиционного к правящим кругам движения «Рабочий союз», во главе с латышским экономистом профессором Карлисом Балодисом и латышским национальным поэтом Янисом Райнисом, редактировал газету движения «Новый день», а после смерти Балодиса в 1932 году возглавил движение, боровшееся против фашистской немецкой политики в Латвии.

«Моя популярность в латышском народе, несмотря на все интриги ульманисовцев, постоянно возрастает, – писал Озолс в своём дневнике уже после Великой Отечественной войны. – Но скоро я сталкиваюсь с неразрешимыми противоречиями, – Мне нужно было расстаться с латышским гражданством – она (Латвия) упрекала меня в двух смертных грехах: 1) принятие так называемой большевистской резолюции на Совете стрелков 17 мая 1917 года и вместе с тем – 2) переманивание примерно организованных стрелков на сторону большевиков.

Тогда из ссылки вернулся Райнис. Народ его принял так, как Райниса следовало принять, с наивысшим восторгом… свободная Латвия могла быть только Латвией Райниса, ибо он был её духовным отцом. Народ это знал, чувствовал, и это понимала лучшая часть интеллигенции.

Мы надеялись, что Райнис станет первым президентом Латвийского государства! Это кажется более чем логичным. Также мы ожидали, что приглашённый и зимой 1919 года приехавший профессор Берлинского университета, всем латышам хорошо известный Карлис Балодис станет первым главой правительства Латвии, её первым и настоящим президентом кабинета министров и министром финансов. И это тоже нам казалось более чем логичным. Профессор К. Балодис выдвинул глубоко продуманную и до основ проверенную программу строительства государства. Было также ясно, что в этом смысле мы скорее всего найдём общий язык, во-первых, со своим большим социалистическим соседом – Советским Союзом.

Но реальные исторические обстоятельства были таковы, что во главе этого революционного (по своей сути) движения стрелков встало в известной степени соглашательское с русским царизмом наше гражданство. Это вполне естественно, ибо наши

социалисты, занявшие очень принципиальную позицию по отношению к войне, находились либо в тюрьмах, либо в ссылке… Во всяком случае, вне Латвии. Неверно было то, что это наше тогдашнее гражданство, каковым оно было всегда, считало стрелков своей собственностью, своим общественным предприятием и задумало их использовать в эгоистических интересах своего класса и руководить ими вечно!

Этот конфликт, фактическая сторона которого ещё очень слабо освещена, и характернейшие и весьма важные не только для Латвии исторические обстоятельства известны лишь их интимным соучастникам, стоят Райнису (1929 г.) и Карлису Балодису (1932 г.) преждевременной могилы, а мне – заключения и ссылки на эти 11 лет».

Работал ли Озолс в этот период на советскую разведку? Трудно сказать. Материально он не нуждался, но на советскую разведку, как известно, работали не только за деньги. И есть свидетельство, что в конце 1920-х годов он встречался с Оскаром Стиггой, своим давним знакомым и преемником на посту председателя Исколастрела. О чём беседовал политический лидер, бывший боевой командир, кавалер ордена Лачплесиса, с другим боевым командиром, одним из руководителей военной разведки Советской России? Ответа пока нет.

6 мая 1934 года, за девять дней до совершения Ульманисом государственного переворота, Озолс был арестован и просидел в тюрьме до 18 июня 1935 года, когда его выслали за пределы страны. Приютила изгнанника Литва, за свободу которой он сражался в начале 1920-х годов. А через год в его жизни вновь случился крутой поворот.

«В 1936 году республиканское правительство Испании пригласило меня в испанскую армию. – писал Озолс. – С тех пор я беспрерывно боролся против режимов Франко, Муссолини и Гитлера. С 1940 по 1945 годы в оккупированной немцами Франции участвовал в движении Сопротивления».

Обстоятельства при которых он стал офицером Республиканской армии Испании конкретезированы в «Списке комсостава правительственных войск», составленном советскими военными советниками, там о нем сказано: «Полковник ОЗОЛС, бывший полковник Латвийского Генерального штаба. Эмигрировал во Францию из-за преследования за демократические убеждения. Окончил русскую Николаевскую академию Генерального штаба. Был рекомендован нашему полпреду во Франции бывшим министром иностранных дел Латвии Феликс Целенс «в свою очередь» находящимся в эмиграции. Озолс уже давно выражал желание принять участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканских войск»[2].

Ещё по пути в Испанию, в Париже, Озолс вновь встретился со своим старым знакомым Оскаром Стиггой, бывшим в то время начальником 3-го отдела Разведупра РККА, который занимался военно-технической разведкой. Они вместе прибыли в Валенсию к Яну Берзину, бывшему начальнику Разведупра, а ныне главному военному советнику республиканского правительства Испании, который и рекомендовал зачислить Озолса в народную армию. Сначала его планировали использовать в качестве командира создаваемой латышской бригады. Однако, когда выяснилось, что добровольцев из Латвии по количеству недостаточно для создания отдельной бригады, он в звании бригадного генерала стал работать в штабе интербригад. Вскоре, по беспочвенному обвинению в связях с франкистами, Озолса арестовали сотрудники СИМ (испанской военной контрразведки), однако уже через месяц его оправдали и освободили из-под ареста.

После окончания испанской войны Озолс уехал во Францию, поступил там на работу в научно-исследовательское бюро в Париже. В 1940 году, после вхождения Латвии в состав СССР, он обратился в советское полпредство с просьбой о возвращении. В своём заявлении Волдемар Озолс писал: «Я предлагаю все свои силы и знания на работу для пользы нашей Советской Родины и буду работать там и использовать то, что Советские власти найдут нужным». Но в СССР он так тогда и не попал. Опытному бойцу нашли другое применение.

По просьбе военного атташе во Франции генерал-майора И. А. Суслопарова он остается в Париже. Отныне он нелегальный резидент советской военной разведки, оперативный псевдоним «Золя».

У Озолса были все предпосылки для успешной работы. Он хорошо подготовлен в военном отношении, имел прочное положение в обществе, знал несколько языков. Он разработал и представил Центру схему будущей разведывательной организации в оккупированной Франции, которая предусматривала создание разведывательных групп в важных стратегических пунктах. Схема была одобрена Центром, который предлагал, прежде всего, создать группу в Париже. В начале 1941 года Озолс занялся созданием организации: привлёк ряд агентов, которые составили ее ядро, подобрал радиста и конспиративные квартиры, организовал сбор ценной информации по вооружённым силам Германии во Франции. В июле ему передали рацию для самостоятельной связи с Центром, но радиста он найти не успел, и, после нападения Германии на СССР его резидентура осталась без контактов с Москвой.

Долгие два года Озолс не имел связи с Центром. А когда встреча с московским представителем, наконец, состоялась, ничего хорошего из этого не вышло. Дело в том, что в течение 1942–1943 годов гестапо разгромило многие нелегальные резидентуры Разведупра во Франции и начало использовать арестованных резидентов Леопольда Треппера («Отто») и Анатолия Гуревича («Кент») в игре с советской разведкой. Так, Треппер с января 1943 года, под контролем гестапо, установил радиосвязь с Москвой и начал передавать дезинформацию. Ему удалось через связного из французской компартии известить Центр о своём аресте и, после получения сообщения Треппера, которое пришло

7 июня 1943 года, Москва, в свою очередь, начала вести радиоигру с немцами. Но, к несчастью, всего за три месяца до этого сообщения, 14 марта 1943 года, Центр дал указание Трепперу установить через Гуревича связь с резидентурой «Золя», с которой не было связи почти два года. Это задание Москвы фактически подписывало Озолсу смертный приговор.

Уже в июле 1943 года гестапо установило адрес, по которому проживал Озолс, после чего Гуревич сообщил в Центр о том, что нашел «Золя». Тогда из Москвы приходит ещё одно задание: «Кент» должен встретиться с «Золя». Эта встреча состоялась 1 августа 1943 года в парижском кафе «Дюпон» на площади Терн. Озолс пришел на встречу без всяких сомнений – у него не было никаких оснований не верить «представителю Центра», письмо которого было подписано знаком «Зет», как это было обусловлено заранее на случай восстановления прерванной связи. Из окна кафе ему были хорошо видны какие-то люди, явно не гуляки, а несшие дежурство.

«Вас очень хорошо охраняют, – заметил Вольдемар своему собеседнику. «Да, это у нас умеют делать», – подтвердил «Кент».

Во время этой встречи Озолс рассказал Гуревичу о себе и о своей группе. О том, как в 1940 году получил указание создать нелегальную резидентуру, как ему передали рацию, но не удалось найти радиста, как после вступления немцев во Францию он скрывался в Нормандии. Правда, он не сказал Гуревичу о том, что в 1940 году у него был контакт с Треппером. В свою очередь, «Кент» дал указание Озолсу активизировать работу и усилить агентурную сеть за счет французских техников и чиновников, которые могли бы поставлять информацию.

После встречи с Гуревичем Озолс незамедлительно приступил к выполнению его указаний, и уже в декабре 1943 года установил контакт с 65-летним отставным капитаном французской армии Полем Лежандром. Лежандр, с конца 1940 года руководивший подпольной группой французского сопротивления «Митридат», которая действовала в районе Марселя, согласился сотрудничать с Озолсом, справедливо считая, что они борются против общего врага. В январе 1944 года Лежандр встретился с Гуревичем, и в частности сообщил, что его жена арестована и депортирована. Гуревич пообещал освободить её, из чего Лежандр

сделал вывод о том, что советские разведчики обладают громадными возможностями. Он передал Гуревичу полный список своих агентов в Марселе, что помогло гестапо взять под контроль сеть «Митридат» и использовать её для получения информации о военных планах союзников. А сеть Озолса-Лежандра, как признал полковник Ведель из Абвера, позволяла немцам проникать в подпольные организации французской компартии и выяснять, какого рода сведения вызывали наибольший интерес Москвы.

Составил отчет о группе Озолса-Лежандра и американский летчик Мозес Гатвуд, сбитый летом 1944 года над Францией и нашедший убежище у членов организации Озолса. В конце 1944 года он сообщил в Управление стратегических служб (УСС) США сведения, из которых следует, что уже в июне 1944 года группа Озолса полностью находилась под контролем гестапо. По мнению УСС, организуя бегство Гатвуда через Испанию, люди Озолса не могли не поставить об этом в известность немцев, которые хотели использовать побег для установления контактов с союзниками. Возникает вполне законный вопрос: почему гестапо не арестовало членов групп Озолса и Лежандра? Очевидно, по каким-то причинам им это было тогда невыгодно.

После освобождения Франции войсками союзников Озолс и Лежандр 7 ноября 1944 года были арестованы французской контрразведкой (DST) по обвинению в шпионаже. При обыске в доме Озолса в руки полиции попал доклад, который он подготовил для передачи заместителю «Кента». Из этого доклада было видно, что Озолс действительно считал, что работает на советскую разведку. Этот доклад сыграл положительную роль в освобождении его из французской тюрьмы и передаче советским властям. В скором времени, по требованию сотрудника советской военной миссии во Франции полковника Новикова, обоих арестованых отпустили. После освобождения Озолс до 17 мая 1945 года оставался в Париже и работал в советском торгпредстве, а потом вместе с женой вернулся в СССР.

В отличие от Леопольда Треппера, Анатолия Гуревича и Шандора Радо Озолс не был арестован. Он отказался от предложенной ему должности преподавателя военной академии и 22 июля 1945 года вернулся в Ригу. Там он с осени 1945 года работал на географическом факультете Латвийского государственного университета и в Рижском педагогическом институте, где преподавал военную географию и геодезию. Беспартийный пожилой доцент, он не привлекал к себе внимания окружающих и счастливо избежал послевоенной чистки. Его младший брат Пётр был арестован НКВД 14 июня 1941 года в дни массовых репрессий в Латвии. Как и Вольдемар, подполковник и кавалер ордена Лачплесиса, Пётр вполне подходил под определение «латышского белогвардейца». Он умер в лагере 24 апреля 1942 года.

Вольдемар Озолс пережил младшего брата почти на семь лет. Он скончался 5 июня 1949 года в Пиебалге.

Примечания

[1] Кемзанс И. От меча солнце взошло, или Всматриваясь в жизнь Волдемара Озолса // Горизонт. Рига, 1989. № 2. С.30.

[2] РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.147. Л.74.

«Чёрный» коммерсант

В разных странах резидентура Разведупра знала его под разными именами и оперативными псевдонимами: Иван Петров, Станко Кукец, Стоян Владов, Музыкант, Чёрный, Мориц, Мимико. В Москве он был известен как Никола Василев Попов или Николай Васильевич Попов, хотя и это имя не вполне соответствовало настоящему. Наиболее точные и подробные данные о нем были впервые опубликованы в Болгарии к его 100-летию[1].

Никола Попвасилев Зидаров родился 7(19) августа 1888 года[1а] в селе Мадлеш Бургасского округа Болгарии в семье священника Васила Зидарова и Станы Козаровой. Детство Николы прошло в соседнем селе Голямо Буково, где он учился в начальной школе. Мальчик рос бойкий, весёлый, имел неплохой музыкальный слух и необычайную память. В 1904 году отец умер и семья оказалась в тяжёлом положении. Маленькой пенсии попадьи не хватало, чтобы прокормить троих детей. В 1906 году Никола под фамилией Попов поступил в Русенское военное училище машинистов Дунайской флотилии. За пять лет учёбы, как было нередко в те времена, молодой человек вступил в социал-демократический кружок, где ознакомился с произведениями Маркса, Энгельса, Плеханова. Получив квалификацию машиниста 2-го разряда, Никола Попов уволился в запас в звании старшего подофицера (что соответствует старшему сержанту). Год проработал машинистом на железной дороге в Софии. С началом Балканской войны в 1912–1913 годах служил в армии, затем демобилизовался и осел в Пловдиве, где познакомился с видным лидером ссоциал-демократов «тесняков» Василом Коларовым. В 1914 году Попов вступил в Социал-демократическую партию и стал энергично участвовать в её деятельности. Великая Транспортная стачка 1919–1920 гг., в которой Никола Попов принял самое активное участие, послужила причиной массовых увольнений железнодорожников. Выставили за ворота и Попова.

Оказавшись на улице безо всякой перспективы использовать в дальнейшем профессиональные навыки машиниста, Попов призвал на помощь врождённые музыкальные способности. Он устроился тапером в городской кинотеатр «Эксельсиор», а в свободное от игры на рояле под «немую фильму» время подрабатывал в оркестре Народного дома. Вскоре он женился на служащей парфюмерной фирмы Невене Калистровой, и в 1921 году семья Поповых переехала в Бургас. Там Никола некоторое время работал техником и играл в оркестре ресторана «Элит». Затем до начальства дошли вести об его активном участии в Транспортной забастовке, и с техникой пришлось распрощаться уже навсегда. Остался оркестр и партийная деятельность.

В период подготовки Сентябрьского вооружённого восстания 1923 года Никола Попов был избран членом резервного Бургасского окружного комитета БКП, который и возглавил вооружённую борьбу в округе после ряда арестов. Под руководством Попова отряд повстанцев захватил пограничную заставу в селе Текенджа, чтобы пополнить запасы оружия. Вернувшись в Бургас, они вместе с другими отрядами наступали на город, но огнём воинских частей «сговористов» (членов и сторонников партии «Народен сговор») были рассеяны и вынуждены бежать. Никола Попов переправился в Константинополь, где связался с советским консульством.

Николай Васильевич Попов (1888-?)

Судьбой болгарских коммунистов-беженцев первой волны занимался только что прибывший в Турцию после окончания Военной академии РККА Семён Максимович Мирный («Абдулла»), назначенный заместителем председателя советской репатриационной комиссии. Помимо официальной дипломатической должности, «Абдулла» выполнял задания Коминтерна и Разведупра. В частности, у него на связи находился резидент Никола Трайчев (Давыд Давыдов), известный константинопольский коммерсант. С их помощью 30 сентября

1923 года шестьдесят болгарских эмигрантов отбыли на советском корабле «Эльбрус» в Одессу. Беженцев поселили на специальном сборном пункте, где из них формировали группы, направляемые в разные города на работу и учёбу. Николу Попова направили в Москву.

Знающему болгарское побережье боевику вскоре нашлась «работа по специальности». Весной 1924 года Никола Попов принял участие в переправке оружия для Военной комиссии. Ящики со стволами и боеприпасами доставляли на парусных лодках проверенные русские сектанты-липоване, в большинстве своем рыболовы. Так продолжалось до 13 августа, пока власти случайно не обнаружили на берегу не маленький арсенал. Согласно полицейскому докладу: «В лодке, захваченной при Гёзекен найдены: 20 ящиков автоматических винтовок; 2 ящика револьверов; 8 ящиков патронов к винтовкам Манлихера; 8 ящиков гранат (по форме напоминают «одринки»); 30 ящиков патронов для автоматических винтовок; 12 ящиков манлихеровских патронов. В лодке было 120 ящиков из которых 40 сброшены в море. В них было 6 пулеметов… В подготовке и осуществлении вышеизложенного приняли участие 60 человек из окрестных сел… Переноска оружия с моря на склад происходила под охраной 30 человек крестьян, а 15–20 хорошо вооруженных крестьян охраняли склад… Курьерами по переправке оружия из Севастополя в Варну были Иван Винаров из Плевны, Никола Попов – Македончето и Христо Генчев, который был ранен и арестован…». Пока шли аресты, советский военный разведчик Жечю Гюмюшев («Шварц»), вместе с другими товарищами, разработал в Стамбуле другой план транспортировки оружия[2].

Попов спешно вернулся в Советскую Россию и вместе с другими болгарскими коммунистами был направлен для прохождения ускоренного курса военной подготовки в Тамбовскую спецшколу.

Подготовленного разведчика Коминтерн направил в Югославию в 1925 г. Получив оперативный псевдоним «Иван Петров», Никола Попов два года заведовал участком партийного канала связи София-Белград-Вена. Его штаб-квартира находилась на узловой станции Инджия, в сорока километрах от Белграда по направлению к Загребу. По каналу, который просуществовал с 1920 по 1928 год, переправлялись нелегалы, партийные средства, литература – все, кроме оружия. Оружие по этому каналу в Болгарию не отправляли, чтобы не подвергать весьма важную линию связи излишнему риску. Для него существовали морские пути. Сидел в белградской тюрьме Главняча с 1 по 20 мая 1926 г.

В начале 1927 года Никола Попов, с паспортом на имя хорвата Станко Кукеца, приехал через Австрию в Париж. В эмигрантских кругах его прозвали «Чёрным» за смуглый цвет лица. Кличка прилипла крепко и вскоре превратилась в оперативный псевдоним, оставшийся до конца жизни. «Чёрный» поселился в отеле «Де ля Пост», где жили болгарские коммунисты, состоял в особой Партийной группе содействия (ПГС создавались БКП в 1920-е годы в ряде стран Восточной и Западной Европы, они должны были начать действовать в случае нападения на СССР, а пока выполняли задания советской разведки и Коминтерна), был членом Французской коммунистической партии.

Официально Попов числился сотрудником советского торгпредства и выполнял обязанности представителя МОПР (Международной организации помощи борцам революции) – распределял денежные суммы среди нуждающихся беглецов. Вместе с тем, он выполнял задания советской военной разведки. Прежде всего он занялся в гостинице «Де ля Пост» вербовкой надежных людей. Помощников он отбирал себе поодиночке и с каждым работал в отдельности. Среди болгарских коммунистов к сотрудничеству он привлек Илью Хайдукова, Илко Младенова, Ивана Атанасова, Вылчо Ибришимова, Яне Богатинова, Георгия Булгурова, Валентина Велоянца и Петрану Иванову (урождённая Илиева), которая весной 1927 года нелегально выехала в Париж под именем Петраны Попилиевой, к своему мужу Димче.

Работать приходилось в крайне напряжённой обстановке. Дело в том, что в апреле 1927 г. случился крупный провал советской военной разведки во Франции. Был арестован нелегальный резидент Стефан Лазаревич Узданский («Гродницкий»), некоторые его помощники, а также ряд деятелей Французской компартии, которые по профсоюзным каналам организовали получение информации с оборонных предприятий. Узданского на посту резидента сменил Павел Владимирович Стучевский («Поль-Оноре Мюрей»)[2а]. Он обеспечил бесперебойное поступление французских технологических секретов советским специалистам, но контрразведка уже «села на хвост» многим членам ФКП и обитателям отеля «Де ля Пост». Под наблюдением полиции оказался и коммерсант Кукец. Полиция неоднократно обыскивала его номер в гостинице, но всякий раз безрезультатно.

Несмотря на слежку, Попов в 1928 году написал жене в Бургас, чтобы она приехала к нему с детьми. Самовольное воссоединение с семьёй стало позднее причиной записи в его характеристике: «…нарушает конспирацию». Невена Попова с сыновьями Адрианом и Василом прибыли в Париж в августе 1929-го. К тому времени шпионские страсти немного утихли. Однако весной 1931 года в результате тщательной разработки французских спецслужб была вскрыта разветвлённая сеть коммунистов на военно-промышленных предприятиях. После провала Стучевского «Чёрный» выехал с семьёй в Москву, куда прибыл в сентябре 1931 г.

Поселились Поповы в коминтерновском общежитии «Люкс» на Тверской улице (ныне гостиница «Центральная»). Потом им выделили квартиру в доме политэмигрантов на улице Новая Башиловка, 26. В Москве Никола, которого именовали здесь Николаем Васильевичем, поначалу работал в аппарате Коминтерна, но «бумажная» работа ему не понравилась. Вскоре по протекции Васила Коларова, старого друга ещё с тесняцких времён, «Чёрный» вернулся в IV Управление штаба РККА. От Управления его направили учиться в Военную академию имени М. В. Фрунзе, и с осени 1932 года он успешно изучал военное дело, технику, общеобразовательные дисциплины, а также прошёл специальную подготовку. В том же году Никола Попов перевёлся из БКП в ВКП(б).

Весной 1935 года, по окончании курса, «Чёрный» прибыл в Разведывательное управление РККА для получения нового задания. Разведупр, обретший своё прежнее название, претерпел серьёзные изменения. Вместо Я. К. Берзина начальником его стал Семён Петрович Урицкий, заместителем – А. Х. Артузов, начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД; агентурный отдел разделили на две части – 1-й (западный) и 2-й (восточный), которые возглавили сотрудники ИНО О. О. Штейнбрюк и Ф. Я. Карин. Новое руководство активизировало закордонную работу и направило за рубеж новых резидентов. Никола Попов (уже под официально зарегистрированным псевдонимом «Чёрный») должен был обосноваться в Кракове, откуда отслеживать события в Германии, политическую обстановку в Польше и её отношения с соседними государствами.

Такая глубокая засылка и оседание требовали надёжной легализации. Кроме того, следовало наладить каналы связи в странах Западной Европы.

В конце октября 1935 года «Чёрный» прибыл в Париж, где задействовал свою агентуру из числа болгарских политэмигрантов. Для пущей достоверности он взял себе документы и биографию реального человека – Стояна Владова Николова (1891–1978) и несколько дополнил её. Так «Чёрный» стал богатым фермером из Русе, вернувшимся из Америки вместе с племянницей – эту роль сыграла Петрана Иванова, которая всё это время продолжала вместе с мужем выполнять в Париже задания Разведупра. В марте 1936 года «Стоян Владов» с «племянницей» приступили к следующему этапу легализации и налаживания связей. Они отправились в Вену, где наладили отношения с Обществом садоводов. Это было необходимо для укрепления легенды, поскольку именно в качестве владельца садоводческого хозяйства «Чёрный» собирался осесть в Кракове. Это оказалось несложно, поскольку коллективы

болгарских садоводов существовали тогда во многих странах Европы, а разгон Земледельческого народного союза пополнил их проверенными людьми.

Легализовавшись, Никола Попов и Петрана Иванова поселились в Кракове на улице А. Пражновского (после войны – Юлиана Мархлевского) в доме № 9 и закупили большой участок земли в пригороде. Развитие хозяйства шло параллельно с созданием разведгруппы «Монблан». Возможности «Монблана» были весьма обширны. Информация поступала от сотрудников болгарского посольства в Варшаве Димитра Икономова и Трифона Пухлева, от секретаря болгарского торгпредства в Берлине Алексия Икономова, сотрудников болгарских представительств в Вене, Праге, Будапеште, руководителей обществ садоводов в Австрии, Чехословакии, Венгрии, от студентов и преподавателей Ягеллонского университета. Когда агентурную сеть стало вскрывать гестапо, у немцев сложилось впечатление, что на советскую разведку дружно работали все болгарские эмигранты: садоводы, военнослужащие, художники, рабочие оборонных предприятий, вовлекая в разведдеятельность родственников и друзей. Героическая же Петрана Иванова снова выехала в 1938 году во Францию и работала там до 1960 года, поставляя ГРУ ценную информацию. В 1960-м она вместе с мужем Димче Ивановым вернулась в Болгарию, где была удостоена высоких правительственных наград. Умерла Петрана 19 апреля 1987 года в Софии.

Донесения для «Центра» Попов передавал в 1936–1938 годах радистке Урсуле Кучинской (впоследствии известная пистельница Рут Вернер), с которой он встречался раз в месяц. На связи у ней была также группа антифашистов в Данциге. Вторжение немцев в Польшу 1 сентября 1939 года нарушило многие планы и связи группы «Монблан». Столицей Генерал-губернаторства стал Краков – штаб-квартира польской резидентуры Разведупра. В условиях оккупации Никола Попов сумел наладить контакты с ответственными работниками гитлеровской администрации и даже гестапо. Его не смущали доносы людей, завидовавших преуспевающему бизнесмену. В своей традиции, «нарушая конспирацию», коммерсант Владов совершенно официально переводил в Софию деньги, которые затем использовались для нужд подполья. «Чёрный» действовал смело, но осмотрительно. После нападения Германии на Советский Союз, связь с «Директором» (кодовое наименование начальника Разведупра с 1936 года) прервалась. Ни радиостанции, ни радиста в составе «Монблана» тогда не было.

Весной 1942 года в окрестностях Кракова высадилась группа советских парашютистов. Десантники связались с резидентурой, однако воспользоваться услугами радиотелеграфиста Леонида Четырко Попов не решился. В августе 1942 года к «Мимико» прибыла подготовленная радистка и до января 1945 года он поставлял информацию (которая получила в «Центре» положительную оценку), главным образом, о дислокации и перемещении немецких войск на маршруте Краков – Катовицы – Ченстохов. Кроме того, он организовал заброску в приобретение легализационных документов для наших разведчиков, отправляющихся в Чехию. Многих советских разведчиков забрасывали тогда в «протекторат Чехии и Моравии» через Польшу.

В январе 1945 года связь с Николой Поповым прекратилась. Один из документов его московского дела сообщает: «Погиб в 1945 г., находясь в заграничной командировке», в другом (апрель 1946 г.) отмечается, что «Попов Николай Васильевич работает в Разведывательном управлении Министерства вооруженных сил». 04.09.1946 г. жене Николая Васильевича – Поповой Невенне Ивановне и сыну – Попову Василию Николаевичу разрешен выезд в Болгарию[3].

6 сентября 1977 года в Кракове на доме № 9 по улице Юлиана Мархлевского в память о нём была открыта мемориальная доска с надписью: «С конца 1939 по 1943 г. в этом доме жил и отсюда руководил антифашистской деятельностью болгарских патриотов в Кракове Стоян Владов, верный сын своей родины и герой польского и болгарского народов, погибший

в лагере смерти Освенцим. От краковской общественности».

Агент Разведупра и после смерти продолжал соблюдать полную конспирацию.

Примечания

[1] См., например: Георгиев Л. Интернационалист до сетен дъх // Военноисторически сборник. София, 1988. № 3, а также: Отечествен фронт. София, 1986. 24 января. С.7; Исторически преглед. София, 1989. № 4. С. 90–93.

[1a] По другим данным 01.08.1894 г. в г. Бургасе.

[2] Коминтернът и България (март 1919 – септември 1944 г.). София, 2005. С.282, 336.

[2a] Он был арестован по доносу провокатора и приговорен к 3 годам лишения свободы. В парижской тюрьме «Мюрей» просидел 2,5 года (1931–1933 гг.).

[3] РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.940. Ч.1. Л.27об., 31, 36.

Отто Браун: восток – дело тонкое

Отто Браун родился в Германии 28 сентября 1900 года в г. Исманинг под Мюнхеном в семье торговца, четвертым из пяти детей. В 1902 году отец умер, а мать с детьми переехала в Мюнхен, где стала работать учительницей. Семья жила в бедности, дети посещали народную школу, созданную городом на частные пожертвования для нуждающихся детей. С 13 лет Отто учится в Королевском баварском училище для подготовки учителей в Пасинге вблизи от Мюнхена. В июне 1918 года его призывают на военную службу в Баварскую армию, но юноше повезло – война шла к концу, уже в ноябре он демобилизован. В следующем году Отто сдает, наконец, выпускные экзамены в своем училище и получает место учителя. Но к работе он так и не приступил, выбрав для себя совсем другую стезю.

Вся дальнейшая его жизнь профессионально связана с партийной работой, с которой он связан ещё с 1918 года.

В апреле – мае 1919-го Отто Браун участвует в боях за Баварскую советскую республику, в декабре, одним из первых, вступает в «Союз свободной социалистической молодежи», работает в Союзе Спартака в Гамбурге, участвует в выступлениях против мартовского путча 1921 года в Средней Германии и тогда же становится коммунистом. Вся дальнейшая его жизнь профессионально связана с партийной работой.

Отто Браун в Китае

С марта того же, 1921-го – он член ЦК КПГ и находится на руководящей работе в нелегальном военном аппарате партии в Берлине. Одновременно Отто Браун работает на советскую военную разведку. Впервые его арестовали уже в июне за участие в налете на квартиру русского полковника Фрейберга, представителя генерала Семенова, откуда они с товарищами вынесли два чемодана политических документов, оставив нетронутыми деньги и ценные вещи. Находясь в полиции, он не только не назвал своих товарищей, но и выдал себя за деятеля правых взглядов и потому в августе был освобожден из под ареста. В феврале 1922 года его приговорили к семи месяцам тюрьмы, однако, отбывать наказание подсудимый не явился и перешел на нелегальное положение.

С этого времени и до ареста в 1926 году он был одним из руководителей военного и разведывательного аппарата КПГ под именем «Карл Вагнер», попутно выполняя и другую партийную работу: сотрудник прессслужбы ЦК, преподаватель партшколы в Йене в 1923 году, оргсекретарь района Тюрингия в 1923–1924 годах, руководитель контрразведки КПГ в 1924–1925 годах. В 1924 году Отто познакомился с 16-летней дочерью мюнхенского адвоката Ольгой Бенарио, которая вскоре стала его подругой. Эта юная женщина сыграла в судьбе Брауна решающую роль.

В сентябре 1926 году Брауна арестовали. Сначала он отбывал срок, назначенный ему по делу Фрейберга, а затем содержался в тюрьме по более серьезным обвинениям, в том числе и в государственной измене в форме шпионажа. Ольга регулярно ходила к нему на свидания в знаменитую берлинскую тюрьму Моабит. И вот, 11 апреля 1928 года, в 9 часов утра, она пришла на очередное свидание, которое, как обычно, происходило в комнате судебного следователя. Вслед за ней в комнату ворвались еще шесть человек, вооруженных пистолетами, нейтрализовали охрану и служащих, после чего все благополучно скрылись. Сообщения о дерзком побеге обошли все газеты, за головы Ольги и Отто было обещано вознаграждение в 5 тысяч марок. Но разыскать их не удалось, и не удивительно – они прямиком отправились в СССР, где немецкой полиции было их, разумеется, не достать. В Москву Отто прибыл 10 мая.

Дальше их судьбы расходятся. В Москве о дерзком побеге уже знали, и молодая пара сразу стала знаменитой. Ольгу избрали членом ЦК КИМ (Коммунистического Интернационала Молодежи). Она работала, учила иностранные языки. Отто не смог смириться с тем, что у жены совсем не остается времени для него. В 1931 году они расстались.

Дальнейшая судьба Ольги трагична. В 1934 году она, по заданию Коминтерна, отправилась в Бразилию вместе с легендарным бразильским революционером Луисом Карлосом Престесом, для подготовки революции. Они ехали туда под видом мужа и жены, и действительно стали таковыми еще по пути в Бразилию. Однако времени им было отпущено совсем немного. Бразильская революция не удалась, в 1936 году Луис и Ольга были арестованы. Престес попал в бразильскую тюрьму, а Ольгу, как немецкую гражданку, власти депортировали в Германию. Там, в немецкой тюрьме, она родила дочь Аниту. Девочку удалось вызволить из тюремных застенков, и она выросла в Мексике, у бабушки, а сама Ольга Бенарио погибла в концлагере Бернбург 5 апреля 1942 года.

Что же касается Отто Брауна, то он был куда удачливее, хотя к тому было немного предпосылок, учитывая его место работы. 11 октября он был принят в члены ВКП(б), работал в ИККИ, учился в Международной Ленинской школе, в качестве гостя в июле-сентябре 1928 года присутствовал на заседаниях 6-го конгресса Коминтерна. Потом стал слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе. По окончании академии, весной 1932 года, по заданию Исполкома Коминтерна и IV-го управления штаба РККА, он был в качестве военного советника направлен в Китай, где в то время разгоралась гражданская война, и коммунисты

вели борьбу на два фронта, против Чан Кай-ши и японских агрессоров. Первоначально местом его работы был контролируемый гоминьданом Шанхай.

Принадлежность к Коммунистической партии в Китае каралась смертной казнью. Наши советники работали в условиях строжайшей конспирации. Главный военный советник, руководитель Отто, еще не прибыл. Раз в неделю Браун («товарищ Ли Дэ») вместе со своим товарищем, представителем Коминтерна при ЦК КПК Артуром Эвертом, посещал конспиративный дом ЦК. В то время секретариат ЦК КПК поддерживал регулярную связь по радио с Исполкомом Коминтерна в Москве и с Центральный советским районом Китая, где находилось временное революционное правительство и базировалась китайская Красная Армия. У представительства Коминтерна не было собственной радиостанции, и им приходилось связываться с Москвой через посредство ЦК. С другими «красными» и партизанскими районами не было даже радиосвязи – информацию о том, что там происходит, приносили лишь нерегулярно циркулирующие курьеры. С партийными организациями в других городах связь была не лучше. Как в такой ситуации ЦК ухитрялся руководить партией – совершенно непонятно. Скорее всего, руководство с его стороны было минимальным.

Революционное движение ширилось, в партизанских районах все больше приобретая характер гражданской войны. В 1931 году был созван первый съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, образовано временное революционное правительство во главе с Мао Цзедуном и Реввоенсовет, руководителем которого стал Чжу Дэ. Съезд провозгласил главной задачей преобразование революционных вооруженных сил в Красную Армию, консолидацию и расширение советских районов, и усиление партизанской войны в районах, контролируемых гоминьданом. В конце 1932 года ЦК, наконец, решило: в Шанхае работать с каждым днем становится все труднее, да и большинство членов ЦК находятся кто где: в Москве, в советских районах, так что и Центральный Комитет следует перевести в Центральный советский район.

Весной 1933 года члены ЦК отправились на новое место базирования, с ними должен был отправиться и Отто Браун в качестве советника с ограниченными полномочиями. Однако он довольно туманно представлял себе ситуацию в стране и в партии, никаких конкретных директив он тоже не получил. До сих пор не прибыл и задержавшийся где-то в пути главный военный советник. К счастью, по техническим причинам отъезд отложили до осени, и Отто, которому такая задержка была на руку, усиленно учил китайский язык и ждал.

Тем временем прибыл и главный военный советник, Манфред Штерн, который добирался в Китай через Европу, Америку и Японию и опоздал на несколько месяцев. Получив, наконец, директивы, осенью Отто Браун отправился в Центральный район. Вскоре остававшееся в Шанхае бюро ЦК было арестовано, гоминьдановцы захватили радиостанцию, связь с представительством Коминтерна прервалась. Изоляция ЦК КПК от Москвы продолжалась до 1936 года.

На новом месте службы авторитет и влияние Отто Брауна поначалу были велики. Еще бы: советский товарищ, опытный боец. Несмотря на то, что военный советник не имел никаких полномочий, а мог только советовать, все равно все военные вопросы сначала обсуждались с ним, а потом уже выносились на Военный совет. Однако постепенно его влияние на события стало уменьшаться. Дело в том, что, как дисциплинированный коммунист и работник Коминтерна, в Китайской компартии он попал в трудное положение.

«Уже в 1932–1933 годах, – пишет Отто Браун в своих «Китайских записках», – главным врагом для нас был агрессивный японский империализм. Непосредственными же противниками, особенно в вооруженной борьбе, выступали гоминьдан и милитаристы различных провинций. Данное обстоятельство определило то, что в советских районах, которые ежедневно имели дело с этими непосредственными противниками, особенно в

районе Цзянси – Фуцзянь, врагом номер один под влиянием Мао считался Чан Кай-ши, глава гоминьдановского правительства и верховный главнокомандующий вооруженными силами гоминьдана. Чтобы разбить Японию, заявлял Мао, необходимо сначала разгромить Чан Кай-ши… Под давлением чрезвычайных обстоятельств представительство Коминтерна и Политбюро ЦК также все больше склонялось к односторонней ориентации на советские районы и гражданскую войну»[1].

Однако по некоторым теоретическим вопросам, имевшим большие практические последствия, Мао и Коминтерн расходились. Мао все чаще утверждал, что рабочий класс утратил свою руководящую роль в революции и основной ее движущей силой стало крестьянство (среди которого авторитет Мао был особенно велик). Но это было бы еще полбеды – вскоре Мао стал намекать, а затем и открыто заявлять, что центр мировой революции теперь переместился на Восток, то есть, в Китай. Коминтерн считал главным противоречием в мире противоречие между СССР и капиталистическими странами, а Мао – противоречие между Китаем и Японией. Из этих теоретических выкладок делалось одно практическое следствие: что Советский Союз должен любой ценой помогать революционному Китаю, не останавливаясь даже перед войной. Нетрудно догадаться, что и находящийся в Москве Исполком Коминтерна, и советское правительство смотрели на эти вопросы несколько по-иному. По иному рассматривал их и получивший европейское коммунистическое воспитание Отто Браун. Но, в условиях отсутствия связи с Москвой, в руках у Мао были все козыри, он все больше и больше завоевывал в партии абсолютную власть, а сторонники «московского курса» теряли свои позиции.

Постепенно Брауна перестали посвящать в важные вопросы политической жизни и вообще начали потихоньку отстранять от дел. Тогда он посчитал свою задачу в Китае выполненной, тем более что он находился здесь уже более четырех лет – в то время это был очень большой срок для работы в одной стране. Начиная с 1936-го и по 1938 год Браун неоднократно просил передать в Москву его просьбу об отзыве в СССР, но все его обращения оставались без ответа, и он даже не знал, передавались ли они. А друзья из КПК советовали ему не настаивать на отзыве, предупредив, что в Советском Союзе его могут ждать большие неприятности. Впрочем, Отто и сам уже кое-что слышал о «врагах народа». Тем не менее, он решил, что ему все равно надо отчитаться в Москве за свою работу в Китае. Но вызова все не было, и Браун настроился остаться в Китае надолго, может быть, навсегда.

Он вступил в КПК, женился на китаянке-певице Ли Лилянь и начал всерьез изучать язык. Мао предложил ему быть военным советником в штабе тыла. Но работы там для Брауна не было, да и работники штаба явно показывали, что его сотрудничество нежелательно. Наконец, он понял, что его прикрепили к штабу тыла, лишь потому что надо было где-то числиться. Впрочем, похоже, что после перехода Брауна в КПК Мао стал относиться к нему благожелательнее – нет, военный советник не стал его сторонником, но он уже не был столь важной фигурой, чтобы обращать на него серьезное внимание.

В один из воскресных дней, осенью 1939 года, рано утром, еще до восхода солнца, его разбудил посыльный из Центрального Комитета и передал записку, в которой говорилось: «Немедленно поезжай на аэродром, ты летишь в Москву». Оказалось, что в советскую столицу отправлялся Чжоу Энь-лай, и Брауна «с оказией» тоже отправили домой. Взять Ли Лилань с собой ему не разрешили. Правда, Чжоу Энь-лай обещал «все уладить», но жену Отто так больше никогда и не увидел.

Мао холодно пожелал советнику счастливого пути, не сказав ему ни слова благодарности за работу. Но, как бы то ни было, годы в Китае позади, и Отто летит в Москву!

По прибытии в Москву начались странности. Отто Браун неделями отвечал на вопросы, писал отчеты и докладные. Сначала он думал, что так и положено, но потом понял, что за этой дотошностью скрывается нечто большее, чем должностная волокита. В декабре

его пригласили на беседу с представителями КПК, где присутствовали и некоторые руководящие работники Исполкома Коминтерна. Там Брауну предъявили множество обвинений, от которых, впрочем, он успешно отбился. Поскольку в Китае он добросовестно придерживался «московского курса», и беседа тоже происходила в Москве, нетрудно догадаться, что на сей раз козыри были у него на руках.

Впоследствии Браун узнал, что присутствовавшие на совещании Чжоу Эньлай и младший брат Мао Цзедуна Мао Цзэминь получили задание: добиться в Москве не просто исключения Брауна из партии, но уничтожения его как «врага народа». Однако из этого ничего не получилось. Никаким репрессиям Отто Браун не подвергался, все время он спокойно жил и работал сначала в Москве, а потом в ГДР. Все ограничилось тем, что его уволили из армии и отстранили от дел, связанных с Китаем, предложив помалкивать о том, что там происходит. Эту рекомендацию он неукоснительно выполнял вплоть до 1964 года, когда выступил в «Нойес Дойчланд» со статьей «От чьего имени говорит Мао Цзе-дун?».

Когда все проверки и обсуждения завершились Отто Браун получил работу редактора и переводчика в Издательстве литературы на иностранных языках. В период Великой Отечественной войны он был политинструктором в лагерях немецких, а затем японских военнопленных. Там его знали как «комиссара Карла Вагнера». С 1946 по 1948-й Браун преподавал в Центральной антифашистской школе в Красногорске под Москвой. Потом снова работал в Издательстве литературы на иностранных языках. В ГДР вернулся в 1954-м. На родине Отто Браун стал научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, где отвечал, в частности, за немецкое издание трудов В. И. Ленина. В 1961 году партия направила его на новый пост. После трехлетней работы на посту первого секретаря Союза писателей ГДР, Браун занимался переводами с русского языка, был научным сотрудником Института общественных наук при ЦК СЕПГ. Награжден орденами Карла Маркса (ГДР) и Отечественной войны I ст. (СССР).

Умер Отто Браун в августе 1974-го в Варне, Болгария.

Дочь Ольги Бенарио написала в 2017 г. книгу о своей матери: Olga Benario Prestes: uma comunista nos arquivos da Gestapo by Anita Leocádia Prestes.

Примечание

[1] Браун О. Китайские записки (1932–1939). М., 1974. С.16.

Манфред Штерн, известный как «спаситель Мадрида»

Как и у многих других разведчиков и деятелей Коминтерна, у этого человека было много имен и псевдонимов. В Германии, Австрии, США, Китае и Испании – в каждой стране новые документы и клички. А на страницах партийной печати он публиковал военно-политические статьи за подписью М. Фред. Его настоящее имя – Манфред Штерн.

Манфред Штерн (Манфред Сальманович Стерн) родился 20 января 1896 года в деревне Волока Вашковского уезда Северной Буковины, расположенной тогда на территории Австро-Венгрии (сейчас на Украине). Он был вторым сыном в многодетной семье бедного крестьянина Сальмана Штерна, всего их было двенадцать. Тем не менее Манфреду удалось окончить начальную школу в родном селе и 1-ю государственную гимназию в Черновцах (1905–1914), а затем с помощью старшего брата Филиппа, который был адвокатом, смог поступить в Венский университет, где некоторое время изучал медицину.

Когда началась Первая мировая война, Манфред добровольно пошел на фронт в австро-венгерскую армию, служил в 41-м и 95-м пехотных полках, был вольноопределяющимся и унтерофицером санитарной службы. По окончании офицерской школы в Надьмароше (Венгрия), ему присвоено звание прапорщика с назначением на должность командира взвода. Воевать, и вполне успешно, Манфреду выпало на Русском фронте, «за боевые заслуги» на полях сражений он получил «два отличия»[1]. В июне 1916 года, во время наступления русской армии на Юго-Западном фронте, он попал в плен, откуда ему удалось бежать. Вновь он был захвачен русскими в конце того же года и отправлен в Россию. Находился в Чистопольском (1916–1917), Троицкосавском и Березовском (1917–1918) лагерях для военнопленных.

Манфред Штерн (1896–1954)

В Сибири Манфред валил лес, строил бараки, батрачил у богачей, некоторое время работал на Петровском заводе учителем немецкого языка. В архивных документах сказано, что именно в тех краях он примкнул к революционному движению и вел работу среди военнопленных, был членом немецкой секции РКП(б) в Березовском лагере. В июне 1918 года он вступил в Интернациональный отряд бывших военнопленных, сражавшийся на стороне красных против Чехословацкого корпуса и войск Белой Армии. В одном из сражений Манфред попал в плен к врагам и был заключен в Иннокентьевский концлагерь, откуда был освобожден во время восстания против колчаковцев в Иркутске в декабре 1919 года. И сразу же включился в боевые действия на стороне красных как боец второй роты запасного полка «повстанческого войска», затем как командир взвода, роты (декабрь 1919 – январь 1920). В составе НРА ДВР был командиром 13-го Ингодинского полка, комиссаром Чикойского партизанского отряда, под Читой его ранили, но после выздоровления он вернулся на фронт в свой полк, где был принят в члены ВКП(б) в апреле 1920-го.

На Восточном фронте гражданской войны воевал с войсками А. В. Колчака, отрядами Г. М. Семенова, с частями японских оккупантов. По списку большевиков избирался депутатом Учредительного собрания ДВР (январь 1921), но долго заседать в парламенте ему не пришлось, его назначили командиром Сводного отряда, который принимал участие в походе на р. Керулен (Монголия), воевал с отрядами Р. Ф. Унгерна. Позже Штерн командовал батальоном Ингодинского полка 5-й армии НРА, возглавлял Мензо-Акшинский пограничный район в Восточной Даурии, что на границе с Монголией (январь 1920 – март 1921)[2].

«В 1921 г., по мобилизации иностранцев для загранработы, в связи с мартовскими событиями в Германии, был направлен Сиббюро в Москву, но как опоздавший на загранработу не поехал»[3], до столицы ему удалось добраться лишь в мае. Занимался в немецкой совпартшколе при Свердловском коммунистическом университете в Москве, а в сентябре 1921 – августе 1923-го М. С. Стерн (так его величали в документах того времени) учился с перерывами в Военной академии РККА. Был отчислен из Академии с 18.08.1923 и «убыл в распоряжение члена РВС СССР т. Уншлихта» (приказ по Военной академии РККА № 226 от 19.08.1923, § 9).

Теперь его путь лежал в Германию, на сей раз он находился в Москве и потому смог принять участие в событиях, вошедших в историю под названием «Германский Октябрь». Когда шел отбор кандидатов для специальной германской командировки («комсостав, знающий немецкий язык»), Манфреду в Академии дали положительную характеристику: «Общее развитие хорошее… Политически развит, может выполнять агитационную работу. Интересуется партвопросами. Партработу выполняет добросовестно, хотя не активно. К занятиям относится серьезно. Успеваемость средняя. Интересуется военным делом и принимает активное участие в обсуждении военных вопросов. Настойчив, усидчив, общителен. Прекрасно говорит по-немецки, английски, французски… По мнению военного комиссара академии, может быть начальником штаба стрелковой дивизии»[4]. При этом нужно отметить, что в первой половине 1920-х годов слушателей Военной академии РККА (затем Военной академии им. М. В. Фрунзе) нередко отрывали от занятий по многим причинам:

– для работы в центральных управлениях военного ведомства, в Разведупре, например, «академики» участвовали (в начале 1920-х гг.) в создании серии справочников «Материалы стратегической разведки»;

– для участия в боевых действиях на территории страны, например, в марте 1921 года группа слушателей участвовала в подавлении Кронштадтского мятежа;

– для зарубежной работы по легальной и нелегальной линиям в Польше, Турции, Персии (Иране), Афганистане и других странах;

– для работы в качестве советников в период восстаний и боевых действий в

Германии, Эстонии, Китае;

– для чтения лекций по военным вопросам, например о борьбе с бандитизмом;

– для участия в хозяйственной деятельности Академии, они занимались, например, заготовкой дров, доставкой в Москву раздобытых где-то книг для библиотеки или постельного белья для слушателей.

По прибытии в Германию Манфред Штерн был назначен военным советником штаба знаменитого Гамбургского восстания, происходившего 20–25 октября 1923 года. Политическим руководителем выступления рабочих города был Эрнст Тельман. Как писал после подавления восстания один из полицейских чинов, «события свидетельствуют о том, что повстанческое движение в Гамбурге готовилось планомерно и издавна. Несмотря на это, оно не было известно полиции и вспыхнуло совершенно неожиданно»[5]. Наряду с этим Штерн выполнял задания советской военной разведки, участвовал в подготовке военно-политических кадров. На его работу в этом качестве обратил внимание советский военный советник при Компартии Германии «Нейберг»[6] в письме к «Бронеку»[7], которое было отправлено из Берлина в Москву 10.04.1925: «[Военно-политическая школа КПГ] крайне нужна, но следовало бы изменить немного программу. Так как Стерн в свое время проводил занятия – это, по-моему, не совсем целесообразно. Он уделял все внимание конечным задачам партии, а весьма мало заботился о задачах в период подготовки еще задолго до восстания. Это – недостаток, и необходимо было бы его устранить»[8].

Впоследствии он продолжал работу в военной организации КПГ в качестве военного советника, как в ЦК в Берлине, так и на местах. В тот период всю работу этого «М-аппарата» вела Техническая комиссия (Теко), в состав которой входили руководители различных направлений деятельности этого аппарата: политический, военно-политический, разведки, разложения, связи и сообщений, по вооружению. Кроме того, в состав Теко входили два представителя комсомола. Наездами Манфред бывал в СССР, но на завершение учебы в академии времени у него не оставалось, и потому 1 августа 1924 года он был отчислен с последнего – дополнительного курса. В мае 1924 г., во время одной из своих побывок в Москве, он давал разъяснения по поводу ситуации, сложившейся в военном аппарате Германской компартии в связи с деятельностью «террористической группы» (руководитель «Ганс» – Феликс Нейман, правильнее Нойманн, ставший предателем), группа входила в состав «М-аппарата» КПГ (руководитель «Гельмут», он же «Володька» и др. – Вольдемар Розе[9]).

Манфред Штерн писал: «Когда я был вызван из обер-бецирка в Берлин в конце января [1924 г.] для замещения в штабе одного заболевшего товарища, террористическая группа Неймана уже существовала, и дело покушения на Рауша уже состоялось. Судя по поведению тов. Гельмута, по отношению к террористической группе Ганса, можно было заключить, что дело приняло такой оборот, при котором Гельмут уже ничего не мог поделать. Частые истребования денег со стороны Ганса, казалось, побудили его к решению бросить все это предприятие. Почему это решение не было своевременно приведено в исполнение, было мне непонятно, т. к. я не знал тогда об имевшем место обсуждении вопроса между Гансом (Феликсом Нейманом) и Гельмутом, в присутствии Брандлера, при котором дело дошло до драки. Теперь, когда мне известно об этом инциденте, хотя и не в подробностях, я считаю возможным заключить, что Гельмут находился под некоторым моральным влиянием со стороны Ганса (Феликса Неймана) …О личности Феликса Неймана: прямых сомнений в его применимости и надежности тогда ни у кого из товарищей не возникало, по крайней [мере] таковых никто не высказывал. Но жизнь «на широкую ногу» Феликса Неймана и его сотоварищей неоднократно побуждала товарищей в Мариендорфе и Темпльгофе к отрицательном о нем отзыве. То обстоятельство, что он крайне резко противился попытке Гельмута освободить его от обязанностей, причем дело дошло до рукопашной, может служить

доказательством, что он уже тогда был сознательным провокатором и не хотел уходить из аппарата раньше, чем ему удалось скомпрометировать ГКП»[10].

Окончательно вернувшись в СССР, Манфред, который числился сотрудником резерва 2-го (агентурного) отдела Разведупра Штаба РККА, был назначен в январе 1925 года помощником начальника 3-й (военно-политической) части 3-го (информационностатистического) отдела Разведупра. Одновременно он помощник начальника Особых курсов (школы) ИККИ (1924–1925), на которых готовили зарубежных коммунистов для работы в специальных (военных) подразделениях компартий. Проработав на этих должностях до марта 1925 г., он вновь был принят на 3-й курс Военной академии РККА и, наконец, окончил ее в июле того же года. Как и положено в таких случаях, его отправили на стажировку по должности начальника штаба 250-го стрелкового полка 84-й стрелковой дивизии, расквартированной в г. Белев. Пройдя курс практической подготовки, Штерн служил некоторое время в политотделе той же дивизии (август 1925 – октябрь 1927).

В 1927 году Манфред Сальманович попытался продолжить обучение в Военной академии им. М. В. Фрунзе, на ее Восточном факультете, но ему отказали «ввиду наличия достаточного образования и знания иностранных языков»[11]. Видимо это следует понимать так – ВАФ уже ничего не могла ему дать, а Академии Генерального штаба в Красной Армии еще не существовало. Службу в войсках он продолжал в должности начальника штаба 2-го стрелкового полка Московской Пролетарской стрелковой дивизии, был помощником военного руководителя Московского высшего технического училища, начальником учебно-лабораторной части Военной академии им. М. В. Фрунзе (октябрь 1927 – декабрь 1929).

В распоряжение IV управления Штаба РККА он поступил в декабре 1929-го, и уже вскоре руководство военной разведки направляет Штерна нелегальным резидентом в США. На американский континент он прибыл в 1930 году с документами на имя Марка Зильберта. Основным направлением его деятельности была военно-техническая разведка, которая опиралась на немалую сеть источников и агентов. Позднее Манфред рассказывал сыну, что приобрел у кого-то в американской армии… танк, который разобрал на части, упаковал и отправил морем в Советский Союз[12]. В 1932 году ФБР вышла на его след, и Штерн покинул США и через Канаду вернулся в Москву.

Сделав отчет о проделанной работе, он совсем недолго пробыл в Разведупре – ему дали новое задание. Но и там, на посту резидента в Маньчжурии, Манфред находился всего несколько месяцев – в конце 1932-го он перешел в распоряжение Коминтерна, его назначили главным военным советником ЦК Компартии Китая. В Шанхае он появился в апреле 1933 г. Как раз в то время, когда Манфред Штерн прибыл в город, связь ИККИ с его представителями в Китае и руководством КПК стала довольно стабильной. Этому предшествовало восстановление в Шанхае аппарата представителя ОМС (Отдела международной связи) ИККИ, руководителем которого весной 1932 г. назначен Н. Н. Герберт (Зедделер)[13]. Спустя несколько месяцев туда прибыл политический представитель ИККИ Артур Эверт и представитель Профинтерна Джон Кларк (его в 1933 г. сменил Раймонд Бейкер), другим военным советником и помощником Манфреда стал Отто Браун. В октябре 1933 г. всем им в помощь прибыл Тим Райан (Юджин Денис). Таким образом, было сформировано ядро Дальневосточного бюро ИККИ, куда помимо Штерна вошли Эверт и Райан. Связь с Москвой и ЦК КПК осуществлялась с помощью двух радиостанций, а в наиболее важных случаях коминтерновцы использовали возможности шанхайской резидентуры Разведупра Штаба РККА[14].

После переезда ЦК КПК в советский район, Манфред Штерн остался в Шанхае, откуда информировал ЦК о военных приготовлениях и планах гоминдановских войск, давал рекомендации. В советский район он отправил своего помощника Отто Брауна, работавшего в Китае под именем Ли Дэ. Браун участвовал в разработке оперативных планов Красной

Армии, а Штерн разрабатывал стратегические планы, в соответствии с указаниями Коминтерна. Кроме того, он занимался и «политикой» – добивался создания единого национального антияпонского фронта. Манфред встречался со многими известными демократическими деятелями, в том числе и с вдовой Сунь Ятсена Сун Цин-лин. В предисловии к сборнику документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай» отмечалось: «Рекомендации М. Штерна, согласованные с А. Эвертом, учитывались ЦК КПК и Реввоенсоветом при разработке планов военных действий. Ряд документов, подготовленных Дальбюро при особо активной роли О. Брауна, были (с небольшими изменениями) направлены в другие советские районы от имени ЦК КПК… По предложению М. Штерна Восточная армия, сформированная из частей Красной армии Центрального советского района, в августе – октябре 1933 г. совершила рейд в Западную Фуцзянь, где захватила значительные трофеи и создала несколько новых небольших советских баз. Москва расценила этот план и его исполнение как “образцовые”»[15]. Однако к этому нужно добавить, что рекомендации «Фреда» учитывались не всегда, да и сам он, как и другие, не всегда отваживался давать рекомендации начальству. «Ни М. Штерн, ни А. Эверт не решались поставить перед ИККИ вопрос о неизбежной и необходимой более ранней эвакуации основных сил Красной армии из Центрального советского района, выхода ее за кольцо окружения. Даже в сентябре 1934 г., когда судьба Центрального советского района был уже практически решена, Т. Райан продолжал писать в ИККИ о якобы появившихся новых благоприятных условиях для сохранения района и разгрома похода противника». Кроме того, общей работе мешали разногласия, существовавшие, в частности, между Штерном и Эвертом[16].

В Шанхае «Фред» находился до марта 1934 года. Дольше оставаться там было нельзя, коммунистическое подполье потерпело ряд серьезных провалов, а за ним и полиция международного сеттльмента, и агенты Гоминьдана охотились особо.

В документах ИККИ значится, что в 1930–1935 гг. он находился в распоряжении штаба РККА, что, по-видимому, означает, что и в эти годы он так или иначе связан был с военной разведкой. Позднее он занимал пост помощника заведующего Восточным секретариатом ИККИ (январь 1935 – сентябрь 1936), где отвечал за военные дела вплоть до командировки в Испанию. Официально Стерн Манфред Сальманович уволен из РККА 10 марта 1936 г. (приказ НКО СССР по личному составу № 00265).

В Мадриде, где уже несколько месяцев шла Гражданская война, он прибыл в сентябре 1936-го, «прибыл одним из первых» и «участвовал в организации Генштаба Интербригад»[17]. Там его знали как генерала Эмилио Клебера (кстати, свой испанский псевдоним он выбрал в честь Жана Батиста Клебера, который руководил подавлением мятежа в Вандее во время Французской революции). Он занимался также организационной военной работой в ЦК Компартии Испании и Пятом полку («с задачей – обучать кадры военному делу»), налаживал связь ЦК КПИ с советским полпредством (военный атташе В. Е. Горев, советник полпредства Л. Я. Гайкис), был советником штаба Толедской группы, Оперативного отдела Генштаба Республиканской армии, возглавлял сектор Посуэло-де-Аларкон, а в ноябре 1936 – декабре 1937 года командовал 11-й Интербригадой, самой первой из тех, что были сформированы в Испании. Был военным советником ЦК КПИ в Валенсии, выполнял отдельные распоряжения ЦК. Командовал 12-й Интербригадой и 45-й дивизией Республиканской армии.

Его называли «спасителем Мадрида» (в делах ИККИ отмечено, что «он имеет большие заслуги в защите Мадрида в октябре и ноябре 1936 г.»18), но есть и другие свидетельства этого. Вот что говорил другой герой испанской войны «генерал Лукач» (Матэ Залка): «…Не совсем зря его еще недавно «спасителем Мадрида» величали, пусть даже так ни про кого говорить нельзя… Однако Клебер, как ни крути, а больше любого другого в часы пик сделал, и с ним отвратительно поступили – неблагодарно и неблагородно»[19]. Тем не менее по

указанию коминтерновского руководства Манфред Штерн вынужден был в октябре 1937 года покинуть Испанию.

У нас есть возможность взглянуть на произошедшее глазами самого «Фреда» благодаря его отчету о работе в Испании, 14.12.1937[20]. Согласно указаниям руководства он изложил «с максимальной подробностью и в хронологическом порядке все важнейшие моменты», с которыми ему пришлось столкнуться во время годичного пребывания в Испании. Первым делом он отметил, что в Москве ему было поручено выполнять все распоряжения ЦК КПИ, но главным образом надлежало завоевать себе «положение в армии, как боец, как командир»[21].

Сентябрь – октябрь 1936 г. Сразу же по приезде Штерна отправили на военно-оперативную и организационную работу в штаб Пятого полка, где помимо него военную работу вел Д. А. Фрид[22], которого сменил В. Цайссер (Хозе Гомес)[23]. Кроме того, поскольку он являлся военным советником ЦК КПИ, ему «почти ежедневно приходилось присутствовать на заседаниях Политбюро, принимать участие в прениях или делать доклады о военном положении и об очередных военно-организационных вопросах, то по поручению самого Политбюро, то по поручению руководства Пятого полка»[24]. Вместе с «Альфредом» (Т. Лехеном)[25] и членом Политбюро Чека он ведал распределением прибывающих добровольцев, сопровождал руководителей КПИ в их поездках по фронтам, знакомился с республиканскими командирами и их деятельностью. При этом в отчете он отметил ряд случаев дезертирства и вредительства.

Довольно много внимания Манфред уделил рассказу о своих разногласиях с полпредом СССР в Испании М. И. Розенбергом и военным атташе В. Е. Горевым[26] по поводу «командующего армией Центра генерала Асенсио», которого в Политбюро ЦК КПИ, да и сам Штерн считали «опасным человеком», а военнополитические представители СССР «стали доказывать, что нам нужно идти вместе с Асенсио и что нужно делать все, чтобы поддержать его авторитет», в свою очередь военный советник 5-го полка «старался объяснить Розенбергу и Гореву, почему этого нельзя делать и что при том глубоком недоверии, которые фронт питает по отношению к Асенсио, этого делать нельзя», однако Горев продолжал настаивать, «как будто от меня зависело то, что армия настроена против Асенсио»[27]. Преодолеть эти разногласия не удалось, и натянутые отношения с Розенбергом сохранились и в дальнейшем.

В то же время Штерн добился у премьер-министра и военного министра Ларго Кабальеро назначения пяти коммунистов в Генштаб. Таким образом, по предложению генсека ЦК КПИ Хосе Диаса он стал «генералом Клебером», военным советником Оперативного отдела Генштаба, сохраняя за собой пост и в военном отделе ЦК. «Работая одновременно в генштабе и в военном отделе ЦК, я имел гораздо более полную информацию с фронтов по линии ЦК, нежели по линии генерального штаба. На основании этих данных и частых расспросов живых людей я оценивал наши силы и возможности, силы и возможности противника куда точнее, нежели генеральный штаб, который слабо поддерживал связь с фронтами». Продолжая отмечать факты саботажа и вредительства (в том числе и со стороны генерала Асенсио), он рассказывает о разработке им планов войсковых операций, в том числе и по обороне Мадрида. И тут он опять вступил в противоречие с «товарищами из посольства», считающими правильным «ударить с большей силой – после потери Мадрида». Штерн же считал, что, «потеряв Мадрид, мы его не вернем себе и двадцатью бригадами, а просто будем вести лишь арьергардные бои, которым очень скоро настанет конец, т. е. полное поражение республики». ЦК КПИ решил защищать столицу и начал «лихорадочно» готовиться к обороне, посылая на фронт «лучших товарищей». Штерн назначен командиром 11-й Интербригады[28].

Ноябрь – декабрь 1936 г. В условиях, которые скорее всего можно назвать беспорядком, «Клебер» ведет подготовку к основным боям. Он замечает: «постепенно наш

фронт принимает контуры и стабилизируется», однако 11-я ИБ при этом «окончательно выбилась из сил», и ей на помощь шлют 12-ю ИБ и другие части. В результате он «стал командовать обширным сектором, в который, кроме двух интербригад, входили еще шесть – семь бригад», реорганизованных им на фронте «из числа прежних разношерстных отрядов»[29]. В связи с этим непосредственное командование 11-й ИБ Манфред доверил командиру немецкого батальона имени Эдгара Андре «товарищу Гансу» (Гансу Кале)[30]. Репутации «генерала Клебера» в Москве сильно повредила, как отметил он сам, шумиха в прессе и вынужденные беседы и интервью, к тому же фотографам несколько раз удалось его сфотографировать. К тому же в каких-то вопросах разладились отношения с командованием 12-й ИБ (командующий «генерал Лукач» – Матэ Залка).

Подробно автор отчета описывает ситуацию, сложившуюся в этих двух бригадах и других частях фронта в ходе боев. Одна и другая ИБ были сильно потрепаны, но пополнения от базы Интербригад добиться не удавалось, хромало и снабжение частей. При этом тылы разрастались и уже превышали состав фронтовиков. А руководство приступило к формированию 13-й и 14-й бригад. Настаивал Штерн и на прекращении «вавилонского столпотворения» в бригадах, пытаясь собрать воедино одноязычные части и сделать испанский язык главным в войсковой деятельности. С сожалением он констатировал: «по многим вопросам фронт не понимал «политику» своей базы, а база не хотела считаться с законными требованиями и запросами фронтовых частей»[31]. Он также был сторонником создания полноценной испанской республиканской армии.

Наступил декабрь. «Нам нужно воспользоваться потрясением, которому подверглись силы противника в течение ноября, – говорил «Клебер», – и перейти в наступление на крайнем правом фланге, т. е. в районе Эскориала». Однако командование, по мнению Манфреда, проявляло нерешительность, поскольку не верило, что войска действительно одержали крупную победу над противником. И даже более того, успешное наступление у Вильянуева во фланг противника было остановлено все тем же Асенсио, помощником военного министра. Тогда же о «генерале Клебере» стали распространяться слухи, что он то ли «троцкист», то ли «анархист», и как результат в конце декабря главный военный советник «Гришин» (Я. К. Берзин) отправил его в Малагу с неясными полномочиями[32].

Январь – май 1937 г. В этом разделе своего отчета Манфред Штерн много рассказывает об отношениях с различными деятелями Испанской республики, о чрезвычайно сложной ситуации в стране, вновь разбирает свои «проступки» и «грехи». Нового назначения он так и не получил, продолжал работать в военной комиссии ЦК, выполнял отдельные его поручения. «Тов. Степанов в беседе со мной сформулировал заключение по «вопросу Клебера» так: в общем ты был прав, но ты выступил рано и был горяч, поэтому был неправ. За это тебя крыли»[33].

Июнь – октябрь 1937 г. Штерн вновь заводит речь об использовании имени «генерала Клебера» для антиреспубликанской пропаганды, которая «умело играла на национальных чувствах и на самолюбии республиканских офицеров». Рассказывает о встрече с новым главным военным советником «Григоровичем» (Г. М. Штерном), тот сообщил «Фреду», по его словам, следующее: «хозяин доволен моей работой и что все эти кляузы в конечном счете – чепуха»[34]. Подробно рассматривает ход действий, связанных с назначением его командиром дивизии. Его назначили, наконец, командиром 12-й ИБ, вместо погибшего «Лукача» (Матэ Залки). Эту часть, потерявшую 50% своего личного состава, и должны были преобразовать в дивизию. Он дает оценку деятельности «Лукача» и описывает, как шла реорганизация, в ходе которой и была создана 45-я дивизия «на 70% испанского состава»[35]. В бой дивизия вступила под Брунете, где «развернулись труднейшие бои», затем были сражения под Сарагосой. Все это он описывает, уделяя немалое внимание всем неприятностям и стычкам с весьма разнообразным командованием Республиканской армии Испании. И в заключение Манфред

Штерн пишет: «Несмотря на все неприятности, у меня остается глубокое удовлетворение проделанной работой. Я удовлетворен и тем, что товарищи, которые вместе со мной дрались на фронте, меня действительно уважали и любили»[36].

Китайский революционер Го Шаотан в своих мемуарах дает описание внешности Штерна: «Даже по прошествии стольких лет передо мной встает яркий образ М. Штерна: высокий, красивый мужчина богатырского сложения. Он казался не по возрасту серьезным, несколько угрюмым, даже суровым. Но в действительности это был добродушный, жизнерадостный и душевный человек. Он был замечательным собеседником и чутким товарищем, много знавшим и много видевшим. Ему были свойственны исключительное трудолюбие и работоспособность. Внешне этот элегантный представительный мужчина походил скорее на ученого, литератора или дипломата, трудно было представить, что это легендарный храбрый военачальник»[37].

В СССР Манфред Штерн вернулся в самый разгар массовых репрессий (октябрь 1937), работал референтом в Секретариате ИККИ, был политическим помощником О. В. Куусинена. В 1938 году его арестовали и 14 мая 1939 года осудили на 10 лет ИТЛ – исправительно-трудовых лагерей – и отправили на Крайний Север. В заключении, где его назвали Александром Фёдоровичем, он прокладывал железную дорогу от Котласа до Печоры, опять валил лес, добывал уголь в Воркуте, был лекпомом (помощником лекаря). Во время Великой Отечественной войны неоднократно обращался к лагерному начальству с просьбой отправить его на фронт, но каждый раз получал отказ. По отбытии первого срока, работал фельдшером в больнице, однако через несколько месяцев вновь осужден по обвинению в антисоветской деятельности. После этого сидел в Инте в спецлагере Минеральный, в Озерлаге работал на трассе Тайшет – Братск и на лесоповале. Штерна вспоминал его солагерник поэт А. В. Жигулин, он писал: «После отбытия десяти лет (они прошли для него сравнительно легко – выходец из австрийско-еврейской семьи, он имел среднее медицинское образование) Штерн поступил на работу в больницу, но вскоре (в 1948 году) был снова взят, как все тогдашние повторники. Светлый был человек, добрый, хороший. И лицо его вовсе не было властно-жестоким, как описывает его А. В. Эйснер по военным мадридским плакатам… Почти всю мою жизнь на 031-й колонии Александр Федорович Штерн помогал мне – по мере возможности, конечно. Он, например, руководил моим чтением (в колонии со времен Тайшетлага осталась случайно не уничтоженная небольшая библиотека). В совсем хорошие времена (когда я порубил себе левую ногу и кантовался в зоне – об этом особый сказ) он помогал мне в изучении английского языка. Я очень страдал оттого, что прервалась моя учеба в институте, что нет возможности много читать, и восполнял эти лишения беседами с людьми. От людей порою узнаешь больше, чем из книг»[38].

Умер Манфред Штерн 18 февраля 1954 года от истощения в Озёрном ИТЛ на станции Сосновка (близ Тайшета). Реабилитировали его 7 сентября 1956 г.

*** * ***

Из всех братьев Манфреда наиболее известен Вольф Штерн, родившийся 15.12.1897 в той же самой австро-венгерской деревне. Несмотря на нелегкие обстоятельства жизни, ему удалось получить прекрасное образование – он окончил немецкую народную школу (1903–1907), 1-ю государственную гимназию в Черновцах (1907–1915), 2 курса философского факультета Черновицкого университета (1918–1920) и 2 курса экономического факультета Венского университета. Как и старший брат, он служил в австровенгерской армии (1915–1918), воевал на Итальянском фронте, был командиром взвода, дослужился до звания фенриха (унтерофицера).

После демобилизации из армии примкнул к революционному движению в родных

краях, вступил в Компартию Буковины (1918) как один из ее основателей, в дальнейшем находился на партийной работе, стал членом иностранного комитета ЦК КПБ (1918–1924), вел нелегальную оргработу среди крестьян и в румынской армии. Ему довелось быть организатором и активным участником восстания солдат 113-го румынского пехотного полка, расквартированного в Черновцах (17.11.1919). В следующем году он несколько месяцев служил в румынской армии и дезертировал из нее по указанию партии.

Несколько лет он сочетал партийную работу с деятельностью в составе советских специальных служб. Как военный разведчик действовал в округе Снятин, находившийся в районе польско-румынской границы (1920–1924), как сотрудник Закордота (Закордонного отдела КП(б) Украины) и Буковинского бюро Коминтерна работал в Завалье и Каменец-Подольске, организовывал там пункты переправки людей, материалов и средств. Когда его активная и многосторонняя деятельность привлекла внимание полиции, он вынужден был бежать в Австрию (1924).

В Вене Вольф работал редактором пресс-бюро полпредства СССР (1924–1927), выполняя одновременно поручения ОМС ИККИ. Став членом Компартии Австрии (1924), входил в состав партийного руководства 8-го венского округа (1925–1927), в то же время состоял в должности торгпреда Русско-австрийского торгового общества – РАТАО в Вене (1926–1927).

Последующие 12 лет Вольф Штерн «находился на спецработе по линии советских органов»[39], что в данном случае означало сотрудничество с советской военной разведкой (Разведупр Штаба РККА – Разведупр РККА). Хотя он и участвовал при этом в антифашистских вооруженных стычках в Вене в июле 1927-го и в феврале 1934 г., местными спецслужбами он не был расшифрован и успешно продолжал свою работу. Направлен был в Испанию (в рамках «операции Икс»), когда там началась Гражданская война. Воевал в рядах одного из партизанских подразделений («спецслужба русских товарищей»[40]), собранных позднее в составе 14-го (партизанского) корпуса Республиканской армии (1936–1939).

Из Испании Вольф приехал в Москву в феврале 1939-го. В должности старшего преподавателя работал в Институте иностранных языков и в МГУ, преподавал немецкий язык (1939–1941 гг.) и сам учился в Университете марксизма-ленинизма (1939–1940), повышал свою партийную подготовку.

Когда началась Великая Отечественная война, Вольф добровольно отправился воевать в рядах Красной Армии, но, с учетом того, что он «имеет опыт нелегальной партработы и спецработы в различных условиях»[41], его перевели на службу в ОМСБОН НКВД СССР (1941–1943). Затем последовало новое направление его деятельности – Вольфа назначили сотрудником Управления (затем Главного управления) по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР (1943–1950), занимая должности уполномоченного оперативно-чекистского отдела УПВИ и старшего уполномоченного 1-го отделения 1-го отдела 2-го Управления ГУПВИ, он работал с немецкими военнопленными в лагерях Лунево, Войково и других. Дослужился до звания майора.

На этих постах он отличился, в частности, в деле «вербовки» фельдмаршала Ф. Паулюса, которым, по поручению руководства, занимался вплотную. И 16.08.1944 г. руководство НКВД СССР обратилось к И. В. Сталину с предложением наградить Вольфа Соломоновича Штерна орденом «Знак Почета»[42].

После демобилизации он работал переводчиком и редактором журналов «Советская литература» и «Новое время», выходивших на иностранных языках (1950–1956), являлся также сотрудником Всесоюзной торговой палаты СССР.

В сентябре 1956-го Вольф Штерн уехал в ГДР, вступил в СЕПГ. Занимал ответственные посты: начальника Политуправления Министерства национальной обороны ГДР (декабрь 1956 – январь 1957), заместителя начальника Научного совета по военной

истории и начальника Института военной истории в Дрездене (1957–1958), начальника Института немецкой военной истории в Потсдаме (1958–1961). Свои военно-политические работы он подписывал псевдонимом Стефан Вольф. Владел английским, немецким, французским и испанским языками.

Умер Вольф Штерн 16.09.1961 г. в Берлине, ГДР.

Примечания

[1] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 156. Л. 101.

[2] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 187. Д. 2690. Л. 18–19.

[3] Там же. Имеется в виду мартовское восстание 1921 г. в Средней Германии.

[4] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 681. Л. 319об.

[5] Давидович Д. С. Гамбург на баррикадах. М., 1985. С.129.

[6] Возможно А. Ю. Гайлис (1895–1937). Латыш. Из рабочих. Комбриг (24.01.1936). Окончил гимназию, Военную академию РККА (1920–1923). Служил в «царской» армии (1915–1918), участник 1-й мировой войны. Унтер-офицер. Был награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й ст., Георгиевской медалью 4-й ст. Участник гражданской войны на Восточном и Южном фронтах. Сотрудник военной разведки (1923–1937). Награжден орденом Красного Знамени (1928), двумя золотыми часами (15-я армия, ОКДВА), наградным оружием – шашкой (ОКДВА). Репрессирован 26.07.1937. Реабилитирован 01.06.1957.

[7] Руководитель Военного бюро при ЦК РКП(б) Б. Б. Бортновский (1894–1937). Поляк. Из семьи чиновника. Участник революционного движения в России. Сотрудник ВЧК (1918–1919, 1921–1922). В военной разведке на Западном фронте (1920–1921), резидент в Берлине, Германия (1922–1924), на руководящей работе в РУ Штаба РККА (1924–1929), в ИККИ (1929–1937). Награжден орденом Красного Знамени (1928). Репрессирован в июне 1937. Реабилитирован в 1955.

[8] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 94.

[9] Вольдемар Розе (1897–1939). Латыш. Из рабочих. Комдив (26.11.1936). Окончил Гатчинскую школу прапорщиков (1917), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1919–1922 с перерывами, 1929–1930). Служил в «царской» армии (1915–1918). Прапорщик. Участник гражданской войны на Западном фронте. Нелегальный резидент РУ штаба РККА в Германии и руководитель военной организации КПГ (декабрь 1922 – апрель 1924), был арестован в апреле того же года, осужден судом в Лейпциге по делу «Германской ЧК» на смертную казнь (25.04.1925), с заменой её впоследствии на тюремное заключение, затем был помилован (август 1926) и в сентябре того же года попал в СССР в результате обмена заключенными. На различных постах в РККА и Главном управлении гражданского воздушного флота (апрель 1934 – октябрь 1937). Награжден двумя орденами Красного Знамени (1920, 1927), Почетным Революционным оружием (1921), золотыми часами. Репрессирован 02.03.1938. Реабилитирован 19.05.1964.

[10] Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 482–483.

[11] РГВА. Ф. 37837. Оп. 21. Д. 286. Л. 265.

[12] Tanenhaus S. Whittaker Chambers. New York, 1998. P. 85, 542.

[13] Н. Н. Зедделер (Герберт) (1876–1937). Русский. Из дворян (военнослужащих). Художник, рабочий, участник революционного движения. Советский военный разведчик в Италии и Германии. Позднее работник ОМС ИККИ в различных странах (1926–1937). Репрессирован 05.10.1937. Реабилитирован 11.06.1964.

[14] ВКП(б), Коминтерн и Китай. М., 2003. Т. 4, ч.1. С. 31, 33, 37.

[15] Там же. С. 38–39.

[16] Там же. С. 38.

[17] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 187. Д. 2690. Л. 2.

[18] Там же. Л. 28.

[19] Эйснер А. В. Двенадцатая интернациональная. М., 1990. С. 587.

[20] Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001. С. 324–390. 21. Там же. С. 324.

[22] Д. А. Фрид (1895–1936). Венгр. Из семьи ремесленника. Майор (17.01.1936). Окончил восточный факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе (1929–1932). Служил в австро-венгерской армии (1914–1915). Попал в русский плен, участвовал в революционном движении и гражданской войне в России. Служил в НКИД СССР, был на партийной работе в Чехословакии, был сотрудником ИККИ. Состоял в распоряжении РУ штаба РККА, служил в армии и Коминтерне. Воевал в Испании (1936), начальник штаба бригады, погиб в период обороны Мадрида.

[23] В. Цайссер (1893–1958). Немец. Из семьи жандармского вахмистра. Окончил Королевскую учительскую семинарию. Служил в германской армии (1913–1919), участник 1-й мировой войны. Лейтенант. Потом учительствовал. Участник революционного движения в Германии, руководитель «военной работы» в Рурской и Рейнской областях. Сотрудник РУ штаба РККА, выполнял специальные задания в разных странах, затем на военной работе в ИККИ. Участник боевых действий в Республиканской Испании (1936–1938), работник Коминтерне и ЦК ВКП(б) в Москве. На руководящих постах в ГДР, министр государственной безопасности. После событий 17.06.1953 исключен из Политбюро и ЦК, а затем и из партии, работал переводчиком. Награжден орденом Карла Маркса (1953).

[24] Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001. С. 325.

[25] Т. И. Лехен (1898–1976). Финн. Из рабочих. Подполковник. Окончил Военную академию РККА. Участник рабочего движения и Гражданской войны в Финляндии, гражданской войны в России. Служил в РУ Штаба РККА (1924–1926), затем на руководящих постах в ИККИ, воевал в Испании (1936–1938). На редакторской и литературной работе в Москве и Карело-Финской ССР, ректор Карело-Финского госуниверситета в Петрозаводске. Участник Великой Отечественной войны. Сотрудник 7-х отделов политуправлений Карельского, Ленинградского фронтов, главный редактор Госиздата Карело-Финской ССР. Видный партработник Компартии Финляндии. Награжден орденом Красного Знамени (1967), Красной Звезды (1943), медалью «За оборону Советского Заполярья» (1945). Почетный доктор МГУ (1968).

[26] В. Е. Горев (1900–1938). Белорус. Из служащих. Комдив (1937). Окончил восточный отдел Военной академии РККА (1924–1925). Участник Гражданской войны, политработник, военный следователь, чекист. Военный советник в Китае (1925–1927), на службе в РККА. Нелегальный резидент РУ штаба РККА в США (1930–1933) и вновь на службе в войсках. Военный атташе при полпредстве СССР в Испании (1936–1937). Репрессирован 25.01.1938. Реабилитирован 13.10.1956. Награжден орденом Ленина (1937), Красного Знамени (1937), Красной Звезды (1936), серебряными часами (1920).

[27] Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001. С. 326.

[28] Там же. С. 327–331.

[29] Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001. С. 332–336.

[30]. Г. Кале (1899–1947). Немец. Из служащих. Окончил Высшую коммерческую школу (1920–1921). Участник 1-й мировой войны. Воевал на французском фронте (1917–1918). Лейтенант. Торговый служащий, журналист, участник революционного движения в Германии. После прихода Гитлера к власти жил и работал в Швейцарии, воевал в Испании. Подполковник Республиканской армии, командовал 17-й и 45-й дивизиями. Впоследствии в эмиграции во Франции и Великобритании, советский военный разведчик, журналист. Начальник народной полиции земли Мекленбург в Восточной Германии (1946–1947).

[31] Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001. С. 336–340. 32. Там же. С. 341–346.

[33] Там же. С. 347–357.

[34] Там же. С. 357–358.

[35] Там же. С. 358–362.

[36] Там же. С. 362–389.

[37] Го Шаотан (А. Г. Крымов). Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990. С. 318.

[38] Жигулин А. В. Черные камни. М., 1989. С. 73.

[39] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 156. Л. 99.

[40] См., например: РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 6. Д. 350. Л. 97. Такая формулировка встречается во многих делах фондов 495 и 545.

[41] Там же. Л. 99об.

[42] Военные загадки Третьего рейха / Сост. Непомнящий Н. Н. М., 2002. С. 414–415.

Арнольд Шнеэ – легендарный «Красный солист»

О знаменитой сети резидентур советской разведки, которая действовавла в Западной Европе в годы Второй мировой войны и получила в германских спецслужбах название «Красная капелла», написано множество статей и книг, а также снято несколько кинофильмов.

Казалось бы, в этой истории не должно оставаться белых пятен. Однако до сих пор о многих участниках тех событий практически ничего не известно. Об одном из таких разведчиков, Арнольде Шнеэ, и пойдет речь. Более всего он известен под псевдонимами Генри (Анри) Робинсон, «Гарри», но использовал также имена: Анри Бауманн, Альберт Бухер, Гарри Леон, Джиакомо, Люсьен, Андрэ и другие.

Арнольд Шнеэ (1897 – весна 1944)

Арнольд Шнеэ, бельгийский еврей, родился 6 мая 1897 года в Брюсселе. Позднее он переехал во Францию, получил французское гражданство и в 1920 году вступил во французскую компартию, а позднее и в компартию Германии. Высшее образование он получил в Цюрихском университете, где изучал юриспруденцию. Всесторонне образованный человек, Шнеэ свободно владел английским, немецким, итальянским, французским и русским языками, что очень помогало ему в дальнейшей работе. В 1920-е годы он познакомился с

немецкой коммунисткой Кларой Шаббель, которая вскоре стала его женой. Впрочем, поскольку она постоянно жила в основном в Берлине, а он разъезжал по всей Европе, то виделись они, несмотря на рождение сына Лео, довольно редко.

С 1921 года он работал в Москве в КИМе, вел подпольную антивоенную работу против оккупации немецкой Рурской области французской армией, за что суд Франции приговорил его заочно к 10 годам тюрьмы. И вновь Арнольд – «Гарри» появляется в Москве, занимается конспиративной работой в Испанской комиссии Секретариата и в Орготделе ИККИ (1924–1928 гг.). Выполняя задания Коминтерна, он неоднократно выезжает в Германию, Францию и другие страны. Работал он и в «М-аппарате» – военной организации КПГ, в результате чего с 1930 года его фамилия фигурирует в немецком «Бюллетене розысков». В 1924 году судьба (или ИККИ) привела в Москву его жену, которую в Советском Союзе называли Кларой Людвиговной. Она работала стенографисткой в Разведупре штаба РККА (1924–1925 гг.) и в Коминтерне (1925–1926 гг.).

Помогать советской военной разведке Шнеэ начал ещё в 1923–1924 годах, когда работал по линии Коминтерна в Германии. Спустя три года он возобновил контакты с ней. Подобное совмещение обязанностей не было исключительным явлением в 1920-е годы. Такое случалось сплошь и рядом. Да и обе разведки РУ и ИНО по ряду направлений объединили свою работу в первой половине 1920-х. Тогда Шнеэ и обзавелся новыми документами – на имя Анри Робинсона (английский вариант этого имени – Генри Робинсон). Под ним он и войдёт в историю.

Сотрудником советской военной разведки Робинсон стал в 1933 году когда, по указанию Берзина, его завербовал «Оскар», резидент Разведупра в Германии Оскар Ансович Стигга, впоследствии руководитель военно-технической разведки. Робинсона собирались использовать во Франции, Англии и Германии, где его жена работала в это время в советском торгпредстве в Берлине, а потом многие годы была разведчицей и хозяйкой явочной квартиры. Шнеэ получил псевдоним «Гарри» и начал работать. В декабре 1935 года он становится помощником резидента, а спустя два года – резидентом. Его штаб-квартира находилась в Париже. В период с 1937 по 1939 год Робинсону, который работал под видом журналиста, удалось создать большую, хорошо законспирированную и весьма эффективную агентурную сеть, добывавшую исключительно важную информацию, которая, по заключению Наркомата оборонной промышленности, позволила сэкономить миллионы инвалютных рублей. Агенты Робинсона работали в Англии, Франции, Германии, Италии, Швейцарии и других странах. Среди них можно назвать Андре Лабарта («Жером»), Мориса Ойнис-хенцлина («Робин»), Василия Максимовича («Макс»), Эрнста Вайса («Жан»), Ганса Любшинского, Хайнца Кальмана. Для того, чтобы понять насколько информированы были эти люди, стоит коротко рассказать о некоторых из них.

Учёный Андре Лабарт до 1938 года работал в министерстве авиации Франции, позднее возглавлял несколько государственных научно-исследовательских лабораторий. В июле 1940 года он одним из первых вступил в образованную в Лондоне генералом де Голлем организацию «Свободная Франция».

Мориц Ойнис-хенцлин родился 20 февраля 1893 года во Франции. Примкнув к коммунистическому движению, он некоторое время был функционером ЦК компартии Швейцарии и одновременно работал в качестве инженера в торговой фирме «Унипектин». Использовался как курьер между Робинсоном и нелегальным резидентом Разведупра в Швейцарии Рашель Дюбендорфер. Позднее он перебрался во Францию и организовал в Париже небольшое предприятие, деньгами которого пользовались члены западноевропейских компартий. Снабжал он деньгами и Робинсона, по поручению которого снял в Париже дорогую квартиру, используемую в качестве конспиративной. 12 апреля 1943 года Ойнис-хенцлин был арестован гестапо, приговорён к смертной казни, но освобождён по

ходатайству швейцарского правительства.

Василий Максимович («Макс», «Проф») был завербован военным атташе во Франции генералом И. А. Суслопаровым. Несмотря на свое происхождение из русских белоэмигрантов, восторженно относился к СССР, мечтал вернуться на родину. Он был ученым, занимался телевидением. Имел прекрасные связи в немецкой оккупационной администрации, а также в парижском архиепископстве, в Виши, Испании, Ватикане.

Эрнст Давид Вайс родился в 1902 году в Бреслау (Германия). В 1927 году окончил Бреслауский университет, а в 1932 году завербован Разведупром. В 1932 году он работал в Англии, в 1933–1935 годах в США. В 1936 году Вайс был передан на связь Робинсону и по его указанию руководил группой агентов в Англии. Однако в 1941 году он попал под подозрение в шпионской деятельности и был подвергнут допросу сотрудниками МИ-5, после чего прекратил контакты с советской разведкой.

Герхард Ганс Любшинский родился 31 августа 1904 года в Берлине. Получил инженерное образование, работал в известной фирме Телефункен. После прихода Гитлера к власти эмигрировал в Англию. Разыскивался немецкими спецслужбами (РСХА, 4-е управление, отдел А1). Включен в список, составленный в 1940-м в связи с предполагаемым вторжением в Англию. (Как, кстати, и Андре Лабарт и многие другие.)

Среди других источников Робинсона были рабочие и инженеры военных заводов, сотрудники министерств и ведомств, ученые, журналисты, политики. Немцы, анализируя документы, найденные при обыске в доме «Гарри», отметили, что он имел связи с военным командованием Франции.

Осторожный Робинсон не всегда сообщал в Центр фамилии своих источников. Так, однажды из Москвы ему прислали сообщение, в котором говорилось: «Вы ни разу не написали нам, от кого получаете эти материалы. Неясность вокруг этого вопроса нас несколько беспокоит». Ответ Робинсона был категоричен: «В отношении источника… могу сообщить следующее: этот друг сделает безвозмездно всё, что сможет, я знаю его в течение 20 лет и сообщу его имя только устно». Арнольд Шнеэ был порядочным человеком, и друзья, хорошо знавшие его, делали всё, что могли. Тайна источников Робинсона умерла вместе с ним. В своем последнем донесении, переданном из тюрьмы, он пишет: «Из аппарата все связи, вкл. с франц. минист. и ген. штабом, безопасностью, известны только ГА». А значит, с этой стороны им ничего не грозило.

«Диапазон военно-технической информации «Гарри» был необычайно широк: тут и сведения о разработках „сигнальной системы автоматических уловителей и предупредителей о приближающихся самолётах“, магнитной торпеде, „слепой“ посадке самолёта. Как правило, информация носила документальный характер. Например, доклады о частичной мобилизации в Англии в сентябре 1938 года, мероприятиях в области авиационных вооружений. В последнем содержались сведения о подготовке английских экспедиционных сил к переброске во Францию. Он шлет материалы о разрывном снаряде, кислородных приборах и скафандрах для летчиков, автопилотах последних марок, обстоятельное сообщение о создании во Франции „министерства экономического ведения войны“ из 500 офицеров, имеющих доступ к материалам разведки. В январе 1939 года „Гарри“ посылает донесение о готовящейся к выпуску на заводе „Испано“ пушки, при выстреле из которой ночью не видно пламени, об автоматически поворачивающемся в направлении звука летящего самолёта зенитном орудии, о проводящихся опытах с радио – и инфракрасными лучами для управления боевой техникой на расстоянии… В июне 1939 года он вышел на человека, работавшего на заводе в Цойххаузе, который за 150 марок продал ему два новейших немецких противогаза – для солдат и офицеров. Центр получил также бронированную пластинку 12-тонного танка, который, по словам немцев. Не могло взять ни одно оружие. Даже способ сушки овощей, которым пользуются на флоте и который купило французское правительство, резидент не обошел

вниманием…», – писал биограф Шнеэ Н. Поросков[1].

В апреле-мае 1941 года от него поступали сообщения о переброске из Франции на восток, в частности, в Польшу, большого количества военной техники.

«5.04.1941 г. По железным дорогам Франции на восток отправляется большое количество санитарных машин».

«17.04.1941 г. Ближайшие помощники Гитлера считают, что завоевание Украины – одна из задач готовящейся войны».

«27.04. 1941 г. 70-тонные танки заводов Рено перебрасываются в Катовице (Польша). С 21 по 23 апреля на восток отправлено 800 легких танков».

«7.05.1941 г. В Польшу отправлено 350 французских 12-тонных танков с заводов Гочкис».

«10.06.1941 г. Знакомый полковник имел беседу с одним из высших немецких офицеров, который заявил, что не позднее чем через два месяца часть территории СССР будет захвачена немцами. По мнению немцев, СССР превосходит их в численности личного состава и техники, но они считают своих солдат лучше подготовленными к войне, а генштаб более квалифицированным»[1].

Резидентура «Гарри» была хорошо законспирированной, подготовленной к работе в условиях военного времени, имела две рации. Для каждой линии связи они имели почтовый адрес, для чего использовали несколько магазинчиков. Сам резидент получал почту ещё через один промежуточный адрес. Координаты своих помощников он высылал в Москву частями, в нескольких сообщениях. Иногда информация содержалась на не проявленной плёнке, вделанной в переплёт книги. Переезжая с квартиры на квартиру, разведчик обрубал все концы, и на новом месте появлялся только что приехавший из другой страны человек.

Часть паспортов высылал Центр, часть покупалась у имевшего к ним доступ местного чиновника. Шнеэ и сам умел подделывать печати, он внимательно наблюдал за переменами в паспортной системе европейских стран, о чём также ставил в известность Разведупр: где-то изменился цвет внутренних страниц паспорта или «…последний штемпель контрольного пункта Белграда теперь грязно-лиловый». С такой маскировкой резидентура «Гарри» дожила бы до конца войны и передала ещё немало ценных сведений, но… удар в спину был смертельный.

Согласно жестким правилам конспирации, резидентуры должны быть полностью независимы, их работники, а тем более, руководители не должны знать друг друга. Но война внесла свои коррективы. В сентябре 1941 года Робинсон неожиданно получил указание Центра установить связь с нелегальным резидентом «Отто» (Леопольдом Треппером). Треппер в 1938-40 годах был резидентом в Бельгии, а после ее оккупации немцами был вынужден перебраться во Францию.

Первое время он передавал информацию в Москву через советского военного атташе и легального резидента в Виши генерал-майора И. А. Суслопарова, но после июня 1941 года остался без связи. Именно поэтому в Центре были вынуждены дать «Отто» указание встретиться с Робинсоном и через него поддерживать связь с Москвой. Их первая встреча произошла в сентябре 1941 года на квартире Анны Гриотто, давнего агента Робинсона. Однако, как оказалось впоследствии, это было роковое решение.

Незадолго до того Треппер установил связь с нелегальной резидентурой Константина Ефремова («Паскаль») в Бельгии, а ещё раньше руководил работой нелегального резидента Анатолия Гуревича («Кент») в Брюсселе. При этом, Треппер не раз нарушал правила конспирации, что резко повышало вероятность провала, не могло не привести, в конце концов, к провалу. Но всего этого осторожный Робинсон знать не мог.

Роковая цепь провалов началась с 13 декабря 1941 года. В этот день в Брюсселе немцы арестовали членов резидентуры Гуревича, после чего он сам, спасаясь от ареста, вынужден

был выехать во Францию, в Марсель. На несколько месяцев уцелевшие члены группы «Кента» прекратили работу. Помощники «Отто» проводят обстоятельный и серьёзный анализ всех обстоятельств провала, и он 1 февраля 1942 года докладывает в Центр о случившемся, называет имена тех, кого схватили немцы, предлагает провести перестановки в группе «Кента», вывести уцелевших от немецкого удара.

Вскоре Треппер получает приказ – остатки группы «Кента» переподчинить резиденту другой бельгийской группы, который живет в Брюсселе с 1939 года, выдавая себя за финского студента. За кодовыми именами «Бордо» и «Паскаль» скрывается советский офицер, капитан Константин Ефремов. Вместе с Иоганном Венцелем («Герман»), который был его заместителем и радистом, им была создана хорошо законспирированная сеть агентов в Бельгии, Голландии.

Решение Центра ввести в эту группу остатки провалившейся резидентуры ставит судьбу многих людей под угрозу провала. Треппер вынужден выполнить приказ Центра. Он снова указывает на ошибочность этого решения, и, с большим запозданием, из Москвы приходит ответ, в котором ему разрешают расформировать остатки группы «Кента» и принять те меры, которые он считает необходимыми. Но поздно – «Паскаль» уже работает с людьми «Кента» – с «Бобом», «Голландцем» и другими, узнал адреса радиоквартир и очень скоро – в июне 1943 года, арестован гитлеровцами. Те хорошо умеют «уговаривать», Константин Ефремов продержался недолго.

10 июня 1942 года во Франции были арестованы радисты Треппера супруги Сокол, 7 августа – резидент в Бельгии Ефремов, 9 ноября – Гуревич, а 24 ноября 1942 года и сам Треппер. В руки гестапо попали коды, были расшифрованы многие радиограммы, в том числе с явками и адресами группы «Гарри». Но сам Робинсон был арестован по другой причине. Досье немецких спецслужб, захваченное союзниками, говорит о том, что причина провала Робинсона – чье-то предательство.

Робинсона взяли без особого труда. Руководитель зондеркоманды «Красная капелла» во Франции Хайнц Панвиц праздновал победу: в его руках оказалось недостающее звено разведсети, одно из главных действующих лиц. Через Анри Робинсона гестаповцы намеревались выйти на резидентуру Радо в Швейцарии, а затем достичь главной цели – ведя через перевербованных «музыкантов» радиоигру, доказать, что советский Генштаб ищет соглашения с Германией, и тем самым перессорить СССР с союзниками.

При обыске под деревянным полом квартиры «Гарри» обнаружили секретные документы и несколько фальшивых паспортов и удостоверений личности. Благодаря этой находке, немцам удалось установить настоящую личность Робинсона. Так, в сопроводительном письме гестапо от 19 января 1943 года говорилось, что советский агент «Гарри» направлен в Берлин, поскольку он с 1930 года находится в имперском розыске и является исключительно важной персоной в партийно-политическом смысле. Но это было ещё не всё – вместе с документами Робинсон прятал… подробные воспоминания, которые писал с довоенных времён, включая полные тексты посланий из Москвы! Это была невероятная беспечность, совершенно неожиданная для такого умелого конспиратора, как Робинсон.

Однако, допустив фатальную ошибку с дневником, «Гарри» во всем остальном держался стойко. С первых минут ареста он принялся утверждать, что всего лишь исполняет обязанности курьера и очень мало знает о людях, с которыми находится в контакте. Треппер после возвращения в Москву свидетельствовал: «Гарри» рассказал много, но о таких знакомых, которые или мертвы, или в Лондоне». Это подтверждает выдержка из доклада английской МИ-5: «Робинсон, который был необычайно умным и разносторонне образованным человеком, мало дал немцам сведений во время допросов. Ему удалось спасти большое число своих агентов… Многие остались неопознанными до настоящего времени».

Разумеется, в гестапо тоже служили люди неглупые, которые понимали, что «красный солист» хочет их обмануть. Его пытали, чтобы узнать коды и расписание сеансов связи, однако состояние здоровья арестованного было таким, что от форсированных методов допроса он мог умереть, а такая ценная добыча нужна была гестаповцам живой.

Первые сведения о судьбе Робинсона после ареста Центр получил в конце сентября 1944 года, когда неизвестный передал в советское представительство в Софии следующую записку: «Французский товарищ Анри Робинсон „Гарри“ был арестован гестапо в декабре 1942 года в своем доме. Он был выдан лицом, которое получило его адрес в Москве. Его жена и сын были подвергнуты пыткам и заключены в тюрьму, а затем казнены. Сам „Гарри“ был заключен в одиночку и впоследствии отвезен в Берлин, Гауптзихерхайтсамт [РСХА, Главное имперское управление безопасности. – Авт.], Принц-Альбрехтштрассе, где содержится в большом секрете в камере 15 в ожидании смертного приговора. Пишущий настоящие строки видел его последний раз 20 сентября 1943 года в день выхода из соседней камеры 16 и обещавший передать его сообщение».

Само послание Робинсона помещалось под «запиской неизвестного». Как вскоре установили компетентные органы Болгарии, эту записку вынес из тюрьмы болгарин Петро Божков. Он был студентом берлинского университета, когда гитлеровцы напали на Советский Союз. За антифашистскую пропаганду и контакты с советскими военнопленными Божков был арестован гестаповцами и оказался в тюрьме на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине. Там он, во время одной из прогулок в тюремном дворе, познакомился со своим товарищем по судьбе, назвавшим себя «Гарри». В сентябре 1943 года, узнав, что Божкова высылают на родину, в Болгарию, он передал ему записку и попросил переслать её в Москву.

Вот полный текст письма Робинсона из тюрьмы:

«1. Паскаль с июля 42 работал на гестапо. Он предал: свою группу, группу Хемница, группу Симекс и Отто, и своих людей.

2. Муж Паолы в дек… 42 предал – Анни и Сисси, мою жену и моего сына.

3. Отто арестован перед нояб.42. Также его помощники в дек.42. Паола и радист Леон арест. в янв.43. Арестованы радисты в Брюсселе и Париже. Н. из Бр. арестован в Марселе.

4. Выдан адрес в Праге.

5. Парашютист Оглиборн арестован в сент.42 в Малинэ.

6. Предан мужчиной, единственным имевшим связь и адрес, полученные от вас. Я с другом был арестован в дек. По этому адресу найден материал. Друг приговорен к смерти, Жена 10 лет. Мой швейцарский друг в П. арестован в апреле, Бланше в мае. Четыре знакомых сотрудника также арестованы. Из аппарата все связи, вкл. с франц. минист. и ген. штабом, безопасностью, известны только ГА.

7. Здесь Анни со мной, предупредите Сисси. Обезглавлен или расстрелян. Победа будет наша.

Ваш Г.»

На клочке бумаги размером со спичечный коробок было сказано максимально много. Попробуем вслед за сотрудниками Разведупра расшифровать последнее донесение легендарного Робинсона – Арнольда Шнеэ.

«1. Паскаль с июля 42 работал на гестапо. Он предал: свою группу, группу Хемница, группу Симекс и Отто, и своих людей».

О том, что случилось с «Паскалем» – Ефремовым – мы уже знаем. «Хемниц» – псевдоним советского офицера, лейтенанта Михаила Макарова. Он родился в 1915 году, кончил семилетнюю сельскую школу, в июле 1931 года поступил в Московский институт иностранных языков, где изучал французский и испанский языки. Когда началась война в Испании, вместе с группой других добровольцев Макаров уехал туда. Он был военным переводчиком в одной из республиканских эскадрилий, и судя по его рассказам, человеком не

трусливым, любителем острых ощущений. В 1939 году с документами на имя уругвайского гражданина Карлоса Аламо он появляется в Брюсселе, куда Центр направил его в распоряжение «Отто». «Очень скоро у меня сложилось самое благоприятное мнение о нём, – вспоминал впоследствии Треппер. – Правда, многое, несомненно свидетельствовало о его неподготовленности. Герои на полях сражений не всегда становятся хорошими разведчиками. Его обучение на радиста в Центре длилось всего три месяца, что было явно недостаточно для подготовки виртуоза в этом деле. Но его чисто человеческие качества с лихвой компенсировали эти недостатки». Под крышей бельгийской фирмы «Король каучука» Карлос Аламо принимал активное участие в деятельности разведгрупп «Отто» и «Кента», пока не был схвачен гитлеровцами 13 декабря 1941 года в доме на улице Атребат, в Брюсселе. Где был убит Макаров и где похоронен – до сих пор неизвестно.

Говоря о группе «Хемница», Робинсон, вероятно, имел ввиду тех, кто избежал первого ареста в декабре 1941 года в Брюсселе и был схвачен гитлеровцами позже: Огюст Сесе, Герман Избуцкий, Морис Пеппер и многие другие антифашисты, входившие в состав брюссельских групп «Отто» и «Кента», работавшие под крышей фирмы «Симекс».

«2. Муж Паолы в дек. 42 предал Анни и Сисси, мою жену и моего сына». «Паола», «Марта», «Симон» – имена, под которыми была известна подпольщикам Жермен Шнайдер, швейцарка по национальности. Старые функционеры Коминтерна, Жермен и её муж Франц, много лет выполняли обязанности связных, курьеров и «почтовых ящиков» и были знакомы со многими коммунистами, которые останавливались в их квартире в Брюсселе. В их доме неоднократно бывал и Робинсон. «Анни» – Анна Максимович, дочь русского генерала, врач, вместе со своим братом Василием принимала активное участие в работе парижской группы Треппера. «Сисси» – Огюст Сесе, член брюссельской группы, был арестован 28 августа 1942 года в Брюсселе, в апреле 1943 года в Бреендонке приговорен к смерти, в январе 1944 года казнен в берлинской тюрьме Плетцензее.

Клара Шаббель в годы Второй мировой войны сотрудница советской военной разведки и хозяйка явочной квартиры, была связана также с антифашистской организацией в Берлине, которой руководили немецкие патриоты Харро Шульце-Бойзен и Арвид Харнак.

Гестаповцы схватили ее 18 октября 1942 года в Хеннигсдорфе, в дверях собственной квартиры, после того, как она вернулась из госпиталя, где навещала своего сына Лео, раненного на Восточном фронте. Она с достоинством прошла свой дальнейший путь: гестаповские тюрьмы Плетцензее, на Принц-Альбрехтштрассе, Альт-моабит и Барнимштрассе не смогли сломить её. Имперский военный суд 30-го января 1943 года приговорил Шаббель к смертной казни. Она подала прошение о помиловании, которое Гитлер отклонил. 5 августа 1943 года она была казнена в Плетцензее, вместе с другими женщинами: Хильдой Коппи, Эльзой Имме, Одой Шоттмюллер, членами организаций Шульце-Бойзена и Харнака. «Гарри» так и не узнал о смерти жены.

Лео Шаббель, бывший германский солдат, был арестован 11 марта 1943 года и спустя 10 дней осужден гитлеровскими судьями к 5 годам тюремного заключения с формулировкой: «За подготовку к предательству». Весной 1945 года был освобождён Красной Армией. В 1969 году по ходатайству командования ГРУ Клара Шаббель была посмертно награждена орденом Отечественной войны II степени. Посол СССР в ГДР вручил орден её сыну Лео.

«3. Отто арестован перед нояб. 42. Также его помощники в дек. 42. Паола и радист Леон арест. в янв.43. Арестованы радисты в Брюсселе и Париже. Н. из Бр. арестован в Марселе». «Отто» – Леопольд Треппер был арестован гестаповцами 24 ноября 1942 года в Париже, в кабинете зубного врача, о чём он много лет спустя рассказал в своих воспоминаниях. Его ближайшие помощники: Гилель Кац арестован в Париже 2 декабря 1942 года, Лео Гроссфогель – в Брюсселе 16 декабря 1942 года. «Паола» – Жермен Шнайдер, имя которой уже упоминалось выше, была арестована 31 января 1943 года в Париже. Пройдя

через гитлеровские застенки, она выжила и умерла вскоре после окончания войны, в цюрихской больнице, в ноябре 1945 года.

В архиве Разведупра сохранилась радиограмма Робинсона от 15 сентября 1942 года, адресованная в Центр, когда он пытался спасти своего товарища от ареста. Он сообщал, что «Паскаль» был замечен у дома Жермен Шнейдер в сопровождении агентов гестапо и предлагал ей сотрудничать с ними, стать двойником. «Гестапо сосредоточило все усилия на нашей французской группе», – говорилось там.

«Н. из Бр. арестован в Марселе». Известно, что 12 ноября 1942 года там был арестован бывший руководитель брюссельской разведгруппы «Кент», но ведь в марсельской группе работали и другие. Кого обозначил буквой «Н» Робинсон, остаётся загадкой.

«6. Предан мужчиной, единственным имевшим связь и адрес, полученные от вас. Я с другом был арестован в дек. По этому адресу найден материал. Друг приговорен к смерти, Жена 10 лет. Мой швейцарский друг в П. арестован в апреле. Бланше в мае».

Здесь упомянут человек, выдавший Робинсона. Но можно гадать, кто это… Упоминаемый «друг» – Медардо Гриотто, выполнявший в их группе обязанности радиста. Гитлеровцы приговорили его к смертной казни, и он был гильотинирован 28 июля 1943 года в берлинской тюрьме Плетцензее. Та же участь ждала и самого «Гарри»[2].

«Обезглавлен или расстрелян. Победа будет наша. Ваш Г.» Так заканчивает свое предсмертное послание Анри Робинсон. Он не ошибся, предвидя такой конец. Некоторое время ходили легенды о том, что Робинсон жив, что он, как другие, согласился работать на немцев. Протоколы его допросов не сохранились. Однако арестованный англичанами шеф зондеркомиссии «Красная капелла», гауптштурмфюрер СС и криминалрат Хорст Копков рассказал, что «Гарри» был судим тем же судом, что и Шульце-Бойзен, и казнен.

Глава немецкой военной разведки – абвера адмирал Канарис говорил, что деятельность «Красной капеллы» стоила Германии 200 тысяч погибших солдат. В её работе есть и заслуга Робинсона, «Гарри» – Арнольда Шнеэ, которого некоторые исследователи считают «резидентом № 1» советской разведки.

Примечания

[1] Пятницкий В.И. Заговор против Сталина. М., 1998. С.230.

[2] Томин В. Последняя шифровка Харри // Секретные материалы. СПб., 2000. № 14. С.15.

Женевский географ Шандор Радо

Другим героем «Красной капеллы» был знаменитый «Дора» (он же «Альберт») – работавший в Швейцарии венгр Шандор Радо. С территории нейтральной Швейцарии он и его группа снабжали СССР информацией о Германии и Италии. С этой группой работал и легендарный «Люци» – один из самых результативных агентов Второй мировой войны. И все нити этой большой и сложной организации были завязаны в небольшом здании в Женеве – конторе фирмы «Геопресс»…

Шандор Радо родился в 5 ноября 1899 года в Будапеште. Родители его были выходцами из очень бедных семей. Отец в молодости служил приказчиком, мать до замужества работала белошвейкой на фабрике. Потом отец открыл собственную торговлю и разбогател, но жили они по-прежнему, несмотря на материальный достаток, в Уйпеште, рабочем пригороде Будапешта.

В 1917 году, после окончания гимназии Радо, несмотря на то, что он был несовершеннолетним, призывают на военную службу. Он окончил школу крепостной артиллерии и в 1918 году получил направление в артиллерийский полк. Уже после призыва он поступил в университет на факультет юридических и государственных наук, на заочное отделение.

Шандор Радо (1899–1981)

Но, как и многим другим, учиться ему помешали события в стране. В декабре 1918 года Радо вступил в коммунистическую партию. В октябре того же, 1918 года, в Венгрии произошла буржуазно-демократическая революция, которая вскоре переросла в народное восстание, а 21 марта 1919 года в стране была провозглашена Советская республика. Защищая республику, Радо участвовал в боях в рядах Венгерской Красной Армии (апрель – июль) в качестве политкомиссара артиллерии 6-й дивизии.

После поражения революции Шандор эмигрировал в Австрию. Только там, в Вене, он смог продолжить учебу. Он учился в университете и одновременно сотрудничал в Коминтерне, с июля 1920 по июль 1922-го заведовал венским отделением российского информационного агентства Роста (Rosta-Wien). С «Роста-Вин» сотрудничали известные впоследствии люди: дипломат и разведчик Константин Уманский, сотрудник ОМС ИККИ и советской военной разведки Альфред Глезнер (Федин, Федя), венгерский философ Дьёрдь Лукач, видный деятель компартии Германии Герхард Эйслер, советский разведчик, бежавший в 1937 году на Запад, Вальтер Кривицкий. Радо писал, что «Венское агентство Роста-Вин сыграло заметную родь в распространении правды о русской революции»[1]. К этому можно

добавить: а возможно и в сборе информации о ситуации в Европе, учитывая связи его сотрудников. У Уманского были знакомые в Министерстве иностранных дел Австрии, а у Глезнера – контакты с резидентом советской военной разведки Юзефом Красным и представителем РУ Штаба РККА в полпредстве СССР – Станиславом Губером.

Из Австрии он вскоре переехал в Германию, чтобы завершить образование. В Берлинский университет его, как неблагонадежного, не приняли, но он сумел поступить в Иенский университет, а после того, как его будущая жена Лена, получив партийное задание, отправилась в Лейпциг, перевелся в университет этого города.

То было горячее время. По всей Германии шла подготовка к вооруженному восстанию. Лену пригласили работать в Среднегерманский ревком, который находился в Лейпциге. Шандора, как опытного и обстрелянного бойца, назначили организатором и военным руководителем пролетарских сотен и партийных войск в Западной Саксонии, где он действовал под именем Фридрих Кеммель. Но германский «Красный Октябрь» не состоялся, вооруженное выступление коммунистов было разгромлено, и руководство КПГ в сентябре 1924 года отправляет Радо в Москву.

В советской столице, где его называют Александром Гавриловичем, он заведует отделом пропаганды Российского отделения Межрабпома (Международной рабочей помощи), работает ученым секретарем Института мирового хозяйства и на других должностях, но главная его забота и интерес – картография. В Москве он принимает участие в составлении первого путеводителя по Советскому Союзу, который издается на нескольких языках. В феврале 1925 года его приняли в ВКП(б).

В конце 1926-го года, когда полицейские преследования в Германии прекратились, Радо с женой и сыном Имре возвращается в Берлин. По поручению ТАСС он организует там филиал фотослужбы этого агентства «Прессклише», материалы которого пользуются спросом в Германии. Но, как писал сам Шандор Радо, он «не хотел продолжать карьеру в качестве чиновника или исключительно партийного деятеля» и потому передал дела «Прессклише» в «ответственные руки», а сам занялся научной работой[2]. В Европе Шандор выпустил целый ряд атласов и путеводителей, в том числе «Рабочий атлас» (1929 г.) и первый авиационный путеводитель по всему миру (1932 г.), сотрудничал с советскими коллегами. Не имея возможности работать в научных учреждениях Германии, как иностранец и коммунист, он создает в 1932 году первое в мире, по его словам, географическое и картографическое пресс-агентство «Прессгео» или «Прессгеографи», работа которого продолжалась впоследствии (под другими названиями) в Париже и Женеве. Большую помощь в этом деле ему оказал видный деятель КИМ и Коминтерна Вилли Мюнценберг. А Лена, его жена, работала тем временем в штаб-квартире КПГ – «Доме Карла Либкнехта».

В марте 1933 года, после прихода к власти нацистов, Радо с семьей эмигрирует сначала в Австрию, а затем во Францию. С помощью спонсоров Радо создает независимое агентство печати «Инпресс», которое публикует ежедневный антифашистский бюллетень на французском, немецком и английском языках. Материалы для него частично поступают нелегально из Германии, а также черпаются их провинциальной немецкой прессы, где подробнее освещаются происходящие события. Радо вспоминал, что, по дошедшим до них сведениям, их агентство удостоил вниманием Гитлер, он назвал Инпресс «особо опасным идеологическим противником третьего рейха». Поначалу антифашистский бюллетень пользовался широкой популярностью. Однако, после убийства в октябре 1934 года премьер-министра Луи Барту, политика французского правительства изменилась и в работе Инпресса начались затруднения.

Год спустя Шандор Радо вновь приезжает в Москву. Эта поездка круто изменила его жизнь. Его приглашают в Разведывательное управление РККА и предлагают работать в советской разведке, он принимает предложение. Местом его работы должна была стать

традиционно нейтральная Швейцария. На средства, предоставленные Центром, Радо основал в Женеве частное агентство «Геопресс», которое с августа 1936 года начало свою издательскую деятельность. Издавались, в основном, географические карты для различных нужд. Надвигалась война, и на продукцию этого рода был повышенный спрос, а его хозяин пользовался уважением в женевском обществе и имел хорошую репутацию.

Первоначально группой Радо руководили из Парижа, через столицу Франции осуществлялась и связь. «Я встречался там с работниками разведуправления, – вспоминает он. – Им передавал информацию о военных приготовлениях Германии и Италии, а также карты, выполненные по специальному заданию. Карты размещения в фашистских странах военной промышленности мною были сделаны на основе экономической, географической литературы, газет и журналов, выпускаемых в Германии и Италии. Эти материалы отправлялись затем в Москву. В некоторых случаях донесение в Париж посылал почтой. Подписывался я, конечно, не своим именем. У меня было два псевдонима: Дора и Альберт».

3 сентября 1939 года, в ответ на агрессию против Польши, Англия и Франция объявили Германии войну. Нейтральная Швейцария тут же закрыла границы, и группа потеряла связь с Центром. У них был припасенный на крайний случай передатчик, но не было радиста, шифра, программы связи. Месяц шел за месяцем, а положение не менялось. И вот, наконец, в декабре 1939 года, ожиданию пришел конец. В почтовом ящике он нашел долгожданное письмо, извещавшее, что с нему скоро придет представитель Центра. Этим представителем оказалась другая героиня нашей книги – Соня, Урсула Кучински. Некоторое время разведчики работали вместе, но вскоре Соню направили в Англию. Впрочем, к тому времени она уже успела подготовить для «Доры» нескольких квалифицированных радистов. А к 1940 году с группой «Доры» объединили и другие оставшиеся без связи швейцарские группы. Это было против правил конспирации, но другого выхода просто не было..

«В составе резидентуры было семьдесят семь человек! В Женеве работали 19 помощников Доры. В Берне было 15 его тайных агентов. В Цюрихе – 9. В других городах Швейцарии еще 27 человек. В Германии для Радо добывали информацию 17 человек. В Италии – 2, в Австрии – 3, во Франции – 5. Наиболее крупными агентурными группами были организации Сиси – 20 человек и Пакбо – 34 агента. В группу Джима входили 9 человек. В группе Пьера было 4 источника информации» – писал историк военной разведки Владимир Иванович Лота (Лота В. И. ГРУ и атомная бомба. М., 2002. С.153). Для такой маленькой страны, как Швейцария, это была огромная организация – и не только по размеру, но и по значению. Один «Люци» стоил целой группы. Порой его называют самым результативным агентом Второй мировой войны. Конечно, это не Олимпийские игры, где любой результат поддается подсчету, и трудно сказать, кто был самым-самым… но, в любом случае, вклад этого человека в Победу огромен.

Вспоминает Шандор Радо: «Когда началась битва под Сталинградом, удивительную осведомленность о действиях немцев на фронте стал проявлять „Тейлор“ [Христиан Шнейдер, один из агентов „Доры“. – Авт.]… Его информация отличалась конкретностью, широтой охвата вопросов. Это было поразительно. Вольно или невольно возникала мысль: не подсовывает ли кто-то через Тейлора явную фальшивку с намерением дезинформировать, запутать нас? В самом деле, не странно ли, что человек, занимавший в Международном бюро труда скромную должность переводчика и не имевший доступа к сведениям военного характера, вдруг стал поставлять очень ценный материал? Такие данные, которые, узнай об этом противник, вызвали бы панику среди немецких генштабистов. Было отчего призадуматься… Первую информацию Тейлора я послал Директору с ощущением, будто делаю что-то опрометчивое».

Однако Центр заинтересовался новыми возможностями Тейлора и, для проверки, предложил ему установить номера немецких частей в южном секторе фронта и выяснить

число немецких военнопленных, находившихся в СССР. Спустя несколько дней Радо получил исчерпывающий ответ на оба вопроса. Проверка показала, что «Тейлор» поставляет верную информацию. Однако он ни словом не обмолвился о том, откуда ее берет.

Примерно в конце ноября 1942 года «Тейлор» передал, что некий «немецкий друг», может регулярно снабжать советскую разведку интересующими ее материалами. Повидимому, этот «друг» работал в швейцарской разведке, потому что, со слов «Тейлора», он был взбешен тем, что информация о Восточном фронте, которую он передает англичанам, не используется по назначению, то есть, не попадает русским. Однако новый агент ставил и условия: связь он будет держать только через «Тейлора», и советская разведка не должна выяснять, кто он и чем занимается. Единственное, что было известно о нем – то, что человек этот живет в Люцерне. На эти условия Центр согласился, и новый источник получил псевдоним «Люци» – по названию города Люцерны. Кто он такой, узнали уже в 1944 году, после провала группы. Подлинное имя «Люци» было Рудольф Рёсслер.

Родился он 22.11.1897 г. в Баварии, в городке Клауфбойрен, в семье крупного чиновника лесного ведомства. Во время Первой мировой войны пошел на фронт добровольцем. После войны занялся журналистикой. Он писал статьи о театре, редактировал в Аугсбурге местную газету, издавал в Мюнхене литературный журнал, в начале 1930-х годов был руководителем Народного театрального союза в Берлине. В 1933 году вместе с женой эмигрировал в Швейцарию, где открыл книжное издательства «Vita Nova» в Люцерне. Там же он нашел себе и политических единомышленников – стал членом группы левых католиков «Die Entscheidung» – («Решение»).

Весной 1939 года начальник Генерального штаба Швейцарии генерал Гюйсан организовал службу ND (Nachrichten-Dienst или Служба информации армии Швейцарии). Эта разведка небольшой нейтральной страны во время Второй мировой войны была одной из наиболее информированных спецслужб. Она имела своих агентов в Германии, сотрудничала с разведками западных стран и обменивалась с ними информацией. А при ее организации, весной 1939 года, одним из первых ее сотрудников стал Рёсслер. Он передавал информацию, которую получал из Германии от противников Гитлера, которых в то время было немало в политических и официальных кругах, а также от немецких эмигрантов. Как особо ценный сотрудник, Рёсслер получил от Генштаба швейцарской армии документ, который предписывал всем чиновникам оказывать ему содействие. Сотрудники контрразведки взяли его под охрану.

Вскоре Рёсслеру доверили особо важную работу – анализировать весь материал по Германии, которым располагало люцернское бюро. Теперь он имел доступ ко всей информации, стекавшейся в бюро из множества источников. Сперва Рёсслер и его сеть работали только на швейцарскую разведку. После начала Второй мировой войны доступ к этой информации получили страны антигитлеровской коалиции. А на советскую разведку Рёсслер стал работать после того, как убедился, что его сведения не попадают русским.

От «Люци» поступала ценнейшая информация: сведения о стратегических планах немецкого командования, о составе, структуре и вооружении германской армии, даже об отдельных частях и генералах, о планах действий вермахта на Востоке. Кто были его источники, точно не известно до сих пор. Однако кое о чем догадаться можно. Еще живя в Берлине, Ресслер поддерживал знакомство с некоторыми высокопоставленными чиновниками из министерства иностранных дел Германии и генералами, тайными противниками фашизма. В Центр просочились сведения о том, что одним из нескольких поставщиков информации был генерал от инфантерии Георг Томас, известный как участник антигитлеровского заговора. Не так уж удивляет информированность Рёсслера, если на него работала целая разветвленная организация, многие члены которой были на самом верху немецкой военной и государственной машины.

Только за 1942 и 1943 годы группа Радо передала в центр более трех тысяч

радиограмм. Всего же донесений и телеграмм было, по словам самого «Доры», около шести тысяч. Как ни осторожно работали радисты, при таком количестве сеансов связи все радиоточки достаточно скоро были обнаружены. Трудно сказать, когда об их существовании узнали швейцарцы, немцы же запеленговали швейцарские радиоточки еще в июне 1941 года, однако это мало что им дало. Долгое время они не могли расшифровать сообщения, а следовательно, и определить, что это за группы, на кого они работают, какой информацией располагают. Естественно, СД засылало в Швейцарию своих людей, но те действовали наугад.

Положение изменилось в 1942 году. После провала бельгийской, а затем французской групп «Красной капеллы» немцы, захватившие шифры, смогли прочитать часть сообщений «Красной тройки» (так они называли три швейцарских передатчика) и пришли в ужас, обнаружив, что через Швейцарию идет утечка информации из высшего командования вермахта. Теперь немецкая радиослужба сосредоточилась на «Красной тройке», а VI управление Главного управления государственной безопасности (РСХА) – на группе Радо в Швейцарии. К лету 1943 г. бюро «Ф» составило список возможных членов швейцарской группы. Но что делать дальше? Ведь организация работала на территории нейтрального государства.

Немецкое правительство на официальном уровне требовало от швейцарского правительства ареста Радо, при этом каждый раз предоставляя огромное количество обвинительных материалов. Только в 1943 году это требование повторялось пять раз. Еще 8 сентября 1942 года начальник VI Управления РСХА Шелленберг посетил Швейцарию и встретился с начальником швейцарских спецслужб, бригадным полковником Роже Массоном, который обещал «принять меры», но ничего не сделал. В марте 1943 года Шелленберг встретился с ним и с начальником швейцарской полиции Маурером и намекнул, что, если они и дальше будут тянуть время, то это может серьезно испортить немецко-швейцарские отношения. Под нажимом Германии швейцарские спецслужбы всерьез взялись за «Красную тройку».

Операция началась 9 сентября и продолжалась 34 дня – за это время полицейская служба пеленгации сумела выяснить расположение двух из трех радиопередатчиков группы. 14 октября радисты были арестованы, а 20 ноября был схвачен и последний из радистов – Александр Фут. Узнав об арестах, Радо перешел на нелегальное положение, скрываясь в Берне, у друзей. На допросах радистам показывали фотографию Радо, называли его фамилию и псевдоним «Дора», говорили, что он – руководитель организации. Ясно было, что эти сведения швейцарская полиция получила от немцев. Однако арестованные полностью отрицали работу на советскую разведку, Радо «не узнавали». Не было никакой возможности привлечь их к радиоигре. Тогда швейцарская контрразведка попыталась начать игру самостоятельно, но сделала это чрезвычайно грубо и неумело. Естественно, в Центре тут же обо всем догадались и, в свою очередь, начали игру со швейцарцами, которая продолжалась некоторое время, пока те не догадались о происходящем. Эта возня с радиоиграми на некоторое время задержала следующую волну арестов.

После арестов и ухода Радо в подполье во главе агентурной сети встали те, кто остался на свободе – Рашель Дюбендорфер и Пауль Бётхер. Арест был «верхушечным» – сама сеть осталась почти не затронутой, но у оставшихся на свободе разведчиков не было связи и совершенно не было денег. 19 апреля 1944 года Дюбендорфер, Бётхер и Шнейдер были арестованы, вскоре арестовали и Рёсслера. Полковник Массон, безусловно, сделал бы все возможное, чтобы уберечь своего самого ценного сотрудника от ареста – но это, к сожалению, было невозможно. На допросе заговорил Христиан Шнейдер, дело получило огласку, хотя и в узких кругах, и информация о том, кто снабжал русских сведениями из высших эшелонов Третьего Рейха, наверняка дошла бы до гестапо. Так что самым безопасным местом для

«Люци» была швейцарская тюрьма.

Суд над советскими разведчиками состоялся 22–23 октября 1945 года, уже после капитуляции нацистской Германии. Причем на суде присутствовали только двое из четверых обвиняемых. Ни Пауль Бётхер, ни Рашель Дюбендорфер на суд не явились, приговор им вынесли заочно. Бётхер был приговорен к двум годам тюрьмы, денежному штрафу в размере 10.000 тысяч швейцарских франков и 15 годам изгнания из страны. Дюбендорфер – к двум годам тюрьмы, поражению в правах на пять лет и денежному штрафу в той же сумме. Рудольфа Рёсслера признали виновным, но, поскольку он оказал большие услуги Швейцарии, то наказан он не был. Итоговый суд состоялся в октябре 1947 года в Лозанне. Радо, также заочно, получил три года тюрьмы, его жена – один год, плюс к тому денежные штрафы и поражения в правах. Несколько иначе все было в России…

После арестов дальнейшее пребывание Радо в Швейцарии стало бессмысленным. 16 сентября 1944 года с помощью французских партизан Шандор и его жена перешли французскую границу и 24 сентября были уже в освобожденном Париже. Там Радо нашел представителей ГРУ и сообщил подробности разгрома резидентуры. Вскоре опытный разведчик по неуловимым особенностям поведения представителей Центра догадался, что ему не доверяют и что в Москве его ждет, скорее всего, не отдых и награды, а совсем-совсем другое.

8 января 1945 года Радо, вместе с другими собравшимися в Париже разведчиками-нелегалами, вылетел на самолете в Москву. Война в Центральной Европе еще продолжалась, и самолет летел кружным путем, через Триполи, Каир, Анкару и Тегеран. Пассажиры понимали, что их ожидают в Москве проверки НКВД, которые многим из них, особенно руководителям провалившихся резидентур, ничего хорошего не обещают. Радо, кроме того, находился в депрессии после полученных из Венгрии известий о гибели всех родных.

В Каире самолет задержался на сутки. Пассажиров разместили в гостинице. Радо сказал, что у него ангина и утром пошел к врачу, оставив в номере пальто, шляпу и чемодан. Но ко времени отправления в аэропорт он не вернулся, не приехал он и в сам аэропорт. Самолет улетел без него. Сам же он в это время находился в английском посольстве с просьбой о политическом убежище. Если бы Радо смог более толково объяснить англичанам, кто он такой, то, вероятно, его дальнейшая судьба сложилась бы иначе. Но он имел документы на имя Игнатия Кулишера, бывшего военнопленного, которые ему вручили перед отлетом, и англичане посчитали, что он не представляет для них интереса. Тогда Радо пытался покончить с собой, но и тут потерпел неудачу. Его поместили в госпиталь, а потом – в лагерь для интернированных.

Тем временем руководство ГРУ разыскивало своего исчезнувшего резидента. Советский посол в Египте заявил, что Игнатий Кулишер совершил убийство в СССР, потребовал его выдачи, и египетские власти выдали Радо. В августе 1945 года его привезли в Москву и в декабре 1946 года он был осужден Особым совещанием на 10 лет тюремного заключения «за шпионаж». Такие же сроки получили Рашель Дюбердорфер и Пауль Бётхер.

В 1954 году Радо был освобожден из заключения и в июле 1955 года уехал в Венгрию. По иронии судьбы, годы, проведенные в лагерях, спасли его во время венгерского восстания в 1956 году. Он был занесен восставшими в списки коммунистов, и к его дому явилась разъяренная толпа – а с коммунистами в те дни не церемонились! Но кто-то из руководства восстания объяснил, что этот человек тоже пострадал от рук НКВД, и его оставили в покое. Так Шандор Радо, который формально не был на стороне восставших, уцелел.

Из Франции к нему в Будапешт приехала жена. Правда, прожила она на родине всего три года – до своей смерти в 1958 году. На ее могиле на почетном кладбище Керепеш написано: «Член Коммунистической партии Германии с момента основания». Сыновья Радо, выросшие в Швейцарии и десять лет прожившие во Франции, к тому времени успели

освоиться в этой стране, женились там и возвращаться в незнакомую им Венгрию не пожелали.

Радо покончил с разведработой и занялся своей любимой картографией, сумев внести значительный вклад в науку. Он был избран членом ряда иностранных академий, много участвовал во всевозможных конференциях и симпозиумах, руководил государственным управлением геодезии и картографии, географическим комитетом Академии наук, был награжден орденами ГДР, Венгрии и Советского Союза. Судьбу одной из советских наград выяснить так и не удалось. 7 ноября 1942 года «Директор» сообщил «Доре», что он награжден орденом Ленина. После реабилитации 27 июня 1956 года (определением Военной коллегии Верховного суда СССР) Радо обращался по этому поводу в Верховный Совет СССР, но никаких следов той награды не было обнаружено. В 1972 году ему от имени ГРУ принесли извинения за неправильную оценку его деятельности в Швейцарии, а потом он был награжден орденами Отечественной войны I степени и Дружбы народов.

Михаил Мильштейн, который в годы Великой Отечественной войны был заместителем начальника Агентурного управления ГРУ Генштаба Красной Армии, а в октябре 1940 года встречался с Шандором Радо в Белграде для передачи ему денег, вспоминал: «В облике Радо, его характере, поведении, взглядах не было ничего, что выдавало бы в нем крупного разведчика. Наоборот, на вид он был типичным ученым: невысокого роста в очках, застенчивый, очень вежливый человек. Таким он навечно остался в моей памяти. Как же ему удалось создать столь успешно действовавшую, эффективную разведывательную организацию, которой могла бы гордиться любая разведка в мире? Объясняется этот феномен несколькими причинами.

Во-первых, беспроигрышным выбором места расположения резидентуры. Женева находится в самом центре Европы, в нейтральной стране, которая давала приют многим эмигрантам и противникам гитлеровского режима. Во-вторых, было найдено прекрасное прикрытие для разведывательной работы: изготовление географических карт и справочников. В-третьих, очень удачной для разведчика стала и соответственная этому занятию специальность – картограф и географ. При этом Радо был действительно признанным во многих ученых кругах крупным специалистом в своей области. И, наконец, самое главное. Многие в Швейцарии, особенно политические эмигранты, стремились активно участвовать в борьбе против фашистской Германии… Поэтому не случайно, что пик успешной деятельности Радо пришелся именно на переломные годы войны на восточном фронте. Таковы некоторые причины, обусловившие успех резидентуры Шандора Радо»[3].

Согласно сведениям 2-го (информационного) управления ГРУ ГШ КА, группа «Доры» «поставляла обширный материал по следующим вопросам: планы и намерение военно-политического руководства Германии и командования её вооруженных сил, резервы армии, переброска войск по странам Европы и на Восточный фронт, возможности Германии по производству танков, самолетов, артиллерии, сведения о возможностях развязывания Германией химической войны против Советского Союза»[4].

Умер Шандор Радо в Будапеште 20 августа 1981 года.

Примечания

[1] Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М., 1973. С.25.

[2] Rado S. Dora nadaje… Warszawa, 1976. S.74.

[3] Мильштейн М. Сквозь годы войн и нищеты. М., 2000. С. 60–61.

[4] Лота В. ГРУ и атомная бомба. М., 2002. С.159.

Рут Вернер: «Соня рапортует»

Так называется ставшая бестселлером книга воспоминаний легендарной разведчицы, работавшей в Китае, Польше, Швейцарии и Англии под псевдонимом «Соня». Имя это придумал ее первый начальник – Рихард Зорге, но оно никогда не стало бы широко известно, если бы не книга. Потому что разведчик становится известен, как правило, после провала, а эта женщина проработала без провала двадцать лет, сумев, кстати, «без отрыва от производства» родить и вырастить троих детей – случай, вообще-то, уникальный. Но, как она сама говорила, «грудные дети – великолепная маскировка». Кто бы мог подумать, что эта такая приличная с виду мать семейства…

Урсула Кучински родилась 15 мая 1907 года в Целендорфе, фешенебельном районе Берлина, в семье Кучинских: немецкого ученого-статистика Рене Роберта и художницы Берты. Она была вторым ребенком в семье: кроме нее и старшего брата Юргена, у родителей было еще четыре младших девочки. Семья жила небогато, хотя и не бедно – смотря с чем сравнивать. Правда, в войну им, как и большинству немцев, пришлось хлебнуть лиха, да и после войны в разоренной войной Германии жить было не сладко. В семнадцать лет, закончив лицей и торговую школу, Урсула пошла работать ученицей в книжный магазин «Прагер», вступила в комсомольскую организацию района Целендорф и стала членом профсоюза служащих. В том же, 1921 году, ее отец получил приглашение поехать работать в США – это была возможность хоть как-то прокормить семью, и он согласился. Мать поехала с ним, и девушка осталась фактически главой семьи, поскольку старший брат, как мужчина, не очень-то вникал в домашние дела. С тех пор по шесть месяцев в году родители проводили в Америке, оставляя детей дома.

В мае 1926 года Урсула стала членом коммунистической партии Германии и сразу же активно включилась в партийную работу. А в 1928 году ее политическая деятельность стала известна ее работодателям, и девушка потеряла работу. В Германии того времени это было катастрофой. Поиски работы ни к чему не привели, и она решила уехать в Америку, где к тому времени уже обосновался ее старший брат Юрген. Два года, 1928 и 1929, она провела в США. Сначала жила в Филадельфии, где давала уроки немецкого языка детям одной квакерской семьи, потом служила горничной в гостинице «Пенсильвания», затем ей посчастливилось найти работу по специальности – в книжном магазине в Нью-Йорке.

Рут Вернер (1907–2000)

Однако Америка Урсуле не понравилась, и в 1929 году она вернулась в Германию, где почти сразу же вышла замуж за молодого архитектора Рудольфа Гамбургера. Жизнь не сулила молодым людям ничего хорошего, ибо перспективы найти работу в охваченной кризисом Германии у Рольфа также не было. Однако представилась возможность получить неплохую должность в Китае. Знакомый Рудольфа сообщал ему, что требуется архитектор в городское управление Шанхая, во главе которого стоит английская администрация.

Вскоре супруги выехали в Китай: Рудольф в поисках перспективной работы, а Урсула еще и с тайной мыслью вести революционную работу бок о бок с китайскими коммунистами, о которых тогда много писали. Летом 1930 года они добрались, наконец, до Шанхая и

поселились на авеню Жоффр, 1464. Урсула увидела совершенно иной мир, столкнулась с ужасающей азиатской эксплуатацией и нищетой. Впрочем, европейцев это не касалось. Никогда еще она не жила в такой роскоши и безделье. В то время как Рольф работал помощником архитектора в отделе общественных работ муниципального совета, она искала себе работу, хоть какое-то занятие, и искала возможность связаться с китайскими коммунистами, просила о помощи товарищей по КПГ, но тщетно. Однако возможность вскоре появилась – правда, совсем с другой стороны, и это были совсем не китайцы…

Осенью 1930 года Урсула познакомилась со знаменитой Агнес Смедли – американской писательницей и журналисткой левого направления, жившей в Шанхае. Женщины подружились, и как-то раз Урсула пожаловалась американке, что никак не может найти себе применение как коммунистка. Через некоторое время, присмотревшись к молодой немке, Агнес сказала, что, если та согласится, ее мог бы навестить один коммунист, которому можно полностью доверять. Так Урсула познакомилась с Рихардом Зорге и вскоре стала информатором и хозяйкой конспиративной квартиры, где встречались члены его группы. Урсула должна была предоставлять для совещаний одну из своих комнат. Ни присутствовать при разговоре, ни, тем более, интересоваться тем, что там происходит, ей не полагалось. Этого требовали правила конспирации, которые в Шанхае начала 1930-х годов, когда за принадлежность к Компартии грозили пытки и смертная казнь, были условием выживания. А зимой 1931 года, у супругов Гамбургер родился сын Миша.

Постепенно Урсула приобретала опыт, ее знания ширились. Рихард стал давать ей все более и более сложные поручения. Она обрабатывала поступающую информацию, переводила донесения с английского языка на немецкий, фотографировала документы. Получала почту и донесения, встречалась с теми китайцами, которые не могли приходить к ней на квартиру, начала заниматься вербовкой, постигала основы конспирации. «Конспирация стала моей второй натурой, поскольку товарищи, которых надо было уберечь, действовали в условиях постоянной опасности. Забота о них вошла у меня в плоть и кровь, так же, как и забота о моем маленьком сыне…» – вспоминая то время, писала она. При этом Урсула пока еще не знала, на кого работает. Она выполняла партийную работу, ее соратниками были коммунисты – этого было достаточно для нее.

Основной проблемой были отношения с Рудольфом. Несмотря на свои левые убеждения, муж, как только они приехали в Китай, упрашивал Урсулу отказаться от партийной работы, чтобы не подвергать риску себя и ребенка. Так что конспирироваться пришлось, в первую очередь, от Рольфа. В течение всех трех лет их жизни в Шанхае он так и не узнал ни о работе Урсулы, ни того, что их квартира использовалась для нелегальных встреч.

В декабре 1932 года Зорге внезапно покинул Китай и её руководителем стал «Пауль» он же ветеринар из Эстонии Зельман Клязь, а на самом деле советский военный разведчик Карл Римм. К тому времени Урсула уже знала, на кого она работает, но, как коммунистка, ничего против этого не имела. А летом 1933 года ей предложили поехать в Москву на учебу. Это предложение означало, что, в случае согласия, она станет штатным сотрудником Разведупра Штаба РККА.

В Москве, в разведшколе она пробыла полгода. За это время ее подготовили на радистку, после его она получила новое назначение, не менее опасное, чем ее прежняя работа – в Манчжурию, в Мукден. К этому времени Урсула твердо решила расстаться с мужем, несмотря на то, что к тому времени он стал коммунистом. Но партия партией, а любовь – любовью… Сына она оставила у себя.

В Мукден Урсула поехала с новым напарником. Им стал молодой немецкий коммунист, бывший моряк Иоганн Патра. Совместная работа давалась им нелегко – слишком разными по психологии и культуре были женщина из семьи профессора и пролетарий

Иоганн, человек с непростым характером, вспыльчивый, обидчивый и довольно деспотичный. Все же они сработались, а вскоре и полюбили друг друга.

Задание у них было опасное: передавать в Москву разведданные, а кроме того, работать с манчжурскими партизанскими отрядами. Они должны были осуществлять связь между партизанами и СССР, передавать информацию и запросы отрядов, консультировать партизан и, если нужные рекомендации не мог дать Иоганн, запрашивать их из Москвы. Разведчики проработали в Мукдене почти год, когда, в апреле 1935 года, один из хорошо знавших их китайских товарищей был арестован японцами. Надо было срочно уезжать из Мукдена. Вскоре Урсула покинула и Китай. Янина, дочь ее и Иоганна, родилась уже в следующей ее загранкомандировке – в Польше. Урсула вспоминала: «Когда я почувствовала, что у меня будет второй ребенок, меня не покидали сомнения: а возможно ли это при моей опасной работе? … И тогда я сказала себе: дети придают силы, вселяют уверенность и делают жизнь веселой. Лучше быть веселым разведчиком, чем грустным, спокойным, чем нервным. А там, где висят пеленки, вряд ли кто ожидает встретить разведчика. И я решилась»[1].

По странной прихоти судьбы, в Польшу ей предложили ехать… с ее первым мужем Рудольфом, который к тому времени тоже стал работать на советскую разведку. Московское начальство ничего не знало о нюансах их отношений, а Рудольф был готов по-прежнему заботиться о ней и её детях. Они поселились в Варшаве. Одно время Урсула была радисткой у Николы Попова («Черный»), затем некоторое время, вместе с детьми, жила в Данциге, работая с местной антифашистской группой. Но потом работы стало мало, ее отозвали и почти сразу направили в Швейцарию. Вообще пребывание в Центре для Сони, в отличие от других разведчиков, было сведено до минимума, необходимого для переподготовки – вероятно, потому, что она резко отрицательно относилась к разлуке с детьми, которых брать с собой в СССР было нельзя.

Следующим место ее командировки стала Швейцария, куда Соня поехала уже в качестве резидента, руководителя хоть и маленькой, но собственной группы. К тому времени все ее немецкие родственники, спасаясь от фашизма, перебрались в Лондон, там же были и дети. Заехав туда по пути, Урсула, во-первых, привлекла к работе на советскую разведку отца, брата и одну из своих сестер, а во-вторых, через английских ветеранов испанской войны сумела найти себе двоих помощников – Леона Бертона и Александра Фута. Еще один человек из ее группы – Франц Оберманнс – должен был прибыть из Москвы.

Урсула с детьми поселилась в горах у Монтрё, неподалеку от Лозанны. Работать ей предстояло против Германии, и ее помощники-англичане сразу же по приезде отправились на территорию Третьего Рейха: Фут должен был поехать в Мюнхен и попытаться проникнуть на авиационные заводы «Мессершмитт», а Леон – легализоваться во Франкфурте-на-майне и проникнуть на завод «И. Г. Фарбениндустри». Англичане находились в Германии до самого лета 1939 года, пока из Центра не пришел приказ: срочно отозвать их обратно в Швейцарию и обучить на радистов. Близилась мировая война, которая неизбежно должны была привести к закрытию границ, и главной проблемой нашей разведки, в ближайшем будущем должна была стать – и стала! – связь с зарубежными резидентурами. Однако швейцарская сеть, в основном, благодаря работе Урсулы Кучински, этих трудностей не испытывала никогда.

Вскоре после начала Второй мировой войны Урсула получило новое задание: связаться в Женеве с «товарищем Альбертом», резидентом Разведупра, после начала войны потерявшим связь с Центром. Это был не кто иной, как Шандор Радо. Сначала она сама передавала его сообщения, потом подготовила для «Альберта» еще двоих радистов – супругов Хамелей. Пожалуй, такого количества радистов не имела в то время ни одна советская разведсеть.

Начало войны и эмигранский статус сильно осложнили положение Урсулы в Швейцарии. Ей нужен был надежный паспорт и хорошее гражданство. И тогда она решает

заключить фиктивный брак с одним из своих помощников-англичан. Выбор пал на Леона Бертона. Так Урсула вышла замуж в третий (и последний) раз, прожив со своим третьим мужем с любви и согласии всю оставшуюся жизнь.

Военные действия в Европе развивались стремительно. Никто не мог предсказать, сможет ли Швейцария сохранить нейтралитет, или она будет оккупирована немцами. Урсула, еврейка и коммунистка, ничего хорошего для себя в этом случае ожидать не могла. Центр дал ей задание выехать из страны, и в декабре 1940 года она с детьми уезжает в Англию.

В Англии жизнь для Урсулы была безопасней, чем в Швейцарии, но значительно труднее. Началось все с того, что связник из Центра на условленное место не пришел, и не приходил несколько месяцев. Не было связи – не было и денег. Начались проблемы с жильем, детей пришлось отдать в пансион (а девочке в то время было всего четыре года!). Леон тоже никак не мог добраться до Англии через охваченную войной Европу. Она уже почти потеряла надежду на появление связника, когда в мае, через полгода после ее появления в Англии, он вышел на связь.

Снова ей приходилось совмещать в одном лице радиста и резидента. Сначала она поставляла в центр, в основном, политическую и экономическую информацию, сдобренную некоторым количеством сведения о военных разработках. (Кстати, именно она сообщила в Москву знаменитую фразу известного английского лейбориста Стаффорда Криппса «Советский Союз потерпит поражение не позднее, чем через три месяца. Германский вермахт пройдет сквозь Россию, как горячий нож проходит сквозь масло».) А вскоре брат Юрген связал ее с одним своим знакомым, который оказался причастен ни больше, ни меньше, как к атомным разработкам. Это был немецкий физик Клаус Фукс.

Клаус Фукс родился 29 декабря 1911 года, в Германии, неподалеку от Дармштадта, в семье лютеранского священника. После окончания гимназии поступил в Лейпцигский университет, где занимался математикой и теоретической физикой, сразу же показав блестящие способности. В 1931 году Клаус вступил в Социалистическую, а в 1932 году – в Коммунистическую партию Германии. После прихода к власти нацистов Фукс перешел на нелегальное положение, чудом избежав ареста, а в июле 1933 года эмигрировал, выехав сначала во Францию, а затем в Англию, где стал работать в Бристольском университете, занимаясь теоретической физикой. В 1937 году он переехал в Эдинбург, где стал работать у знаменитого немецкого физика Макса Борна. Все это время Фукс оставался коммунистом и даже особо не скрывал своих взглядов, но, поскольку он был физиком-теоретиком, представителем «чистой науки», в то время это мало кого волновало.

После начала Второй мировой войны Фукс, как немец, был интернирован и освобожден только в декабре 1940 года, после чего вернулся к прерванным занятиям физикой и в начале 1941 года принял английское гражданство. А в мае 1941 года профессор Бирмингемского университета Пайерлс предложил ему поучаствовать в «одном военном проекте». Это оказался проект «Тьюб эллойз». Англия раньше США начала исследовать возможности создания атомной бомбы. Уже в октябре 1940 года в Британском комитете по науке обсуждался вопрос о работах над этим проектом. Тогда же был основан Урановый комитет, а 16 апреля 1941 года на его заседании был сделан вывод, что атомная бомба может быть разработана в течение двух лет. Итогом заседания стало начало проекта «Тьюб эллойз».

В июне 1942 года активные работы над проектом «Манхэттен» – так называли работы по создания американской атомной бомбы – начались в США, а в конце того же 1943 года решение о создании атомной бомбы было принято и в СССР.

Еще осенью 1941 года, во время одной из поездок в Лондон, Фукс попросил Юргена Кучински помочь ему связаться с советской разведкой. Юрген выполнил его просьбу, но первым связником Клауса стал секретарь советского военного атташе Семен Кремер («Барч»), один из офицеров лондонской резидентуры. Однако весной 1942 года связь Фукса с

лондонской резидентурой прекратилась, он снова обратился к Юргену, и теперь тот связал его непосредственно со своей сестрой. Первая встреча Фукса и Сони состоялась летом 1942 года, последняя – в ноябре 1943, когда Фукс получил приглашение от Оппенгеймера продолжить работу уже за океаном, в лаборатории Лос-Аламоса.

Всего за время сотрудничества с военной разведкой от Клауса Фукса поступило 116 фотокопий и 1018 листов информационных материалов, а также 5 образцов. Это была ценнейшая информация. В 1943 году Фукс был направлен в США для участия в проекте «Манхеттен». Во время последней встречи Урсула передала ему инструкцию для установления контакта с советской разведкой в Америке. Новым его связником стал агент НКВД, поскольку к тому времени ведомство Берия стало курировать все атомные вопросы.

Среди источников информации, связанных с «Соней», был и Ганс Кале сыгравший в Испании видную роль в Интернациональных бригадах как командир дивизии. Кале родился в 1899 году. Воевал на фронтах первой мировой войны в звании лейтенанта. Вступил в КПГ в 1928 году. С 1933 года в эмиграции во Франции и Испании, где участвовал в рабочем движении и гражданской войне. В 1939 перебрался в Великобританию, там входил в руководство местной организации КПГ, был военным корреспондентом газеты КПВ «Дейли уоркер», а также журналов «Тайм» и «Форчун». С «Соней» сотрудничал в 1941–1942 годах, передвая ей сведения собранные им лично и ещё пятью немецкими эмигрантами. Она с ним виделась примерно дважды в месяц и получала полезные данные. Для Ганса приходили запросы, по которым можно было судить, что именно важно для Центра.

О другой работе Урсулы известно, например, что в период активных бомбардировок немецкой авиацией английских городов от ее источников поступала информация об их эффективности, которая подчас составляла 30 процентов. Эти данные поступали от источников, служивших в ВВС.

Летом 1942 года, наконец, в Англию приехал и Леон. Он хотел пойти на фронт, а Урсуле хотелось, прежде чем муж уйдет на войну, иметь от него ребенка. Тогда-то она и сказала эту замечательную фразу: «Грудные дети – великолепная маскировка». 8 сентября 1943 года у них родился сын Петер. А вскоре Леона призвали в армию, и незадолго до окончания войны он отправился на фронт – в Европу.

…Вроде бы они делали будничную работу – но Центр считал иначе. Как-то раз, в августе 1943 года, на встрече связник передал ей благодарность из Центра дословно. Ее начальник сказал: «Имей мы в Англии пять Сонь, война кончилась бы раньше».

Сравнительно недавно стали известны подробности одной из операций советской военной разведки в данной стране, в которой самое активное участие принимала и «Соня» и даже члены ее семьи. А началось все так: в октябре – ноябре 2004 года информационные агентства и пресса ряда стран мира сообщили, со ссылкой на германский журнал «Шпигель», о том, что президент США Джордж Буш решил наградить (посмертно) высокой наградой – орденом «Серебряная звезда» – двух американских разведчиков времен второй мировой войны. Сенсацию вызвал тот факт, что те же самые люди были и советскими военными разведчиками.

Семья Кучинских в те годы занимала заметное положение среди немецких эмигрантов в Англии. Глава её ученый экономист и статистик Рене Роберт (1876–1947) проживал в этой стране с супругой Бертой (1879–1947) и пятью детьми. Их сын Юрген – член Компартии Германии, уже известный экономист, дочери – Урсула, Бригитта, Рената и Сабина. Главными действующими лицами в данной истории были двое из них. Урсула («Соня», «Маргарита») и ее брат Юрген («Пит», «Каро»), который помимо разведывательной работы занимался научной и партийной деятельностью, находился на ответственных постах в местном отделении движения «Свободная Германия».

Осенью 1944-го научные познания Юргена Кучинского потребовались американской

разведке. Пригласило его на работу находившееся в Лондоне Бюро по американской стратегии бомбовых ударов (United States Strategic Bombing Survey), связанное с УСС – Управлением стратегических служб США (US Office of Strategic Services), которому на смену в 1947 г. пришло ЦРУ. Насколько высоко американцы оценивали профессиональный уровень Юргена видно хотя бы из того, что ему сразу же присвоили воинское звание полковника. Но согласие занять столь ответственный пост он дал не сразу. Прежде, через сестру, он получил разрешение на это из московского Центра и только тогда приступил к работе. Урсула в своих воспоминаниях, написанных под её литературным псевдонимом «Рут Вернер», отмечала, что с тех пор от брата поступали ценные сведения.

Вскоре к Юргену обратился за помощью лейтенант УСС Джозеф Гоулд («Макс»), которому было поручено подобрать и подготовить для разведывательной работы в Германии надежных людей. Получив одобрение Центра, Кучинский познакомил лейтенанта с 37-летним коммунистом Эрихом Хеншке («Денис»), членом КПГ с 1928-го, выпускником Международной Ленинской школы Коминтерна, интербригадовцем и журналистом в период Гражданской войны в Испании. И Гоулду Эриха представили под его испанским псевдонимом – Карл Кастро. Он стал посредником между американской разведкой и немецкими эмигрантами.

Чтобы Хеншке мог полностью сосредоточился на выполнении полученного задания, ему разрешили временно оставить партийную работу. Естественно, обо всем происходящем в ходе сотрудничества с УСС «Кастро» информировал Урсулу. Специально отобранные для американцев люди – Антон Ру, Пауль Линднер, Адольф Бухгольц, Курт Грубер, Вернер Фишер, Вальтер Стрюве, Эмиль Конхойсер – через неё же утверждались московским Центром и только потом поступали в их распоряжение. Немецких товарищей проинформировали о том, что Советский Союз санкционировал использование эмигрантов – коммунистов в данной операции.

«Вышеназванные товарищи заключили контракт с УСС, им хорошо платили, и их жизнь была застрахована на порядочные суммы. За этим последовало интенсивное обучение в Англии в течение приблизительно десяти недель. – Писала много лет спустя Урсула. – Они осваивали парашютное дело и учились обращаться с «уоки-токи», портативными рациями, своего рода радиотелефоном, которые тогда были еще новинкой. Они вызубрили наизусть цифровой код. Их паспорта, одежда, биографии – все было подготовлено самым тщательным образом. Прыгая с парашютом, они должны были иметь при себе невидимые чернила, пилюли с ядом и небольшой запас особо питательной еды. Сведения обо всем этом я передала в Центр. Директор подтвердил, что наш материал представляет интерес, особенно цифровой код. Каждый из товарищей должен был в оговоренный день и в определенный момент спрыгнуть с самолета с парашютом в выбранном заранее месте и, приземлившись, первым делом настроить свою портативную рацию. Американский самолет появится над районом выброски и установит с парашютистами связь через эти рации».

Из семи подготовленных разведчиков наиболее успешной оказалась миссия первых двух агентов (группа «Хаммер»). Это были друзья Антон Ру и Пауль Линднер.

Антон, родившийся в Берлине в 1912 году в рабочей семье, не был новичком в том деле, которым ему предстояло заниматься на родине. В начале 1930-х, до прихода Гитлера к власти, он был сотрудником партийной разведки, одного из подразделений военного аппарата Компартии Германии. После очередного ареста в 1933-м его выслали в Австрию, гражданином которой он являлся. Там Антон вступил в Компартию и стал бойцом «Шуцбунда», военизированного отряда Социал-демократической партии и участвовал в следующем году в февральских стычках с правительственными войсками после запрещения деятельности всех политических партий. Тогда ему пришлось бежать в Чехословакию (1934), а оттуда в Великобританию (1939). Как и многие другие немецкие эмигранты, он был

интернирован и выслан в Австралию, где находился с июня 1940 по ноябрь 1941 года. Вернувшись в туманный Альбион в 1942 году, он вступил в местную группу КПГ, и работал сварщиком. Эта профессия была ему также хорошо знакома еще по Германии.

Пауль, который был старше Антона почти на год, как и он был сыном рабочего и родом из Берлина. Он активно занимался партийной работой в рядах КПГ, участвовал в профсоюзном движении. После прихода нацистов к власти находился на нелегальной работе в движении Сопротивления. В 1935-м ему пришлось бежать в Чехословакию, а оттуда через четыре года в Лондон, где Пауль занимался беженцами, которых опекала Молодежная лига Лейбористской партии. В свое время (1940–1942 гг.) Линднер был интернирован, сначала в Канаде, а потом на острове Мэн. Возвратившись в Лондон, он женился, и устроился токарем на завод, занялся прежней своей общественной работой, стал членом движения «Свободная Германия».

Их высадили с американского самолета в условленном месте, откуда Тони и Пауль добрались до Берлина. «Хаммерам», несмотря на многочисленные трудности, удалось не только найти укрытие, но и наладить с помощью родных и тех людей, адреса которых они получили в Лондоне и от УСС и от ГРУ, сбор необходимой информации и передачу её в оба разведцентра. Согласно воспоминаниям Рут Вернер, «Тони начал со своей сестры, фрау Тредуп, мужественно поддержавшей его. Он закопал свою «уоки-токи», которую, по имеющимся у меня сведениям, позднее, после окончания войны, передал людям из Центра. Работа с УСС прекратилась через несколько недель после окончания войны, когда американцы демобилизовали наших товарищей».

Всего около двух месяцев (март – апрель 1945 г.) продолжалась их работа в столице Германии, но это был очень важный период в истории войны. Шли последние недели тяжелых наступательных боев Восточно-Прусской операции войск 2-го и 3-го Белорусских фронтов, при поддержке 1-го Прибалтийского фронта и Балтийского флота, в результате которых была разгромлена группировка противника в Восточной Пруссии, освобождены некоторые районы Северной Польши. Одновременно в ходе Восточно-Померанской операции 2-го и 1-го Белорусских фронтов, а также Балтийского флота советские армии вышли к побережью Балтийского моря, очистив от врага польское Поморье. И, наконец, стратегическая Берлинская операция, которая завершилась подписанием 8 мая акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Есть сведения, что Ру и Линднер спустя некоторое время были арестованы сотрудниками СМЕРШа, а потом переданы союзникам. Но, в конце концов, они все же опять оказались на родине (Антон прибыл в Берлин из Лондона в 1947-м). Друзья вступили в Социалистическую единую партию Германии. Пауль стал партийным работником, но больших постов не занимал, а Антон был главным таможенником ГДР, послом в Румынии. Там, в Бухаресте, он и умер в 1964 году. Пауль пережил его на 5 лет.

Эрих Хеншке в ГДР занимался журналистикой, работал в пресс-бюро ряда организаций, был заместителем главного редактора, главным редактором газеты «Берлинер цайтунг», её корреспондентом в Пекине. Умер в 1988 году.

Юрген Кучинский, на родине стал всемирно известным ученым, занимал ряд общественных и государственных постов, был директором Немецкого института экономики и Института экономической истории АН ГДР, лауреатом двух Национальных премий (1949, 1974), иностранным членом АН СССР. Количество написанным им научных трудов исчисляется тысячами. Умер он в 1997 году.

Родственники Антона Ру (сын) и Пауля Линднера (вдова) были приглашены в мае 2006 года в американское посольство в Берлине. Им в торжественной обстановке вручили американские ордена «Серебряной звезды», которыми посмертно были награждены Ру и Линднер[2].

В 1945 году, после предательства шифровальщика советского военного атташе в Канаде Игоря Гузенко и попытки бежать Шандора Радо, Центр прекратил связь с Соней. Из-за неправильно определенного места тайника она не получила денег. Начались трудные дни неизвестности и безденежья. Летом 1947 года, после того, как бывший её радист Александр Фут перешел к англичанам, к ней домой наведались работники английских спецслужб. Правда, ничего конкретного сказано не было, о её работе после Швейцарии Фут ничего не знал, но было ясно: в Англии ей больше не работать.

И тогда Урсула стала добиваться возвращения домой, в Германию. Но вскоре после ареста Фукса, а именно в марте 1950 года ей пришлось уже срочно бежать из страны и с двумя младшими детьми вернуться в Берлин.

Через некоторое время к ней присоединяется Леон, а затем и Миша. Семья снова вместе. Сначала она работала в ведомстве информации, оставив эту работу в 1953 году, когда туда пришли новые люди, с которыми она не сработалась. Затем некоторое время служила во внешнеторговой палате, откуда она уволилась в 1955 году, решив посвятить себя занятию, к которому испытывала склонность с самого детства – литературе. Ранее она выпустила несколько книг по экономике, подписавшись Урсула Бертон.

Подводя черту под прошлой своей работой, она избрала литературный псевдоним Рут Вернер и в 1957 году выпустила первый свой роман «Необычная девушка». В 1961 году вышла ставшая известной книга «Ольга Бенарио», посвященная памяти немецкой революционерки, трагически погибшей в концлагере.

Всего она написала 15 книг, из которых три посвящены разведке, в том числе и знаменитые, ставшие бестселлером мемуары «Соня рапортует». Нелегко далось бывшей разведчице, приученной к строжайшей конспирации, решение написать о своей работе. Как она сама говорит, об этом «попросила партия». Книга вышла в свет только в 1977 году, спустя двадцать лет после начала литературной работы ее автора, и тридцать лет после окончания карьеры разведчицы Сони.

За свои заслуги она была дважды награждена орденом Красного Знамени, орденом Дружбы народов (СССР); орденом Карла Маркса (ГДР).

Урсула Кучински умерла в Берлине 7 июля 2000 года, на 94 году жизни. Ее муж, Леон Бертон, умер в 1997 году, в возрасте 83 лет. Похоронены они на небольшом кладбище своего района.

Несмотря ни на что, Урсула Кучински удивительным образом сумела сохранить верность идеалам своей молодости, убеждение в том, что она жила правильно. «Многие говорят, что я прожила жизнь напрасно, – рассказывала она в 1991 году. – Так говорят мои товарищи, те, кто покинул партию с чувством разочарования. Я же утверждаю, что моя борьба была борьбой против фашизма. Если моя работа приблизила победу хотя бы на три дня, даже на два часа, я могу ходить с высоко поднятой головой»[3].

А что же Клаус Фукс? 28 ноября 1943 г. на американском судне «Андрес» Фукс вместе с тридцатью другими английскими учеными отплыл из Ливерпуля в Норфолк, штат Вирджиния.

В 1946 г., после испытания атомной бомбы, Фукс, как и большинство участвовавших в проекте английских ученых, вернулся в Великобританию. 1 августа 1946 г. США приняли так называемый «Акт Макмагона», запрещавший всякое сотрудничество с другими странами в ядерной области. Америка, попросту говоря, обманула союзника, воспользовавшись английскими научными разработками и ничего не дав взамен. Поэтому английское правительство приняло решение о создании собственной атомной бомбы, работы над которой начались в 1947 г. Фукс возглавил теоретический отдел проекта, так как едва ли кто-либо другой знал в этой области больше, чем он. Связь с советской разведкой в Англии возобновилась (теперь уже с разведкой МГБ, что было оправданно, поскольку атомную

программу Советского Союза курировало ведомство Берии).

Как английские, так и американские спецслужбы знали о том, что существует утечка информации по атомному проекту, причем было известно, что в США она происходила из британской военной миссии. Английская контрразведка, проверив все досье, всерьез заинтересовалась Фуксом и взяла его в разработку. За ним тщательно следили, прослушивали телефонные разговоры, проверяли корреспонденцию – но тщетно, никаких доказательств его шпионской деятельности найти не удавалось. Фукс был опытным агентом, встречался со связниками редко и в условиях строжайшей конспирации, в остальное время его жизнь ничем не отличалась от жизни коллег. Однако кое-что тщательное наблюдение все же дало – оно помогло контрразведчикам составить психологический портрет объекта разработки.

К тому времени ученый уже начал подумывать о том, чтобы уйти из атомного проекта. Его отец принял решение переехать в ГДР, что давало Фуксу формальный повод сменить место работы. Однако дело было не в этом. Война закончилась, соотношение сил в мире изменилось, начиналась «холодная война». В новых обстоятельствах он уже не столь был уверен в этической оправданности своих действий. Он был слишком многим обязан Англии, чтобы продолжать в новых условиях работу против страны, ставшей его второй родиной. Сказывалась и психологическая усталость от многолетней работы в условиях повышенного риска, даже более повышенного, чем на самом деле, потому что все время своей тайной работы Фукс был уверен, что в случае разоблачения ему грозит смертная казнь. Внутренний разлад, депрессия – позднее он назовет свое тогдашнее состояние «контролируемой шизофренией».

А вот что писала о нем Лаура Ферми в своих мемуарах «Атомы у нас дома»:

«Он не вызывал никаких подозрений. Когда в 1950 году Фукс сам сознался в своей шпионской деятельности, он заявил, что у него в то время было своего рода раздвоение личности, что позволяло ему совершенно изолировать свои дружеские отношения с людьми от своих политических идеалов.

Мы все в Лос-Аламосе вполне доверяли ему и постоянно встречались с ним на всех вечеринках, которые у нас часто устраивались. По вечерам здесь делать было нечего, мужья не могли говорить с женами о своей работе, и единственным развлечением было кино. Поэтому мы часто ходили друг к другу в гости, и Фукс постоянно бывал в нашей компании. Он с удовольствием играл с нами в «убийство» или в шарады, но говорил мало. Мы все считали его очень милым молодым человеком, но ничего не знали о нем.

В начале 1950 года он даже без особого нажима, и чуть ли не добровольно, полностью во всем признался. Мы с Энрико следили по газетам за следствием и судом. Нас поразил один чрезвычайно странный факт, которому просто трудно было поверить: Фукс явно не понимал всего значения своих поступков. Он чувствовал свою вину перед друзьями, которых он обманывал, но не считал себя виновным в предательстве по отношению к стране, которую он сам избрал своей родиной и которой он присягал в верности. Он не думал, что ему придется держать ответ и даже не предвидел неизбежных последствии своего признания – что его привлекут к суду, вынесут приговор и отправят в тюрьму. Он считает, сказал он английскому следователю, что ему, пожалуй, лучше отказаться от своей работы в Харуэлле, поскольку его прошлое стало известным…

Харуэлл в Англии – это двойник Лос-Аламоса, место, где производились секретные атомные исследования, и Фукс занимал там видное, руководящее положение. Хотя он не допускал мысли, что его можно назвать «шпионом», все-таки он соображал, что человеку с его репутацией вряд ли доверят теперь важную секретную работу. Но он был уверен, что ему нетрудно будет получить место преподавателя в каком-нибудь английском университете.

Несомненно, что умственные способности Фукса были значительно выше среднего уровня, но его способность здраво судить – много ниже, и весьма вероятно, что она была

искалечена его прошлой жизнью. В Германии, где он был участником подпольного движения, и позднее, в Англии, он слышал непрестанные восхваления тех, кто боролся с гитлеровским режимом. От этого он легко мог прийти к выводу, что отдельный человек в сущности мыслит более здраво, чем государство или организованное общество.

Как правящая государственная власть даже и сама Англия совершала действия, оскорблявшие отдельных лиц, в том числе и Клауса Фукса. В мае 1940 года все «враждебные иностранцы» независимо от их политических убеждений были интернированы. Хотя Фукс бежал в Англию от преследований нацистов, он тоже был отправлен в лагерь на остров Мэн, а затем в Канаду. Англия в тот момент не могла позволить себе риск церемониться с чужестранцами, потому что над ней нависла такая страшная опасность, какой она не переживала со времен «непобедимой армады». «Странная» война во Франции закончилась, и гитлеровские войска прошли победным маршем по Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембургу. Франция была оккупирована. Англии предстояло бороться за свою жизнь.

В январе 1941 года Фукса освободили из концентрационных лагерей в Канаде, и он вернулся в Англию. В июле предыдущего года Великобритания подписала договор о взаимопомощи с Россией сроком на двадцать лет, а на следующий год, в июне, Гитлер бросил свои полчища на Россию, и теперь все надежды обратились на коммунистов, только они могли разгромить нацистов. В этот исторический момент Фукс сделал то, что ему подсказали его убеждения, – он предложил свою помощь русским. А то, что он преступил закон, установленный государством, пусть даже государством Великобритании, которое предоставило ему политическое убежище, в этом, по его мнению, не было ничего морально дурного».

Так все это происходило или иначе, но его состоянием воспользовались опытные психологи из МИ-5. После серии бесед изощренными психологическими приемами они заставили Фукса признаться в работе на советскую разведку. Суд над ним состоялся 1 марта 1950 г. Приговор был – 14 лет тюрьмы. Был он осужден не за измену, а в соответствии с законом о защите государственных секретов по статье, максимальная мера наказания по которой составляла 14 лет, которые Фукс и получил.

Вот как вспоминает об этом моменте своей жизни сам Фукс:

«…Из всего судебного заседания я запомнил только ступеньки, которые вели к отгороженной от всего зала скамье подсудимых. Когда я, не видя ничего вокруг себя, сел на нее, мой защитник, наклонившись ко мне, спросил: «Вы знаете, какое вас может ожидать максимальное наказание?» «Да, – сказал я, – я знаю, это – смертная казнь». «Нет, – сказал он, – максимальная мера наказания за это – 14 лет тюремного заключения». Самое странное, что я ничего в этот момент не почувствовал. Я был уверен, что меня ожидает смертная казнь, смирился и был готов к этому. В этом как раз и заключалась моя ошибка – настоящий разведчик должен был драться, бороться за жизнь до последнего. А затем я вдруг почувствовал то, что и должен был почувствовать в моей ситуации смертник, которому неожиданно говорят: тебя не казнят, ты будешь жить…»

Тяжелое душевное состояние Фукса усугублялось еще и тем, что Советский Союз на официальном уровне отказался от него. 6 марта 1950 г. ТАСС опубликовало заявление по поводу процесса над Фуксом: «…Выступивший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, что будто бы Фукс передавал атомные секреты «агентам советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

Это не значит, что советская разведка бросала своих работавших за границей сотрудников и агентов – при малейшей опасности для их спасения делалось все возможное и невозможное. Но при одном условии – если они не признавались. В то время в советской

разведке существовало жестокое правило: признавшийся разведчик – предатель. По этой причине многолетнему забвению было предано имя Рихарда Зорге. По этой же причине Советский Союз отказался и от Фукса. (Кстати, Фукс, признавая факт собственной работы на советскую разведку, практически никого не выдал. Он назвал только одно имя, да и то под давлением неоспоримых улик, представленных ФБР, – опознал своего американского связника Гарри Голда).

Но для ГДР Клаус Фукс по-прежнему оставался немецким коммунистом. Как вспоминала его вдова Грета Кельсон-Фукс, «в ЦК сразу же стали думать, как помочь, по крайней мере, как приободрить Клауса в тюрьме, дать ему понять, что в ГДР не забыли и ждут его. Я уже не говорю о том, что это был очень деликатный вопрос, решить который необходимо было, не затрагивая интересы советских товарищей …».

В английской тюрьме Фукс провел 9 лет. В июле 1959 г. власти ГДР его обменяли, и он тут же вылетел в ГДР, обосновавшись в Дрездене. Там он встретил свою старую знакомую, еще по недолгому пребыванию в Париже в 1933 г. – Грету. Вскоре они поженились и прожили вместе 28 лет – до самой кончины Клауса Фукса. В ГДР Фукс возглавил Институт ядерных исследований в Россендорфе, показав себя не только ученым, но и прекрасным организатором науки. Коллеги вспоминают его как выдающегося ученого и как прекрасного человека, полностью чуждого всякого высокомерия, простого, доброжелательного и внимательного к людям. В ЦК КПСС отмечали: Фукс «занимается в основном научной работой. Совместно с советскими специалистами участвовал в разработке реактора на быстрых нейтронах, который по определению самого Фукса, является «детищем его жизни». Регулярно в научных целях посещает Советский Союз, имеет тесные дружественные отношения с советскими учеными и специалистами…» (09.04.1986).

В общем-то, наверное, правы те, кто утверждает, что если бы не работа на советскую разведку, то Клаус Фукс мог бы достичь в жизни гораздо большего, войти в число самых крупных ученых XX века, стать нобелевским лауреатом. Он выбрал другую судьбу, работая не на собственную научную карьеру, а, говоря современным языком, на ядерный паритет – то есть на мир… Награжден был орденами ГДР «За заслуги перед Отечеством» (1971) и Карла Маркса (1979), дважды стал лауреатом Национальной премии ГДР (1970, 1975).

Клаус Фукс был не единственным, кто поставлял СССР сведения об атомной бомбе. Но он был самым результативным из всех. И, что интересно, пока шла война, из Великобритании поступало больше информации о проекте, чем из США.

Умер Клаус Фукс 28 января 1988 г. в Дрездене, ГДР.

Примечания

[1] Александров М. Разведчик, который не одинок // Ленинское знамя. М., 1989. 19 марта.

[2] Кочик В.Я. Секретная миссия «Хаммер» // Независимое военное обозрение. М., 2006. 24 марта.

[3] Интервью Рут Вернер // За рубежом. М., 1991. № 51. С.7.

Хаджи-Умар Мамсуров – горец, первый и настоящий

В своем романе о Гражданской войне в Испании «По ком звонит колокол» Эрнест Хемингуэй вывел героический образ американского добровольца – подрывника Роберта Джордона. Главный герой имел несколько прототипов, но основным был человек известный в Испании как Ксанти. Создавая роман, писатель распросил его и других добровольцев, о деятельности партизанских и диверсионных отрядов. Но действительность в данном случае, как и во многих других, оказалась намного богаче, выдумки писателя. Да и собеседники Хемингуэя, нужно сказать, не раскрывали всех карт, сообщая лишь малую толику того, что происходило на самом деле. И Ксанти, наверное, был самым сдержанным из них. Много лет спустя, прочитав роман, он сказал: «Хемингуэй многого не понял. И все-таки о борьбе испанских партизан он рассказал необычайно взволнованно, с настоящей любовью к ним… А мое имя Хемингуэй так и не узнал. Он спросил меня в Валенсии: кто вы? Я ответил: македонец, македонский террорист Ксанти. Македонцы всегда были отличными террористами»[1].

Хаджи-Умар Мамсуров (1903–1968)

«Ксанти» – это был псевдоним майора советской военной разведки Хаджи-Умара Джиоровича Мамсурова. Тайны его биографии начинаются сразу же со дня рождения. «Я родился в селении Ольгинском Владикавказского округа бывшей Терской области, – писал в автобиографии Мамсуров… – Точную дату своего рождения я не знал, как и мои родные, указывающие приблизительной датой моего рождения период русско-японской войны…»[2].

Дату – 15 сентября 1903 года – он стал указывать в документах с 1920 года, когда вербовался добровольцем в Первую Конную армию. Его отец, происходивший из горцев

Даргавского ущелья, около 20 лет батрачил в различных селах области, чтобы прокормить большую семью. Брат отца Саханджери Мамсуров был известным революционером, да и сам Джиор Гидзович помогал подпольщикам, укрывал их от полиции, хранил и распространял нелегальную литературу.

Боевой дух истинного кавказца Хаджи-Умара проявлялся уже в детстве. В семь лет он бросился с кинжалом на жандармов, которые пришли арестовывать его дядю, а подростком, по его совету, подался в июле 1918 года из пастухов в красноармейцы. В составе отряда Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов он защищал город и его окрестности, а через месяц его зачислили в Горскую Красную кавалерийскую сотню 11-й армии. Там он провоевал до конца года, но заболел тифом и был оставлен отступающей 11-й армией вместе с другими ранеными и больными недалеко от ст. Прохладная. Его взял к себе местный житель, у которого Мамсуров, когда выздоровел, был батраком.

Весной 1919-го он перебрался в родные места, но, как оказалось, в селе Ольгиском расположились белые, его отец арестован, а семья выселена из дома. Хаджи-Умару удалось пробраться к партизанам, которые сражались в районе Владикавказ – Грозный. Вскоре он уже участвовал в боях и диверсиях на железной дороге, вел разведку в районах расположения частей Белой Армии, выполнял задания по связи между отдельными отрядами. Видимо именно тогда он впервые столкнулся с разведывательно-диверсионной деятельностью, которая с течением времени станет для него основной.

С приходом Красной Армии в марте 1920 года Хаджи-Умара направили в распоряжение Терской областной Чрезвычайной комиссии. В составе оперативной группы ЧК, а иногда и частей Красной Армии, он участвовал в ликвидации уцелевших ещё белогвардейских отрядов и групп. В марте же 1920 года Мамсуров вступил в комсомол и тогда же в ряды РКП(б). Через четыре месяца его направили на учебу в областную партийную школу, но, как это часто бывало в те времена, курсантов не раз снимали с учебы для участия в боях, теперь они сражались с восставшими на Тереке казаками.

По завершении курса подготовки Мамсурова назначили инструктором Владикавказского комитета РКП(б), однако и чекистскую работу он не бросал, по линии областного ЧК боролся с бандитизмом. В начале 1921 года, его направили политбойцом в эскадрон 10-й армии, которая вела бои против меньшевистских войск Грузии. Но повоевать ему пришлось недолго, в горах он сильно обморозился и попал в госпиталь, откуда вновь командирован на учебу, теперь в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока им. т. Сталина.

За два с небольшим года (март 1921 – май 1923) он проходит полный курс обучения в КУТВ с отличными показателями. Хуже обстояло дело с членством в партии. Отправляясь в Москву Хаджи-Умар не взял с собой свое партийное дело и во время чистки 1921 года механически выбыл из РКП(б). Снова приняли кандидатом в её члены лишь в феврале 1923 года. Это не помешало ему в сентябре получить назначение в Ростов-на-Дону на должность начальника национальной группы окружной Военно-политической школы им. К. Е. Ворошилова. Работая на этом посту, он одновременно учился в своей школе, окончил её в августе 1924 года и вновь принят в партию.

В 1924–1933 годах, занимая должности преподавтеля Национальной кавалерийской школы в Краснодаре, помвоенкома и военкома национальных кавалерийских частей в СКВО, Махачкале и Орджоникидзе, Мамсуров командовал подразделениями при ликвидации бандитизма и кулацких восстаний на Северном Кавказе, занимался хлебозаготовками, учился на Курсах усовершенствования комиссаров при Военно-политической академии в Ленинграде. В марте 1933 года командование удовлетворило неоднократные просьбы Хаджи-Умара о переводе с партийной на командную работу. Его направили в Казань, в 1-ю стрелковую дивизию им. ЦИК Татарской АССР, где он командовал сначала Отдельным

кавалерийским эскадроном, а потом Отдельным разведывательным дивизионом.

Согласно положению о повышении квалификации командиров разведывательных подразделений, Мамсуров отправили в феврале 1935 года в Москву на Курсы усовершенствования по разведке при Разведупре РККА. Через восемь месяцев, по завершении учебы, его назначили командиром полка. Но к исполнению должности он так и не приступил. Видимо, во время занятий на курсах Хаджи-Умар проявил себя должным образом и поэтому его в конце концов оставили для работы в Управлении. С января 1936 года, в течение двух лет, он весьма успешно выполнял важные правительственные задания; работа секретным уполномоченным в Специальном отделении «А» (активная разведка) Разведупра РККА.

16 февраля 1936-го в Испании, на парламентских выборах победил антифашистский Народный фронт и образовано левореспубликанское правительство во главе с Мануэлем Асанья, который восстанавливает действие республиканской Конституции 1931 года. Однако, утром 17 июля 1936 года в эфире прозвучала ставшая знаменитой фраза-сигнал «Над всей Испанией безоблачное небо», которую передала в метеосводке радиостанция города Сеута в Испанском Марокко.

Она возвестила о начале мятежа воинских частей во главе с правыми генералами против Испанской республики. Под их контролем оказались некоторые провинции на Севре и Юго-Западе страны. Глава мятежников профашистски настроенный генерал Франсиско Франко обратился за помощью к Муссолини и Гитлеру и немедленно её получил. Началась трехлетняя гражданская война.

На помощь Республике, которая превратилась в плацдарм борьбы с фашизмом, хлынули волонтёры из многих стран мира. Но основная поддержка была оказана Советским Союзом. В пылающую страну направляются многочисленные транспорты с оружием, продовольствием, медикаментами и людьми. Они добираются туда и по суше: через Польшу, Германию и Францию. Среди них тысячи военных советников. В большинстве своем они ехали туда как иностранцы, хотя полностью скрыть их гражданство все же не удалось. В этом качестве в Испанию, которая для конспирации называлась у нас «страна Х» направили и Хаджи-Умара Джиоровича, который ехал с документами на имя македонского коммерсанта Ксанти. Об испанской командировке в автобиографии он написал кратко: «Организовывал и был одним из руководителей обороны Мадрида. Организовывал и руководил всем партизанским движением Испании. Лично участвовал в операциях ряда отрядов. Был ранен в руку и контужен в ноябре 1936 г.»[3]. Т. е. во время обороны столицы, когда Мамсуров готовился сам и готовил людей для подпольной работы в городе.

Смелый и удачливый полковник Ксанти уже в Испании стал героем легенд, его вспоминали впоследствии многие из советских добровольцев и журналистов, побывавших на Перинеях. «Он славился той отчаянной кавказской храбростью, – вспоминал журналист Овидий Савич, – которой восторгались Пушкин, Лермонтов и Лев Толстой. Однако в его храбрости не было ничего показного. Она была воздухом, которым он дышал. Но со времен Хаджи Мурата утекло много воды. Ксанти умел воевать не только на коне – он был один из самых одаренных советников на войне, где кавалерия практической роли не играла. В том, что штабу мадридской обороны удалось отстоять столицу, была и его, и притом немалая заслуга. Он был из тех людей, которым можно доверить любой участок работы, лишь бы работа была живая. Дипломатом он не был, но его храбрость, прямота, дружеское расположение к людям достигали большего, чем дипломатия»[4].

«Осетин могучего телосложения, с теплым взглядом черных глаз, он был нелюдим, неразговорчив, – так писал известный кинооператор Роман Кармен. – О хладнокровном мужестве Хаджиумара передавали шепотом удивительные истории. Не зная испанского языка, он ходил по фашистским тылам с небольшой группой отобранных им отчаянных

храбрецов – испанцев. Его возвращение в Мадрид после очередного рейда опережалось известиями о сумасшедших по дерзости и отваге делах: летели на воздух артиллерийские склады, рвались на фашистских аэродромах начиненные бомбами немецкие бомбардировщики, взрывались стратегические мосты и эшалоны с оружием Гитлера и Муссолини. Он никогда ничего не рассказывал. А на вопрос только качал черной, как смоль, шевелюрой и улыбался застенчивой улыбкой, сверкнув из-под резко очерченных губ белоснежными зубами»[5].

Не обошёл его своим вниманием, как отмечено выше, и прибывший в Мадрид в марте 1937 года Эрнест Хемингуэй. С ним Мамсурова познакомили литераторы Михаил Кольцов и Илья Эренбург. Хемингуэй был в восторге от македонского террориста, поведавшего писателю кое-что о партизанской жизни. Но, когда Кольцов попросил своего друга Хаджи рассказать писателю более откровенно о своей опасной работе, Мамсуров ответил: «Эрнест человек не серьёзный. Он много пьёт и много болтает». Так Хемингуэй и не узнал, кем на самом деле был македонским боевиком Ксанти.

Работой Хаджи в Испании сначала руководил «генерал Гришин» (Я. К. Берзин), а с мая 1937 года «генерал Григорович» (Г. М. Штерн). В составе штаба Главного военного советника «Гришина», а потом и «Григоровича» Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров фигурирует как инструктор специальной работы по линии отделения «А», которое ведало «активной разведкой». Но кроме него там были и другие специалисты Разведупра РККА:

Афанасий Степанович Пшеничников («Петров», «Зенде») был инструктором по оперативной и информационной работе. В РККА с 1918 года, служил на командных должностях. В военную разведку он попал сразу же по окончании Военной академии им. М. В. Фрунзе в 1932 году. Проходил службу в отделах: войсковой разведки, информационно-статистическом, военно-морского флота и оперативной разведки. Начальник отделения. За работу в стране «Х» награжден в январе 1937 орденом Красной Звезды, а в ноябре того же года орденом Красного Знамени. Вернувшись из спецкомандировки, возглавил разведотдел Киевского военного округа.

Лев Борисович Слуцкий («Строков») занимал ту же должность, что и Пшеничников. В РККА с 1919 года. Служил на административно-хозяйственных должностях в частях и учреждениях военно-медицинской службы. В 1930 году он закончил факультет внешней торговли Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова и сдал экстерном экзамены за нормальную военную школу. С 1931 года начальник 1-го сектора Отдела внешних заказов Наркомата по военным и морским делам. Этот отдел через инженерные отделы торговых представительств СССР за рубежом занимался закупками всего необходимого для РККА (от новейшей военной техники до предметов культурно-бытового назначения). Кроме того, ОСЗ предписывалось «собирать, проверять, систематизировать и изучать все материалы о новых научно-технических усовершенствованиях и достижениях, как применяемых, так и могущих быть примененными для военных целей и обороны страны». По делам отдела Л. Б. Слуцкий неоднократно выезжал в зарубежные командировки. В ноябре 1937 он был награжден орденом Красного Знамени. После Испании его назначили начальником Военкнижторга. Впоследствии Лев Борисович был репрессирован и реабилитирован.

Вильгельм Егорович Клибик («Каминский») числился инструктором специальной работы по линии 10-го (специального технического) отдела. В военной разведке он работал с 1921 года, все время в технической службе, по специальности он радиотехник. В июле 1937 его наградили орденом Красной Звезды. Вскоре Клибика отозвали в Москву. В декабре 1937 года его арестовали и в 1938 расстреляли. Он был реабилитирован посмертно в 1956 году. Клибику помогал в работе Владимир Викторович Бекман («Волинский»), его уволили из РККА в мае 1938 года.

Работой «талмудистов» (шифровальщиков) в штабе руководил Ф. М. Шишкин

(«Шелл»). В его подчинении находились А. К. Мацукевич («Мацуна»), А. Б. Бухвалов, А. И. Крылов.

«Талмудист» Александр Константинович Мацукевич в Красной Армии служил с 1933 года. В 1934–1935 годах он прошел полный курс подготовки в учебной команде при штабе Белорусского военного округа, служил помощником начальника 6-го (шифровального) отделения штаба 5-го стрелкового корпуса. На службу в Разведупр его приняли в 1936 году и в начале следующего года направили военным советником в Испанию. За работу в этой стране он был награжден в июле 1937 года орденом Красной Звезды. Александр Константинович вернулся на родину в октябре 1938 года, работал в секретно-шифровальной службе центрального аппарата и разведотдела Забайкальского военного округа. В 1939–1940 годах Мацукевич командовал шифровальной частью РО штаба ЗабВО, затем учился на разведывательном факультете Военной академии им. М. В. Фрунзе. В период Великой Отечественной войны он командовал парашютной группой, служил в разведотделах штабов: Брянского фронта, 3-й и 59-й армий. После войны командир 104-го парашютно-десантного полка 76-й воздушно-десантной дивизии, начальник штаба 106-й Тульской воздушно-десантной дивизии.

Александр Борисович Бухвалов состоял на службе в РККА с 1933 года. Прошел полный курс учебной команды и с 1935 года находился на должностях начсостава. В декабре 1936, когда он был помощником начальника 6-го (шифровального) отделения 4-го стрелкового корпуса, его направили в распоряжение Разведупра РККА. После Испании он был награжден орденом Красной Звезды. Служил в Отделе специальных заданий Генштаба, затем ОСЗ Разведупра Генштаба Красной Армии. В июле 1941 года Бухвалов был направлен в распоряжение Военного совета Орловского военного округа.

Примерно в одно время с ними пришел в военную разведку и шифровальщик Алексей Иванович Крылов. Инструктором-радистом в штабе был Д. Г. Липманов («Липкин»), «музыкантами» (радистами): В. А. Соколов, С. В. Похомов, В. В. Яблочников, К. С. Чижевский («Электрон»), Д. С. Мильштейн, О. П. Черевков, П. К. Васильев и другие.

В конце октября 1936 года, в Мадриде Мамсуров познакомился со своей будущей женой – переводчицей Паулиной-марианной, прибывшей в СССР из Аргентины в 1932 году и по командировке КИМ направленной в Испанию. Нельзя сказать, чтобы красавице-аргентинке пришлось легко с мужем-осетином. Несмотря на коммунистические убеждения, кавказское воспитание сидело в нем прочно. «Мамсуров был довольно суровый человек, а с годами эта черта характера усилилась, – вспоминает Паулина Вениаминовна. – Тогда же, в Испании, я поняла, что он не любит нежностей не только из-за профессии, но в большей степени из-за воспитания. Я не стану рассказывать, что означала для горца женщина в доме. Позже он не раз говорил мне: «Ты должна поехать в Осетию на перевоспитание»[6]. Для меня это были разговоры о другом мире, ведь самоуверенности у меня было более чем достаточно: кто кого?». Однако, несмотря на разницу в воспитании и столь простые в то время разводы, этот брак оказался прочным.

Храбрости и опыта добровольцев и советников оказалось недостаточно, когда войска не желают сражаться, правительство расколото на фракции, а генералы изменяют присяге. Коллега Мамсурова, помощник военного атташе в Испании Давид Оскарович Львович («Лоти») сказал как-то генералу Лукачу (Мате Залка): «Надо создавать испанскую армию. Вас всё меньше. Вы не можете выиграть войну. Чем скорее вы будете не нужны, тем лучше»[7].

Война закончилась победой каудильо Франко, уцелевшие и не попавшие во французские лагеря республиканцы перебрались в Советский Союз, а добровольцы уехали туда же или возвратились к себе на родину. Последние советники покинули Испанию 12 марта 1939 года.

Мамсуров вернулся в СССР раньше – в октябре 1937 года (в Испании его сменил

Христофор Салнынь – «Гришка»). В Москве его ждали награды: ордена Ленина (январь 1937) и Красного Знамени (июнь 1937). В феврале 1938 года ему присвоено звание полковника.

А в стране полным ходом шла волна чисток, в которых доставалось всем. Был расстрелян и дядя Хаджи-Умара – Саханджери Мамсуров, который оказался «троцкистом». Но самого Ксанти репрессии не коснулись. В апреле 1938 года он получил должность начальника отделения «А» Разведупра РККА, которое год спустя преобразовали в отдел.

В 1939 году, когда началась советско-финская война, Мамсурова назначили заместителем начальника оперативной группы Разведупра на Финском фронте, а с января 1940 года он командовал Особой лыжной бригадой 9-й армии, сформированной из ленинградских спортсменов. Бригада совершала дерзкие вылазки в тыл белофиннов. Об этом он сам рассказал на заседании в апреле 1940 года. Из стенограммы заседания:

«МАМСУРОВ. К этому делу [созданию диверсионно-партизанских отрядов для действий в финском тылу. – Авт.] некоторые командующие отнеслись хорошо – тов. Мерецков, Штерн – и мы к концу января тоже создали несколько отрядов, которые сделали прекрасные дела. Я выехал с таким же отрядом в 9-ю армию, взял ленинградцев-добровольцев и студентов института физкультуры. Я получил задачу выйти на помощь 54-й дивизии. Вышли ночью на машинах, а потом прошли на лыжах за сутки 68 км и дошли до места действия в тылу противника. Погода была очень холодная. Я решил, что идти прямо на противника всем отрядом – это значит, что со мной может случиться неприятная история. Я должен был выяснить, что передо мной есть, что есть у противника, тем более, что в этом районе о противнике нам ничего не было известно. И вот начал прочёсывать, начиная от линии границы или фронта. Группы отряда работали на удалении вначале до 40 км, затем до 80 км и догнали до 120 км. На удалении до 120 км в глубину действовали группы и разведывали полосу, примерно, шириной в 150 км, если брать веерообразно.

СТАЛИН. Сколько было вас всего?

МАМСУРОВ. Около 300 человек. Очень много времени отняла полоса, начиная от левого фланга 44-й дивизии и непосредственно до Кухмониеми и Соткамо. В этой полосе на удалении 100 км ни противника, ни населения абсолютно не было. Но вся территория потребовала для её прочёсывания и разведки много времени. Мне было сказано в штабе армии, что в этой полосе от Пуоланка идёт основная линия связи с Кухмониемской группой противника и мне надо было разведать этот район. Работать там потребовалось недели три, потому что выход одной группы на удаление до 100–200 км требовал 5–6 дней.

Должен сказать, что несмотря на очень сильные морозы и что отряд почти всё время жил в лесу на снеге, в отряде было только три случая обмораживания 1-й и 2-й степени, больше не было. Затем, когда группа наткнулась на противника в районе Кухмониеми, тут произошло нечто интересное. Группы действовали непосредственно в тылу 25-го пехотного полка противника, 65-го, 27-го пехотных полков, 9-го артиллерийского полка. В тыл противника вышли наши люди, несколькими группами. Одна группа была на расстоянии 2–3 км от Кухмониеми, налетела на деревню, уничтожила пункт радиосвязи, несколько солдат и офицеров, а также две подводы с ручными взрывателями от мин, и ушла. Другая группа действовала в 12 км восточнее, засела на дороге, захватила одну машину, вторую, третью, перебила около 20 человек – в основном средний и младший комсостав, захватила их оружие, документы, подожгла машину, уничтожила линию связи и ушла. То же самое делали и другие группы.

Когда тов. Запорожец говорил, что у них 13 финнов действовали в тылу, это показывает, как неприятно иметь в тылу у себя подобные группы. На фронте 9-й армии появилось несколько белофиннов, и они, перейдя нашу границу на 2–3 км, срезали один телефонный столб, который связывал пограничные заставы. У наших была паника, что здесь шныряет банда финнов, и говорили бог знает что о них. Представьте себе, что делалось тогда

у финнов после нашей работы у них в тылу. У нас был радиоприёмник-колхозник, который был дан нам ПУАРМом, мы слышали финские передачи о действиях нашего отряда на русском языке. Они говорили, что целые батальоны парашютных десантов сбрасываются русскими, видимо, думали, что на такое удаление наши люди пройти не могут. Они кричали о новых видах военных действий и т. п. Видимо, мы им порядком были неприятны.

Затем 18 февраля прилетел начальник разведывательного отдела армии и отдаёт приказание, что к 22-й годовщине Красной Армии надо преподнести большой подарок. Я говорю, что может быть лучше этот подарок преподнести после празднования, меньше будет у финнов бдительности. Он со мной не согласился, нет, говорит, приказываю. Послали группу в 50 человек восточнее Кухмониеми на помощь 54-й дивизии. Эта группа в 50 человек погибла, причём должен сказать, что эта группа была целиком из красноармейцев, остальная часть нашего отряда состояла из ленинградских добровольцев. Пленные, которые были потом захвачены, говорят, что как раз часть из них участвовала в уничтожении этих людей, что наши люди три дня вели бой, будучи совсем окружены, ни один из наших не сдался в плен, три человека, оставшихся в живых, в последний момент сами себя взорвали гранатами.

Одновременно другая часть отряда пошла западнее Кухмониеми, разделившись на отдельные группы. Эти группы направились для того, чтобы перерезать шоссейную дорогу Каяани-Кухмониеми. Одна из групп напала на штаб 9-й пехотной дивизии противника. Должен сказать, что до этого мы говорили, что в этом районе имеется штаб или что-то похожее на крупный штаб. Но в штабе 9-й армии тогда не обратили внимание на эти наши данные, считая, что штаб 9-й пехотной дивизии противника находится в другом месте, между тем это было неверно. Группа в количестве 24 человек очутилась в расположении войск противника, куда она вошла ночью. Находясь в расположении войск противника – группа сама обнаружила это только на рассвете – группа, увидев, что кругом замаскированные бараки, полные солдат противника, и обнаружив тут же недалеко наличие крупного штаба, сама зарылась в снег и решила ждать ночи, чтобы напасть на штаб. Однако группа была случайно обнаружена в 16.00 из-за нечаянного выстрела, один из товарищей очищал автомат от снега.

Тут начался бой (24 человека) против полка пехоты и затем командного состава штаба и авиации, которая была расположена там. Группа вела бой с 16.00 до 2 час. ночи. Наших было убито 14 человек, ушло 8, они отошли с боем и соединились с другими группами, действовавшими правее.

ПРОСКУРОВ. Что было сделано?

МАМСУРОВ. Был убит секретарь комсомольской организации и другие. Люди, которые участвовали в этом бою, вели бой из маузеров и автоматов и были одеты в финскую форму, как и весь отряд. Каждый из них уничтожил не менее 8-10 белофиннов, главным образом офицеров, которые лезли напролом, около 100 трупов противника осталось там. Мало того, когда оставшаяся часть группы вышла на лёд озера к островам, куда им нужно было отходить, то группа лётчиков противника перерезала им дорогу. Есть основания думать, что нашей группой был убит крупный финский начальник, поскольку у него была хорошая одежда, красивая сумка, золотые часы. Почти вся группа противника нами была перебита. Насколько финны были в тот момент охвачены паникой, говорит тот факт, что они начали вести артиллерийский огонь неизвестно по кому, во все стороны.

Есть и другой случай, правда, этот товарищ убит. Он представлен к званию Героя Советского Союза, это ленинградский лыжник, замечательный гражданин нашего Советского Союза Мягков. Вместе с группой лыжников в 13 человек для того, чтобы выяснить наличие войск в районе Кухмониеми, в течение 23 часов он совершил 90-километровый марш. Это на лыжах, когда человек утопает выше колена в снегу. Правда, у него была хорошая лыжная подготовка, и людей в его группу мы подобрали хороших. Западнее Кухмониеми он влетел в

расположение финской зенитной батареи, убил офицера и других финнов, наделал панику, узнал, что там есть зенитная батарея и пехотные части, несколько рот, через них проскочил и вернулся с группой. Правда, его с группой окружили в одной деревушке силами до роты противника с пулемётами, но он с группой стойко дрался, нанёс большие потери противнику и вышел из окружения – пробился гранатами, правда, он потерял при этом одного из лучших бойцов отряда. Тов. Мягков проделал ряд замечательных операций, жаль, что к концу событий погиб.

Нам учить надо было людей. Мы работали всего месяц с лишним. Я считаю, что если бы у меня были там подготовленные в мирное время люди, то довольно много вреда бы нанёс финнам, но был заключён мир. Перед этим 10 марта я получил приказ от командующего вылететь к тов. Батову, шведы там появились, только хотели приступить к работе, но уже был заключён мир.

Должен сказать, что отряду, который был у меня из ленинградских добровольцев-лыжников, очень трудно и тяжело приходилось, тяжелее, чем частям, которые были на фронте, однако, можно с гордостью сказать, что это были замечательные люди нашей Родины. Когда было сказано, что мир заключён, что работу надо приостановить, потому что это может быть истолковано как провокация войны, уверяю, может быть потому, что нужно было отомстить за погибших товарищей, некоторые даже всплакнули. Жалко, говорят, ох, жалко как. У меня лично впечатление такое, что если бы мир не был заключён, дело пошло бы очень хорошо. Я считаю, что необходимо решить вопрос о создании таких специальных частей сейчас в ряде округов, чтобы их начать готовить. В руках начальников штабов армий или командований армий эти части принесут пользу, выполняя помимо специальной работы также задачи более дальней разведки, чем ведут войска. Я думаю, что этот вопрос надо решить»[8].

К сожалению, к рекомендациям полковника Мамсурова и других опытных военачальников руководство прислушивался далеко не всегда. Результатом стали поражения в первые месяцы Великой Отечественной войны.

В аттестации от 15 июля 1940-го о Мамсурове сказано: «Крепкий и храбрый большевик-разведчик… Самокритичен и в то же время волевой и требовательный командир… Разведывательную работу любит и отдает ей все силы и способности».

В августе 1940 года Специальный отдел «А» преобразован в 5-й отдел, начальником оставлен Мамсуров. Вскоре он продолжил свое военное образование на Курсах усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе, которые закончил за месяц до войны.

А 14 июня 1941-го последовало новое назначение – начальником Разведотдела Закавказского военного округа, но нападение Германии на Советский Союз изменило планы начальства, Мамсурова оставили в центральном аппарате. Правда, не надолго. 24 июня 1941 года полковник Мамсуров откомандирован в распоряжение маршала К. Е. Ворошилова для выполнения особо важных поручений на Западном фронте. Речь шла о восстановлении связи с отступающими войсками, приведении их в порядок, организации оборонительных работ. В июле Хаджи-Умар Джиорович руководил на Западном и Северо-Западном фронтах подготовкой и переброской в тыл противника людей, которые должны были стать организаторами партизанских и диверсионных отрядов, налаживал разведку на Северо-Западном и Ленинградском фронтах.

После прорыва немцев в августе в районе Чудова Мамсурова назначили командиром 311-й стрелковой дивизии. 24 августа в бою под Чудовом он был ранен в обе ноги и руки. После лечения в ленинградском госпитале в октябре – декабре он начальник Разведотдела Московского фронта, который просуществовал менее месяца, а затем командует Особой оперативной группой Разведупра Генштаба Красной Армии.

Мамсуров просится на фронт, и в январе 1942 года его назначают командиром 114-й

кавалерийской дивизии, а в мае – заместителем командира 7-го кавалерийского корпуса на Брянском фронте. В августе 1942 – январе 1943 года полковник Мамсуров продолжает начатое в первый период войны дело организации партизанского движения и подготовки для него кадров. Для руководства партизанской борьбой на Северном Кавказе и в Крыму, постановлением Государственного Комитета Обороны от 3 августа 1942 года, при Военном Совете Северо-Кавказского фронта создается Южный штаб партизанского движения. Начальником его ГКО назначает Хаджи-Умара Джиоровича. В состав штаба вошли секретарь Краснодарского крайкома партии П. И. Селезнёв и секретарь Крымского обкома партии В. С. Булатов. При штабе создается партизанская школа, в которой готовили кадры с учетом опыта гражданской войны в Испании, к преподавательской работе привлечены и испанские боевики.

После трех месяцев работы в ЮШПД Мамсуров отозван в Москву на должность помощника начальника Центрального штаба партизанского движения и начальника разведки штаба. «Бог диверсий» Илья Старинов, воевавший вместе с Хаджи-Умаром в Испании и встретившийся с ним в этом штабе писал: «На Мамсурове лежала огромная ответственность за правильность сведений о противнике, исходящих от ЦШПД. Сведения от партизан – пусть отрывочные и нерегулярные – поступали, но любые разведывательные сведения требуют перепроверки и подтверждений, причем своевременных. Получить же проверенные, подтержденные данные при тогдашнем состоянии связи было крайне трудно» (Старинов И. Г. Записки диверсанта. М., 1997. С.322).

Недолго прослужил Мамсуров и в ГРУ, где находился на посту заместителя начальника 2-го управления, уже в марте 1943-го он снова по личной просьбе отправлен на фронт и назначен на Юго-Западный фронт, командиром 2-й гвардейской Крымской кавалерийской дивизии, которой командовал до августа 1946-го.

В начале октября 1943 года в составе 1-го Украинского фронта Мамсуров со своей дивизией форсировал Днепр севернее Киева. Прорвав оборону немцев, дивизия захватила и расширила плацдарм для войск 60-й армии, затем, в составе 1-го конно-гвардейского корпуса участвовала в боях за освобождение Киева. Прорвав оборону гитлеровцев, севернее Киева на реке Ирпень, и перерезав шоссе, дивизия Мамсурова отрезала немецкой группировке пути отхода из города. Продолжая стремительное наступление, в ходе которого она успешно уничтожала подходившие резервы противника, 11 ноября 1943 года заняла город Коростышев, а 12 ноября – Житомир. 2-я гвардейская Крымская кавдивизия, которая, несмотря на свое название, была вооружёна танками и артиллерией, в течение шести дней удерживала Житомир, уничтожив при этом более 150 танков и более 3 тысяч гитлеровских солдат и офицеров. Все же город пришлось оставить, но свою роль эта шестидневная оборона все же сыграла: измотанный враг уже не сумел прорвать оборону Красной Армии под Киевом. А за это время, получив пополнение, войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление и вернули захваченную немцами территорию, сорвав наступление гитлеровцев в Фастовско-Киевском направлении было сорвано. За отличное руководство боевыми действиями дивизии Хаджи-Умар Мамсуров был награждён орденом Суворова 2-й степени и произведён в октябре 1943-го в генерал-майоры.

В конце января 1944 года в наступлении на Ковель дивизия Мамсурова с боем форсировала реку Стырь, однако получила новую задачу и повернула на юг. Начинался период мощных рейдов по тылам противника. Прорвав фронт немцев, дивизия соединилась с партизанскими отрядами Украины и оказалась в глубоком немецком тылу. Там кавалеристы прошли рейдом по занятым врагом населённым пунктам, уничтожая его слабые гарнизоны.

Разгромив 19-ю пехотную дивизию венгров и 143-ю пехотную немецкую дивизию, 1 февраля 1944 года кавалеристы Мамсурова заняли город Луцк. Подойдя к городу Дубно, они изрядно потрепали группировки немцев, отходившие на Ровно. 15 марта дивизия прорвала оборону противника на реке Иква и, ударив в тыл Дубненской группировки врага, обеспечила

успешное наступление наших войск с фронта. (19 марта генерал-майор Мамсуров был ранен в лицо, но остался в строю.)

В Львовско-Сандомирской операции 1-го Украинского фронта его дивизия выполняла отдельную задачу – не допустить отхода Бродской группировки немцев на запад через реку Западный Буг. 2-я гвардейская кавдивизия овладела городом Каменка-Струмилово и вынудила немцев принять бой в невыгодных для них условиях. Несмотря на большую ширину фронта – 70 км, кавалеристы не пропустили ни одного отступающего. В результате этой операции на поле боя осталось более 8 тысяч трупов вражеских солдат и офицеров, в том числе 2 генерала. Кавалеристы также захватили было более 2 тысяч пленных, 35 танков, свыше 500 орудий и миномётов, 3 тысячи автоматов и 6 тысяч лошадей, что было для кавдивизии далеко не лишним. Дивизия в результате боя потеряла около 1200 человек.

В сентябре 1944 года, прорвав оборону противника, дивизия Мамсурова снова вышла в тылы противника и успешно воевала на территории Чехословакии. Затем, в составе 1-го Украинского фронта, прорвала оборону гитлеровцев на реке Нейсе и, заняв ряд городов, вышла юго-западнее Берлина.

В апреле 1945 года 2-я гвардейская кавдивизия форсировала реку Эльбу и в боях на западном берегу было уничтожено 1230 солдат и офицеров противника, 3 тяжёлых танка, 11 бронетранспортёров. Взято в плен 574 солдата и офицера, захвачено 8 паровозов, 250 вагонов, 117 складов с вооружением, боеприпасами и военным имуществом, 40 тракторов и тягачей, 480 автомашин, 5700 лошадей, 350 повозок. Из двух концлагерей было освобождено 15600 человек.

29 мая 1945 года Хаджи-Умар Мамсуров был удостоен звания Героя Советского Союза. Тогда же Военным Советом 1-го Украинского фронта он был назначен командиром батальона сводного полка фронта, с которым 24 июня 1945 года участвовал на параде Победы.

Летом и осенью 1945-го в составе 38-й армии дивизия Хаджи-Умар Джиоровича воевала на Западной Украине против националистического подполья. С января 1946-го дивизия дислоцировалась в районе г. Чкалов, а в августе была расформирована. С октября 1946-го по март 1947-го он командовал 3-й Отдельной Евпаторийской стрелковой бригадоы в г. Брянске и с этой должности был командирован в Москву на Высшие академические курсы Высшей военной академии им. К.Е.Ворошилова.

По окончании в 1948 году Военной академии Генерального штаба Мамсуров служил в Прикарпатском военном округе. Командовал 27-й механизированной дивизией 38-й армии, 27-м стрелковым корпусом 13-й армии, и в 1955–1957-м – 38-й армией. Фронтовой опыт пригодился Хаджи-Умар Джиоровичу и 4 ноября 1956 года, в Венгрии. Тогда подразделения под его руководством без особых потерь навели порядок в городках Дебренце, Мишкольце и Дьере. Через неделю сопротивление повстанцев Имре Надя было подавлено, многие участники операции «Вихрь» получили правительственные награды. А Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров назначен заместителем начальника ГРУ – генерала армии Сергея Матвеевича Штеменко.

И вскоре разразился колоссальный скандал, в котором помимо своей воли оказался замешанным и генерал Мамсуров. Речь шла не больше не меньше о подготовке министром обороны Жуковым… государственного переворота!

Вот что рассказывает об этой истории со слов самого Мамсурова хорошо знавший его разведчик Михаил Мильштейн: «Незадолго до поездки в Югославию Г.К. Жуков вызвал его к себе и поделился с ним своим решением о формировании бригад специального назначения, исходя из возможного характера будущих военных действий в том регионе. Эти бригады должны были быть сравнительно небольшими (до двух тысяч человек), вооружёнными самым совершенным и мощным лёгким оружием. Предполагалось собрать в единый кулак

отборный, физически сильный личный состав, обученный приёмам ведения ближнего боя, карате, десантированию с воздуха и пользованию современными взрывчатыми веществами. Формирование этих бригад Георгий Константинович возложил на Мамсурова. У Хаджи-Умара Джиоровича Мамсурова был друг, которого он знал много лет, – генерал Туманян [Гай Лазаревич Туманян – его начальник в Спецотделении «А» Разведупра – В.К.]. В то время он занимал должность заместителя начальника бронетанковой академии по политической части. Туманян приходился родственником А.И.Микояну. Будучи женатыми на сёстрах, они часто встречались и относились друг к другу по-дружески. Мамсуров рассказал о встрече с Жуковым и его указаниях Туманяну, тот, в свою очередь, решил доложить об услышанном Анастасу Ивановичу. Микоян, в то время первый заместитель председателя Совета Министров СССР, воспринял рассказ Туманяна очень серьёзно. Первый вопрос, который он ему задал, звучал примерно так: «А могут ли эти бригады быть выброшены с воздуха на Кремль?» Туманян ответил утвердительно. Услышав это, Анастас Иванович поспешил на доклад к Никите Сергеевичу Хрущёву. В воспалённом воображении Микояна, воспитанного на теориях «заговоров», по-видимому, сразу родилась мысль о намерении Жукова подготовить военный переворот с помощью бригад специального назначения» (Мильштейн М.А. Сквозь годы войн и нищеты. М., 2000. С. 122–123).

Хорошее воображение было не только у Микояна. «Карманный спецназ» легендарного маршала так напугал руководство страны, что в октябре 1957 года был созван Пленум ЦК КПСС, на повестке дня которого стоял один единственный вопрос: «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». Это значило, что министра обороны будут снимать. И поднятый Мамсуровым вопрос о секретных бригадах сыграл там далеко не последнюю роль. О нём, как о факте игнорирования Жуковым Центрального Комитета, сказал на Пленуме М.А. Суслов: «*Недавно Президиум ЦК узнал, что тов. Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей. В эту школу предполагалось брать людей со средним образованием, окончивших военную службу. Срок обучения в ней 6–7 лет, тогда как в военных академиях составляет 3–4 года. Школа ставилась в особые условия: кроме полного государственного содержания, слушателям школы рядовым солдатам должны были платить стипендии в размере 700 рублей, а сержантам – 1000 рублей ежемесячно. Тов. Жуков даже не счёл нужным информировать ЦК об этой школе. О её организации должны были знать только три человека: Жуков, Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров, как коммунист, счёл своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра*» (Хрущёв против Жукова: (Из стенографического отчёта октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС) // Гласность. М., 1991. 3 октября).

Что было незаконного в создании секретной бригады спецназа ГРУ, Михаил Андреевич Суслов не пояснил. Зато доступно растолковал Никита Сергеевич Хрущёв, не забыв упомянуть и начальника ГРУ Штеменко:

«…Относительно школы диверсантов. На последнем заседании Президиума ЦК мы спрашивали тов. Жукова об этой школе. Тов. Малиновский и другие объяснили, что в военных округах разведывательные роты и сейчас существуют, а Центральную разведывательную школу начали организовывать дополнительно, и главное без ведома ЦК партии. Надо сказать, что об организации этой школы знали только Жуков и Штеменко. Думаю, что не случайно Жуков опять возвратил Штеменко в разведывательное управление. Очевидно, Штеменко ему нужен был для тёмных дел. Ведь известно, что Штеменко был информатором у Берия – об этом многие знают и за это его сняли с работы начальника управления… Возникает вопрос: если у Жукова родилась идея организовать школу, то почему в ЦК не скажешь? Мы бы обсудили и помогли это лучше сделать. Но он решил: нет. Мы сами это сделаем: я – Жуков, Штеменко и Мамсуров. А Мамсуров оказался не Жуковым и не

Штеменко, а настоящим членом партии, он пришёл в ЦК и сказал: не понимаю в чём дело, получаю такое важное назначение и без утверждения ЦК. Непонятно, говорит он, почему об этом назначении должен знать только министр обороны. Вы знаете что-нибудь об этой школе? Мы ему говорим: мы тоже первый раз от вас слышим. Можете себе представить, какое это впечатление производит на человека» ((Хрущёв против Жукова: (Из стенографического отчёта октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС) // Гласность. М., 1991. 17 октября)

Пленум единогласно постановил освободить Жукова от обязанностей министра обороны СССР, вывести из состава членов Президиума ЦК и членов ЦК КПСС. Его место занял Р. Я. Малиновский, впрочем, не допустивший расправы со Штеменко. Генерал-полковник Мамсуров также остался на свей должности. Он умер 5 апреля 1968 года и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище, а его именем назвали улицу во Владикавказе.

За 50 лет службы в армии, кроме Звезды Героя Советского Союза, он был награжден 3 орденами Ленина, четырмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова II ст., Кутузова I ст., Отечественной войны I ст. и многими медалями, среди них юбилейная медаль «XX лет РККА» (1938).

Примечание

[1] Яковлев Е. Пять историй из пяти стран. М., 1968. С.146, 160.

[2] Дарьял. Владикавказ, 1992. № 2. С.223.

[3] Там же.

[4] Савич О. Два года в Испании, 1937–1939. М., 1975. С.138.

[5] Муриев Д.З. Осетии отважные сыны. Орджоникидзе, 1974. С.257.

[6] Мамсурова П.В. Мадрид. Ноябрь 1936 г. // Шпион. М., 1994. № 2. С.98.

[7] Савич О. Два года в Испании, 1937–1939. М., 1975. С.135.

[8] Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии. Заседание 7-е (17 апреля 1940 г., вечернее) // Зимняя война 1939–1940. М., 1999. Кн.2.

«Мы можем быть вам полезны…»: Разведки СССР и Чехословакии тесно сотрудничали между собой с середины 30-х годов

Сам факт такого взаимодействия и некоторые его подробности стали известны довольно давно по публикациям историков, воспоминаниям отдельных участников событий. Но при этом некоторые исследователи утверждали, что инициатором сближения разведслужб СССР и Чехословацкой Республики стала советская сторона. Но так ли это было на самом деле? Открыть неизвестные детали прошлого позволяют рассекреченные недавно документы Российского государственного военного архива.

Инициатива Праги

16 мая 1935 года в Праге был подписан советско-чехословацкий договор о взаимной помощи. Без промедления его ратифицировали в Москве и Праге. Это соглашение положительно сказалось на укреплении связей между армиями двух стран.

Так, уже в конце мая в Советском Союзе принимали делегацию военно-воздушных сил ЧСР во главе с дивизионным генералом Ярославом Файфром. 31 мая он посетил Центральный аэрогидродинамический институт, научно-исследовательское учреждение авиационной промышленности СССР. Вечером, после визита в ЦАГИ, в разговоре с советскими коллегами Файфр заявил следующее: «Мы окружены со всех сторон такими странами, как Германия, Польша, Франция, хорошо знаем, что делается в этих странах. Особенно хороша у нас информация о Германии, так как говорящего по-немецки чеха нельзя отличить от коренного жителя Германии. Этими сведениями о Германии мы могли бы поделиться с вами, если это понадобится»[1].

В отчете о беседе эти слова генерала нарком обороны Климент Ворошилов отчеркнул красным карандашом. Возможно, это было самое первое или одно из самых первых предложений чехословаков.

Две недели (12–25 августа) провела в Чехословакии советская военная делегация во главе с начальником Военной академии им. М. В. Фрунзе (будущим начальником Генштаба Красной Армии) Б. М. Шапошниковым. Принимали советских военных наилучшим образом, что и отметил руководитель делегации в интервью корреспонденту «Красной звезды» в Можайске 27 августа сразу же по прибытии на родину. Четыре дня они провели на маневрах Чехословацкой армии (ЧСА), которые Шапошников назвал крайне интересными по замыслу. Участвовали в них несколько десятков тысяч бойцов. Месяц спустя состоялся ответный визит чехословаков. Тогда на знаменитые большие маневры Киевского военного округа прибыли руководители военного ведомства СССР, а также делегации Чехословакии, Франции и Италии. В условных боевых действиях принимали участие 65 тысяч человек и множество военной техники. Особое впечатление на наблюдателей произвела высадка парашютного десанта.

Во время маневров КВО (12–17 сентября) и после них (24 сентября) начальник Разведупра РККА Семен Урицкий несколько раз встречался со своим коллегой, начальником 2-го отдела Главного штаба чехословацкой армии полковником Шимоном Дргачом и с начальником Главного штаба генералом армии Людвиком Крейчи. Они настойчиво предлагали Советскому Союзу сотрудничество в области разведки против Германии.

Начав еще на маневрах с намеков «на необходимость более тесной связи между разведками СССР и ЧСР», Дргач в конце концов сказал прямо: «По поручению нач. Генштаба КРЕЙЧИ – я вам делаю официальное предложение об обмене агентурными материалами по

Германии» и далее сообщил кое-что о возможностях своего ведомства: «Мы, чехи, имеем огромные возможности работать в Германии, мы знаем в совершенстве язык, многие немецкие офицеры связаны с Чехословакией – имеют там земли, родственников и другие связи. Наши люди очень легко акклиматизируются у немцев; наконец, мы широко используем германскую эмиграцию, которая ненавидит гитлеровский режим… Мы располагаем, по моему мнению, очень неплохими источниками по сухопутным и воздушным силам Германии, кое-что имеем по германской химии, ничего не имеем по морскому флоту и очень мало по Восточной Пруссии».

«Раньше, – продолжал полковник, – мы больше всего работали против Венгрии, теперь Германия у нас на первом плане. Сведениями о Германии мы делимся с французами, а о Венгрии – с Югославией и Румынией». Но при этом заметил: «Румынии очень опасно давать агентурный материал, у них много продажных типов».

Желание как можно быстрее прийти к соглашению, на деле начать обмен материалами и наладить взаимопомощь побудили чехословацких разведчиков первыми предоставить советской стороне некоторую имеющуюся у них информацию. В ходе беседы Дргач напомнил собеседнику, что он передал уже через советского военного атташе в Праге Емельянова-Сурика часть добытых ими сведений о германской авиации с тем, чтобы «положить начало обмену материалов». И заявил о готовности предоставить все эти данные полностью, но при том условии, что и Разведупр будет делиться со 2-м отделом информацией о Германии. В таком случае полковник готов был даже указать персонально ответственного офицера в немецком Министерстве авиации, который является его источником.

Намекнул Дргач и на возможную помощь в организации в Германии «диверсионной службы» для СССР, как раз то, что они уже делали тогда для Франции. «Сейчас, когда дело продвинулось к войне, – пояснил Дргач, – мы обнаружили, что у французов нет совершенно в Германии диверсионной службы. По просьбе французов мы налаживаем им, вернее помогаем налаживать, создание диверсионных ячеек на железных дорогах и военных предприятиях». И добавил: «…Вы, русские, с вашей разведкой поставлены в не менее трудное положение, чем французы. Нам известно, как мало у вас людей, владеющих языками, и с каким трудом ваши люди акклиматизируются за границей».

Зашла речь и о германских коммунистах. Начальник чехословацкой военной разведки заметил, что ему вполне понятно, почему советские коллеги их не используют, ведь «среди них гестапо насадило много провокаторов». На что Урицкий «с предельным внешним выражением искренности» сказал, что главная причина отказа от работы с членами КПГ в другом: «Я вам категорически заявляю, что наше правительство не потерпит и расправится с каждым из нас, который вздумал бы в своей работе пользоваться помощью иностранных коммунистов». На самом деле, как теперь уже хорошо известно, такая работа велась постоянно, невзирая даже на запрет Политбюро ЦК ВКП(б).

Не обошел вниманием Дргач и деятельность советской разведки в его стране. «Нам известно, что вы уже давно перестали вести нелегальную разведку против нас. Мы это отмечаем с признательностью, и вы, наверное, даже не представляете, как высоко мы это проявление лояльности ценим. Но для работы против Германии вам трудно обойтись без Чехословакии, хотя бы только как исходного или промежуточного пункта. Поэтому, отказавшись от работы против нас, надо сделать следующий шаг – работать вместе».

Известно, что, начав сотрудничать с СССР, 2-й отдел ГШ ЧСА отказался от совместной многолетней работы с поляками против Страны Советов. Дргач привел и другой пример такого рода: нелегальное бюро английской разведки в Праге занималось разведывательной деятельностью против Германии и Советского Союза. «Моя агентура, во 2-е бюро входит также контрразведка, вскрыла это бюро. Я вызвал к себе английского полковника, возглавлявшего пражское нелегальное бюро «Интеллидженс Сервис», и предложил ему

легализоваться в своей работе против Германии…, что касается их работы против СССР, я указал на все неудобства подобной работы с нашей территории». Попытка Урицкого уточнить характер указанной деятельности англичан не увенчалась успехом, «Дргач прямо сказал, что больше ничего об этом сказать не может».

К сказанному главой РО ЧСА начальник Главного штаба Крейчи добавил, что после оказанного им приема, «лучше которого ничего нельзя представить», не может быть никаких препятствий для сотрудничества разведок двух стран – «этого естественного и наиболее интимного контакта обоих армий». Генерал еще раз подчеркнул: «Я думаю, мы можем быть вам полезны в общей борьбе против общего врага. Германия – наш общий враг, придется драться вместе. Наши разведывательные возможности против Германии таковы, что мы их сами полностью не можем использовать».

И он перешел к конкретным моментам возможного обмена информацией, которые в докладе Урицкого Ворошилову были подчеркнуты. «Итак, как угодно будет НАРОДНОМУ КОМИССАРУ – или мы передаем каждые шесть месяцев все имеющиеся у нас материалы по Германии, а вы нам свои. Или же, по образцу нашей работы с Францией, каждые 6 месяцев поочередно в Прагу и Москву приезжаете вы и Дргач и производите совместную работу по обмену информацией… Мы вам можем быть полезны и в другом, а именно в переотправке ваших людей и их легализации в Германии. Одним словом, и я и ДРГАЧ в вашем распоряжении».

В ходе предполагаемого взаимодействия чехословацкие военные рассчитывали на «взаимную 100 %-ную откровенность» и высокий уровень секретности всего предприятия, предложив начальнику РУ следующее: «Об обмене кроме вас персонально и кроме вашего нач. Ген. штаба и НАРКОМА никто не должен знать»[2].

Вновь вопрос «о взаимном обмене сведениями об армиях», а также «об обмене стажерами» поставил военный атташе ЧСР в Москве полковник Франтишек Дастих, посетивший Отдел внешних сношений Разведупра в ноябре 1935 года. При этом, запросив некоторые сведения об РККА, он сообщил, что советский военный атташе Емельянов-Сурик, «за исключением наиболее секретных вещей, имеет возможность видеть и получать все, что он хочет». Так оно, наверное, и было, поскольку нарком обороны согласился передать Главному штабу ЧСР ответы на все его вопросы[3].

После посещения Праги в декабре 1935 года заместителем начальника Разведупра РККА корпусным комиссаром Артуром Артузовым соглашение о сотрудничестве было утверждено и в новом 1936 году перешло в практическую плоскость.

Президент ЧССР Людвик Свобода в своих мемуарах «Дорогами жизни» (Cestami ħivota.1. Praha, 1971. S.47) подтвердил это, он привел слова одного из ответственных сотрудников чехословацкой военной разведки того времени полковника (впоследствии генерала) Франтишека Гавела, который рассказал, что «на встрече в январе 1936 г. в Праге конкретное сотрудничество осуществилось в полном объеме. Обе делегации обменялись материалами о германской армии, частях СС и полицейских формированиях и все эти сведения обсудили».

В свою очередь советский полпред в Чехословакии С. С. Александровский проинформировал наркома по иностранным делам Максима Литвинова 14 февраля 1936 года: «За последнее время в Праге побывали из числа наших военных т. Артузов по служебным делам и т. Уборевич проездом в отпуск. Первый рассказывал мне, что он многое получил от чехов и вообще очень доволен своим приездом»[4].

В следующем – 1936 году гости из Чехословакии дважды (летом и в октябре) побывали в СССР. Помимо обсуждения текущих проблем, разведчики обменялись опытом дешифровки немецких кодов. В связи с этим гостям показали оборудованную по последнему слову техники станцию радиоперехвата в Ленинградской области. А в Москве, помимо

руководства Разведупра, их принял маршал М. Н. Тухачевский. Тогдашний начальник группы планирования и исследований 2-го (разведывательного) отдела Ф. Гавел вспоминал впоследствии: «Когда я изучал в Москве предоставленные нам разведывательные материалы, я был поражен обилием данных о немецкой армии и частях СС. Мы договорились, что советские разведчики будут присылать нам свои материалы по гитлеровской Германии, а мы в Праге займемся составлением итоговых документов и специальных разработок. Так началось непрерывное сотрудничество моей группы с Москвой». В декабре 1936 г. в Праге вновь побывала делегация из Советского Союза во главе с заместителем начальника Разведупра комдивом Александром Матвеевичем Никоновым. Его сопровождали заместитель начальника 1-го (западного) отдела полковник Алексей Антонович Мазалов и секретный уполномоченный того же отдела капитан Николай Григорьевич Ляхтеров.

Весьма важным событием стало создание в Чехословакии (в мае 1936 г.) совместного советско-чехословацкого разведывательного центра, названного ВОНАПО 20, что видимо означало военный наблюдательный пост № 20. Просуществовал этот центр до марта 1939 г., т. е. до оккупации Чехословакии войсками Германии, хотя интенсивность его работы снизилась уже после Мюнхенского соглашения (29.09.1938). К тому времени в распоряжении ВОНАПО 20 находились 33 агента (из них 16 резидентов, 9 ходаков, 4 курьера, 1 почтовый ящик и 3 радиста). Работой центра, которую сочли довольно эффективной, весь период его существования руководили майор Карел Палечек из 2-го отделения Генштаба ЧСР и «майор Кузнецов» из Разведупра, который имел чехословацкий паспорт на имя Эмила Восика. Сменил его в 1938 г. советский разведчик «Камил». Разместился ВОНАПО на пражской вилле К. Палечека. Действия центра разворачивались на территории Австрии и Германии. Но образование этой структуры не исключило встречи экспертов двух государств. Известно, что в 1937 г. «майор Кузнецов» общался с начальником исследовательского (информационно-аналитического) отделения 2-го отдела Главного штаба ЧСР майором Эмилом Штранкмюлером и получал от него информацию, а в марте 1938 г. чехословацкие разведчики посетили Москву.

Участвовали военные ЧСР и в некоторых операциях советской разведки. Так, например, когда началась Гражданская война в Испании, Прага помогала переправлять туда советских военнослужащих, которые ехали с фальшивыми документами. Но сотрудничество 2-го отдела и Разведупра было отнюдь не безоблачным. И одним из моментов, серьезно омрачавших взаимодействие, стали массовые репрессии в СССР и деятельность Коминтерна.

Чешская ассоциация бывших офицеров разведки (Asociácia býval'ých spravodajských dôstojníkov) свидетельствует: «при подведении итогов деятельности 2-го отдела (январь 1939 г.) аналитики его исследовательской группы пришли к выводу, что самые качественные сведения о немецких вооруженных силах они получали от Франции и Советов». Наверное, то же самое могли бы сказать и советские разведчики о чехословацких коллегах. Упомянутая ассоциация отметила, что «немецкий Абвер в специальных бюллетенях, изданных в 1936, 1937 и 1938 гг. и посвященных европейским разведывательным службам своих противников, назвал 2-й отдел Главного штаба чехословацких вооруженных сил как службу наиболее опасную для немецких интересов».

Государства нет, разведка живет

15 марта 1939 года гитлеровские войска оккупировали Чехословакию. Одним из главных центров связи разведок СССР и ЧСР стал Лондон, куда перебралась накануне вторжения группа чехословацких разведчиков во главе с Франтишеком Моравцем. Налаживая работу на новом месте сразу по многим направлениям, они создавали линии связи и с советскими коллегами.

Начальник сектора разведки 2-го отдела чехословацкого Главного штаба полковник Эмиль Штранкмюллер вспоминал: «Уже 16 или 17 марта мы встретились с военным атташе советского посольства в Лондоне генерал-майором [И. И.] Черним в квартире нашего военного и военно-воздушного атташе полковника [Й.] Каллы. В присутствии всей особой военной группы, в том числе и меня, полковник [Ф.] Моравец рассказал генералу Черному о последних событиях в Чехословакии и познакомил его вкратце с нашей миссией. Пообещал, что передаст ему результаты разведывательной деятельности 2-го отдела против нацистской Германии в форме заключения нашей исследовательской группы. После того как мы получили свои материалы, которые привез из Праги майор британской разведки Гарольд Гибсон, мы несколько раз встречались с этим советским представителем в его квартире или у полковника Калы»[5].

В дальнейшем взаимодействие двух союзных разведок осуществлялось при посредничестве военного атташе и резидента в Лондоне Склярова, военного атташе майора (затем подполковника) Сизова и советника-посланника, а также резидента советской внешней разведки Чичаева, состоявших при союзных (Польша, Югославия, Чехословакия) правительствах в Великобритании. Штранкмюллер рассказывал много лет спустя: «Информацию «Франты» (сотрудника абвера Пауля Тюммеля. – Автор) и другие результаты нашей разведывательной деятельности мы передавали полковнику Сизову, который нас регулярно навещал. Сизов или его коллега Чичаев наши материалы сравнивали с имеющейся у них информацией, оценивали ее со своей точки зрения и выводы сообщали нашим людям. Особо важные данные президент Бенеш лично передавал советскому послу Майскому»[6].

К этому нужно добавить, что полковник Франтишек Моравец, согласно новым данным, был завербован советской военной разведкой и действовал под псевдонимом «Барон»[7]. А возможностями его ведомство обладало немалыми – и на оккупированной территории Чехословакии, и в других странах, причем не только Европы. Множество важной информации поступало от него в Москву. Семен Тимошенко, нарком обороны СССР в 1940–1941 годах, вспоминал: «Донесения нашего военного атташе в Лондоне я получал всегда сразу же, как только они поступали. Были там и данные, которые передавала нам чехословацкая разведывательная служба. Без всякого преувеличения должен сказать, что некоторые из них казались невероятными и даже провокационными. Однако наша проверка этих сообщений и время показали, что в большинстве случаев речь шла о правдивой и удивительно точной информации»[8].

В ряде случаев сотрудничество с людьми Моравца осуществлялось на месте, как, например, в Швеции (А. Чаславка), Румынии (Г. Пика), Югославии (Ф. Гиеке-Стой, А. Гьюрич), Турции (Г. Пика, П. Кумпошт), Швейцарии (К. Седлачек), Иране (Ф. Гиеке-Стой). Кроме того, в рядах лондонской службы Моравца находился, по крайней мере, еще один советский военный разведчик – Бедржих Биехал[9], переброской которого на Запад в 1939-м занимался лично «Директор» – начальник 5-го Управления РККА Иван Проскуров и его опытная сотрудница Мария Полякова. Бедржих, офицер чехословацкой заграничной армии во Франции и Англии (1939–1945), и его жена поддерживали связь с Центром с помощью рации. После войны он был награжден советским орденом Отечественной войны I ст. (1966).

Развернулось сотрудничество советской разведки и с военными группами некоммунистического Движения Сопротивления (ДС) в Чехословакии. Связь с отдельными людьми и группами ДС поддерживали сотрудники Генерального консульства СССР в Праге Л. А. Мохов (Михайлов), А. В. Яковлев, К. Беер (Конрад). Как вспоминал генсек послевоенной Чехословацкой народной социалистической партии Владимир Краина (весна 1947 г.): «На этих встречах мы давали русскому чиновнику информацию особого военного значения… Вспоминаю, между прочим, точные наши сведения о немецких планах нападения на Балканы и о подготовке к нему, подробные сообщения о немецком шпионаже в Советском

Союзе (особенно за Уралом). Чрезвычайное значение имели наши данные о подготовке немцев к нападению на Советский Союз. То были сообщения не только о перебросках немецких войск, но и о том, что нападение состоится во второй половине июня 1941 г., что незадолго до вступления немецких войск на территорию СССР состоится мощный налет немецкой авиации на советские аэродромы первой и второй зоны, чтобы уничтожить все самолеты на них»[10].

На такие встречи советские разведчики могли отправляться лично, или действовать через посредников. Одним из таких промежуточных звеньев был подчиненный Мохова руководитель советской разведывательной группы в 1937–1941 годах майор чехословацкой военной разведки Йозеф Едличка («Руди»). В преддверии войны майор получил от резидента рацию, шифры и расписание выхода в эфир (позывной «Магда»). Помимо собственной информации он передавал в Центр сведения от разведчиков и организаций ДС, в том числе связанных с чехословацким правительством в эмиграции. Среди них одна из крупнейших военных организаций УВОД (UVOD – Центральное руководство Движением Сопротивления в стране).

В своей телеграмме президенту Бенешу в Лондон (30 июля 1940 года) руководители УВОДа назвали Едличку «наш майор, хороший чех на их службе». Взаимодействие УВОДа и еще одной военной группы ПВВЗ (PVVZ – Совет пяти «Останемся верны») с резидентурой советской военной разведки становится более тесным с лета 1940 года. Этому предшествовала встреча одного из видных деятелей движения Сопротивления подполковника Йозефа Балабана («Богуш») с представителем советской разведки («атташе»), видимо, атташе по печати генерального консульства СССР, помощником резидента Куртом Беером. Он заверил Балабана, что Советский Союз заинтересован в восстановлении независимой ЧСР и поддержании дружеских отношений между двумя странами. Что же касается советско-германского конфликта, то он уже близок и к нему надо готовиться. «Атташе» предложил программу сотрудничества в области разведки, которая предусматривала передачу сведений о немецкой разведывательной сети и агентах, действующих против СССР, о дислокации немецких воинских частей и учреждений в протекторате, о военном производстве на заводах Шкода, ЧКД, Збройовка, причем особое внимание следовало обратить на новые типы танков, создание переправ в Германию через Судеты для советских разведчиков, установление надежной курьерской и радиосвязи с СССР, составление плана выброски парашютистов и оружия, акций саботажа в случае конфликта, прямое сотрудничество советских и чехословацких разведчиков в Германии.

Из этого обширного плана действий практически удалось осуществить не все, на территории протектората наиболее эффективным оказался обмен информацией. УВОД передал советским коллегам данные о том, что война против СССР начнется во второй половине 1941 года, а наступлению будет предшествовать мощный удар авиации. Сообщалось также о переброске войск на восток, в места сосредоточения немецкой армии. Среди этих документов были довольно точные сведения о числе и характере военной техники, о горючем и других материалах, которые перевозились по территории протектората. Ценной была информация о подготовке нацистского наступления на Балканах, о немецком шпионаже в СССР и др. 6 и 14 июня 1941-го Рудольфу переданы новые данные о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Согласно одному из донесений от 27 апреля, нацисты запретили пльзеньской Шкодовке отправлять в СССР произведенную для него продукцию и дали полтора месяца на завершение финансовых операций по советским заказам[11].

Сведения к Руди поступали с мая 1939-го и от видного историка и публициста, крупного деятеля некоммунистического движения Сопротивления Ярослава Папоушека (Божка), который в 1936–1938 годах контактировал с советской военной разведкой в рамках

секретного сотрудничества Разведупра РККА со 2-м отделом чехословацкого Главного штаба. Большую помощь в подпольной работе, в том числе как связная, ему оказывала его жена – Надежда Папоушкова-мельникова. После войны Бенеш писал (1948), что Попоушек был одним из лучших источников информации о подготовке Германией войны против СССР.

Накануне Великой Отечественной

12 января 1941 года в Стамбул из Москвы неожиданно приехал подполковник Людвик Свобода, бывший командир чехословацкого легиона, сформированного из солдат и офицеров ЧСА в Польше, воевавшего с немцами на территории этой страны и интернированного в СССР. Вместе с ним в Турцию прибыл человек, которого Свобода представил военному атташе Чехословакии в Турции (и руководителю чехословацкой военной разведки на Балканах) генералу Гелиодору Пике как «генерала Фокина – представителя московского центра». Целью визита были переговоры о сотрудничестве разведслужб в преддверии советско-германской войны.

Кем же был посланец Кремля? Некоторую ясность в данный вопрос внес чехословацкий разведчик Франтишек Гиеке (Стой). Вспоминая стамбульский эпизод, он рассказал следующее: «В то время я был болен и лечился в стамбульской больнице. Вскоре после приезда Свобода навестил меня там и сообщил, что в Стамбул прибыл шеф советской разведывательной службы Министерства внутренних дел генерал Фокин»[12].

Более точное название этой должности до февраля 1941-го – начальник 5-го (иностранного) отдела ГУГБ НКВД СССР. А занимал ее тогда, как теперь известно, Павел Михайлович Фитин. О том, что именно он посетил тогда Турцию, говорит и такой факт: впоследствии Фитина наградили грамотой «За освобождение Чехословакии», которая была выписана на имя генерала Фокина и подписана Свободой[13].

Переговоры начались уже на следующий день и продолжались до 23 января. В них участвовали с советской стороны Фитин и вице-консул в Стамбуле Вершанский (видимо, Лев Петрович Василевский), с чехословацкой – Гелиодор Пика и его заместитель Прокоп Кумпошт. Главные предложения, сделанные «Фокиным», согласно донесениям чехословацких разведчиков, касались прибытия в Москву чехословацкой военно-разведывательной миссии, «чтобы под руководством советского главного штаба организовать разведку на чешских землях, на Балканах и в Германии», а также создать на территории СССР воинские части из чехов и словаков («когда позволит международная обстановка»).

Советский генерал просил поторопиться с ответом, поскольку нападение Германии на Советский Союз, по его словам, «может стать реальностью в течение нескольких месяцев». Фитин выразил уверенность в том, что именно его страна нанесет поражение германскому фашизму и освободит «чешский народ»[14].

То, о чем шла речь в Стамбуле, в конце концов, осуществилось. Миссия во главе с генералом Пикой начала свою деятельность в Москве уже в конце апреля того же года. Но официальной она стала только после 18 июля 1941-го, когда в Лондоне было подписано советско-чехословацкое военное соглашение. Чехословацкая воинская часть (1-й отдельный батальон – 1-я отдельная бригада – 1-й армейский корпус) создается в конце 1942 года, и с марта 1943-го она участвует в боях на фронтах Великой Отечественной. А в 1945-м Красная армия освобождает Чехословакию.

Советские разведчики и партизаны в Чехословакии

Восемь лет проработал в Чехословакии советский военный разведчик Владимир Врана (1935–1943), ранее три года выполнявший задания РУ во Франции. На родине он устроился

на работу в пльзеньскую Шкодовку, был там референтом по связям с зарубежными странами, экспертом. В 1939 г., после оккупации страны, перебрался в Прагу, в штаб-квартире заводов «Школа» занимался вопросами экспорта вооружений. От него в Центр шла ценная военно-техническая информация, которую добывал не только он, сведения к нему поступали от широкого круга его друзей и знакомых. После начала Великой Отечественной войны связь с Москвой он поддержвал через некую особу в шведском консульстве. Арестовали его немцы 29.01.1943 г. и, хотя никаких существенных данных против него не было, Врану отправили в концлагерь Флоссенбург, где он находился до конца войны.

Партийный работник, член Компартии Австрии Герхард Бонди эмигрировал в ЧСР (1934–1939), в этот период вступил в Компартию Чехословакии, занимался партийной работой в Теплице, учился в Немецком университете в Праге, где ему присвоили звание доктора права (декабрь 1938) и одновременно, по поручению партии, «работал в одном специальном аппарате» (1934–1937), его считали там «надежным товарищем». Впоследствии жил и работал в Великобритании, в ГДР.

Легионер, участник 1-й мировой войны Йозеф Едличка воевал с частями Красной Гвардии и Красной Армии на Урале и в Сибири, потом служил в Чехословацкой армии на командных постах в строевых частях, в военной разведке, топографической службе и ВВС (август 1920 – март 1939), последнее звание – майор (14.12.1936). С советской военной разведкой сотрудничал в Праге с 1937 г., сначала в рамках взаимодействия разведок ЧСР и СССР, потом на постоянной основе. Помимо связи с резидентом Л. Моховым (Михайловым) у него была прямая связь с Центром. Позывной его рации «Магда», оперативный псевдоним «Руди». Информацию он получал от целого ряда источников, в том числе и от крупных организаций чехословацкого некоммунистического Сопротивления – УВОД, «Обрана лиду» и др., а также из министерства внутренних дел протектората Чехии и Моравии. В своей телеграмме президенту Э. Бенешу в Лондон (30.07.1940) УВОД назвала Едличку «наш майор, хороший чех на их службе». Едличкой была создана разведгруппа «Юлек», работавшая в тесном контакте с ним. Ее руководителем стал бывший инженер-майор армии ЧСР Владимир Эльнер, арестованный гестапо 11.10.1941. Едличку арестовали на несколько дней раньше – 08.10.1941, нацистами были схвачены и многие другие, связанные с ним люди, в том числе радист группы Эльнера Отокар Батличка. «Руди» приговорен к смертной казни 19.01.1942, казнили его в пражской тюрьме Панкрац 30.06.1942 г. Награжден Чехословацким военным крестом 1918, Чехословацким военным крестом 1939 (посмертно), Крестом святого Георгия, медалями.

Помощником резидента «Мохова» являлся Курт Беер (литературный псевдоним Курт Конрад), в конспиративной работе известный как «Рудла», в прошлом писатель и журналист, коммунист – подпольщик, неоднократно бывавший за рубежом. Официально, с февраля 1939 г., он находился на посту референта по печати сначала советского посольства, а потом генконсульства СССР в Праге. Поддерживал связь с рядом групп и руководством Сопротивления (как коммунистического, так и некоммунистического), с некоторыми советскими разведгруппами. Собирал информацию и самостоятельно, используя свои многочисленные знакомства в военных и дипломатических кругах. При его участии весной 1939 г. создана разведгруппа инженера Милана Реймана, от которого поступали, в частности, материалы из окружения главы правительства протектората Чехии и Моравии А. Элиаша.

Через него материалы и финансовая помощь из СССР передавались руководству подпольной КПЧ. В начале 1941 г. Курт Беер стал гражданином СССР. Но несмотря на это гестапо его арестовало 01.03.1941 г. по обвинению в шпионской деятельности. Он подвергался допросам в тюрьмах Праги, Цвикова и Дрездена. На допросах никого не выдал. Казнен 25.09.1941 г. в г. Дрездене, Германия.

Необходимая московскому Центру военная, военно-техническая и военно-экономическая информация поступала так же от Вилема Громадки и Йозефа Шквора. Вилем Громадко – крупный промышленный деятель ЧСР, находился на посту генерального директора фирмы «Шкода» (1937–1942). В числе других проблем занимался развитием связей с Советским Союзом, в связи с чем Громадко часто бывал в Москве. Так, например, в январе 1937 г. советский военный атташе в ЧСР Лев Шнитман сообщил в Москву «о полученном согласии фирмы Шкода бесплатно передать СССР право на производство 76 мм горных орудий с соответствующими чертежами деталей орудий, чертежами инструмента и приспособлений». С согласия наркома обороны СССР К.Е.Ворошилова Громадко был приглашен для переговоров в советскую столицу. После оккупации Чехословакии в марте 1939 года войсками нацистской Германии, заводы фирмы Шкода стали частью концерна «Рейхсверке» Германа Геринга. Но Вилем Громадко и далее оставался на своем посту, а в период действия советско-германского договора нередко имел возможность посещать СССР и передавать советской военной разведке ценную промышленную информацию. Невзирая на слежку гестапо, он передавал известные ему сведения также и в Лондон – чехословацкому правительству в эмиграции, финансировал, по мере возможности, Движение сопротивления. Когда протекторат Чехии и Моравии возглавил Гейдрих, Громадко был арестован и находился сначала под домашним арестом (1942–1943), потом в печально известной пражской тюрьме Панкрац (1943–1944). После освобождения Чехословакии работал по своей специальности. Несколько предвоенных лет ценные сведения поступали от ближайшего сотрудника Громадки – Йозефа Шквора, предпринимателя и торгово-промышленного служащего, занимавшего ответственные посты в фирме «Шкода» (1936–1941), по делам фирмы он также неоднократно бывал в Москве.

Химик-исследователь фирмы «Батя» в Отроковице – Злин Эмил Мазал состоял в подпольной группе Сопротивления, которая была связана с советской военной разведкой (1939–1941), в ее составе молодые люди, бывшие сотрудники фирмы «Батя» и авиазавода в Отроковицах. Мазал арестован гестапо 23.06.1941 в Брно и осужден 24.11.1942 в Берлине на смертную казнь. Казнен в берлинской тюрьме Плётцензее 03.05.1943 г.

Чехословацкий историк и публицист Ярослав Папоушек («Вера») работал в МИД страны, был директором архива этого министерства, редактором журнала «Международная политика». С ведома 2-го (разведывательного) отдела Главного штаба Чехословацкой армии и в рамках сотрудничества военных разведок двух государств, поддерживал связь с РУ РККА (1936–1938), как и его брат генерал Франтишек Папоушек. После оккупации страны – видный деятель некоммунистического Сопротивления. Посылал добытые сведения в Лондон. И в тоже время возобновил свои контакты с советской разведкой. Информацию передавал или руководителю советской военной разведгруппы Й. Едличке или же самому резиденту Л. Мохову (Михайлову), с которым встречалась его жена Н.Ф. Мельникова. Через Я. Папоушка передавались также советской разведке данные и материалы, полученные руководством

Движения Сопротивления. Президент Чехословакии Э. Бенеш писал (1948 г.), что одним из лучших источников информации о подготовке Германией войны против СССР был именно Ярослав Папоушек. Его арестовали нацисты в декабре 1941. Умер он в тюрьме г. Зальцбурга, Австрия 08.01.1945 г.

Весьма сильной была связанная с Москвой организация «РУДА», создателем и руководителем ее в 1939–1941 гг. был коммунист Рудольф Цисарж. Она возникла в первые месяцы 1939 г. перед самой оккупацией, в ее состав вошел ряд членов Комитета помощи демократической Испании (1936–1937), Общества друзей демократической Испании (1937–1939), некоторых других левых общественных объединений.

«РУДА» действовала в Праге и других местах так называемого протектората Чехии и Моравии (1939–1945). Контакты с советской военной разведкой осуществлялись через генеральное консульство СССР в Праге, а потом через Шведское консульство, а также и с помощью раций. Разведывательная работа стала основной в ее деятельности, ценная информация поступала от них, в частности, по военной промышленности, войсковым частям и подразделениям вермахта, а также из резиденции статс-секретаря протектората К.Г. Франка. Тесно контактировали члены «РУДЫ» и с военными группами некоммунистического Сопротивления – Советом пяти «Останемся верны» (ПВВЗ), Центральным советом отечественного Сопротивления (УВОД), «Капитаном Немо» и др., имелись контакты и с некоторыми из дипломатических представительств зарубежных стран в Праге. Несмотря на ряд арестов (лето 1941 – август 1944) работа организации не прекращалась. В своей деятельности «РУДА» опиралась на финансовую и материальную поддержку старшего брата Рудольфа – Ченека Франтишека, арендатора (1928–1931) и владельца (1931–1945) Стекольного завода в Тасице, где в период оккупации (1940–1945) выполнялись германские военные заказы.

Сам Рудольф Цисарж был арестован в октябре 1941 г. Содержался в пражской тюрьме Панкрац (1941–1942), потом в концлагере Дахау (1942–1945). Там он также вошел в подпольную группу, которая имела возможнось помогать заключенным, поскольку наладила связь с внешним миром. По этому каналу в лагерь поступали еда, лекарства, одежда и обувь, из лагеря шла информация о тамошней ситуации и лагерном эсесовском персонале. После войны Рудольф занимался общественной работой в Праге. Его брат в мае 1945 был обвинен в сотрудничестве с нацистами, а все его имущество подверглось конфискации. Ченек покончил жизнь самоубийством в ноябре того же года. Реабилитирован он был в 1960-е. Рудольф умер в 1986 г.

Среди членов организации «РУДА» находились Зденко Влтавский и Зденек Крейчи.

Зденко Влтавский воевал в составе Австро-Венгерской армии на Русском фронте, попал в плен (1916). Служил в России в Чехословацком легионе (1916–1917), потом служил в легионе во Франции (1917–1918), воевал в Эльзасе, принимал участие в битве у Террона. Дважды окончил офицерские курсы. Служил в чехословацкой армии, в том числе в разведке, был военным атташе во Франции (1931–1935), в сферу его деятельности входили также Великобритания, Бельгия и Швейцария. Потом – в войсках, демобилизован в августе 1939 г., на гражданке стал сотрудником министерства финансов (1939–1941), затем на пенсии. Он активно сотрудничал с подпольной военной организацией «Обрана народа» и организацией «РУДА» (1939–1945). Был одиним из самых активных участников Пражского восстания (май 1945 г.), командовал отрядом из 10-ти бронемашин Военного руководства Большой Праги «Бартош». Вновь служил в чехословацкой армии, демобилизован, работал кладовщиком, реабилитирован (1991).

Зденек Крейчи был торговым служащим, шахтером, отслужил срочную службу в

армии, младший сержант. После оккупации страны сражался с нацистами в составе военных групп Сопротивления – «Обрана народа», «Слезски одбой», имел контакты с польским Сопротивлением и разведывательной службой чехословацкого легиона в Польше. В подполье имел звание капитана. В организации «РУДА» действовал как разведчик – фотограф (1943–1945), входил в Центральный совет этой организации. В период, когда Красная Армия сражалась в районе Остравы, создал группу из 50 человек для охраны мостов в городе. Погиб 30.04.1945 г. при успешной обороне одного из них – Жофинского. Награжден Чехословацким военный крестом 1939 (посмертно).

Горняк, коммунист Сватоплук Рада работал в Чехословакии, СССР и Турции, и, наконец, в Болгарии, в софийском филиале концерна «Баньска» (1938–1941). Стал одним из руководителей группы «Болгарское сопротивление» (БС), в составе которой действовали чехословаки и болгары (1939–1941). БС передавала информацию, связанную главным образом с военной промышленностью, в Лондон и советской разведке через Болгарию (группа Владимира Заимова). Потом он жил в Турции и Иране, воевал в составе Чехословацкой воинской части на советско-германском фронте (1943–1945), имел звание майора. После войны на руководящих постах в горной промышленности. Покончил жизнь самоубийством 16.04.1952 в своем доме в Праге при невыясненных обстоятельствах 16.04.1952. Награжден орденом Красной Звезды (СССР), орденами Белого Льва и Героя Труда (ЧССР).

Участник скаутского движения, офицер армии ЧСР Карел Гаас в период оккупации учился в Оломоуце (1939–1940), был служащим окружной администрации в Злине (1940–1941). Гестапо арестовало Гааса в апреле 1941 г. и обвинило его в «разведывательной службе для иностранного государства», а конкретно в том, что он «обеспечивал документами советских парашютистов». Во время следствия и отбытия наказания сидел в пражском Панкраце, тюрьмах Дрезедна и Интерсхаузена, берлинских Маобите и Плетцензее. Казнен в Плетцензее 03.05.1943 г. Награжден золотым скаутским крестом «За Родину, 1939–1945» (посмертно).

Чех Вацлав Дедек, родившийся в 1918 г. в деревне Барабинка Акмолинской области России, окончил среднюю школу в г. Ческа Тржебова в Чехословакии (1939). Он решил выехать в СССР и обратился по этому поводу в 1940 в советское генеральное консульство в Праге, но его привлекли там к разведработе. Вместе с Александром Ваноушем он создал и возглавил разведгруппу «Володя» (всего 11 человек). Они добыли (1940–1941) детальную информацию о военных эшалонах следующих через станцию Ческа Тржебова, железнодорожные документы, которые касались военных перевозок, их графика, сведения о промышленном производстве на заводе фирмы Шкода в Адамове и на оружейном заводе Збройовка во Всетине. Все сведения с помощью связного передавались в советское консульство. Связь оборвалась после 22.06.1941. Группу выдал предатель, один из парашютистов, сброшенных для связи с ними. Аресты шли с 04.11.1941 до 17.04.1942. Судили разведчиков 05.05.1943 в Берлине. Из 11 обвиняемых 8 приговрены к смертной казни. Они казнены в берлинской тюрьме Плётцензее 08.09.1943 г.

Немало успела сделать организация во главе которой стояли коммунисты – печатник и

партийный работник Иржи Стриккер и инженер, совладелец завода по производству металлических изделий в Праге, Олдржих Штанцл. В ее составе было более 20 человек (однако полный ее состав остался неизвестен). На первом этапе (1939–1940) группы Штанцла и Стриккера существовали раздельно и много внимания уделяли организационным вопросам (явки, документы, линии связи). В конце 1939 с Штанцлом на связь вышел пражский резидент РУ Генштаба Красной Армии, сотрудник генконсульства СССР Л. И. Мохов (Л. А. Михайлов), тогда главной задачей для группы стала разведывательная деятельность в пользу СССР. Уже летом 1940 к ним присоединился Иржи Стриккер со своими людьми. Информация передавалась в Центр с помощью курьеров и рации. В том числе: данные о военном производстве, о дислокации и перебросках немецких войск, о ситуации в Чехии и Моравии. Своя агентура была у этой организации и в Австрии. Кроме того, они издавали и размножали в немалом количестве листовки, нелегальную литературу. Связь с СССР прервалась летом 1941 г., и организация приступила к подготовке акций саботажа, а затем осуществила некоторые из них. 15–20.10.1941 прошли аресты членов группы. Олдржих Штанцл, Иржи Стриккер и трое их соратников (Отакар Руна, Эмиль Коберле, Эмиль Кухарж) были казнены в Праге 28.11.1941 г. как «ведущие функционеры коммунистической террористической организации». Все остальные люди, арестованные по этому делу, были отправлены в концлагерь.

Пять разведчиков, прошедших спецподготовку в СССР (ноябрь 1939 – февраль 1940) – Селуцкий, Бобак, Гула, Вицпалек и Лонек – все вместе, после успешного перехода двух границ, установили связь с советской военной разведкой в Праге, с людьми из генерального консульства СССР. С их помощью и с помощью рации поддерживали связь с Москвой.

– Радослав Селуцкий («Лис»), пилот транспортного самолета, затем в армии – летчик-истребитель, после оккупации страны ушел в Польшу, где присоединился к части подполковника Л. Свободы, вместе с которой перешел потом в СССР;

– Владислав Бобак («Бредов») занимался авиаспортом, был мобилизован (1938 г.) в чехословацкую армию, а потом, как и «Лис», оказался в части у подполковника Свободы;

– Милослав Гула («Чап»), бортрадист, военный летчик – пилот легкого бомбардировщика, также служил у Свободы и с его частью интернирован в СССР.

– Ян Вицпалек («Тереза»), призван был в чехословацкую армию (1938), стал сержантом, летчиком-истребителем, потом служил у Свободы и с его частью попал в СССР.

– Ярослав Лонек («Лер»), авиаконструктор, младший сержант – пилот многомоторного бомбардировщика, попал в СССР тем же путем, что и его товарищи.

Они создавали каждый свою группу, но работали в контакте между собой и с резидентом «Рудольфом», регулярно встречались либо с ним, либо с его связной Иржиной Унцейтиг. В общем им удалось в краткие сроки создать сильную и эффективно работающую агентурную сеть, которая охватывала территорию Чехии и Моравии. «Пятерка» в большом объеме добывала военную, военно-промышленную и прочую информацию (в том числе чертежи, рисунки, снимки и запчасти) через многочисленных своих друзей и знакомых.

Они, в частности, сообщали:

На пардубицком аэродроме у Попковиц находятся около 500 служащих Люфтваффе; на полевом аэродроме возле Немецкого Брода находятся 200 летчиков, шесть деревянных бараков и 12 самолетов; в Скугрове будут что-то строить, подробности выясняются; в Градце Кралове находятся немецкие летчики и артиллеристы – всего 1000 человек; пехотинцев в Пардубицах – 500; в Младе Болеславе пехотинцев – 300.

Авиационный завод в Кбелях будет производить специальный тип транспортного планера для десяти человек, в месяц преполагается поставлять 150 штук; «Авиа» производит

15 авиамоторов в неделю, изготовили там также дополнительные резервуары для бомбардировщиков; из аэропорта Рузине [в Праге] вылетели за рубеж три аэроплана с офицерами – подробности выясняются.

В Праге находятся немецкие горные части. Они тренируются в Шарце. Солдаты одеты в белые маскировочные плащи. У сахарорафинадного завода в Кралупех в полях устанавливаются новые бензиновые резервуары. Одновременно они маскируются от авианалета.

Аэродром Рузине – в ремонте 22 самолета JU 52, Дорнье – две штуки, Дуглас – три штуки; окраска у них маскировочная. В ремонте моторы MBW – 132 штуки… На аэродроме 1000 солдат, в казармах, в помологическом институте и местной школе в Рузине 2000 человек в авиационной униформе. Ряд ложных огней (22 фонаря) к юго-западу от аэродрома Рузине 4 км в направлении Зличин.

В Брненской збройовке 15000 рабочих в 3 сменах, из них 3000 в отделении пулеметов, 3000 в отделении винтовок. Чертежи и рисунки посылаем «Рудольфу».

Вчера из Пльзени в Прагу – 1 транспорт 40 вагонов с запасными частями самолетов. Особым транспортом отправились позавчера из Пльзени 150 людей люфтваффе с электростанцией Terst.

1. «Телеграфия Пардубице» производит коротковолновые станции в большом количестве для самолетов и кораблей. Программа производства расчитана на два года. 2. Злинское авиационное общество в Батёве производит серию (сейчас 200 штук) самолетов Klemm; они имеют скорость 230 км/час, мотор (1) 100 лошадиных сил, двойное управление для обучения. Производственная ёмкость – 6–7 недель. 3. Авиационный завод Хоцень: программа на один год, двухместный самолет без мотора, с двойным управление для обучения пилотов. 4. «Летов Прага»: производство для транспортного JU 52 (3 моторный моноплан), 27 пар крыльев ежемесячно. Для обоих типов также крылья, клапаны. 5. «Авиа Прага» – серийное производство самолетов «Арадо» с двойным управлением, 60 штук в месяц. На производстве – 3500 человек. Примечание: немцам не хватает учебных самолетов.

И многие, многие другие данные и материалы, были переданы в Москву.

Причиной провала организации стало проникновение в организацию агента гестапо, старого знакомого одного из летчиков.

Радослав Селуцкий арестован 4 марта 1941 г. в Праге и казнен 28.07.1943 г. в Дрездене, Германия; Владислав Бобак – 6 марта 1941 г. в Брно и казнен 12.07.1943 г. в Дрездене, Германия; Милослав Гула – 6 марта 1941 г. в Остраве и казнен 16.03.1943 г. в Плётцензее, Берлин, Германия; Ян Вицпалек – 6 марта 1941 г. в Таборе и казнен 08.09.1943 г. в Дрездене, Германия; Ярослав Лонек – 9 марта 1941 г. в Пардубицах и казнен 26.01.1945 г. в Дрездене, Германия.

В приговоре по делу Селуцкого было сказано, что он свою «шпионскую сеть создавал с беспредельным энтузиазмом», а «интенсивность его деятельности была невероятной», к тому же Селуцкий «передал множество точной информации». О Ярославе Лонеке в материалах следствия написано: «Завербовал 15 людей, передавал обширную информацию об авиационной промышленности. Страстный чехословацкий патриот».

Всего по делу «пятерки» к суду было привлечено 200 человек, 58 из них приговорены к смертной казни и казнены, 22 человека погибли в тюрьмах нацистов.

Иржине Унцейтиг удалось скрыться от гестапо с помощью «Рудольфа». Служебная телеграмма гестапо № 6981: «Секретно. Тема – русская разведывательная служба. Было установлено, что служащая протектората Иржина Унцейтиг, родившаяся 15.II.1913 в Оломоуце, живущая в Смихове, Рейнерова 5, была связной между центром русской разведывательной службы в Праге и отдельными агентами в протекторате. Унцейтиг (служащая фирмы Палаба на Индржишской улице) использовала в своей деятельности

подпольную кличку Ирина. Все свои вещи она бросила в пражской квартире и исчезла в неизвестном направлении. Возможно у ней фальшивые документы. Имея в виду важность этой особы, требуем проведения чрезвычайно интенсивного поиска. Фото Унцейтиг посылаем каждой из отдельных служб немедленно». Но найти ее гестапо так и не удалось.

Школьный учитель, украинец Василь Капишовский («Клуженко») перед оккупацией служил в чехословацкой армии (1935–1939), потом перебрался в Польшу и вступил в состав воинской части подполковника Л. Свободы. Оказавшись в СССР выразил желение служить в Красной Армии (тех кто выразил такое желание называли «звездари»). Вместе с другими чехословаками прошел специальную подготовку в г. Суздале на территории Спасо-Евфимиева монастыря. 26.10.1940 г. переброшен в Братиславу, получил там от резидента рацию и необходимое оборудование. Устроился на работу учителем в школу в Олке. Сам Капишовский рассказывал: «Устроившись на постоянную работу и заполучив квартиру, я начал выполнять задания Москвы. Вскоре я побывал в Братиславе и наладил связь с резидентом, к которому явился с паролем. Ему я потом регулярно приносил донесения о движении воинских транспортов в восточном направлении. Эта связь продолжалась до начала 1941 г., когда мне дали рацию. Это было миниатюрное устройство, тогда весьма современное, на такой рации я проходил обучение в Москве. Установил я ее у связанного со мной Йозефа Юричкова из Бардейова, он знал, чем я занимаюсь. Помогали мне также Ян Корчак и Михал Лацко, и мой брат Андрей Капишовский. Когда фашистские орды напали на Советский Союз, я установил рацию и начал передовать информацию прямо в Москву. Этим я занимался до октября 1941 г.». Тогда он был призван на службу в словацкую армию и в звании подпоручика направлен служить в гарнизонную комендатуру г. Мартин.

03.11.1941 г. Капишовский и некоторые из его соратников были арестованы в результате предательства одного из парашютистов, отправленного на связь к нему. Приговорили его к 15 годам тюрьмы, срок наказания отбывал в Леопольдове. В феврале 1945 г. словацкие власти выдали Капишовского нацистам, а те отправили его в концлагерь Маутхаузен. Он выжил в немецком аду и после войны находился на партийной и преподавательской работе в Словакии, был председателем ЦК Культурного союза украинских трудящихся в ЧССР, избирался депутатом Национального собрания, членом президиума Федерального собрания ЧССР. Умер 11.04.2002 в словацком г. Кошице.

Чехословацкие граждане Антонин Кос и Зденек Богуслав находясь по делам службы в Прибалтике сами предложили свою помощь Красной Армии и получили согласие на сотрудничество (август 1940). Чех Зденек Богуслав («Яро»), работал в Риге (Латвия) в представительстве чехословацкой торговой фирмы (1939–1940), в те же годы там находился по делам своей фирмы и Антонин Кос («Пепи»). Они прошли ускоренную специальную подготовку в Москве (октябрь – ноябрь 1940) и вернулись обратно в Ригу (ноябрь – декабрь 1940). Оттуда перебрались в Чехословакию: Кос в декабре 1940, а Богуслав в январе 1941.

Первый из них, работая для прикрытия в страховом обществе «Славия», создал агентурную сеть, которая охватывала немалую часть Южной Моравии. Все материалы и информацию передавал сотруднику советского генерального консульства в Праге «Рудольфу» – Л.И.Мохову (Л.А.Михайлову). Получив от него рацию А. Кос установил прямую связь с Центром, которая прервалась после начала Великой Отечественной войны. Вскоре возобновил её с помощью прибывших в Чехословакию парашютистов. Но один из них оказался предателем и 04.10.1941 Кос был арестован. На допросах никого не выдал. Приговорен судом в Брно 22.12.1941 к смертной казни. Вместе с другими подпольщиками (72

человека) был расстрелян в концлагере Маутхаузен. Посмертно награжден Чешским военным крестом.

Второй – обосновался в Брно, где и ему удалось создать агентурную сеть. Он следил за передвижением военных транспортов на Восток, за производством на некоторых чехословацких заводах. Сведения, как и А.Кос, передавал сотруднику советской разведки «Рудольфу». После нападения Германии на СССР связь с Центром прервалась и уже не была возобновлена. Богуслав принимал активное участие в Сопротивлениия. Арестован был гестапо 04.04.1944 г. в результате предательства, отправлен в концлагерь Маутхаузен. Дожил до Победы.

Военный разведчик и сотрудник генконсульства СССР Владимир Иванович Коновалов (1940–1941 гг.) тогда только начинал свою службу в РУ ГШ Красной Армии – ГРУ ГШ ВС СССР, он окончил Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского (1937) и стал там преподавателем (1937–1939). Продолжал службу в военной разведке. Последняя должность – военный атташе при посольстве СССР в Югославии. Генерал-лейтенант. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I ст., Красной Звезды.

Большую работу проделали в Словакии немцы Генрих Фомферра и Ганс Шварц. Их разведывательной службе предшествовали богатые событиями биографии. Так, рабочий – коммунист Генрих Фомферра служил в германской армии в период 1-й мировой войны (1915–1918), активно участвовал в революционном движении, служил в военном аппарате партии (в том числе в разведке), участвовал в боях в Рурской области. Работая в группе «заводская отчетность» (военно-техническая разведка КПГ) на заводах Круппа в Эссене (1930–1932), успешно выполнил задание советской военной разведки – сформировал разветвленную организацию на заводах Круппа, поставлял ценные сведения, среди которых были чертежи различного крупповского оружия и нового крейсера. В Москве он учился и преподавал в военно-политической школе ИККИ – «школе Альфреда» (1932–1936), был инструктором по взрывчатым веществам, работал в ОМС ИККИ (июнь 1936 – июнь 1937). Потом Генрих воевал в Испании в партизанских частях (сентябрь 1936 – июнь 1937), имел звание капитана. Прошел радиотехническую и разведывательную подготовку в РУ РККА в Москве (1937–1938), и направлен радистом в бельгийскую группу И. Венцеля (1938–1939), выполнял задания РУ во Франции, Бельгии и Швейцарии (май – октябрь 1939).

Рабочий – коммунист Ганс Шварц был активистом молодежного и профсоюзного движения, партийным работником, к тому же некоторое время был связан с советской военной разведкой, работал в военном аппарате КПГ, исполнил смертный приговор, вынесенный партией агенту гестапо в КПГ А.Каттнеру (01.02.1934). Учился в Москве в военно-политической школе ИККИ – «школе Альфреда» (март 1934 – ноябрь 1935), преподавал в той же школе (ноябрь 1935 – февраль 1936), работал учеником слесаря в НАТИ (февраль – декабрь 1936). «Он проверенный товарищ, компрометирующих данных о нем не имеется» (28.08.1936). Воевал в Испании, куда послан по линии ИККИ, инструктировал разведывательно-диверсионные группы, партизанил, был ранен. Потом выполнял разведзадания РУ РККА в Чехословакии (1937–1938)

Вместе они были направлены нелегальную работу в Венгрию начальником Отдела «А» РУ РККА Х.У.-Д. Мамсуровым, но, в конце концов, были вынуждены покинуть страну из-за проблем с документами (апрель 1939 – декабрь 1940). Ошибки, обнаруженные в документах, исправили, но возвращать напарников в Венгрию не стали. Согласно новому заданию

Фомферре и Шварцу предстояло создать разведывательную организацию «SOLTE» в Словакии. Вскоре им это удалось сделать, обширная разведсеть давала Центру ценную информацию по этой стране, и не только по ней (декабрь 1940 – февраль 1942). У каждого из руководителей «Солте» сформировалась своя группу, но все сведения стекаются к Гансу Шварцу, а он передает их в Центр с помощью рации, которая вручена группе в 1941 г. В Центре им дали адреса и имена нескольких человек с которыми им предстояло работать.

Шварц («Феликс») прибыл в Братиславу 10 октября 1940 г. и поселился в отеле под именем швейцарского торговца Франца Шрека. Встретился с резидентом «Фрицем» и обговорил с ним все детали деятельности и дальнейших встреч. Вскоре он женился на Стефании, которую ему представило советское консульство, она стала курьером группы. Вторым радистом и помощником Шварца стал Йозеф Кундрат, техник фабрики «Аполло» в Братиславе, получивший радиоподготовку в армии. Полицейский документ сообщал: «Главной разведывательной заадачей Шрека – Шварца было сообщать о военной деятельности, транспортах и др., потому что шла подготовка к войне против СССР… В Братиславе он получил в свое распоряжение рацию и поддерживал связь с Москвой, откуда получал указания».

Сеть, созданная Шварцем, действовала в Братиславе и Западной Словакии, в ее составе было более 40 агентов, кроме того, для получения информации и проведения актов саботажа осуществлялось сотрудничество с группами Сопротивления, в том числе и отрядами нелегальной Компартии Словакии. С помощью ряда железнодорожников, которыми руководил Игнац Свитнич у «Солте» появилась возможность отслеживать переброску немецких войск на Балканы и на восток, к границам СССР. Наиболее важным источником информации для группы «Солте» на этом направлении стал диспетчер главной железнодорожной станции Братиславы Рудольф Принц.

В начале января 1941 г. прибыл в словацкий город Пьештяны из Парижа напарник Шварца – Генрих Фомферра, он же датский барон Карл Малькер, его сопровождала жена Элиза, поселились приезжие в отеле «Лиер». Малькер прибыл лечиться и его доктором (и членом группы) стал доктор Людовит Торма, адрес которого и другие данные Фомферра получил в Москве. Торма помог в организации всей группы, которая действовала не только в городе, но и за его пределами.

Большим достижением группы Шварца стал контакт (через связных) с военнослужащим командования авиационного полка в Братиславе Штефаном Элексом. Он раздобыл карту, разработанную словацкими военными летчиками вместе с люфтваффе. На ней были указаны аэродромы в Словакии и Австрии, огневые точки охраны аэродромов и данные о количестве личного состава воинских частей, которые там находились.

После начала войны из Москвы поступил приказ начать подготовку к акциям саботажа, взрывчатку для этого раздобыли члены «Солте» на своих заводах. Как вспоминал Г. Фомферра: «Благодаря Торме мне удалось успешно вести политическую пропаганду среди населения и предпринимать различные акции против военных транспортов, направлявшихся на Восточный фронт. В буксы железнодорожных вагонов вместе с маслом мы подсыпали песок, в тендеры паровозов клали замаскированные мины, проводили серии актов саботажа на оборонных предприятиях и многие другие акции».

И тут в работу разведчиков вмешался несчастный случай. 24 июня 1941 г. в квартире на 4-м этаже дворца Мандлера в Братиславе раздался мощный взрыв. Квартира принадлежала Францу Шреку, но после этого происшествия ему и его жене удалось скрыться, они не пострадали. В квартире полиция обнаружила компоненты, необходимые для производства взрывных устройств, а также наушники, телеграфный ключ и другие части рации. Шрек и его жена были объявлены в розыск, который оказался безрезультатным. Было установлено, что Франц Шрек родился 6 августа 1909 г. в Цюрихе, Швецария и был коммивояжером

химического завода в Базеле. Рост его 166 см., продолговатое лицо, гладко зачесанные волосы. Полиция выяснила, что у Шрека есть солидный счет в банке и обширные торговые связи. Удивлением для полиции стало то, что с указанного счета переводились немалые деньги некоторым деятелям Словацкой республики. А власти Швейцарии на запрос из Словакии ответили, что такой Шрек в этой стране на свет не появлялся. Из-за этого происшествия работа группы на несколько дней была прервана.

Выдал «Солте» агент гестапо, сумевший проникнуть в одну из групп Сопротивления, связанной с организацией Шварца – Фомферры. После ареста руководителей «Солте» (14.02.1942 г.) внимание словацкого УГБ привлекли, в частности, их фальшивые документы. Там стояли печати пограничных контрольных пунктов Франции, Италии, Бельгии и Германии.

На суды по делу «Солте», как говорят, повлияли победы Красной Армии и главным образом под Сталинградом. Поэтому ни одного смертного приговора не было вынесено, ни 31.03.1942 г. (дело Шварца), ни 31.01.1944 г. (дело Фомферры). Ганс Шварц и Генрих Фомферра приговорены к 12-ти годам тюрьмы; Игнац Свитнич, Стефания Шварц, Адольф Гурбанич и Штефан Давид – к 10-ти годам; Анна Гурбанич – к 5 годам. Остальным, в качестве наказания, зачли срок пребывания под стражей и по окончания процесса выпустили на свободу. Приговоренные отбывали срок лишения свободы в тюрьмах Братиславы, Илавы и Ружомберка, и были освобождены партизанами 26.08.1944 г. Фомферра участвовал в Словацком национальном восстании (август – октябрь 1944), был комиссаром партизанского отряда. После войны работал в органах госбезопасности Восточной Германии – ГДР. Награжден тремя орденами «За заслуги перед Отечеством» (1956, 1965, 1970), орденом Карла Маркса (1975). Шварц воевал в составе партизанской бригады Яношик. Погиб в бою 02.09.1944 г.

Словацкая газета «Nedel’na pravda» (1971 г.) писала: «К «Красной капелле» принадлежала и группа разведчиков, которую в Москве знали под оперативным именем «Солте». Эта группа в период второй мировой войны работала в Словакии и имела связи с Балканами и Западной Европой. В группе было 200 сотрудников – коммунистов и антифашистов. Из них 46, после предательства и ареста, краевой суд так называемого словацкого государства назвал опасными разведчиками».

10.08.1941 г. в Польше были сброшены на парашютах чех Йозеф Дицка («Новак») и словак Андрей Кабош («Келлер») с заданием вести разведку в Чехословакии и Австрии. Австрийский комсомолец и коммунист Й. Дицка владел немецким, французским, испанским и чешским языками; работал по линии КИМа в Германии и Австрии, трижды арестовывался; находился в заграничных командировках по линии ИККИ, использовался «для военной работы» и сотрудничал с Венской резидентурой Разведупра; воевал в Испании, в звании майора был начальником штаба 35-й дивизии; потом состоял в распоряжении Специального отдела «А» РУ Генштаба Красной Армии (1939–1941 г.). Вместе с «Келлером» десантирован в Польшу в район Влощова (10.08.1941) с документами на имя Йозефа Новака, р. 21.02.1904 г. Йозеф сломал ногу при посадке и покончил жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен.

Чехословацкий комсомолец и коммунист, инженер-строитель Андрей Кабош владел немецким, венгерским, французским и английским языками. Работал на строительных предприятиях Словакии и активно занимался партийной работой (в основном агитационно-пропагандистской и по связи), служил в звании рядового в чехословацкой армии (1935–1937), эмигрировав в СССР (1939) работал в совхозе. После высадки добрался до Словакии, организовал небольшую группу и стал работать. Немцы запеленговали его рацию и 10.12.1942 г. он был арестован, приговорен 05.02.1944 г. к 5 годам лишения свободы и

отправлен в братиславскую тюрьму, позднее переведен в военный госпиталь в Братиславе, откуда ему удалось бежать 29.08.1944 г. Принимал участие в Словацком национальном восстании. В сентябре 1944 г. направлен Компартией Словакии в восточную часть «республики» для организации нелегальной сети партии и создания революционных народных комитетов. О председателе народного комитета в Прешове сообщала 27.03.1945 г. газета «Красная Звезда»: «Председатель у нас Кабош. Инженер Андрей Кабош. Он давно в нашем городе. При немцах, конечно, ему прятаться приходилось. Гестаповцы и гардисты охотились за ним, всё поймать хотели. Да так и не поймали. А когда пришла Красная Армия, собрались в Городской дом – комитет выбирать. И Кабош тут. Мы его и выбрали председателем». После освобождения занимал различные государственные и партийные должности. На родине подвергался необоснованным репрессиям (1951–1960), реабилитирован. Награжден орденом Красной Звезды (1969).

Чехословацкие коммунисты Рудольф Пешель и Рудольф Прохазка сброшены с парашютами 10 сентября 1943 г. вблизи Островичей в Польше. Пешель ранее был на комсомольской и партийной работе в Чехословакии, принимал участие в работе МОПР, окончил в Москве Международную Ленинскую школу (1933–1935), в 1939 г. эмигрировал в СССР, окончил ускоренный курс подмосковной партийной школы ИККИ (1941). Прохазка – партийный работник, политэмигрант в СССР (1939), так же прошел специальную подготовку для нелегальной работы на родине.

Пешель перебрался в Чехословакию, создал и возглавил разведгруппу «Ян Жижка», центром которой был г. Рыхвальд, донесения в Центр передавал с помощью рации (сентябрь 1943 – октябрь 1944), осуществляла группа и небольшие акции саботажа. В результате предательства арестован 13.10.1944 г., схвачены были и многие другие члены группы. По окончании войны вернулся из заключения домой. Награжден посмертно чехословацким Орденом Труда (1968).

Прохазка добрался до протектората и осел в родном Недведицке, установил рацию и связался с Москвой, передовал донесения (октябрь 1943 – июль 1944), потеряв рацию в бою с нацистами и скрываясь от гестапо наладил связь с рядом оборонных предприятий Шкодовки и Збройовки, создал партизанский отряд «Прокоп Голый», который провел в общей сложности 54 акции, в их числе и саботаж. Действовал отряд в районе Бистршице-над-Пернштейнем. Прохазка сражался с врагом до победного мая 1945 г. После войны на разных должностях.

Организация Движения Сопротивления в Чехословакии «Темпо», в составе которой более 150 человек, в основном поляки, находилась в контакте с советскими разведывательно-диверсионными группами (1944–1945 гг.). «Темпо» передавала им ценные сведения о производстве вооружения, предоставила детали ракетных снарядов «Фау-2», изготовлявшихся на заводе «Гекла» во Фриштате; информировала о передвижениях военных эшелонов по железным дорогам, о дислокации войск и ее изменениях, о состоянии мостов и дорог, настроениях населения, обстановке в лагерях военнопленных и т. п.

Майор Владимир Васильевич Беляев «в разведорганах работает с начала Отечественной войны [июнь 1942 – июнь 1943]. Все возложенные на него обязанности по подбору и подготовке кадров разведчиков для работы в тылу противника выполняет добросовестно» (из Наградного листа, 04.02.1944). Помощник начальника 2-го отделения РО

штаба 2-го Украинского фронта (июнь 1943 – май 1945). «Подготовил и перебросил за линию фронта около 30 человек разведчиков. Почти все из них выполнили задание, своевременно представили Командованию ценные сведения о противнике» (там же). «За 1944-45 г. подготовил 20 агентурных разведчиков. Подготовленные им разведчики хорошо выполнили задание Командования по разведке гарнизонов, оборонительных укреплений и перевозок войск и грузов противника: в Румынии в районе БАКЭУ, во время Ясской операции; во время взятия Будапешта; в районе гор. Нитра (Чехословакия). В настоящее время в тылу противника в Чехословакии работает одна разведгруппа, которая вскрыла дислокацию штабов и войск 8 немецкой армии, 6 ТД, 182 ПД и др., также освещала переброски войск и грузов пр-ка на участке Брно – Йиглава» (из Наградного листа, 12.05.1945). Награжден орденами Отечественной войны II ст. (1945), Красной Звезды (1944), медалью «За боевые заслуги» (1944).

Капитан Михаил Васильевич Березкин, помощник начальника 2-го отделения РО штаба 2-го Украинского фронта (1944–1945). «Хорошо подготовил несколько групп агентурных разведчиков… Подготовленная им и выброшенная в тыл противника, в район БЫРЛАД – ТЕКУЧИ в период ЯССКО-БУХАРЕСТСКОЙ операции, агентурная группа регулярно давала ценные данные о противнике» (из Наградного листа, 20.09.1944). «Капитан БЕРЕЗКИН за 1944-45 г. отлично подготовил 19 агентурных разведчиков. Подготовленные им разведчики отлично выполняли задания Командования по разведке противника в его глубоком тылу и освещали гарнизоны, оборонительные сооружения и перевозки войск и грузов пр-ка в районах: г. ТЕКУЧИ (Румыния), во время Ясской операции, в г. СИБИУ во время наступления фронта в Трансильвании. В настоящее время, подготовленная им разведгруппа, действует в тылу врага в Чехословакии, которая при взятии г. Брно активно разведывала перевозки войск и грузов пр-ка на участке ЦВИТАУ – БРНО» (из Наградного листа, 10.05.1945). Награжден орденом Отечественной войны I ст. (1985), двумя орденами Отечественной войны II ст. (1944, 1945), Красной Звезды (1942).

Старшина Николай Александрович Сухов («Юрий») отправился в свою 4-ю командировку 25 августа 1944 г. в качестве командира разведывательно-диверсионной группы РО штаба 4-го Украинского фронта. В соответствии с полученным заданием группа успешно действовала в Северной Моравии в районе Всетин – Валешске – Мезиржичи – Френштат (август 1944 – май 1945, в два приема). Два радиста группы Николай Иванович Малышев («Чайка») и Антон Осипович Гоменко («Антон») обеспечивали непрерывную связь с Центром (выходили в эфир почти ежедневно, проводили по 1–2 сеанса связи), кроме того, они же вели разведку вражеских военных объектов. «Старшина СУХОВ, неоднократно выполнявший разведывательные и диверсионные заданий в тылу противника, является смелым и инициативным разведчиком – тыловиком и опытным командиром Разведывательно-диверсионной группы. В настоящее время тов. СУХОВ со своею группою уже два месяца действует в тылу противника и дает систематически ценные разведывательные данные о противнике. В настоящем задании тов. СУХОВ проявил большое мужество в руководстве группою и личную отвагу» (из Наградного листа, 16.10.1944). «За образцовое выполнение в тылу пр-ка заданий Командования» Н.А. Сухов награжден двумя орденами Отечественной войны I ст. (оба 1944), орденом Красной Звезды (1943). «МАЛЫШЕВ Н.И. четыре раза был на задании в тылу противника. Опытный и хорошо подготовленный радист. Всегда обеспечивал непрерывную связь группы с центром, передавая ценную информацию о противнике. Последний раз находился в тылу противника два с половиной месяца в районе ВАЛАШ – МЕЖИРИЧИ. Передал в центр свыше 80 телеграмм о продвижении и группировке войск противника. Переданная информация была весьма ценной для командования» (из

Наградного листа, 14.05.1945). Награжден орденами Красной Звезды (1944), Славы III ст. (1945). «Ефрейтор ГОМЕНКО А.О. два раза был на задании в тылу противника, как радист разведывательно-диверсионной группы. Обеспечивал непрерывную связь группы с центром. Последний раз пробыл в тылу противника свыше двух с половиной месяцев. Передал более 80 телеграмм с ценной информацией о перевозках и группировке войск противникав районе ВАЛАШ – МЕЖИРИЧИ. Радиодело знает хорошо. Смелый, храбрый и мужественный радист – разведчик» (из Наградного листа, 13.05.1945). Награжден орденом Славы III ст. (1945), медалью «За отвагу» (1944).

24 октября 1944 г. в Южной Моравии были сброшены с парашютами трое военнослужащих 2-й чехословацкой парашютно-десантной бригады, воевавшей на стороне СССР, позывной группы – «Тола». Руководила заброской советская военная разведка. Первым прыгнул радист Властимил Жак и приземлился в районе Ладне (Ландшторфа), остальные высадились гораздо дальше, вместе они встретились уже после войны. Жак поселился у старосты деревни Нетопила и 20.12.1944 г. ему удалось наладить связь с Москвой. С помощью местных жителей он организовал разведку в соответствии со своим заданием: отслеживать переброску немецких войск и вооружения на Восточный фронт. Рация была мощной, и немцы неоднократно засекали ее сигналы, но обнаружить станцию им не удалось. Всего он передал 26 радиограмм. 14.04.1945 г. он встретился с частями Красной Армии в Братиславе.

Гвардии старший сержант Яков Федорович Ванягин 5 раз был на задании в тылу противника. «Последний раз действовал в составе радиофицированной разведывательно-диверсионной группы с 21 февраля по 8 мая 1945 года, как заместитель командира группы. Лично организовал круглосуточное непрерывное наблюдение за противником [в Чехии] на железной и шоссейной дорогах ГОЛЕШОВ – ГОДОНИН. Добывал также ценные данные о противнике путем осведомления. Все задания Командования выполнил мужественно и с большим умением. Захватил двух контрольных пленных» (из Наградного листа, 14.05.1945). Награжден орденами Красного Знамени (1944), Красной Звезды (1945).

Разведгруппа старшего лейтенанта Адама Евсеевича Нищименко («Арап»), сотрудника РО штаба 1-го Украинского фронта, десантирована в район Моравской Остравы в ночь с 7 на 8 октября 1944 г., создав свою агентурную сеть, группа успешно действовала до конца войны «несмотря на сложную обстановку», завершила свою деятельность в Брно. А.Е. Нищименко был награжден орденами: Ленина (1944), Красного Знамени (1945). «С 1942 года выполняет задание в тылу противника по разведке войск противника. Дважды направлялся в тыл авиадесантом. Руководя разведгруппой НИЩИМЕНКО освещал дислокацию гарнизонов, перевозки войск – на важных оперативных направлениях. За период работы он вскрыл нумерацию свыше 10 немецких дивизий. При выполнении задания всегда проявлял мужество, выносливость и настойчивость. Всего находился в тылу противника на выполнении спец. заданий 30 месяцев» (из Наградного листа, 14.05.1945).

В группе были две радистки Лидия Ивановна Вербовская («Ода») и Галина Петровна Сущёва («Ира»). Они обе регулярно передавали в РО «особо ценную информацию», ежедневно, «работая в исключительно сложных условиях», проводили по 3–5 сеансов связи.

Л.И. Вербовская награждена орденами Красного Знамени (1944), Отечественной войны I ст. (1945), Чехословацким военным крестом. Сержант «ВЕРБОВСКАЯ Л.И. три раза авиадесантом направлялась в тыл противника. Всего она была на выполнении задания в тылу противника 29 месяцев. Последний раз с сентября 1944 г. по май 1945 г. она в исключительно

тяжелых условиях горной местности и жестком режиме проявила мужество и выносливость. Своевременно передавала важные радиограммы. Всего передала более 300 боевых радиограмм» (из Наградного листа, 14.05.1945). Г.П. Сущёва награждена орденами Красного Знамени (1945), Славы II (1945) и III (1944) ст. Рядовая «СУЩЕВА Г.П. три раза авиадесантом направлялась в тыл противника для выполнения специального задания. В исключительно тяжелых условиях, созданных немецким командованием в тылу, она пренебрегая опасностью, своевременно и бесперебойно передавала разведданные в «Центр». За весь период работы она передала более 150 радиограмм с важными разведданными» (из Наградного листа, 14.05.1945).

Майор Иван Иванович Скрипка окончил 2-е Московское артиллерийское училище (1938–1939), Киевские объединенные курсы разведчиков и переводчиков (декабрь 1939 – апрель 1941), в период Великой Отечественной войны работал в военной разведке. Под фамилией Студенский был начальником советской военной миссии при руководстве Словацкого национального восстания (сентябрь – декабрь 1944), начальником Главного штаба партизанского движения (ГШПД) Словакии, заместителем начальника, начальником ГШПД Чехословакии (декабрь 1944 – февраль 1945). «Находился в тылу противника, возглавляя оперативную разведывательную группу Разведотдела штаба Первого Украинского фронта [«Сомов»], действующую на территории Словакии. За этот период [сентябрь 1944 – февраль 1945] майор СКРИПКА освещал обстановку в Словакии. В период немецкой оккупации Словакии разведывал все части и соединения противника. После оккупации Словакии немецкими захватчиками находился в партизанском соединении и в трудных боевых условиях продолжал разведработу и постоянно информировал командование фронта о противнике и общей обстановке. Кроме того, организовал ряд резидентур, действующих в настоящее время» (из Наградного листа, 01.03.1945). «За разведывательную работу в тылу противника» награжден орденом Красного Знамени, Отечественной войны I ст. После войны продолжал службу в военной разведке.

Помощником И. И. Скрипки был С. М. Куроедов. Окончив ЦШПКШ при РУ РККА (1939), Сергей Михайлович Куроедов появился в Братиславе (Словакия) по легальной линии (1940–1941 гг.), оперативный псевдоним «Фриц». У него имелись связи и с нелегалами, в частности с Генрихом Фомферрой и Гансом Шварцем. Продолжал службу в ГРУ. Под фамилией Терехов был заместителем начальника Советской военной миссии при штабе 1-й Чехословацкой армии в Баньской Быстрице (Словакия), начальником РО Главного штаба партизанского движения Чехословакии (октябрь 1944 – март 1945). «Находился в тылу противника в составе оперативной разведывательной группы Разведотдела штаба Первого Украинского фронта, действующей на территории Словакии. За этот период капитан КУРОЕДОВ освещал обстановку в Словакии и в период немецкой оккупации Словакии разведывал немецкие части» (из Наградного листа, 01.03.1945). После войны служил в РУ Центральной группы войск в Австрии. Награжден орденом Отечественной войны I ст. (1945), Красной Звезды (1944).

Начальником радиоузла оперативного центра «Сомов» был Геннадий Яковлевич Стальной («Омер») служивший в военной разведке с 1941 г., 4 раза направлялся в тыл врага, согласно документам, его деятельность признана успешной. Четвертая командировка началась 6 сентября 1944 г. в Чехословакии. «Старший лейтенант СТАЛЬНОЙ Г.Я. с 6 сентября 1944 года по февраль месяц 1945 года находился в тылу противника в составе оперативной разведывательной группы Разведотдела штаба Первого Украинского фронта, действующей на территории Словакии. Руководя группой радистов постоянно имел круглосуточную радиосвязь оперативной группы с Разведотделом, обеспечивая

своевременную передачу ценных разведданных о войсках противника и общей обстановке в стране. После оккупации Словакии немецкими захватчиками старший лейтенант СТАЛЬНОЙ, находясь в суровой обстановке боев, в зимних условиях систематически держал боевую радиосвязь» (из Наградного листа, 01.03.1945). За все дни в тылу врага его радиоузел передал в Центр 300 разведдонесений. «За разведработу в тылу противника» награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I ст., Красной Звезды, Чехословацким военным крестом. После войны служил в РУ Центральной группы войск в Австрии.

Примечания

[1] РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.716. Л.37.

[2] Там же. Л.160–165.

[3] Там же. Л.205.

[4] РГВА. Ф.4. Оп. 19. Д.15. Л.35.

[5] Strankmueller E. O spolupraci československe a sovetske vojenske rozvedky v Praze a v Londone // Slovansky přehled. Praha, 1968. N 1. S.72.

[6] Amort Č., Jedlička I. Hleda se zradce X. Praha, 1968. S.135.

[7] Лота В.И. ГРУ и атомная бомба. М., 2002. С. 141–142.

[8] Amort Č., Jedlička I. Hleda se zradce X. Praha, 1968. S.135–136.

[9] Документальный фильм «Неженская роль» (1997); Kdo je kdo v Československu. Praha, 1969. D.1. S.129.

[10] Praha-Moskva. Praha, 1947. N 4–5. S.95.

[11] Křen J., Kural V. Ke stykům mezi československým odbojem a SSSR, 1939–1941 // Historie a vojenstvi. Praha, 1967. N 5. S.733–742.

[12] Hieke-Stoj F. Mé vzpominky z druhé světové války // Historie a vojenstvi. Praha, 1968. N 4. S.608.

[13] Амурская правда. Благовещенск, 1991. 30 мая.

[14] Křen J., Kural V. Ke stykům mezi československým odbojem a SSSR, 1939–1941 // Historie a vojenstvi. Praha, 1967. N 5. S.750–754.

Военная разведчица Мария Тылтынь (Шуль): 12 лет на секретной работе в Европе И Америке

Осенью 1933 г. на страницах европейских, американских и даже азиатских газет и журналов появились сообщения о разоблачении во Франции и Финляндии двух связанных между собой советских разведывательных групп. Это была не первые и не последние шпионские организации, раскрытые в этих странах в 20-е – 30-е годы. Теперь же скандал стал международным. И это не случайно. Нити от них тянулись и в другие страны. Утверждалось, что следы ее обнаружены в Прибалтике, Германии и Скандинавских странах. Кроме того нити тянулись и в США.

Мария Юрьевна Тылтынь (Шуль) (1896–1938)

Мария Юрьевна Тылтынь (Шуль) родилась в 1896 г. в латышской крестьянской семье в Доблене. Начало ее биографии ничем не предвещало будущего. Она жила с родителями на арендованной отцом усадьбе, где семья трудилась не покладая рук. Когда девочке было 12 лет, ее отец умер. Однажды лошадь, на которой он ехал, понесла, и отец сильно разбился. Мать продала все что возможно, чтобы прокормить и воспитать троих детей. Мария училась в городском училище и в свободное время работала. Пасла скот в деревне во время каникул и служила няней. В 15 лет рассталась с матерью и переехала в Ригу, где работала продавщицей в кондитерской. Мирная жизнь была прервана первой мировой войной. Во время наступления немцев на Ригу в 1915 г. Мария вместе с другими беженцами отправилась в Киев. Хорошее знание немецкого языка помогло ей устроиться воспитательницей восьмилетней девочки в одну из русских семей. И следующие четыре года ее жизни были посвящены этой работе. С коммунистическими идеями она познакомилась в 1918 г. попав в среду большевиков. Все как обычно – чтение брошюр и книг, задушевные беседы, знакомство с конкретной партийной работой. Когда на Украине была установлена Советская власть, при ЦК КП(б)У создается латышская секция и латышский клуб, в деятельности которых Мария принимает активное участие как кандидат в члены партии. Тогда же ее берут на работу в Отдел иностранного контроля Всеукраинской ЧК. Это чекистское подразделение было создано в марте 1919 г. для борьбы с контрреволюционной деятельностью представителей иностранных государств. Летом 1919 г. ее принимают в члены РКП(б) и определяют на работу во Всеукраинский Особый отдел, секретным сотрудником. И вот парадокс – согласно должностной инструкции молодой коммунистке Марии именно в это время приходится свести до минимума свое участие в партийной работе, в целях конспирации.

Между тем ситуация на Украине для Советской власти осложнилась, началось отступление Красной Армии. Именно поэтому в Киеве в конце июня формируется 12-я армия, Особый отдел которой возглавил некий Грюнвальд. А через некоторое время руководству Всеукраинской ЧК стало известно, что начальник ОО пьянствует со своими подчиненными и широко практикует необоснованные аресты и расстрелы. Заместителем к нему направили Ф. Т. Фомина, который в своей книге «Записки старого чекиста» (1962) вспоминал: «С первого же дня ко мне стали приходить коммунисты-чекисты и рассказывать о том, что начальник отдела Грюнвальд со своими приближенными пьянствует, безобразничает, запугивает население. Признаться, я этому не сразу поверил». Но факты подтвердились, и в августе Грюнвальд был взят под стражу. Дальнейшим следствием было установлено, что барон Грюнвальд в звании штабс-капитана служил до революции в Латвийском полку и в должности начальника пулеметной команды зверски обращался с солдатами. Потом служил гетману Скоропадскому, вербовал людей для разведработы в Советской России. Военный трибунал приговорил его к 10 годам заключения, но после гражданской войны его освободили по амнистии, и он отбыл в Латвию, где получил должность в агентурной разведке. В 1924 г. Грюнвальд нелегально прибыл в Советский Союз, но был опознан и доставлен на Лубянку. Барона расстреляли по приговору коллегии ОГПУ.

На освободившееся после Грюнвальда место в 12-й армии поставили начальника Всеукраинского Особого отдела И. А. Апетера, который заново создал отдел. Среди сотрудников, которых он взял к себе с предыдущего места работы, была и Мария Шуль. Должность у ней осталась прежней – секретная сотрудница. Потом Апетера отправили на повышение – начальником Особого отдела Западного фронта, и ее начальником стал З. Б. Кацнельсон, которого на последнем этапе сменил И. М. Островский. Представление о работе Отдела дает доклад Кацнельсона Реввоенсовету армии, 9 октября 1919 г.: «Приступив к реорганизации работ Особого Отдела Армии и согласно Вашим распоряжениям к установке контроля на въезд и выезд из армейской зоны, а также контроля по линии железных и шоссейных дорог, мною намечен следующий порядок работы: Для обслуживания частей

расположенных на фронте мною при каждой дивизии прикрепляется Отделение Особого Отдела, на кое возлагается: 1) обязанность обслуживать район расположения частей дивизии, 2) насаждение секретно-осведомительной агентуры в Штабах частей, 3) исполнение специальных заданий возлагаемых Комиссарами дивизий, 4) контроль и проверка лиц проходящих через боевую линию фронта». Армия в это время вела бои на Украине и дважды (декабрь 1919 и июнь 1920 г.) освобождала Киев. В августе-сентябре 1920 г. армия понесла большие потери и в декабре была расформирована. Интересно, что членом РВС 12-й армии был С. И. Аралов, переведенный туда с поста начальника Региструпра Полевого штаба РВСР. Возможно, он сыграл какую то роль в судьбе Марии, а может быть она одна из тех, кого направили в военную разведку по распоряжению Ф. Э. Дзержинского. Как это было с Я. К. Берзиным, который попал туда с поста начальника Особого отдела 15-й армии и в одно время с Шуль. Право направлять своих людей в военную разведку Дзержинскому дало постановление Совета труда и обороны, подписанное В. И. Лениным, о подчинении Регистрационного управления Полевого штаба РВСР одновременно и ВЧК на правах её отдела (ноябрь 1920). Как бы то ни было, в декабре 1920 г. Марию вызвали в Москву, где она получила назначение в военную разведку, начальником сектора Региструпра. А в апреле следующего года ее уже отправляют на нелегальную работу за кордон. За год и четыре месяца ей довелось побывать в Германии, Чехословакии, Австрии и Румынии. Именно в это время проходит реорганизация военной разведки, ее переход от военного к мирному времени. А еще годом ранее тогдашний начальник Региструпра В. Х. Ауссем отмечал, что разведка в тылу белогвардейских войск «на окраинах» страны отпадает или сокращается до минимума одновременно с очищением этих окраин. На первое место выходит глубокая разведка в странах Западной Европы, Японии и Америки. В новых условиях Германия и Австрия представляют интерес для советской разведки не только сами по себе. С территории этих стран ведется разведка и в других европейских государствах. Румыния, как и другие западные соседи Страны Советов, считается наиболее вероятным ее противником. Чехословакия не была тогда первоочередной целью военной разведки, но определенное внимание уделялось и ей.

Видимо миссия Марии Шуль была вполне успешной, поскольку она тут же получает новое задание. Ее путь вновь лежит в Чехословакию, но на этот раз под легальным прикрытием – теперь она машинистка и шифровальщица полпредства РСФСР в Праге Мария Успенская. И Шуль была не единственной, кого направили тогда в Чехословакию. В тот же период в ЧСР работал уроженец Риги, командир Красной Армии, кавалер ордена Красного Знамени Альфред Георгиевич Ганзен. В 1923 г. они оба получили новое назначение, Ганзен отправляется в Берлин, где ему предстоит работать под «крышей» советского торгпредства, а Мария выезжает на нелегальную работу в Париж, помощницей резидента Яна-Альфреда Матисовича Тылтыня, который стал ее мужем.

Тылтынь младше Марии на год. После окончания 7 класса Митавского реального училища, призван в армию. Прошел ускоренный курс Алексеевского военного училища (1916) и получил звание подпоручика. Командир роты Латышского стрелкового полка. В 1918 г. вступил в Красную Армия и стал членом РКП(б). Во время гражданской войны комполка, комбриг. Учился в Военной академии РККА, но закончить учебу ему не дали. Летом 1922 г. он направлен в секретную командировку во Францию, а в ноябре исключен из списков Академии. В том же году Тылтынь был награжден орденом Красного Знамени. Его предшественником на посту парижского резидента был Яков Матвеевич Рудник (1921–1922), который сумел в короткий срок наладить получение и передачу в Москву информации об армии, флоте и оборонной промышленности страны, а также по белой эмиграции, которая входила тогда в сферу деятельности не только внешней, но и военной разведки. В 1922 г. произошел провал, Рудник был арестован и осужден на два года тюрьмы.

Тылтыню в период работы во французской резидентуре помогал приехавший из Латвии его брат Пауль («Арман»), впоследствии ставший Героем Советского Союза под именем Поль Арман. А также военный разведчик с 1922 г. Владимир Георгиевич Ромм, много лет проработавший потом под журналистским прикрытием в Японии, Швейцарии, Франции и США. В конце концов к ним присоединился и разведчик-нелегал Николай Яблин («Жан»), которого направили из Германии изучать новейшие достижения в области радио. В тоже время во Франции работали М. М. Лещинский (Мишим), Н. Г. Левинсон (Беорс), А. Стон (Моисеев) и др.

Результаты в том числе и их работы были подытожены в секретном издании Разведупра Штаба РККА «Франция: Справочник по вооруженным силам: По данным на 1 мая 1925 г.». Автором этой книги был сотрудник 3-го (информационно-статистического) отдела Стефан Лазаревич Узданский, которому вскоре предстояло сменить Альфреда Тылтыня на посту нелегального резидента во Франции. К этому времени, как отмечается в документах, Мария и Альфред Тылтыни свободно владеют немецким, французским и английским языками, а она к тому же знает еще и чешский язык, хотя и слабее чем первые три. Сведений о том, чем занимались супруги Тылтынь последующие два года практически нет. Известно лишь, что их закордонная деятельность, скорее всего, не прерывалась. В документальном фильме «Начальник разведки», который вышел на экраны СССР в 1989 г. говорится, что кроме Франции и США они вместе работали и в Германии.

В 1927 г. им опять сменили страну пребывания. Ян-Альфред Матисович назначен нелегальным резидентом в США, а Мария Юрьевна вновь стала его помощницей. Вплотную к разведке в США IV (разведывательное) Управление Штаба РККА приступило за два года до этого. В июне 1926 г. помощник начальника Разведупра Б.Б.Бортновский докладывал председателю РВС СССР К. Е. Ворошилову: «В Америке мы вообще ведем работу лишь первый год, до этого у нас не было средств и мы выполняли более ударные задания. Поэтому в первом году работы мы задались целью осветить хотя бы официальные и полуофициальные военные материалы в Америке и прощупать пути к агентурной работе. С этой точки зрения нами кое-что сделано, и наш военный сектор удовлетворен этой стороной работы». Первым резидентом там был Феликс Вольф (Вернер Готтальдович Раков). Один из завербованных им агентов – нью-йоркский зубной врач Филипп Самойлович Розенблитт – сотрудничал потом с несколькими нелегальными резидентами военной разведки. Его квартира использовалась как явка, а сам он в качестве связного. Среди других сотрудников резидентуры можно назвать Лидию Сталь, Николая Дозенберга, Арвида Якобсона, Филиппа Аронберга, Роберта Свица. Были и другие, о которых мы еще не знаем.

Особо следует сказать о Николасе Дозенберге («Артур»), который родился 15.11.1882 г. в Риге Лифляндской губернии и в 1904 эмигрировал в США. Он был активным участником социалистического движения, одним из основателей Компартии США. От легальной партийной работы отошел в 1927, когда стал членом группы Тылтыня. Задания, которые он получал, касались не только Америки, но также Франции и Румынии. Дозенберг основал несколько фирм, которые служили прикрытием для советских военных разведчиков. Их филиалы существовали в Китае и на Филиппинах. Несколько раз посещал Москву. В письме Я.К. Берзину в мае 1929 он писал: «…Работа, которая мне поручена, для меня святое дело и я никогда ничего такого не допущу, что могло бы повредить работе или учреждению, в котором работаю… Жму руку. Артур». В связи с репрессиями в СССР Николас отошел от секретной работы. Но был выдан перебежчиком В. Г. Кривицким, который служил сначала в военной, а потом во внешней разведке. Дозенберга арестовали 09.12.1939 г. На допросах он назвал Розенблитта, который к тому времени уже был репрессирован в СССР, и Аронберга. Осудили его на год тюрьмы за использование фальшивого паспорта. Жил в США под вымышленным именем. Неоднократно давал показания следственным органам, комитетам

Конгресса США.

Выполняя поставленные перед ними задания по добыванию военной и военно-технической информации, супруги Тылтынь расширили существовавшую в США агентурную сеть. Кроме того, они, как и другие руководители разведработы в США, и не только там, добывали необходимые для деятельности разведки документы и, в частности, паспорта. В Европе такой работой занимались, например, Иван Винаров и Леопольд Треппер. В 1930 г. эта командировка Тылтыней завершилась. На смену им в начале 30-х пришли Манфред Сальманович Штерн, Владимир Ефимович Горев, супруги Улановские, Артур Александрович Адамс.

А тем временем пути Альфреда и Марии разошлись. На шесть лет Альфред расстался с деятельностью разведчика-нелегала. Он служит в Белорусском военном округе помощником командира и командиром 1-й механизированной бригады, командующим автобронетанковых войск округа, командиром 5-й Борисовской механизированной бригады.

Мария лишь несколько месяцев провела в Центре, в должности начальника сектора 2-го (агентурного) отдела IV Управления Штаба РККА, и вновь отправлена за кордон (февраль 1931 – август 1932 г.). На этот раз во Францию, и уже не помощницей, а руководителем нелегальной резидентуры. Но ее деятельность не ограничивалась только этой страной. Раскинутая Марией-Луизой Мартин (как ее теперь называли) сеть охватывала и другие страны Европы. Среди агентов резидентуры были как новые люди, так и те, кого она и ее муж завербовали еще в первый приезд во Францию. В августе 1932 г. парижским нелегальным резидентом назначен Георгий Иванович Килачицкий (Рашевский), а его помощником стал Леонид Александрович Владимиров (Маркович).

Марии Юрьевне поручено создать разведывательную организацию в Финляндии. Возможности у нее для этого были. А пока Мария разворачивала свою работу на новом месте, в СССР, по представлению Я. К. Берзина, ее наградили орденом Красного Знамени за заслуги перед отечеством. За период работы на новом месте с марта по октябрь 1933 г. она создала несколько групп численностью свыше 50 человек. Ее ближайшими помощниками в работе были Арвид Вернер Якобсон, завербованный ею еще в США и Юхо Эйнари Вяхя, сотрудничавший с советской военной разведкой в этой стране с 1928 г.

Парижская газета «Возрождение» (23 декабря 1933 г.) описала Марию Шуль – Тылтынь как – «красивую брюнетку, жившую по канадскому паспорту, хотя она выдавала себя за латышку. Она производила «опустошения» в сердцах финляндского офицерства, постоянно находилась в путешествиях, всегда экстренных. Ездила в Германию, Швецию, Эстонию, Францию, пользуясь при своих передвижениях исключительно аэропланами».

Таким образом резидентуры в двух странах оказались связаны между собой по работе, но наряду с этим в них находились люди, знавшие Тылтынь и по США и по Франции. И не все из них оказались на высоте. Между тем парижский резидент Килачицкий («Катя») заметил за собой слежку и сообщил о ней в Москву, поэтому его и Владимирова в июле 1933 г. отозвали. «Катю» сменили старые опытные разведчики – Семен Леонтьевич Кинсбургский (Беркович), резидент и его помощник Сигизмунд Болеславович Яновский (Ржецкий), он же Арон Лазаревич Эренлиб, один из основателей известной разведупровской фирмы «Востваг».

Что касается финляндского провала, то, по данным Центральной сыскной полиции (ЦСП) страны, все началось 2 октября когда вблизи от финляндско-советской границы (деревня Липола волости Кивеннапа) появился человек в униформе армейского лейтенанта, исчезнувший затем по другую сторону границы. Следствие выяснило, что это был лейтенант резерва, офицер-фотограф Главного штаба Вильхо Армас Пентикяйнен, находившийся на службе в финляндской армии с 1924 г. Задания же советской военной разведки, как стало известно позднее, он начал выполнять уже годом ранее. По данным парижской газеты

«Возрождение» (12.10.1933), «будучи призван на военную службу, Пентикайнен сразу обратил на себя внимание, как очень одаренный молодой человек, все свободное время отдававший самообразованию. Вскоре Пентикайнен производится в сержанты и блестяще выдерживает экзамен за курс средней школы, что открывает ему возможность поступления в школу запасных офицеров». После школы он проходил дальнейшую службу как офицер-фотограф (август 1928 – апрель 1929), затем служил в Главном штабе финляндской армии фотографом, дежурным офицером, сотрудником фотоцентра, который являлся подразделением Статистического (разведывательного) отдела (апрель 1929 – октябрь 1933). Занимался центр, в основном, сбором разведывательной информации по СССР. Начальство о работе Пентикяйнена отзывалось положительно. Наряду с работой в Главштабе Вильхо нелегально сотрудничал с Военным отделом ЦК Компартии Финляндии.

Бегство в Советский Союз такого человека навело полицейских на мысль, что перебежчик наверняка являлся шпионом. И началась весьма активное следствие, перебрали всех родных и знакомых беглеца, всех подозреваемых в шпионаже. Следствие привело к аресту 6 октября коммивояжера Каарло Сирениуса, который ранее уже отбывал тюремное заключение за госизмену. Найденные у него в ходе обыска материалы не только доказали лично его вину, но и подтвердили подозрения полиции в отношении рабочего Юхо Эйнари Вяхя, который был взят под стражу 10 октября. «На основании признаний Вяхи и отчасти – Сирениуса, но главным образом на основании вещественных доказательств», изъятых во время обыска по месту жительства Вяхи, в течение октября – ноября прошли аресты, по большей части в Гельсингфорсе и Выборге, всего под стражу было взято 36 человек. 19-го октября в Хельсинки схвачен был американский гражданин, школьный учитель Арвид Вернер Якобсон, названный помощником руководителя организации. Тремя днями позднее, 22-го октября арестована его начальница, уже в полицейском отчете поименованная как Мария Эмма Шуль, проживавшая в Финляндии с канадским паспортом на имя Мэри Луизы Мартин. 23-го октября в Выборге взят разносчик Юхо Якоб Яттёмяки, которого ЦСП сочла местным представителем шпионской организации и вербовщиком субагентов. Другие арестанты, как отмечается в докладе ЦСП, занимали менее важные посты в организации.

Однако, влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс» (29 апреля 1934 г.) сообщала со ссылкой на источники в финляндской полиции: «Информация, которая привела к аресту и осуждению 24 членов шпионской группы, действовавшей в нескольких странах, была предоставлена мисс Ингрид Бострём, уроженкой Финляндии, по профессии – массажисткой. Мисс Бострём прибыла в Нью-Йорк в 1928 году в качестве спутницы мадам Лидии Шталь. Мадам Шталь, как говорят, было поручено фотографировать документы, вербовать агентов и налаживать связь с другими странами для советского правительства. Мисс Бострём, как утверждает здешняя полиция, стала испытывать страх, ссорилась с мадам Шталь и где-то пред Рождеством в прошлом году бежала на пароходе из Нью-Йорка. По прибытии на родину, она была арестована и после некоторых колебаний, согласно данным финляндских должностных лиц, выдала свою бывшую соучастницу мадам Шталь и миссис Марию Луизу Мартин, которая руководила группой шпионов в Финляндии». Из этого следует, что побег Пентикяйнена вовсе не был случайным, кто-то его предупредил и потому полиция начала действовать. Кстати, в списке лиц представших перед судом по этому делу Бострём не числилась. Разговорчивой оказалась, как говорят, и Вера Хамбон.

Настоящее имя Мартин – Мария Эмма Шуль сообщили и газетчикам, добавив, что родилась она в Латвии, работала вместе с сестрой в одном из рижских кафе, где и познакомилась со своим будущим мужем офицером царской армии Яном-Альфредом Тылтынем. А после революции началась ее таинственная, полная приключений жизнь. Не все, что тогда выплеснулось на страницы печати, было правдой, но многое, к сожалению, соответствовало действительности.

Суду предали:

Марию Эмму Шуль она же Мэри Луиза Мартин – лидера организации; приговорена к 8 годам тюремного заключения;

Веру Хамбон, учительницу рисования – хранительницу шпионских материалов и хозяйку явки (на съемной квартире); к 2 годам.

Арвида Вернера Якобсона, школьного учителя – связного между Шуль и другими членами организации; к 5 годам;

Юхо Эйнари Вяхя, рабочего, лейтенанта резерва – передшественника Шуль, важного агента и организатора; к 5 годам;

Вильхо Армаса Пентикяйнена, лейтенанта резерва – субагента Вяхи (отмечено, что он находится в Советской России);

Каарло Адольфа Сирениуса, коммивояжера (приговорен к 6 годам); Тойво Вепсяляйнена, рабочего (к 4 годам); Юхо Якоба Яттёмяки, регистратора (к 5 годам); Мартти Рикхарда Койвистоинена, рабочего (к 3 годам); Ирьё Эмиля Алхола, электрика (к 5 годам) – важных агентов, организаторов, вербовщиков субагентов, передовавших к тому же информацию;

и другие – всего 29 человек.

Осуждены они были 23 апреля 1934 г.

Данные, касающиеся Франции, ЦСП передала парижским коллегам и в декабре 1933 – январе 1934 г. последовали тамошние аресты. В Париже высоко оценили помощь из Хельсинки, три ответственных сотрудника финской полиции были награждены французским орденом Почетного Легиона.

Но взять французам удалось не всех, так, например, удалось скрылся заместителю резидента Борису Ржецкому (Эренлибу) и Байле (Зельме) Энглярд.

Французские судебные процессы широко освещались в прессе, при этом называлось имена людей из разных стран: Альбер Обри, инженер химик, связанный с производством пороха и взрывчатки, его жена Марселла, студентка – медик; Бенжамен Беркович (его настоящее имя осталось неизвестно), резидент (это они знали), его жена Клара; Рива Давидович, дантистка; Октав Демулен, полковник, шеф-редактор журнала «Армия и демократия»; Женевьева Фриндель, кутюрье; Луи-Пьер Мартен, профессор, чиновник шифровального отдела Морского министерства; Мари-мадлен Мерме, школьная учительница; Морис Миллис, инспектор одной из военных фабрик; Душан Нарандич, сербский журналист; Ватрослав Рейх, химик, сотрудник Института Луи Пастера; Моис и Хана Зальман, из Польши, учились в Париже; Лидия Шталь, баронесса, русская знающая несколько языков, учившаяся в Колумбийском университете и Сорбонне; Роберт Гордон Свиц и его жена Марджори Тилли-Свиц и др. Всего было арестовано более 20 человек. Из них штатный сотрудник Разведупра только Семен Кинсбургский.

Поскольку арестованные являлись гражданами не только Франции, но и других стран, людьми разных национальностей, некоторым журналистам пришла в голову мысль назвать эту группу лиц «Лигой Наций шпионажа». Другого журналиста, американца, удивила грамотность, образованность арестованных. Он назвал свою статью «Дело таинственных грамотеев».

Но тут есть одна странность. Главной во французском «шпионском деле» почти вся пресса почему-то назначила рядовую сотрудницу резидентуры Лидию Шталь, фотографа, вербовщицу и переводчицу. А на втором месте после нее значился американец Роберт Свиц (иногда с супругой), заговоривший на четвертый день следствия по делу. Во многих статьях

Лидия Георгиевна фигурировала или одна, или вместе со Свицем, который, как это часто случалось с перебежчиками, сильно преувеличивал свое значение в делах организации. Может быть прав был один из французских журналистов сказавший, что Лидия Шталь привлекает к себе внимание поскольку является интересной женщиной с интересной биографией. Видимо остальные арестованные выглядели по сравнению с ней малоинтересными для прессы, журналисты ведь исходили только из тех сведений, что просочились в печать. А у ней на самом деле была интересная биография.

Лидия Георгиевна Шталь (в девичестве Чекалова) родилась 12 ноября 1885 г. в г. Ростов-на-Дону Донской области Российской империи. Окончила гимназию в родном городе (1905), юридический факультет Сорбонны (1907) и Школу естественных наук в Париже, Франция. Владела французским, английским, финским, шведским и китайским языками. Жила в Финляндии (1915–1920 гг.) вместе с мужем Б. Ф. Шталем, совладельцем известного торгового дома «Братья Шталь». Развелась с ним в 1919 г. Была знакома с финской пистельницей Хеллой Вуолийоки, одним из основателей компартии Финляндии Отто Куусиненом, финским и шведским писателем Эльмером Диктониусом, американским журналистом Джоном Ридом и другими. С некоторыми из них она дружила и состояла в переписке.

С 1921 проживала Лидия Георгиевна проживала в Париже, Франция, где в октябре того же года привлечена к сотрудничеству с советской военной разведкой. Входила в состав нелегальной Парижской резидентуры (1921–1927 гг.), которую на первом этапе ее деятельности возглавлял Б. Н. Иванов («Борис»). Выполняла техническую работу (фотограф и переводчик), а также занималась «вербовочной работой». Среди тех, кого она завербовала, один агент-источник признан ценным.

Потом переведена в американскую нелегальную резидентуру (1927–1932 гг.), выполняла ту же работу, что и в Париже. Кроме того, стала бакалавром искусств Колумбийского университета. Ее резидентом был Я.-А. М. Тылтынь. Служебная характеристика (1931 г.) отмечала, что Л.Г. Шталь «Ценный работник. Романтична и работает искренне. Старается делать все лучше, но часто у нее не получается. Надежна. Для аппарата безусловно полезна… Знает всю канцелярию лучше, чем кто либо». В 1932 отмечена была также ее наивность. При оформлении для нее документов на другую фамилию, «она совершенно серьезно спрашивала… допустимо ли обманывать чиновника, говоря, что ее фамилия та, которая написана в бумаге», но сообщая об этом резидент добавил, что «для нас она работала, работает и будет работать». В ноябре 1932 на след Лидии Шталь вышла полиция и потому принято решение вернуть ее на работу в Парижскую нелегальную резидентуру, которую возглавлял тогда резидент «Катя» (Килачицкий Г.И.). Во французской столице она владела фотостудией. Но и в Париже за Лидией Шталь была обнаружена слежка, но в этом случае решение перевести ее в другое место (Китай) осуществить не успели, поскольку Шталь была арестована контрразведкой 19.12.1933 г. в результате предательства.

На следствии и суде она все отрицала, заявляла суду, что не имеет ничего общего с шпионской деятельностью, не признавала знакомства ни с кем из арестованных. Но факт ее связи с разведкой все же был установлен. Выяснилось, что именно она купила фотоаппарат, который использовался, по показаниям одной из свидетельниц, для съемки секретных документов. Лидию Шталь приговорили к 5 годам заключения и штрафу в 3000 франков.

Освободили ее в конце 1937 г. и она выехала в Советский Союз. Стала преподавателем иностранного языка на Разведывательных КУКС при РУ РККА, написала подробнейший отчет о своей работе в разведке.

Репрессирована органами НКВД в 1938 г. по доносу. Освобождена, работала преподавателем английского языка в Семипалатинском геолого-разведочном техникуме. Вновь репрессирована 20.07.1949 г. Приговорена к 3 годам ИТЛ. Реабилитирована

24.10.1956 г.

17 апреля 1935 г. суд приговорил Бенжамена Берковича к 5 годам лишения свободы. Его жену Клару по шпионажу оправдали, но приговорили к 1 году заключения за использование фальшивого паспорта. Поскольку она отсидела уже этот срок и даже больше, ее освободили.

Лидию Шталь, «таинственную женщину», «ведущую фигуру на процессе» и «как утверждают главу организации», наряду с Октавом Демуленом, приговорили к 5 годам заключения.

Альбера Обри и Ферибель Штром приговорили к 4 годам заключения; Мари Мерме и Хану Зальман – к 3 годам; Марселлу Обри, Женевьеву Фриндель и Риву Давидович – к 2 годам. Супругов Свиц освободили после 16 месяцев проведенных ими во французской тюрьме, поскольку они дали показания против других обвиняемых. Оправдали на процессе Душана Нарандича, Ватрослава Рейха, Марию Нарандич и Генриетту Лакост. Моис Зальман был освобожден за недостатком улик и высдан из страны, он уехал в СССР.

10 человек, входивших в эту, по утверждению полиции, «величайшую шпионскую организацию», которых не нашли на территории Франции и объявили в розыск, осуждены были заочно. Все исчезнувшие получили по 5 лет. Это – Паулина Левайн, Луи Дюваль, Байла (Зельма) Энглярд, Сандер Коэн, Борис Ржецкий, Сергей Маркович, Дамянов, Пампер и др.

Но даже такой провал не означал прекращения деятельности военной разведки в тех странах, с которыми связывалось имя Марии Юрьевны Тылтынь. К середине 30-х годов созданы были обширные агентурные сети в Европе, которые охватывали, по крайней мере, Францию, Германию, Австрию, Швейцарию, Великобританию. Их возглавляли Арнольд Шнеэ («Гарри», Анри Робинсон), Ян Петрович Черняк, Федор Павлович Гайдаров. В этих и некоторых других государствах работали Владимир Врана, Петрана Иванова, Григорий Осипович Осовский, Рудольф Геррнштадт, Ильзе Штебе, Курт Шульце, Лев Александрович Шнитман, Михаил Яковлевич Вайнберг, Петр Иванович Иванов и многие другие.

Однако последствия провалов в начале 30-х годов отразились на судьбе военной разведки. Используя реальные факты, которые были приправлены выдуманными данными, руководство НКВД попыталось получить полный контроль над Разведупром. Но удалось добиться (таково было решение И. В. Сталина) лишь посылки большой группы чекистов во главе с А. Х. Артузовым для исправления работы Управления.

Осенью 1935 г., когда в Красной Армии вводятся персональные воинские звания Альфреду Тылтыню присвоено звание комбрига, а в мае следующего года Мария Юрьевна Тылтынь представлена к званию майора. Однако аттестационная комиссия принимает иное решение. Заключенной одной из финляндских тюрем присваивается звание старшего лейтенанта. Отбывая тюремное заключение она и умерла. А о реальных масштабах проделанной ею работы мы только начинаем узнавать.

Ян-Альфред Матисович Тылтынь, как сотрудник военной разведки, участвовал в Гражданской войне в Испании. В служебной характеристике того времени было сказано, что «…т. Тылтынь считается одним из преданнейших, способнейших и лучших нелегальных работников нашей зарубежной сети». Награжден был орденом Ленина (1936), двумя орденами Красного Знамени (1922, 1928). Репрессирован 27.11.1937. Осужден 15.12.1940 на 15 лет ИТЛ. Умер в заключении 11.02.1942. Реабилитирован 26.03.1957.

Лев Маневич, его предшественники и соратники

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1965 года «за доблесть и мужество, проявленные при выполнении специальных заданий Советского правительства перед второй мировой войной и в борьбе с фашизмом», полковнику Маневичу Льву Ефимовичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Потом вышел, посвященный ему роман «Земля, до востребования» Е. З. Воробьева, быстро ставший очень популярным, а потом и фильм, которые, в отличие от многих других подобных произведений «про разведчиков»[1], были основаны на реальных фактах и воспроизводили биографию реального человека. Благодаря им разведчик Лев Маневич, чье имя до февраля 1965 года было отмечено лишь в стенах ГРУ, да в памяти близких, стал известен на весь мир.

Первая половина жизни Л. Е. Маневича

Он родился в городе Чаусы Могилёвской губернии 20 августа 1898 года. В царскую эпоху Гомель, Могилёв и Бобруйск составляли белорусский пояс еврейской оседлости, откуда вышло немало политических деятелей, профессиональных революционеров, да и просто террористов рядового состава. Энергичные молодые люди, проникшиеся, в духе того времени, радикальными идеями, воплощали их в жизнь с целеустремленностью подлинных зилотов. И не было ничего удивительного в том, что в революцию шли семьями.

Старший брат Льва Маневича – Яков с молодых лет участвовал в революционном движении и состоял в рядах РСДРП(б). В 1905 году, когда он служил в армии, его арестовали за хранение в казарме гектографа, большевистских прокламаций и оружия: шестнадцати фунтов динамита, «браунинга» и патронов. Будучи отправлен на исправление в дисциплинарную воинскую часть в Бобруйской крепости, Яков участвовал в восстании батальона 22 ноября 1905 года. Тринадцать участников восстания были приговорены к смертной казни, остальные – к каторге. Яков был осужден трибуналом на каторжные работы. Но товарищи не оставили в беде и, с помощью боевой группы, (куда, кстати, входила сестра Маневича), он бежал из каторжного централа, перешел литовскую границу, добрался до Германии и выехал в Швейцарию. Весной 1907 года в Цюрих, где обосновался Яков, привезли, после смерти матери, его младшего брата Льва.

В Цюрихе мальчика устроили в Политехнический колледж, где он очень быстро освоил разговорный немецкий язык. К окончанию колледжа Лев Маневич свободно владел также французским и итальянским языками, на которых говорят в швейцарских кантонах.

Братья ходили на выступления В. И. Ленина, находившегося в то время в Швейцарии. Маневичи посещали его доклады и выступления в цюрихском Народном доме, читали его статьи в газете «Социал-демократ». 9 апреля 1917 года восторженно настроенные братья провожали поезд, на котором вместе с Лениным в Россию отправились четыре десятка политэмигрантов. А 20 июня 1917 года братья Маневичи сами выехали на родину. По приезду в Россию Лев Маневич пошел добровольцем в Красную Армию, и уже в 1918 году вступил в РКП(б) и получил партбилет за номером 123915. Военная судьба забросила его в Баку, в ряды Первого интернационального полка. Воевал у Мешади Азизбекова, одного из 26 бакинских комиссаров, в составе Интернационального полка Бакинского Совета участвовал в боях против мусаватистов. Весной 1919 года сражался на колчаковском фронте, вёл активную партийную работу в Самаре, Баку, Уфе и завершил войну в должности комиссара бронепоезда.

Рассказывая о тех годах, его боевой товарищ Яков Никитич Старостин, чьим именем и

биографией через 25 лет резидент «Этьен» прикроется в фашистском концлагере, вспоминал: «В 1920 году я был назначен председателем райполитотдела станции Самара. Зимой в районе Сызрани, Батраки, Сургут, Подбельская меньшевики подняли крестьянское восстание башкир нескольких селений. Мне было поручено мобилизовать членов партии. Маневич сам пришёл ко мне первым… Я назначил его командиром отряда. Когда отряд коммунистов прибыл на место, Маневич один пошёл к восставшим и силой своего слова, силой большевистской правды убедил их сложить оружие. Ночью башкиры проводили Маневича к составу, где коммунары ждали своего командира»[2].

Молодой государственный аппарат Страны Советов, в том числе и разведка, остро нуждались в сотрудниках, знающих иностранные языки. Поэтому 9 марта 1920 года ЦК РКП(б) разослал по всей стране телеграммы с просьбой предоставить ЦК сведения о таких людях. 8 апреля того же года Самарский губком выслал в Москву соответствующий список, где были данные и о Маневиче, владевшем тремя языками и имевшего опыт жизни в европейских странах.

Как раз в это же время в апреле 1920 года начальник советской военной разведки В. Х. Ауссем обратился с письмом в Оргбюро ЦК РКП(б), в котором писал, что с окончанием гражданской войны на первое место выходит «глубокая разведка в странах Западной Европы, Японии и Америки…. которые могут рассматриваться так сказать, как потенциальные противники». И отмечал далее, что заграничная тайная разведка «значительно отличается от разведки в тылу белогвардейцев» и требует от ведущих её лиц «большого политического кругозора, знания языков и местных условий». Резолюция на документе была положительной: «тов. Ауссему необходимо помочь людьми знающими тамошние условия и языки»[3].

Вскоре Льва Маневича вызвали в Москву и направили на учебу в Высшую школу штабной службы комсостава РККА, которую он окончил в 1921 году. Летом того же года он женился на двадцатидвухлетней Наде (Надежде Дмитриевне) Михиной, дочери самарского фельдшера, студентке медицинских факультетов в Томске и Самаре.

Потом перспективного молодого человека Политуправление Республики командировало в Военную академию РККА, куда он и принят на младший курс 08.09.1921 г. Там Маневич учился со многими другими будущими разведчиками, изучил ещё один язык – английский. Уже тогда проявил интерес к авиации, когда руководство Академии «разрешило производить учебные занятия по ознакомлению с технической частью воздухфлота слушателям младшего и старшего курсов, изъявивших желание расширить свои познания в этой области» (07.07.1923 г.). Был приведён к Красной присяге 1 мая 1922 года на Красной площади у Кремля. 30 мая 1924 г. в его послужной список внесена дочь Татьяна, родившаяся 21 сентября 1922 г. В конце июля 1924 г. его направили на стажировку по должности командира роты в 7-й Кавказский Лорийский стрелковый полк 3-й Кавказской стрелковой дивизии, а 22 августа 1924 г. он назначен, по окончании Академии, в распоряжение РУ Штаба РККА вместе с другим выпускником – А. В. Емельяновым-Суриком.

Полгода (апрель – сентябрь 1925 г.), как этап подготовки к работе за рубежом, Лев Ефимович провел в Секретариате РВС СССР на должности «для особых поручений 1-го разряда». С ноября 1925-го по март 1927-го «Этьен» (оперативный псевдоним Маневича) успешно выполнял свои первые задания в Германии. Вернувшись на родину месяц прорвел с семьей в подмосковном доме отдыха военной разведки. А 1 мая 1927 года был назначен начальником сектора 3-го (информационно-статистического) отдела Разведупра и через восемь месяцев направлен в войска на стажировку, которую должны были пройти все, кто окончил военную академию. Завершив в 1928 году стажировку по должности командира роты в 164-м стрелковом полку, он поступил на строевое отделение Курсов усовершенствования начсостава ВВС при Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. Перед выпуском в мае 1929 года, когда ему было присвоено звание «летчик-наблюдатель» Воздушного флота

РККА, Лев Ефимович получил следующую аттестацию: «Отличных умственных способностей. С большим успехом и легко овладевает всей учебной работой, подходя к изучению каждого вопроса с разумением, здоровой критикой и систематично. Аккуратен. Весьма активен. Обладает большой способностью передавать знания другим. Дисциплинирован. Характера твердого, решительного; очень энергичен, иногда излишне горяч. Здоров, годен к летной работе. Имеет опыт ночных полетов. Пользуется авторитетом среди слушателей и импонирует им своими знаниями. Активно ведет общественно-политическую работу. Вывод: Маневич вполне успешно может нести строевую летную службу. После стажировки обещает быть хорошим командиром отдельной авиачасти и не менее хорошим руководителем штаба».

Не менее блестяще был аттестован Маневич и командиром эскадрильи 44-го авиаотряда, где он стажировался с 15 мая по 1 октября 1929 года, старшим летчиком Вернигородом: «К работе относится в высшей степени добросовестно и заинтересованно. Летает с большой охотой. Энергичен, дисциплинирован, обладает хорошей инициативой и сообразительностью. Вынослив. Зачастую работает с перегрузкой. Свои знания и опыт умеет хорошо передавать другим».

После столь блестящих характеристик выпускника трех военных учебных заведений начали готовить к новой зарубежной командировке. Поначалу Ян Карлович Берзин преполагал использовать Маневича на работе по легальной линии в США, видимо в Амторге, где служили многие сотрудники разведки военно-технического направления. Однако потом было решено отправить его за границу в Италию в качестве нелегала.

В жизни разведчиков-нелегалов есть особая драматическая страница – это семья. Каждый по-своему решал эту проблему. Неизвестно, что хуже: брать жену и детей с собой в «загранкомандировку», подвергая их всем опасностям работы разведчика, или оставлять их в СССР, обрекая на постоянную разлуку. Если жена – тоже разведчица, если она подготовлена к конспиративной работе – тогда все проще. А если нет?

После германской командировки Берзин, к радости жены, обещал больше не направлять Маневича на работу за границу. Но, тем не менее, он свою маленькую дочь учил немецкому языку всерьез, вплоть до того, что девочка могла с легкостью читать не только латинский, но и готический шрифт. И, когда выяснилось, что в Италию, кроме Маневича, послать некого, Надежда настояла на том, чтобы ехать вместе с мужем. Н. В. Звонарева полагала, что Я. К. Берзин совершил ошибку поддавшись на ее уговоры.

Начало

На территории России шла ожесточенная Гражданская война, советская военная разведка только – только зарождалась, но при этом уже строились планы «глубокой агентурной разведки», хотя главной все же оставалась разведывательная деятельность в интересах внутренних фронтов Красной Армии.

Военный консультант Оперативного отдела Наркомата по военным делам РСФСР Б. И. Кузнецов докладывал 17.06.1918 г.: «Деньги дали, началась работа, главным образом агентурная, и, в результате мы знаем с достаточной достоверностью расположение частей иностранных войск в пограничной полосе с ближайшим тылом, условия жизни и оккупационных местностях и заглядываем в такие центры, как: Рига, Митава, Либава, Минск, Берлин, Киев, Одесса и т. п. … Отпустят деньги [на дальнейшую работу] В. С. отделу [Военно-статистическому отделу Оперативного управления Всероссийского главного штаба] организуется глубокая агентурная разведка и отрегулируется работа мелких штабов»[4]. Но ее организация оказалась не таким простым и быстрым делом, и не только из-за денег.

Созданному через несколько месяцев Региструпру Полевого штаба РВС Республики

ставилась следующая задача: «Выяснение военных, политических, дипломатических и экономических планов и намерений враждебно действующих против Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и нейтральных государств, а также их отдельных групп и классов, могущих нанести тот или иной вред Республике»[5]. Среди них была и Италия, хотя она и занимала свое место, как правило, во 2-й группе государств после стран, которые граничат с СССР на западе.

Отправным центром деятельности на южном направлении для всех советских разведслужб была тогда Одесса. Тамошний областной комитет партии докладывал ЦК КП(б) Украины 04.03.1919 г., что «работа военного отдела и разведки идет также хорошо. Вся работа здесь в общем сводится к работе иностранной коллегии, литературной и военно-разведочной»[6]. Как известно, «Иностранная коллегия» занималась антивоенной пропагандой среди войск Антанты не только в районе Одессы, но и в Румынии, Болгарии и Турции.

Ян Страуян и другие русские эмигранты

В августе 1919 г., незадолго до взятия Одессы войсками А.И. Деникина, оттуда в Болгарию отправился Ян Яковлевич Страуян (1884–1938), член партии с дореволюционным стажем. Вместе с С.М. Мирным он выполнял задания ИККИ и военной разведки. Предлагая себя для заграничной работы, он писал, что «вследствие знания языков [немецкий, итальянский, французский, болгарский] могу вести на Балканах работу среди оккупационных войск Антанты (особенно в Болгарии, где французы в данное время заменены итальянцами)»[7]. Потому его и командировал ИККИ «на Балканы для работы среди итальянских оккупационных войск». Дело в том, что еще до революции Страуян находился в эмиграции в Италии (1913–1917 гг.), а до этого в Швейцарии, Швеции, Бельгии и Франции (1907–1912). Успешно выполнив задание в Болгарии, он вскоре вновь оказался в той стране.

По делам «Иностранной коллегии» в Одессе в то время (февраль – сентябрь 1919 г.) работал Даниил Семенович Ридель (1884–1933), старый партийный работник, побывавший в эмиграции в Австрии, Швейцарии и Франции (1911–1917), владевший французским, итальянским, английским и немецким языками. В августе 1919-го, согласно переданного по радио приказа члена Южного бюро ИККИ Х. Г. Раковского, он перешел на нелегальное положение и, когда представилась такая возможность, отправился за границу «в качестве чиновника особых поручений Итальянского посольства в Одессе с официальным паспортом на имя Риделини» (РГАСПИ. Ф.495. Оп.65а. Д.3149. Л.7). Две недели он провел в Константинополе, где узнал о провале «всех наших явок», и выехал в Италию. О своей работе там Ридель написал очень кратко: работал в Риме, Флоренции и Турине «по созданию коммунистических групп» вместе с Антонио Грамши, Умберто Терначини и Пальмиро Тольятти. Печатался в местной коммунистической газете «L’Ordine Nuovo»[8]. Позднее уточнял, что выполнял и «особые задания». В Москву вернулся в июне 1920 г. вместе с итальянской делегацией, прибывшей на 2-й конгресс Коминтерна.

Тем временем агентурные сети Региструпра к началу 1921 года были созданы в 18 странах. В Италии: 1 главная резидентура и 1 резидентура. Архивы сообщают: «На 1 октября 1921 г. Разведуправление уже имело в Италии: – резидента и девять агентов в Риме; – агентурную группу в составе групповода и трех агентов в Милане; – агентурную группу в составе групповода и двух агентов в Неаполе; – агентурную группу в составе групповода и одного агента в Генуе; – групповодов, занимавшихся вербовочной работой и добыванием разведывательных сведений в городах Триест, Болонья; – агентов в городах Бриндизи, Савойя, Брешиа, Ченджно (по одному агенту в каждом городе); – трех отдельно действующих агентов, связанных непосредственно с Центром. Руководство работой всей агентурной сети в Италии, за исключением упомянутых трех отдельно действующих агентов, осуществлялось

резидентом Разведупра, который находился в Риме.

С 1921 по 1924 г. руководство Римской резидентурой и связь с ней Центр осуществлял через Берлинскую резидентуру с помощью специальных курьеров, телеграфа, почтовой переписки. Практиковались вызовы руководящих работников резидентуры в Центр, в Берлинскую резидентуру и поездки представителей Центра в Италию или соседние страны для встреч с работниками резидентуры» (данные предоставлены М. А. Алексеевым).

Продолжим. Из Франции в Италию приехал в 1912 г. русский эмигрант, художник Николай Николаевич Зедделер (1876–1937), сначала он зарабатывал на жизнь своим искусством, затем устроился чернорабочим на кинофабрику «Чинес» в Риме, позднее получил должность декоратора там же, принимал участие в рабочем движении (1912–1917), когда Италия вступила в войну Зедделера с фабрики уволили и он устроился рабочим, а потом и сборщиком аэропланов на авиационный завод «Киокини», директор которого «был анархистом», кроме того, Николай Николаевич стоял в местной русской большевистской группе (1917–1920), потом работал в Кинематографическом синдикате в Риме (1920–1921). Владел итальянским, французским, немецким и английским языками.

Тем временем Николай Зедделер вступил в Компартию Италии (1919 г.), где числился «боевиком» (1919–1923 гг.), а затем он «получил мандат от одесского отделения штаба Красной Армии, с военными заданиями. Далее работал с посланным из России тов. Деготь по военным же делам»[9]. Поясним – боевые организации имелись при всех коммунистических партиях того времени[10]; большевик, коминтерновец Владимир Александрович Дёготь (1889–1944) прибыл в Италию по партийным и военным делам, находился в стране с октября 1919 по март 1920 г., далее проследовал во Францию. «С приездом в Рим Полпредства меня привлекли к военной работе и работе среди белогвардейцев. Ссылаюсь на т. [Яна Яковлевича] Страуяна (первый секретарь посольства в то время), на сотрудника [Арнальдо] Сильва и т. [Роберто] Бартини (теперь инженер-конструктор гражданской авиации). В конце 1922 года, в силу неизбежного ареста, по требованию т. Страуяна покинул Италию и приехал в СССР, вступив по рекомендации т. [Антонио] Грамши в ряды РКП. По 25/III 1924 года работал в IV-ом отделении Разведупра»[11].

Следует дать некоторые дополнения к рапорту Н. Н. Зедделера. Работа по белой эмиграции не входила «в круг действий Развед. Управления», однако в те годы военной разведке неоднократно давались такие задания, тем более, что обе разведслужбы объединили целый ряд своих резидентур.

Страуян продолжал свою работу уже на должности советника полпредства РСФСР – СССР и покинул страну в октябре 1923 г. Состоял «на учете при Штабе РККА» (10.09.1924 г.). В том же году страну покинул и Бартини. Он был членом Итальянской компартии с 1921 г., занимался партийной работой, в том числе и нелегальной. Окончил Римскую лётную школу, работал на миланском заводе «Изотта-Фраскини», сдал экстерном экзамены на авиационном отделении Миланского политехнического института (1921–1922 гг.), получил диплом авиационного инженера. В СССР стал видным авиаконструктором, о котором до сих пор ходят легенды.

Арнальдо Сильва служил в итальянской армии, сначала рядовым (1907–1908 гг.), затем в звании капитана командовал пулеметной ротой 34-го пехотного полка (1915–1919 гг.). Участник социалистического и коммунистического движения. Как скульптор-мраморщик работал в Риме, Париже, Милане. В ноябре 1921 г. Сильва был арестован за покушение на жизнь двух фашистов, содержался в римской тюрьме. Бежал из неё в Москву в июне 1922 г. Заочно осужден на 23 года тюремного заключения. Советский военный разведчик в ряде европейских стран.

Яков Фишман

Почему-то Н. Н. Зедделер не упомянул в качестве свидетеля своей разведывательной деятельности в Италии Якова Моисеевича Фишмана, с которым он пересекался по этой работе и мог быть знаком с ним еще по дореволюционным временам. Во всяком случае Б. М. Иофан (о нем ниже) называл их обоих среди своих хороших знакомых. Из ссылки в Туруханском крае Фишман, член эсеровской партии, добрался до Италии через Китай в 1911 г. И как писал Иофан, «поступил в Неаполитанский университет, подав в качестве удостоверяющего его личность документа тюремное свидетельство». Окончил химический факультет этого учебного заведения (1915 г.), при этом «специализировался по взрывчатым и отравляющим веществам в неаполитанском политехникуме, где в течение 3-х лет работал в качестве ассистента». В следующем году завершил обучение в Высшей магистерской школе, заведовал химической лабораторией на итальянском заводе.

С весны 1917 г. Яков Моисеевич в России. Участвовал в Октябрьской революции, состоял членом ЦК партии левых эсеров, один из руководителей мятежа в Москве. Воевал на фронтах Гражданской войны, будучи политработником и членом Центрального штаба партизанских отрядов (1918–1920 гг.). Раскаялся и вступил в РКП(б) в 1920 г. Владел итальянским, немецким, французским языками. В январе 1921 г. Яков Фишман поступил в распоряжение Агентурного отдела Региструпра Полевого штаба РВС Республики (впоследствии 2-го отдела РУ Штаба РККА) и в феврале отправился в Италию в составе советской торговой делегации, которая прибыла в Рим 14.03.1921 г., был сотрудником торгпредства РСФСР – СССР и нелегальным военным атташе. По основной линии своей работы создавал агентурные сети, благодаря которым получал ценную военную, военно-экономическую и военно-политическую информацию. Как отмечалось в одном из документов военной разведки, он «работал в течение 4-х лет в Разведупре по изучению иностранных армий и воен.-хим. дела». С 1923 г. продолжал свою работу в Германии, вновь в составе торгпредства. В советской газете «Красная звезда» (06.05.1924 г.) назван одним из пострадавших во время налета на торгпредство немецкой полиции, произошедшего 3 мая 1924 г. Завершив работу в Разведупре стал начальником Военно-химической службы РККА (август 1925 – май 1937 г.).

Из Германии об Италии

Одновременно с Я. М. Фишманом в Германии работал (1922–1924 гг.) советский военный разведчик и представитель Итальянской компартии при Компартии Германии Эрсилио Антонио Амброджи (1922–1924 гг.), приговоренный в Италии заочно к 20 годам заключения (1924 г.), власти страны потребовали у Германии его выдачи, в связи с этим он уехал в СССР. В течение ряда последующих лет он «состоял на учете в Разведупре Штаба РККА». Эрсилио Амброджи вполне мог быть источником информации и по своей стране, хотя в Италию ему удалось вернуться лишь в 1945 г. Эрсилио окончил гимназию в Ливорно и лицей в Пизе, юридический факультет университета в Болонье (1914 г.). Помимо своего родного языка владел французским и немецким. В свое время, примыкая к левому крылу Социалистической партии Италии, он входил также в состав тайной революционной группы, которая отправила его в турне по Италии (1904 г.) «для организации моральной и материальной помощи русской революции, а также для посылки оружия и Итальянского легиона в помощь русским революционерам». Позднее он стал одним из основателей Итальянской компартии.

В деле старые кадры

Не остался в стороне от общего дела и весьма известный впоследствии советский архитектор Борис Михайлович Иофан, знакомый Н. Зедделера по русской большевистской группе. Много лет (1914–1924 гг.) он проработал в Италии по своей специальности, состоял членом Компартии «со дня основания её» (январь 1921 г.), помогал сотрудникам посольства в устройстве ряда советских выставок, неоднократно подвергался нападениям фашистов. А «осенью 1923 г. по приглашению т.т. Григоровича и Еланского работал в Италии по конспиративным поручениям, где и проработал до 1924 г. 20 июня»[12]. Григорий Ефимович Еланский (Эланский) в то время сотрудник ИНО ОГПУ, атташе, 3-й, 2-й секретарь полпредств СССР в Италии и Франции. Григорович возможно так же сотрудник полпредства.

А ранее, зимой 1922–1923 гг., Борис Михайлович поехал по поручению торгпреда А.С. Файнштейна в «Состо Календо» помогать С.Э. Столярскому из Главвоздухфлота (Главного управления Рабоче-крестьянского Красного Военно-Воздушного Флота). В чем состояло это дело Иофан рассказал в своей статье, посвященной юбилею Октябрьской революции: «Мне довелось быть членом советской миссии, руководимой героем гражданской войны Столярским, по закупке самолетов, изготовлявшихся на предприятии компании «Фиат» «Сесто Календо». Только благодаря единодушным действиям рабочих этот заказ вопреки желанию администрации фирмы был сдан нам в срок и выполнен безупречно в техническом отношении»[13].

В мае 1924 г. в Италию прибыл в качестве 1-го секретаря полпредства СССР Д.С. Ридель, продолжавший свою работу. Резидентура по-прежнему уделяла внимание «белогвардейским зарубежным группам». Пробыл на этой должности до октября 1925 г. Впоследствии Даниил Семенович уточнил чем занимался в этой и некоторых других странах: «За время моей работы за границей вплоть до 1927 г. я поддерживал тесную связь с местными компартиями по особым заданиям»[14]. Будучи консулом в Генуе (февраль 1928 – март 1930 г.), Ридель, по-видимому, уже не имел отношения к такой работе.

Документы свидетельствуют: «Итальянская резидентура не только успешно решала задачи по Италии, но и добывала сведения о сопредельных странах. В 1921–1923 гг. для этой цели в Италии вербовались агенты для работы против Румынии, Болгарии, Югославии, Албании, Венгрии, Сербии, Черногории, Турции, Сирии, Франции, Швейцарии и для работы в странах Северной Африки. Вербовка велась среди лиц, имевших связи в этих странах или являвшихся выходцами из них. Вербовались, как правило, бывшие военнослужащие, участники национально-освободительного движения и др.».

При подведении итогов работы Разведывательного управления Штаба РККА за 1923 и 1924 гг. указывалось: «По Италии нам были доступны самые секретные документы, касающиеся всех заказов и состояния научно-опытных работ в воздушном флоте. Равно получались исчерпывающие сведения о самолетном составе и различные статистические данные».

С 1924 г. для прикрытия разведчиков в Италии Разведуправление стало использовать должности в полпредстве, консульстве, торгпредстве и в других советских официальных представительствах. Руководство Римской резидентурой осуществлялось непосредственно Центром, который имел с этой резидентурой прямую связь.

За период с 01.10.1924 по 01.07.1925 г. из Римской резидентуры в Разведупр поступали различные материалы:

	весьма ценные	ценные	малоценные	бесцен
	Донесения			
воен. и техн.	—	6/3	3/—	—/1
Полит.-эконом.	—	2	1	—
	Документы агентур			
воен. и техн.	2/5	14/55	3/2	1/6
Полит.-эконом.	—	1	—	—
	Издания и документы официальные			
воен. и техн.	—	36/107	3/9	—
Полит.-эконом.	—	36	—	—

Данные о провалах в Италии в соответствующем разделе таблицы отсутствуют.

Докладывая о проделанной тогда работе начальник военной разведки Я.К. Берзин отмечал, «что Разведупр в своей работе пользовался и материалами разведорганов других государств»[15].

По Италии советские военные разведчики работали и из других стран (Франция, Швейцария, Югославия и др.).

Разведупр действует

В том же документе сообщается, что «1924–1925 гг. характеризуется широким развертыванием работы Разведупра», когда основное внимание уделяется военной технике, которая «вместе с воздушным и морским флотом составила 66,5 % всех заданий, данных агентуре». С апреля 1926 г. Разведупр Штаба РККА начинает выпускать секретный «Военно-технический бюллетень». Некоторая часть первого номера бюллетеня касалась и Италии: «Новые итальянские пулеметы», «Новые итальянские бронеавтомобили», «Новые итальянские [авиационные] моторы», «Таблица итальянских самолетов», «Кабина Джирарделли» (в разделе «Подводный флот»).

Одним из многих, кто работал тогда в стране был Карл Петермайер, выполнявший задания РУ Штаба РККА (военно-технического характера) сначала в Италии, а потом снова в Германии (1924–1933 гг.). Согласно итальянским данным, в начале 1925 г. с РУ стал успешно работать Умберто Бианки, бывший депутат – социалист, изобретатель и инженер – электрик, имевший доступ к секретным технологиям. Тесные отношения связывали его с некоторыми военнослужащими Королевских ВВС Италии и ответственными сотрудниками МИД страны. Для дипломатического ведомства он разработал ряд устройств, в том числе и шифровальных. Бианки был также президентом Società Italo-Russa и генсеком Società per lo scambio intellettuale Italo-Russo (Итало-русское общество интеллектуального сотрудничества), что давало ему легальные возможности для встречи с советскими представителями. Используя свои возможности и связи в Министерстве авиации, Бианки завербовал семь агентов в ВВС страны, в том числе трех офицеров. Деятельность этой разведгруппы продолжалась до весны 1933 г., когда Умберто и его агентов арестовали карабинеры[16].

В апреле 1927 г. начальник Информационно-статистического отдела РУ Александр Матвеевич Никонов (1893–1937) докладывал на Совещании окружных работников по разведке: «Германия, Франция, Великобритания, США и Италия в общем освещаются имеющимися материалами в достаточной мере для выяснения тех основных вопросов, которые интересуют Красную Армию в отношении этих стран и их армий. Мы располагаем большим количеством материалов, позволяющим установить все новые формы организации вооруженных сил, проведённые в этих странах на основании опыта мировой войны, влияние на организацию и подготовку наших ближайших соседей и вероятных противников, возможности – хотя бы теоретические – оказания непосредственной помощи нашим соседям в случае их войны против нас. Однако подлежат ещё изучению вопросы, связанные с подготовкой всей страны к войне, мобилизации промышленности».

Дополнением служат иные архивные данные: «В 1927 г. в оценке работы резидентуры, сделанной руководством Разведуправления, отмечалось: «Итальянская резидентура освещает вопросы военной техники и военного производства, а также военно-политические вопросы, касающиеся итальянской политики на Балканах и в колониях. Работа резидентуры весьма успешна. В области техники имеются данные о новых весьма важных военных изобретениях, могущих иметь большое значение для нашей обороны. Также освещены вопросы снабжения наших противников военным имуществом» (данные М. А. Алексеева).

Резидентурой были добыты не только документальные данные о многих новых видах военной техники и вооружения (технические описания, чертежи, отчеты о результатах испытаний, инструкции об использовании и т. п.), но и значительное количество образцов новой техники. Одновременно резидентура добывала ценные сведения о состоянии вооруженных сил Италии, по военно-политическим и военно-экономическим вопросам.

Значительную роль в решении задач военной агентурной разведки по добыванию разведывательной информации играли также аппараты военных атташе, которые использовали для этого свои официальные связи и возможности. Агентурная работа осуществлялась в основном с позиций официальных прикрытий. Командирование в Италию разведчиков-нелегалов носило еще эпизодический характер.

Задания советской военной разведки в 1925–1933 гг. выполнял один из руководящих работников Компартии Италии Карло Кодевилла («Моро»). Он «1925 г. был направлен в страну с настоящим итальянским паспортом принадлежавшем одному из работников Разведупра в Москве» и стал организатором и руководителем аппарата нелегальной техники в Милане (июнь 1925 – июнь 1926 г.), «при провале в 1926 г. сумел вывезти все и спасти себя и своих сотрудников», а также «в период с 1926 г. по 1928 г. выполнял задания ЦК КП Италии по ликвидации некоторых провокаторов, а в 1931 г. работал в комиссии ПБ ЦК КП Италии по борьбе с провокацией». В 1943 г. Отдел кадров ИККИ отмечал, что Кодевилла «имеет многолетний опыт руководящей работы по линии нелегальной парттехники и международной связи. Имеет также способности и опыт в разведке. Самостоятельно ориентируется в сложной обстановке, не теряя хладнокровия. Волевой партработник большой выдержки. По работе в КП Италии, КП Испании и по линии ИККИ проявил себя положительно». Тогда Карло хотел приехать из США в Советский Союз, но в ОК сочли, что «более целесообразно его использование на зарубежной работе, как опытного и волевого связиста и разведчика, обеспечив его материально»[17].

30.10.1926 г. в Праге (Чехословакия) полицией задержан болгарский студент Илья Кратунов. По данным властей страны, «он получал сведения из Парижа, Италии и Вены», а кроме того «у Кратунова полиция обнаружила радиоприемник и радио-телефонный аппарат, которыми он пользовался без разрешения». В РУ отмечали, что «на суде тов. КРАТУНОВ вел себя хорошо, не выболтал ни одного из доверенных ему секретов. Так же выдержано он себя вел и при последующем заключении в тюрьме».

На оперативной работе в Риме в 1928–1930 гг. находился В. Г. Кривицкий, занимавшийся в основном ВМФ. «За время нахождения на зарубежной нелегальной работе (включая 1932 г.) характеризовался начальником IV управления Штаба РККА т. Берзиным как «вдумчивый и серьезный оперативный работник, испытанный и преданный делу рабочего класса член партии. К работе относился весьма добросовестно и аккуратно, от выполнения опасных поручений никогда не отказывался»».

Военными атташе в Италии служили: Григорий Иванович Силин (апрель 1928 – апрель 1929 г.), Гаспар Карапетович Восканов (апрель 1929—декабрь 1930 г.).

Главный резидент РУ в Европе Иван Винаров (1930–1933 гг.), не имевший прямого отношения к работе в Италии, получил летом 1930 г. задание следить за деятельностью военных атташе Германии, Италии, Венгрии, Польши, Испании и некоторых других стран. Возможности для этого имелись в Болгарии, Румынии, Югославии и Греции, где свои люди работали в секретных отделах столичных телеграфов. Задание Центра было выполнено почти без провалов. Как отмечалось: «От Винарова получены исключительно интересные сведения государственного значения от источников в Бухаресте, Белграде, Афинах и Софии» (Глинджев И. и др. Железни хора // Народна младеж. София, 1966. 15–18 августа).

«Этьен» в Австрии и Италии

Постоянное расширение стоящих перед РУ задач (в том числе по военно-технической разведке) привели к тому, что итальянская резидентура стала непомерно большой и, в результате, трудноуправляемой. И ее разделили. Отдельную нелегальную военно-техническую резидентуру решили основать на промышленно развитом севере страны – в Милане. К тому же там уже с середины 1920-х гг. действовали генеральное консульство СССР и отделение торгпредства.

В декабре 1929 года на нелегальную работу в Италию, с промежуточной легализацией в Австрии, направляют Льва Ефимовича Маневича («Этьен»). Именно в Альпийской республике под именем Конрад Кертнер (Konrad Kärtner) он налаживает необходимые для последующей работы связи. Маневич имел хорошее военное и техническое образование, боевой опыт Гражданской войны и опыт нелегальной зарубежной деятельности (в Германии в 1925–1927 гг.). Он окончил политехнический колледж в Цюрихе, Швейцария (1913–1917 гг.), Высшую школу штабной службы РККА (1920–1921 гг.), Военную академию РККА (1921–1924 гг.), Курсы усовершенствования начсостава при Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского (1928–1929 гг.). Владел английским, немецким, французским и итальянским языками. Прошел всю необходимую для закордонной работы подготовку.

Целый ряд советских военных разведчиков действовал тогда в Австрии: резидент Лев Борович (1927–1930 гг.), упомянутый уже главный резидент Иван Винаров (1930–1933 гг.), резидент Константин Басов (1931–1932 гг.), резидент Вальтер Кривицкий (1931–1932 гг.), резидент Алексей Витолин (1932–1933 гг.), Йозеф Брюлль (1924–1934 гг.), Христо Крекманов (1930–1936 гг.), Сигизмунд Скарбек (1932–1933 гг.) и многие другие. В Венском полпредстве СССР в 1931–1932 гг. работала от РУ Наталья Владимировна Звонарева, которая помогла в нужный момент скрыться из страны жене и дочери Л. Е. Маневича. Вместе с ними Лев Ефимович выехал за рубеж и оставил их на время в Вене. О С.А. Скарбеке много лет спустя Н. В. Звонарева писала: «В течение 1932 г. мы были с ним в зарубежной командировке в одной стране. Знаю, что в то время он находился на одном из самых ответственных участков работы и провел ее успешно».

Завершив дела в Австрии, где он привлек к сотрудничеству нужных людей, заключил контракты с рядом фирм (судя по тому, что нам известно, наиболее важной из них была

видимо немецкая фирма «Нептун», снабжавшая Германию и др. государства аккумуляторами, в том числе и для военных нужд), основав Международное бюро изобретений и патентов «Эврика», Маневич в феврале 1930 г. прибыл к месту назначения в Италию, в Милан. Созданная им в течение года резидентура имела несколько источников военно-технической информации, однако обширные связи позволяли и ему самому добывать немало нужной военно-промышленной информации, главный образом по авиации, и не только по Италии.

По данным М.А. Алексеева: «Миланская резидентура «Этьена» по состоянию на 3 октября 1932 г. имела в своем составе девять агентов-источников и трех агентов, выполнявших вспомогательные функции. Весьма характерным в работе «Этьена» было то, что он лично поддерживал связь с семью агентами-источниками; с двумя другими связь поддерживал групповод. Наибольшая часть добываемых «Этьеном» агентурным путем материалов получила весьма высокую оценку Центра (до 60–70 % документов были ценными и весьма ценными). В 1931–1932 гг. «Этьен» добыл и направил в Центр 191 секретный документ, в том числе: чертежи и протоколы испытаний опытных военных самолетов: бомбардировщика-гиганта BRS, истребителей OCR-30, CR-32, Капрони-80, 97, 101, 113; генеральный чертеж подводной лодки «Мамели»; чертежи и описание 37-мм пушки типа «Бреда»; чертежи и описание прибора центрального управления артиллерийским огнем на боевых кораблях».

Что касается произошедшего 3 октября 1932 г. провала, то тут не все ясно. По одним сведениям он вынудил Маневича покинуть страну и вернуться в Австрию. По другим «Этьен» был арестован тогда и судим в 1937 г. Но согласно первой версии: когда в Центре сочли, что резиденту ничто не угрожает, ему поручили вернуться в Милан, где он смог продолжить свою нелегкую, изматывающую работу и случилось это в 1934 г. Эту версию подтверждает судебное заключение № 88 по делу Конрада Кертнера, составленное в Турине 3/I–1937 г. следственной комиссией при Особом трибунале по защите фашизма: «В 1934 г. иностранец, национальность и имя которого точно не выяснены, приехал в Италию, поселился в Милане, поддерживая связь с представителями деловых кругов, и стал заниматься военным шпионажем во вред фашистскому режиму и государству». Дважды он побывал в Испании, до мятежа и в самом начале его. Совершенно секретным приказом НКО СССР № 00711 от 16.12.1935 г. Маневичу присвоили звание полковника. Резидент нелегальной Римской резидентуры по указанию Центра выехал в Москву.

Где-то недалеко от Льва Ефимовича работал Янис Биркенфельд, нелегальный резидент в Италии и Франции (март 1930 – июнь 1938). «Товарищ Биркенфельд работает в разведке с 1919 г. За это время вырос в крупного разведчика, обладающего колоссальным опытом оперативной работы. С большим успехом он выполняет сложные и трудные задания, подчас связанные с риском. Обладает широким кругозором, который позволяет ему ставить и осуществлять задачи» (из аттестации). Некоторое время на нелегальной работе в стране был Леонид Абрамович Анулов (1932 г.), один из старых опытных работников РУ. В качестве киножурналиста в Италии действовал член Компартии Австрии и советский военный разведчик Давид Бибринг, он уехал туда из Вены в марте 1935 г., потом РУ «направлен в армию Франко» (1936 г.), работал также в Португалии в Лиссабоне (1936–1937 гг.), «в частности он дал [сведения] о готовящемся наступлении итальянцев на Гвадалахару» (А. П. Панфилов, сентябрь 1940 г.).

Тогда же (сентябрь 1930 – январь 1935) «организовывал европейскую радиосвязь», в том числе и в Риме, Александр Иосифович Гурвич. Радистов для трех европейских стран (среди них и Италия) готовил Герман Зиблер (1930–1932 гг.).

«Агентурой нужно внедряться»

Одновременно военно-техническая работа в Италии велась и по легальной линии. И сделан был вывод, что легальная разведывательная деятельность должна сочетаться с нелегальной.

Военный атташе Валентин Семенович Трудолюбов сообщал начальнику ВВС РККА А.И. Алкснису (07.11.1931 г.), «что у него имеется возможность показать нашим товарищам, работающим в приемных комиссиях у СИАИ [авиастроительная фирма] и Изотта-Фраскини [автомобильная компания] т.т. Петровскому и Бергстрему некоторые морские аэродромы итальянского воздушного флота, Научно-Исследовательские Центры, а также [организовать] посещение бомбардировочной школы в Марпенсо»[18].

Наркомвоенмор и председатель РВС СССР докладывал:

«Ознакомление с итальянской промышленностью, работающей на оборону, в полной мере еще не закончено. Наиболее изучены вопросы авиационной промышленности и артиллерийской… Недостаточно изучены вопросы электротехники, оптики и химии.

Вопросы применения военно-технических средств в соответствующих родах войск и уровень состояния вооруженных сил Италии почти не изучены, т. к. длительного прикомандирования наших командиров к итальянским военным силам по примеру изучения рейхсвера еще не было.

Имеющиеся ориентировочные агентурные данные по новейшим вопросам вооружения указывают на то, что итальянцы не все показывают. Использование технической помощи должно идти по линии воздушных сил, морского флота и техники сухопутных армий, учитывая, что по первым двум вопросам в Италии имеются наибольшие достижения…

Комиссией т. Меженинова [С.А.] (пом. начальника ВВС) в течение июня, июля и части августа были обследованы важнейшие авиационные промышленные предприятия и некоторое количество авиационных частей…

Учитывая данные нашей агентурной разведки, мы полагаем, что нашей комиссии не были показаны: 1) опыты по управлению самолетами по радио (механический летчик); 2) геликоптер инженера Варми; 3) сверхистребитель исключительно мощный с мотором 1.000 л.с.; 4) телебомбы; 5) применение химии к самолетам и 6) опытный полигон по всевозможному бомбометанию (от немцев мы имеем наметки, что бомбометание в Италии поставлено особенно высоко). …

По сухопутным войскам итальянцы не показали нам своих достижений по телемеханике, по взрывам на расстоянии и по радио, в чем они имеют большие достижения.

Для постановки на должную высоту дальнейшей работы по военно-техническому использованию Италии нужно:

Учредить в Италии небольшой постоянный аппарат (отдел военных заказов), который подробно углубил бы изучение технических вопросов на месте, дабы решения можно было принимать после тщательной проверки на месте и длительного наблюдения. Опыт посылки комиссий не дает хороших результатов. Агентурой нужно внедряться…

Поднять вопрос перед итальянским правительством о допуске командиров РККА для совершенствования при частях итальянской армии (летчики, моряки, зенитчики, химики, радисты), а также о допуске на заводы (за плату) для изучения наших конструкторов» – К. Е. Ворошилов, 30.11.1930 г.[19].

Военно-морским атташе при полпредствах СССР в Италии и Греции дважды назначался (ноябрь 1930—сентябрь 1932 г.; апрель 1934—январь 1936 г.) Лев Владимирович Анципо-Чикунский, который «прекрасно знает наш флот и морские вопросы… хорошо зарекомендовал себя в Турции». В промежутке между командировками назначался заместителем начальника 5-го управления (вооружений) Управления ВМС РККА (сентябрь 1932—январь 1934 г.). Интересно, что его перерыв в работе в этих двух странах совпадает с

перерывом в деятельности Маневича в Италии.

Трижды побывала в специальных командировках в Италии сотрудница РУ Ревекка Львовна Гинзбург. Сначала она назначалась на должность секретаря военного атташе (январь 1924 – июнь 1927 г.), вновь побывала на том же посту в 1931–1932 гг., «на оперативной работе» в Италии в декабре 1934 – сентябре 1936 г., радистка нелегальной резидентуры.

Военными атташе СССР состояли Гаральд Тынисович Туммельтау (под фамилией Тау) в августе 1932 – марте 1934 г., в составе советской делегации он участвовал в работе Международной конференции по разоружению в Женеве (1933 г.), «по работе в РУ аттестовался только с положительной стороны» (1956 г.); его сменил Сергей Васильевич Петренко, он же на зарубежной работе «Павел Иванович Лунев» (апрель 1934 – апрель 1936 г.). Военно-морским атташе при полпредствах СССР в Италии и Греции состоял (март 1933 – апрель 1934 г.) Пауль Юрьевич Орас.

Председателем комиссии по приемке вооружения в Италии (ноябрь 1932—ноябрь 1934 г.), помощником военно-морского атташе (ноябрь 1934—январь 1936), военно-морским атташе (январь 1936—сентябрь 1937 г.) при полпредстве СССР в Италии состоял Борис Павлович Шей. Впоследствии награжден орденом Отечественной войны I ст. «за выдающиеся заслуги в области создания отечественных образцов морского артиллерийского вооружения» (1947 г.).

Помощником военного атташе по авиации (март 1934 – октябрь 1936 г.) работал Федор Васильевич Лиховицкий. Секретарем военного атташе (в 1932–1933 гг.) был Станислав Максович Бельский.

Военные инженеры – разведчики

Советские торгпредства в ряде стран еще с конца 1920-х годов занялись организацией в своем составе инженерных отделов, полностью ориентированных на обслуживание ВСЕХ нужд РККА. Военные специалисты – сотрудники ИО «не только выполняют оперативно-коммерческие функции по импорту, но и ряд функций и заданий специфического характера, причем характер и значение их работы далеко выходят за пределы обычной деятельности прочих Спецотделов». Инженерный отдел торгпредства в Милане возглавлял (май 1931 – январь 1932) Александр Ефимович Фрадкин, сотрудник РУ Штаба РККА, затем начальником ИО (январь 1932 – ноябрь 1935 г.) был Андрей Иванович Сучков, ранее работавший в Разведупре и Артиллерийском управлении. В апреле 1933 г. его наградили серебряным портсигаром с надписью: «А.И. Сучкову. За особые успехи в выполнении импортного плана наркомата. 1933 г.». Сучков передал дела Василию Тимофеевичу Вольскому (1897–1946), который командовал ИО с ноября 1935 по январь 1936 г. Ранее он работал в Аркосе (Англия), а впоследствии стал военным атташе в Италии (1938–1939 гг.).

Инженером ИО в Италии и заместителем начальника ИО многие годы (июль 1932 – июнь 1941) был Георгий Павлович Григорьев, сотрудник военной разведки, связанный в том числе и с нелегалами, в частности с Л. Е. Маневичем, а также с С. А. и А. М. Скарбеками. В 17.07.1937 г. Григорьева наградили орденом Красной Звезды за информацию по операции «Икс» (Испания). Вместе с ним работала и его жена сотрудница РУ Тамара Константиновна Серышева (1932–1938 гг.).

Их коллега Гинда (Гильда) Яковлевна Арест работала там же в торгпредстве в 1931–1933 гг. Работником РУ был и военный инженер Петр Степанович Герасимов (1906–1944), сотрудник полпредства СССР (ноябрь 1940 – октябрь 1941), ранее воевавший в Испании, он вернулся в Москву вместе с другими сотрудниками дипмиссии. Спецзадания выполнял еще один сотрудник торгпредства – болгарин Христо Янакиев Балиев, он же Христо Баяневич

Янакиев, он был врачом, старшим консультантом, заместителем заведующего промэкспортом (1928–1934 гг.).

Лев Маневич и Сигизмунд Скарбек

12.12.1936 г. Льва Ефимовича Маневича арестовали в результате предательства одного из его сотрудников и 09.02.1937 г. Туринский суд приговорил его к 12-ти годам тюремного заключения, однако впоследствии срок снижен до 6 лет. По данным следствия: «В течение долгого времени Конрад Кертнер развивал деятельность во вред фашистской Италии и её военному союзнику Германии, в пользу Советской России. Почти все, кто имел с ним контакт, полагают, что он русский, хотя является совладельцем фирмы в Милане.

Сам Конрад Кертнер отрицает, что он занимался шпионажем, но в то же время не пожелал дать никаких объяснений по поводу многочисленных документов секретного характера, преимущественно германских, а также итальянских. Документы конфискованы у него в момент ареста, а также обнаружены в конторе и дома при обыске. Конрад Кертнер отрицает, что знает других обвиняемых, имевших с ним преступные связи и доставлявших ему различные секретные документы. Исключением является Делио Лионелло, у которого Кертнер брал уроки летного мастерства.

Преступная деятельность Кертнера была обширна: он протянул свои щупальца также на Турин, Геную, Болонью, Брешию и Специю. Ему удалось привлечь ценных специалистов и опытных техников, которые состояли на службе на промышленных предприятиях, снабжающих итальянские и германские вооруженные силы»[20].

За несколько месяцев до ареста Конрада Кертнера в Италию, в Турин приехал (апрель 1936 г.) еще один советский разведчик – добывающий агент, кадровый сотрудник РУ – ГРУ (еще с 1924 г.) Сигизмунд Абрамович Скарбек (он же Жорж Бенедик, Сигизмунд Крейцер), вместе с ним прибыли его жена – Анна Моисеевна и их сын. Паспорта у них были старые польские (на фамилию Бенедик), проверенные еще на прежней их работе.

Скарбек родился в польском городе Ленчица 27 июня 1897 года в семье горнорабочего, по другим сведениям садовода Абрама Скарбека. Это была обычная пролетарская семья, судьба которой окажется столь же типичной: ранняя смерть кормильца, сын-коммунист и гибель матери в фашистском концлагере.

В возрасте 11 лет Сигизмунд пошёл работать на гильзовую фабрику, а через год устроился на ткацкий комбинат. Там он проработал полгода и, по достижении пятнадцатилетнего возраста, уехал учиться на электрослесаря в Лодзь, где в начале Первой мировой войны вступил в нелегальный рабочий кружок. Через два года он вернулся домой и стал работать учеником электромонтёра. В мае 1916 года Сигизмунд поступил на работу в монтажную контору города Влацлавска помощником электромонтёра. Это был переломный этап в жизни простого еврейского парня из рабочей глубинки: там он вступил в Бунд, познакомился со своей будущей женой и соратницей Анной Кораль.

В ноябре 1918 года, после ухода немцев и разгрома польскими националистами еврейского рабочего клуба «Будущее»(«Цукунфт»), объединявшего социал-демократов, бундовцев и поалей-ционистов, в котором Скарбек принимал активное участие, он вместе с Анной отправился в Берлин, где ему помогли устроиться на обувную фабрику. Там, в декабре 1918 года, в районе Маобит, он был принят в «Спартакусбунд», преобразованный затем в Коммунистическую партию Германии.

Дальнейшая судьба немецких коммунистов хорошо известна: неудавшаяся революция, кровавые уличные бои, репрессии, тюрьма или смерть. Для многих выходом стала эмиграция в Россию. Сигизмунд, бывший членом завкома фабрики, ставшего во время Капповского

путча в апреле 1920 года рабочим советом, и избранный депутатом первого берлинского совета рабочих депутатов, был выслан из Берлина вместе с женой. Благодаря помощи Коминтерна, уже в июне он работал в Москве заведующим польской литературой «Центропечати». Тогда же он перешёл из братской компартии в ряды РКП(б) (стаж был засчитан с 3 декабря 1918 года). Затем работал электромонтером на московском заводе «Динамо», одновременно учился на электромеханическом факультете вечернего техникума им. М. В. Ломоносова. В 1922 г., по партмобилизации работал в Минске – завскладом «Белэвак». Жена служила в Исполкоме Коминтерна заместителем заведующего архивом.

На правоверного во всех отношениях коммуниста вскоре обратило внимание Польское бюро ЦК Компартии Белоруссии, и в мае 1922 года послало его на нелегальную работу в Польшу, откуда он вынужден был бежать и продолжать свою деятельность в Вольном городе Данциге, который находился под управлением Лиги Наций.

С помощью ЦК КПГ в апреле 1923 года Скарбек уехал в Германию. Там с января 1924 года по август 1933 года находился в распоряжении Разведупра, выполняя задания, сначала в советском торговом представительстве в Берлине, а с 1925 года – нелегально в Гамбурге. Работал под именем Georges Benedikt (по-немецки – Георг Бенедикт, а по-французски – Жорж Бенедик). В то же время он состоял в КПГ под именем Сигизмунда Крейцера. В апреле 1929 года обстоятельства снова сложились так, что ему пришлось покинуть страну и вернуться в СССР.

Короткий отдых и новое задание военной разведки. Его направили в Китай, в Харбин. За успешную работу (видимо, связанную с событиями на КВЖД) Реввоенсовет СССР 13 июня 1930 года наградил его именными серебряными часами. Руководителем Скарбека в Китае был крупный советский разведчик Леонид Абрамович Анулов (Акулов), опытный резидент, награжденный в связи с теми же событиями орденом Красного Знамени. Анулов дал «путевку в жизнь» не только Скарбеку, но и другим разведчикам, в частности, знаменитому руководителю группы «Дора» в Швейцарии Шандору Радо. Он же в 1931–1933 годах руководил работой супругов Скарбек в Италии и Австрии.

В Вене в 1932 году Скарбек работал вместе с Натальей Владимировной Звонаревой в резидентуре К. М. Басова. В 1933 году он вернулся в СССР, был зачислен слушателем военного факультета Инженерно-технической академии связи им. В. Н. Подбельского. Но доучиться в Академии ему не пришлось: окончив два курса, в сентябре 1935 года Скарбек был отозван и в марте 1936 года направлен Разведупром в Италию. Сигизмунд Абрамович обосновался с женой и сыном в Турине. под видом бывшего владельца фабрики в Китае,

Интересно, что Маневич работал в Германии (1925–1927 гг.) в одно время со Скарбеком (1924–1929 гг.), кроме того, в 1931–1932 гг. Скарбек уже работал в Италии, как помощник резидента. Возможно они были знакомы по тем временам.

Сигизмунду Абрамовичу «пришлось работать в особо тяжелых условиях нелегальной работы», он выдавал себя за бывшего владельца фабрики в Китае, Скарбек действительно работал там в Харбине в 1929–1931 гг., награжден серебряными часами «за работу в связи с событиями на Дальнем Востоке». Фабрику он якобы продал с началом революционных действий. По легенде, в Италию он приехал на курорт – лечить сколиоз у сына. В Турине он обзавелся фотоателье на улице Лука делла Робиа, под названием «Моменто», купил небольшой токарный станок и устроил в задней комнате ателье слесарную мастерскую. Благодаря своим клиентам из рабочих он был в курсе многих событий на расположенных по соседству военных заводах.

Перед самым арестом С. А. Скарбека в Италию приехал Артур Иванович Вильман, находившийся в распоряжении РУ РККА по 4-му (военно-морскому) отделу (март 1937 – март 1938 г.) «для использования на специальной работе».

Дальнейшая жизнь С. А. Скарбека достойна отдельной книги. Вкратце это выглядит

так. 09.05.1937 г. он тоже был арестован итальянской полицией и 25 ноября того же года приговорен Особым трибуналом в Риме к 30 годам заключения. Его жене и сыну удалось выехать в СССР, куда они прибыли в декабре 1937 г. А потом, как он сам писал И. В. Сталину (в марте 1948 г.): «Командованием, по Вашему распоряжению, товарищ СТАЛИН, был выделен специальный человек и соответствующие средства для освобождения меня из фашистского застенка. Начало войны 1-го сентября 1939 года помешало полностью выполнить это задание и мне пришлось отбывать наказание в фашистском застенке около 7-ми лет, в одиночной камере на одном из островов Средиземного моря». Именно по этой причине в феврале 1938 г. Анна Моисеевна направлена РУ РККА в командировку в Швейцарию, где у неё, по всей видимости, был и другие задания. Связь с мужем (почтовую) и отчасти с командованием она потеряла в 1943 г. Спустя четыре года ГРУ совсем прекратило с нею связь. В СССР ее не пустили и потому с марта 1948 г. она жила и работала в Польше, состояла членом Польской объединенной рабочей партии. С мужем она воссоединилась лишь в июне 1954 г.

За выполнение специального задания, по-видимому связанного с Гражданской войной в Испании, батальонный комиссар С.А. Скарбек (указом ЦИК СССР, не подлежащим оглашению) 17.07.1937 года награжден орденом Красной Звезды. А спустя ровно год, день в день, Бенедикт (так в приказе) Абрамович Скарбек увольняется из рядов Красной Армии. Хотя в анкете от 13.09.1948 г. сказано, что в распоряжении ГРУ он состоял с 1/I.1924 г. по 11/IX.1944 г. Последняя дата означает, что именно в этот день его арестовали на Внуковском аэродроме столицы сотрудники СМЕРШа, когда после освобождения американцами 08.09.1943 г. ему удалось вернуться в СССР.

Особым совещанием при НКВД СССР 28.02.1945 г. приговорен «без поражения в правах» к 5 г. ИТЛ «как социально-опасный элемент по своим связям», т. е. связям с «врагами народа». Вышел на свободу по амнистии (09.08.1947 г.) с разрешением поселиться в г. Курске, где работал в артели «Печатник». Решением Особого совещания МВД СССР от 12.05.1953 г. приговор от 28.02.1945 г. отменен и дело прекращено. Согласно приказа МО СССР от 10.12.1953 г. он считается уволенным из кадров Советской Армии 09.08.1947 г. С учетом льготной выслуги лет (нелегальная работа за границей), всего исчислено службы 32 года. Позже ему вручили ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

Умер Скарбек 17 февраля 1974 года, дожив до выхода книги о подвиге на невидимом фронте легендарного резидента «Этьена». Похоронили его на Новодевичьем кладбище. Жена Анна Моисеевна пережила его на 9 лет и похоронена там же. В России надо жить долго.

Льва Ефимовича возможно тоже хотели спасти. Вот что писала его дочь Татьяна Львовна: «Весной сорок первого года я была на приеме у начальника отца, чудесного человека, генерала П. И тогда он мне сказал: – Я тебе обещаю, что твой отец через несколько месяцев будет дома. Мы принимаем необходимые меры»[21]. Ранее болгарский еженедельник «Антени»[22] более подробно рассказал об этом эпизоде. Татьяна Львовна сообщила «Антенам», что весной 1941 г. ее вызвал к себе тогдашний начальник РУ ГШ Красной Армии А. П. Панфилов и заверил ее, что Маневич через несколько месяцев будет дома, т. к. соответствующие переговоры об обмене заключенными ведутся с итальянским правительством через нейтральные страны. Но началась война, Панфилова отправили на фронт «и все связи с отцом были потеряны».

После вынесения приговора «Этьен» был направлен в тюрьму Кастельфранко дель Эмилия, где значился как узник № 2722. Но и находясь в тюрьме, Маневич умудрялся посылать в Москву ценные разведывательные данные. Так, при помощи заключенных, работавших раньше на заводе «Капрони», он составил и передал в Центр анализ недостатков и изъянов нового прицела для бомбометания фирмы «Цейсс». Сообщение включало в себя миниатюрные схемы: как укреплён бомбовый прицел возле сиденья штурмана, как штурман

производит расчёты, делая поправки на скорость и высоту полёта, с какой высоты производится бомбометание.

Другими донесениями «Директору» стали тактико-технические характеристики непотопляемого крейсера, который строился на верфи близ Генуи, специфика ночного бомбометания в Абиссинии, где впервые использовали САБы (САБ – светящаяся авиабомба, спускаемая на парашюте, используется для подсветки местности при ночных бомбометаниях с малых высот), а также рецепт броневой стали, пересланный с заводов Круппа на заводы Ансальдо. Однако самой важной информацией «Этьена» из тюрьмы было сообщение о срочном заказе, полученном итальянскими авиазаводами от Японии, на самолёты, не боящиеся мороза. Это означало, что японцы планируют боевые действия не на тёплом юге Китая, а в суровых климатических условиях Маньчжурии, Монголии и Дальнего Востока. Этот сигнал перекликался с донесениями «Рамзая» (Рихарда Зорге), что придавало оперативным разведданным последнего дополнительную убе дительность.

В июне 1937 года начальник Разведупра Ян Берзин представил полковника Маневича к званию комбрига и написал в аттестации: «Способный, широкообразованный и культурный командир. Волевые качества хорошо развиты, характер твердый. На работе проявилбольшую инициативу, знания и понимание дела. Попав в тяжелые условия, вел себя геройски, показал исключительную выдержку и мужество. Так же мужественно продолжает вести себя и по сие время, одолевая всякие трудности и лишения. Примерный командир – большевик, достоин представления к награде после возвращения».

В Москве о попавшем в беду разведчике не забыли. Разведупр планировал акции по освобождению «Этьена», начиная от чисто юридической поддержки, заканчивая подготовкой побега. Освободить Маневича силой Разведупр не успел. Весной 1941 года заболевшего туберкулёзом Маневича перевели на юг Италии в каторжную тюрьму на острове Санто-Стефано, где он находился до 9 сентября 1943 года. После захвата острова американскими войсками все политические заключенные были освобождены, и Маневич в числе некоторых из них направился на арендованном паруснике в Италию, в Гаэту. Но, за день до прибытия парусника, Гаэту заняли немецкие войска, и через несколько дней Маневич был вновь арестован. Как австрийца Кертнера должны были направить в Австрию – в общину Галабрунн, из которой он (согласно поддельным документам) происходил и где его разоблачение было бы неизбежным.

В арестантском эшелоне Маневич сумел обменять свою куртку на куртку умершего от тифа русского военнопленного Яковлева. По прибытии в австрийский концлагерь «Эбензее» Маневич исхитрился объяснить эсэсовцам, на хорошем немецком языке, что произошла путаница, и зовут его не Яковлев, а Яков Старостин. Имя реального человека, биографию которого Маневич хорошо знал, было необходимым условием конспирации – в лагере всегда полно стукачей. Поэтому жизнеописание должно было быть гладким и стыковаться во всех деталях, для чего проще было не выдумывать, а использовать чужую биографию. Свою «легенду» он довёл до ума, согласовав с достоверной историей службы на Западном фронте и пленением 7 октября 1941 года. Детали «своего боевого пути» он подслушал в разговорах военнопленных. «Легенда» подозрений не вызвала. Маневич получил номер R-133042, под которым и числился в списке заключённых. В лагере он тесно сошёлся с бакинцем Грантом Айрапетовым, бывшим офицером штаба 23-й танковой армии. С ним он входил в подпольный штаб сопротивления, организовывал диверсии на производстве. По отзыву Айрапетова «прекрасно владея иностранными языками, богато одаренный, быстро ориентирующийся в любой обстановке, Старостин – Маневич был нашим мозгом, который информировал о всех событиях».

1 мая 1945 года лагерь был освобожден американскими войсками. Политических снова выпустили на волю и поселили в «Спорт-отеле» городка Штайнкогель на берегу реки Зее.

Там, в номере со старым лагерным товарищем Грантом Айрапетовым, Маневич и «дошёл» от туберкулёза. Перед смертью сотрудник Разведупра всё же решился и назвал Айрапетову оперативный псевдоним и адрес, по которому следовало обратиться в Москве.

Он умер 9 мая 1945 года. На могиле Маневича поставили крест с надписью «Здесь покоится советский полковник Старостин Яков Никитич». В 1965 году, после опубликования в газете «Правда» Указа о присвоении звания Героя, официально рассекретившего имя Маневича, группа советских разведчиков во главе с В. В. Бочкаревым прибыла из Вены на поиски его могилы. после трехнедельных поисков место захоронения было обнаружено. Останки разведчика торжественно перезахоронили в Линце, на мемориальном кладбище Санкт-мартин, где покоятся павшие советские воины.

С тех пор на памятнике со звездой значится: «Герой Советского Союза полковник Л. Е. Маневич».

Надежда Дмитриевна с 1925 года служила в Красной Армии по вольному найму, а с 1931 года состояла в кадрах армии. Служила помощником начальника сектора IV Управления Штаба РККА. Владела немецким языком. В 1934 году она поступила на военный факультет Военной академии связи, но на втором курсе снята с учебы и зачислена в распоряжение Разведупра. Была радиотехником в НИИ по технике связи при том же управлении, вновь училась, теперь уже на военном факультете Московского института инженеров связи. Однако ей опять не удалось окончить обучение – её перевели в распоряжение Разведупра и назначили техническим редактором в информационный отдел. В период Великой Отечественной войны Надежда Дмитриевна служила в Разведупре Генштаба Красной Армии. В мирное время работала в редакции военно-теоретического журнала «Военная мысль». Имела звание подполковника и правительственные награды. Умерла в 1986 году.

Татьяна Львовна окончила 3 курса немецкого отде ления военного факультета при 2-м Московском педагогическом институте иностранных языков, служила до конца Великой Отечественной войны военным переводчиком в Управлении войсковой разведки ГРУ, которое затем было преобразовано в Разведупр Генштаба Красной Армии. После войны в 1945–1946 годах работала переводчиком оперативных отделов лагерей военнопленных под Ригой и Калининградом. Окончив факультет английского языка 1-го Московского института иностранных языков им. М. Тореза, преподавала этот язык в Военной академии Генерального штаба и Высшей школе КГБ им. Ф. Дзержинского. В отставку Татьяна Львовна вышла в звании подполковника. Награждена орденом Знак Почета.

Вручение грамоты Героя Советского Союза супруге Л.Е. Маневича – Надежде Дмитриевне. За ней стоит дочь – Татьяна Львовна. Рядом с супругой Л.К. Бекренёв, за ним – Х.У.-Д. Мамсуров. 1965 г.

Примечания

[1] Некоторые «документальные» произведения того времени сопровождались предисловием, в котором говорилось, что автор изменил время и место действия, обстоятельства дела, имена действующих лиц.

[2] Чекисты: Сборник. М., 1970. С. 187–188.

[3] РГАСПИ. Ф.17. Оп.109. Д.64. Л.19.

[4] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.391. Л.4.

[5] РГВА. Ф.4. Оп.3. Д.1638. Л.4.

[6] РГАСПИ. Ф.502. Оп.1. Л.5.

7 РГАСПИ. Ф.502. Оп.1. Д.7. Л.48об.

[8] Там же. Л.7–8; Ф.124. Оп.1. Д.1610. Л.4.

[9] РГАСПИ. Ф.17. Оп.98. Д.12991. Л.1.

[10] Дубровина О.В. Деятельность советского Полпредства по созданию положительного образа СССР в фашистской Италии в 20-е гг. XX века // Исторические исследования. М., 2017. № 6. С.126.

[11] РГАСПИ. Ф.17. Оп.98. Д.12991. Л.7об.

[12] РГАСПИ. Ф.17. Оп.98. Д.4674. Л.1.

[13] Россия – Италия. М., 1968. С.370.

[14] РГАСПИ. Ф.124. Оп.1. Д.1610. Л.7.

[15] РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.655. Л.6.

[16] Storia dello spionaggio. Sandigliano, 2006. P.87.

[17] РГАСПИ. Ф.495. Оп.221. Д.433.

[18] РГВА. Ф.31863. Оп.2. Д.344. Л.174.

[19] РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.328. Л.1-12.

[20] Волжская заря. Куйбышев, 1978. 14 января.

[21] Неман. Минск, 1984. № 5. С.146.

[22] София, 1982. № 43. С.9.

Наш резидент… в Москве

Это не опечатка: действительно, Разведуправление занималось созданием резидентур в советской столице. Было это осенью 1941 года. А руководителем одной из них – Центральной – должна была стать молодая, но уже достаточно опытная разведчица Мария Полякова.

Мария (Мира) Иосифовна (Осиповна) Полякова родилась 27 марта 1908 года в Санкт-Петербурге, в семье рабочего-революционера. В детстве, с 1921 по 1925 год, с родителями, работниками НКИД, долго жила в Лондоне и Берлине, там же училась в школе и потому свободно владела немецким и английским. В 1925 году возвратилась в Россию, вступила в комсомол, работала референтом информотдела в Исполкоме КИМа. Стала членом ВКП(б) в 1927 году. Вскоре вышла замуж за Иосифа Дицку, родила дочь Златану. Мария мечтала стать детским врачом, однако судьба сложилась иначе…

Летом 1932 года, когда, пять лет проработав в Коминтерне, она получила, наконец, разрешение пойти учиться, ее вызвали в ЦК комсомола. Один из секретарей ЦК попросил ее рассказать биографию и, внимательно выслушав, предложил ей пойти работать в военную разведку, сказав при этом, что ее рекомендовал секретарь ЦК А. В. Косарев. «Человек вы еще молодой, учиться успеете, сейчас вы нужнее в разведке и, как комсомолка, должны думать прежде всего о долге. Однако я еще раз повторяю, дело это добровольное…»[1].

Мария думала два дня, отпущенных ей на размышление и, в конце концов, согласилась. Тогда ее направили к Берзину. Начальник Разведупра старался лично знакомиться с людьми, отправляемыми за рубеж. Он сказал Марии, что ее выбрали для нелегальной работы в Германии. Она изучила шифровальное дело, фотографирование, научилась правилам конспирации.

В Берлин она отправлялась под видом датской студентки. Муж довез ее на такси до вокзала. Дальше ей предстояло рассчитывать только на себя: несмотря на то, что она успела пожить за границей, знала быт и обычаи, ко многому пришлось привыкать заново. Носить кольца, дамскую сумочку, не есть много хлеба. А она еще к тому же очень любила селедку…, но тут уж приходилось давать себе волю только на конспиративных квартирах.

«Германию я совсем не узнала, – вспоминает разведчица. – В пансионе, где я поселилась, только и было разговоров о приказе Гитлера есть раз в неделю одно блюдо. Или первое, или второе. Не помню, была это среда или четверг, но день этот так и назывался – айнтопфтаг – день одного блюда. Кто не будет соблюдать, того будут наказывать… Ну, и, конечно, на улицах появилось много коричневых. Вели они себя очень нагло. Мое такси как-то раз на Лейпциг-штрассе остановили двое фашистиков. „Платите за машину, – говорят мне, – она нам нужна“. Подождали, пока я расплачусь по счетчику, затем сели и уехали. Прежде такое в Берлине было невозможно…».

В то время берлинская резидентура занималась, в основном, технической разведкой. Кроме того, до прихода к власти Гитлера Берлин был зарубежным центром советской разведсети, и теперь многие связи приходилось переносить в другие страны. Этим тоже занималась Мария, выполнявшая функции помощника резидента по связи. Все вроде бы шло хорошо, однако вскоре положение осложнилось. Дело в том, что на молодую незамужнюю датчанку обратило внимание датское посольство. Сначала ее пригласили на воскресное богослужение, потом на встречу в посольство. «Соотечественники», естественно, могли сразу же расшифровать её. Пришлось срочно сменить прикрытие – теперь она стала австрийкой и поселилась в другом районе города.

Летом 1933 года командование Разведупра отозвало ее в Москву. Мария искренне считала, что теперь, когда она выполнила свои обязательства перед военным ведомством, ее,

наконец-то, отпустят учиться. Но вышло не так. Слишком уж хорошо она зарекомендовала себя в своей первой командировке. Когда она все же попросила отпустить ее, выражение глаз Берзина сразу стало жестким. «– Вы ведь сами обещали, когда я уезжала… – Да, это точно, я обещал, – ответил Павел Иванович, – но разве ты сама не понимаешь после того, что ты видела, пережила и узнала. Обстановка резко ухудшилась, войны не избежать. А учиться можешь пойти по нашей линии, у нас новая хорошая школа. А через год поедешь опять. Мы не можем отказаться от полученного тобой опыта работы в сложных условиях. Короче, я не вижу возможности выполнить свое обещание».

Через год, окончив в 1935 году Школу Разведупра РККА и пройдя подготовку в Управлении, она поехала в следующую командировку – в Швейцарию, уже в качестве резидента. На этот раз она была путешествующей вдовой бизнесмена. Там была маленькая законсервированная группа, работу которой ей предстояло возобновить. Занималась Мария, в основном, тем же, чем и в Германии – технической разведкой. Она передала в Москву чертежи пушки для установки на самолете, авиационного прицела Цейсса, различных взрывателей, пулемета системы «штанге», нового противотанкового ружья. Немцы купили у швейцарцев автоматическую зенитную пушку фирмы «Эрликон», предполагая отправить ее франкистам в Испанию. Мария без особого труда тут же достала два чемодана технической документации. Многое в то время было замешано на политике. Одни симпатизировали нацистам, другие – наоборот, с помощью последних удавалось получить информацию, которую и за деньги не купишь. Часто добыть было легче, чем передать. Ведь советского посольства в Швейцарии не было. Информацию передавали через Францию. Мария жила недалеко от Женевы в пансионе. У хозяев был десятилетний мальчик, который обожал лыжи, и Мария нередко брала его с собой во Францию на лыжный курорт. Оставляла мальчика на детской площадке, а сама уезжала на встречу. К женщине с ребенком таможенники присматривались далеко не так внимательно. Она переправляла через границу не только чертежи, но даже образцы снарядов – просто в дамской сумочке, положив сверху всякие мелочи: пудру, помаду, носовой платок и т. д. Конечно, дамские сумочки тоже проверяли на границе. Но тут был простой психологический расчет: мужчина-таможенник едва ли станет копаться в женской сумке без особых на то причин. Расчет сработал. Снаряды были отправлены в СССР. «За выполнение специального задания правительства» 17 июля 1937 года её наградили орденом Красной Звезды.

Из Швейцарии Полякову отозвали в конце 1937 года. Берзина в управлении он уже не застала, не было на месте и многих других людей. После приезда Марии пришлось… учить своих новых начальников премудростям разведки, читать лекции в разведшколе, даже руководить работой групп военной разведки в Европе. В 1937 года возвратился из Испании ее муж Иосиф Дицка. Теперь вся семья была в сборе.

Мария Иосифовна обучала разведывательному делу и молодое пополнение, которое направляли учиться в Центральную школу подготовки командиров штаба, так именовалась к тому времени бывшая Школа Разведупра. Выпускник Военно-химической академии Виталий Никольский, прибывший в ЦШПКШ в мае 1938 года, вспоминал: «В шпионских романах подробно описано, каким экстравагантным способам обучают „рыцарей плаща и кинжала“ для вербовки агентов, проникновения на тщательно охраняемые объекты, вскрытия сейфов, ликвидации своих противников… и так далее. Все это чепуха. Нам пришлось изучать далеко не „романтические“ дисциплины. Это в первую очередь спецпоготовка, которую вела выдающаяся советская разведчица М. И. Полякова, имевшая колоссальный опыт работы за рубежом…»[2].

Однако вскоре над ее головой стали сгущаться тучи. Сначала был арестован ее отец, работавший на строительстве автозавода в Горьком. Потом – старший брат, учившийся в Военной академии. А в конце 1938 года ее вызвал к себе начальник полтотдела управления

бригадный комиссар И. И. Ильичев, после жесткой беседы он сообщил, что ее ждет увольнение из армии. После долгих раздумий Полякова написала письмо наркому обороны К. Е. Ворошилову. Через несколько дней помощник Ворошилова по телефону сообщил ей, что она может продолжать работать. Ее оставили в разведке, а в июле 1939 года назначили на должность старшего помощника начальника 1-го отделения 3-го (военно-технического) отдела. Спустя неделю её непосредственным начальником стал майор И. А. Большаков.

Вместе с начальником Управления И. И. Проскуровым она разработала и успешно провела операцию по переброске «ценного агента» адвоката Бедржиха Биехала из оккупированной немцами Праги в Лондон в аппарат военного атташе, представлявшего разведку правительства Чехословакии в эмиграции, которое находилось там же в Великобритании. Агент и его жена, которая была связисткой, передавали очень важную информацию до самой Победы. Впоследствии (в 1966 г.) Биехала наградили советским орденом Отечественной войны I ст. Кстати, с Разведупром, затем ГРУ с 1941 года сотрудничал и начальник чехословацкой военной разведки Франтишек Моравец.

Великая Отечественная война застала Полякову на должности старшего помощника начальника 3-го отделения 2-го отдела Разведупра. Через несколько месяцев, в октябре 1941-го, её, согласно плана «Z», опять отправили на нелегальную работу. На этот раз… в Москву.

Когда подходившие к Москве немецкие войска были уже у Волоколамска, командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков вызвал к себе начальника ГРУ и приказал срочно создать в Москве агентурную сеть с радиосвязью и конспиративными квартирами. При этом он сказал: «Москву мы не отдадим, но готовиться надо ко всему. Береженого Бог бережет». Капитан Полякова предложила свою кандидатуру в качестве руководителя резидентуры. Сначала начальник ГРУ отказал, не по каким-то объективным причинам, а просто потому, что она – женщина. Но потом переменил решение – учел что Полякова несколько лет работала в качестве нелегала, отлично знала немецкий язык и обстановку. И в октябре она ушла в подполье, откуда должна была руководить резидентурой «Центр». Ей выдали паспорт на другую фамилию, ночной пропуск и справку о том, что ее дом разрушен, после чего поселили в брошенную жильцами при эвакуации квартиру, которая должна была использоваться в качестве конспиративной. 7 ноября она переехала в эту квартиру, сменив форму капитана Красной Армии на старую шубейку, валенки и шерстяной платок. Вечером она уходила якобы «на работу» в ночную смену, а на самом деле сидела в бомбоубежище ГРУ с шифровками от агентов. Днем, после нескольких часов сна, занималась подготовкой конспиративных квартир, почтовых ящиков, явок и тайников. Другие офицеры готовили источников и агентов – пожилых людей, освобожденных от военной службы и, естественно, беспартийных. Сеть была успешно создана. К счастью, использовать ее так и не пришлось. В дальнейшем, до Победы, она работала в ГРУ, вела переписку с швейцарской, немецкой и французской резидентурами.

Война тяжело отозвалась на судьбе Марии Поляковой. Ее брат погиб в боях под Ельней, а муж – во время выброски нашей разведгруппы в немецкий тыл в Чехословакии. Никогда не прыгавший с парашютом, Иосиф Дицка сломал ноги при приземлении и, чтобы не попасть в руки немцев, покончил с собой. Мария узнала об этом лишь после войны. Саму ее в 1946 году уволили в запас. Последующие десять лет она преподавала в специальном учебном заведении, где готовили разведчиков[3].

Умерла Мария Полякова 7 мая 1995 года, за два дня до 50-летия Победы, которую она «приближала, как могла».

Примечания

[1] Полякова М. И. По заданию Я. К. Берзина // Военно-исторический журнал. М., 1990.

№ 3. С.58.

[2] Никольский В. А. Аквариум – 2. М., 1997. С.32.

[3] Лота В.И. План «Z» отменяется навсегда // Красная звезда. М., 2001. 3 ноября; Лота В.И. Резидент Мария // Совершенно секретно. М., 1999. № 11.

Годы и тюрьмы Семена Побережника

Похожим на судьбу Скарбека был нелёгкий жизненный путь и Семёна Яковлевича Побережника, которому тоже посчастливилось работать на советскую военную разведку. «Пансионат» с решётками на окнах ждал его сначала по ту сторону границы, а затем – по нашу.

Семён Яковлевич Побережник родился 2 февраля 1906 года в бессарабском селе Клишковицы, что близ города Черновцы, относящегося к поясу еврейской оседлости. После заключения Брестского мира Бессарабия отошла к Румынии. В 1927 году пришла пора Семену идти в румынскую армию. Но служить очень не хотелось, и Побережник эмигрировал. За границей участвовал в рабочем и коммунистическом движении. Сначала батрачил в Канаде (1927–1929 гг.), затем его приютил дальний родственник в Детройте (1929–1930 гг.). Побережник устроился на автопредприятие Форда чернорабочим в литейном цеху. Через несколько месяцев профсоюзные деятели поручили ему расклеивать листовки. Ничего особо крамольного в них вроде бы не было: обычные для той поры требования ввести восьмичасовой рабочий день, не снижать расценки, не увольнять рабочих и т. д. Но на первом же задании, когда Семен доклеивал прокламацию в уборной, его застукали охранники завода и отвели в контору. Оттуда молодого эмигранта отправили в тюрьму, а через неделю суд вынес приговор: девять месяцев заключения. Деньги работодателей в Штатах берегли не меньше, чем государственный строй. По окончании срока Побережник дал подписку, что уведомлен о запрещении впредь жить и появляться на территории САСШ. Он был доставлен в Балтимор и посажен на бельгийский сухогруз «Ван», шедший в Чили за селитрой – нежелательного иностранца банально выдворили из страны.

На судне депортированный влился в пёстрый коллектив. Команду составляли греки, скандинавы, немцы, чехи, итальянцы. Был там и русский – Фёдор Галаган, служивший в свое время на «Потёмкине», а также венгерский коммунист Ян Элен. Последний, по возвращении «Вана» в порт приписки Антверпен, познакомил Семена с товарищами-коммунистами. Побережник прошёл на судне настоящий марксистский ликбез и был готов к партийной работе. В 1932 году он вступил в Компартию, взяв себе псевдоним Чебан, в память об односельчанине-революционере, которого расстреляли румынские каратели. К тому времени на своем судне Семен дослужился до боцмана, что позволяло ему переправлять беглых коммунистов в Англию, Бельгию, Голландию и доставлять нелегальную литературу в Италию.

Через некоторое время Побережник осел на берегу, в Бельгии, где продолжал агитацию среди моряков с заходивших в Антверпен судов. Через два года его арестовали, полгода продержали в тюрьме и… все повторилось, как в Штатах – его снова выслали из страны. Тогда Побережник уехал в столицу эмиграции – Париж (1934–1936 гг.). Перед отъездом коммунисты снабдили его несколькими адресами, в том числе адресом «Союза за возвращение на родину». Побережник навестил помещение на улице Дебюсси, 12, где, кроме «Союза», находилась и партийная организация. Товарища со стажем пропагандистской работы с радостью приняли во Французскую компартию, обменяли билет и предоставили жильё.

Вскоре началась гражданская война в Испании и Побережник уехал в эту страну. В Альбасете, где формировалась Двенадцатая интербригада, волонтёра Семёна Чебана зачислили в автороту водителем санитарной машины, а несколько месяцев спустя командир автороты направил его в распоряжение военного советника Пабло Фрица. Невысокий, худощавый «Пабло» носил форму без знаков различия и хорошо говорил по-русски. О том,

что это был военный советник Павел Иванович Батов, Побережник узнал много лет спустя, а пока что он, не интересуясь подлинным именем нового начальства, был при нем человеком «за все»: шофером, адъютантом, переводчиком. Языки давались Семену на удивление легко: за время скитаний по заграницам он выучил их одиннадцать! «Пабло Фрица» довелось возить более полугода. 11 июня 1937 года советник получил тяжёлое ранение в грудь и ноги, Побережник спас его – вывез из зоны боевых действий и довез до госпиталя, откуда его эвакуировали в Москву. А волонтёра Чебана откомандировали в резерв штаба в Валенсию, где на улице Альбукерке, размещалась маленькая советская колония.

Отдых был коротким. На Побережника уже положил глаз Разведупр. В июне 1937 года Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров предложил Семену стать разведчиком-нелегалом. Такие люди были нужны Разведупру: коммунист, агитатор, знает русский, английский, французский, испанский, немецкий… Имеет опыт подпольной работы в нескольких зарубежных странах. И, наконец, просто хороший человек, хотя это и не профессия, но качество весьма важное, наряду с другими, конечно.

Семён без лишних колебаний согласился, и Мамсуров направил его в Советский Союз, где в течение полугода Побережника обучали правилам конспирации, радиоделу, шифрам, методам визуального наблюдения. Бывшего моряка готовили целенаправленно. Он зубрил классы итальянских и германских кораблей, запоминал их силуэты. В 1938 году его отправили на стажировку в Италию, в портовый город Таранто.

… Альфред Джозеф Муней, английский инженер-электрик, человек со средствами, приехал в Таранто, на юг Италии, чтобы вложить свои деньги в какое-нибудь хорошее предприятие. Впрочем, с инвестициями англичанин не спешил. Посещал офисы фирм, знакомился с людьми. Любил посидеть за рюмочкой хорошего вина в кафе, откуда открывался великолепный вид на залив и корабли на его глади – Таранто был одной из двух основных баз итальянского флота. Иной раз давал консультации по специальности, за которые ему платили «валютой» двух видов: явно – лирами и неявно – информацией. Кто бы мог подумать, что фабрикант оливкового масла, обратившийся к Мунею с просьбой рассчитать предельную нагрузку для своих электромоторов и присматривать за ними во время авралов, сам того не зная, снабжал советского разведчика расписанием выхода эскадры в море. А ремонтируя обордование на других заводах и встречаясь за чащечкой кофе с их хозяевами, получал информацию о военных заказах.

Из донесения Побережника: «В Таранто базируется 2-я эскадра из двух дивизионов в составе 63 единиц. Из них – 9 бинкоров, 17 крейсеров, 34 миноносца. Здесь же дислоцируется 3-я флотилия подводных лодок, доведенная до 25 единиц». В те времена, когда не существовало еще спутников-шпионов, победа в войне складывалась, в числе прочего, и из таких вот сообщений.

Донесения он передавал через связника. Во время одной из таких встреч и произошла история, которая дает хорошее представление о характере этого человека. Это случилось в Неаполе. Семен должен был встретиться со связником в небольшой траттории. Встреча прошла без осложнений. Передав донесение, он вышел из кабачка и сел в свой «фиат». Но мотор почему-то не заводился: обычная ситуация для автомобилиста – кто из них не мучился с мотором! Размышляя, что делать, он сидел в машине, и тут вдруг увидел, как из кабачка вышел связник, а следом за ним – «хвост». Причем прятался наблюдатель как раз за его машиной. Семен со злости так надавил на стартер, что мотор вдруг завелся. По правилам конспирации, ему надо было срочно отправляться восвояси. Но жаль было связника, жаль и донесения. И Семен решил рискнуть: догнал его, приоткрыл дверь и тихонько крикнул по-итальянски: «Садитесь! „Тот мгновенно срегаировал: вскочил в машину и спрятался рядом с сиденьем, что-бы не видно было, что в машине есть кто-либо, кроме шофера. Все произошло настолько быстро, что «наружка“ не успела ничего заметить. Поколесив по городу,

Побережник отвез связника на вокзал и отправился обратно в Таранто.

Стажировку Семёна Яковлевича в Италии руководство оценило высоко. Ему вынесли благодарность и вручили путевку в Крым. А потом поступил приказ: выехать в Болгарию, легализоваться и приступить к ра-боте. «Альфред Муней» прибыл в Софию осенью 1939 года по туристской визе, поскольку коммерческое прикрытие для этой страны не годилось. Ну не было у бывшего матроса ни способностей, ни склонности к коммерции! Одно дело – собираться заняться бизнесом, и совсем другое – реально заниматься им. Однако задание есть задание, и за несколько месяцев срока действия визы ему предстояло найти способ остаться в этой стране на неопределенный срок.

Уже в поезде он познакомился с Марином Желю Мариновым, болгарским представителем немецкой фирмы по продаже и ремонту пишущих машинок «Адлер». Они быстро познакомились, стали приятелями, и вот уже Муней обучает сына Маринова Стояна немецкому языку, а молодой человек знакомит его с достопримечательностями болгарской столицы и попутно учит языку. Правда, болгарский Семен в своих скитаниях уже выучил, но обнаруживать знания языка ему было нельзя, и теперь предстояло «выучить» его снова.

Первые знакомства, первые связи, за которыми последовали новые и новые контакты с людьми. Однако проблема легализации оставалась бы нерешенной, если бы не госпожа Маринова, жена его нового приятеля, которая вскоре познакомила молодого холостого англичанина со Славкой, кузиной одного из друзей ее сына. Вскоре молодые люди поженились. Семён получил болгарское гражданство и весьма влиятельного родственника – дед Славки был председатель церковного суда софийской митрополии, известный в Болгарии священник Тодор Панджаров. Главная проблема была решена, и разведчик-одиночка Семен Побережник начал работу.

Вскоре после приезда в Болгарию Муней, которому смертельно надоели отели, снял комнату. Свой переезд он отметил роскошной покупкой – купил хороший приемник «Браун» с диапазоном от 12 до 100 метров. Знания, полученные в разведшколе, позволяли Семену без особого труда превратить его в передатчик – для этого надо было лишь собрать специальную приставку. Он ходил по магазинам, барахолкам, осторожно закупая радиодетали, а пока использовал приемник для односторонней связи – приема указаний Центра. В декабре 1939 года Семен, собрав, наконец, передающую приставку, вышел на связь с Центром и передал первую радиограмму о строительстве в Русе нефтехранилищ при участии немецких специалистов из организации Тодта. Он имел позывной «Волга» и исправно снабжал «Каму» (станция Разведупра) информацией. Передачи велись из дома № 35 по улице Кавала, где поселился «Альфред Муней» с супругой. Для шифрования англичанин пользовался книгой Редьярда Киплинга «Свет погас».

Энергичная, склонная к авантюрам натура Побережника как нельзя лучше подходила для «свободного плавания», в которое выпустила его советская разведка. «Муней» по-прежнему оставался агентом-одиночкой, действуя по собственному усмотрению. Он с энтузиазмом добывал сведения, и сделано им было немало. Источники информации Побережник находил сам. Мотался по стране, обзаводясь новыми знакомствами. Всё это давало широкую панораму того, о чём запрашивала «Кама»: экономического, военного и политического проникновения в Болгарию фашистской Германии. В Варне углубляли канал, соединяющий порт с судоремонтным заводом. Немецкая фирма вела в варненском порту монтаж портальных кранов. Ясно было, что планируется резкое увеличение нагрузки на порт, и «виновной» в ней может быть только Германия. Все шло к тому, что в будущей войне Болгария будет служить для Рейха стратегичеким плацдармом на Черном море и тыловой базой внабжения вермахта. Предупредил он заранее и о присоединении страны к Трехстороннему соглашению, в результате которого она официально стала союзницей Германии.

Не прошла незамеченной для Побережника и подготовка войны против Советского Союза. Весной 1941 года он передал: «К румынской границе по железной дороге непрерывно перевозятся немецкие войска и снаряжение. По всем шоссейным дорогам прошли моторизированные части. Кроме того, на юг всё время движутся грузовики, легковые машины, танки, артиллерия, перевозятся катера и мостовые фермы. А 12 июня он сообщил: «Во вторник, 24 июня, Германия нападёт на СССР“. Слухи, которыми абвер дезинформировал разведку противника, были у всех на устах. К тому же Гитлер действительно несколько раз откладывал нападение, как это было и с другими странами. И потому поток данных с самыми разными датами лился в Кремль со всех концов света.

После нападения Германии на СССР «Альфред Муней» остался на боевом посту и продолжал радировать в Центр. Одним из самых первых и главных вопросов, которые он должен был выяснить – это пошлет ли Болгария войска на Восточный фронт. В результате множества встреч и разговоров, «Кама» пополнилась еще одним ручейком: «Болгарское командование не имеет намерения посылать свои войска на Восточный фронт, так как опасается народного восстания. В стране рзвернулось такое мощное движение против участия в войне, что правительство решило аннулировать прежние обещания немцам. Царь Борис срочновызван к фюреру для объяснений«, – радировал Побережник.

Два военных года Побережник передавал в Центр информацию. Что можно было узнать в Болгарии, так и не отправившей ни одной части на Восточный фронт? Например, новую тактику действий немецких подводных лодок: оказалось, что они пристраиваются в кильватер советским эсминцам и сторожевым кораблям, пробираясь «на хвосте» через минные заграждения. Это донесение спасло немало жизней советских моряков. Были и другие:

«Германская авиация разместила свои подразделения на всех 16 военных аэродромах Болгарии. На них удлиняются взлётно-посадочные полосы. В офицерском клубе болгарские лётчики высказывают предположение, что вскоре прибудут „мессершмитты“ – для „юнкерсов“ и „дорнье“ достаточно старых полос».

«Для карательных акций против партизан в помощь полиции и армейским подразделениям мобилизуются члены фашистских организаций „Ратник“, „Национальный легион“, „Бранник“, „Отец Паисий“ и ряда других».

Поражение немецких войск под Сталинградом вызвало ликование в охваченной смутой Болгарии, и разведчик передаёт: «В стране растёт саботаж. Новобранцы скрываются от призыва». «Значительно увеличилось число эшелонов с раненными, прибывающими в Софию». От «Волги» для «Камы» шли сведения о дислокации, перемещении, количестве и вооружении войск, строительстве разнообразных военных объектов в Болгарии, положении дел в портах и действиях немцев на Чёрном море, о политической и экономической ситуации в стране и многом другом.

С началом войны резко активизировали работу болгарские спецслужбы: политическая полиция, военная контрразведка РО-2 и другие. Присланный из Берлина им в помощь доктор Делиус (на самом деле – полковник абвера Отто Вагнер), наряду с представителями других немецких спецслужб, стремился создать в стране тотальную разведывательную и контрразведывательную сеть. Шли облавы и обыски, проверялся каждый дом. Число агентов в Софии росло. Из Берлина прислали пеленгаторные установки, благодаря которой были раскрыты несколько советских разведгрупп. Но никакие ухищрения немцев не помогли им обнаружить местоположение «Волги». Ровно полночь он начинал передачу из своей квартиры (к счастью Семена, Славка относилась к «жаворонкам» и в десять-одиннадцать часов засыпала, а муж делал вид, что страдает бессонницей). Передача длилась одну – полторы минуты, так как Побережник работал ключом с феноменальной скоростью, каждый раз на другой волне, да еще во время передачи волна дважды менялась. За всё время немецкие

пеленгаторщики, засекавшие неизвестный передатчик, не сумели хотя бы приблизительно определить его координаты. Это была хорошая работа, за которую ему несколько раз присылали благодарности, а один раз даже сообщили о том, что он представлен к правительственной награде. Да, это была хорошая работа, и закончилась она не по вине Побережника.

Осенью 1943 года по заданию Разведупра «Альфред Муней» должен был выйти на связь с болгарином Димитром Минковым. Побережник выполнил приказ, но Минков оказался полицейским агентом! Вскоре Семёна арестовали. Правда, сначала улик против него не было, и разведчик все отрицал. Но вскоре, при тщательном обыске в его квартире, контрразведчиам удалось найти приставку к радиоприемнику. Теперь отпираться было бесполезно. Незадолго до того Москва, узнав, что Семен находится на грани провала, передала ему инструкцию: в случае осложнений действовать по варианту «Игрек», в крайнем случае в силу вступает вариант «Но пасаран». Первое означало: все отрицать, ни в чем не признаваться. Второе – согласиться на «перевербовку». Семен, несмотря на пытки и избиения, держался стойко. Ему сломали ребра, выбили зубы. Но он выждал время и только когда ему пригрозили расстрелом, «сломался» и согласился на участие в радиоигре.

(Другой советский военный разведчик Евгений Березняк, оказавшийся в подобной ситуации, вспоминал народную мудрость: «Признание должны вымучить – тогда в него поверят»).

Вскоре «Волга» снова вышла на связь и стала гнать дезу. Впрочем, Побережник сумел передать условный сигнал о работе под контролем. Да и сообщение, составленное болгарской военной контрразведкой РО-2, было настолько примитивным, словно его кураторы специально задались целью сделать все возможное, чтобы в Москве им не поверили. (Неудивительно, ведь начальником РО-2 в мае 1943 – июне 1944 г. был Стефан Недев, связанный с советской внешней разведкой еще с 1939 г.). «Муней» извещал Центр, что лежал в больнице с воспалением лёгких (не такая внезапная болезнь, чтобы разведчик не успел предупредить о перерыве в связи), а в среду на следующей неделе передаст важную информацию. Последнее вообще не укладывалось ни в какие правила. В Разведупре правильно всё поняли.

Контрразведчики перевели Побережника из тюрьмы на конспиративную квартиру – маленький домик. Обнесенный глухим забором, откуда разоблаченный агент около года радировал в Центр. Вечером приходил шифровальщик и внимательно наблюдал за его работой. Работа велась чрезвычайно интенсивно, но, чего не знали контрразведчики, абсолютно для них бесполезно, а Центр из дезы извлекал информацию. Война уже шла к концу, и в начале августа радист перестал приходить. «Волга» замолчала. Из разговоров охранников Семен узнавал новости, в том числе и о наступлении Красной Армии, которая все ближе подходила к границам Болгарии. В ночь на 9 сентября 1944 года, когда в Софии началось восстание, охранники сбежали, да так поспешно, что не только не взяли арестованного с собой, но даже не заперли входную дверь, и Семен Побережник естественным образом очутился на свободе. На всякий случай он на некоторое время перешел на нелегальное положение – вдруг контрразведка вспомнит о нем и решит ликвидировать!

А когда советские войска вошли в Болгарию, он, через командование воинской части, сообщил о себе «Каме». Ему ответили: «Ждите, за вами приедут». Вскоре его посадили на торпедный катер, присланный из Севастополя. Побережнику было известно, что вернувшимся с задания нелегалам предоставлялось санаторное лечение и отдых. Этого он и ждал и, вполне возможно, получил бы, если бы добрался до Москвы. Но в Севастополе он был арестован местным отделением СМЕРШ. Впоследствии выяснилось, что оно получило «информацию» о работе Побережника на немцев от сообщников Минкова. Теперь нужно было выбить у арестованного признание, и дело сделано. На допросах следователи приводили

«неотразимый» аргумент в пользу своей версии: «Почему тебя не расстреляли?» Другие доказательства тем смершевцам были не нужны, и, наверное, поэтому они наотрез отказались запрашивать Москву, несмотря на все просьбы Побережника.

Больше года просидел вернувшийся к своим разведчик в одиночной камере. Наконец, осенью 1945 года последовал приговор: 10 лет лагерей и 2 года спецпоселения. Срок он отсидел от звонка до звонка. Как раньше мотался по странам, теперь «путешествовал» по островам архипелага ГУЛАГ: строил дороги в районе Братска, прокладывал БАМ в Тайшете, возводил нефтеперегонный завод под Омском. 2 года ссылки проработал на шахте в Караганде. Но и тут выжил Семен Побережник, благодаря многолетней закалке. В ссылке он женился вторично, о болгарском браке предпочитая не вспоминать. После Тайшета и «комсомольских» строек воспоминания о загранице казались прекрасным, но полузабытым сном.

В 1957 году Побережнику разрешили вернуться на малую родину – в село Клишковицы. Он приехал – бывший зэк, с женой и грудным ребёнком. После тридцатилетней разлуки родной дом было не узнать. Мать и младший брат не пустили его на порог, пришлось снимать угол у чужих людей. С работой тоже не заладилось. Семён Яковлевич явился к председателю колхоза, сказал, что он – первоклассный шофёр (профессия в деревне дефицитная). Председатель глянул на изможднного мужика: на лице читался немалый лагерный срок. «Завод ещё ту машину не собрал, на которой ты будешь ездить», – ответил он и отправил Побережника в садоводческую бригаду подсобником. Нет, совсем не такие перспективы жизни на родине рисовал ему в солнечной Валенсии Хаджи-Умар Мамсуров.

Рабочих рук в колхозе не хватало, и Семен работал от зари до зари. Постепенно односельчане узнавали его, и отношение стало меняться. Но не таков был Побережник, чтобы не попытаться добиться правды. Приятель, которому он кое-что рассказал о себе, посоветовал ему попытаться найти того военного советника, «Пабло Фрица», которого Семен возил в Испании и которому спас жизнь. Он написал письмо в газету «Правда», и… получил ответ! «Правдисты» нашли «Пабло Фрица» – им оказался генерал армии Павел Иванович Батов, дважды Герой Советского Союза. Семену сообщили его домашний адрес в Риге. В тот же вечер Побережник написал ему письмо. Коротко напомнил о себе, в двух словах изложил свою историю после Испании (разведработа за границей, плен, возвращение в Союз, репрессии, жизнь после освобождения), попросил, если не затруднит, ответить. С арестантской аккуратностью заклеил конверт и утром опустил в почтовый ящик.

Но прошла неделя, другая – нет ответа. На всякий случай Семен решил написать еще раз – совсем короткое письмо. Написал. Отправил. И тут пришел ответ, вместе с почтовым переводом. Командующий Прибалтийским военным округом генерал армии Батов извинялся за задержку с ответом (выезжал в войска), приглашал в гости и выслал средства на дорогу. Вот что вспоминает о встрече в Риге Побережник: «Не успел я снять полушубок и вытереть с мокрых валенок грязь, как в дверях появился в полной генеральской форме военный. С трудом узнал в нём испанского Пабло. Прямо в передней мы бросились в объятия друг другу. Троекратно расцеловались. И тут к горлу у меня что-то подступило, сдавило как клещами, – ни откашляться, ни проглотить. По моему лицу потекли слёзы. «Ну что ты, Семён! Успокойся, друг, не нужно! – говорит Батов, а я никак не могу взять себя в руки. Внутри словно что-то порвалось».

В столице Латвии Семён Яковлевич гостил месяц. Узнав о его судьбе, Батов как депутат Верховного Совета СССР обещал помочь восстановить справедливость, и свое обещание выполнил. В 1959 году Побережнику вручили новый «чистый» паспорт и справку о том, что Военный трибунал МВО отменил постановление ОСО «за отсутствием состава преступления». Материальную компенсацию ему тоже выплатили – сто двадцать дореформенных рублей, вскоре превратившиеся в двенадцать. Зато наград дали много: медаль

«Участник национально-революционной войны в Испании 1936–1939 г.г.», польскую медаль «За нашу и вашу свободу», итальянскую медаль имени Джузеппе Гарибальди, орден Отечественной войны II ст. и несколько юбилейных. По выслуге лет, Семёну Яковлевичу установили персональную пенсию местного значения в размере шестидесяти рублей. Приняли его и в ряды КПСС.

Видя такой оборот дела, правление колхоза тоже пошло навстречу: Побережнику выделили участок для дома. Разрешили брать в карьере камень для постройки. Правда, транспорта не дали – с ним колхозе по-прежнему была напряженка. Помощь ему оказали военные – прислали несколько машин со стройматериалами и солдат-строителей. Однако вскоре Побережник переехал в город Черновцы, где получил скромную двухкомнатную квартирку, в которой и жил до самой смерти 22 апреля 1999 г.

Кстати, журналист Сергей Демкин, написавший повесть о разведчике. еще в конце пятидесятых годов, пытался опубликовать о нем очерк под названием «На семи холмах». Но, несмотря на то, что главный его герой к тому времени был полностью реабилитирован, «компетентные органы» десять лет не давали разрешения на его напечатание. Может быть, тот следователь из СМЕРШа, который упрятал в лагерь военного разведчика Побережника, дослужился до Москвы и теперь пытался скрыть то, что натворил в 1945 году?

Источники

[1] Побережник С. Я. Крутые перевалы. М., 1975.
[2] Демкин С. Альфред Муней – англичанин // Вокруг света. М., 1990. № 9 – 11.

Ян Черняк: 16 лет в «поле»

9 февраля 1995 года в палату одной из рядовых московских больниц вошли начальник Генерального штаба Вооруженных Сил России, генерал армии Михаил Колесников и начальник ГРУ генерал-полковник Фёдор Ладыгин. Они подошли к кровати, на которой лежал тяжело больной пожилой человек, зачитали ему Указ Президента России Б. Н. Ельцина. Яну Петровичу Черняку, так звали больного, было присвоено звания Героя России. Высокие гости вручили ему Золотую Звезду. И тут случилось удивительное: к моменту вручения награды больной, уже сутки не приходивший в себя, очнулся. Почувствовав в руке тяжесть награды, еле слышно ответил: «Служу Отечеству» (а может быть, произнес привычную формулу: «Служу Советскому Союзу»?). Когда посетители ушли, он сказал жене: «Хорошо, что не посмертно…». Через десять дней Ян Черняк скончался в возрасте 86 лет.

Позднее в разговоре с журналистами Колесников сказал, что «этот старик является настоящим «Штирлицем» и что с 1930 по 1945 год он «работал там же, где и Максим Исаев». Разведка – особая область. В науке, или на поизводстве, например, известными становятся те, кто хорошо спарвляется со своей работой. В разведке же все наоборот: чтобы стать известным, как правило, надо провалиться. Ян Черняк работал без провалов. Его досье в ГРУ находится на особом хранении, а это значит, что оно если и будет рассекречены, то очень не скоро. В ведомстве утверждают, что некоторые из сотрудничавших с ним людей живы до сих пор.

Ян Петрович Черняк родился 6 апреля 1909 года в австро-венгерской провинции Буковина (сейчас Черновицкая область Украины). Родители маленького Яна (отец – мелкий торговец, чешский еврей, мать – венгерка) пропали без вести в Первую мировую войну, и мальчик вырос в детском доме. Так что детство его было безрадостным, но небесполезным. Мальчику не пришлось с детства работать по найму, чтобы помочь прокормить семью, он сумел закончать среднюю школу. А вот дальше начались проблемы. Продолжить образование в Румынии ему по причине национальной принадлежности, не удалось, пришлось отправиться за границу. Поступив в 1927 году в Праге в Высшее технологическое училище, он вскоре стал там одним из лучших учеников. Окончив ВТУ, Черняк работал какое-то время на электротехническом заводе, но когда разразился мировой экономический кризис, был уволен. Раз представился такой случай, Ян решил продолжить образование. Он отправился в Германию и поступил в Берлинский политехнический колледж.

Еще с раннего детства ему, человеку «неосновной» национальности пришлось столкнуться с шовинизмом. И нет ничего удивительного в том, что несправедливость привела его в левую часть политического спектра. Еще в школьные годы он стал членом Социалистического Союза молодежи, затем, находясь в Берлине, принимал участие в работе прогрессивных молодежных организаций. Через некоторое время Черняк стал членом сначала Социалистической, а затем и Коммунистической партии Германии.

Весной 1930 года, после окончания учебы, перед тем, как вернуться в Бухарест, Черняк обратился к одному из представителей КПГ с просьбой связать его с румынскими коммунистами. Но немецкий товарищ вместо этого предложил Яну совсем другое: познакомить его с человеком из России. Они встретились в берлинском кафе и, после недолгой беседы, Ян согласился помогать советской разведке. Было это в июне 1930 года. С этого дня судьба Черняка оказалась надолго связана с Разведупром, а наша разведка получила одного из своих лучших резидентов.

Чтобы получить высшее образование в Румынии, Черняк не вышел профилем, но для службы в румынской армии он оказался достаточно хорош. Вскоре после возвращения его

призвали на службу. Если бы он был румыном, то с таким образованием попал бы на офицерские курсы. А так ему светила служба, пожалуй, лишь в пехоте. И тогда Ян дал первую в своей жизни (но не последнюю!) взятку. Коробка шоколадных конфет и 5 долларов обеспечили ему место в школе сержантов, после окончания которой он стал писарем в артиллерийском полку, получив непыльное место службы и… возможность передавать своему куратору из Разведупра секретные документы. Кстати, его карьера разведчика чуть было не окончилась, едва начавшись. Его связника арестовала служба безопасности, но она (это была девушка) не выдала Яна. Через год, срок его службы окончился, и Черняк снова отправился в Берлин и Румынию больше никогда не возвращался.

В Берлине Ян восстановил связь с советской разведкой и приступил к организации своей первой небольшой группы, которая добывала военную и военно-техническую информацию. Хорошее инженерное образование и высокая эрудиция, обаяние и коммуникабельность, дисциплинированность и осторожность делали его почти идеальным резидентом. Только в одном он отступал от правил конспирации: в то время нашим разведчикам предписывалось как можно меньше пользоваться помощью братских коммунистических партий. Черняк же, как и некоторые другие наши резиденты того времени, пользовался их помощью достаточно широко. Так, например, весной 1930 года, в Австрию главным резидентом был направлен Иван Винаров («Март»). В Москве Винарова инструктировал Берзин, который предостерег резидента от «всяческих контактов с членами коммунистических организаций и их руководством» и посоветовал опираться на «содействие честных, прогрессивно мыслящих людей». Но «Март», прибыв в Вену, так же как и Черняк, приступил к созданию своей сети именно с помощью местных коммунистов и политэмигрантов.

Начало 30-х годов было для нашей разведки временем тяжелых потерь, когда «сыпались» старые опытные резиденты, зачастую в результате предательства. Но молодой начинающий разведчик работал без провалов. Позднее, на вопрос, как ему удавалось избегать ловушек контрразведки, Черняк ответил: «Я не нарушал требований конспирации. Всегда помнил, чем может закончиться для меня встреча с контрразведкой. А поэтому никогда не посещал публичные дома, спортивные соревнования, где часто проводились облавы и проверки документов, не нарушал местных законов, чтобы не привлекать к себе никакого внимания… Этому учил и своих помощников».

Конспирация основа работы, но это ещё не всё. Как говорил профессионал военной разведки В. С. Евенко, «разведчику, кроме всего прочего, нужно ещё и обыкновенное везение». В начале 1935 года над Черняком, хотя и не по его вине, нависла опасность. Бельгийской контрразведкой был арестован человек, знавший Яна по партийной работе в начале 30-х годов. Черняк доложил об этом резиденту, с которым был связан. И получил приказ: немедленно выехать в Прагу. Но он давно мечтал пройти курс обучения в Международной Ленинской школе, и вместо Праги в тот же вечер отправился в Москву. Однако, в Ленинскую школу он так и не попал – его направили совсем в другое место: в Школу Разведупра. После ее окончания Черняка принял начальник военной разведки Ян Берзин и поставил перед ним задачу – организовать резидентуру для работы по Германии, действующую с территории другой страны.

После разговора с Берзиным Черняк выехал в Швейцарию – первый «пункт назначения» загранкомандировки, которая планировалась, как обычно в то время, на один-два года, а продлилась десять лет. Добирался к цели он долго, кружным путем, через несколько стран. Первый экзамен ему устроила Вена. В гостинице у него попросили паспорт. У Черняка было два паспорта, во всем одинаковых, кроме одного: в том, которым ему надлежало пользоваться, не было советской визы. Этот паспорт находился в тайнике, в чемодане. Что делать? Вскрывать тайник в холле отеля? Заполнив анкету, разведчик отдал ее портье и

соверешнно спокойно сказал, что паспорт у него в чемодане. Сейчас он поднимется в номер, распакует вещи и спустится с паспортом вниз. Вторая трудность возникла в консульстве: ему не хотели давать французскую визу, предложив отправиться за ней… в Берлин, место выдачи паспорта. Пришлось давать взятку, после которой денег осталось только на билет третьего класса. В то время Центр держал разведчиков, что называется, «в черном теле». Время, когда разведчики могли не экономить на мелочах, еще не пришло. Одна-единственная «незапланированная» взятка ставила под угрозу всю работу. А требование детального финансового отчета было порой просто опасно. Такую отчетность вел на бумаге один из лучших резидентов Второй мировой войны – Шандор Радо и эти его записки попали в руки контрразведки при обыске на конспиративной квартире. Но даже если вынести этот случай за скобки, то ясно, что разведчик должен, как минимум, иметь достаточно средств, чтобы жить в соответствующей его положению квартире, одеваться и не быть стесненным в мелочах. «Скупость в финансовых вопросах Центра, – напишет позднее в отчете Черняк, – создавал трудности для меня. Не многое помогло успешно развивать нашу работу так, как полное изменение отношения к финансовым вопросам».

В ходе своей десятилетней командировки он переезжал из страны в страну, и в каждой из них обязан был держаться так, чтобы не привлекать внимания. Кроме традиционных английского, французского и немецкого он в совершенстве знал румынский, венгерский и чешский языки, имел несколько паспортов – один из них был даже австралийским! Никогда в странах пребывания не занимал сколько-нибудь престижных постов – числился лектором, коммерческим агентом и т. п. Менял имена и легенды, имел их несколько, но не имел даже подобия дома, живя на квартирах надежных людей, которые, как правило, считали его коммунистом, находящимся на нелегальном положении. Один раз он в течение нескольких месяцев не мог легализоваться – одна случайная проверка, и все! Но он был умен, хитер и осторожен, и в его жизни не было места таким вот случайным проверкам. И такой вот жизнью Ян Черняк жил десять лет, шесть из которых пришлось на войну. Итак, освоившись на новом месте и получив необходимые средства, Черняк приступил к организации агентурной сети. Вскоре среди его источников были такие фигуры, как секретарь министра, глава исследовательского отдела авиационной фирмы, офицер разведки, высокопоставленный военный в штабе, крупный банкир и другие. Только лично Черняк завербовал двадцать агентов. Трое из них работали на нашу разведку по тридцать лет – в то время, как завербовавший их резидент давно уже находился в Союзе. Кроме того, он настолько успешно руководил этой сетью, что его агенты ни разу не только не были арестованы, но даже не попадали в поле зрения контрразведки.

Соответствующей была и информация, которую Черняк направлял в Центр. Так, от банкира он получил список закрытых счетов в европейских банках, которыми пользовались секретные сотрудники немецких спецслужб и нацистской партии. Что же касается научно-технической и военной информации, то в Москву направлялись материалы противовоздушной и противолодочной обороне Германии, новейших материалах и технологиях, применяемых в авиации, вооружении и оборудовании самолетов, по реактивным снарядам, бронетанковой технике, химическому и бактериологическому оружию, связи, радиолокации, состоянии оборонных отраслей промышленности европейских стран, запасах стратегического сырья и так далее… Обо всем и помногу.

О работе Черняка в это время можно судить по следующей записи в его характеристике: «Находясь в зарубежной командировке, Я. Черняк провёл исключительно ценную работу по созданию нелегальной резидентуры и лично завербовал 20 агентов». А вот как оценивали работу Черняка получатели его информации. В 1937 году старший инженер 5-го управления РККА Б. Г. Дозоров докладывал начальнику Разведупра: «Наиболее важными и исключительно ценными являются материалы 1-й группы, где дано подробное описание

производства иконоскопов. Они отвечают острейшей потребности наших институтов и помогают в разработке новых высокочувствительных телепередатчиков. Такая информация поможет нам сэкономить буквально миллион рублей в валюте».

В октябре 1938 года, после заключения печально известного Мюнхенского соглашения, Черняк переезжает в Париж – по-прежнему в качестве нелегала. Однако обстановка там была крайне напряженной, и поэтому перед оккупацией Франции гитлеровскими войсками летом 1940 года он возвращается в Цюрих, а затем перебирается в Англию.

С началом Второй мировой войны перед советским разведчиками в странах Европы встала одна проблема, к решению которой Разведупр оказался не совсем готов – связь. До тех пор связь с Центром осуществлялась реже по радио, чаще – через советские представительства, а также с помощью курьеров Центра. После 1 сентября 1939 года одни европейские страны были охвачены войной, немногие другие – такие, как нейтральная Швейцария – закрыли границы. Некоторые резидентуры полностью потеряли связь, иной раз на несколько лет, другие укрупнялись, группируясь вокруг имеющихся там радиопередатчиков. Но проблему Черняка радиопередатчики не могли решить полностью. Научно-техническую информацию не зашифруешь и не передашь ключом, как военную и политическую. Это десятки и сотни листов текста, чертежи, образцы. (Кстати, образцы перевозились через границу… в тортах. Расчет точный – без крайней необходимости ни один таможенник торт потрошить не станет). Только в одной области – радиолокации заместитель председателя Совета по радиолокации при ГКО инженер-вице-адмирал А. Берг писал в ГРУ следующие отзывы: «11 июня 1944 года. Полученные от вас материалы на 1.082 листах и 26 образцов следует считать крупной и ценной помощью делу». «30 декабря 1944 года. Получил от Вас 475 иностранных письменных материала и 102 образца аппаратуры. Подбор материалов сделан настолько умело, что не оставляет желать ничего лучшего». «26 декабря 1945 года. Получил от ГРУ 811 иностранных информационных материалов (в том числе 96 листов чертежей), описаний и инструкций новейших радиолокационных средств. Совет готов поддержать представление работников, участвовавших в этой работе, к правительственым наградам или премированиям».

С началом Отечественной войны резидентура Черняка осталась без связи. Но он не пал духом, продолжал работу, накапливая материалы. И связь была восстановлена. После нападения Германии на Советский Союз нелегальная резидентура Черняка поставляла важнейшие материалы по фашистской Германии. К середине войны она превратилась в мощную разведывательную организацию, включающую в себя около 35 источников ценной информации, в большинстве своем работавших бескорыстно. Если же говорить более конкретно, то в Москву уходили данные о немецких запасах никеля, вольфрама, олова, количестве новых самолетов и маршрутах их перегонки. Когда немцы приступили к созданию нового танка и отработали техническое описание и инструкцию по ведению боя, то в скором времени эта документация уже была в Москве. А перед Курской битвой Черняк направил в Центр материалы о присадках к стальным сплавам, из которых немцы изготовляли орудийные стволы. Благодаря этим сведениям живучесть стволов нашей артиллерии была повышена в несколько раз.

Кроме того, именно Черняк в начале 1942 года привлек к работе на советскую разведку английского физика Аллана Нанн Мэя, участвовавшего в программах создания ядерного оружия «Тьюб эллойз» («Трубные сплавы») в Великобритании и «Манхэттенский проект» в США. За полгода тесного сотрудничества Мэй передал Черняку документальную информацию об основных направлениях научно-исследовательских работ по урановой проблеме в Кембридже, описание получения плутония, чертежи «уранового котла» и описание принципов его работы.

Алан Нанн Мэй («Алек») родился 2 мая 1911 года в г. Бирмингеме, Великобритания в семье литейщика. Он окончил Школу Короля Эдварда в Бирмингеме и Тринити колледж в Кембридже, где изучал физику и 1939 году получил докторскую степень. В сентябре того же года в составе английской делегации Алан посетил СССР.

Мэй был членом редколлегии журнала «Научный работник», который издавала Национальная ассоциация научных работников, преподавал в Лондонском университете. Он придерживался левых взглядов и в 1936 году вступил в Компартию Великобритании. Работая научным сотрудником Кавендишской лаборатории в Кембридже, Мэй участвовал в секретной прокте по созданию радара, потом занимался элементарными частицами в Бристоле, стал сотрудником проекта «Тьюб эллойз», т. е. создания атомной бомбы.

В ноябре 1942 года его пригласили продолжить ядерные исследования в Монреале, Канада. Исследовательской работой он занимался в Монреальской лаборатории Национального научно-исследовательского совета Канады. Неоднократно ученый посещал своих канадских коллег на предприятии по производству тяжелой воды Чолк-Ривер и американских коллег в Аргоннской лаборатории в Чикаго, которые в числе многих других работали над созданием атомной бомбы («Манхетеннский проект»). Это Мэй передал сотрудникам советской военной разведки образцы урана (доставленные в Москву П. С. Мотиновым) и подробные материалы, касающиеся разработки ядерного оружия. Выдал его перебежчик – шифровальщик военного атташе СССР в Канаде И. С. Гузенко.

С сентября 1945 года Мэй жил и работал в Англии, преподавал в Королевском колледже Лондонского университета. Английские контрразведки установили за Мэем слежку и в феврале 1946 года его допросили ее сотрудники. Арестовали Алана Мэя 4 марта того же года и 1 мая приговорили к 10 годам лишения свободы. Освободили его за примерное поведение в декабре 1952 года.

Научную деятельность он продолжал сначала в Великобритании, а в 1962 году переехал в Гану, там он жил с семьей и преподавал физику в местном университете. В 1976 году вышел на пенсию, консультировал правительство Ганы по вопросам научного образования. На родину Алан Нанн Мэй вернулся в 1978 году и умер в Кембридже 12 января 2003 года.

В 1943 году Черняк перебирается из Англии в Канаду, где заново налаживает работу нелегальной резидентуры. Здесь добывание информации по атомной бомбе, создаваемой союзниками, стало уже основной его задачей. У него на связи находилось большое количество агентов, в том числе и ученый с мировым именем (ныне покойный, но не рассекреченный). Впрочем, агентурная сеть Черняка работала и по другим направлениям научно-технической разведки. (Кстати, те материалы, за которые Берг так благодарил ГРУ, были присланы именно в это время.) Всего же за 1944 год Центр получил от Черняка 12.500 листов технической документации, касающейся радиолокации, электропромышленности, корабельного вооружения, самолётостроения, металлургии и 60 образцов аппаратуры. Не уменьшился объем поступаемой от Черняка информации и на следующий год. Работа шла полным ходом, и шла бы, по всей вероятности, еще много лет, если бы не одно непредвиденное обстоятельство.

5 сентября 1945 года шифровальщик резидента легальной резидентуры ГРУ в Оттаве полковника Николая Заботина лейтенант И. С. Гузенко попросил в Канаде политического убежища. В обмен на это он передал канадской контрразведке большое количество документов о деятельности советской военной разведки в стране «Кленового листа». Эти обширные материалы давали возможность вычислить и не названных там сотрудников ГРУ. В результате была практически полностью парализована работа оттавской резидентуры, арестованы физики Аллан Мэй и Клаус Фукс, передававшие Советскому Союзу данные о создании атомной бомбы, а многие нелегалы были вынуждены срочно выехать в Москву.

Среди них был и Ян Черняк.

То, как его вывозили из страны, достойно детального описания. По предложенному плану, один из помощников Яна Петровича должен был на такси привезти вещи в условленное место около жилого дома, за углом которого будет ждать машина. Она доставит вещи на корабль. План был назван Черняком идиотским. И вот почему. В обязанность любого таксиста «там у них» входило поднести вещи к двери дома и позвонить. Но кому? Назнакомым жильцам? Отказаться же от услуг водителя и остаться с чемоданом на трутуаре значило бы вызвать подозрение. Это не было взято в расчет разработчиком плана, который, как видно, недостаточно знал страну.

Встреча же с самим Черняком была назначена в номере гостиницы, где жили некоторые члены команды судна. Войдя в назначенное время в фойе, Ян Петрович был удивлен, увидя, что «01» (человек, который должен был его выводить) стоит в дверях и разговаривает с какой-то женщиной. Его нахождение здесь, а не в номере можно было понять как сигнал тревоги и ретироваться. Но Черняк уже оценил «01» и понял, что от него всего можно ожидать. Минуя лифт, он медленно пошел по лестнице, давая возможность «01» обогнать его. Так и случилось. «01» подошел к двери номера и осмотрелся кругом, «как хороший шпион в кинокартине». Обменялись паролями. Теперь Черняку надлежало изменить внешность под радиста. Тот надел шляпу, пальто и очки разведчика и напрасно пытался натянуть перчатки на свои татуированные руки. Переодетым, этот импозантный человек выглядел как клоун.

Через 25 минут разведчик в матросской одежде и двое сопровождающих – тоже в униформе – вышли из гостиницы. Швейцара в это время в другом номере русские моряки настойчиво угощали виски и джином. По дороге в порт сопровождающие пели русские песни. Это были первые шаги разведчика в Россию. А в довершение всего, со всего экипажа судна взяли подписку о неразглашении и предупредили о судебной ответственности – как раз то, чего недоставало, что-бы образ загадочного пассажира врезался в память каждому из них на всю оставшуюся жизнь.

На причале севастопольского порта к капитану судна подошел человек и спросил: «Скажите, пожалуйста, могу ли я получить четыре посылки и одно место, прибывшее из Европы?» «Да, если вы на это уполномочены», – ответил капитан. И только после этого обмена паролями Черняк сошёл на берег. Через несколько суток он уже был в Москве, где для него началась новая жизнь.

В 1946 году Черняк получил советское гражданство и начал новую жинь на новой родине. Было ему тогда 39 лет. Он жил в Москве, ходил играть в шахматы в сад «Эрмитаж», завел там приятеля, который познакомил его с подругой своей сестры. Тамара была студенкой мединститута, во время войны служила на зенитной батарее ПВО. Вскоре они поженились.

Некоторое время он работал референтом в ГРУ. Работа его резидентуры получила признание высшего руководства страны: двое из его источников были удостоены ордена Ленина, четыре – ордена Трудового Красного Знамени, восемь – ордена Красной Звезды, ещё двое – ордена Знак Почета. Однако сам Черняк награжден не был. Почему? Версии на этот счет высказываются разные. По одной, Сталин после предательства Гузенко был сердит на военную разведку. И представление начальника ГРУ, генерал-полковника Ф. Ф. Кузнецова о награждении Черняка отклонил просто потому, что оно попало к нему в неподходящий момент. Ну, а настаивать никто не посмел.

Как бы то ни было, больше в спецкомандировки его не посылали. Вскоре он ушел из разведки и устроился переводчиком в ТАСС. За эту работу он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Время от времени выезжал за рубеж в командировки со спецзаданием. Была ли работа в ТАСС только «крышей»? Это мы узнаем не раньше, чем рассекретят его секретное досье.

Источники

[1] Лота В. Хорошо, что не посмертно // Совершенно секретно. М., 1999. № 6.
[2] Пороскоов Н. Ян Черняк – нелегал // Красная звезда. М., 1995. 15 апреля.

Артур Адамс: ему сопутствовала удача

Военным разведчиком, добывавшим научно-техническую информацию, в том числе по «Манхеттенскому проекту» (разработка атомной бомбы в США), был и Артур Адамс («Ахилл»). Имея инженерное образование, он внес немалый вклад в дело ликвидации американской ядерной монополии.

В 1948 году в СССР отдельным изданием и весьма ограниченным тиражем была напечатана статья из американского журнала «Лук». Её авторы искали «ответ на зловещий вопрос – когда Россия будет иметь атомную бомбу?», который, по их словам, «стал решающим для американских планов на будущее». Но, задав такой вопрос, американские эксперты успокоили читателя – это произойдет не ранее 1954 года, а «что касается шпионажа и информации, проникающей в прессу, Советы могут получить лишь отрывочные сведения – ничего похожего на полное описание». Теперь то мы знаем, как серьезно они ошибались. Но уже тогда в предисловии к этой брошюре неизвестный советский автор заметил: «Поживем – увидим!»[1].

Пожалуй, впервые фамилия Артура Адамса, как военного разведчика, упомянута у нас в 1968 году в юбилейном издании «50 лет Вооруженных сил СССР», в перечне «отважных руководителей разведывательных групп и рядовых разведчиков». Но подробности о его жизни и деятельности стали известны лишь в недавние годв.

Артур Александрович Адамс родился 25 октября 1885 года в городе Эскильстуна, одном из промышленных центров Швеции. Его отец был швед. Иногда пишут, что он был морским офицером, инженером-судостроителем. Но в собственноручно написанной автобиографии Адамс называет иную профессию отца – инженер-мукомол, работавший по найму[2]. Мать учительница, еврейка родом из Петербурга. Смерть мужа вынудила её вернулась на родину в 1891 году вместе с тремя сыновьями. Спустя четыре года умерла и мать. Старшие братья, Георгий и Барнард, уехали в Петербург, а 10-летний Артур воспитывался до 1898 года у родственников по материнской линии, живших в поселке Чудово. В следующем году он поступил в школу морских механиков при Минных классах Балтийского флота в Кронштадте, которую окончил в 1903 году. Тогда же началась его работа на поприще революционера. «Будучи в школе, я занимался в кружках, в которых впервые познакомился с революционно-социалистической литературой. Кружки были связаны с городской организацией Р. С. Д. Р. П., от которой временами посылались к нам руководители кружков и лектора и от которых мы получали поручения по распространению литературы и листовок среди учеников школы. Мне временами поручалась мелкая работа городской организации, как по распространению прокламаций, так и хранению литературы. В партийной литературе уже тогда разбирался вопрос о расколе в партии, но я был недостаточно подготовлен, чтобы иметь своё суждение«(Там же).

Из школы, по её окончании, его послали на практику в минные мастерские Судостроительного завода в Николаеве. «Уезжая из Кронштадта, – писал Артур Адамс, – я получил явку в кронштадтской организации Р. С. Д. Р. П. и по приезде в Николаев, связался с заводской организацией. Это было моё первое соприкосновение с рабочим классом. Вскоре после моего поступления на завод, там произошла забастовка (волна забастовочного движения в 1903 году). После забастовки многих – и меня в том числе – на завод обратно не приняли. Я выехал в Херсон, где поступил в мастерские Путей Сообщения, а впоследствии направлен на черпалку в караван по очистке устьев Днепра (там строился порт)»[3].

На Днепре, с июля 1903 года, Адамс работал техником-практикантом. Естественно, в Херсоне он не оставил партийной деятельности, вел пропаганду среди рабочих, занимался в

кружках. Уже в августе 1904 года Адамс был впервые арестован – когда распространял у казарм крепости прокламации против войны. При аресте был жестоко избит полицией – по его собственному выражению, «били так, чтобы убить», после чего у Адамса всю жизнь болел позвоночник. При обыске у него в квартире обнаружили печать и книжку для сбора денег в пользу парторганизации эсдеков.

До суда он просидел в тюрьме 13 месяцев. 10 сентября 1905 года Артур Адамс, неполных двадцати лет, был приговорен к вечной ссылке, которую, по причине несовершеннолетия подсудимого, заменили шестью годами крепости. Но уже 21 октября 1905 года он был освобожден по амнистии и тут же снова включился в революционную работу. «Декабрьские дня я пережил в Екатеринославской организации. К тому времени я уже разбирался в вопросах раскола в партии, изучая этот вопрос в тюрьме и впоследствии работая в замкнутой части организации, причём считал членами партии только активно в ней работающих. По вопросу об отношении к движению либералов, профессиональным союзам, думе – я считал себя большевиком, но припоминая свой тогдашний уровень, я не могу сказать, что я был вполне определившийся большевик»[4].

Дальнейший путь Артура Адамса типичен для многих российских революционеров: ссылка, побег, эмиграция. Вернувшись в Херсон в июне 1906 года и не успев как следует развернуться, он снова был арестован и через два месяца выслан в Олонецкую губернию. Оттуда он убежал и, следуя на юг, добрался до Одессы, где был совершенно случайно задержан. Как водится, его проверилии по картотеке и устновили, что перед ними беглец из ссылки. Сведения о нем достигли Одессы раньше, чем он туда прибыл. Вторичная ссылка оказалась более суровой. Адамса отправили на другой край империи – в Якутскую область, откуда бежать было значительно труднее. Именно поэтому Артур бежал по дороге к месту ссылки и, пробыв некоторое время в Петербурге перебрался в Финляндию.

«После этого поступил в Монтажную Бригаду Всеобщей Компании Электричества и с этой бригадой работал в Александрии и Каире (Египте), а потом в Милане (Италия), оттуда направился в Буэнос-Айрес – Южная Америка, где прожил месяцев 6–8, после чего был арестован и выслан из Аргентины. После нескольких месяцев езды я попал в Северо-Американские Штаты, оттуда перебрался в Канаду, где поступил в Инженерную школу при Университете. Это было в январе 1909 года»[5].

Совмещая учебу с работой в различных учреждениях, Адамс настойчиво шел к свой цели, и получил специальность инженера-конструктора, которая сыграла в дальнейшем решающую роль в его судьбе. С июля 1913 по июль 1919 года он работал конструктором и инженером-механиком на нескольких предприятиях в Канаде и Соединенных Штатах (автомобильный завод «Рессель» в Торонто, общество Сперри – Уироскон, лаборатория Слокума, автомобильный завод Форда в Детройте, инструментальный завод Блайера), откуда он уволнялся сам или его увольняли. Это могло быть следствием того, что уже с 1908-го года он состоял членом Социалистической партии, а потом и Союза металлистов. Такие кадры работодателям совсем не нравились. Но то что он легко находил следующее место, говорит о его высокой квалификации, из-за которой Адамса какое-то время терпели.

Успел Артур послужить и в армии США – его призвали в 1916 году. Он успешно окончил курсы офицеров национального резерва, получил воинское звание капитана, а затем и майора.

Одно из главных событий в жизни Артура Адамса произошло в 1918 году. Заглянув как-то в редакцию полулегального журнала «Soviet Russia», он познакомился с машинисткой Доротеей Кин, дочерью иммигранта из России, профессора Бостонского университета. Доротея, родившаяся в День международной солидарности трудящихся, была младше Артура на 13 лет. Получившая хорошее образование девушка знала несколько языков, любила книги и театр, увлекалась живописью. «В Артура влюбились все женщины нашей редакции.

Обаятельный, умный, разносторонне образованный, он притягивал ещё и силой характера, умением подчинять себе. А вот выбрал из всех меня», – вспоминала она. Регистрировать брак, как это было распространено тогда, молодые люди не стали, сделав это спустя 12 лет в Берлине.

В июне 1919 года Артур перешел на новое место службы, отказаться от которого было совершенно невозможно. Он стал работать в представительстве РСФСР в США, более известном как «Миссия Мартенса», куда его рекомендовал ЦК Русской Федерации Американской компартии, членом которой он был со дня ее основания её в 1918 году. Это была возможность вернуться домой в Россию. У Людвига Мартенса он работал вместе с Доротеей до января 1921-го. Он – заведующим техническим отделом, а она – личным секретарем одного из руководителей миссии финского социалиста Сантери Нуортевы.

О том для чего создавался этот отдел и о первых итогах его работы глава советской миссии Людвиг Мартенс рассказал 6 августа 1919 года в письме наркому иностранных дел Г. В. Чичерину: «Как я уже сообщил Вам. при Сов[етском] Бюро организовался также и технический отдел. Задачею этого отдела является извлечение из Америки всякого рода сведений и средств для развития промышленности в Советской России, а также и обслуживание всех других отделов Сов[етского] Бюро. которые нуждаются во всевозмжного рода советах технического характера. Пока этот отдел находится в зачаточном состоянии. Я заведую этим отделом сам. Моим ближайшим помощником является тов. Адамс. Кроме этого, я привлек к этому отделу инженера-мателлурга – Багаева… Из специальных вопросов, которым занимается в настоящее время Технический отдел, укажу на следующие.

1. В настоящее время у нас уже имеется законченыйй материал по вопросу о производсвте вагонных колес из отбеленного чугуна. Материал этот представляет большую ценность и является результатом работ Багаев и моих…

2. Багаев в настоящее времязанят разработкой вопросов, связанных с производством ванадиевой, марганцевой, вольфрамовой и др. сталей. Все эти вопросы разрабатываются с расчетом ввести производство этих сталей в России.

3. В наш Отдел поступает большое количество предложений в связи со всевозможныими изобретениями. Мы уже имеем в этом отношении кое-что заслуживающее внимание, как например, новый процесс печатания, который может быть введен в Россию немедленно и который заслуживает серьезного внимания.

4. Мы предполагаем также, пользуясь американскими источниками, заняться изданием небольших популярных руководств по различным отраслям техники».

Деятельность ТО расширялась и 9 сентября 1920 года Мартенс сообщал в НКИД РСФСР: «Я не раз уже обращал внимание народного комиссариата по иностранным делам на существование при советском Бюро Технического отдела, цель которого главным образом, является снабжение России всякого рода техническими сведениями.

Технический отдел советского Бюро занимается регистрацией техников – рабочих и специалистов, предлагающих свои услуги Советской России и готовых по первому зову отправиться туда. Нам уже удалось зарегистрировать около 20 000 человек, в числе которых находится большое количество первоклассных специалистов во всех областях техники.

Технический отдел советского Бюро организует по всей Америке так называемые Общества технической помощи Советской России. Хотя эта деятельность и сопряжена с большими затруднениями вследствие преследований американских властей, тем не менее нам удалось уже организовать в главных американских центрах довольно крупные общества, из которых одно нью-йорское О[бщест]во технической помощи Советской России насчитывает уже более двух тысяч членов. Все эти общества ставят себе задачей техническую помощь технических проблем для России, подготовку специалистов и т. д.»[6].Когда позднее советская миссия была отозвана, супруги Адамс вместе уехали из США.

«По приезде в Россию я жил в Питере. Во время Кронштадтского восстания был в отряде Особого назначения 2-го района Питерской Организации. После ликвидации Кронштадта, был вызван в Москву и назначен на завод «АМО», где и проработал до 1 августа 1923 г»[7].

Полученное Адамсом в Северной Америке образование и опыт практической работы получили применение на заводе, который позднее стал известен всему миру сначала как ЗИС, а потом как ЗИЛ. Вместе с тем, его понимание трудовой деятельности, видимо, не вполне вписывалось в существующую на заводе практику. Говорят, что он был жестким начальником, щедро раздавал выговоры и штрафы, добиваясь дисциплины, но не смог найти общего языка с партячейкой и вскоре сам подал заявление об уходе. О своем первом директоре ЗИЛовцы вспомнили много лет спустя, когда он уже давно был на пенсии, и пригласили на торжественное собрание, посвящённое 50-летию завода. Портрет Артура Адамса появился в музее ЗИЛа.

В августе 1923 года его назначили на должность инженера технического производственного отдела в Центральное управление государственных автомобильных заводов ВСНХ СССР, потом перевели в авиаотдел старшим инженером по моторостроению.

Когда создавался Авиатрест, Адамса назначили членом его правления. По линии Авиатреста Адамс командируется в январе 1925 года на Ленинградский сталелитейный завод «Большевик», в качестве главного инженера по авиамоторостроению, получает назначение заведующим техническим бюро по достройке завода, а затем заведующим бюро по рационализации производства. В 1927 году – командировка в США для освоения опыта производства большегрузных автомобилей, в 1928 году – для размещения заказов военной промышленности СССР в Америке, а в 1932 году для решения вопроса о закупке СССР американских истребителей Кертисса-Райта.

В октябре 1929 года Адамс назначается членом коллегии Главного военно-промышленного управления ВСНХ СССР, затем работает начальником научно-исследовательского сектора Государственного объединения авиационной промышленности помощником начальника всего ГОАП, а с декабря 1931 года – помощником начальника Глававиапрома ВСНХ СССР.

Доротея Кин всё эти годы работала переводчицой в московском отделении газеты «Нью-Йорк таймс» и, будучи американской гражданкой, каждый год ездила на родину.

Стиль работы Артура Адамса, как уже отмечалось, нарвился не всем. Некий начальник из ВСНХ писал в ЦК РКП(б) 20 сентября 1926 года: «Тов. Адамс с работой не справляется, на руководящую самостоятельную работу не годится. Не в состоянии коллегиально работать. Может быть использован для узкотехнических поручений, как инженер на заводе или при тресте. Может быть также использован для командировки заграницу, как инженер знающий иностранные языки». Не оценивший Адамса товарищ вместе с тем где-то угадал направление деятельности, на котором Артуру Александровичу предстояло служить десять лет.

Поворот судьбы был крутым… В 1935 году, в возрасте 50 лет от роду, когда иные уходят на пенсию, Артур Адамс начинает свою службу в разведке. Бурно развивающейся советской промышленности была жизненно необходима информация о развитии производства Западной Европы и, особенно, США. А для этой задачи нужны были разведчики нового типа – опытные и грамотные технари. На работу в военную разведку Адамса пригласил лично начальник Разведупра Берзин. Вместе с ним в разведке, в качестве переводчицы, стала работать и его жена.

Девять месяцев готовили в Разведупре нового нелегала. Среди его учителей один из руководителей военно-технической разведки, заместитель начальника 3-го отдела Дмитрий Константинович Мурзин. Но прежде чем отправиться в длительную зарубежную командировку, согласно установленным правилам, разведчик должен был пройти полное

медицинское обследование в Центральном клиническом госпитале Наркомата обороны. В заключении, подписанном помощником начальника госпиталя Рейлингером, было сказано: «Нуждается в систематическом врачебном наблюдении и лечении». Болел травмированный еще в 1905 году позвоночник. Однако это не помешало Адамсу выехать в Соединённые Штаты. Будущий руководитель нелегальной резидентуры получил оперативный псевдоним «Ахилл».

В Америку он въехал как гражданин Канады, радиоинженер по специальности. Помог прокоммунистически настроенный владелец нью-йоркской фирмы по производству радиооборудования Самуэль Новик, с которым Адамс познакомился ещё в 1932 году, когда будучи представителем Амторга, делал крупные закупки в его фирме. 19 декабря 1937 года, еще до того, как «Ахилл» появился в Штатах, Новик обратился в иммиграционное ведомство с письмом, где подтверждал, что Адамс – квалифицированных радиоинженер, проработавший десять лет в Канаде.

В Нью-Йорке Адамс зарегистрировался в отеле как торговец химическими реактивами, что позволяло ему свободно разъезжать по всей стране. Чтобы оправдать свое пребывание в Штатах и ответить, на какие средства живет, он, используя старые связи, устроился работать «частично занятым инженером» ещё на целый ряд фирм. Проектировщик машин для Голливуда Самуэль Вегман платил ему 75 долларов в неделю, как инженеру с неполной занятостью – точнее, не платил, а выдавал, поскольку разведчик заранее дал ему 1875 долларов наличными. Такую же сумму получал Адамс и от рекламного менеджера журнала «New Masses» Эрика Бернея, у которого также числился инженером. Таким образом, он всегда мог доказать любому проверяющему, что не только имеет средства к существованию, но и востребован в США как специалист.

В Нью-Йорке он основал фирму «Технологические лаборатории» и начал закупать радиоаппаратуру, лампы, детали. Адамсу предстояло наладить связь с Союзом, которой у американской резидентуры пока ещё не было. Об этом задании вспоминает воентехник второго ранга Олег Григорьевич Туторский, откомандированный в Америку в 1940 году для установления агентурной радиосвязи «США-Центр»: «В 1935-38 годах в Нью-Йорке с документами иностранцев находился наш работник с женой. Ему предстояло обосноваться в городе, установить радиостанцию и организовать связь с Центром. Я хорошо знал товарища по совместной работе. Он хорошо владел английским и французским языками. Дипломированный радиоинженер (для того времени нечастое явление), он участвовал в разработке и создании различной аппаратуры радиосвязи. То, что я увидел в его сундуках – самодельный, достаточно сложный приёмник, полусобранный передатчик, – свидетельство о его хорошей инженерной квалификации. К сожалению, он не был профессиональным радистом, плохо знал азбуку Морзе, не имел достаточного опыта работы в эфире. Вот и получилось, что с технической точки зрения возможность организации связи была, но до выхода в эфир дело не дошло. Кроме того, в годы кризиса в Америке с его документами устроиться на работу оказалось непросто. Со всеми этими проблемами нашему нелегалу справиться не удалось. Но его наследство – три сундука с радиодеталями – оказалось весьма полезным и очень помогло мне в постройке будущей радиостанции».

С ролью радиста Адамсу справиться не удалось. Первый сеанс спецрадиосвязи с американским континентом состоялся только 12 января 1941 года.

В Нью-Йорке Адамс был связан с Джулиусом Хеуманом, импортером стали, и Викторией Стоун, владелицей ювелирного магазина на Мэдисон-авеню. Имел он также контакты в Чикаго – главным образом, с учеными. Эти связи помогли ему впоследствии, когда он стал добывать информацию по атомной бомбе.

Все шло хорошо. И вдруг в 1938 году «Ахилл» был отозван в Москву по требованию НКВД, бдительные работники которого обвинили резидента в связи с исключенным из

канадской компартии неким Блюгерманом и в закупке оборудования по завышенным ценам в период работы в Авиатресте. Очевидно, Адамс и в самом деле родился под счастливой звездой, потому что на этом неприятности для него закончились. 14 июня 1938 года его уволили из армии.

Однако вскоре его снова пригласили в дом на Гоголевском бульваре, и новый начальник Разведупра комдив Александр Григорьевич Орлов предложил ему вернуться в Штаты. Уже в следующем году Адамс снова отправляется в Нью-Йорк.

В период Второй мировой войны резидент «Ахилл» как и прежде добывал научно-технические секреты. От агента Кларенса Хиски («Эскулап»), ученого химика Колумбийского университета, он получал материалы о ходе разработок в США новых типов отравляющих веществ, отчёты о влиянии их на человеческий организм, а также образцы индивидуальных средств защиты. Все эти сведения были признаны в Главном санитарном управлении РККА очень важными, но героем ГРУ Адамса сделало не это.

До поры до времени заданий по добыванию информации об ядерных исследованиях в США Адамс от Центра не получал. Однако еще в 1940 году он обратил внимание на факт, который зафиксировали и некоторые другие советские разведчики и ученые. Из американских научных журналов исчезли публикации об урановых разработках. И вывод он сделал такой же: работы по столь перспективному научному направлению прекратиться не могли, скорее всего, информацию по этим темам закрыли, так как теоретические изыскания учёных перешли в стадию практического применения в военной области. Но получить доступ к документам по ядерной проблеме ему удалось лишь в 1944 году, когда январским вечером «Эскулап» сообщил ему долгожданную новость чрезвычайной важности.

Кларенс Френсис Хиски (урожденный Цеховский) был одним из ценнейших агентов советской разведки в Соединенных Штатах. Родился он 5 июля 1912 года в Милуоки, штат Висконсин, там же окончил университет штата. Еще во время учебы он стал коммунистом, жена его, Марсия Сэнд, тоже была членом компартии. Одно время Хиски преподавал в Нью-Йорке в Колумбийском университете и вел работу в его исслеовательской лаборатории, затем, по приглашению нобелевского лауреата, химика Гарольда Юри, начал работать в лаборатории SAM (Substituted Alloy Material). Здесь вскоре он стал главой отделения и находился на этом посту даже после того, как в 1942 году разведка предупредила руководство лаборатории о том, что он является коммунистом. Летом 1943 года отделение было переведено в металлургическую лабораторию Чикагского университета для участия в «Манхэттенском проекте». 21 января 1944 года Хиски сообщил Адамсу, что один из его друзей, учёный, работает над теоретическими основами создания атомной бомбы и имеет доступ к секретным документам, касающимся её производства. На следующий же день «Ахилл» условным сигналом вызвал на экстренную встречу «Мольера» – главного резидента ГРУ в Нью-Йорке, вице-консула Павла Петровича Михайлова (настоящая фамилия Мелкишев). «Мольер» дал предварительное согласие на разработку нового источника и, дождавшись благоприятных условий прохождения радиосигнала, запросил мнение Центра. Через сутки Москва дала добро.

В конце января Адамс встретился с будущим источником «Кемп» (подлинное имя этого человека до сих пор неизвестно). Встреча длилась сорок минут. Учёный, с большой симпатией относившийся к СССР, хотел, чтобы советское правительство узнало о программе создания ядерного оружия. «Передавая вам документы, я защищаю Будущее, которое атомная бомба может погубить, окажись она в руках политиков только одной страны»[8].

Вторая встреча была назначена на 23 февраля.

Всё шло хорошо – в Америке. А в Советском Союзе сразу же началась ведомственная борьба за ценный источник. Поскольку контакт «Ахилла» с будущим агентом должен был получить одобрение в Народном комиссариате государственной безопасности, начальник ГРУ

генерал-лейтенант И. И. Ильичёв направил начальнику I-го управления НКГБ СССР комиссару госбезопасности 3 ранга П. М. Фитину необходимый запрос с просьбой сообщить имеющиеся в НКГБ данные на нового агента, «американского гражданина Мартина Кемпа» (имя изменено. – Автор). НКГБ и сам пытался найти подход к сотруднику атомного проекта, поэтому запрос вызвал вполне естественную реакцию волкодава, у которого отнимают кость: «Интересующий вас гражданин Мартин Кемп является объектом нашей разработки. В связи с этим просим сообщить имеющиеся у вас данные о нём, а также сообщить, чем вызван ваш запрос»[9].

Кстати и Кларенс Хиски находился в разработке у НКГБ, внешняя разведка пыталась его завербовать через агента своей нью-йоркской резидентуры Франклина Зелмана. В перебранке ведомств победила госбезопасность. 24 февраля, во время очередного сеанса радиосвязи, Центр прислал указание Адамсу: «Контакты с Кемпом прекратить». Но было уже поздно. 21 февраля «Ахилл» отправился на встречу с источником, а 23-го «Кемп» вручил резиденту тяжёлый портфель с документацией о ходе исследований в ядерном центре, попросив возвратить бумаги к утру. Изучая содержимое портфеля на конспиративной квартире, Адамс обнаружил в нем около тысячи листов документов и образцы урана и бериллия. Всю ночь он фотографировал секретные материалы, а рано утром, возвратив портфель, договорился о встрече через месяц.

В ближайший сеанс радиосвязи с Москвой Адамс сообщил в Центр о содержании полученных материалов. Это были доклады о разработке нового оружия, инструкции по отдельным вопросам, отчеты различных секторов «Манхэттенского проекта» за 1943 год, схемы опытных агрегатов, спецификации используемых материалов, описание методов получения металлов высокой чистоты, а также доклады по вопросам использования молекулярной физики, химии и металлургии применительно к требованиям атомного проекта. Всего 18 секретных научно-технических документов были отправлены в Москву с первым же курьером. Документы были чрезвычайно ценными, и Адамс попытался оплатить их. Однако «Кемп» категорически отказался от вознаграждения.

Вскоре Адамс направил письмо на имя начальника ГРУ генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Ильичёва. Доклады в форме личных писем были довольно распространённым явлением в то время. Их писал Зорге, а также многие другие большевики, выросшие в революционную эпоху неформального товарищеского общения. Послание Адамса весьма интересно и информативно:

«Дорогой Директор! Не знаю, в какой степени Вы осведомлены о том, что здесь в США усиленно работают над проблемой использования энергии урания (не уверен, так ли по-русски называется этот элемент) для военных целей. Я лично недостаточно знаю молекулярную физику, чтобы Вам изложить подробно, в чём заключается задача этой работы, но могу доложить, что эта работа здесь находится в стадии технологического производства нового элемента – плутониума, который должен сыграть огромную роль в настоящей войне. Только физики уровня нашего академика Иоффе могут разобраться в направляемых Вам материалах. Для характеристики того, какое внимание уделяется этой проблеме в США, могу указать следующее:

1. Секретный фонд в один миллиард долларов, находящийся в личном распоряжении Президента США, уже почти израсходован на исследовательскую работу и работу по созданию технологии производства названных раньше элементов. Шесть ученых с мировым именем – Ферми, Аллисон, Комтон, Урей, Оппенгеймер и другие (большинство имеет Нобелевские премии) стоят во главе этого атомного проекта;

2. Тысячи инженеров и техников заняты в этой работе. Сотни высококвалифицированных врачей изучают влияние радиоактивного излучения на человеческий организм. В Чикагском и Колумбийском университетах, где ведутся эти

исследования, построены и действуют особые лаборатории. Специальная комиссия, состоящая из наивысших военных чинов и ученых, руководит этой работой…

3. Мой источник сообщил, что уже проектируется снаряд, который будет сброшен на землю. Своим излучением и ударной волной этот взрыв уничтожит все живое в районе сотен миль. Он не желал бы, чтобы такой снаряд был сброшен на землю нашей страны. Это проектируется полное уничтожение Японии, но нет гарантий, что наши союзники не попытаются оказать влияние и на нас, когда в их распоряжении будет такое оружие. Никакие противосредства не известны всем исследователям, занятым в этой работе. Нам нужно также иметь такое оружие, и мы теперь имеем возможность получить достаточно данных, чтобы вести самим работы в этом направлении.

Мне трудно писать. Моё зрение весьма ограниченно. Но моё письмо не так важно. Важны материалы…

Я считаю, что практичные американцы, при всей их расточительности, не тратили бы таких огромных человеческих ресурсов наивысшей квалификации и гигантских средств на не обещающую результатов работу.

Прошу выразить Вашу реакцию на это предложение «проволокой» (по радиосвязи);

4. Посылаю образцы ураниума и бериллиума.

Привет. Ахилл»[10].

Интересна и резолюция, наложенная Ильичевым на доклад Адамса: «1. Материал срочно обработать и направить тов. Первухину. 2. Сообщить Ахиллу оценку по получению ее от тов. Первухина».

Михаил Георгиевич Первухин в 1944 году был заместителем Председателя СНК СССР и курировал работы по организации и деятельности Лаборатории № 2 во главе с Курчатовым, занимавшейся проблемами создания советского ядерного оружия. В прилагавшемся к корпусу документов перечне имелись следующие пункты:

– конструкция экстрактивного завода – 36 фотолистов;

– восстановление сырого продукта «49». Материалы Клинтонской лаборатории – 34 фотолиста;

– доклад о ходе работы по производству урана на конференции в Вилмингтоне – 19 фотолистов;

– экспериментальная продукция расходящейся структуры цепи Ферми – 34 фотолиста…

На перечне Первухин написал: «Все вышеуказанные материалы, по отзыву Народного Комиссариата химической промышленности СССР, представляют исключительную ценность»[11].

Руководство ГРУ тотчас же отправило «Ахиллу» радиограмму, в которой известило его о высокой оценке учёных. За проявленную инициативу «Ахилл» получил благодарность и премию в размере двухмесячного оклада. Мало того, что сами по себе сведения были чрезвычайно ценными – но и перехватить такие сведения у конкурирующего ведомства генералу Ильичёву было очень приятно.

Адамс писал Ильичеву и другие письма, неожиданные. Резкой отповедью обернулась неосторожная фраза Директора в мае 1943 года, что резидент «при достаточном желании… может найти нетронутые возможности и поможет Родине в её великой борьбе». Адамс ответил: «О своих возможностях я вам уже сообщал. Но на ваш вопрос, имеется ли у меня желание помочь Родине в её великой борьбе, хочу дать ответ. Но здесь я перестаю писать вам как начальнику и пишу просто как неосторожно выразившемуся человеку. И вам придется меня извинить. Я ни вам ни кому другому старше вас не позволю ставить вопрос о том, если у меня желание помочь Родине. Я в течение большей части моей жизни боролся за социализм даже до появления на свет социалистической Родины… Мне, иностранцу, доверяли участки

работы, где я постоянно находился под непосредственным влиянием квалифицированных буржуазных представителей. А вы ставите вопрос о моем желании помочь Родине. Объясняю это просто вашим желанием агитировать меня. Так вот сообщаю, что меня агитировать не нужно. Мне не нужны такие указания, в которых говорится, что моя Родина нуждается в помощи. Если можете дать конкретные указания, как добыть новый источник в той конкретной обстановке, в которой я здесь живу, то это будет полезно». «Ахилл»[12].

Ему было 60 лет, и уже 10 лет он работал на нелегальном положении и просто и элементарно устал.

Во время следующей встречи «Кемп» передал Адамсу для фотокопирования 2500 страниц секретных материалов. В период с мая по август 1944 года он предоставил еще около 1500 страниц документов.

6 июля 1944 года из ГРУ в Наркомат химической промышленности была отправлена посылка. Вот ее опись: «Один флакон тяжелой воды, один кусок урана в цинковой оболочке, два маленьких куска урана, один маленький кусок бериллия»[13].

Темпы работ «Манхэттенского проекта» были очень высокими, Курчатов с коллегами оставались довольны. О важности получаемой Адамсом информации говорит тот факт, что приказом начальника ГРУ ему было предоставлено право вербовать агентов, имеющих доступ к атомным секретам, без санкции Центра. Такое право предоставлялось в исключительных случаях и только тем разведчикам, которые пользовались полным доверием Москвы.

Согласно данным американских исследователей, ФБР заинтересовалась Адамсом в 1943 году когда были установлены, по их словам, его попытки завербовать нескольких ученых, работающих над «Манхеттенским проектом» в чикагских лабораториях. В 1944-м американская контрразведка выяснила, что «Адамс – советский агент и проследила его встречу с Кларенсом Хиски»[14].

Кларенс Хиски не обладал даже элементарной осторожностью. Он никогда не делал секрета из своих коммунистических убеждений. В конце концов, его позиция привлекла к нему внимание спецслужб. Контрразведка установила за ним наблюдение. Слежка показала, что в парке он передал пакет какому-то старику. Старика проследили до меблированных комнат, где он остановился. Это был Адамс. В его отсутствие комнату обыскали и обнаружили пакет, в котором содержалась информация по атомной бомбе. Постоянное место жительства Адамса также установили. Обыск произвели и там, и также обнаружили документы по атомной тематике. Это привело к разоблачению некоторых агентов из разведсети Адамса.

Наши утверждают, что наблюдение за ним началось только весной 1944 года и что оно ничего не дало, за исключением единичного контакта в ноябре 1944 года с советским вице-консулом Михайловым («Мольером»). Кто говорит правду? Возможно, и те, и другие: каждый рассказывает о том, что ему известно.

Опытный подпольщик и разведчик Адамс обнаружил слежку и прекратил активную деятельность. Да и «Кемп» как раз тогда замолчал. От «Эскулапа» Адамс узнал, что учёный тяжело болен. Неизвестное заболевание крови приковало его к госпитальной койке. Подобно многим другим учёным, «Кемп» в ту пору не знал о губительном радиоактивном излучении. Не знал об этом и Артур Александрович, перевозивший образцы урана в карманах пальто.

Однако мало взять агента под наблюдение. В некоторых случаях совершенно непонятно, что делать дальше. Так было в случае с Хиски. Если арестовать его и судить по обвинению в шпионаже, это неминуемо привлечет внимание к сверхсекретному «Манхэттенскому проекту». Этого в то время допустить не могли, поэтому правосудие было принесено в жертву интересам дела, и решено было просто-напросто убрать «Эскулапа» туда, где он не будет иметь доступа к секретной информации. Во время обучения в колледже Хиски

прошел подготовку как офицер резерва, и его в апреле 1944 года призвали на военную службу. Сначала его отправили в Канаду, затем – на Аляску и в конце концов – на Гавайи, где он должен был заниматься производством мыла. В конце концов, он ведь был химиком!

Последние два года жизни в США за Адамсом следили неотступно, пытаясь добыть доказательства того, что этот пожилой инженер занимается шпионажем. А Артур Александрович спокойно работал. Он ликвидировал Технологическую лабораторию и устроился в фирму по продаже грампластинок, вёл внешне безмятежную и размеренную жизнь, ожидая, когда ГРУ подготовит ему маршрут отхода.

Но в покое его не оставили. Вскоре Артура посетил один из бывших студентов Хиски якобы для консультации, и во время беседы намекнул, что владеет некоторыми секретами разработки атомного оружия. Адамс, сразу же понявший, что перед ним провокатор, дал понять «студенту», что эти вопросы его не интересуют, что он серьезно болен и на днях уезжает домой в Канаду. Однако он прекрасно понимал, что уйти из страны легальным путем ему не дадут.

Тем временем на стол президента США Франклина Рузвельта легло досье, обвиняющее Адамса в шпионаже в пользу СССР. ФБР требовало ареста Адамса. Однако судьба хранила Артура Александровича – разрешение на возбуждение уголовного дела агенты бюро не получили, так как никто в администрации президента и Госдепартаменте не хотел в такое время обострять отношения с Советским Союзом.

К концу 1946 года «Мольер» в последний раз встретился с резидентом и сообщил, что работа по его вывозу из США завершается. После этого Адамс несколько недель посещал своего хорошего знакомого в Нью-Йорке и начал выгуливать по вечерам его спаниеля, усыпляя бдительность «наружников». Постепенно они привыкли к причудам этого немолодого человека, их было четверо, и они были уверены, что никуда он от них не денется. Но однажды вечером собака прибежала домой одна, а резидент «Ахилл» исчез, растворился в многолюдном Нью-Йорке.

Прячась от агентов ФБР, Адамс переезжал из города в город, сменил пять конспиративных квартир и, наконец, оказался на судне, идущем к берегам Старого Света. Так закончилась трудная операция по возвращению резидента на родину. О её проведении руководство ГРУ постоянно информировало лично Сталина, что косвенно говорит о том, каким было значение работы этого человека.

В декабре 1946 года Адамс прибыл в Москву, где на даче в Серебряном бору встретился с женой Доротеей Леонтьевной, как ее звали по-русски. Они не виделись восемь лет. Возвращение отметили в кругу самых близких друзей, среди которых был и Павел Петрович Мелкишев, навсегда покинувший США. За американскую командировку его наградили двумя орденами Красного Знамени (1943, 1944), орденом Ленина (1945). Он руководил резидентурой в Нью-Йорке, которая «имела на связи и руководстве советских и иностранных нелегальных разведчиков с их сетью агентов-источников военно-политической, военно-экономической и военно-технической информации». Лично он встречался только с «Ахиллом», «Доджем», «Фарадеем» и «Дельмаром».

Адамс был награждён медалью «За победу над Германией». Адамсу предоставили советское гражданство и присвоили звание инженер-полковник – уникальный случай в истории ГРУ, когда разведчику – нелегалу, возвратившемуся в Центр из длительной зарубежной командировки, было предоставлено столь высокое воинское звание. Теперь Адамс смог реализовать свою давнюю мечту – сфотографироваться в форме советского офицера. Что же касается правительственных наград… Видимо, наверху решили, что с разведчика хватит широких погон и медали «За победу над Германией».

В 1948 году Артур Александрович вышел в отставку. Он жил как заслуженный ветеран ГРУ. Старость его была очень спокойной. Бездетные и обеспеченные Адамсы взяли на

воспитание ребёнка английской коммунистки, помогали молодой домработнице получать образование и профессию, поддержали вернувшегося из лагерей репрессированного отца подруги Доротеи Леонтьевны. Адамсов часто навещали друзья: Ким Филби, американская писательница Анна Луиза Стронг, да и генеральный секретарь канадской компартии Тим Бак, приезжая в СССР, никогда не забывал посетить их дом. Среди их друзей было много бывших американцев, приехавших в СССР в тридцатые годы, когда ещё был моден социализм.

Умер Артур Александрович Адамс 14 января 1969 года. Похоронили его на Новодевичьем кладбище. Доротея Леонтьевна ненадолго пережила своего мужа. Её прах покоится возле могильной плиты, где первоначально были только два слова «Артур Адамс».

Примечания

[1] Хогертон Дж. Ф., Рэймонд Э. Когда Россия будет иметь атомную бомбу? М., 1948. С.8, 11, 36.

[2] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.100. Д.5942. Л.6.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же. Л.8.

[6] Советско-американские отношения: Годы непризнания, 1918–1926 гг. М., 2002. С. 111–112, 151.

[7] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 5942. Л. 8.

[8] Лота В. ГРУ и атомная бомба. М., 2002. С.204.

[9] Там же. С.203.

[10] Там же. С. 205–208.

[11] Там же. С.210.

[12] Там же. С.220.

[13] Там же. С.211.

[14] Haynes J. E., Klehr H. Venona. New Haven; London, 1999. P.175, 324.

Федор Кравченко: он был советский разведчик, она – генеральская дочь…

На плите над его могилой на Кунцевском кладбище в Москве, выбиты слова: «Кубань, Уругвай, Испания, Мексика, Франция» – это этапы большого жизненного пути советского военного разведчика, Героя Советского Союза, майора Федора Кравченко.

Федор Иосифович Кравченко родился 4 марта 1912 года в селе Унароково, на Ставрополье, в крестьянской семье. В 1913 году его родители уехали из России в Уругвай, к брату отца. Поначалу семья Кравченко жила и работала в сельскохозяйственной колонии русских эмигрантов, а через некоторое время переехала в пригород Монтевидео. Там Федор вырос, принял участие в революционной работе, вступил в комсомол.

Желая вернуться на родину, семья обратилась к Советскому правительству, письмо с заявлением было передано в посольство СССР. Разрешение было получено в 1929 году, и семья вернулась в Советский Союз. Юноша пошел работать слесарем на стройку, познакомился с электросварщицей Надей Никитиной. Молодые люди поженились, хотя брак не регистрировали, да в те годы это было не так уж и принято. Семейная жизнь не мешала Федору работать и учиться в школе, заниматься комсомольской работой. Вскоре он сменил место работы, став политработником по Латинской Америке в Исполкоме Коммунистического Интернационала молодежи.

С началом гражданской войны в Испании срочно потребовались люди, знающие испанский язык. Федор отправляется в Мадрид, переводчиком при комкоре Д. Г. Павлове. Он считался одним из лучших переводчиков (еще бы!) и имел репутацию абсолютно бесстрашного человека. За работу в Испании получил два ордена: Красной Звезды и Красного Знамени.

Вернувшись домой с войны в середине 1938 года, он сразу же попал на новую службу. Пройдя курс спецподготовки, Кравченко отправился в Мексику. Там он нашел знакомого по Испании, известного писателя, который подтвердил, что знает его с детства, и помог легализоваться в стране. Так появился на свет уругваец, сеньор Мануэль Ронсеро, коммерсант. Впрочем, отправляя сообщения в Москву, он подписывал их другим именем: «Клейн».

Нелегальную резидентуру в Мексике, в которую прибыл Кравченко, возглавлял Алексей Коробицын («Турбан»). В их биографиях было много общего. Их связывала Латинская Америка.

Алексей Павлович Коробицын родился 29 декабря 1910 года в Аргентине в городе Ла-Риоха. Не совсем понятно, почему по документам он значится Павлович, а не Моисеевич или Михайлович, как его братья. Отец, Моисей Кантор, был по образованию геолог, а по роду деятельности – революционер. В годы первой русской революции участвовал в экспроприациях, которые устраивали анархисты, после таких акций они раздавали захваченные средства нуждающимся. Был арестован, отсидел 11 месяцев в тюрьме. В 1909 году бежал из ссылки и эмигрировал в Аргентину вместе с женой, Лидией Коробицыной, учительницей химии, революционеркой, и двумя детьми. Там Кантор работал геологом, стал профессором университета. В Аргентине у супругов родился третий сын, Алексей.

В 1924 году семья возвратилась в СССР. Алексей пошел учиться в ФЗУ, вступил в комсомол. В 18 лет пошел служить на Балтийский флот. После службы шесть лет ходил на торговых судах. Как и Кравченко, он попал в Испанию переводчиком, работал с военно-морским атташе и главным военно-морским советником, будущим адмиралом флота Советского Союза Н. Г. Кузнецовым, был награжден орденом Красного Знамени. Вернувшись из Испании, попал на работу в разведку, отправлен резидентом в Мексике. Не отзови его

Центр в 1941 году, может статься, и судьба Кравченко сложилась бы по иному…

Задача перед Федором Иосифовичем стояла сложная: в качестве дипломата попасть на работу в представительство Мексики в Берлине. Но оказалось, что за столь короткий срок добиться такого назначения невозможно, и не помогли бы никакие связи. Но он уже был легализован – не отзывать же! И в 1940 году Центр поставил перед ним новую задачу: создать в стране нелегальную организацию, добывать информацию о США, Канаде, Западной Европе.

К концу 1940 года Клейн создал небольшую группу, в которую вошли четыре агента. Среди них были работник МИДа и высокопоставленный офицер Министерства обороны. Вскоре в Москве узнали о строительстве в Мексике американских баз, о попытке Соединенных Штатов создать подконтрольный себе военный блок латиноамериканских стран. В своем отчете позднее он писал: «Под предлогом защиты от германского фашизма правительство США создает военные, военно-морские и военно-воздушные базы в ряде ключевых стран Латинской Америки. По имеющимся данным, США заключают официальные и секретные пакты с Мексикой, Бразилией, Перу, Эквадором и Уругваем. Эта договора ограничивают влияние СССР в регионе и в перспективе будут направлены против интересов Советского Союза…».

Хорошо шли и его коммерческие дела – вскоре он стал совладельцем акционерного общества по эксплуатации ртутных рудников. Дела шли настолько успешно, что 15 апреля 1941 года ему поменяли псевдоним на новый. Теперь он был «Магнат». Впрочем, и сердечные дела не отставали от прочих.

Однажды Мануэль Ронсеро познакомился с красивой девушкой, профессиональной танцовщицей. Девушка оказалась не только красавицей, но и дочерью генерала, то есть, знакомство было и приятным, и полезным. Оставался только последний шаг, и… обоснование этого последнего шага перед Центром. А это было самое трудное – сердце красавицы оказалось завоевать куда легче. Помогло… правительство Мексики. В середине 1940 года в стране был утвержден новый закон о воинской повинности. Чтобы избежать призыва в армию, Ронсеро надо было срочно жениться. Он попросил Центр разрешить ему вступить в брак. Но Москва молчала – и тогда «Клейн» женился без разрешения. Теперь у него появились новые связи и новые знакомые. Его положение упрочилось. И, тем не менее, именно женитьба послужила причиной того, что Кравченко пришлось срочно прервать работу и вернуться в Москву.

Оказывается, информация о его намерении жениться обсуждалась на самом высоком уровне. Руководство разведки подготовило докладную записку на имя Маленкова, в то время секретаря ЦК, где идея высоко оценивалась, равно как высоко оценивалась и работа самого нелегала. А дальше началось что-то странное. Тогдашний начальник Разведупра генерал-лейтенант Ф. И. Голиков докладную так почему-то и не подписал… Как бы то ни было, но Кравченко отозвали в Москву, видимо посчитав его «потенциальным невозвращенцем». Вот уж точно, пуганая ворона куста боится.

14 октября 1941 года «Клейн» получил распоряжение Центра: передать все связи, свернуть коммерческую работу и срочно возвращаться. Что ж, приказ есть приказ. Он выполнил все, что от него требовалось, объявил жене, что уезжает в Европу бороться с фашистами и попросил ее молчать об этом. Затем на пароходе через Тихий океан добрался до Владивостока и оттуда уже на поезде поехал в Москву.

Оценки Кравченко оказались верными. Учитывая развитие событий после войны, руководители разведки вправе были локти кусать, что отозвали такого нелегала. Позднее в его служебной характеристике появилось: «Причиной отзыва из нелегальной командировки явилось обвинение Кравченко в невозвращении со стороны некоторых работников разведки и отрицательная характеристика, данная ему бывшим резидентом, которые оказались

несостоятельными».

Не сумел, значит, новый резидент заменить Кравченко…

Уже в марте 1942 года Кравченко пошел в армию. А в апреле оего, в звании старшего лейтенанта, включили в разведывательную группу «Лео», которая должна была действовать в немецком тылу. Командовал группой Алексей Коробицын, его старый знакомый еще по Мексике. В ее состав, кроме Коробицына («Лео») и Кравченко («Панчо»), входил радист Г. Антоненко («Поль») и два австрийских антифашиста – И. Штейнер («Тарас») и М. Ляйтнер («Максим»). Это их едва не погубило.

В июне 1942-го группа была сброшена в районе Чечерска Гомельской области. После высадки «Лео» должен был встретиться с командиром партизанского отряда. Однако группа сбилась с дороги и вышла хоть и к партизанам, да не к тем. Узнав, что среди разведчиков есть австрийцы, партизаны арестовали группу. Двенадцать дней их держали под арестом, требуя признаться, с какой целью немцы забросили их в лес. Все утряслось, после того как партизаны связались с Москвой.

Восемь месяцев и одну неделю отряд успешно действовал в тылу врага. Так, например, 15 ноября 1942 года «Лео» передал в Центр: «Группа командованием моим и Панчо совместно отрядом Федорова занимается диверсионной работой. Пущены под откос 11 воинских эшелонов, уничтожено 5 грузовых, 11 легковых машин. Убито 1 485 солдат и офицеров, ранено 327 офицеров, в том числе генерал и подполковник».

Непрерывные бои с врагом поставили группу в тяжелое положение. 10 февраля 1943-го «Лео» радировал: «Ежедневные бои не позволяют дать координаты. Макс ранен. Тарас ранен. Есть обмороженные». Последней каплей стало «тяжелое отравление во время голодания» (из рапорта майора медслужбы). 5 марта 1943 года группу вывезли на самолете в Москву.

После выздоровления Федора Кравченко назначили командиром партизанского отряда имени Богуна в соединении А. Ф. Федорова, с которым он уже был знаком по предыдущим боям.

В служебной характеристике о Кравченко писали: «По заданию Главного разведывательного управления создавал и возглавлял разведывательно-диверсионные отряды, действовавшие в тылу немецко-фашистских войск… В результате проведенных диверсионных актов было пущено под откос более 50 воинских эшелонов с живой силой и боевой техникой противника. В наиболее сложных диверсионных операциях принимал личное участие и проявил себя как смелый и решительный командир. Добываемые его отрядом разведсведения о немецких войсках, сосредоточенных на левобережной Украине, на Гомельском и Коростеньском направлениях, способствовали успешному проведению нашими войсками операций по успешному выходу на рубеж Днепра».

3 мая 1945 года Федору Иосифовичу Кравченко было присвоено звание Героя Советского Союза…

А уже 4 мая Кравченко снова за границей – теперь во Франции. По документам он числится испанцем – теперь его зовут Антонио Мартинес Серано. В то время ГРУ не имело в Испании никого. Впрочем, и Федор не должен был ступать на испанскую землю – ему предстояло легализоваться во Франции, в Тулузе и оттуда создавать в Испании агентурную сеть.

Тулуза была выбрана не просто так. Там находился штаб соединения испанских партизан, и там была Долорес Ибаррури, знавшая Федора еще по гражданской войне. Его назначили заместителем начальника штаба соединения, который назывался «Торговое общество Фернандес Вилладор». Оставаясь во Франции, Кравченко сумел создать разведгруппы в Мадриде, Валенсии и Барселоне. За четыре года его резидентура добыла около 360 важных документов, а сам резидент заслужил еще один орден Красного Знамени.

Кстати, испанские партизаны того времени вновь именовали себя 14-м (партизанским) корпусом, как и во время Гражданской войны 1936–1939 гг.

В 1949 году он сам попросился в Москву – для лечения. Ему сделали операцию, и неукротимый Кравченко тут же начал готовиться к новой загранкомандировке. Однако здоровье больше не позволило ему покидать страну, и в 1951 году он вышел в отставку в звании майора.

На родине Федор Иосифович встретил Тамару Махарадзе, которая стала его третьей и последней женой. С ней он жил до самой смерти, последовавшей 19 ноября 1988 года. Военную работу он сменил на общественную. Ряд лет был вице-президентом общества «СССР – Уругвай». За общественную деятельность на этом посту Кравченко награжден орденом Октябрьской революции. Всего же он заслужил за свою жизнь Золотую Звезду героя, два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I ст., орден Красной Звезды, несколько медалей.

Алексей Павлович Коробицын после войны работал на кафедре испанского языка Военного института иностранных языков, а после выхода в отставку стал писателем. Его перу принадлежат книги: «Жизнь в рассрочку», «Хуан Меркадо – мститель из Техаса», «Тайна музея восковых фигур». Умер он 24 марта 1966 года.

Источники

[1] РГАСПИ. Ф.495. Оп.267. Д.29. Л.1-36.

[2] Лота В.И. Без права на ошибку: Книга о военной разведке, 1943 год. М., 2005. С. 324–344.

[3] Мар Н. Лео из Ла Риоха // Литературная газета. М., 1970. 6 мая.

Залман Литвин: «Мулат» уходит от погони

В июле 1946 года газеты Лос-Анджелеса, да и другие издания США, наперебой кричали о русском супершпионе, который работал в докторантуре Южно-Калифорнийского университета. Такой человек, действительно, существовал. По документам он числился как Игнаси Самуэль Витчак, канадец польского происхождения. На самом деле это был советский разведчик, офицер ГРУ Залман Литвин, работавший в США с 1938 года под псевдонимом «Мулат».

Залман Вульфович Литвин разведшкол не заканчивал, постигая премудрости разведки по ходу работы. Родился он в 1908 году в Верхнеудинске (теперь Улан-Удэ), в семье служащего. В 1926 году окончил китайское отделение восточного факультета Дальневосточного университета, где изучал также и английский язык, работал во внешнеторговых организациях – «Экспортхлеб», «Востокоторг» (объединение по торговле с Востоком), «Совсиньторг» (организация, которая вела торговлю с Западным Китаем). Отслужил срочную службу в армии в 1929–1930 годах.

В 1931 году, по командировке Совсиньторга поехал в Кашгар, где работал в торгпредстве. Там и произошел его первый контакт с разведкой. Представитель Разведупра Штаба РККА, узнав, что Литвин владеет английским языком, попросил его переводить документы, которые доставляли его агенты из консульства Великобритании (в то время англичане активно поддерживали басмачей, так что это было весьма актуально). Опытный разведчик положительно оценил работу своего переводчика, так что после возвращения в Москву в 1933 году Литвину предложили перейти на работу в разведку. И в 1934 году беспартийный внешторговец Залман Литвин был зачислен в Разведупр Штаба РККА в качестве состоящего в распоряжении начальника Управления вольнонаемного сотрудника.

В то время решено было формировать резидентуру в Северном Китае, в городах Пекин и Тяньцзинь. В эту резидентуру предполагалось послать Литвина на должность заместителя руководителя. Интенсивные занятия с новым разведчиком велись по нескольку часов в день, чтобы как можно глубже ознакомить его с премудростями разведработы. Были тщательно разработаны маршрут поездки, «легенда», задачи. Через три месяца подготовка была закончена, и Литвин отправился в Китай через США.

В Соединенных Штатах он стал представителем американской фирмы, что давало право открыть ее филиал в Китае и продавать продукцию фирмы на всей его территории. Это было хорошее основание для легализации в стране. Несколько хуже было с документами: Литвин имел финский паспорт, притом, что он не знал ни слова по-фински. Правда, единственным представителем этой страны в Северном Китае был в то время «почетный консул», который тоже не знал финского языка. В этом ему повезло.

Как раз в то время началась японская агрессия – войска Японии вторглись в Северный Китай. Разведчики должны были снабжать Москву информацией о действиях японских войск, и им это вполне удалось: Центр всегда знал о составе, дислокации, вооружении и действиях японцев. В качестве «финального аккорда» разведчики отправили подробное донесение о Квантунской армии. Кроме того, по заданиям Разведупра Штаба РККА Залман Литвин выезжал из Китая в Монголию и Корею. Тогда же, в Харбине, Литвин женился на Буне Генаховне Файбусович, женщине, которая разделила с ним нелегкую жизнь разведчика-нелегала.

В 1936 году супруги вернулись в Москву. К тому времени Залман Вульфович уже был зачислен в кадры Красной Армии и 24 января 1936 года ему присвоили воинское звание техник-интендант 1-го ранга (Соответствовало званию старшего лейтенанта строевых

командиров). В столице Литвины пробыли лишь несколько месяцев. В 1937 году Залман Литвин, получивший оперативный псевдоним «Мулат», выезжает на самостоятельную работу – нелегальным резидентом против того же противника, но на другой конец света, в США. Пока что задачу перед ним ставили непростую, но достаточно узкую. Он должен был создать агентурную сеть для связи с нашей разведкой в Японии. В Лос-Анджелесе тогда существовала большая японская колония, многие члены которой имели родственные и деловые связи с соотечественниками в стране Восходящего Солнца. Поэтому-то и было принято решение о создании резидентуры в этом городе, для вербовки японцев, проживавших в США и американцев, имевших тесные связи с Японией.

В Лос-Анджелес Литвин прибыл в 1938 году и поступил в пристижный Южно-Калифорнийский университет, где было много японских студентов. К тому же университет был серьезным исследовательским центром. Прибыл он в город с канадским паспортом на имя реального человека – Игнасия (по-польски – Игнация) Самуэля Витчака, который в 1930 году переселился из Польши в Канаду и спустя шесть лет получил гражданство этой страны. Когда в Испании началась гражданская война, настоящий Витчак прибыл туда для защиты Республики, воевал в составе Интернациональных бригад и считался погибшим в бою. Поэтому его документы использовали для легализации Залмана Литвина.

Первый год он учился в качестве вольнослушателя, без права получения диплома. Тогда ему пришлось нелегко. Все силы Литвин тратил на учебу, ни на что другое времени не оставалось. Но, успешно сдав экзамены, он стал полноценным студентом – отличником. Это дало ему право вступить в специальную организацию отличников «Фай Бета Капа», отделения которой существовали во всех университетах.

Общительный Витчак неуклонно расширял контакты со студентами. Являясь учащимся факультета политических наук, он регулярно принимал участие в семинарах. «На этих семинарах проходили дискуссии по различным проблемам, – писал он позднее в воспоминаниях. – Именно здесь в выступлениях студентов раскрывались их взгляды, в том числе и политические. Я внимательно приглядывался и прислушивался к таким выступлениям и делал для себя соответствующие выводы о том, с кем следовало бы сойтись поближе и кто мог бы помочь мне в решении стоящих перед резидентурой задач». Резидентуру он создал еще в 1938 году, тогда же сумел наладить и курьерскую связь с Японией.

В 1942 году он окончил университет, получив степень бакалавра, а через год – магистра политических наук и стал помощником профессора, позднее принимал участие в приеме экзаменов у студентов. Его авторитет и количество знакомых росли неуклонно. Постепенно Литвину удалось создать резидентуру, в составе которой было 10 агентов, как японцев, так и американцев. Причем все они работали на идейной основе, будучи антифашистами, и все отказывались от денежного вознаграждения.

После начала Великой Отечественной войны задачи резидентуры изменились. Теперь надо было добывать политическую и техническую информацию, которой американцы не хотели делиться с Советским Союзом, и которую СССР очень хотел получить. Это были материалы по авиастроению, радиотехнике, судостроению, военной промышленности, ну и, конечно же, политические. Работа шла хорошо. Положение Литвина в университете стало укрепляться. Он преподавал государственное право США, историю современной цивилизации, международное право, готовился к защите докторской диссертации в американской дипломатической академии в Вашингтоне. Ничто не предвещало беды.

Спасибо прессе – она спасла «Мулата» от ареста. Купив канадскую газету (ведь он числился канадцем), Литвин на первой полосе увидел огромный заголовок, извещавший о сенсации: «Перебежчик из ГРУ раскрывает русскую шпионскую сеть в Канаде». Газетчики извещали весь мир о предательстве Игоря Гузенко, шифровальщика советского посольства.

Гузенко знал и о нем, поскольку через канадскую резидентуру решался вопрос о приобретении для Литвина нового удостоверения личности. Дело в том, что настоящий Витчак выжил и в 1945 году вернулся в Канаду.

Литвин сел в машину, проверился и тут же обнаружил за собой плотную слежку. Ни уйти, ни встретиться с кем-либо из своих уже было невозможно. Впрочем, арестовывать его американцы тоже не имели никаких оснований. Разведчик легко мог предугадать действия своих коллег из ФБР. Они будут следить за ним, выявлять связи, постараются поймать на контакте с официальными представителями СССР. Нет, ареста пока можно не опасаться, однако способ уйти надо искать.

Он вернулся домой. Несколько громче обычного – для установленного, скорей всего, где-нибудь в квартире «жучка», сказал, что научный руководитель из Вашингтона прислал великолепный отзыв о его работе – и молча показал жене статью о Гузенко. Та все поняла.

На следующий день было воскресенье. Они поехали отдохнуть в горы и там, без микрофонов, смогли обсудить ситуацию. В понедельник Витчак попросил у университетского начальства разрешения съездить в столицу, к своему научному руководителю. На самом деле он ехал на свидание с представителем центра.

Дальше было так. «Витчак добрался на такси в Брукленд и устроился в отеле. В столице Витчак с первого же телефона-автомата позвонил по известному ему номеру. Когда на противоположном конце сняли трубку, произнес: «Будьте любезны, доктора Роди». Ему вежливо ответили: «Очевидно, вы неправильно набрали номер…»

Сигнал был принят.

«Мулат» не боялся, что «ошибочный звонок» могли засечь и прослушать фэбээровцы. Непосвященному он ничего не говорил. А представителю Центра – было понятно, что должна состояться срочная встреча неподалеку от железнодорожного вокзала».

Витчак встретился с представителем Центра и получил инструкции. Один из его друзей купил автомобиль и поставил в условленном месте. Но это было полдела. Надо было еще уйти от слежки. Помог случай. Как-то раз днем одна из его состоятельных студенток предложила мистеру Витчаку прокатиться на новой машине – недавно подаренном ее отцом «кадиллаке». Они покатались по городу, позавтракали в ресторане. Слежки не было – фэбээровцы не ожидали, что он уедет из университета днем, да еще и не на своей машине. Обратно Витчак уже не вернулся. Из ресторана он отправился туда, где его ожидал автомобиль, на котором ему предстояло добраться до другого города.

Вскоре его тайно переправили в Советский Союз. Это было в ноябре 1945-го, а в марте следующего года из Штатов вывезли и его жену с двухлетним сыном.

Возвратившись домой, Литвин продолжал работать в разведке. Выезжал в спецкомандировку в Европу. Потом преподавал в Военно-дипломатической академии, созданной в январе 1946 г. С 1956 и до самой смерти в августе 1993 года Литвин был научным сотруником Института мировой экономики и международных отношений Академии наук. Многие его статьи опубликованы в журнале института. В 1959 году в Воениздате вышла переведенная им книга Э. М. Захариаса «Секретные миссии: Записки офицера разведки». Свои воспоминания Залман Вульфович написать не успел.

Источники

[1] Павлов А., Сарновский С. Возвращение Мулата // Российская газета. М., 1994. 22 октября.

[2] Черкасов П.П. ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений): Портрет на фоне эпохи. М., 2004.

Рудольф Гернштадт: создатель двух резидентур

Этот человек создал эффективные резидентуры советской военной разведки в Варшаве и Берлине в предвоенные годы. Их отличительная черта состоит в том, что каждый из членов этих организаций знаменит не только как сотрудник той или иной резидентуры, но и сам по себе. Последними по времени стали известны супруги Велькиш.

Рудольф Гернштадт родился 18 марта 1903 года в Германии в верхнесилезском городе Гляйвице (ныне Гливице, Польша) в семье адвоката, члена Социал-демократической партии Германии. Он окончил гимназию в родном городе (1912–1921), изучал право в университетах Берлина и Гейдельберга (1921–1922), работал бухгалтером, кассиром, управляющим складом на Верхнесилезском целлюлозном заводе в Краппице – Крапковице (1922–1924). Потом Рудольф осваивал редакторскую работу в берлинском издательстве «Три маски» (1924–1928), пришел в известную либеральную газету «Берлинер тагеблатт» (1928–1936), главным редактором которой был талантливый писатель и публицист Теодор Вольф, друг его отца[1]. В газете он был сначала помощником редактора, а потом редактором (1928–1930). В 1929 г. Гернштадт вступил в Компартию Германии и побывал в Москве, вскоре стал советским военным разведчиком. В то же время он был корреспондентом своей газеты в Праге, Чехословакия и Варшаве, Польша (1930–1933). Он был известен Центру как «Арвид» и «Арбин».

Вскоре он познакомился с журналисткой Ильзей Штёбе, котрая стала его женой. Они вместе работали в «Берлинер тагеблатт». На зарубежную работу они в 1933 году отправились в разные страны, Рудольфа послали в Москву, а Ильзе – в Варшаву.

В 1933 году его деятельность в СССР неожиданно прервалась. 21 сентября в Лейпциге начался процесс болгарских коммунистов Георгия Димитрова, Благоя Попова и Васила Танева, которых фашистские власти обвинили в поджоге Рейхстага. Советских журналистов на процесс не допустили. В связи с этим НКИД СССР принял ответные меры. Опубликованное в советских газетах 2 октября сообщение ТАСС гласило: «30 сентября из Берлина выехали отозванные советские журналисты: представитель ТАСС тов. Беспалов, представитель «Известий» тов. Кайт и представитель «Правды» тов. Черняк. В тот же день из Москвы выехали германские журналисты, которым было предложено в связи с отозванием советских журналистов из Германии покинуть пределы СССР: представитель газеты «Кельнише цейтунг» г. Юст, представитель «Берлинер тагеблатт» г. Гернштадт и представитель «Локаль анцейгер» г. Гербиг…».

В Берлине, где их встречали ответственные сотрудники МИД Германии, Рудольф задержался не надолго и уже вскоре обосновался в качестве корреспондента своей газеты в Варшаве (1933–1936)[2], «в то же время сотрудничал в различных газетах прибалтийских и балканских стран как специальный корреспондент». Варшавский корреспондент ряда «буржуазных» газет и журналов (1936–1939): «Прагер прессе», «Л’Эроп-Нувелль» и др. Владел французским и польским языками.

Выполняя задание Центра Гернштадт создал в столице Польши разведывательную организацию, передававшую в Москву немало ценной информации. В созданную им группу входили: с 1933 года – журналистка Ильзе Штёбе («Альта»), работавшая в Чехословакии и Польше; её знакомый журналист Хельмут Киндлер, которого она привлекла к работе; корреспондент ряда немецких газет, а затем служащий немецкой дипломатической миссии в Польше Герхард Кегель («ХВС»), его жена Шарлотта; с 1935 года – журналист Курт Велькиш («АВС»); с 1937 года – его жена Маргарита Велькиш («ЛЦЛ»); и советник германского посольства в Варшаве Рудольф фон Шелиа («Ариец»). Помимо Праги, Варшавы и Москвы

Гернштадт побывал (в 1930–1939 гг.) в Бухаресте (Румыния), Будапеште (Венгрия) и Лондоне (Англия).

Ильзе Штёбе родилась 17 мая 1911 года в Берлине в рабочей семье. Ильзе окончила народную школу и торговое училище, получила специальность секретаря-машинистки. Работала в берлинском издательском концерне Рудольфа Моссе, была секретарем главного редактора «Берлинер тагеблатт» Теодора Вольфа. И уже тогда публиковала свои первые статьи. В редакции этой газеты она познакомилась с Рудольфом Гернштадтом, который привлек её в 1931 году к сотрудничеству с советской военной разведкой. Годом позже она выехала за рубеж в качестве корреспондента немецких, а потом и швейцарских газет. Она передавала в Берлин репортажи из Праги и Варшавы, побывала и в других странах, в частности в Швейцарии и Австрии. А в Москву шли сведения о людях и событиях в этих государствах.

Герхард Кегель родился 16 ноября 1907 года в Германии в г. Пройсиш-хербы в семье железнодорожника, который дослужился до поста начальника станции. В условиях Первой мировой войны и польских восстаний 1919–1921 годов он учился в реальном училище в г. Катовице, а когда город отошел к Польше, в школах городов Оппельн (Ополе) и Бреслау (Вроцлав). Герхард закончил школу им. Герхарда Гауптмана в 1926 году и начал изучать торговое дело в качестве ученика в филиал Дрезденского банка в Бреслау. Но эта служба перестала его удовлетворять, тогда он поступил в Бреславский университет, где изучал право и другие общественные науки. Во время учебы знакомился с социалистическими идеями в студенческом кружке. В члены Компартии Германии Герхарда приняли в 1931 году. Затем он работал в участковом суде в Болькенхайне (Больков), корреспондентом «Бреслауер Нойстен Нахрихтен». С 1934 года Кегель сотрудник посольства Германии в Польше, занимался вопросами германско-польской торговли. В мае 1934 года Кегель вступил нацистскую партию (НСДАП). В 1935 году женился на Шарлотте.

Хельмут Киндлер родился 3 декабря 1912 года в Берлине в семье служащего криминальной полиции. Учился у известного немецкого режиссера Эрвина Пискатора, затем работал ассистентом режиссера и актером в Берлине (1928–1933), был независимым писателем и журналистом (1933–1938), писал, в частности для «Берлинер тагеблатт» и «Франкфуртер цайтунг».

Курт Велькиш родился 29 сентября 1910-го в Германии в городе Зорау (ныне Жары, Польша), который находился тогда в прусской провиции Бранденбург. Его отец владел небольшим магазином «колониальных» товаров. По окончании гимназии, учился в Берлинском университете, в 1930 году вступил в Компартию Германии. По завершении в 1933 году учебы в университете Курт оказался безработным. В конце 1934 года Велькиш встретился с товарищем по партии Герхардом Кегелем, который помог ему устроиться корреспондентом в Варшаве от газеты «Бреслауер Нойстен Нахрихтен», в которой и сам ранее работал. Кегель получил от Курта согласие на сотрудничество с советской военной разведкой, и в мае 1935 года тот начал работать с Гернштадтом. Вместе с Куртом активно действовала в варшавской резидентуре и его жена.

Маргарита Рениш родилась в 1913 году в Берлине. Окончила лицей в Зорау, работал секретарем-машинисткой и стенографисткой дирекции текстильной фаюрики. В 1936 году она перебиралась в Берлин, где и повстречалась с Куртом. В 1937 году Маргарита стала фрау Велькиш.

Рудольф фон Шелиа родился 31 мая 1897 в Германии в Цесселе, ныне Польша, в семье помещика. Окончив школу, Рудольф отправился добровольцем на фронт. Он участвовал в Первой мировой войне, воевал в Польше, России и Франции. За боевые заслуги его наградили Железным крестом 2 и 2 класса. С декабря 1918 – года он студент факультета права в университетах Бреслау и Гейдельберга. Несколько месяцев Рудольф проработал референтом

в судебной палате прусского Министерства юстиции, потом перешел в МИД Германии на должность атташе Восточно-европейского отдела. С 1925 по 1929 год работал в германских заграничных представительствах в Праге, Стамбуле и Анкаре, вице-консулом Генерального консульства Германии в Катовице, Польша. С 1932 года фон Шелиа советник немецкой миссии (с 1935 года посольства) в Польше. Член нацистской партии (НСДАП) с 1933 года.

После прихода Гитлера к власти в Германии Рудольф Гернштадт продолжал сотрудничать с газетой «Берлинер тагеблатт», (нацистские власти закрыли ее в январе 1939 года), писал статьи для других немецких изданий, в частности, для пражской немецкой газеты «Прагер прессе», занимался также коммерческой деятельностью. У него было немало знакомых среди сотрудников германского посольства, дипломатов, журналистов и других деятелей в Варшаве и Берлине, что и дало ему возможность завербовать в 1937 году Рудольфа фон Шелиа.

О том как работала организация «Арвида», рассказал в своих мемурах Герхард Кегель: «…моя деятельность в качестве сотрудника посольства Германии в Варшаве, то есть в сфере гитлеровского министерства иностранных дел, являлась в тех условиях ценным дополнительным источником информации для нашей небольшой антифашистской подпольной группы. Нашу политическую работу, нашу разведывательную деятельность мы строили на основе хорошо продуманного разделения задач, таким образом, чтобы обеспечить максимальную полноту и надежность получаемых сведений и их анализа, подкрепленных, насколько возможно, соответствующими документами, и должную личную безопасность всех участвовавших в этой работе товарищей. В течение многих лет такой работы в Варшаве у нас не было провалов. Мы совершенно не пользовались передатчиком… У нас существовали другие возможности регулярной передачи в Москву полученных сведений, связанные со значительно меньшим риском»[3].

При этом, как писал Г. Кегель, Рудольф фон Шелиа «оказался просто неоценимым для нашей подпольной деятельности». Связь с ним, из соображений безопасности, подерживал только Гернштадт, ведь Шелиа не имел никакого опыта конспиративной работы и «чрезвычайно наивно относился к грозившей ему опасности».

Известен ряд донесений немецкого дипломата, которые были получены Центром[4].

Через три месяца после Мюнхенского соглашения – 20 декабря 1938-го «Ариец» сообщает: «… Мы убеждены в том, что богемский котел продолжает оставаться очагом сопротивления и что его настоящий разгром еще предстоит. Нельзя поэтому считать события на чехословацком участке законченными. Скорее всего, они находятся еще в начальной стадии. Согласно преобладающей в официальных кругах Берлина точке зрения, первая волна германской экспансии в 1939 г. будет иметь целью полное подавлении Богемии» (док. № 79).

7 мая 1939-го: «… По мнению немецких военных кругов, подготовка удара по Польше не будет завершена раньше конца июля. Запланировано начать наступление внезапной бомбардировкой Варшавы, которая должна быть превращена в руины. За первой волной эскадрилий бомбардировщиков через 6 часов последует вторая, с тем чтобы завершить уничтожение. Для последующего разгрома польской армии предусмотрен срок в 14 дней. Для подготовки нападения на Польшу запланирована с большим размахом пропаганда через прессу и радио. В ней, например, будут играть определенную роль преступления на сексуальной почве и обогащение руководящих деятелей Польши, а также эксплуатация крестьян и рабочих господствующим режимом… Гитлер уверен, что ни Англия, ни Франция не вмешаются в германо-польский конфликт. После того как с Польшей будет покончено, Германия обрушится всей своей мощью на западные демократии, сломает их гегемонию и одновременно определит Италии более скромную роль. После того как будет сломлено сопротивление западных демократий, последует великое столкновение Германии с Россией, в результате которого окончательно будет обеспечено удовлетворение потребностей Германии в

жизненном пространстве и сырье…» (док. № 276).

«Германский коммерсант» (возможно Гернштадт) 25 мая 1939-го: «… Фон Шелия на основании бесед, которые он имел 15–19 мая в Берлине с политическим директором министерства иностранных дел Вёрманом и с рядом других высокопоставленных чиновников этого министерства, а также с рядом штабных офицеров министерства авиации и военного министерства, констатировал, что в действительности в настоящее время в Берлине ни при каких обстоятельствах не хотят вступать в переговоры с Польшей… Фактором, тормозящим безусловно имеющиеся агрессивные устремления Германии в отношении Польши, является Советский Союз. По мнению влиятельных берлинских кругов, в настоящее время вопрос о позиции Советского Союза вообще является самым важным вопросом… Во всей Восточной Германии производятся крупные переброски войск в направлении восточной границы. Вследствие этих переброс войск весьма обеспокоено население в приграничных районах. Уже сейчас можно констатировать многочисленные случаи переселений во внутренние районы страны. В Берлине, напротив, за исключением высших чиновников и офицеров, настроения полностью фаталистические. Люди заняты заботами о хлебе насущном…» (док. № 308).

Курт Велькиш, пользуясь журналистским прикрытием, приобрел интересные связи в дипломатической и военной среде и завербовал для советской военной разведки двух агентов. С благословения Центра он сотрудничал с немецкими спецслжбами, в том числе с «Бюро Риббентропа» и с военной разведкой и контрразведкой – абвером. По заданию Москвы Курт неоднократно выезжал в Восточную Пруссию и западные районы Польши, откуда привозил сведения о дислокации германских и польских воинских частей.

Информация полученная «германским журналистом» (возможно Велькишем) и в тот же день оказавшаяся в Москве: «27 февраля 1939 г. я имел беседу с военным атташе германского посольства в Варшаве полковником Химером по вопросу о данцигских событиях. Во время беседы Химер рассказал мне, что недавно он вместе с другими военными атташе был принят в Берлине Гитлером. Из замечаний Гитлера об общей политической обстановке и о намерениях Германии он, Химер, вынес впечатление, что Германия вместе с Италией планирует акцию против западных держав. В отличии от чешской акции прошлого года, Гитлер не говорит о своих нынешних планах… Гитлер заявит о предстоящей акции лишь тогда, когда он будет в состоянии нанести удар на следующий же день» (док. № 136).

За два дня до вторжения гитлеровцев в Чехословакию – 13 марта 1939-го – «германский журналист» докладывал: «Беседовал с сотрудником бюро Риббентропа д-ром Клейстом относительно Чехословакии. Клейст сказал, что 6 марта 1939 г. Гитлер принял решение ликвидировать оставшуюся часть Чехословакии. В последующие дни были приняты соответствующие меры с целью осуществления этой акции… Таким образом, проектируемые сейчас меры на Востоке и Юго-Востоке служат лишь делу подготовки акции против Запада. В мае начнется колониальная кампания Германии и Италии против Франции. В Берлине надеются сломить Францию, осуществляя это отдельными этапами и по возможности мирным путем, и добиться тем самым господствующего положения Германии в Европе. В ходе дальнейшего осуществления германских планов война против Советского Союза остается последней и решающей задачей германской политики. Если раньше надеялись заполучить Польшу на свою сторону в качестве союзницы в войне против Советского Союза, то в настоящее время Берлин убежден, что Польша по своему нынешнему политическому состоянию и территориальному составу не может использоваться против Советского Союза в качестве вспомогательной силы. Очевидно, Польша должна быть вначале территориально разделена… и политически организована…. прежде чем можно будет начать войну с Россией при помощи Польши и через Польшу. И с этой точки зрения территориальные изменения в связи с акцией против Чехословакии имеют важнейшее значение…» (док. № 149).

Он же 2 мая 1939-го: «Имел продолжительную беседу с доктором Клейстом ближайшим сотрудником Риббентропа. Клейст нарисовал следующую картину политического положения… В настоящее время мы находимся еще на этапе военного закрепления на востоке. На очереди стоит Польша… Завершение подготовки Германии к войне против Польши приурочено к июлю – августу. К мерам военного характера приступили лишь недавно. Они проводятся основательно и в полном объеме при строжайшем соблюдении маскировки… Весь этот проект встречает в Берлине лишь одну оговорку. Это – возможная реакция Советского Союза. Мы считаем, что конфликт с Польшей можно локализовать. Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу. Если мы в кратчайший срок сломим в основном сопротивление Польши, то Англия устроит демонстрацию своего флота, Франция побряцает оружием за своей линией Мажино, на этом дело и кончится…» (док. № 266).

Он же 19 июня 1939-го: «На днях беседовал с доктором Клейстом из бюро Риббентропа. Клейст сказал: … В течение последних недель Гитлер обстоятельно занимался Советским Союзом и заявил Риббентропу, что после решения польского вопроса необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый раппальский этап и что необходимо будет с Москвой проводить определенное время политику равновесия и экономического сотрудничества. Военная акция Германии против Польши намечена на конец августа – начало сентября. Военные приготовления в Восточной Пруссии почти закончены, в Германии и в Словакии они продолжаются…» (док. № 333).

Он же 7 августа 1939 г. о беседе с военно-воздушным атташе Германии в Польше: «7 августа 1939 г. полковник Герстенберг, пригласив меня к себе, попросил коротко рассказать о текущих политических событиях. Затем он рассказал: … Переговоры западных держав с Москвой проходят неблагоприятно для нас. Но и это является для Гитлера еще одним доводом в пользу ускорения акции против Польши. Гитлер говорит себе, что в настоящее время Англия, Франция и Советский Союз еще не объединились; для достижения соглашения между генеральными штабами участниками московских переговоров потребуется много времени; следовательно Германия должна до этого нанести первый удар. Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши» (док. № 402).

Журналист Хельмут Киндлер разъезжал по европейским странам, собирая всевозможную информацию, в частности, в Вене и Бухаресте. Из Румынии, например, он привез подробные сведения о сотрудниках немецкого посольства. В 1938 году он устроился редактором в издательстве Ульштейна. Но это было только прикрытие для его работы в движении Сопротивления в группе «Европейский союз» Роберта Хавеманна и Георга Гроскурта.

В связи с надвигающейся германско-польской войной резидентура была расформирована. Рудольф Гернштадт, как еврей не мог вернуться в Германию и выехал в Москву в сентябре 1939 г.[5]. Ильзе Штёбе перебралась в Берлин, куда перевели и Рудольфа фон Шелиа, там же появились Герхард Кегель и супруги Велькиш.

В Центре Гернштадт в 1939–1940 годах по-прежнему занимался германским направлением. Осенью 1939 года был связным Герхарда Кегеля, который прибыл в Москву в составе германской торговой делегации. «В начале пребывания в Москве торговой делегации, – вспоминал Кегель, – Гернштадт поддерживал со мной постоянную связь. Он жил в небольшой гостинице на другом берегу Москва-реки, где иностранцы обычно не останавливались. Мы встречались с ним раз в неделю, а иногда – в две недели. Встречи чаще всего происходили у него в гостинице. Мы обменивались информацией и мнениями, обсуждали международные события. Затем я вновь оставался один…»[6]. Наряду с

выполнением разведывательных заданий Рудольф повышал свою квалификацию – посещал специальные курсы в Москве (1939–1940).

С 1940 года он работал в аппарате Коминтерна и в Главном политическом управлении Красной Армии. Но не прерывал и связей с Центром: «Вел нелегальную антифашистскую деятельность, по заданию ЦК являлся организатором и руководителем специальной группы сопротивления» (1940–1943), на этой «специальной работе» использовал псевдонимы Реннер и Франц Пеккель. Принял чехословацкое подданство в декабре 1941 г. Ветеран военной разведки Виктор Викторович Бочкарев, лично знавший Гернштадта, вспоминает: «В течение всего периода работы на германском участке 1-го отдела мне приходилось постоянно встречаться по заданию начальника ГРУ И. И. Ильичева с Рудольфом Гернштадтом, замечательным разведчиком, создавшим берлинскую резидентуру, завербовавшим семь ценных агентов, включая Ильзе Штебе, Герхарда Кегеля, Курта Велкиша и других. Несколько месяцев я проживал с ним на одной служебной квартире. От Р. Гернштадта было получено более 20 разработок и справок на военно-политические темы, связанные с фашистской агрессией, включая битвы под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. В ноябре 1942 года он подготовил обстоятельный и объемный документ, касающийся организации нелегальной работы в Германии»[8].

В 1943 г. назначен главным редактором коминтерновской немецкоязычной газеты «Fries Volk». В июле того же года на территории СССР создается антифашистский Национальный комитет «Свободная Германия», в который вошли представители немецкой эмиграции в Советском Союзе и ряд немецких военнопленных. Кадры для комитета готовила, в частности, открытая в Красногорске под Москвой Антифашистская школа, где преподавали и члены НКСГ. Они вели также большую агитационно-пропагандистскую работу среди военнопленных, готовили и выпускали в эфир передачи на радиостанции «Свободная Германия», непосредственно на фронте обращались к солдатам и офицерам вермахта с помощью громкоговорителей, издавали газету «Freies Deutschland». Главным редактором центрального органа НКСГ стал Рудольф Гернштадт.

С начала 1944 года Рудольф входил в состав Рабочей комиссии Политбюро ЦК Компартии Германии. А в мае 1945 года, по рекомендации Георгия Димитрова, его направили в Германию для издания народной газеты.

Ильзе Штёбе, покинув Варшаву, устроилась на работу сначала в информационный отдел германского МИД, а потом в отдел рекламы завода «Лингнер» в Дрездене. С помощью Рудольфа Гернштадта и известных ей по Польше людей она создает резидентуру в Берлине. Основным агентом группы является Рудольф фон Шелиа – ответственный работник информационного отдела МИД. Некоторое время с ней работали Курт и Маргарита Велькиш. Радистом «Альты» был Курт Шульце, который стал советским разведчиком в 1929 году.

Для связи со своими людьми группа использовала магазин супругов Рипитш, а связным с легальной резидентурой в посольстве СССР был Н. М. Зайцев. С резидентурой «Альты» сотрудничает и Герхард Кегель. Он с 1939 года работал в МИД Германии в отделе торговой политики сектора стран Восточной Европы. Осенью 1939 года его включили в состав торговой делегации, направленной в СССР для переговоров. Переговоры затянулись, и соглашение было подписано только 12 февраля 1940 года. Отпуск Кегель провел в Германии, где встречался с Ильзе, потом он вернулся в Москву уже как заместитель начальника торгово-политического отдела немецкого посольства. Его связными с Центром были Рудольф Гернштадт и Константин Борисович Леонтьев.

5 апреля 1941 года Кегель докладывал: «В Берлине самые ответственные круги убеждены в предстоящей войне против СССР. Назывались сроки – 1 мая 1941 года. Но в связи с событиями на Балканах срок выступления перенесен на июнь сорок первого года».

29 апреля 1941-го: «… Полковник Криппс заявил, что немцы рассчитывают всю

операцию против СССР провести вплоть до занятия Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы максимум за четыре недели… Различные немецкие дипломаты в спешном порядке отправляют ценности в Берлин».

7 мая 1941-го: «Адъютант Геринга сообщил: верховное командование отдало приказ закончить приготовления театра войны и сосредоточение войск на Востоке…».

Дважды – 20 и 21 июня 1941 года Кегель вызывал Леонтьева на экстренные встречи и настойчиво сообщал ему что война начнется со дня на день.

Когда в Турции произошел обмен советских и германских дипломатов, Кегель в конце июля вернулся в Берлин и получил назначение в Информационный отдел, там он встретился с «Альтой». Однако, связи с Центром у неё уже не было.

«Альта», также сообщала в Москву о надвигающейся войне. Помощник военного атташе по авиации, и.о. резидента полковник Н. Д. Скорняков («Метеор») докладывал «Директору»: «Альта» запросила у «Арийца» потдтверждения правильности сведений о подготовке наступления весной 1941 г. «Ариец» подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причем это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам… Гитлер считает: а) состояние Красной Армии именно сейчас настолько низким, что весной он будет иметь несомненный успех; б) рост и усиление германской армии продолжаются. Подробное донесение «Альты» по этому вопросу – очередной оказией»[9].

Опираясь, в частности, на материалы, добытые её группой, военный атташе и резидент в Германии генерал-майор В. И. Тупиков («Арнольд») отмечал 26 апреля 1941 г., что «сроки начала столкновения – возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года».

12 июня Тупиков докладывал: «Из 10 миллионов немецкой армии три четверти находятся восточнее меридиана Штеттин, Берлин, Вена. Немецкая пропаганда прекратила заявления о неизбежности столкновения на Востоке. Сведения о мобилизации в Румынии подтверждаются. «Ариец» называет теперь срок наступления против нас 15–20 июня».

16 июня 1941 г. в Центр от него поступила телеграмма: «В кругах штаба верховного командования упорно циркулирует версия о германском выступлении против СССР 22–25 июня. Заготовлены пропагандистские материалы для русских областей»[10].

Провал организации произошел после расшифровки гестапо ряда телеграмм советской разведки, искавшей возможность связаться с «Альтой». Нацистам удалось обнаружить кодовую книгу после налета в декабре 1941 года на конспиративную квартиру. В одной из телеграмм «Директора» был назван адрес Ильзы: «Предупредите «Альте», Берлин-Шарлоттенбург, Виландштрассе 3, о скором прибытии Кестнера».

Принятые гестаповцами меры позволили захватить присланных из Москвы парашютистов. А Ильзе Штёбе арестовали 12 сентября 1942 года, её допрашивали с пристрастием, но, несмотря на пытки, она никого не выдала. 14 декабря её приговорили к смертной казни. Рудольф фон Шелиа был арестован гестапо 29 октября 1942 года и обвинен в шпионаже в пользу Советского Союза. Казнили Ильзе и Рудольфа вместе с антифашистами так называемой «Красной капеллы» в берлинской тюрьме Плётцензее 22 декабря 1942 года. Среди них и радист «Альты» Курт Шульце.

Посмертно Ильзе была награждена орденом Красного Знамени «за активное участие в борьбе против фашизма, помощь Советскому Союзу в период Великой Отечественной войны и проявленные при этом мужество, инициативу и стойкость». В ГДР её именем была названа медаль, которой награждали сотрудников Министерства госбезопасности.

Герхард Кегель остался на свободе, хотя и находился какое-то время под наблюдением. В 1943 году, после Сталинградской битвы, его призвали в армию и отправили на Западный фронт. В январе 1945-го Герхарду удалось добраться до союзников, и День Победы он праздновал уже в Москве. 20 июня он приехал в Берлин, работал заместителем у Герштадта

в «Берлинер цайтунг» и «Нойес Дойчланд», возглавлял еженедельник «Ди Виртшафт», был директором одноименного издательства, занимал ответственные посты в ЦК СЕПГ, был постоянным представителем от ГДР при ООН и других международных организациях в Женеве. В 1976 году Кегель вышел на пенсию. Умер 16 ноября 1989 года, когда рухнула берлинская стена. Кегель также был награжден Советским орденом Красного Знамени[11].

Хельмута Киндлера гестапо арестовало осенью 1943 года в Варшаве, и до конца войны он находился в заключении. В послевоенные годы он стал широко известным писателем и издателем. В 1945–1948 годах Киндлер редактировал в Берлине журнал «Tagesspiegel», там же основал первое свое издательство «Ульштейн – Киндлер», потом «Ширмейер – Киндлер» в Мюнхене и, наконец, в 1960 году – Издательство Киндлера (Мюнхен – Цюрих). Им выпущены в свет такие известные словари и справочники как «Kindlers Literatur – Lexikon», «Kindlers Malerei – Lexikon», «Kindlers Enzyklopadie der Mensch», журналы «Sie», «Revue», «Bravo» и многие другие издания.

В августе 1939 года по заданию Центра Курт Велькиш покидает Варшаву и уезжает в Берлин. Устроиться в МИД, как советует Москва, ему не удается. «Бюро Риббентропа» направляет его в Литву, где он собирает политические и экономические сведения, главным образом для Москвы, но и для Берлина тоже. Маргарита остается в столице и сотрудничает с Ильзе Штёбе, которой передает информацию и от которой получает задания. Литовская командировка была кратковременной, но в глазах Берлина достаточно успешной. Курт идет на повышение. «Бюро» посылает его под журналистским прикрытием в Румынию, чтобы он освещал ситуацию на Балканах. В Бухаресте «АВС» проявил себя, с точки зрения МИД Германии, незаурядным журналистом и потому именно ему была предложена в конце 1940 года должность пресс-атташе посольства. Это дало ему возможность приобрести еще более широкий круг знакомых в немецких и румынских правительственных и военных кругах.

Работой Велькишей в Румынии руководили: 3-й секретарь полпредства СССР и резидент Григорий Михайлович Еремин («Ещенко») и его помощник корреспондент ТАСС Михаил Шаров («Корф»).

24 марта 1941 года «Ещенко» информировал «Директора»: «Дополнительно к докладу «АВС» сообщил: … В Берлине чрезвычайно широко распространены слухи о предстоящей войне Германии с СССР. Немецкая военщина упоена своими успехами. Среди военных утверждают, что Красная Армия настолько слаба, что она не сможет противостоять немецкой армии, что она значительно уступает ей по своей механизированности, что вторжение до Москвы и до Урала не составляет больших трудностей для немцев. Указывается на то, что СССР всегда был и остался врагом Германии, что, борясь с Англией, нельзя оставить в тылу такого врага, как СССР. Некоторые высказывают и такую мысль: если Германия обратится против СССР, то Англия ни в коем случае не будет помогать СССР. Она или же немедленно заключит с Германией мир, или приостановит военные действия против Германии… Некоторые указаывают даже дату – война с СССР должна начаться в мае…»[12].

Он же, 20 апреля 1941 года: «АВС сообщает: «О предстоящих военных акциях Германии против СССР в здешних учреждениях говорится открыто и без всякого сомнения, совещания Антонеску все более конкретнее касаются военных приготовлений против СССР. Соединение Бессарабии с Румынским государством с немецкой стороны выставляется как компенсация за участие Румынии в кампании против СССР. Ввиду немецко-русского конфликта Румынии было предложено из Берлина не привлекать румынскую армию к участию в войне против Югославии. Румынский генштаб получил еще, кроме того, задание провести военные приготовления в Молдавии, передвигать туда войска и сосредотачивать там армию с немецкой военной помощью. Это задание румынский генштаб осуществляет согласованно с немецкой военной миссией в течение последних дней недели. Одновременно установилось движение немецких войск в направлении к Молдавии. К началу войны против

Югославии на румынской территории находилось около 35.000 немецких войск. В немецких военных кругах указывают на то, что немецкая армия, которая в кратчайший срок освободится в бывшей Югославии, будет переброшена в Румынию и концентрироваться на русском фронте. Как предполагают, сроком для начала наступления на СССР называют время от 15 мая до начала июня 1941 года. Заявляют, что сопротивление Красной Армии на всей линии фронта можно сломить примерно в три месяца…». Сообщение АБЦ подтверждается рядом источников. Вместе с этим, факты, которые бы характеризовали соответствующую подготовку Германии и Румынии к нападению на СССР в мае месяце имеющиеся у нас данные пока не подтверждают…».

Он же, 5 мая 1941-го: «АВС сообщил: … Во время последней беседы посланника с Антонеску – стояли военные вопросы в связи с совместным выступлением румынских и немецких войск на бессарабском и буковинском фронтах. Немецкие туристы, которые приезжают из Молдовы, доносят, что там всюду сконцентрировано большое количество немецких войск и что части Тодта прокладывают спешно новые шоссе и мосты… Становится все более очевидным, что немецкие войсковые соединения перевозятся с Балкан на театр румынского фронта. Один штабной офицер расположенного в Румынии восьмого немецкого авиационного корпуса, который несколько дней назад приехал из Берлина, заявил, что раньше для начала немецких военных акций против СССР предусматривалась дата 15 мая, но в связи с Югославией срок перенесен на середину июня. Этот офицер твердо убежден в предстоящем конфликте… Герстенберг говорил о предстоящем начале немецко-русской войны, как о чем-то само собой подразумевающемся. Он заявил, что вся его служебная деятельность направлена на это событие…».

Он же, 28 мая 1941 года: «АВС сообщает, что Март из Берлина остановился в Бухаресте, сообщает на основании своих личных сведений следующее: «В отношении прошлой недели в немецко-русских отношениях ничего не изменилось. Военная акция Германии против СССР продолжает планомерно подготовляться и, как прежде, является в высшей степени актуальной. Военные приготовления идут как часовой механизм и делают вероятным начало войны еще в июне этого года… Военный главный удар против Красной Армии будет проведен при большой массированности и, по мнению немецкого военного руководства, в благоприятном для Германии исходе бой будет в пределах трех недель…».

С началом Великой Отечественной войны и отъездом советских граждан из Румынии, «АВС» и «LCL» потеряли связь с Москвой. Полностью восстановить её не удалось ни с помощью берлинской группы, ни с помощью специально заброшенных разведчиков. В отношении Велькишей у немецких спецслужб возникали подозрения, однако, серьезных улик не было, ни «Альта», ни «Ариец» их не назвали.

Когда Красная Армия освободила Бухарест в августе 1944-го, супругов Велькиш интернировали. До выяснения всех обстоятельств Курта посадили в Лефортовскую тюрьму, через полтора месяца его освободили и вместе с женой поселили на конспиративной квартире.

Прошло несколько месяцев и с ними случилось тоже, что и с многими другими военным разведчиками: как, например, с Леопольдом Треппером, Анатолием Гуревичем, Шандором Радо, Рашель Дюбендорфер, Иоганном Венцелем, Семеном Побережником. В марте 1946 года Курта и Маргариту с двумя сыновьями отправляют в Сталиногорский лагерь, там умер от туберкулеза старший сын. Весной 1951 года их этапируют в Минск, вновь арестовывают и заводят на них уголовное дело. Младшего сына помещают в детприемник МГБ БССР.

Следователи, которые ведут допросы, не желают слушать то, что говорят и пишут супруги Велькиш и упрямо гнут свою обвинительную линию. 16 января 1952 года Особое совещание при МГБ СССР они приговорены, как говорится в обвинительном заключении,

за работу «в пользу разведывательных органов Германии» и другие «преступления» к 10 годам ссылки в Красноярский край, считая с 9 июня 1951 года. В местах заключения Велькишей разыскал Германский Красный Крест и благодаря ему они вернулись на родину 12 января 1956 года. Курт умер 20 июля 1958 года, Маргарита – 18 октября 1983 года.

С мая 1945 года Гернштадт член редколлегии первой немецкой ежедневной газеты «Теглихе рундшау», издававшейся Красной Армией для немецкого населения, затем главный редактор газеты «Берлинер цайтунг», которая поначалу выпускалась армейским издательством, затем магистратом Берлина.

С марта 1949 по июль 1953 года он являлся главным редактором центрального органа ЦК СЕПГ «Нойес Дойчланд». Был также членом Временной народной палаты ГДР, Народной палаты ГДР, членом ЦК и кандидатом в члены Политбюро ЦК СЕПГ. В те годы он писал: «Я в течение 20 лет (1930–1950) пользовался доверием Советской Армии». Это подтверждает и справка на него написанная 30.09.1942 г. начальником 1-го управления ГРУ И. А. Большаковым и начальником Отдела кадров ГРУ С. И. Егоровым: «Рудольф Херрнштадт известен нам с конца 1930 г. За это время выполнил ряд специальных заданий. Все задания выполнял с исключительной аккуратностью и четкостью. Своей работой принес большую пользу нашей стране»[13].

О дальнейшем рассказал Маркус Вольф, 33 года возглавлявший внешнюю разведку ГДР: «Ульбрихт был главным инициатором решения об ускоренном строительстве социализма… Были резко повышены налоги и ограничено предоставление кредитов, приняты меры принудительного характера против крупных крестьянских хозяйств, средних и мелких предпринимателей и лиц свободных профессий. Особое недовольство вызвали распоряжения, еще более суживавшие возможности свободной деятельности церкви и духовенства. Но самым опасным стало решение о повышении цен на основные продукты питания при одновременном повышении норм выработки на предприятиях, ведь таким образом правительство восстановило против себя рабочих. Последствия были в высшей степени серьезны. В ответ на усиливавшееся давление люди не только все громче роптали, но и действовали. Более ста двадцати тысяч в первые четыре месяца 1953 года «проголосовали ногами», покинув ГДР. Осмотрительные политики, например Аккерман, Цайссер и главный редактор партийной газеты „Нойес Дойчланд“ Рудольф Херрнштадт, озабоченно следили за развитием событий и выступали за проведение менее жесткого курса»[14].

После 17 июня 1953 года, когда по всей стране прокатились выступленния рабочих, подавленные советскими войсками, Ульбрихт расправился с оппозиционерами. В июне 1953-го вместе с руководителем органов госбезопасности Вильгельмом Цайссером, Рудольф Гернштадт обвинен во фракционной деятельности «направленной на раскол партийного руководства» и исключен из ЦК и Политбюро, а в январе 1954 года и из партии. С 1954 года он был научным сотрудником Мерзебургского отделения Немецкого центрального архива, издал несколько своих исторических исследований. Умер Рудольф Гернштадт 28 августа 1966 года в г. Галле.

В. В. Бочкарев вспоминает: «Вскоре после окончания войны и в течение последующих нескольких лет значительную помощь нам оказывали Рудольф Гернштадт и Герхард Кегель. Они занимали высокое служебное положение, будучи ведущими журналистами и руководителями основных центральных газет в советской зоне Германии. Работа велась с ними теперь на доверительной основе. Контакт было поручено осуществлять мне, так как Р. Гернштадта я знал с июля 1941 года; с Г. Кегелем познакомился после окончания войны. Личные встречи в домашней обстановке проводились с ними два-три раза в месяц, за исключением срочных случаев.

Информацию мы получали по военно-политической обстановке по всем четырем зонам оккупации Германии, их материалы отличались четкостью, краткостью и

достоверностью изложения, глубиной мысли, обоснованностью выводов и наличием элементов прогнозирования предстоящих событий. При необходимости мы получали от них характеристики на интересующих нас лиц, а то и наводки на достаточно изученных кандидатов для привлечения к работе в военной разведке.

Работа с такими высокопоставленными журналистами и политическими работниками требовала также и от меня хорошей подготовленности и умения общаться с подобной категорией людей. Взаимодействуя с ними, мне удавалось использовать их опыт журналистско-информационной деятельности и в моей практической работе. Служебные контакты с Г. Кегелем переросли впоследствии (уже в более поздний пенсионный период) в личную дружбу до последних дней его жизни»[15].

Примечания

[1] Именем Т. Вольфа названа престижная журналистская премия в ФРГ, которая присуждается уже более 40 лет.

[2] К тому времени Вольф уже покинул газету и эмигрировал во Францию, нацисты арестовали его там в 1940-м и отправили в Германию, где он и погиб в концлагере.

[3] Кегель Г. В бурях нашего века. М., 1987. С.90.

[4] Документы Рудольфа фон Шелиа, а затем «германского журналиста» и «германского коммерсанта» цитируются по книге: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, сентябрь 1938 г. – август 1939 г. М., 1971.

[5] Страну покинули и его родители – Людвиг и Мария Гернштадт, позднее нацисты убили их в Чехословакии.

[6] Кегель Г. В бурях нашего века. М., 1987. С. 123–124.

[7] РГАСПИ. Ф.495. Оп.205. Д.80(2). Л.37.

[8] Бочкарев В. В. 60 лет в ГРУ. М., 2003. С.31.

[9] 1941 год: В 2-х кн. М., 1998. Кн.2. С.508.

[10] Там же. Кн. 2. С.117.

[11] Забавный факт: Герхард Кегель видимо единственный советский разведчик награжденный указом Гитлера «Крестом за военные заслуги» 2-го класса. Эту награду получили все немецкие немногочисленные дипломаты интернированные в Москве с началом войны. «За стойкость»!

[12] Здесь и далее документы: 1941 год: В 2х кн. М. 1998. Кн. 1. С.789, кн. 2. С. 98–99, 170 271–272.

[13] РГАСПИ. Ф.495. Оп.205. Д.80(2). Л.36; Там же. Д.80. Л.85.

[14] Вольф М. Игра на чужом поле. М., 1998. С. 59–60.

[15] Бочкарев В. В. 60 лет в ГРУ. М., 2003. С.62.

15 лет в советской разведке «почти во всех странах всего мира»

На вопрос послевоенной советской анкеты о профессии Йозеф Гуче отвечал: «Военный разведчик и преподаватель по подрывному делу» и добавлял, что имеет «два изобретения по подрывному делу», владеет английским языком. Тогда его деятельность в составе двух разведывательных служб СССР и армий трех государств уже подходила к концу и Йозеф назвал лишь главное из того чем ему пришлось заниматься в прошлой жизни. Сообщались его приметы: рост – 1,69 м., волосы – темные, глаза – голубые. В разведывательной деятельности принимали участие также его жена – Анна (девичья фамилия Мартин) и сын – Рудольф. Друзья называли Йозефа – Зепп, Зеппель, сокращением от его полного имени, а в партийной работе и в разведке он использовал и другие имена.

Йозеф Гуче родился 5 апреля 1895 года в г. Гредиц округа Швибус, что в Германии, в рабочей семье. Как и многие другие его свертсники он окончил восьмилетнюю народную школу (апрель 1901 – апрель 1909 г.), в его случае она находилась в г. Швибусе. Там же, сразу же по окончании школы, Зепп прошел полный курс обучения переплетному мастерству (апрель 1909 – апрель 1913) в мастерской Бернгарда. Однако работу по специальности ему удалось найти лишь в других городах страны, в переплетных мастерских Яльковского в Груденце (апрель – октябрь 1913 г.), Винкельмана в Берлине (октябрь 1913 – февраль 1915 г.).

В начале 1-й мировой войны Гуче призвали в германскую армию (февраль 1915 г.), где его определили рядовым в 24-й пехотный полк, дислоцированный в г. Нойруппин близ Берлина. После краткой подготовки (февраль – май 1915 г.), полк отправлен на Восточный фронт. Но провоевал Йозеф всего 4 месяца и 25 сентября того же года попал в русский плен. Российские лагеря военнопленных, в которых Йозефу довелось сидеть, находились на другом краю Империи: в Верхнеудинске и Никольске-Уссурийском (октябрь 1915 – май 1916), позднее он работал на металлургическом заводе «Никополь» около Мариуполя (май 1916 – февраль 1917).

После Февральской революции бежал из плена и «как свободный гр-н» устроился на работу в переплетную мастерскую Дольникова в Ростове-на-Дону и включился в революционную работу. Принят был в члены РСДРП(б) (сентябрь 1917 – октябрь 1918 г.), принимал участие в гражданской войне на Дону, Кубани и Украине. Сражался в рядах ростовского красногвардейского отряда, организовал и возглавил интернациональную роту в отряде Потапова, входившего в состав частей Красной Армии, которыми командовал Р.Ф. Сиверс. Они участвовали во взятии Ростова (февраль 1918 г.), в боях на Кубани, сражались с германскими войсками в районе Бахмача на Украине (весной – летом 1918 г.). Гуче демобилизовался из РККА (октябрь 1918 г.), «чтобы участвовать в Германской революции».

На родину он возвращается как бывший военнопленный, имея некоторый партийный и военный опыт, накануне ноябрьских событий в стране. В Берлине он вступил в Независимую социал-демократическую партию Германии, был военно-политическим советником и организатором вооруженной борьбы в столице, принимал участие в уличных боях, занимался революционной пропагандой. Вскоре после возвращения, в декабре 1918 г., женился на своей землячке Анне. Членом КПГ стал в 1920 г. Он вспоминал впоследствии, что до 1922 г. «был организатором военно-политической организации в [берлинском районе] Веддинге». К тому же работал по своей первой специальности в той же переплетной мастерской Винкельмана, сотрудником которой был и до армии (декабрь 1918 – март 1922 г.), потом, после примерно месяца безработицы, устроился переплетчиком в Государственную типографию в Берлине

(апрель 1922 – март 1923 г.), продолжая при этом свою партийную деятельность. Из типографии его уволили.

Решением руководства Йозеф перешел полностью на партийную работу и действовал отныне «главным образом, по военно-политической линии». В автобиографии он писал: «Я организовал О.Д. [Ordnungsdienst KPD] (военную организацию партии) и пролетарские сотни на заводах», т. е. он стал организатором и руководителем «Службы обеспечения порядка» партийного комитета КПГ округа Берлин – Бранденбург – Лаузиц (март 1923 – февраль 1924 г.), к тому же он принимал участие в знаменитом Гамбургском восстании (октябрь 1923 г.).

Некоторые подробности своей деятельности в 1922–1924 гг. он описал в одной из объяснительных записок: «Еще в 1922 году я получил от B.L. [берлинского руководства КПГ] поручение организовать распорядительную службу «Ordnerdienst (О.Д.)» [она же Ordnungsdienst], которая впоследствии так разрослась, что я ее руководитель должен был работать официально в этой организации. Я подчинялся тогда Карлу Фридбергу (Грел)[1]. Позже работал с Гельмутом (Скоблевским)[2]. С 1922 г. состоял также членом BL в Берлине – Бранденбурге – Лаузице». Подвергался аресту на 10 дней «за военно-организационную работу» (ноябрь – декабрь 1923 г.).

Потом он вновь оказался в Советской России. «Весной 1924 г. все окружные военно-политические руководители, в том числе и я, были присланы в Москву на первый военный курс» (февраль – август 1924 г.). Вернувшись в Берлин, продолжил работу на последней должности в окружкоме (август – октябрь 1924 г.), «работал совместно с Алоисом», т. е с резидентом РУ Штаба РККА в Германии С. В. Жбиковским, 1924–1925 гг., пока не был арестован и приговорен к каторжным работам по обвинению в государственной измене, срок наказания отбывал в тюрьме Зонненбург вблизи Кюстрина (октябрь 1924 – август 1927 г.). В конце 1924 г. германская полиция обнаружила мастерскую, где изготовлялись фальшивые документы для членов КПГ. Было установлено, что 28.03.1924 г. там изготовили паспорт и для Гуче на имя Willy Rzeznik.

После выхода на свободу он снова направлен на работу «по военно-политической линии» теперь в аппарат ЦК КПГ в Берлине, стал одним из руководителей этого направления деятельности (август 1927 – март 1930 г.), арестовывался германской полицией на 1 месяц (1929 г.). «Состоял членом Рейхслейтунга [общегерманского руководства] под руководством Шнеллера и потом Киппенбергера». Эрнст Шнеллер и Ганс Киппенбергер возглавляли военный аппарат (M-Apparat) ЦК КПГ, в том числе и партийную разведку (Nachrichtendienst), имели связь с советской военной разведкой («Кларой»).

Деятельность Гуче-старшего оценивалась руководством партии довольно высоко. Вальтер Ульбрихт, представитель КПГ при ИККИ (1939 г.): «Я знаю ГУЧЕ Иосифа как надежного партийного работника. Со стороны партии против его очень ответственной деятельности в военно-политической области жалоб никаких нет». Председатель КПГ Вильгельм Пик (1939 г.): «Он никогда не отстранялся от секретной работы, которую выполнял вначале в аппарате берлинского областного партруководства и позже в аппарате Центрального комитета партии».

Новый поворот в биографии Йозефа произошел в марте 1930 г. Он стал сотрудником советской военной разведки (март 1930 – ноябрь 1942), т. е. «работал по линии 4-го управления», как об этом сообщается в документах ИККИ 1920-х – 1930-х годов. Немецкие коммунисты между собой называли это сотрудничеством с «Кларой». В Германии он занимался, в частности, созданием разведгрупп. Опасаясь нового ареста, покинул страну в марте 1931-го с согласия ЦК КПГ. Анна некоторое время находилась под арестом в Германии (с марта 1931 г.), освобождена «под давлением коммунистической печати и голодовки», в сентябре того же года перебралась с сыном к мужу в Москву. На родине она окончила

народную школу (1898–1906), была домохозяйкой, токарем, надомницей-картонажницей (1906–1925 гг.), уборщицей в торгпредстве СССР в Берлине (1925–1927 гг.), находилась на иждивении мужа (1927–1931 гг.). Член, «активистка» КПГ с 1924 г.

В СССР Йозеф переведен в члены ВКП(б) 6 августа 1931 г., а Рудольф стал членом ВЛКСМ, окончил среднюю школу (1933 г.). Всей семье дали новые документы на весьма распространенную немецкую фамилию – Мюллер. Йозеф стал Альбертом Карловичем (иногда Зея Карловичем), его жена – Анной Львовной, а сын – Рудольфом Альбертовичем. Впоследствии, отвечая на вопрос анкеты о причине перемены имени, Гуче-старший сообщил: «служебная, по приказу Штаба РККА». Там же он отметил, что действуя в интересах советской военной разведки, выполнял ряд ее заданий: «С 1932 г. по 1933 г. в Маньчжурии. С 1935 г. по 1938 г. в Китае. С января 1940 г. по сентябрь 1942 г. в США. На короткое время почти во всех странах всего мира».

К этому следует добавить, что в Китае он находился в краткой командировке еще в начале 1930-х, видимо где-то в 1931–1932 гг. Кроме того, возможно именно он преподавал некоторое время (в 1931 г.) подрывное дело на специальных курсах Коминтерна. Начальник спецкурсов «Вальтер» (Кароль Сверчевский) докладывал (17.02.1933 г.): «Наименее обеспечено прохождение курса подрывного дела. В 1931 г. работали в этой области тт. Гриша [Христофор Салнынь] и Миллер [так в тексте], которые целиком и обеспечивали эту отрасль учебы», отметив при этом, что «основной кадр военных преподавателей привлекается из работников IV Упр-ния»[3].

Потом всей семьей они находились в Харбине, где отец был резидентом, вместе они были и тогда, когда он вел разведку в Шанхае. По работе в Китае Йозеф контактировал с Урсулой Кучински («Соня», впоследствии Рут Вернер). До последней поездки на Восток возглавлял учебное отделение в Школе РУ РККА (январь – декабрь 1935 г.). После введения в армии персональных воинских званий ему присвоили звание «полкового комиссара» (13.12.1935 г.). Между делом его сын Рудольф освоил в Ленинграде профессию радиста. Анна работала завхозом в «специальной школе НКО» на станции Сходня Октябрьской железной дороги (июнь 1933 – май 1935 гг.).

Из Китая Йозеф прибыл в июле 1938 г., но, как оказалось, еще 24.06.1938 г. он уволен в запас Красной Армии «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией», уволен с должности начальника отделения РУ РККА.

Началась проверка вернувшегося с задания нелегала. В конце концов, начальник РУ РККА И. И. Проскуров представил наркому обороны К. Е. Ворошилову (15.05.1939 г.) информацию о том, что в июле 1938 г. из зарубежной командировки приехал работник РУ б. полковой комиссар Мюллер Альберт Карлович (он же Гуче Йозеф, партклички Зепл), а также и о том, что Мюллер А. К., его сын Мюллер Рудольф (работник РУ по вольному найму, специалист-радист, работал с отцом за рубежом) и его жена Мюллер Анна не были оформлены в советском гражданстве. Проскуров напомнил наркому: «Во время доклада Вам о нем Вами дано указание проверить его по Коминтерну, и в зависимости от результата проверки поставить вопрос о восстановлении его в Красной Армии с повышением в звании и отправить на зарубежную работу», и предложил, на основании проверки, следующий план: «1. Поставить вопрос об оформлении в советском гражданстве Мюллера и его семьи. 2. Восстановить Мюллера А. К. в кадрах РККА и присвоить ему военное звание бригадного комиссара, назначив его в распоряжение Пятого управления РККА. 3. Послать Мюллера после этого на зарубежную работу» К докладу начальника РУ была приложена характеристика:

«Тов. Мюллер А. К. имеет большой опыт спецработы. Имеет целый ряд заслуг. Из личного дела видно, что Мюллер А. К. честный и преданный наш человек. То же самое говорят и отзывы о нем руководящих германских товарищей. Очень энергичный и смелый

работник. Исходя из прошлой и предстоящей ему работы, достоин присвоения ему внеочередного военного звания «бригадный комиссар».

Начальник специального отделения 5 Управления РККА
полковник Х. Мамсуров, 31.5.1939 г.
Согласен: заместитель народного комиссара обороны СССР,
начальник 5 Управления РККА – комдив [подпись] (Проскуров)[4].

05.06.1939 г. Гуче восстановили в кадрах армии и зачислили состоящим в распоряжении РУ РККА, ему, как и остальным членам семьи, предоставили советское гражданство (1939 г.), но воинское звание оставили прежнее.

«Поставленные передо мною задачи я всегда выполнял добросовестно и честно, – писал он в завершение своей разведывательной карьеры. – В 1939 г. врагами народа был уволен из Красной Армии, но после тщательной проверки моего прошлого и моей партийной и служебной работы, приказом Наркома Обороны был восстановлен в рядах Красной Армии».

Адрес Анны в то время: Большой Знаменский пер. 19. Это было одно из зданий Разведупра РККА, ранее являвшееся первой и главной штаб-квартирой Управления. Рудольф в 1939 г. стал преподавателем радиодела, довелось ему обучать и советских разведчиков. В январе 1940-го семья Мюллер выехала в служебную командировку в США, там отец служил в ВМФ.

25.11.1942 г. Гуче-старший вернулся из своей последней заграничной командировки, а чуть ранее прибыли в Москву и другие члены его семьи. Дальнейшее его пребывание в военной разведке стало, по какой-то причине, невозможным.

Спустя неделю Секретариат Вильгельма Пика обратился к заведующему Отделом кадров ИККИ Георгию Дамянову (в СССР: Георгий Демьянович Белов), 03.12.1942 г.: «Тов. Белову. К товарищу Пику был направлен немец Гуче Сепль (он же Мюллер Альберт) вернувшийся из США и работавший по линии РККА на ответственной работе. На основании § 43 дальше не может быть использован в РККА». В связи с этим Вильгельм Пик просил узнать, как в дальнейшем использовать Гуче, который является советским гражданином и членом ВКП(б), при этом было отмечено, что в Красной Армии его знает подполковник [М.А.] Мильштейн из ГРУ.

Видимо отзывы о Йозефе и его родных были хорошими, поскольку уже в декабре 1942-го он и Рудольф поступили в распоряжение 4-го управления НКВД, впоследствии НКГБ СССР. «Изучил парашютное дело, – писал глава семьи, – вылетел по спец. заданию [11.08.1943 г.], где пробыл до 25/VII 44 г. После этого я снова поехал на спец. задание, откуда возвратился 18/V 45 г.». Известно, что Гуче-старший был «спецработником» (скорее всего подрывником) в 1-й Минской партизанской бригаде, потом в Партизанском отряде им. Л.П. Берия. Партизаны звали его «дядя Миша». Рудольф же выполнял задания в качестве радиста. Работали они оба в Белоруссии и на Украине.

05.06.1945 г. отец и сын были уволены со службы в органах госбезопасности СССР. Отец так объяснил это происшествие в письме ответственному сотруднику ЦК ВКП(б) К. Ф. Вилкову (02.07.1945 г.): «Я, Мюллер Альберт Карлович (Гуче Иосиф) и мой сын Мюллер Рудольф Альбертович (Гуче Рудольф) работали в НКГБ, откуда 5/VI с/г были уволены ввиду отказа выехать в командировку, место назначения которой и срок нам не был сказан, в то время как мы хотели поехать на работу в Германию».

Лишившись работы, семья продолжала жить в Москве. Вместе с главой семьи проживали: Анна Львовна Мюллер (Гуче), родившаяся 26.07.1892 г. в дер. Калау близ Швибуса, немка, член КПГ, и Рудольф Альбертович Мюллер (Гуче), родившийся 04.11.1919 г.

в г. Берлине, немец, член ВЛКСМ. Тем временем безработную семью решило использовать на родине руководство КПГ, узнавшее, что Альберт Карлович Мюллер («Михель») и Рудольф Альбертович Мюллер («Альберт») откомандированы из 4-го управления НКГБ СССР и что оба этих товарища работали ранее, до конца 1942 г., в Разведуправлении Красной Армии и уже потом в НКВД. По данному поводу руководство КПГ намеревалось обратиться к комиссару НКВД [Н.И.] Эйтингону, полковнику ГБ [Б.А.] Рыбкину и одному из руководителей партизанского движения генерал-майору [И.Н.] Артемьеву, который знал обоих товарищей под именами Зепп и Руди[5].

Йозеф Гуче приехал на родину в 1945 г., вновь стал членом КПГ, а впоследствии СЕПГ, был назначен сотрудником муниципалитета Дрездена (1945–1946 гг.), затем занимал посты: директора промышленной конторы (1946–1947 гг.), президента Управления полиции земли Саксония в Дрездене (1947–1949 гг.), начальника Управления по охране народного хозяйства Саксонии, которое с февраля 1950 стало называться – Саксонское земельное управление госбезопасности (1949–1950 гг.), начальника Дрезденского окружного управления Министерства госбезопасности ГДР (1952–1953 гг.), начальника Информационного бюро при МГБ, оно же – Отдел специальных заданий (1953–1955 гг.), начальника Контрольной инспекции (1955–1957 гг.). Имел звание генерал-майора (1954 г.). В отставке с 1957 г., занимался общественной и партийной работой.

Награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I ст. (1945 г.).

Умер Йозеф Гуче 4 мая 1964 г. в Берлине, ГДР.

Рудольф Гуче после войны учился в специальной авиашколе (1945–1946 гг.), вступил в СЕПГ, назначен в Управление народной полиции Лейцига, сначала переводчиком, затем начальником 5-го комиссариата – так поначалу назывались органы госбезопасности ГДР (1946–1949 гг.), был заместителем начальника Управления по охране народного хозяйства Тюрингии – с февраля 1951-го это земельное управление МГБ ГДР по Тюрингии (1949–1950 гг.), начальником 8-го отдела (наружное наблюдение и арест) МГБ в Берлине (1950–1957 гг.), заместителем начальника радиоотдела МГБ (1957–1961 гг.), преподавателем Высшей юридической школы МГБ в Потсдаме (1961–1962 гг.), начальником координационного пункта Карлсхорст Управления службы тыла (1962–1975 гг.). Имел звание подполковника (1953 г.). В отставке с 1975 г.

Награжден золотым орденом «За заслуги перед Отечеством» (1985 г.).

Умер Рудольф Гуче 3 октября 1988 г. в Берлине, ГДР.

Примечания

[1] На самом деле его звали Карл Рецлав, он же Грёль и Фридберг, Карл был одним из руководителей военной организации КПГ в «общегерманском масштабе», 1920–1924 гг.

[2] Один из наиболее известных псевдонимов В. Р. Розе, нелегального резидента Разведупра в Германии, руководителя военного аппарата КПГ, участника подготовки событий известных как «Германский Октябрь», 1922–1924 гг.

[3] РГАСПИ. Ф.495. Оп.25. Д.1349. Л.4.

[4] РГВА. Ф.37837. Оп.6. Д.254. Л.414.

[5] РГАСПИ. Ф.495. Оп.205. Д.10519.

Болгарские разведчики и резиденты

Резидент в Турции «Давыд Давыдов»

Под этим псевдонимом в Константинополе работал Никола Христов Трайчев, он же Николай Христофорович Трайчев, так называли его в Советской России. Он окончил 3 класса гимназии (1902) и вечерние торгово-коммерческие курсы. Владел турецким, греческим, испанским, итальянским, французским языками, знал югославянские языки. В столице Турции Трайчев обосновался в 1909 г. как представитель АО «Марица» (Фегели и Ко), имея уже опыт коммерческой работы. Успешно сотрудничал (1909–1925 гг.) и со многими другими компаниями (помощник агента, агент, агент-представитель). Наряду с торговой деятельностью, занимался профсоюзной и партийной работой, «с начала 1910 года до конца 1915 года принимал активное участие в подпольной работе русских товарищей политэмигрантов и каторжан, работающих в Константинополе…, был близким другом тов. Камо Грядеши (Камо – Симон Петрусьян)».

Отслужив рядовым в болгарской армии (1915–1918 гг.), он организовал и возглавил нелегальную интернациональную организацию (1918–1919 гг.), которая занималась разведкой и агитацией среди войск интервентов в Константинополе, поддерживала связь с Румчеродом (Центральным исполкомом Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы), а затем и с подпольной интернациональной группой в Одессе – Иностранной коллегией. «В конце 1918 года и 1919 года заведывал перебросочным пунктом на границе – Кара Агач-Одрын».

Нелегальным резидентом Региструпра Полевого штаба РВС Республики – Разведупра Штаба РККА в Турции он назначен в 1920 г. Трайчев вспоминал: «С начала 1920 года и до середины 1925 г. работал в Константинополе по нелегальной работе вместе с др. товарищами по созданию связи и переброске работников, как из России, так и из Балкана и Западной Европы, несмотря на то, что с середины 1922 года по серед. 1923 г. был выслан из Турции в Болгарию». Вернувшись в Турцию стал неофициальным консультантом торгпредства СССР (1924–1925), «как один из знатоков рынков Турции и Балканского полуострова», но в середине 1925 г. дальнейшее пребывание в Константинополе стало для него невозможным. Ведь он «за политические дела сидел в тюрьмах: в 1912 году и в 1925 году в Турции, в 1919 году в Болгарии, с 1921 г. по 1922 г. в английской тюрьме в Константинополе».

Потом он был на коммерческой и хозяйственной работе в торгпредствах СССР в Греции и Египте, в СССР (1925–1932 гг.), по делам службы бывал и в других странах. По ходатайству заведующего ОМС ИККИ А.Л. Мирова-Абрамова переходит на работу в эту организацию. Ведает каналами связи Коминтерна в Одессе (январь 1932 – июль 1934 г.) и Батуме (июль 1934 – июнь 1936 г.) под именем Давида Лазаревича Мованова, одновременно и на «спецработе в НКВД» (1932–1936 гг.). «Имеет широкий круг знакомых коммерсантов и фабрикантов, у которых он был вполне доверенным лицом» (17.12.1936 г.). С 1936 г. вновь на хозяйственной работе в Советском Союзе.

За несколько месяцев до смерти он писал (17.02.1941 г.): «За этот период времени не имел ни одного провала и нет ни одного задания, порученного мне от партии (невзирая на трудности, риск и сложность его), которое бы я не выполнил».

Тайная радиосвязь

С 1920 года действовала группа на Софийской почтово-телеграфной станции, которая передавала нелегально информацию в Москву (для Коминтерна и разведки). Станция была

промежуточным пунктом радиосвязи Франции и Польши с радиостанцией генерала Врангеля в Севастополе. Участником нелегального радиообмена с советской стороной был начальник Софийской радиостанции Антон Слоневский и семь его сотрудников, среди которых известный впоследствии советский военный разведчик Николай Янков (Яблин). Поначалу они лишь саботировали передачу телеграмм, регулярно меняя похожие цифры в шифровках, прерывая связь со ссылкой на помехи и плохую слышимость. Как отмечал впоследствии Н. Яблин, они «вносили свой хоть и небольшой вклад в дело разгрома белогвардейских полчищ». Потом им удалось наладить радиосвязь ЦК БКП с Коминтерном и Профинтерном, она «осуществлялась через Драгоя Коджейкова, который давал шифровки кому-нибудь из нас. Мы же их передавали в два часа ночи, когда деятельность других станций была минимальной, и наименьшей была вероятность, что нас подслушают. В этот краткий интервал, бывший в нашем распоряжении, мы отправляли сигнал – настройку «V», сразу же после него устанавливали связь и быстро передавали шифровку, которая обычно была краткой». В «Наставлении по радиосвязи с Софией», составленном болгарской стороной, было сказано: «1. Длина волн Софийского радио 2800 метров. 2. Самый удобный час для переговоров с Софией – с половины 1 до 2 часов ночи по восточно-европейскому времени, или – с половины 3 до 4 часов ночи по русскому времени. В это время наши товарищи на радио в Софии обязательно будут ожидать вызова, а также могут передавать, если только в это время около радио не окажутся французы, в руках которых Софийское радио и находится…». Но несмотря на все меры предосторожности «однажды нас услышал дежурный радиостанции союзников и на следующий день сообщил болгарским властям». Последовали аресты, однако почтовикам удалось убедить полицию, что телеграмма передана не ими, а союзники занимаются интригами, подслушивая суверенную радиостанцию. Все они были освобождены, а эта секретная работа продолжалась до 1923 года. В «Наставлении» отмечалось, что «на Софийском радио очень хорошо слышны все известия из Москвы, Николаева и Одессы».

Софийская резидентура Христо Боева

В начале 20-х годов в стране было несколько резидентур советской военной разведки, большинство из которых просуществовало до 1923 года. Главное направление их деятельности – белая эмиграция. Нелегальная резидентура была образована в Софии под руководством болгарского коммуниста Христо Боева, только что отучившегося несколько месяцев в Академии Генерального штаба в Москве (сентябрь 1920 – июнь 1921 г.). Его внешность описал один из сотрудников резидентуры Р.Габровский: «Небольшого роста, но атлетического сложения, с резкими движениями сангвиника, с проницательными синими глазами, улыбчивый, молодой и жизнерадостный мужчина 25 – 26-ти лет». Он же добавлял: «Разведывательный аппарат наш был стройным, надежным и функционировал безупречно. Когда я попал в его ряды [осень 1921-го – авт.], он уже был создан».

Связь с Советской Россией осуществлялась в основном по морю. Тесные взаимоотношения у резидентуры были налажены с другими разведгруппами в Болгарии, Румынии, Турции и Югославии. Помощь советской разведке (и в частности организации Х.Боева) оказывала разведывательная служба военной организации Болгарской компартии. Только в Софии на неё работало свыше 200 человек в Общественной безопасности, МВД, Военном министерстве, иностранных посольствах, полицейских участках и многих других учреждениях.

Ближайший помощник и заместитель резидента – известный писатель-юморист, издатель журнала «Маскарад» Тома Измирлиев («Фома Фомич»), он заведовал связью с заграницей и часто выезжал в другие государства: Австрию, Турцию, Румынию, Советскую

Россию и т. д.

Радослав Габровский, его осенью 1921-го привлек к работе Измирлиев, а он в свою очередь завербовал поручика 2-й велосипедной дружины в Софии Радослава Цветкова, своего дядю поручика запаса Ивана Филкова из Русе, уездного начальника в г. Кюстендил майора запаса Ивана Станчева («Пеев»), Георгия Арнаудова, актера Цено Кандова, кельнера Ивана Ганчева. Кроме того, поддерживал связь с людьми, переданными ему Боевым: гвардии майором запаса Христо Ботевым, сыном генерала Кирила Ботева и племянником национального героя Болгарии Христо Ботева; с Николой Гавриловым, заведовавшим партийными ячейками в 1-м и 6-м пехотных полках в Софии, с поручиком Иваном Подстригановым, разведчиком прибывшим из Советской России, и с «Алёшей», бывшим солдатом врангелевской армии, который стал активистом Союза за возвращение на Родину и поступил на работу в коммунистический кооператив «Освобождение» в Пернике. Связь с Военной комиссией ЦК БКП он держал через Косту Янкова, члена этой комиссии. Перед группой Габровского резидент поставил следующие задачи: 1. Вести разведку планов и деятельности войск Врангеля в Болгарии. 2. Постоянно держать в поле зрения то, что творится в реакционных буржуазных кругах. 3. Собирать секретные сведения политического и военного характера. 4. Проникнуть в высший государственный аппарат.

Радослав Цветков – сообщал о передвижении воинских частей, обучал других разведчиков военному делу и езде на мотоцикле.

Иван Филков – передавал сведения о размещении белогвардейцев в придунайских селах и другую информацию военного характера.

Иван Станчев («Пеев») – вел разведку в административных органах, ему удалось раздобыть сначала военный, а потом и правительственный шифр. Резидент высоко оценивал его деятельность.

Георгий Арнаудов – по заданию Боева порвал с партией и вступил в Молодежный союз Демократической партии. Предоставил список всех участников поджога Партийного дома в 1921 году.

Цено Кандова – работал среди врангелевцев, иногда выполнял функции зарубежного курьера. Перевез из Софии в Вену и передал в советское полпредство чемодан с документами, добытыми резидентурой.

Никола Гаврилов – от него поступала военная информация, кроме того, он занимался изъятием оружия для нужд партии.

Иван Ганчев – знал русский язык, работал официантом в ресторане «Кеберле» на площади Славейков, где собиралась белогвардейская аристократия, там же работал другой разведчик – мичман Сергей Чайкин. Через Ивана Ганчева проверялись и дополнялись донесения, которые Чайкин передавал своему куратору И. Николаеву.

С майором запаса болгарской армии Иваном Николаевичем Николаевым, доверенным лицом председателя правительства Александра Стамболийского, который неоднократно посылал его с особыми дипломатическими и экономическими миссиями за рубеж, в том числе и в Советскую Россию резидент встречался лично. У Николаева были обширные связи и с военной верхушкой белой эмиграции, так как в 1919–1920 годах он был военным атташе Болгарии при штабах А.И. Деникина и П.Н. Врангеля.

Среди других сотрудников: Карло Луканов, Петр Коларов, Георгий Зуйбаров, Димитр Гичев, а также адвокат – коммунист из Шумена, входивший в руководство одной из местных реакционных партий, переплетчик Карагёзов, который изготавливал двойные днища в чемоданах, чтобы перевозить секретные документы, курьер Донского атаманства «Володя».

Главная явка резидентуры была на улице Веслец № 10 в квартире адвоката Светослава Колева, имевшего контакты с важными особами из государственного аппарата. Помимо встреч разведывательного характера, там велась и другая работа – разведчики с помощью

ручного точильного станка спиливали фабричные клейма с пистолетов, присланных из Советской России. Р. Габровский отмечал впоследствии: «Кто не пытался наждачным кругом спилить фабричные марки, выбитые на вороненой и хорошо закаленной стальной поверхности, тот не имеет представления о том, что значит современное понятие «трудоемкий процесс»».

Секретный архив резидентуры хранился в квартире египетского консула итальянца по происхождению графа Монтефорте, который снимал один из апартаментов на улице Сан Стефано у родственника своей жены майора Х.Ботева. Он был вывезен оттуда незадолго до отъезда резидента.

Весной 1922 года резидентура получила сведения, что объединение партий «Народный сговор» готовит государственный переворот с помощью белогвардейских воинских частей.

В Софии, Шумене, Велико Тырново, Варне и других городах советской разведке удалось изъять или получить копии документов, которые свидетельствовали о таком заговоре. Часть документов была опубликована в центральном органе БКП газете «Работнический вестник». В том числе: Приказ № 21 от 10.II.1922 г. об учреждении экстерриториальных врангелевских военных судов в Болгарии, распоряжение П.Н. Врангеля № 268 от 9.IV.1922 года о приведении в полную боевую готовность его воинских подразделений в Болгарии, чтобы оказать содействие перевороту. И правительство А. Стамболийского начало действовать. 6 мая 1922 года полиция совершила внезапный обыск в штабе белогвардейцев в гостинице «Континенталь». Изъят был секретный архив штаба, благодаря которому была раскрыта шпионская организация, во главе с полковником Самохваловым. Обнаружились связи «Народного сговора» со штабом Врангеля в целях подготовки переворота. На внеочередном заседании Совета министров 11 мая принято решение постепенно выдворить из страны всех русских офицеров и генералов, а солдат расселить по всей стране, но не более 50 – 100 человек в одно место. 26 мая были арестованы и высланы в Югославию и Грецию свыше 150 высших чинов врангелевских войск, среди них А. П. Кутепов, Ф. Ф. Абрамов, П. Н. Шатилов.

Новые материалы, полученные резидентурой, были отчасти использованы для публикаций в «Работническом вестнике» в августе и сентябре 1922-го. Картину дополняли сведения, полученные софийской разведывательной группой Бориса Шпака (Базарова) из Сербии и Румынии, а также информация, доставленная из Турции. Руководитель группы в резидентуре Николы Трайчева Крыстю Кытев (Христиан Катев) получил ценные данные, которые его сотруднику капитану запаса Димитру Тодорову предоставил его друг будущий военный министр Теодоси Даскалов. Речь в документах шла о попытке белых свергнуть правительство А. Стамболийского и о подготовке военных действий против Страны Советов.

А 9 ноября полиция и солдаты окружили штаб генерала В. Л. Покровского в городе Кюстендил, в ходе последовавшей за этим перестрелки генерал был убит.

После государственного переворота 9 июня 1923 года Боев в конце того же месяца выехал в Югославию, где некоторое время продолжал свою работу. Тома Измирлиев переехал в Хасково, а оттуда ему удалось эмигрировать в Турцию. Покинули страну и некоторые другие сотрудники этой мощной разведывательной организации. По словам Христо Боева, итоги работы резидентуры «были высоко оценены как ЦК нашей партии, так и Центром».

Существенную помощь советской военной разведке оказывал Станчо Трифонов, помощник градоначальника Софии (1921–1923 гг.). Награжден позолоченной табакеркой с буквами «КИ» на крышке и надписью на внутренней стороне: «Дорогому Станчо Трифонову – истинному другу Советской Рабоче-крестьянской России от Р.О. Советского кр. кр.». Впоследствии он был политэмигрантом в Югославии, Чехословакии и Франции (1923–1933 гг.), вернулся на родину, неоднократно подвергался преследованиям со стороны властей. По некоторым данным был отравлен в концлагере.

Впоследствии «по линии Разведупра РККА» Христо Боев – Федор Иванович Русев работал в Югославии (1924 г.), Австрии (1925 г.), Чехословакии (1926 г.), Турции (1928–1931 г.), Китае (1936–1938 гг.). Судя по документам, его деятельность оценивалась положительно. Вот, например: «В 1921 г. прибыл в СССР и в течение 20 лет выполнял работу по линии Генштаба Красной Армии. По работе характеризуется с положительной стороны». И это несмотря на провал в Чехословакии, когда Боева – сотрудника советского полпредства Христофора Ивановича Дымова – выслали из страны. Уволен из РККА и отправлен на пенсию 29.05.1939 г. Жил по-прежнему в Москве, занимался переводами, был ответственным редактором в Издательстве литературы на иностранных языках. Выехал в Болгарию в мае 1945 г. Приметы: «рост 164 см., волосы – шатен, глаза синие, другие приметы – нет».

Христо Боев и Николай Янков (Яблин)

В 1923-м в Вене появился и обосновался Христо Боев, приехавший туда из Болгарии, где он был резидентом. Перед Боевым, который в Разведупре работал под именем Федор Иванович Русев, кроме всего прочего ставились задачи по организации контактов с левыми организациями на Балканах. В связи с этим он встречался в Вене в декабре 1924-го с Георгием Димитровым, руководителем Заграничного бюро БКП и секретарем Балканской коммунистической федерации. Г.Димитров – И.А.Пятницкому, 8 декабря 1924 г.: «…Меня удивила инструкция, данная в Москве т. Русеву… В этой инструкции, которую я имел возможность вчера прочитать, на т. Русева возлагаются чисто политические задачи, которые входят в компетенцию именно балканского центра в Вене, а именно: самостоятельное установление связи с национально-революционными организациями в Македонии, с Земледельческой партией в Сербии, с левым крылом Земледельческого союза в Болгарии, с Паницей в Греции и т. д. [Тодор Паница, деятель македонского движения, один из руководителей Македонской федеративной организации. – Прим. авт.] Прошу Вас настоятельно потребовать от т. Уншлихта эту инструкцию и немедленно вмешаться, чтобы избежать нежелательного и чрезвычайно вредного раздвоения в этой важной работе, особенно сегодня, когда мы имеем уроки с македонским движением… Ваш Виктор». Однако, судя по документам, требование Димитрова если и было выполнено, то только отчасти. В дальнейшем Боев – Русев продолжал заниматься военно-политическими вопросами по Болгарии и Югославии, куда он неоднократно выезжал.

С ним встречался (дважды получал для себя австрийские паспорта и связь с германскими коммунистами) другой болгарин Николай Янков (Яблин), которого Боев направил на разведработу в Берлин с паспортом на имя Эрнста Блюмауера, австрийского коммерсанта. В столице Германии он приступил к работе под руководством Августа Песса и Бронислава Бортновского, легальных разведчиков, сотрудников посольства СССР.

Много лет спустя Николай вспоминал: «Около Галлишестор [на Блюхерштрассе, 69] мы открыли магазин радио-частей и радиоприемников. К торговому помещению примыкала темная комната без окон, где мы устроили мастерскую и лабораторию. Из ЦК германской компартии мне прислали товарища, ставшего «владельцем» магазина, и специалиста по точной механике по имени Фриц Нейман, с которым мы сначала со-бирали радиостанции, работавшие на средних волнах, а впоследствии – портативные коротковолновые радиостанции». Одновременно он учился в берлинской Technische Hochschule, потом в Париже окончил Ecole d’ingenieur electrotechnique et radiotechnique, там же занимался частным образом у видного специалиста по радиотехнике профессора Мени. Ранее обстоятельства вынудили его сменить документы, теперь он был Эрнстом Фридманом.

Вернувшись в Германию, он привлек к разведработе эмигранта из России инженера-радиотехника д-ра Сергея Зейлигера, ассистента Альберта Эйнштейна. Зейлигер помог

Николаю «сконструировать одни из первых тогда коротковолновых радиостан¬ций, каждая из которых была смонтирована в двух чемоданах и работала от сети переменного тока». Яблину «были указаны три квартиры в берлинских при-городах», в каждой из которых он «установил по радиостанции, во-первых, для испытания радиуса действия, а во-вторых, для связи с Москвой. Чтобы не вызвать подозрений медные антенны были заложены в деревянные шесты, на которых можно было поднимать немецкие национальные флаги». Рации успешно прошли испытания, поддерживая связь с Москвой более шести месяцев. Затем они были отправлены в СССР.

Затем ему поручили установить, какие новые модели передатчиков и приемников разрабатывались тогда в концернах «Телефункен» и «АЭГ». Яблин вспоминал: «В сопровождении сотрудника советского торгпредства я отправился к одному из директоров «Телефункена» – Лансбергу и, представившись ему под именем Брагина, сделал большой заказ на оборудование для радио- и телефонной связи, необходимое военному ведомству Совет¬ского Союза. А по требованию народного комиссара обороны товарища Ворошилова закупил для Гене¬рального штаба специальные телефоны, вызывавшие не звонками, а световыми сигналами».

В 1928 г. его отозвали в Москву, где он продолжал работу в военном ведомстве, не теряя связи с Разведупром. Среди подготовленных им для разведки радистов был и Макс Клаузен, будущий соратник Рихарда Зорге. Продолжал и сам учиться на военном факультете Инженерной академии связи им. В.Н. Подбельского (1933–1938 гг.). Был необоснованно репрессирован «по подозрению в шпионаже» (1938–1946 гг.), после освобождения работал в пос. Весьегонск Калининской области. Вернулся на родину в марте 1948 г.

«Имел некоторое отношение к органам нашей разведки»

14 января 1932-го в Варну вернулись болгарские коммунисты Гиню Стойнов и Васил Карагёзов, работавшие на стройках в Турции и выполнявшие там партийные поручения. В Стамбуле в 1930 году они познакомились с советским моряком и военным разведчиком С. И. Ульяновым, который ходил в Турцию на пароходе «Чичерин». Стефан Иванович привлек Стойнова и Карагёзова к разведывательной работе, обучал их и давал задания. Впоследствии они стали встречаться чаще, поскольку Ульянов перешел на работу в советское посольство. Вернувшись домой Гиню и Васил восстановили старые партийные связи и возобновили разведывательную деятельность. Каждый месяц Георгий Винаров, кочегар парохода «Бургас», отвозит в Стамбул шифрованную информацию, карты побережья и минных заграждений, фотоснимки, сделанные с суши и с моря (в распоряжении Гиню была парусная лодка «Радецкий»). Несколько месяцев Стойнов служил в трудовой болгарской армии (май – ноябрь 1933 г.), в основном в топографической группе (5,5 мес.), где получил хорошую подготовку. Васил Карагёзов, который заведовал военным отделом Варненского окружкома БКП и помогал Стойнову, был арестован в августе того же года. А в декабре на эту должность назначен Гиню. Он расширяет партийную сеть в воинских частях и возобновляет передачу сведений и материалов в Центр. В марте 1935-го полиция арестовала почти весь состав окружкома партии, но Стойнов избежал этой участи и перешел на нелегальное положение, продолжая партийную и разведывательную деятельность, а в сентябре 1935 г. по решению ЦК БКП эмигрирует в СССР, куда прибыл 6 октября того же года. Ему еще предстоит вновь возвратиться в Болгарию и встать во главе разведывательной группы, в которую войдет и Васил Карагёзов.

В 1937 г. Стойнов окончил Международную Ленинскую школу и находился в распоряжении ИККИ. Он отмечал: «связи по специальной советской работе имею с 1932 г. и когда прибыл в СССР также их поддерживал». Поэтому неудивительно, что 17.02.1938 г.

к В. Коларову обратился заместитель наркома Рабоче-Крестьянского Красного Флота СССР П. И. Смирнов с просьбой перевести Гиню в распоряжение Разведотдела РККФ, поскольку «Стойнов в прошлом уже имел некоторое отношение к органам нашей разведки». Просьба заместителя наркома была удовлетворена.

Его называли «Красным генералом»

Первый советский военный атташе в Болгарии полковник В. Т. Сухоруков получил информацию о Заимове от его друга детства, главного резидента советской военной разведки в Европе Ивана Винарова. Помимо этого, сведения о генерале Заимове имелись и в Коминтерне, информация касалась деятельности Военного союза (лиги) и суда над его членами, среди них был и инспектор артиллерии генерал-майор Владимир Заимов (1935–1936 гг.). Он неоднократно посещал советское полпредство. Так, например, 24.07.1935 г. посол Ф. Ф. Раскольников и военный атташе В.Т. Сухоруков дали вечером большой прием (08.30–12.00) для болгарских военачальников, среди которых был и генерал-майор Заимов. Как писали местные газеты «на приеме были только господа без дам». Как установила через несколько лет полиция Заимов встречался также с советскими военными атташе А. И. Бенедиктовым и И. Ф. Дергачевым. Со всеми тремя генерал вел «политические разговоры».

Привлек его к разведработе в январе 1939 г. преемник арестованного в Москве Сухорукова полковник А. И. Бенедиктов («Хикс»). Центр расценил это как успех. Новому советскому агенту дали псевдоним «Азорский». Примеру Заимова последовали другие оппозиционно настроенные офицеры запаса, в том числе племянник генерала – Евгений Чемширов. Свидетельствует документ из архива Центра: «В июле 1938 года с генералом Заимовым познакомился военный атташе Советского Союза в Болгарии полковник Александр Иванович Бенедиктов. В ноябре 1938 года на одной из встреч с Бенедиктовым Заимов сообщил, что он и ряд его друзей, главным образом из среды офицеров запаса, согласны присоединить свои усилия к борьбе против немецкого политического и экономического проникновения в Болгарию».

«Смирившись» с отставкой, Заимов открыл собственную картонажную фабрику с патриотическим названием «Славянин», служившую прикрытием его агентурной сети. Созданная им организация поставляла военно-политическую информацию не только по Болгарии, но также Германии, Румынии, Турции, Югославии, Греции. В июле 1939 г. Заимов выехал через Белград и Будапешт в Германию и провел там две недели. Как представители картонажной фабрики, ездили туда и его сотрудники. Когда началась Вторая мировая война, у работников «Славянина» сразу появилось множество «служебных дел» в оккупированных гитлеровцами странах. Наметанным глазом они примечали множество мелких, но исключительно важных деталей, а затем, по докладам подчиненных и собственным наблюдениям, опытный аналитик Заимов составлял доклады о боевой технике вермахта, тактике и передислокации воинских частей.

Согласно сведениям полиции, когда Болгария стала членом Трехстороннего пакта и в страну вошли германские войска, советский военный атташе И. Ф. Дергачев попросил Заимова узнать, между прочим, о передвижении германских войск в стране, о мостах на Дунае, численности проходящих частей, роде войск, нумерации, дислокации и других сведениях о них. Заимов дал поручение Евгению Чемширову, а тот Янко Георгиеву Янкову, живущему в Софии и Бениамину Георгиеву Дубовицкому, живущему в Варне. Все трое в многочисленных поездках собрали нужную информацию. Значительное внимание «Азорский» уделял позиции Турции.

В марте 1940 г. Заимовым создана информационная группа призванная освещать закулисную деятельность дворца и правительства страны. В сферу интересов ИГ входила

также деятельность немцев, итальянцев, англичан и французов в Болгарии. Эта задача, по данным Центра, успешно выполнялась. В мае – июле 1941 г. группа передавала информацию о политике болгарского правительства по отношению к СССР, о продвижении германских воинских частей на Восток, предупреждала, что война может начаться в июне 1941 г.

Вот лишь некоторые из сообщений «Азорского»:

24.05. 1940 г.: «В Болгарии находятся около 20.000 немцев, расквартированных в селах и провинциальных городах Болгарии, из них более 1.000 военных. Председатель немецкой экономической делегации Клодиус за время пребывания в Софии дважды был принят царем. Клодиус спросил царя: «Почему Болгария сидит на двух стульях?» и сказал, что необходимо придерживаться определенной ориентации или с Германией, или с СССР. Клодиус склонял царя на сторону Германии. На болгарском празднике 24 мая из дипкорпуса присутствовал только германский посол. Немцы ведут усиленную пропаганду. Население встревожено создавшимся положением».

03.06.1940 г.: «С сентября 1939 года из Германии в Болгарию прибыло более 20 тысяч немцев. Военных более 1.000 человек. Немцы проживают в Софии, Бояна, Овча Купель, Княжево и других населенных пунктах. По другим источникам, в Болгарии находятся более 8.000 немецких солдат и офицеров. В штабе болгарской армии работают тайно два немца».

«Азорский» в июле 1940 года передал в Москву информацию о деятельности Германии и Англии в Болгарии, политический и военный обзор по Югославии.

01.07.1940 г.: «За последнее время из Германии в Болгарию усилилась доставка самолетов, танков, грузовых автомашин, орудий и др. вооружения. В Македонии немцы проводят организацию специальных отрядов с целью переброски их в Турцию, Грецию и Сербию в помощь пятой колонне. В Болгарии находятся 24.000 немцев, среди которых много летчиков. Летчики встречаются в Божурице, Плевене, Шумене, Варне, Руссе, Бургасе, Пловдиве, Казанлыке, Тырново и др. В Варне находятся 30 немецких офицеров, которые проводят серетную съемку побережью Черного моря. В Варне немцы имеют склад горючего с бензином в 25.000 тонн».

05.07.1940 г.: «Германия активно снабжает Болгарию оружием. Из Германии в Лом в июне прибыло 20 вагонов-цистерн с авиационным бензином и 500 грузовых автомашин. Немецкая организация «Труд и радость» подготвливает курортные места на 20.000 немецких «рабочих». После частичной мобилизации болгарская армия насчитывает в настоящее время 250.000 человек».

13.07.1940 г.: «В Болгарии находятся 200 немецких самолетов и 450 летчиков-инструкторов. Многочисленная переброска немцев в Болгарию может явиться опорной базой Германии по осуществлению плана немцев «поход на восток».

29.09.1940 г.: «Из Германии в Болгарию прибыло 200 самолетов и 400 летчиков. Около Одрина турки сосредоточили 600 танков. Турки подбили один болгарский самолет, который сумел сесть на болгарской территории».

26.10.1940 г.: «В Болгарии немецких формирований нет, но немцы находятся в частях болгарской армиив качестве инструкторов. На юге страны много гражданских немцев, которые проживают на болгаро-турецкой границе».

26.11.1940 г.: «В ночь на 26 ноября начинается переброска немецких войск из Румынии через Самовит на юг. Пассажирские поезда отменены».

07.12.1940 г.: «Царь Борис 3–4 декабря был в Германии. В ночь на 6 декабря через Шумен на Варну прошел эшелон (40 вагонов) с немцами. 3 декабря через Разград на Попово прошло 90 крытых немецких грузовых машин с немцами в военной форме. Казармы в Плевене освобождены для немцев».

12.12.1940 г.: «В Варне 200 немцев в форме. 2 декабря в Селиево прибыли 40 грузовых военных машин с немцами. В Лисковец немецкий военный лагерь. 6 декабря через Горно-Ореховец в Сливен пришли 8 вагонов с немцами – 400 человек. В Варне в доме Венедика Попова немецкая радиостанция. В Балчике, Варне, Галате устанавливается немецкая береговая артиллерия».

04-05.01.1941 г.: «С 25 ноября 1940 года по 1 января 1941 года в северную Болгарию прибыло 6.000 немецких военных. Штабы ПВО с немецкой зенитной артиллерией установлены в Плевене, Ловиче, Вратце, Балчике. На севере Болгарии немцыв располагаются в 64 населенных пунктах.

По сведениям, полученным из правительственных кругов, известно, что Филов выехал в Вену для встречи с Риббентропом. На встрече будут обсуждены принципиальные вопросы внутренней и внешней политики Болгарии: а) открытое присоединение к оси; б) активное сотрудничество со странами оси; в) пропуск немецких войск через территорию Болгарии. Болгарские правительственные круги разрешили пропуск немецких войск.

Из Венгрии прибыл человек, который сообщил, что в течение декабря 1940 года прошло 260 немецких эшелонов в Румынию, только 28 и 29 декабря прошло через Будапешт 12–15 тысяч немецких войск».

11.01.1941 г.: «5 января в военном училище состоялось совещание высшего командного состава болгарской армии. На совещании выступил царь Борис, который обратил внимание на тяжелое положение в Болгарии и призвал быть готовыми к войне. Военный министр предупредил участников совещания о том, чтобы к началу марта части были в полной мобилизационной готовности».

12.01.1941 г.: «Большая часть высшего командования лояльно относится к проходу немцев через болгарскую территорию. Население Болгарии враждебно встречает немцев. Среди солдат происходит возмущение. Например, в Плевенских казармах солдаты возмущены плохим питанием в то время, как немецкие солдаты получают лучшее питание, находясь в тех же казармах. Немцы пьянствуют. Скупают продукты и посылают посылки в Германию.

На ж.д. ст. Роман (к юго-западу от Плевена) находится немецкий радиоцентр. На аэродромах Луковит, Телеш, и Говеч немцы установили по одной зенитной батарее. На 15 января 1941 года в Болгарии находятся 20.000 немцев, из которых 10.000 на юге (мотодивизия) и 10.000 – на севере. В Румынии находятся 7 немецких дивизий, из них 3 мотодивизии, одна механизированная, 2 пехотные и одна авиационная».

29.01.1941 г.: «19 января в Софию прибыл американский полковник Донон [У. Д. Донован] с личным посланием Рузвельта царю Борису, Донон принят Борисом. От парламентских кругов стало известно, что Рузвельт предупредил Бориса по вопросу пропуска немецких войск через Болгарию. 22 января Совет Министров Болгарии решил пропустить немецкие войска через Болгарию. Пропуск осуществится после ледохода на Дунае. Понтонные мосты будут наведены в направлении ж.д. линий. Всего будет пропущено 200.000 немцев».

20.02.1941 г.: «Цветкович [премьер-министр Королевства Югославия] отказал Гитлеру в пропуске немецких войск через Югославию, где сейчас происходит мобилизация. С 13 по 16 февраля через Добрич на юг ночью прошло 42 немецких воинских эшелона. Вагоны все были опломбированы. 17 февраля ночью через станцию Горна-Ореховица в течение трех часов прходили немецкие эшелоны. На станцию никого не пропускали. 19 февраля через Ювково прошло пять немецких эшелонов по 35–40 вагонов каждый. 13 февраля немецкая понтонная команда в Орехове собирала понтонный мост. Немцы концентрируют горючее на аэродромах Карлово, Пловдив и Ямбол. Все министерства Болгарии вывозят архивы из Софии в Банки. Из Чемкория в Софию проводится военный провод».

02.03.1941 г.: «С 17 часов 28 февраля до 11 часов 1 марта телеграфная связь Софии с

севером Болгарии была выключена. Все чиновники были задержаны и находились под строжайшим наблюдением. 28 февраля с 17 часов в массовом порядке начали перепрвляться немецкие войска через Русе. Всего переправилось 50.000 человек. 1 марта с 5 до 11 часов на Петрич прошло шесть немецких эшелонов. На Добрич прошло 600 немецких танков. В Плевен и Червен Брег ожидают отправки на юг 30.000 немецких войск. Прибывающие с зерном советские пароходы разгружаются в Бургасе. Зерно распределяется по городам Болгарии для немцев».

14.03.1941 г.: «Немецких войск в Болгарии 450 тысяч, в Румынии – 600 тысяч. Против Югославии на территории Австрии и Венгрии сосредоточено 800 тысяч человек, в Румынии – 600 тысяч и в Болгарии – 50 тысяч человек. Кроме того, 6, 7 и 11 болгарские дивизии».

16.03.1941 г.: «Вечером 13 марта немецкая пехота начала проходить через Горна Баня, Княжево и Горно Джумая. Предполагается, что в течение трех дней пройдет около 150 тысяч немецких войск, среди которых австрийцы и альпийцы со знаками «Эдельвейс». На аэродроме Асеновград базируется 175 самолетов «Штука» и «Мессершмидт-109», 118 бомбардировщиков и транспортных самолетов.

В Бургасе находится большое количество немецких войск, которые заняты работами по укреплению Черноморского побережья. Устанавливаются 20 и 88-мм зенитные пушки. Пушки крупного калибра перевезены из Мажино. В Карнабаде находится 600 немецких танков. Экипажи по 2, 3, 5 и 7 человек. На новом Пловдивском аэродроме базируется 48 самолетов «Мессершмидт-109». Самолет «Штука» имеет одну 500-кг бомбу и 2 – по 50 кг.».

Я.С. Савченко, связной Вл. Заимова с советским военным атташе, а впоследствии полковник запаса, вспоминал, что «Азорский» срочно вызвал его на встречу в апреле 1941 г. Он сообщил, что нападение Германии на СССР должно состояться на рассвете 22 июня, сведения об этом, по словам генерала, поступили из надежного источника.

11.05.1941 г.: «6 мая в Софии был Гиммлер. В Чамкории он беседовал с немецким послом [видимо болгарским послом в Германии] Габровским и директором полиции Драголовым. Шеф немецкой пропаганды в Болгарии Вюруинтер сказал «Гедралу» [агенту резидентуры В. С. Заимова], что переговоры между Германией и Турцией закончены и спорные вопросы разрешены мирным путем. Немецкие летчики в последнее время поверх воротничка носят цветные ленты. Это новый условный опознавательный знак».

21.05.1941 г.: «Немцы к концу мая должны вывести свои войска из Балкан. Останутся только 3 мотодивизии: в Греции – 37 и 38 и в Югославии – 40».

24.06.1941 г.: «Немецкой авиации в Болгарии и Греции нет. Все остатки брошены в Румынию и Польшу. Насыщение артиллерией на некоторых участках 27–30 орудий на километр фронта. Населенные пункты Черноморского побережья, Русе и Свищев затемнены. Укрепляется восточный берег Дуная».

13.07.1941 г.: «Царь Борис дал принципиальное согласие на выступление болгарской армии на стороне Германии против СССР. 8 июля это согласие послано германскому правительству. После этого состоялось заседание министерского совета, на котором обсуждался вопрос вступления Болгарии в войну. Военный министр Даскалов выступил на заседании против вступления Болгарии в войну. В случае вступления Болгарии в войну против СССР Даскалов заявил о немедленном уходе с поста военного минстра».

02.08.1941 г.: «На аэродромы в Балчике, Ямболе и Хасково прибыло 600 немецких самолетов. На побережье Черного моря находятся 30 немецких подводных лодок».

08.08.1941 г.: «Порты Гюргево и Русе являются основными базами получения нефти немцами. Ежедневно погружается по 12–15 танкеров. Гюргево и Русе входят в одну систему ПВО».

27.08.1941 г.: «Штаб первой болгарской армии прибыл в Софию. Западнее Тракии на турецкой границе находится 8 немецких дивизий, две из них горные, остальные

моторизованные. В Бургасе находятся 5.000 немецких моряков. В начале сентября предполагается проход через проливы итальянского флота. В Софию прибыло 40 итальянских офицеров. Болгарский танковый полк перебрасывается в Ямбол.

17 августа «Гедрал» [агент резидентуры В. С. Заимова] в Варне взорвал 7 немецких цистерн с бензином. 24 августа «Гедрал» в Софии взорвал вагон-цистерну с бензином и два вагона с фуражом».

01.10.1941 г.: «В Варне, Бургасе, Сазополе и Ахтополе и других пунктах Черноморского побережья усиленно подготавливается высадка германо-итальянского десанта против СССР. Болгарские фабрики загружены немецкими заказами для пошива зимнего обмундирования для армии».

22.11.1941 г.: «В районах Драгоман, Червен Брег, Стара Загора пускаются под откос немецкие эшелоны с техникой и продовольствием. Население прячет продовольствие, отказывается сдавать его государству. В Греции и Югославии разрастается партизанское движение, Западная Сербия и Босния находятся в руках партизан. Часть фабрик и рудников выведены из строя».

02.12.1941 г.: «В правительственных кругах утверждают, что Стаменов [бывший посол Болгарии в СССР] попал в немилость за высказанное им мнение о болгарской печати и что правительство Болгарии должно придерживаться в своей политике ближе к СССР и не увлекаться успехами немцев на Востоке. В такую немилось попал и болгарский посланник в Швеции Антонов, который предупредил свое правительство о том, что правительство Швеции, вынужденное вначале провести все немецкие требования, теперь начало противодействовать немцам, мотивируя внутренними недостатками и недовольством народа. Антонов заявил, что помощь Германии со стороны Швеции прекратилась, а немецкая мощь выдыхается.

В северную Болгарию прибыло 3 немецких мотополка и 600 самолетов. Самолеты находятся на аэродромах Горна метрополия, Цендинандр Ямбель, Божурище. В районе Варна, Тырново подготавливаются квартиры для немецких солдат, прибывающих для отдыха с Восточного фронта».

13.12.1941 г.: «Подготовка к общей мобилизации в Болгарии закончена. Ожидается приезд генерала Лукаша из Берлина со специальными указаниями Гитлера. В первых числах декабря царь Борис принял маршала Листа, проводившего инспекцию Черноморского побережья. Сейчас Лист находится в Западной Фракии.

Успехи Красной Армии на Восточном фронте воодушевляют народ и армию. Несмотря на жестокие репрессии народ скрывает продовольствие и критикует продажность болгарской прессы и правительства. Рабочие предприятий умышленно снижают производительность».

28.02.1942 г.: «Всеобщая мобилизация в Болгарии начнется в конце февраля или начале марта. В настоящее время идет усиленная подготовка к мобилизации. Председатель Народного собрания Калфов подтвердил, что Гитлер требовал от Болгарии посылки на Восточный фронт трех болгарских дивизий, но царь эти требования отклонил».

29.01.1942 г.: «В период с 8 по 10 января в Будапеште проходила конференция стран оси по вопросу возможной войнв против Турции. Основной вопрос – создание большой германско-венгерско-болгарской армии и ее снабжение. Армия должна состоять из 1.000.000 венгерских войск, 400.000 болгарских и 500.000 немецких. Ожидается в ближайшее время прибытие в Софию представителей Германии и Венгрии для продолжения будапештских переговоров».

08.02.1942 г.: «На Восточный фронт из Болгарии направляются немецкие транспортные самолеты с продовольствием и другими материалами. В течение последнего времени все немецкие войска, располагавшиеся в Варненской и Бургаской областях и в районе Мал. Тырново, убыли мелкими группами на Восточный фронт. На Черноморском

побережье остались только немецкие моряки. Отправляются на Восточный фронт немецкие войска и из других гарнизонов Болгарии. В Западной Фракии остались три немецкие дивизии, остальные отправлены на Восточный фронт через Румынию».

15.02.1942 г.: «В Будапеште достигнуто соглашение о направлении венгерских войск для оккупации Франции, Бельгии и Голландии с целью освобождения немецких войск для Восточного фронта. Через всю Германию с 1 февраля производятся усиленные ж/д перевозки немецких войск на Восток. Пассажирское движение приостановлено. По словам одного немецкого полковника, Германия при помощи союзников создает резервную армию в 4 млн. человек и якобы ранней весной Германия бросит против СССР все свои резервы и технику для разгрома СССР».

19.03.1942 г.: «Один немецкий генерал в разговоре с болгарским генералом Жековым заявил, что наступление немцев на Смоленском направлении стоило им больших жертв. Наступление якобы диктовалось требованием Японии с целью оттянуть соетские войска с Дальнего Востока и что Япония обещала поддержать Германию активными действиями только тогда, если немцы выдержат напор советских войск».

Все эти разведданные были высоко оценены Москвой. В Разведупре Владимира Заимова заслуженно считали «крупным нелегальным разведчиком, серьезным, рассудительным и правдивым». Отставной генерал обзавелся весьма влиятельными знакомыми: в их число входили командир берлинского полка штурмовиков Сент-Дитрих, личный зубной врач Геринга болгарин Магарлиев, доктор Кнёте из ведомства Геббельса, мадам Шилинг, дочь бывшего интенданта Хофоперы, которая имела широкие знакомства в окружении кронпринца, генерал запаса барон Хитикхоф, проживавший в Берлине и другие. Свои люди были у него в вагоне-экспрессе, совершающим рейсы по маршруту Болгария – Германия. Кроме того, генерал поддерживал связь с некоторыми советскими разведгруппами в Болгарии и других странах.

До вступления в войну СССР связь с Центром поддерживалась через легальную резидентуру в Софии. Связным был секретарь военного атташе лейтенант Я. С. Савченко, прибывший в Болгарию после окончания разведупровской школы. Позднее связь осуществлялась по радио через штаб Черноморского флота. Радистами у Заимова были Тодор Лулчев Прахов и Никола Райков Белопитов.

Провал разведорганизации Владимира Заимова произошел из-за предательства в Словакии, где были арестованы руководители разведгруппы, имевшей контакты и с Болгарией (Генрих Фомферра и Ганс Шварц) и ряд их сотрудников. Беременная жена Шварца, встречавшаяся с Заимовым и имевшая пароль к нему, не выдержала давления со стороны следователей и согласилась на сотрудничество. В итоге последовали аресты среди соратников генерала. Сам он был арестован 23.03.1942 г. и подвергнут пыткам, но никого не выдал. Заговорил лишь племянник Заимова – Евгений Чемширов. Он выдал всех подпольщиков, которых знал, сообщил немцам подробные сведения о работе каждого из них для советской военной разведки.

Заседание военного трибунала открылось 20 мая того же года и 1 июня был оглашен вердикт трибунала: Владимир Стоянов Заимов приговорен к расстрелу, к смертной казни приговорен (заочно) Тодор Прахов, Евгений Чемширов – к пожизненному заключению, Никола Белопитов и Генчо Попцвятков – освобождены, трибунал не нашел в их действиях состава преступления. Заимова поместили в камеру смертников и в тот же день вечером отвезли в Софийскую школу офицеров запаса, в подвалах которой находился тир и приводились в исполнение смертные приговоры. Там «красный генерал» и был расстрелян. Через несколько недель после казни его именем был назван партизанский отряд.

Впоследствии в Болгарии и СССР его именем назвали целый ряд объектов.

Никола Белопитов продолжал сражаться на тайном фронте (1942–1944 гг.), «СССР получает от него ценные сведения о гитлеровских оккупантах», летом 1944 г. он участвовал в создании еще одной радиостанции.

После Сентябрьского восстания 1944 г. Заимову посмертно было присвоено звание генерал-полковника. Его останки были перевезены из Софии в Плевен и захоронены рядом с могилой его отца. Газета ЦК БКП «Работническо дело» писала тогда (23.12.1944 г.): «На смонтированном фашистами процессе против генерала Заимова он обвинялся в измене и шпионаже. Но какие факты фигурировали в деле? Он сообщал Советскому Союзу сведения о передвижении немецких войск в Болгарии и о перевозках немецких военных материалов по болгарской территории, а это не только не было изменой…, но долгом, высоко патриотическим долгом всякого гражданина».

В Советском Союзе подвиг Заимова был оценен несколько позднее – он посмертно был награжден орденом Красного Знамени, а 30 мая 1972 г. Владимиру Заимову было присвоено звание Героя Советского Союза.

По сведениям ГРУ: «За время работы организации Заимова (1939–1942 гг.), от неё систематически поступала военная и военно-политическая информация по Болгарии, Германии, Турции, Греции и другим странам. После вступления немецких частей на территорию Болгарии Заимов предоставил информацию об их численности и вооружении. В июле 1941 Заимов передал информацию, получившую высокую оценку Центра, о политике болгарского правительства по отношению к СССР и другим странам. После нападения Германии на Советский Союз он давал ценную информацию о продвижении и нумерации румынских и венгерских частей, отправляющихся на восточный фронт… Заимов – крупный нелегальный разведчик, серьезный, рассудительный и правдивый… Его работа высоко ценится советским командованием».

Разведгруппа Крыстю Белева и Александра Пеева.

В 1932 г. с Разведупром начал сотрудничество болгарский писатель Крыстю Белев («Август»). Все время (кроме тюремных отсидок) он сотрудничал с советской разведкой. Выезжал в Вену, Стамбул, Бухарест. В 1938 г. посетил СССР, где встречался с Георгием Димитровым и был принят Сталиным, отдыхал в Крыму.

Некоторое время Белев под руководством сначала В. Сухорукова, потом А. Бенедиктова выполнял отдельные поручения и наконец получил задание создать собственную разведывательную организацию. Помогал Белеву и руководил его работой новый военный атташе и резидент полковник И.Ф. Дергачев, но недолго – до тех пор, пока группа не установила радиосвязь с Москвой (радистами в группе были Емил Попов («Пар») и Иван Джаков). Главным информатором и заместителем руководителя стал известный софийский адвокат Александр Костадинов Пеев («Боевой»), старый знакомый Белева, защищавший его на судебном процессе в 1927 г. В разведгруппу «Августа» (Белева) «Боевой» вошел в конце 1939 г. В марте 1941 г. Крыстю Белев, как неблагонадежный элемент, был арестован и отправлен в концлагерь. Александр Пеев возглавил группу.

Резидентура передавала в Москву сведения о действиях немцев в Болгарии, о дислоцированных в Болгарии и проходящих через страну немецких войсках. Одним из особо ценных информаторов стал старый друг Пеева еще по военному училищу генерал Никифор Никифоров («Журин»), начальник Военно-судебного отдела Военного министерства и член Высшего военного совета. Еще один его старый друг, экономист Александр Георгиев, присылал шифровки из Берлина. Янко Пеев («Тан»), двоюродный брат Александра, посланник Болгарии в Египте и Японии, сообщал сведения о намерениях этих стран и

ситуации в них (по данным полиции: «передавал ценные сведения советской разведке»). Важную информацию присылали чиновник болгарского посольства в Румынии Тодор Константинов, театральный деятель Боян Дановский из Стамбула и другие.

Вот некоторые из радиограмм «Боевого» – «Дубку» (Центру):

27 мая 1941 г.

«Германские войска, артиллерия и амуниция непрерывно переправляются из Болгарии в Румынию через мост и ферибот [паром] у Русе, через мост у Никополя и на баржах около Видина. Войска идут к советской границе».

3 июня 1941 г.

«По сведениям Журина фюрер решил в конце этого месяца напасть на Советский Союз. Немцы сосредоточили у советской границы свыше 170 дивизий». Когда Центр поинтересовался откуда такие данные, Пеев ответил: «Это сообщил военный министр Теодоси Даскалов на совещании Высшего военного совета» и добавил: «В кругах, близких к дворцу, усиленно говорят о том, что германско-советский пакт о ненападении служит немцам прикрытием для подготовки нападения на Советский Союз в самый удобный для них момент».

1 сентября 1941 г.

«Журин вторично утверждает, что болгарские власти не готовят свои войска и пока не собираются участвовать в войне против СССР, т. к. боятся восстания в армии. Саботаж в Болгарии усиливается».

9 сентября 1941 г.

«Журин говорил с военным министром и начальником генерального штаба генералом Лукашем и от них получил заверения, что сейчас немецкие и болгарские власти не готовят армию для нападения на Турцию. Однако немцы оказывают сильное давление на Болгарию, чтобы ее армия выступила против СССР на стороне Германии. С турецкой границы будут сняты до конца ноября месяца этого года 2-я и 11-я болгарские дивизии – это подтверждает точку зрения Журина, что на турецкой границе спокойно и что сейчас нет оснований опасаться войны с Турцией».

22 сентября 1941 г.

«Журин уверяет, что болгарское военное командование не намерено посылать болгарскую армию против СССР и не допускает подобную возможность».

1 октября 1941 г.

«Болгарские власти не готовят войну против Советского Союза».

10 ноября 1941 г.

«На Украину болгарские войска не отправляются. В Германию выехала санитарная миссия болгарских врачей и медсестер».

17 февраля 1942 г.

«Сведения о том, что Япония не будет воевать с Советским Союзом я получил от Георгия Говедарова – председателя болгаро-японского общества. Он часто встречается с послом и секретарями японского посольства. То же сказал и профессор Г.П. Генов».

Всего группа Пеева отправила в Центр приблизительно 400–500 радиограмм, одни из самых важных среди них свидетельствуют о том, что Болгария и Япония не собираются воевать с Советским Союзом, а Болгария и Германия не собираются нападать на Турцию.

Обнаружив подпольную радиостанцию, немецкая контрразведка выписала из Берлина пеленгаторные машины и стала квартал за кварталом обследовать Софию. 15 апреля 1941 г. во время сеанса был арестован радист Емил Попов. Через два дня арестовали Пеева. Следствие длилось сто дней. «Боевой» никого не выдал. Он заявил, что всю работу выполнял

один. Суд по делу № 1541 длился с 11 по 15 ноября 1943 г. и был вынесен приговор: Александр Пеев, Емил Попов и Иван Владков – смертная казнь (их расстреляли в гарнизонном тире в Софии 22.11.1943 г.), остальные 7 человек приговорены к 15, 8 и 3 годам тюремного заключения.

Пеев А.К.

Оценка деятельности «Боевого» была дана уже через несколько дней после Сентябрьского восстания 1944 г. Газета «Работническо дело» (22.09.1944) писала: «Накануне 2-й мировой войны и еще до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, он включается в антифашистскую борьбу. Он прилагает все свои способности тонкого наблюдателя и точного политика, чтобы быть полезным Красной Армии в ее битве за победу и в борьбе за освобождение своей порабощенной гитлеровцами родины».

Никифор Никифоров на допросах в полиции ничего не сказал, а улик против него не было. Кроме того, болгарские власти не хотели скандала с еще одним генералом-шпионом – им хватило истории с Заимовым. Поэтому Никифоров не был арестован, а отправлен в отставку.

После войны, будучи адвокатом в Софии, он вновь был арестован в 1949 г., теперь уже новыми властями. От него требовали показаний против бывшего советского разведчика Стефана Богданова, который в 1944 г. стал руководителем контрразведки НРБ. Но показаний добиться не удалось, и Никифоров был заключен в концлагерь. Его реабилитировали в 1959 г. Наградили советским орденом Красного Знамени (1966) и болгарским «Народная Республика Болгария» I ст. (1966).

Трагически сложилась судьба Янко Пеева. Получив от советской разведки после ареста Александра Пеева сигнал опасности, он скрылся сначала в Китае, а потом в Турции. Но после войны новая власть Болгарии отказала ему в возвращении на родину и конфисковала его имущество. Янко Пеев умер в Стамбуле в 1947 г.

Разведывательная организация «Арбатов»

Создавал ее Стефан Иванов Богданов, получивший в советской разведке оперативный псевдоним «Арбатов». Он в 1927 г. вступил в БКП, в 1934 г. окончил Международную Ленинскую Школу в Москве. Затем, до ареста в 1936 г., находился на подпольной работе в Болгарии. После выхода из тюрьмы по амнистии (1937 г.) получил предложение от советской военной разведки о сотрудничестве. Для этого к нему приезжал шофер военного атташе лейтенант И.Ф. Шалыгин. Богданов же владел ценной для разведчика профессией – был фотографом, имел лицензию на эту деятельность. Он дал согласие и стал выполнять различные задания, в т. ч. и связанные с его официальной профессией.

В 1939 г. Богданову поручили сформировать разведгруппу. Однако начал он не с Софии, а с Варны, где инженер Васил Попов под его руководством создает группу «Пан». Вскоре «Пан» переходит на связь с легальной резидентурой, работавшей под прикрытием советского консульства в Варне. Радистом группы был Борис Игнатов («Бор»). После того как Попов был мобилизован в болгарскую армию, его сменил Никола Василев, затем этот пост занял Петр Богоев.

Наладив работу «Пана», Богданов обращает свой взгляд в сторону болгаро-румынской границы. По его заданию бывший партийный работник Иван Ковачев, также имеющий самостоятельную связь с легальной резидентурой, изучает военные объекты в пограничном районе. В Русе действует подразделение группы Богданова под руководством архитектора Нейчо Йорданова («Дол»), в Северной Болгарии работает адвокат Христо Павлов («Дуб»), о

передвижениях воинских эшелонов информирует железнодорожник Георги Рибаров («Коран»). В Пловдиве работает Павел Нончев. Информации столько, что ее приходится передавать по трем рациям. Радистами Богданова были Петр Попниколов, Стефан Габровский и Димитр Терзиев.

15 сентября 1942 г. в ходе полицейского налета на советское консульство в Варне были захвачены некоторые документы, содержащие сведения о деятельности группы «Пан». Последовали аресты. Суд приговорил Стефана Богданова, Васила Попова, Петра Богоева и Бориса Игнатова к пожизненному заключению. Относительно мягкие приговоры объясняются тем, что начальником Военно-судебного отдела Военного министерства был уже упоминавшийся генерал Никифор Никифоров, сам действующий советский разведчик и заместитель руководителя разведгруппы «Боевой».

Агентурная сеть Богданова не была разгромлена полностью. Часть ее уцелела и продолжала работать до конца войны под руководством его заместителя по группе «Арбатов» Стояна Шарланджиева, софийского помощника Любомира Антонова Пентиева и Мары Караджовой. Рация группы находилась в с. Цырква, куда и стекалась добытая информация. Связным был брат Стояна Тодор, а радистами – Василка Ангелова и Асен Тырговски. Выходила рация в эфир каждую среду. Причем многие из жителей села узнали о ее работе только спустя многие годы после войны, в 1969 г.

В НРБ Стефан Богданов работал в центральном аппарате госбезопасности НРБ. Он был арестован по сфабрикованному делу Трайчо Костова и в 1951 г. приговорен к 12 годам тюремного заключения; спустя пять лет был освобожден и реабилитирован. Однако в дальнейшем неоднократно допускал «отклонения от генеральной линии». В 1968 г., будучи болгарским торгпредом в Швейцарии, он выразил протест против ввода советских войск в Чехословакию, за что получил партийное взыскание. В 1976 г. вновь «отличился» – передал на Запад воспоминания товарища Димитрова по Лейпцигскому процессу 1933 г. Благоя Попова, который был репрессирован в СССР. За это Богданова исключили из партии. Умер Богданов в 1986 г. в ФРГ.

Группа Павла Шатева и Елефтера Арнаудова

Софийский радиотехник Елефтер Арнаудов («Аллюр») с советской военной разведкой начал сотрудничать летом 1939 г. Он изучал электротехнику в Германии, в Софии работал в филиалах немецких фирм «СКФ» и «Сименс», в железнодорожных мастерских. В 1932 г. вступил в БКП. Вскоре после вербовки, летом 1940 г., был включен в группу Павла Шатева («Штиле», «Коста»), который сотрудничал с советской разведкой еще с начала 1920-х гг. Арнаудов, как опытный электротехник, стал радистом группы. Постепенно ему стали поручаться и разведывательные задания.

Некоторые из последних донесений «Косты» перед войной:

15 мая 1941 г.

«1. Пехота, моторизованные и мотоциклетные части 12-й германской армии возвращаются из Греции по жел. дор. через Софию в Румынию. Железнодорожные документы приготовлены для пограничных властей Добруджи. Говорят, что эти части уходят в Германию, но в действительности идут в Румынию.

2. По сведениям, полученным от коменданта города Стара-Загора, там ожидают прибытия новой германской армии.

3. С 20 мая болгарские воинские части будут отправляться в Грецию как оккупационные войска.

4. С 10 мая призываются в армию солдаты, которые получили 15-дневные отпуска».

19 мая 1941 г.

«1. В Софии отель «Юнион Палас» отведен для германских высших офицеров, которые прибывают и убывают.

2. Одно близкое нам лицо имеет возможность часто беседовать с компетентными германскими военными и гражданскими лицами. Из собранных сведений можно установить, что в настоящее время Германия сосредоточила в Польше 120 дивизий, а к концу июня на советской границе будет 200 дивизий. В начале июля намечаются серьезные военные действия против Украины. При этом исходят из соображений, что без ресурсов Украины войну невозможно выиграть, т. к. заключают германские компетентные лица, Европа не в состоянии обеспечить продовольствием народы разоренных стран и областей.

Эти сведения я передаю не как фантазию, а как очень серьезные. Подробности передаю по другой линии.

3. Сегодня очень серьезные люди говорили, что Турция приняла германские предложения. Немцы сосредоточивают понтонные лодки для наводки мостов через Дарданеллы».

20 июня 1941 г.

«Болгарин германский эмиссар здесь сказал сегодня, что военное столкновение ожидается 21 или 22 июня, что в Польше находятся 100 германских дивизий, в Румынии – 40, в Финляндии – 6, в Венгрии – 10 и в Словакии – 7. Всего 60 моторизованных дивизий.

Курьер, приехавший самолетом из Бухареста, рассказывает, что в Румынии мобилизация окончена и каждый момент ожидаются военные действия.

В настоящее время в Болгарии находятся 10 тысяч немецких войск».

30 октября 1941 г. Шатев был арестован. Но, как выяснилось, арест Шатева был связан с его активной революционной деятельностью и участием в македонском национально-освободительном движении; как разведчик он не был раскрыт. В 1942 г. дело Шатева было пересмотрено, и за участие в работе подпольного ЦК БКП он был осужден на 15 лет тюремного заключения. Шатев остался жив, из тюрьмы был освобожден Сентябрьским восстанием 1944 г. После войны был членом правительства Македонии, входившей в состав Югославии. После разрыва отношений между СССР и Югославией в 1948 г. оказался в отставке, а затем был арестован и умер 30 января 1951 г.

После выяснения судьбы Шатева в декабре 1941 г. руководителем разведгруппы был назначен Арнаудов. Но свою группу он должен был создать сам, из группы «Коста» ему передали лишь одного человека. Арнаудов блестяще справился с задачей.

Созданная «Аллюром» организация (в её составе более 20 человек) собирала сведения о положении в стране, о железнодорожных перевозках и военных объектах в районе Софии, а также о ситуации на военных аэродромах Божуриште, Враждебна, Карлово и других, о производстве самолетов в Болгарии, об использовании гитлеровцами болгарской авиации и её баз для разведки Черного моря и военных операций против советских подводных лодок и транспортных судов. Арнаудов сообщил в Центр, что Болгария не будет воевать с СССР.

Был задействован и второй передатчик, установленный ещё в 1940 в с. Бухово. Одним из ближайших помощников Арнаудова и вторым радистом (1941) стал Никола Бонев, сержант сверхсрочной службы, летчик-истребитель.

По данным полярного исследователя, географа З.М. Каневского: «Уже в 1942, быть может, самом тяжелом для нашей страны году были сделаны успешные попытки получить сведения о погоде с территории, временно оккупированной гитлеровцами. Среди партизан, действовавших в Белоруссии и на Смоленщине, нередко находились люди, знакомые с методикой метеорологических наблюдений, умеющие обращаться с приборами. Они-то и брали на себя добровольные обязанности метеоролога-наблюдателя. Добытые ими сведения о

погоде шли в эфир наряду с самыми важными сообщениями о действиях партизанского отряда. Сводки, содержавшие метеорологическую информацию, поступали в Центральный штаб партизанского движения в Москве, а отсюда сухие группы цифр шли по самым разным адресам: в штабы армий, сражавшихся на передовой, в авиацию дальнего действия, бомбившую глубокие фашистские тылы, в Центральный институт прогнозов. Там эти цифры превращались в дополнительные, бесценные точки на «обрезанной» синоптической карте сражающейся страны». Внёс свой вклад в это дело и «Аллюр».

В июне 1942 г. он получает задание Центра раздобыть шифр метеосводок болгарской авиации о погоде в европейских странах. Подробные данные об этих шифрах и метеосводках ВВС Болгарии, которые были добыты Н. Боневым, Арнаудов передавал в Центр в октябре – ноябре 1942 г. Когда произошла смена шифра, в Москву был немедленно отправлен новый вариант кода.

Всего Арнаудов передал в Москву несколько сот телеграмм (1942–1943 гг.). «Аллюр» был арестован 02.04.1943 г. в результате пеленгации. В докладе «Деятельность советского посольства в г. Софии и состоящих при нем учреждениях в 1943 г.» Дирекция полиции отмечала: «3 апреля 1943 г. в г. Софии была раскрыта устроенная чиновниками советского посольства тайная радиостанция Елефтера Лефтерова Арнаудова, по профессии радиотехника. При обыске в квартире Арнаудова найдена передающая станция системы «Джек», на которой он работал, и такая же резервная. Там же найдены архивы, состоящие из шифрованных и дешифрованных радиотелеграмм, которые Арнаудов передавал и принимал из Москвы. Произведенным дознанием установлено, что Арнаудов еще в 1941 г. познакомился с чиновником советского посольства в Софии, от которого получил передающие радиостанции, расписание работы, позывные, кварцевые лампы, с которыми предстояло работать, шифр, 5.000 долларов, 200.000 драхм и 300.000 динар, с самого начала и до его ареста Арнаудов получил 500.000 левов. Арнаудов со своей стороны завербовал следующих агентов, которые доставляли ему сведения военного, политического и экономического характера: Павел Шатев, Страшимир Георгиев Анастасов, Васил Дачев Маринов, Петр Георгиев Абаджиев, Никола Бонев Ангелков, Богдан Бонев Ангелков, Стоян Иорданов Харизанов, Цветан Цветанов Георгиев, Владимир Пенков Анев Перновский, Васил Страшимиров Занев, Архангел Георгиев Йотов, Александр Михайлов Витанов и Крум Александров Ефремов».

В засаду на квартире попадают и его помощники – Богдан Бонев, Петр Абаджиев, Цветан Цветанов. Полиции удалось установить с помощью слежки и многих других членов группы. Немцы пытались с помощью «Аллюра» начать радиоигру с Москвой, однако радисту удалось передать в Центр сигнал опасности и игра провалилась.

Софийская судебная палата рассматривала дело группы Арнаудова с 15.06 по 24.06.1943. К смертной казни приговорены Елефтер Арнаудов, Никола Бонев и Страшимир Анастасов. Остальные получили длительные сроки лишения свободы и 4 человека были оправданы за неимением улик. Смертный приговор был приведен в исполнение 14 октября 1943 на стрельбище 27-го пехотного полка.

Согласно данным ГРУ: «Резидент «Аллюр» – Арнаудов систематически информировал Центр о военно-политическом положении Болгарии, предоставлял сведения о германской армии в Болгарии (особенно о ВВС) и на Балканах. Большая часть материалов, полученных от «Аллюра», была достоверной, своевременной и ценной и подтверждалась другими источниками. В продолжение длительного периода Арнаудов лично добывал и передавал в Центр по радио метеосводки Берлина и других районов Германии. Работа Арнаудова как резидента и руководимой им резидентуры оценивается Центром положительно. Резидентура справилась с поставленными задачами».

Группа «Дро»

Гиню Стойнов прошел спецподготовку в Москве и Симферополе (1938–1940 гг.), вместе с ним училась разведывательному делу и его жена, Свобода Михайлова Анчева. Она попала в СССР в 1928 г., когда ей было 16 лет. Там Свобода получила среднее образование, работала токарем на заводе «Самоточка», окончила Станко-инструментальный институт. На последнем курсе (1936 г.) она познакомилась с Гиню и в 1938 г. вышла за него замуж. Завершилась их обучение в Симферопольской школе при Разведотделе штаба Черноморского флота. Там же они встретились с другим членом их разведгруппы – Зиновием Зиновьевичем Христовым. Эти трое образовали костяк разведгруппы, которая в ноябре 1940 г. была отправлена морем в Болгарию, на моторно-парусной шхуне «Дельфин». В страну они прибыли как супруги Петр и Милка Мирчевы, и Никола Иванов Добрев, переселенцы из Южной Добруджи, области, отошедшей к Болгарии от Румынии по Крайовскому соглашению 1940 г.

Зиновий Христов обосновался в Варне, где организовал свою агентуру, которой руководил до сентября 1944 г., затем служил в Болгарской Народной Армии, демобилизовался в 1946 г., работал учителем в школе г. Николаева Одесской области.

Супружеская чета «Мирчевых» работала не только в Варне, но и в Добриче, и в Пловдиве, где Разведупр дал им агентурные связи. Свобода Анчева была радисткой, свою первую шифровку она передала 15 февраля 1941 г.

Вскоре в группе появились еще три человека, знавших радиодело. В частности, из Варны передачи вела Зара – жена брата Гиню. Более двух лет с вражеской территории поступали ценные сведения. Как сказано в служебной аттестации Анчевой, носившей оперативный псевдоним «Вера»: «На протяжении всей войны находится в тылу противника, выполняя задания особой государственной важности. Своей честной и безупречной работой, сопряженной ежедневно с исключительным риском, своевременно и регулярно информируя командование по интересующим вопросам, активно помогает разгрому немецко-фашистских захватчиков».

20 февраля 1943 г. варненский передатчик Зары был запеленгован контрразведкой, и она с мужем была арестована. Полиция докладывала по начальству: «21.02.1943 г. в г. Варне была раскрыта шпионская сеть, имеющая радиопередатчик, с помощью которого передавала в Москву шифрованные телеграммы, касающиеся состава и передвижений болгарских и германских войск. В этой шпионской организации были замешаны следующие лица: Зара Стойнова Георгиева, Стойно Георгиев Стойнов и Геновева Стойнова Георгиева. Произведенным дознанием установлено, что вышеуказанные лица были связаны с чиновниками советского посольства, от которого получили радиопередатчик, шифр и деньги на оперативные нужды».

22-го пришли за Свободой Анчевой. Об этом полицейский документ сообщал: 23 февраля 1943 г. в г. Пловдиве была обнаружена тайная радиопередающая станция, которая передавала шифрованные телеграммы в Москву относительно передвижений болгарских и германских войск в Болгарии. В этой организации состояли следующие лица: Петр Владимиров Мирчев, Милка Петрова Мирчева, Михаил Андреев, Гено Стойнов и Диран Бедрос Канонян. Произведенным дознанием установлено, что вышеуказанные лица связаны были с чиновниками из советского посольства, от которых получили радио передатчик, инструкции по работе, шифр и деньги на оперативные нужды».

17 июня 1943 г. всех троих (Гиню Стойнова – заочно) приговорили к смертной казни. Муж Зары, Стойно, был приговорен к двум годам тюрьмы «за сокрытие антигосударственных деяний супруги». Однако исполнение приговора было отложено до поимки Гиню. Из Варненской тюрьмы Анчеву перевели в Шуменскую, потом – в Софийскую и, наконец, в

Сливенскую тюрьму, откуда она, как и Зара, была освобождена Сентябрьским восстанием 1944 г. Гиню Стойнов избежал ареста и ушел к партизанам, погиб в бою в мае 1944 г. В 1966 г. он был посмертно награжден орденом Ленина.

По этому процессу было осуждено 6 человек, в том числе и названный уже Диран Бедрос Канонян, разведчик и владелец молочной лавки, которая использовалась для связи, а также Васил Димитров Карагёзов, старый друг Гиню, как и он работавший на Разведупр еще с 1930 г. Канонян описал свой путь в советскую разведку в 1960 г., когда решил получить советское гражданство и переселиться в Армянскую ССР. Он писал: «После оккупации Болгарии фашистами в 1939 г. я пошел к послу [вице-консулу] СССР в Болгарии в г. Варна и попросил отправить меня в СССР. Посол [вице-консул] товарищ Константин Виноградов [прибыл в страну 19.05.1940 г.] и его жена Татьяна Виноградова предложили мне работать вместе в пользу Советского Союза. Я с большим удовольствием принял на себя ответственное секретное задание и остался работать. Я принял их предложение без всякого сомнения и решительно. Перед выездом из Болгарии [убыл 20.04.1942 г.] тов. Константин Виноградов соответственным путем связал меня с другими шестью секретными особыми работниками… Мы имели в нашем распоряжении радиопередатчик. Рискуя жизнью выполняли взятые нами обязательства… 21 февраля 1943 г. немецкая агентура во время обыска дома Зары Стойновой Георгиевой (моей связной) нашла место нашего тайного аппарата. Немецкая агентура арестовала руководителей нашей группы и меня 27 февраля 1943 г. 43 дня в фашистской тюрьме меня избивали до смерти, немцы требовали, чтобы я открыл все секреты, но я не сказал ни одного слова и не предал, не изменил, таким образом спас ряд специалистов и инженеров, связанных со мною по подполью… Осужден на 15 лет. Освобожден 8/IX-44 г. Участвовал в общественно-политической деятельности страны до 1946 г.». Возможно одним из тех, кого прикрыл Канонян, был Васил Христов Манолов. Он избежал ареста и продолжал работать для советской военной разведки.

Вагон – ли Кук и другие

В марте – апреле 1940 года в Варне открылось советское торговое консульство, целый ряд сотрудников которого являлись разведчиками. С Пантелеем Сидеровым, главой отделения агентства «Вагон – ли Кук» в Варне, связался секретарь консульства военный разведчик Иван Семенович Плакутин («Укротитель»). Он поручил Сидерову («Ли») сформировать и возглавить разведывательную группу. Сначала в неё, помимо руководителя, вошли Николай Петров («Певец») и Персек Хазаров («Карузо»), а затем Бениамин Дубавицкий («Орлов»), Киряк Попов («Барбота»), Николай Василев («Адриатика») и другие. Группа быстро разрасталась и включала в себя уже десятки людей, выполнявших как разведывательные, так и диверсионные задания. Впоследствии несколько подгрупп отделились от основной и получили прямую связь с сотрудниками советской военной разведки.

От многих членов организации «Ли» поступали весьма ценные данные:

Сам Пантелей Сидеров («Ли») – встречался с И. С. Плакутиным в городе и в агентстве, куда секретарь консульства приходил по служебным делам. Агентство служило явкой и для других членов организации. Помимо служебной информации, Сидеров сообщал о движении германских транспортов в районе города, о спуске на воду германских самоходных барж для перевозки танков, сделал описание местности, где находится немецкая радиостанция.

Николай Василев («Адриатика») – курьер пароходного агентства «Адриатика» по происхождению русский, с 1922 года жил в Варне. Зная четыре языка, постоянно общался с капитанами и офицерами немецких, болгарских и итальянских кораблей, узнавал от них о том, куда и откуда идут суда, и какие грузы перевозят.

Арам Хаджолян («Беду») – владелец фотоателье в Варне. Арам посещал

кораблестроительный завод «Кораловаг» и фотографировал строящиеся там самоходные баржи для перевозки танков, а также передавал сведения о движении германских товарных поездов. Он узнал и сообщил, что Германия требовала от Болгарии послать войска на Восточный фронт, а болгарское правительство ответило отказом, так как «болгарский солдат не сможет поднять оружие против своих освободителей».

Поручик запаса Сава Стоматов, работал переводчиком, так как хорошо владел немецким, французским, турецким и греческим языками. Весной 1940 года, когда в Болгарии обосновались немецкие войска, его назначили переводчиком при их командном составе. Таким образом, он получил доступ к секретным сведениям из штабов германской и болгарской армий.

Киряк Попов отлично знал румынский язык, и потому его сапожная мастерская в Варне стала своеобразным клубом для румынских моряков. Сын К. Попова Иван Киряков Михайлов, работал токарем на государственной верфи, он копировал чертежи и планы немецких кораблей, которые вставили там на ремонт, собирал данные о строящихся плавсредствах и наблюдал за происходящем в порту.

Инженер-химик Ганчо Ганев был начальником пастеровской станции. Знание немецкого языка и служебное положение давали ему возможность узнавать то, что интересовало советскую разведку.

Стефан Минчев работал в Болгарском пароходном обществе. Он передавал Сидерову графики движения судов в варненском порту.

Мобилизованные в военный флот матросы Михаил Абаджиев и Милю Вылчев, сообщали о немецких и болгарских военных объектах на черноморском побережье и в районе с. Галата, давали их описания и планы.

Бениамин Дубавицкий («Орлов») – в 1937 году при содействии Сидерова устроился на работу в софийское отделение агентства «Вагон Ли-Кук», когда в 1939 году его уволили оттуда по сокращению штатов, Сидеров взял его к себе в варненское отделение. Вначале «Орлов» сотрудничал только с группой Владимира Заимова через племянника генерала Евгения Чемширова, затем работал и с Пантелеем Сидеровым. Наконец, с апреля 1941 года был на прямой связи у Ивана Плакутина. С 1940 года Дубавицкий работал в торгово-транспортной конторе «Экспресс», а с октября 1941 в софийском АО «Симонавия». Разъезжая по стране и имея широкую сеть источников, он получал важную информацию. В частности, добыл сведения о железнодорожных перевозках германских войск на линии Варна – София, о германских воинских частях в г. Балчике, о дислокации дивизий и полков болгарской армии (получены им от В. Заимова), сделал ряд снимков военных кораблей и судов, наблюдал за движением составов на линии железной дороги Хасково – Пловдив.

Софка Дилянова – или Делянова («Едноу») работала с Пантелеем Сидеровым. Осенью 1939 года она получила задание создать свою группу, которая начала действовать уже в ноябре. В 1940 году Софка установила прямую связь с Плакутиным, который объединил две группы – С. Деляновой и А. Винницкого («Алек»). В организации работают также Ангел Димитров («Големия») – это он добыл взрывчатку для диверсий, когда поступило такое задание. Нанко Недев («Вдин») изготовил карту черноморского побережья страны, собирал сведения военного и экономического характера, снабжал фальшивыми документами членов группы и советских разведчиков. Информацию о деятельности судебной системы собирал и, в частности, предупреждал о предстоящих арестах адвокат Благой Ляпчев. Активно действовали и другие сотрудники «Едноу». Высокую оценку Центр дал сведениям, поступившим от немецких солдат-антифашистов Отто Пфефера и Отто Ганса, а также и добытым с их помощью.

С 1939 года жил в Варне, работал в хлебопекарне и сотрудничал с разведывательной организацией «Вагон ли – Кук» Стефан Куртев. С 1940 года его деятельностью руководили

советский вице-консул в Варне Константин Федорович Виноградов («Граф») и секретарь консульства Иван Семенович Плакутин. Летом 1941 года Куртев получил задание открыть туристическое бюро «Глобус» и приступить к созданию собственной разведывательной группы.

Разъездные агенты «Глобуса», Моис Мушонов и Борис Иванов, собирали сведения по всей стране, Христо Ханджиев, сотрудник «Глобуса», снабжал советскую разведку различными персональными документами, послужившими образцом для изготовления документов, которыми снабжали болгарских антифашистов, высадившихся на территории Болгарии. Ханджиев сообщил об отправке германских войск на Восточный фронт, о погрузке 50 немецких грузовиков, направляющихся в г. Добрич, о прибытии цистерн с горючим на Варненский вокзал и др. В 1942 году Куртеву удалось, по заданию руководителей устроиться на службу во флот. Занимая должность помощника казначея, он раздобыл информацию об отправке в Сербию двух болгарских дивизий, которые должны были сменить там немецкие воинские части, о призыве военнослужащих запаса на обучение, о германской базе подводных лодок, о постройке на флоте девяти и в портовой мастерской двадцати самоходных барж, о размещении в Варне частей 11-й германской армии и т. д.

Свои люди были у варненской группы и в Румынии. С ними был связан житель Бухареста болгарин Петр Георгиев Пехливанов, в прошлом участник коммунистического движения в Добрудже, южная часть которой до 1940 принадлежала Румынии, а потом вошла в состав Болгарии. Кроме того, он состоял членом ЦК Компартии Румынии. Будучи разведчиком (1940–1942) контактировал с разведгруппами в Болгарии – в Варне и Софии, сведения, полученные от него, шли также сотруднику торгового консульства СССР в Варне К.Ф. Виноградову (Винокурову). Из Бухареста поступали, в частности, сведения о движении германских транспортов через Добруджу. С помощью Пехливанова готовились диверсии на нефтепромыслах в Плоешти и в устье Дуная. Но в мае 1942 г. он был арестован и расстрелян. Связными между «консулом Виноградовым и его людьми в Бухаресте» были бессарабские болгары, болгарские граждане Тит Григорьевич Шаргаровский и Иван Симеонов Разнатовский.

«ПРИГОВОР № 284 от 31.VIII.42 г. Шуменского военно-полевого суда по делу о шпионаже в г. Варна в 1942 г.

Смертная казнь: 1. Иван Атанасов Ванков

2. Бениамин Георгиев Дубавицкий

Пожизненное заключение: 1. Арам Саркис Хаджолян

2. Пантелей Янев Сидеров

3. Стефан Атанасов Куртев

4. Аврам Соломон Винницкий

5. Николай Петров Манасиев

6. Крыстю Петров Нанов

15 лет тюрьмы:1. Никола Василев Петров

2. Христо Георгиев Ханджиев

3. Димитрий Неделчев Знаменов

4. Марко Димитров Марков

5. Антон Дражев Еребаканов

6. Тит Григорьев Шаргаровский

12 лет тюрьмы: 1. Софка Харламбиева Дилянова
2. Стоян Александров Стоянов
10 лет тюрьмы: 1. Ангел Иванов Димитров

9 лет тюрьмы: 1. Енчо Тодоров Попов
2. Иван Симеонов Разнатовский

8 лет тюрьмы: 1. Петр Железков Станев
2. Тодор Петров Дойков.

Оправданы: 1. Димитрий Георгиев Стефанов
2. Атанас Симеонов Костов
3. Пенчо Христов Панделов
4. Михаил Николаев Димитров
5. Петр Тихолов Фортунов.
Примечание: обвиняемый по этому делу Нанко Недев казнен в Варненской тюрьме по другому делу».

Каприел Каприелов и его люди

Одной из крупных фигур советской разведки в Болгарии был болгарский армянин Каприел Саркиз Каприелов. Его первым партийным поручением стала работа в разведывательной сети Григора Чочева (Билярова), обеспечивавшей функционирование нелегальных каналов связи Варна – Одесса, Варна – Севастополь, Варна – Константинополь. Несколько раз арестовывался за свою партийную деятельность. Сотрудничал с советской военной разведкой с 1939 г.

Выйдя на волю, Каприел женится на Йорданке Андреевой, которую немедленно привлекает к работе на Разведупр, а вскоре к ним присоединяется ее брат Михаил Янев Андреев, поручик Военно-воздушных сил. По заданию Каприелова Андреев создает в своей воинской части разведгруппу, состоящую из офицеров летного состава. Все доступные им военные тайны через Михаила передаются его сестре – Йорданке Каприеловой.

К декабрю 1940 г. Михаил Андреев был переведен на связь с группой «Дро» Гиню Стойнова, засланной Разведотделом штаба Черноморского флота, и продолжал работать на советскую разведку. В 1943 г. он был арестован, но никого не выдал. Из тюрьмы его освободило Сентябрьское восстание 1944 г. Уже 22 сентября Андреев был назначен на должность помощника командующего ВВС Болгарской армии по политчасти. За заслуги в 1966 г. был награжден орденом «9 сентября 1944 года» (только болгарским, поскольку в СССР его считали предателем).

Саркиз Каприелов также вел активную борьбу на невидимом фронте. К 1940 г. он заканчивает формирование резидентуры в Варне, ставит во главе ее бывшего члена окружкома Стояна Мураданларски, а сам переезжает в Софию. Связь поддерживает Йорданка Каприелова. От варненской агентуры поступают сведения о передвижениях германских войск, ремонте и строительстве военных судов, возведении оборонительных сооружений на

Черноморском побережье. Подразделение организации Каприелова создается также в Бургасе – крупном транспортном узле.

В ноябре 1941 г. полиция арестовывает Стояна Мураданларски, супругов Каприеловых и других агентов. Доказательств у полиции нет почти никаких. Все же Мураданларски приговаривают к смертной казни – за прошлую борьбу с режимом. Приговор приводится в исполнение в марте 1944 г. Йорданку Каприелову приговаривают к пожизненному заключению, Саркиза отправляют в концлагерь «Гонда вода», но вскоре в числе других заключенных за недостаточностью улик отпускают на волю. Опытный арестант, обученный за долгие годы подполья строгой конспирации, он отделался легче других.

Каприелов проверяет состояние резидентур в Софии и Бургасе и находит, что они неплохо сохранились, многие агенты на свободе и вне подозрений. Существует даже радиосвязь со штабом Черноморского флота! Все было бы хорошо, но вскоре Саркиза Каприелова как коммуниста и антифашиста вновь арестовывают и заключают в концлагере «Крысто поле». Чету Каприеловых освобождает Сентябрьское восстание 1944 г. В 1966 г. его награждают орденом Ленина «за успешное выполнение заданий Главного Командования Советской Армии во время Великой Отечественной войны», а Йорданку Каприелову – орденом Отечественной войны I ст. В 1974 г. супруги были удостоены звания Героя социалистического труда Народной Республики Болгарии.

«Капитан Андрей» действует

Антон Макарович Прудкин побывал в должности градоначальника Софии, начальника морской полиции в Варне, когда премьер-министром был его друг Александр Стамболийский. С его поручениями Прудкин выезжал и в Советскую Россию. Один из сотрудников польской разведки докладывал из Константинополя (09.07.1921 г.): «В Россию выехала неофициальная миссия, во главе которой начальник морской полиции г. Варны г-н Прудкин. Он долгое время находился в России и там его считают сторонником коммунизма. По возвращении из России миссия представила председателю Совета министров отчет, где говорится, что с точки зрения торговли Россия при нынешней ее внутренней ситуации не имеет для Болгарии никакого значения. Однако с точки зрения политики, учитывая растущее все время влияние России, союз с ней мог бы иметь огромное значение».

В период правления Цанкова он был приговорен к лишению свободы за теракт, которого не совершал (Муравиев К. Събития и хора. София, 1992. С.483), провел в тюрьме 11 лет (май 1925 – апрель 1936 г.), за все эти годы он никогда не признавал свой вины, написал и издал двухтомные воспоминания «Записки на моряка» (София, 1931). 4 апреля 1936-го он вышел из тюрьмы и поселился в Варне. Несмотря на установленную за ним слежку, Антон Макарович вскоре через знакомого ему Крыстю Белева вступил в контакт с советской военной разведкой. Выполнял её задания и, в частности, будучи хорошим картографом, составил полную и точную карту черноморского побережья с указанием всех баз и укреплений. В начале 2-й мировой войны создал в Варне разведывательную группу (14 человек): Антон Прудкин – военный руководитель, Димитр Павлов («Агата») – политрук, Петр Николов, Иван Тодоров Маринов, Коста Стоянов, Георгий Бураханларски, Йордан Иванов Найденов, Ангелина Йорданова Найденова, Стоян Енев Атанасов, Димитр Н. Панайотов, Никола Киров Николов, Петр Николов Петров, Стоян Иванов Попов. В составе группы была и жена «капитана Андрея» Мария Федоровна, медсестра в государственной больнице Варны (1937–1941).

Группа поддерживала связь с Центром через сотрудников торгового консульства СССР в Варне, советского военного атташе в Софии и по морскому каналу с помощью моторки «Единство». Выходя в море якобы для рыбной ловли, члены группы встречались далеко от

берега с советскими кораблями и подводными лодками, передавали добытые сведения и материалы, получали деньги, оружие и взрывчатку. Невзирая на постоянный надзор полиции Прудкин («капитан Андрей») успешно осуществлял свою деятельность и даже дважды выезжал для выполнения заданий в Турцию и Грецию. В апреле – июле 1939 года Антон Прудкин участвовал в акции спасения болгарских евреев. На корабле «Свети Никола», капитаном которого он был, перевезены были из Бургаса и Варны в Палестину почти 1300 человек.

В задачу группы входили и диверсии, но приступить к ним они не успели. Произошел провал (полицейский агент зафиксировал его встречу с сотрудником советского консульства в пивной «Почивка»), Прудкин и некоторые его соратники были арестованы (21 июля 1941 г.). «Капитан Андрей» был подвергнут пыткам на следствии, но ничего не сказал о своей конспиративной деятельности. Но тем не менее его и Петра Николова приговорили к смертной казни (10.10.1941 г.) «по обвинению в саботаже», тогда как остальные получили пожизненное заключение или 10–15 лет тюрьмы. 01.08.1942 г. Антон Макарович Прудкин был повешен в варненской тюрьме. Посмертно награжден орденом Отечественной войны II ст. (1969).

Мария Федоровна арестована и приговорена 10.10.1941 к пожизненному лишению свободы. «В тюрьме тов. Прудкина вела себя хорошо, имела правильную политическую ориентацию и проявляла ненависть к фашистской власти» (ЦК БКП, 13.02.1961). После освобождения (09.09.1944 г.) работала в учреждениях и на предприятиях г. Варны, член БКП с мая 1946 г. В октябре 1956-го выехала на постоянное жительство в СССР. Персональный пенсионер республиканского значения.

Георгица Карастоянова

Она вместе со своим мужем Александром Гавриловым Карастояновым активно занималась подготовкой Сентябрьского восстания 1923 года в г. Лом, в самом восстании участвовала в качестве руководителя санитарной службы и агитатора. Мужа Георгицы Александра захватили правительственные войска и без суда и следствия расстреляли. Она сама была приговорена в 1924-м к смертной казни, но впоследствии амнистирована. Занималась партийной работой в Болгарии и других странах.

Спасаясь от преследований полиции, она уехала в СССР, прошла специальную подготовку и по линии Коминтерна вместе мужем Димитром Илиевым направлена в Китай, где они проработали почти 2 года (1932–1933). Работая под «крышей» австрийской торговой фирмы «Штерн» Георгица и Димитр вели наблюдение за деятельностью японцев в Маньчжурии, связь с Москвой поддерживали по радио. Последующий год с небольшим они выполняли разведывательные задания во Франции и Германии, потом вернулись в Москву, там Георгица руководила сектором болгарских женщин в Коминтерне.

Вернувшись вместе с мужем в Болгарию в 1934-м, она занималась партийной и разведывательной работой. Связь поддерживала с некоторыми разведывательными группами и резидентами советской военной разведки в стране. Источниками её информации являлись, в частности, офицеры болгарской армии, в их числе и командир дивизии. Сведения в Москву передавались по радио. Несколько лет Георгица была интернирована, как коммунистка, в концлагерях в Несебре и Ардино (1938–1942 гг.). А адвокат Димитр Илиев («Император») продолжал их общее дело. Выйдя из лагеря в конце 1942 г. Георгица продолжает выполнять партийные и разведывательные задания. 30 марта 1944 г. она попадает в полицейскую засаду, когда спешит из Бояны в Софию с важными сведениями, предназначенными для передачи в Центр. По официальной версии она погибла во время авиационного налета.

Димитр Апостолов

Его полное имя Димитр Апостолов Иванов, комсомольский, партийный и мопровский работник (1929–1940), сотрудничал с советской военной разведкой (1940–1944), сам занимался разведкой и курировал деятельность нескольких разведгрупп. После войны служил в народной милиции, был на ответственной партийной работе в столице.

Марин Калбуров

Офицер запаса болгарской армии Марин Маринчев Калбуров получил предложение стать советским разведчиком еще в 1930 г., когда работал инженером на чехословацком заводе «Колбен-Данек» (инженерное образование он получил в Чехословакии). Входил в нелегальную резидентуру Ивана Крекманова. Примерно два года спустя его назначили представителем чехословацких оружейных заводов «Збройовка» в Болгарии. Кроме того, в Софии у него был и свой бизнес – техническое бюро, которое занималось импортом различного оборудования из ЧСР и Германии, в том числе и оружия. Как бывший депутат от правящей партии он имел хорошие связи в правительственных кругах. В середине 1930-х Калбуров вместе с главным резидентом И. Винаровым дважды нелегально побывал в Москве, где встречался с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым, объявившим им благодарность за хорошо выполненные задания. Калбуров был также сотрудником Министерства общественных сооружений, путей сообщения и благоустройства, занимался вопросами электрификации страны. Без провалов Марин работал до самой Победы. После 1944 г. занимал ответственные посты в учреждениях, занимавшихся электрификацией Болгарии.

Петко Петков

В прошлом партийный и профсоюзный активист, работал на телеграфно-телефонной фабрике, на АТС «Военное училище» в Софии. Выполнял задания советской военной разведки (август 1941 – сентябрь 1944) в Софии, Бургасе и Пловдиве. Как писал сам П.С. Петков: «На меня была возложена задача следить за ответственными сотрудниками правительства, за передвижениями германских эшелонов и выявлять расположение германских складов». Работу ему облегчало наличие специального пропуска, который выдавали телефонным техникам. Он позволял им передвигаться по городу в любое время дня и ночи. Была у него возможность подслушивать телефонные разговоры. «В связи с полученным заданием я имел возможность добывать сведения, исходящие от многих ответственных правительственных чиновников, близких к немцам, таких как генералы Луков, Лукаш и другие. Мой одноклассник фельдфебель-стажер Стефан Николов, который работал в Военном министерстве, в инспекции инженерных сооружений, передавал мне материалы по военно-инженерным сооружениям на наших границах, соответствующие германские инструкции». В марте – июне 1944 г. Петков находился по телеграфно-телефонным делам в Бургасе, а в июне – сентябре 1944 г. в Пловдиве, он и там продолжал свою разведывательную деятельность. Информацию Петко Петков передавал нескольким связным.

Маня Радева Енчева

Болгарская коммунистка, окончившая Международную Ленинскую школу в Москве, сотрудничала с советской военной разведкой в 1939–1941 и 1942–1944 гг. В 1941–1942 гг. был интернирована в концлагере Св. Никола. Работала вместе с мужем Дочо Колевым, с Георгицей Карастояновой и Стефанкой Богдановой. «В разведке моя работа, как и других

товарищей, заключалась в сборе данных военного и экономического характера и передаче их по нашему каналу».

Дочо Колев (полное имя: Дочо Колев Йоловски)

Выполнял задания советской военной разведки в 1938–1944 гг. с перерывом. Зимой 1940–1941 гг. объехал север страны, собирая сведения о численности немецких войск и подготовке дунайских портов к агрессии против СССР. Интернирован как коммунист в концлагере «Еникой» (сентябрь 1941 – ноябрь 1943). Впоследствии продолжал разведывательную деятельность.

Иван Петков.

Прямую связь с советской военной разведкой поддерживал Иван Петков, владелец пошивочной мастерской, где и происходили некоторые контакты. От своей дочери, работавшей в адресной службе, он узнавал о готовящихся властями арестах, полицейских облавах и обысках. Такая информация позволяла во многих случаях предотвратить провалы в разведгруппах.

Марин (Минчо) Христов

Он стал участником революционного движения еще будучи гимназистом, в армии он изучил почтово-телеграфное дело и в 1936 г. вступил в ряды БКП. Направлен партией в Софию в 1941 г., после 22 июня, в помощь советской разведке. Как радист Марин обеспечивал связь с Москвой из своей студенческой квартиры в софийском квартале Лозенец. Немцы запеленговали его рацию в июле 1943 г., Марин был арестован и после пятидневных изтязаний расстрелян без суда и следствия. Никого из известных ему людей не выдал.

Васил Димов Илиев

Опытный партийный работник – подпольщик Васил Димов Илиев (он же Васил Димов, «Пеко», «Морской»), руководил нелегальным партийным каналом связи Варна – Румыния – Чехословакия – СССР (1927–1931), прошел подпольную разведывательную подготовку в Вене, Австрия, с 1928 наряду с партийными поручениями выполнял также и задания советской военной разведки, за участие в коммунистическом движении сидел в тюрьме в Болгарии (1931–1934 гг.). Вновь на партийной и разведывательной работе, отвечал за морской канал связи с СССР (июнь 1939 – сентябрь 1944 г.). В 1941–1944 гг. от него поступала в Центр весьма важная информация. Одним из его агентов был хорват Иво Лазаревич, капитан германской армии, сотрудник филиала абвера в Варне. После антифашистского восстания 9 сентября 1944 г. В.Д. Илиев служил в органах Госбезопасности Болгарии.

Медицина и разведка – его профессии

Балиев Христо Янакиев (в СССР: Христо Баяневич или Христиан Балиевич Янакиев) получил хорошее образование: окончил гимназию в Болгарии (1911 г.), медицинский факультет Неаполитанского университета в Италии (1919–1921 гг.). Владел французским и итальянским языками. Во время учебы в Неаполе был включен в состав миссии РСФСР по репатриации находящихся в Италии русских военнопленных. Вместе с репатриантами выехал

в Одессу (1920 г.), где вступил в РККА и в составе армии принял участие в советско-польской войне.

Позднее был отозван в Одессу и включен в интернациональную разведгруппу (болгары, итальянцы, венгры, чехословаки), ее члены через Турцию должны были выехать в различные страны Европы для работы в русской эмигрантской среде. В Константинополе члены группы были арестованы и 4 месяца провели в тюрьме, сначала итальянской, а затем французской. Освобождены белогвардейским генералом Я.А. Слащевым – Крымским (который вскоре перебрался в Советскую Россию), и разъехались в соответствии с полученными заданиями.

Балиев поселился в родном городе Орхание, работал врачем («свободная медицинская практика»), выполнял разведывательные и партийные задания (1921–1925 гг.), один из создателей профсоюза медико-санитарных работников. Участвовал в Сентябрьском восстании 1923 г. и октябрь – ноябрь провел в тюрьме. После освобождения продолжал прежнюю деятельность.

Позднее он выезжал по заданию Военного отдела ЦК БКП в Париж, провел там более 2,5 лет (апреле 1925 – ноябре 1927 г.), выполняя специальные задания, работая в полпредстве СССР, занимаясь репатриацией русских военнопленных времен 1-й мировой войны, «работал среди экономической и политической болгарской эмиграции».

Направлен в Москву по линии МОПРа (декабрь 1927 – декабрь 1928 г.), вступил в ВКП(б) (март 1928), стал аспирантом наркомата здравоохранения СССР при Институте охраны материнства и детства. И вновь выполнял специальные задания, на этот раз в Италии, где находился под легальным прикрытием – оперативный работник, старший консультант, заместитель заведующего промэкспорта в торгпредстве СССР в Милане (1928–1934 гг.). С 1929 г. женат на француженке Жулии Фернанде Шейрон.

Вернувшись в СССР Христо работал вне военного ведомства: был старшим консультантом Союзпромэкспорта наркомата внешней торговли СССР (1934–1936 гг.), директором санатория для ученых при Комиссии содействия ученым при СНК СССР (1936–1938 гг.). Не избежал ареста органами НКВД в 1938 г., обвинялся по ст. 58, п. 6 – «шпионаж» УК РСФСР и в том же году освобожден «в связи с отсутствием обличающих материалов». Старший медицинский инспектор при наркомате здравоохранения СССР (1938–1940 гг.), директор поликлиники АН СССР в Москве (1940–1941 гг.).

В период Великой Отечественной войны находился на военно-санитарной службе: был начальником санитарной службы запасного артиллерийского полка (1941–1942), потом на той же должности в учебном центре Северного фронта ПВО в Москве (декабрь 1942 – январь 1945 г.). Балиев был уволен в запас Красной Армии в звании майора медицинской службы и в феврале 1945 г. вылетел самолетом в Болгарию, вместе с ним летела к мужу Галина Петровна Винарова. На родине Христо работал в основном по своей первой специальности. Награжден орденом Г. Димитрова (НРБ, 1972), Трудового Красного Знамени (СССР, 1967), медалью «За оборону Москвы» (1944). Доктор медицинских наук. Народный врач НРБ (1967), почетный гражданин г. Софии (1967).

От рядового разведчика до резидента

Генчев Христо Велков (в СССР: Христо Волкович Генчев, Христо Волков; пс.: Кристо) окончил гимназию (1909–1917 гг.), юридический факультет Софийского университета (1918–1922 гг.), до учебы в вузе служил в болгарской армии в артиллерии, рядовым (май 1917 – ноябрь 1918 г.). Потом занимался крестьянским трудом, был на комсомольской и партийной работе. Получив высшее образование Христо становится курьером в нелегальной партийной группе Г. Чочева, которая обслуживала канал связи Варна – Севастополь, Варна-Одесса

(1922–1923 гг.).

С июля 1923 г. он находился в СССР, окончил там курсы ЧОН в Тамбове (1923–1924 гг.). Вместе с Иваном Винаровым, Григором Чочевым и другими активистами принимал участие в операции по восстановлению морского канала связи Болгария – Советский Союз, занимался переброской оружия и литературы для БКП (июнь – август 1924 г.).

13.08.1924 г. арестован болгарской полицией у с. Св. Влас в районе Бургаса, при аресте оказал вооруженное сопротивление, в полиции подвергался пыткам. Через семь месяцев был осужден на 5 лет тюремного заключения, но в декабре 1927 г. вышел на свободу по амнистии.

Покинув родину Генчев продолжил изучение права на юридическом факультете в Граце, Австрия (декабрь 1927—ноябрь 1933 гг.), в то же время был там секретарем партийной группы содействия БКП (1929–1930 г.). Войдя в Вене в состав группы Ивана Винарова, которая действовала в Европе по линии «активки», оставил партийную работу. Винаров позднее писал: «Чрезвычайно ценным помощником у меня был кадровый разведчик, болгарин Христо Генчев». После отзыва Винарова в Москву сменил его на должности главного резидента, расширил теперь уже свою организацию. Среди удачных операций Генчева называют получение чертежей нового вооружения с помощью главного инженера заводов Круппа. Но был арестован австрийской полицией (ноябрь 1933 – август 1934 г.), а в октябре 1934 г. выслан из страны. Через Швейцарию, Италию и Турцию он приехал в СССР.

Генчев окончил курсы и стажировался в Военной прокуратуре СССР, вел следствие по небольшим делам (1934–1935 гг.). Окончил аспиратуру Коммунистического университета национальных меньшинств Запада в Москве (1935–1936 гг.), работал в Коминтерне, преподавал историю ВКП(б), историю народов СССР в вузах. В своих провалах обвинял И. Винарова и И. Крекманова, хотя они отбыли в Москву до его ареста.

Репрессирован 16.02.1938 г. «по подозрению в шпионаже и провокаторской деятельности». Приговорен 26.05.1938 г. к 8-ми годам ИТЛ. Отбывал срок на Колыме. Реабилитирован 16.02.1956 г. в СССР и в 1989 г. в Болгарии.

Основные источники

Белоусов Н. Под името «Алюр». София, 1974.

Богданов С. Две смърти няма, а без една не може. София, 1991.

Българи борци за свободата на други народи. София, 1963–1973. Кн.1–4.

В първите редици: Спомени на работници от съобщенията, участвували в борбата срещу капитализма и фашизма. София, 1979.

Винаров И.Ц. Бойци на тихия фронт: Спомени на разузнавача. София, 1969.

Димитров Б. Живот за почит. София, 1988.

Димитров Д. Георгица. София, 1987.

Дойчинов Д. Фронт без огнева линия. Пловдив, 1981.

Калоферова В. За да не умреш приживе… София, 1983.

Кондов Т. Передает «Боевой»: Документальная повесть. М., 1972.

Невидимите барикади. София, 1968–1975. Кн.1, 2.

Недев Н. Секретни операции: Офицер от разузнаването попада в полицията. Варна, 1988.

Недев Н. Тайната война или летопис за д-р Александър Пеев и генерал Никифор Никифоров. София, 1984.

Недев Н. Червената ескадра: Д-р Александър Пеев, генерал Никифор Никифоров и радиостанция «Боевой». София, 1980.

Недев Н. Генерал Владимир Заимов: Личност, дело, епоха. София, 1973.

Ненов П. Смъртните присъди на Антон Прудкин. София, 1986.

Несломим отряд. София, 1979.

Панайотов П. Българи в борьбе за советскую власть, 1917–1920 гг. София, 1967.

Панов Й. Наричаха ни конспиратори. София, 1970.

Под знамето червеното. София, 1973.

Път к безсмъртието. София, 1980.

Радев Н. Истина без давност: Епизоди от антифашистката борба във варненския край през 1941–1944 година. София, 1985.

Стойнов Б. Бойните групи, 1941–1944 год.). София, 1969.

Стоянов К. Антифашистката борба във Варненски партиен окръг, 1939–1944 гг. София, 1978.

Библиография

Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Книги

а) Отечественные:

Аблова Р. Т. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма. М., 1973.

Азаров А., Анохин Ю. «… А до смерти четыре шага». М., 1970.

Алексеев М.А. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае, 1930–1933 гг. М., 2010.

Алексеев М.А. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в

Японии, 1939–1941 гг. М., 2017. Кн.1,2.

Алексеев М. А. Военная разведка России. М., 1998–2001. Т. 1–3.

Алексеев М.А. 22 июня…: О чем предупреждала советская военная разведка. М., 2020–2021. [Кн.] 1, 2.

Алексеев М.А. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М., 2010.

Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Советская военная разведка, 1917–1934 гг. М., 2019.

Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Советская военная разведка накануне войны, 1935–1938 гг. М., 2019.

Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945 гг. М., 2012.

Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. М., 1960.

Ардаматский В. И. Две дороги: Роман в двух книгах. М., 1974.

Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997.

Бобренев В. А. За отсутствием составапреступления. М., 1998.

Болтунов М. Е. Ахилесова пята разведки. М., 1999.

Болтунов М. Е. Дипломаты в погонах. М., 2011.

Болтунов М.Е. Разведчики, изменившие мир. М., 2009.

Болтунов М.Е. Стратегическая разведка ГРУ. М., 2014.

Бочкарев В. В. 60 лет деятельности в ГРУ. М., 2003.

Бочкарев В. В., Колпакиди А. И. Суперфрау из ГРУ. М., 2002.

Браун О. Китайские записки, 1932–1939. М., 1974.

Ваксберг А. Нераскрытые атйны. М., 1993.

Васильев О. А., Дмитриенко М. Ф. Лайош Гавро. М., 1977.

Вернер Р. Соня рапортует: Подвиг разведчицы. М., 1980.

Вишнякова – Акимова В. В. Два года в восставшем Китае, 1925–1927. М… 1980.

ВКП(б), Коминтерн и Китай. М., 1994–1999. Т. 1: 1920–1925; Т. 2: 1926–1927, ч. 1, 2; Т. 3: 1927–1931, ч. 1, 2.

Военная академия им. М. В. Фрунзе. М., 1980.

Военная разведка информирует: Документы Разведуправления Красной Армии, январь 1939 – июнь 1941 г. М., 2008.

Военная разведка России: 200 лет. М., 2012.

Вологодцев Л. К. и др. Воздушный флот иностранных государств. М., 1923. Ч. 1: Европейские страны. (По данным 1922— 23 г.).

Вольф М. Игра на чужом поле. М., 1998.

Воробев Е. З. Земля, до востребования. М., 1970.

Воспрянет род людской. М., 1960.

Встретимся после задания. М., 1973.

Гладков Т. Награда за верность – казнь. М., 2000.

Глазами разведки: СССР и Европа, 1919–1938 годы. Сборник документов из российских архивов. М., 2015.

Го Шаотан (А. Г. Крымов). Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990.

Давидович Д. С. Гамбург на баррикадах. М., 1985.

Даллин Д. Шпионаж по-советски: Объекты и агенты советской разведки, 1920–1950 гг. М., 2001.

Дашиньский С., Радопольский Я. Подготовка войны против СССР. М.; Л., 1929.

Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. М., 2000.

Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история». М., 2000.
Кегель Г. В бурях нашего века: Записки разведчика-антифашиста. М., 1987.
Кипнис С. Е. Новодевичий мемориал: Некрополь монастыря и кладбища. М., 1998.
Кожевин В. Е. Подвиг красногвардейцев Забайкалья. Улан-Удэ, 1982.
Колпакиди А.И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М., 2010.
Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. М., 2000.
Кондов Т. Передает «Боевой». М., 1972.
Кондрашев В.В. Знать все о противнике. М., 2010.
Кондрашев В.В. История отечественной военной разведки: (Документы и факты). М., 2012.
Корольков Ю. М. Где-то в Германии: Документальная повесть. М., 1971.
Кочик В.Я. Разведчики и резиденты ГРУ за пределами Отчизны. М., 2004.
Кронштадсткая трагедия, 1921 год: Документы. М., 1999. Кн. 1, 2.
Лед и пламень. Владивосток, 1976.
Лота В.И. «Альта» против «Барбароссы»: Как были добыты сведения о подготовке Германии к нападению на СССР. М., 2004.
Лота В.И. Без права на ошибку: Книга о военной разведке, 1943 год. М., 2005.
Лота В.И. ГРУ и атомная бомба. М., 2002.
Лота В.И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005.
Лота В.И. Тайные операции Второй мировой: Книга о военной разведке, 1944 год. М., 2006.
Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ – дела и люди. М., 2002.
Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: В 2-х кн. М., 2005. Кн.1, 2.
Мильштейн М. Сквозь годы войн и нищеты. М., 2000.
Мужество. М., 1971. Кн. 1.
Муриев Д. З. Осетии отважные сыны. Орджоникидзе, 1974.
Мы – интернационалисты. М., 1986.
Никольский В. А. Аквариум – 2. М., 1997.
Никольский В.А. ГРУ в годы Великой Отечественной войны. М., 2005.
Побережник С. Я. Крутые перевалы. М., 1975.
Позняков В.В. Советская разведка в Америке, 1919–1941 гг. М., 2015.
Пятницкий В. И. Заговор против Сталина. М., 1998.
50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968.
Равич Н. Мододость века. Война без фронта. М., 1972.
Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М., 1973.
Расстрельные списки: Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2000.
Русская армия генерала Врангеля: Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003.
Савич О. Два года в испании, 1937–1939. М., 1975.
Селеменов В., Шимолин В. Забытые агенты Кремля. Минск, 2003.
Советско-американские отношения: Годы непризнания, 1918–1926. М., 2002.
СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. сентябрь 1938 г. – август 1939 г. М., 1971.
Старинов И. Записки диверсанта. М., 1997.
Стежинский М. Радиотелеграф как средство разведки. М., 1929.
Сувениров О. Ф. Трагедия РККА, 1937–1938. М., 1998.
Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – авгу ст 1922 г.).

Подготовка. проведение, итоги. Сборник документов. М., 2002.
Танкаева Л. К. Дойти до самой сути. М., 1997.
Томин В. Большой шеф Красной Капеллы. М., 2005.
1941 год: В 2-х книгах М., 1998. Кн. 1, 2.
Ферми Л. Атомы у нас дома. М., 1959.
Хогертон Дж. Ф., Рэймонд Э. Когда Россия будет иметь атомную бомбу? М… 1948.
Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. М., 1995.
Чекисты: Сборник. М., 1970.
Черкасов П.П. ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений): Портрет на фоне эпохи. М., 2004.
Черушев Н.С. Невиновных не бывает: Чекисты против военных (1918–1953 гг.). М., 2004.
Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003.
Шкловский В. Б. Сентиментаьлное путешествие. М., 1990.
Штейнберг В. А. Чарлз Скотт, его друзья и враги: О Карле Янсоне. М., 1983.
Эйснер А. В. Двенадцатая интернациональная. М., 1990.
Яковлев Е. Пять историй из пяти стран. М., 1968.
Янсен М. Суд без суда, 1922 год: Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

б) Зарубежные:
Българи – Герои на Съветсия Съюз и носители на орден «Ленин». София, 1983.
В първите редици. София, 1979.
Винаров И. Ц. Бойци на тихия фронт: Спомени на разузнавача. София, 1969.
Гочев Г. «Бюро д-р Делиус». София. 1969.
Гарбовски Р. Разгромът. София, 1988.
Димитров Д. Георгица. София. 1987.
Катарджиев И. Борьба до победа. Скопје. 1983. Т. 1. 2.
Кондов Т. Передава «Боевой». София, 1970.
Македонский вопрос в документах Коминтерна. Скопје, 1999. Т. 1.
Наумов Д. Конвой. София, 1992.
Невидимите барикади. София, 1968–1975. Кн. 1, 2.
Недев Н. Генерал Владимир Заимов. София, 1973.
Недев Н. Секретни операции. София. 1988.
Недев Н. Тайная война. София. 1988.
Ненов П. Смъртните присъди на Антон Прудкин. София, 1986.
Панов Й. Наричаха ни конспиратори. София, 1970.
Последната им дума. София.1969.
Рамо до рамо: Спомени и очерци за българи – командири от Червената армия. София, 1981–1984. Кн.1, 2.
Стоянов К. Антифашистката борба в Варненски партиен окръг, 1939–1944. София, 1978.
Томов Г. Бургаската окръжна партийна организация, 1917–1925. София, 1972.
Христозов Н. Гарнизонное стрельбище. София, 1986.

Accoce P., Quet P. La guerre a ete gagnee en Suisse: L’affaire Roessler. Pfris, 1966.
Amort C., Jedlicks I. Hleda se zradce X. Praha, 1968.

Arsenijevic D. Geneve appelle Moscou. Paris, 1969.
Blank A. S., MaderJ. Rote Kapelle gegen Hitler. Berlin, 1979.
Gebhart J. 2245 dnu odporu. Praha, 1980.
Haynes J. E., Klehr H. Venona. New Haven; London, 1999.
Holy J. Novinar Kurt Konrad. Praha, 1985.
Kavan F. Komando statecnych. Praha, 1970.
Kozaczuk W. Bitwa o tajemnice. Warszawa, 1975.
Kegel G. In den Sturmen unseres Jahrhunderts: Ein deutscher Kummunist uber sein ungewohnliches Leben. Berlin, 1983.
Mitarevsky N. World wide Soviet plot. Tientsin, 192-.
Rado S. Dora Nadaje… Warszawa, 1976.
The Rote Kapelle: The CIA‘s history of Soviet inrtlligence and espionage networks in Western Europe. Washington, 1974.
Svoboda L. Cestami zivota. Praha, 1971.
Tanenhaus S. Whittaker Chambers. New York, 1998.
Werner R. Sonjas Rapport. Berlin, 1984.

Статьи

а) Отечественные:

Аверьянов П. Доллары и пулеметы для диктаторы пролетариата // Независимая газета. Мюю 1992. 16 декабря.
Александров М. Разведчик, который не одинок // Ленинское знамя. М., 1989. 19 марта.
Алешкин А. Страницы из секретного архива // Дарьял. Владикавказ, 1992. № 2. С.219–230.
Алиев К. Тайны биографии Джаллала Коркмасова // Махачкалинские известия. Махачкала, 2003. 11 июля. № 28.
Атанасова П. Послание из прошлого // Красная звезда. М., 1989. 23 сентября.
Белан Н. Комиссар разведки // Советская Россия. М., 1989. 26 ноября.
Воробьев Е. Человек, непохожий на самого себя // Пограничник. М., 1987. № 12. С.32–42.
Вятский А. У истоков подвига // Волга. Куйбышев, 1965. № 36. С. 89 – 121.
Геллер Ю. Начальник военной разведки // Красная звезда. М., 1965. 2 марта.
Голяков С., Понизовский В. Начальник разведки // Комсомольская правда. М., 1964. 13 ноября.
Горбачева Ю., Селютин С. Мне удалось недорого купить автоматическую авиационную пушку // Общая газета. М., 1996. 5 мая. № 17.
Горбунов Е. А. Дело Алекса лежит на де «Аквариума» // Общая газета. М., 1997. № 2.
Горбунов Е. А. Военная разведка в 1934–1939 годах // Свободная мысль. М., 1998. № 2. С. 98 – 109.
Горчаков О. Ян Берзин: судьба командарма невидимого фронта // Новая и новейшая история. М., 1989. № 2. С. 136.
Гурин Г. Жизнь – подвиг // Горизонт. Рига, 1975. № 16. С. 21–22.
Демкин С. Альфред Муней – англичанин // Вокруг света. М., 1990. № 9 – 11.
Донесения «Алекса» из Германии // Гудок. М., 1991. 18 декабря.
Донской Вл. Судьба разведчика // Утро России. Владивосток, 1991. 18–20 июня.
Журавлев С. В. Человек революционной эпохи: судоба эссера-террориста Г. И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. М., 2000. № 3. С. 87 – 105.
Зиновьев А. Кто был Конрад Кертнер? // Славные сыны Башкирии. Уфа, 1979. Кн. 4.

С.186–191.

Зиновьева А. Этьен очень любил их // Сударушка. М., 1995. 17 января. № 3.

Зиновьева А. Этьен и Надежда // Красная звезда. М., 2002. 2–5 июля.

Ивашутин П. И. Докладывала точно: (Воспоминания о минувшей войне) // Военно-исторический журнал. М., 1990. № 5. С. 55–59.

Фанни Каплан или кто стрелял в Ленина: Сборник документов. Казань, 1995.

Карасева Н. Так и оснанется неизвестным // Рабочая трибуна. М., 1990. 7 ноября.

Кемзанс И. От меча солнце взошло, или Всматриваясь в жизнь Волдемара Озолса // Гориont. Рига, 1989. № 2. С. 30–32.

Крустыньсон М. Арвид Зейбот // Коммунист Советской Латвии. Рига, 1970. № 2. С.79–80.

Крылов С. Поединок // Советская милиция. М., 1967. № 6. С. 72–74.

Крымов В., Луканин В. Мужество военного разведчика // Красная звезда. М., 1965. 23 февраля.

Литвин А. Азеф Второй // Родина. М., 1999. № 9. С.81.

Лота В. Карьера агента АВС // Совершенно секретно. М., 2003. № 4.

Лота В. План «Z» отменяется навсегда // Красная звезда. М., 2001. 3 ноября.

Лота В. Резидент Мария // Совершенно секретно. М., 1999. № 11.

Лота В. Правда о дядюшке Шандоре // Совершенно секретно. М., 2000. № 1.

Лота В. «Разрешите жениться на время командировки…» // www.redstar.ru.

Лота В. Хорошо, что не посмертно // Совершенно секретно. М., 1999. № 6.

Мамсуров Х. – У. Д. В первые дни войны: Воспоминания // Московские новости. М., 1988. 17 июля. № 29.

Мамсурова П. В. Мадрид. Ноябрь 1936 г. // Шпион. М., 1994. № 2. С. 93–98.

Мар Н. Лео из Ла Риоха // Литературная газета. М., 1970. 6 мая.

Матросов В. Человек – огонь // Советская молодежь. Рига, 1965. 19–21 сентября.

Молчанова Е. «Алекс» выходит на связь… // Ленинградская парвда. Л., 1986. 31 декабря.

Павлов А., Сарновский С. Возвращение Мулата // Российская газета. М., 1994. 22 октября.

Павлов А. Г. Военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Военный парад. М., 1998. № 1. С. 106–108.

Полякова М. И. По заданию Я. К. берзина // Военно-исторический журнал. М., 1990. № 3. С. 58–62.

Понизовский В., Кудрявцев В. За час до рассвета: Документальная повесть // Понизовский В. Имя на крыльях М… 1968. С. 86 – 121.

Попова-маневич Т. Л. Отец, каким я его помню // Неман. Минск, 1984. № 5. С. 135–148.

Пороскоов Н. Неизвестный солист «Красной Капеллы» // Красная звезда. М., 1998. 17 июня.

Пороскоов Н. Ян Черняк – нелегал // Красная звезда. М., 1995. 15 апреля.

Сгибнев А., Кореневский М. Солдат невидимого фронта // Красная звезда. М., 1972. 23, 25, 27, 29 января, 1 февраля.

Сгибнев А., Кирьязов В. У разведчиков есть имена // Красная звезда. М., 1984. 4–6 сентября.

Сгибнев А., Кирьязов В. Четыре года из жизни разведчика // Красная звезда. М., 1986. 19–21 агуста.

Семнадцать мгновений Христофора Салныня // Ежедневные новости. Владивосток, 2000. 28 июля.

Серов Е… Волгин В. Тайны военной разведки (1918–1945) // Армия. М., 1993. № 19–20.

Сидорчик А. Код «Красный»: Настоящая история Мелиты Норвуд // Аргументы и факты. М., 2019. 18 апреля.

Томин В. Последняя шифровка Харри // Секретные материалы. СПб., 2000. № 14.

М. Н. Тухачевский и «военно-фашистский заговор» // Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 1. С. 149–255; Вып. 2. С. 3 – 81.

Хрущев против Жукова: (Из стенографического отчета октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС) // Гласность. М., 1991. 3 – 17 октября.

Шамаро А., Зариньш В. Боевики // Молодой коммунист. М., 1966. № 4. С. 34–43.

б) Зарубежные:

Алтайски К. Пламенен агитатор // Българо-съветска дружба. София, 1977. № 7. С. 3, 10.

Белоусов Н. Какво са километрите… // Работническо дело. София, 1973. 7 ноября.

Белоусов Н. Предава «Алюр» // Поглед. София, 1970. № 7 – 10.

Белоусов Н. Първият съветски военен аташе в България // Поглед. Софи, 1972. № 13.

Васев Ч. Двойната игра // Български воин. София, 1983. № 10. С. 27–28.

Габровский Р. И ние бяхме щит и меч на революцията // Поглед. София, 1968. № 44. С. 16; № 45. С. 10.

Георгиева Л. Интернационалист о сетен дъх // Военноисторически сборник. София, 1988. № 3. С. 197–211.

Глинджев И. и др. Жлезни хора // Народна младеж. София, 1966. 4 – 21 августа.

Гунева Л. Матрос // Огни Болгарии. София. 1975. № 11. С. 6.

Дойчинов Д. Червеният комисар // Дойчинов Д. Паролата остава същата. Пловдив, 1984. С. 327–284.

Клайн И. Коммунист Курт Конрад // Социалистическая Чехословакия. Прага, 1986. № 9. С. 7.

Ковачев К. Варненцы в помощ на съветското командуване през 1939–1944 // Военноситорически сборник. София, 1983. Кн. 5. С. 143–146.

Крекманов И. Радиостанция «Ян Досталек» // Они Болгарии. София, № 5. С. 7–9.

Чанков В. Проваленият заговор // Български воин. София, 1983. «12. С. 27–28.

Blazek J. Antonin Kos // Hlas revoluce/ Praha, 1987. N 46. S. 5.

Doleħalová K. Operace Transfer: Jak čs. zpravodajci uprchli den před vyhlášením protektorátu // Internet: tiscali.cz. 2019. 4 červen.

Hajkova A. B. Vecna slava hrdinum, kteri se muzne bili… // Tribuna. Praha, 1971. N 47. S. 9.

YPK vola Moskvu // Nedel’na pravda. Bratislava, 1971. N 16–20.

Документальные фильмы

Великая Отечественная (1965).

Секретные архивы НКВД. Фильм 1-й: Тайная война.

Накануне; Фильм 2-й: тайная война. Расплата (1986).

Начальник разведки (1989).

Неженская роль (1997).

Человек по имени «Алекс» (1997).